ОЧЕРК
исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках

Автор выражает глубокую признательность
«Ассоциации чеченских общественных
и культурных объединений»
и ее председателю Мусаеву А.Н.
за финансовое содействие и товарищескую поддержку
в издании настоящего труда

Академия наук Чеченской Республики

Комплексный научно-исследовательский институт
Российской академии наук (г. Грозный)

МОО «Ассоциация чеченских общественных
и культурных объединений»

Я. З. Ахмадов

ОЧЕРК
исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках

**Благотворительный фонд
поддержки чеченской литературы
2009**

ВВК
УДК

ISBN
© Я.З. Ахмадов

Оглавление

Введение..... 7

Глава 1
Источники и историография Чечни в исследуемое время

§ 1. Документальные и нарративные источники 11
§ 2. Вопросы историографии Чечни в XVI-XVIII вв. 23

Глава 2
Географическое, этнотерриториальное и демографическое положение Чечни в XVI-XVIII веках

§ 1.Территория и природно-климатические условия страны 35
§ 2.Границы Чечни. Расселение и численность 42

Глава 3
Хозяйственные занятия чеченцев в XVI-XVIII вв. Образование единого хозяйственного пространства

§ 1. Земледелие. Равнинная Чечня как новый зерновой центр Северо-Восточного Кавказа..... 56
§ 2. Скотоводство горной и равнинной зон страны 72
§ 3. Кустарные промыслы и ремесла 80
§ 4. Торговые центры и пути сообщения. Внутренняя и внешняя торговля 94

Глава 4
Историческая география и политическая карта Чечни

§ 1. Место Чечни в северокавказском регионе 113
§ 2. Высокогорная часть края: от Малхисты до Кенхи 119
§ 3. Среднегорная и низкогорная зоны Чечни: от Цечоя до Нижалоя, от Галашек до Ичкерии 145
§ 4. Плоскостная Чечня: от Курпа до Ярыксу, от Карабулака до Ауха. Феодальные владения 170
§ 5. Надтеречная Чечня и Терско-Гребенское казачье войско 194

Глава 5
Система управления в Чечне в XVI-XVIII вв. Династия Турловых

§ 1. Управление в аульных общинах и в «вольных» обществах 210
§ 2. Династия Турловых в Чечне и феодальное устроение Чеченского княжества-сударства..... 218

Глава 6
Исламизация Чечни в XVI-XVIII вв. как фактор этнической консолидации нахов-чеченцев

§ 1. Распространение и утверждение ислама на территории края 231
§ 2. Мусульманское духовенство в общественной жизни Чечни XVIII в. 242
§ 3. Движение имама Мансура в 1785-1791 гг. как нациообразующее явление..... 247

Глава 7
Борьба трех империй за Кавказ. Политическое положение Чечни в XVI-XVII веках

§ 1. Международные отношения на Северном Кавказе в XVI в. Ших-мурза Окуцкий и установление вассально-союзнических связей с Московским государством 258
§ 2. Османо-иранские войны и Северный Кавказ. Чечено-русские взаимоотношения в конце XVI – первой половине XVII в. 280
§ 3. Чеченское княжество и вольные общества Чечни в международных отношениях на Кавказе второй половины XVII в. 291
§ 4. Терско-гребенские казаки и горцы в народных движениях на юге России 301

Глава 8
Взаимоотношения Чечни с Россией, восточными государствами и народами Кавказа в XVIII веке

§ 1. Чечня и Северный Кавказ в борьбе с экспансией России, Ирана и Крымского ханства в первой половине XVIII в.: от противоборства с Россией к складыванию системных связей 314
§ 2. Чечня и кавказские народы в политике России и Османской империи во второй половине XVIII в. Укрепление российской внешнеполитической ориентации 343

Заключение 347

Список сокращений 380

Приложение:
Основные статистические данные и список населенных мест Чеченской Автономной области на 1929-30 год. Владикавказ, 1930
Извлечения. 381

Введение

На современном этапе развития российской исторической науки как никогда высока потребность в обобщающих трудах по актуальным проблемам истории народов входящих в состав Российской Федерации. Это и объяснимо, только всестороннее законченное исследование истории области, республики или региона нашей страны в работе монографического характера, может послужить основой для создания единой истории такого огромного многонационального государства как Россия.

Северный Кавказ является крупным географическим регионом, многочисленные этнические единицы которого имели, наряду со своеобразием, глубокую общность исторических судеб. В пределах обозримого прошлого на протяжении тысячелетий, здесь происходили значительные политические события, касавшиеся зачастую многих стран и народов.

При этом в истории Северного Кавказа большую роль играли и играют народы т.н. нахо-дагестанской семьи языков занимавшие в регионе территорию от бассейна р.Самур на юго-востоке до верхнего течения Терека на северо-западе. В период XVI-XVIII вв. в собственно нахской среде происходило исторически длительное формирование чеченского народа, который в результате процессов внутренней этнической консолидации, освоения равнин и исламизации вырастает в серьезную политическую силу на Кавказе.

Данное издание – «Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках» – представляет собой монографическую работу, которая обладает научной новизной в решении крупной исследовательской проблемы в рамках большого хронологического периода. Здесь также приведен широкий фактологический материал, зачастую впервые вводимый в научный оборот.

В представленной работе учтено требование сегодняшнего дня – необходимость преодоления маргинальной части

современной историографии, имеющей тенденцию к реанимации и «творческому» развитию тезисов апологетов завоевательной политики царизма на Кавказе. Тех самых кто представлял горцев имманентно агрессивной нападающей стороной, а их общественный строй безнадежно отсталым, едва ли не родоплеменным. При этом понятно, что авторы, разделяющие подобные взгляды ничего общего ни с наукой, ни с идеологией современного российского общества не имеют. Носители подобных воззрений выпускают труды о Чечне, которые являются либо продуктом «грязной» информационной войны, либо относятся к жанру памфлета.

Настоящая книга задумывалась автором как научное исследование главных вопросов исторической географии, этнической, политической и общественно-социальной истории одного из крупнейших коренных народов Кавказа, развивавшегося в указанный период на стыке взаимодействия двух цивилизационных (европейской и восточно-исламской) «плит».

Наличие разновекторных цивилизационных начал складывавшихся вокруг Чечни на протяжении XVI-XVIII вв., наряду с собственным, весьма специфическим, общественно-экономическим типом и культурным менталитетом («горская цивилизация»), определили своеобразие развития чеченской нации, отраженного и в настоящем труде. Вместе с тем, указанные особенности чеченского народа ни в коей мере не несли в себе конфликтного начала.

Изучаемый в данной монографии период в развитии чеченского народа был ознаменован прежде всего формированием национального единства, принятием и утверждением монотеистической религии – ислама, крупными сдвигами социально-экономического и общественно-политического характера, протекавшими на фоне эпохального возвращения чеченцев на плоскость.

В XVI-XVIII вв. на Кавказе идет схватка трех империй: России, Ирана и Турции боровшихся за гегемонию в регионе. Поэтому во внешнеполитическом плане в данной работе исследуются и вопросы превращения Чечни в активный субъект политических дел на Северном Кавказе, не только расширявшего свое влияние в региональном поле, но и оказывавшего активное сопротивление экспансии великих империй.

Вместе с тем, определение хронологических рамок настоящего труда проистекает не только из этапов политики

великих держав на Кавказе, но и из факторов политического развития собственно горских и кавказских государств, феодальных владений и союзов «вольных обществ».

В целом, в порядке первоочередных задач исследования нами подняты вопросы, связанные с исторической географией Чечни, с общественно-политическим устройством страны и хозяйственными занятиями чеченцев в XVI-XVIII вв. Развитие земледелия, скотоводства и ремесел в ходе внутренней колонизации горцами равнинных земель Чечни послужило важнейшим фактором консолидации нации. К основным вопросам отнесены также распространение и утверждение ислама как влиятельного фактора становления чеченской нации.

По вполне понятным причинам важное место в труде занимают вопросы чечено-российских отношений как определяющих политическое положение страны в XVI-XVIII вв. Прослеживается в основных чертах и эволюция политики России в данном регионе – от поисков союзников и подданных для царского трона в XVI-XVII вв. до попыток колониальной инкорпорации в XVIII в.

Все это тем более важно, что без разрешения проблемы взаимоотношений народов Чечни с Россией в XVI-XVIII вв. невозможно написать подлинно научную историю страны, осмыслить как ожесточенное сопротивление горцев экспансии царизма, так и совместную борьбу трудовых масс чеченцев, русских и других народов против социального и национального гнета.

Объективное раскрытие русско-чеченских отношений в историческом прошлом поможет в борьбе с проявлениями, с одной стороны, шовинизма, с другой – национальной ограниченности. Бурный рост национального самосознания, происходящий сейчас в России, требует адекватных усилий представителей исторической науки по формированию объективных знаний о прошлом.

Сегодня историей Чечни чаще стали интересоваться не только иранские и турецкие ученые, но также историки Западной Европы и США. Много внимания уделяется истории Крымского ханства – вассала Стамбула и его отношениям с горцами Северного Кавказа. Причем западные, панисламистские и пантюркистские историки все чаще обращаются к периоду XVI–XVIII вв., когда шахи и султаны достигли наибольших успехов во внешних захватах, в том числе, и регионе Кавказа.

В заключение необходимо еще раз вернуться к вопросу о научной и практической значимости проблем, разрабатываемых в данной монографии.

Научно-практическое значение работы заключается, прежде всего, в том, что она дает систематизированное представление о важнейших сторонах истории складывания чеченского народа за большой временной период и позволяет высветить различные процессы жизни чеченского общества, которые ранее затрагивались недостаточно. Здесь исследуются вопросы нациообразования в тесной связи с проблемами исторической географии нахов, складывания единого хозяйственного поля, образования феодальных владений-княжеств и зарождения массовых движений общенационального характера.

Необходимо отметить, что изучение поднятых в нами данном исследовании вопросов наталкивалось на ряд трудностей объективного характера, вытекающих из неразработанности в исторической науке целого ряда важных аспектов прошлого горских народов. Автор вполне допускает, что положения работы могут и должны быть дополнены и доисследованы в ходе дальнейшего развития исторической науки.

Глава I. Источники и историография

§ 1. Документальные и нарративные источники

В перечне источников истории любого народа главными являются письменные документальные свидетельства. Период XVI – XVIII вв. в истории Чечни имеет документальную базу в различных архивохранилищах России и других стран.

Обращение в архивные хранилища не только расширяет и разнообразит круг источников по истории горских народов Северного Кавказа, в т.ч. чеченцев, но и позволяет раскрыть новые, невосполнимые ничем иным факты, обеспечивает возможность добыть важные сведения о самих этих источниках, их происхождении, степени надежности, точности, полноты и т.п. [1]

Следует отметить, что подавляющее число документов относительно территориального, общественно-политического и хозяйственного положения народов Чечни и Северного Кавказа в XVI-XVIII вв., собственно политики здесь русских царей, иранских шахов, турецких султанов и крымских ханов сохранилось именно в российских архивах. Этот огромный, насчитывающий тысячи дипломатических и прочих типов документов и дел корпус материалов, начиная с 40-х гг. XX в. стал подвергаться специальному изучению. Прежде всего, в этом плане следует назвать Е.Н.Кушеву, автора двух тематических статей, посвященных анализу русских документов XVI-XVII вв. о народах Северного Кавказ[1]. Е.Н.Кушева установила, что документы северокавказских дел сосредотачивались в ведении двух московских приказов (министерств) – Посольского приказа и Казанского дворца. Дела сохранились с 80-х гг. XVI в. до 1613 г. в отрывках, а с 1613 г. идут сплошной массой. Однако сохранились документы только Посольского приказа, архив приказа Казанского дворца был уничтожен пожарами. Составленные еще в XVII в. описи архивных дел свели все горские дела в «столпы Черкасские», а в конце XVIII - нач. XIX в. известный русский архивист Н.Бантыш-Каменский разбил «столпы Черкасские» на 4 серии: Кабардинские дела, Кумыцкие дела, Кайтацкие и

Андреевские дела[2]. Но для истории горских народов интерес представляют также Грузинские, Иранские, Турецкие, Крымские и Ногайские дела.

Статья обобщающего характера о состоянии российских архивных фондов по народам Северного Кавказа была подготовлена в свое время профессором Л.П.Пронштейном, известным специалистом по источниковедению. Автор охарактеризовал основные фонды северокавказских дел в российских архивах за XVI-XVII века, которые находятся в РГАДА, АВПРИ, МИД РФ, архиве Санкт-Петербургского отделения Института российской истории РАН (бывшее ЛОИИ) и сделал вывод, что наиболее полно в русских документах отражены вопросы политического положения народов Северного Кавказа в сложной международной обстановке XVI-XVIII вв., а не скажем их хозяйства, общественно-политического строя и т.п. Исследователь указал и на наиболее распространенные типы документации русских архивных фондов.[3]

Северокавказские историки, проводя огромную работу по поиску новых документов в российских архивах, предпринимали шаги и по их научному изучению и публикации. Источниковедение горских народов в 60 – 80-х гг. XX в. пополнилось работами той же Е.Н.Кушевой, а так же Е.О.Крикуновой, И.М.Павловой, Т.А.Исаевой, Я.З.Ахмадова, Г.М.-Р.Оразаева, М.М.Блиева, Р.М.Маршаева, В.Н.Сокурова и др., в которых исследовались как отдельные тексты документов так и целые группы грамот, главным образом XVI-XVIII вв.[4]

Известно, что Посольский приказ (основное государственное учреждение по внешнеполитическим делам царской России XVI-XVII вв.) сформировался в 1549 г.; в XVII в. приказ занимался и управлением вновь присоединенных территорий, в том числе и на Северном Кавказе.[5] Фонды архива РГАДА, сформировавшиеся в советский период на основе «столпов» Посольского приказа и бумаг Коллегии иностранных дел, многочисленны, ряд из них содержат едва ли не сплошной материал о политике России на Северном Кавказе в XVI-XVIII вв., международной обстановке в регионе, об отношениях России с Ираном (Персией) и Турцией (в том числе и по вопросу о горских народах)[6]. Материалы архива дают обильные сведения по внешней политике не только России, но и Ирана, Османской империи (с Крымским ханством) в их отношениях с горскими народами.

Ряд важнейших дел и комплексов документов из этих и подобных фондов были изданы в России в XIX - нач. XX в., в частности, усилиями А.Ф.Малиновского, Г.Ф.Карпова и Г.Ф.Штендмана, Ф.Лашкова[7] и др.

В советское время часть документов из Крымских и Турецких дел РГАДА были также изданы в двухтомном документальном сборнике «Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв.» составителями которого выступили Н.Ф.Демидова, Е.Н.Кушева и А.М.Персова.[8]

Большой интерес в плане источниковедения народов Северного Кавказа и Чечни представляют также материалы ф.77 (Сношения России с Персией) РГАДА за 1588-1720 гг. Частично они вошли в публикации документов Персидских дел, произведенных видным дореволюционным иранистом Н.И.Веселовским[9]. Персидские дела нашли себя и в трудах исследователя советского времени П.И.Бушева, в некоторых публикациях персидских документов армянских ученых[10] и т.д..

Основная часть архивных дел РГАДА, относящихся к чеченским и северокавказским делам, сосредоточена в ф.115 (Кабардинские, Черкасские и другие дела), насчитывающем на сегодняшний день 154 ед. хр. (с 1588 по 1719 г.). Остальная часть дел, начиная с 1720-21 гг., передана, впрочем, как и все другие кавказские дела, в Архив внешней политики России МИД РФ. Значительная и наиболее выразительная часть документов ф.115 опубликована в академическом издании «Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.» и широко использована в ряде работ.

Документы ф.101 (Дела Андреевской деревни), ф.116 (Кайтацкие дела), 121 (Кумыцкие и Тарковские дела) РГАДА, относящиеся главным образом к народам Дагестана, насчитывают около 120 дел. Отметим, что ряд документов из указанных фондов в известной мере опубликованы Р.Г.Маршаевым[11] .

Широкое освещение получили документы ф.110 (Грузинские дела), насчитывающие 771 ед.хр. Они публиковались (наряду с другими) в ценнейшем сборнике С.А.Белокурова, трудах М.А.Полиевктова, Г.Г.Пайчадзе[12] и ряда других. В целом они охватывают весь период XVI-XVIII вв. в русско-грузинских, а так же в русско-горских отношениях.

Собственно «кавказские» фонды РГАДА значительно дополняют материалы того же архива: ф.9 (Кабинет Петра Великого), ф.111 (Донские дела), ф.20 (Кубанские дела), ф.127 (Сношения России с ногайскими татарами), ф.131 (Татарские

дела) и ф.141 (Приказные дела старых лет), тянущиеся с конца XV в. по XVIII в. включительно. Здесь есть общие сведения по международным отношениям своего времени, так и конкретно по горским народам. Часть «Книг» ногайского фонда и Донских дел опубликована[13].

Таким образом, документальную базу истории Чечни (включая затрагиваемые автором вопросы), как и в целом народов Северного Кавказа, обеспечивают главным образом фонды РГАДА. Вместе с тем небесполезно обращение и в другие архивы.

Ценные источники имеются в архиве Санкт-Петербургского отделения Института истории Российской АН. Здесь находится документация Астраханской приказной палаты (ф.178), через которую в XVII в. проходила вся переписка царского двора с Терским городом и северокавказскими народами. Здесь же находятся таможенные записи, свидетельствующие о торговле горцев в российских городах.

Архив внешней политики Российской империи МИД РФ имеет документацию, связанную с взаимоотношениями России со странами Востока и Кавказом, начиная где-то с 20-х гг. XVIII в. Это, главным образом, документы фондов «Кабардинские дела», «Сношения России с Персией», «Сношения России с Грузией» и др.

Начиная с 30-х годов XVIII в. и по 80-е гг. того же столетия документы характеризующие и, весьма детально, русско-горские отношения в целом и русско-чеченские отношения в частности, сосредоточились в делах кизлярского коменданта. Ныне это богатый фонд насчитывающий свыше 4-х тыс. ед.хр. находится в Государственном архиве Республики Дагестан (г.Махачкала). Известная часть документов из фонда «Кизлярский комендант» была опубликована профессором В.Г.Гаджиевым[14]. Следует отметить, что именно «кизлярские» документы дают системное представление о многообразных русско-чеченских связях с 1735 по 80-е годы XVIII в. При этом, большая часть документов в центральных архивах по нашей тематике за указанный период носят вторичный характер, являются либо изложением, либо начальственной реакцией на «доношения» кизлярского коменданта и переправленные им документы и обращения горских князей и аульных обществ.

По истории русско-чеченских взаимоотношений и положении Чечни в целом конца XVIII в. представлены также материалы в Российском государственном военно-

историческом архиве (РГВИА), и в фондах Государственного исторического архива Республики Грузия[15].

Интересные, хотя и малочисленные, материалы о торговых делах терских чеченцев (окочан) обнаружены чеченскими историками в Государственном архиве Астраханской области и в Государственном архиве Ставропольского края.

Архивные документы, сосредоточенные в фондах указанных российских архивов, представляют собой следующие типы: царские грамоты горским князьям, наказы астраханским и терским воеводам, русским послам в Грузию, Иран, Стамбул и в Крым, материалы переговоров, различные «опросные речи», статейные списки, государственные грамоты, рапорты, письма, донесения и т.д. Широко представлены челобитные к царю, письма к воеводам (комендантам) и шертные записи горских вождей.

Анализируя официальные документы (письма и присяги чеченских феодалов и старшин, рескрипты, указы, доклады, отношения, донесения царских властей), необходимо учитывать что они не являются объективными первоисточниками вследствие того, что создавались сторонами в условиях ожесточенной борьбы великих держав за обладание Кавказом. Позиции авторов документов определялись прежде всего сословными и политическими интересами, причем последние носили конъюнктурный характер.

Так, представители царских властей на Тереке в XVI-XVIII вв. освещали происходящие события тенденциозно, порою враждебно по отношению к горским народам. С другой стороны, документы, исходящие от представителей Чечни носят зачастую наивно-монархический характер. Истинные настроения народных масс, их политические интересы, стремление жить в мире с Россией отражены лишь опосредованно, косвенно. Поэтому приходится строжайшим образом учитывать политические, сословные позиции составителей документов.

Все вышесказанное относится и к многочисленным публикациям документов. Так, из сборников документов, изданных до 1917г., большой интерес для нашей темы представляют «Акты Кавказской археографической комиссии» (Тифлис, 1866-1904 гг. Т 1-12). В них собран материал, иллюстрирующий действия России на Кавказе с XVIII в. по 50-е годы XIX в. Отдельные документы (в особенности помещенные в 1-4 тт.), используются в данной работе.

В «Полном собрании законов Российской империи» и «Сборнике Императорского русского исторического общества» можно найти отдельные данные, касающиеся политики Петра Первого на Кавказе и первого массового движения горцев Чечни и Северного Кавказа в 1707-1708 гг.

Важны для нашей темы и тексты договоров и соглашений XVI-XVIII вв. между Россией, Ираном, Турцией и закавказскими государствами[16]. Ряд сведений о политических и торговых связях народов Северного Кавказа и Чечни с Россией мы обнаружили в документах XVIII в., опубликованных в газете «Ставропольские губернские ведомости»[17].

В сборнике «Материалы по истории Дагестана и Чечни (Т.3, ч.1. Махачкала, 1940) представлены архивные данные о народонаселении, хозяйстве и политическом положении Чечни на рубеже XVIII – XIX столетий.

Несколько интересных сведений о русско-чеченских связях в XVIII в. изложены в сборнике документов, подготовленном Г.Кокиевым.[18]

Отдельного разговора заслуживают публикации документов последних лет. Самый значительный из них «Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII в.» (М., 1997) подготовленный замечательным русским кавказоведом Е.Н.Кушевой. Труд не был издан при жизни автора и эта работа была закончена выдающимся этнографом-кавказоведом Н.Г.Волковой. Документы российских архивов (главным образом РГАДА) приведенные здесь дают относительное представление не только о многообразных отношениях Чечни и России, но и о внутриполитическом и социально-общественном положении страны и ее этнотерриториальном устроении.

В 80-90-х гг. прошлого века в стенах Чеченского института гуманитарных исследований сотрудником Я.З.Ахмадовым был собран и подготовлен к изданию сборник документов «Русско-чеченские взаимоотношения в XVIII веке» (содержит до 300 оригинальных документов извлеченных составителем из центральных и региональных архивов). Однако данный сборник еще не увидел свет.

Вследствие известных событий в Чечне и вокруг нее в 1991-2002 гг. отмеченных резкой политизацией ее истории и отходом части российских публицистов и даже некоторых дипломированных историков не только научного исторического подхода, но и от цивилизационных подходов вообще, интерес к

публикациям документов относящихся к истории Чечни XVI-XVIII веков упал. Хотя при этом археографическое изучение и практическое использование первоисточников продолжалось, что отмечено в трудах Ш.Б.Ахмадова, Я.З.Ахмадова, Ш.А.Гапурова, Б.З.Закриева, А.С. Шмелева и А.Бирюкова.[19]

Особняком стоят местные эпиграфические и письменные источники XVI-XVIII вв. главным образом на арабском и тюркском языках. Последние сосредоточены на рукописных фондах дагестанских научных центров и в частных собраниях. Детальные переводы некоторых из них представлены в трудах Л.И.Лаврова, А.Р.Шихсаидова, Г.М.Айтберова и Г.М.-Р.Оразаева.[20]

Совершенно оригинальны правовые документы и династийные сведения по истории Чечни XVII-XVIII вв. опубликованные в 2006 г. Т.М.Айтберовым[21]. Собственно чеченские «таптары» (хроники) и различные «соглашения» представлены единицами. Однако сравнительный материал по Чечне обнаруживается в публикациях дагестанских источников[22].

Из архивов восточных стран в наиболее удовлетворительном состоянии находятся турецкие архивохранилища XVI-XVIII вв. Так, в Стамбуле сохранились архивы султанского двора, связанные с внешней политикой в т.ч. на Кавказе начиная с XVI в. К сожалению, этого нельзя сказать о крымских архивах, которые представляют наибольший интерес с точки истории народов Чечни и Северного Кавказа. Известно, что крымские ханы, вассалы Стамбула, поддерживали отношения практически со всей горской знатью от Черного моря до Каспийского. Но крымский государственный архив сгорел во время взятия Бахчисарая войсками фельдмаршала Миниха в 1736 г.[23]

В настоящее время турецкие архивные документы сосредоточены в специальном государственном хранилище – архив Музея дворца Топкапи (Стамбул), где находится и персональный архив султана и коллекции документов по разным странам с конца XIV по конец XX в. Из 12500 дел архива около 120 дел имеют отношение к Крыму и Кавказу.[24]

Французский историк А.Беннигсен, занимавшийся изданием турецких текстов отмечает, что только документов XVIII в. от горских князей в архиве Османской империи насчитывается 21 единица[25], что вряд ли точно, учитывая активную политику турецких и крымских властей в отношении северокавказских народов.

Отсутствие собственно крымских документов по Чечне и Северному Кавказу восполняется публикацией текстов ханских писем, направленных в Стамбул и сохранившихся в султанском архиве. Их публикация – «Документы Крымского ханства в архиве Музея дворца Топкапы» на французском языке насчитывает сотни документов, начиная с конца XV по конец XVIII в., то есть охватывает весь период существования Крымского ханства.[26] Здесь есть материалы и по Северному Кавказу.

Турецкие и крымские источники свидетельствуют, что интерес Османской империи к Северному Кавказу возникал главным образом в ходе обострения отношений с Россией, Ираном и Восточной Европой в целом. Заметен интерес к территории Чечни в конце XVI в., в ходе Персидского похода в 1722-1723 гг., а также во время турецко-русских войн XVIII в. и в период движения имама Мансура.

Кроме документальных данных серьезным подспорьем при написании данной работы послужили нарративные (описательные) источники. Первая сводная работа о европейских путешественниках по Кавказу была написана М.А.Полиевктовым в 1935 г[27]. Некоторые переводы иностранных известий о народах Северного Кавказа стали публиковаться в 50-60-е гг. XX в[28]., и, наконец, в 1974 г. В.К.Гардановым был выпущен в свет наиболее полный на сегодняшний день свод данных из работ европейских авторов о горцах Северного Кавказа в XIII-XIX веках. В данном томе имеются некоторые общие и даже конкретные данные о чеченцах[29].

Некоторую исследовательскую работу по сообщениям западноевропейских авторов о горских народах проделали в 80-х г. XX в. Я.З.Ахмадов и В.Н.Аталиков[30].

Оригинальными и своеобразными в источниковедческом плане являются труды турецких и иранских путешественников и историков XVII-XVIII вв. Так, турецкий автор Э.Челеби совершил несколько длительных поездок по Северному Кавказу, самое последнее путешествие 1665 г. было и самым протяженным – от Тамани до Дербента. Он описал все равнинное население региона, но что касается нахов, данные отсутствуют, есть только описание Северного Дагестана и маршрута с переправами через Сунжу и Терек по современной территории Чечни[31].

Наиболее законченный обзор иранским и азербайджанским нарративным источникам XVI-XVIII вв. дан в коллективной

работе «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века», а также в трудах А.А.Рахмани[32]. Так, из работ иранских историографов XVI-XVIII вв. Хасан-бека Румлу, Искандер-бека Туркемана (более известного под именем Искандера Мунши), мы можем узнать о политике шахов в отношении Северного Кавказа, включая и нахские районы.

Отдельный интерес представляют собой грузинские нарративные источники, дающие краткие, но ценные материалы о территориальном и политическом положении горных нахов и их участии в политической жизни Закавказья. Это, прежде всего, грузинский свод исторических сочинений и хроник «Картлис Цховреба» и «История Грузии» Вахушти Багратиони, составленная в первой трети XVIII в.[33].

Безусловно ценны и сугубо местные, горские сочинения исторического характера XVI-XVIII вв. Это, прежде всего, труд автора конца XVII – начала XVIII в. Мухаммеда-Рафи Ширвани «Тарих-Дагестан», составленный в середине XIX в. свод «Гюлистам-Ирам» А.-К.Бакиханова[34], местные арабоязычные хроники и памятные записи.

Отдельной темой в области нарративных источников по истории Чечни XVI-XVIII вв. стоят российские сочинения, начиная с летописных данных и статейных списков XVI в.[35], а так же «Книги Большому чертежу» XVII в., где впервые в литературе упоминаются гидронимы Чечни[36] и, заканчивая путешествиями российских академиков (зачастую немецкого происхождения) и офицеров императорской армии, выполнявших в XVIII в. различные поручения в регионе[37].

К числу источников истории Чечни в XVI-XVIII вв. относятся также археологические, этнографические, лингвистические и фольклорные данные, которые и дополняют позиции документальных и нарративных свидетельств, а иногда выступают и единственным источником при их отсутствии, например: при рассмотрении вопросов этнополитического положения ряда обществ, развития хозяйства, этнических процессов и т.д.

В целом круг документальных и нарративных источников о Чечне XVI-XVIII вв. при всем своем многообразии неравномерен хронологически и по представленности тех или иных районов края. Так, мало освещены высокогорные и среднегорные районы, относительно узок круг источников по Чечне с XVI - по первую треть XVIII в. Подавляющее число документов происходят из

российских центров и носят специфических характер. Тем не менее, их информационные возможности использованы историками еще в скромной мере.

[1] Крикунов В.П., Рамазанов Х.Х. Некоторые проблемы источниковедения истории народов Северного Кавказа //Известия СКНЦВШ. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1978. № 2. С.8.

[1] Кушева Е.Н. Северный Кавказ и международные отношения в XVI-XVII вв. (Обзор материалов русских архивов)//Исторический журнал. Кн.1; М., 1943. Её же: Племена Северо-Западного Кавказа XVI-XVII вв. по документам русских архивов//Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М. 1961; Под редакцией Н.Г.Волковой в 1997 г. издан сборник документов, подготовленных Е.Н.Кушевой к печати незадолго до смерти, последовавшей в 1990 г.: Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII вв. М., 1997.

[2] Кушева Е.Н. Северный Кавказ и международные отношения XVI-XVII вв. (Обзор материалов русских архивов). С.60.

[3] Пронштейн А.П. Материалы о народах Северного Кавказа XVI-XVIII вв. в советских архивах //Известия СКНЦВШ. Общественные науки № 2. Ростов-на-Дону. 1978.

[4] Исаева Т.А. Материалы Астраханской приказной палаты как источник для изучения социально-экономической и политической истории Чечено-Ингушетии //Вопросы истории Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). Т.2. Грозный, 1977. Оразаев Г.М.-Р., Ахмадов Я.З. К истории политических связей Чеченского феодального владения с Россией в XVII-XVIII вв. (Публикация источника) //В том же сборнике; Крикунова Е.О., Павлова И.М. К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII веке (документы)// Ученые записки Кабардино-Балкарского госпединститута. Нальчик, 1957. Вып.13; Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов: (Письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу) //Советская этнография. М., 1978. № 6; Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов в 2-х т. (Сост. М.М. Блиев). Орджоникидзе, 1976. Т.1; Русско-дагестанские отношения XVII – первая четверть XVIII. Документы и материалы (Сост. Р.М.Маршаев).: Махачкала, 1958; Сокуров В.Н. Кабардинские грамоты XVI-XVII вв. // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980.

[5] См.: Белокуров С.А. О Посольском приказе в XVII в. М., 1906; Гальцев В.И. Архив Посольского приказа в XVII веке. (Опыт изучения описей Посольского архива). Автореф.канд.дисс.. М., 1975; История дипломатии. Т.1. М., 1959. С.299; и др.

[6] См.: Белокуров С.А. О Посольском приказе в XVII в. М., 1906; Гальцев В.И. Архив Посольского приказа в XVII веке. (Опыт изучения описей Посольского архива). Автореф.канд.дисс.. М., 1975; История дипломатии. Т.1. М., 1959. С.299; и др.

[7] См.: Малиновский А.Ф. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т.5. Одесса, 1863. С.178-419; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и Турцией. Т.1. (1474-1505) / Под ред.Г.Ф.Карпова //Сб.Императорского Российского исторического общества (Далее Сб.ИРИО). Т.4; СПб., 1884. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т.2 (1508-1521) /Под ред. Г.Ф.Карпова и Г.Ф.Штендмана /Сб.ИРИО. Т.95; СПб., 1895. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. /Под ред.Ф.Лашкова. Симферополь, 1891.

[8] Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. /Документы и материалы в 2-х томах. М., 1957.

[9] См.: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т.1. //Труды восточного отделения императорского археологического общества. Т.10. СПб., 1890. Памятники... Т.2. //Труды..., Т.21. СПб, 1892. Памятники... Т.3. //Труды..., Т.22. СПб., 1898.

[10] См.:Бушев П.И. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586 – 1612 гг. (по русским архивам). М., 1976; Персидские документы Матендарана (XV-XVI вв.). Вып.1. Ереван, 1956; Вып.2. Ереван, 1959; Армяно-русские отношения в XVII веке. Т.1. Ереван, 1953.

[11] Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. (Документы и материалы). Махачкала, 1958.

[12] Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1888. Вып.1. (1578-1613 гг.); Материалы по истории русско-грузинских взаимоотношений. 1615-1640. /Составитель М.А.Полиевктов..Тбилиси, 1937; Материалы по истории русско-грузинских отношений (80-90-е годы XVIII века). Ч.1-3. / Составитель Г.Г.Пайчадзе. Тбилиси, 1971-1979.

[13] Продолжение «Древней Российской Вивлиофики». Ч.8-11. СПб., 1793-1801; Донские дела. Кн.1-5 //Русская историческая библиотека. Т.18-34. СПб., Пт., 1898-1917.

[14] Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в./ Сост.В.Г.Гаджиев. М., 1988.

[15] С опорой на фонды грузинских и российских архивов видный кавказовед В.Н.Гамрекели издал в 1968 г. сборник документов, раскрывающий важную сторону истории чеченцев и других горцев в XVIII в., а именно их взаимоотношения с Грузией: Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом. Материалы и исследование. Тбилиси, 1968.

[16] Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869; Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии / Сост.А.А.Цагарели. Т.1. СПб., 1891. Т.2, Ч.2. 1902.

[17] А-ль Ар-в. О кизлярской торговле... // Ставропольские губернские ведомости. № 30. 1853; О прорытии татаула (канала) из р. Сунжи в Тереку // Там же. № 43; 1857; Сведения о Чечне и Гумбете // Там же. № 7, 9. 1858.

[18] Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Т.1. Сост.Г.Кокиев //Известия СОНИИИ. Т.6. Орджоникидзе, 1934.

[19] Так, А.с. Шмелев выявил интересные документы XVII в. в Архиве Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН о чеберлоевских «Алдамовичах» в Чечне, а А..Бирюковым издано в 2004 г. несколько документов из фондов РГВИА (г.Москва) о крупном повстанческом движении в Чечне и на Северном Кавказе в 1732 г.: Бирюков Андрей. Дела давно минувших дней./ / «Дош» (журнал). № 4.М., 2004.

[20] См.: Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках /Изд.перевод и комм.Л.И.Лаврова. Ч.1, М., 1966. Ч.2. 1968, Ч.3. 1980; Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X – XVII вв. как исторический источник. М., 1984; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Известия арабоязычных документов XV-XVII вв. об общественных отношениях у вайнахов// Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII-нач XX в.). Грозный, 1982; Оразаев Г.М.-Р., Ахмадов Я.З. К истории политических связей чеченского феодального владения с Россией в XVII-XVIII вв. (Публикация источника)./ /Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII-нач. XX в.). Грозный, 1983.

[21] Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. Махачкала, 2006.

[22] См.: Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.

[23] Бартольд В.В. Хранение документов в государствах мусульманского Востока. Архивные курсы. Б/м.1920. С.380.

[24] Lemercier-Quelquejy des biblimhegnes et les arhives de Turqnie en tant que souces de documents sur L'histoire de Russie//Cahirs du monde Russe et sovetique. Paris, 1964. vol.V. P.113.

[25] Bennigsen F/ La Russie du XVIII e siecle dans les arhives de L'Empire Ottoman//da Russie et L'Europe XVIe-XX siencles. Paris-Moscou. 1970. P.312-313.

[26] Le khanat de Crimee dans les Arhives du Musee du palais de Topkari. Paris, 1978.

[27] Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935.

[28] Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.

[29] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XVIII-XIX вв. Сост. В.К.Гарданов. Нальчик, 1974.

[30] Ахмадов Я.З. Об освещении политического положения народов Северного Кавказа в трудах европейских авторов XV-XVI вв.//Вопросы исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980; Его же: Европейские авторы XV-XVI вв. о горских народах Северного Кавказа (вопросы исторической географии и политической истории)//Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984; Аталиков В.Н.

Вайнахи в XVIII веке по известиям европейских авторов//История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Сб. статей. Орджоникидзе, 1981.

[21] Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. Махачкала, 2006.

[22] См.: Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.

[23] Бартольд В.В. Хранение документов в государствах мусульманского Востока. Архивные курсы. Б/м.1920. С.380.

[24] Lemercier-Quelquejy des biblimhegnes et les arhives de Turqnie en tant que souces de documents sur L'histoire de Russie//Cahirs du monde Russe et sovetique. Paris, 1964. vol.V. P.113.

[25] Bennigsen F/ La Russie du XVIII e siecle dans les arhives de L'Empire Ottoman//da Russie et L'Europe XVIe-XX siencles. Paris-Moscou. 1970. P.312-313.

[26] Le khanat de Crimee dans les Arhives du Musee du palais de Topkari. Paris, 1978.

[27] Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935.

[28] Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.

[29] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XVIII-XIX вв. Сост. В.К.Гарданов. Нальчик, 1974.

[30] Ахмадов Я.З. Об освещении политического положения народов Северного Кавказа в трудах европейских авторов XV-XVI вв.//Вопросы исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980; Его же: Европейские авторы XV-XVI вв. о горских народах Северного Кавказа (вопросы исторической географии и политической истории)//Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984; Аталиков В.Н. Вайнахи в XVIII веке по известиям европейских авторов//История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Сб. статей. Орджоникидзе, 1981.

[31] Челеби Эвлия. Книга путешествий (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып.2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979.

[32] Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.Г. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958; Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI и в XVIII веках (1590-1700 гг.). Баку, 1981.

[33] Картлис Цховреба. Т.1-2 (на грузинском языке) Тбилиси, 1955-1959; Багратиони Вахушти. История Грузии. Тбилиси, 1973; и другие издания

[34] /Мухаммед-Рафи\ Извлечение из истории Дагестана // ССКГ. Вып.V. Тифлис, 1871; Шихсаидов А.Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих-Дагестан» Мухаммеда-Рафи (к вопросу об изучении)//Письменные памятники Востока. М., 1978; Бакиханов А.-К. Гюлистам-Ирам. Баку, 1926.

[35] См., к примеру: Магомадова Т.С. Первые сведения в русских летописях о территории Чечено-Ингушетии//Известия ЧИНИИИЯЛ. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Т.9. Ч.2. Вып.1. Грозный, 1972.

[36] Книга Большому Чертежу. Подг. к печати К.Н.Сербиной. М.-Л., 1950.

[37] См.: [Гюльденштедт И.А]. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа...в 1770, 71, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809; Новое издание: Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. Пер.Т.К. Шафрановской. Ред. Ю.Ю.Карлов. СПб., 2002. /Фальк/ Записки путешествия академика Фалька//Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Ч.4; Гербер И. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря// История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. Махачкала, 1958; Гаджиев В.Г. сочинение И. Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979; и др.

§ 2. Вопросы историографии Чечни в XVI-XVIII вв.

История изучения истории Чечни и ее народа начинается со складывания исторической науки в России, и в целом в Европе, т.е. не позже XVIII столетия.

Так, уже в работах русских и европейских авторов первой трети XVIII в. был представлен отрывочный материал о социальном и политическом положении некоторых районов Чечни и дана краткая характеристика их внешнеполитической ориентации.[1]

Во второй половине XVIII в. намного возрос политический и научный интерес к кавказским народам. По заданию Санкт-Петербургской академии наук различные районы Кавказа обследовали ряд видных европейских ученых – естествоиспытателей. Академики И.А.Гильденштедт и Фальк побывали на территории Чечни, Ингушетии и в близлежащих районах. В их отчетных трудах отразились ценные сведения о народах, населяющих наш край. В частности, И.А.Гильденштедт дал краткий перечень чеченских феодальных владений и «вольных» обществ – «дистриктов», отметил особенности их общественного устройства, зафиксировал некоторые эпизоды из истории отношений народов Чечни с Россией в XVIII в.[2]

Академик Фальк, побывавший на Кавказе в 70-х годах XVIII в., обратил внимание на экономические связи русского населения на Тереке с соседними горцами. Особенно интересны сведения об ассортименте привозимых и вывозимых горцами товаров и хозяйстве притеречных чеченцев и брагунцев.[3]

Оценивая исследования этого периода, следует сказать, что в целом историография XVIII в. не создала обобщающих работ по истории Кавказа и, в частности, работ, характеризующих территориальное, этнополитическое, социально-экономическое и общественно-политическое положение Чечни в её взаимоотношениях с Россией и странами Востока. Авторы XVIII в. описали только ряд отдельных фактов и дали свои личные наблюдения. Поэтому кавказоведческие труды этого столетия относятся, главным образом, к работам описательным.

Собственно исторические труды, затрагивающие проблемы русско-кавказских отношений и истории горских народов, появляются только в начале XIX в. Так, в 1810 г. выходит труд Ф.Шишкевича[4], содержащий основательную переработку и систематизацию данных о Кавказе, накопленных исторической

наукой России XVIII столетия. При этом выясняется, что сведения о русско-чеченских связях автор почерпнул главным образом из работы И.А.Гильденштедта.

Вышесказанные характеристики можно отнести и к двухтомной работе С.Броневского, автора конца XVIII – начала XIX в. Отличие работ С.Броневского от трудов предыдущих авторов состоит не столько в том, что он собрал большой фактический материал, но и в том, что он больше других уделяет внимание вопросу взаимоотношений России с народами Чечни. Вместе с тем, в его работе есть немало ценных данных по теме и нашего исследования почерпнутых автором во время его службы на Кавказе и в ходе авторских изысканий в архивах. Его работа была закончена к 1810 г., но вышла в печать только в 1829 г[5]. Не избежали отрицательной апологетики русско-чеченских связей в XVI-XVIII вв. собственно Чечни и чеченцев и другие авторы первой половины XIX в.: Платон Зубов, Н.Данилевский и Иосиф Дебу.[6]

Во второй половине XIX в. дворянско-буржуазная кавказоведческая историография пополнилась целым рядом крупных исследований. Особое место среди них занимает труд П.Г.Буткова,[7] изданный Петербургской Академией наук в 1869 г. По словам издателя Л.Броссе, эта работа представляет собой «первый опыт в русской исторической литературе последовательного изложений действий русских на Кавказе и в Крыму в XVIII в. и в начале XIX века»[8]. П.Г.Бутков провел на Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. 12 лет и за время службы собрал, а частью использовал из обширного архива С. Броневского огромное количество документальных материалов (частью включенных издателями в его посмертно изданную работу).

Большое внимание вопросам истории Чечни уделил и видный представитель дворянско-буржуазной историографии Кавказа А.П.Берже. Он автор первой сводной работы о чеченцах, в которой попытался осветить их географию страны, расселение, историю, быт и нравы народа в духе своего времени.[9]

Затрагивали историю Чечни в XVI- XVIII вв. вышедших во второй половине XIX в. авторы больших, панорамных исследований Н.Дубровин, А.Зиссерман, Р.А.Фадеев, а также более поздний историк казачества и Кавказской войны В.А.Потто.[10] Все они принадлежали к так называемой «военно-дворянской» историографии.

Во второй половине XIX в. вышли в свет работы и первых национальных этнографов – чеченца Умалата Лаудаев и ингуша Чаха Ахриева.[11]

Умалат Лаудаев, выходец из богатой чеченской семьи, с 12-летнего возраста воспитывался в Петербургском кадетском корпусе, а по окончании его долгое время служил в царской армии.[12] В своей первой и последней работе «Чеченское племя» Лаудаев собрал интересный фольклорный материал об истории и этнографии чеченского народа, который изложил с позиций охранительной историографии.

В наше время труд У.Лаудаева стал вдруг широко использоваться недобросовестными публицистами и даже дипломированными историками в сугубо спекулятивно-пропагандистских целях. Хотя последний добросовестно предупреждал, что пишет свою историю на основе преданий, которые порой фантастичны, тем не менее, кое-кто поспешил объявить У.Лаудаева истиной в последней инстанции. Он стал сегодня чрезвычайно цитируемым автором.

Другой горский этнограф – выдающийся ингушский просветитель и ученый Чах Ахриев, получил образование в Ставропольской гимназии и Нежинском лицее. Он полностью разделял передовые убеждения русской интеллигенции своего времени.[13] Его исследования по этнографии чеченцев, ингушей не утратили своего значения и в наше время.

В конце XIX – начале XX в. появилось большое количество историко-этнографических работ, посвященных истории терского казачества и горских народов Кавказа. В них получили отражение и некоторые аспекты общественно-социальной истории Чечни и ее взаимосвязей с Россией. В числе авторов таких трудов можно назвать И.Попова, И.Попко, И.Бентковского, Г.Вертепова, Е.Максимова, Н.Семенова, Г.А.Ткачева и М.А.Караулова и автора большой статьи, основанной на документах С.Ф.Головчанского[14].

Особняком в дореволюционной историографии стоят труды прогрессивного этнографа Башира Далгата, собиравшего этнографический материал о чеченцах и ингушах в формате новейшей для своего времени методологии. Его работы переизданы недавно, дочерью У.Б.Далат, доктором филологических наук.[15]

В целом российская дворянско-буржуазная дореволюционная историография не создала ни одной обобщающей истории Чечни XVI- XVIII в., которую можно

охарактеризовать как объективно научную и строго исследовательскую. В произведениях ее представителей можно конечно найти некоторые фактические сведения, в том числе и развернутые, но пользоваться ими приходится с большой осторожностью. По существу, в подобных трудах утверждался тезис о законности покорения «горных хищников» и легитимном характере завоевания Российской империей новых земель на Кавказе, которые заселялись колонистами – носителями «высокого государственного начала», расширявшими «жизненное пространство» империи.

Необходимо признать, что при всех недостатках марксистско-ленинской методологии истории сводившейся к изучению производительных сил и классовой борьбы, подлинно научное изучение истории нахских народов началось только после Октябрьской революции 1917 г. Перед советскими историками встала тогда задача огромной научной и практической важности – заново написать историю народов СССР, памятуя о том, что в условиях старой России процветала концепция имперских завоеваний в ходе «защиты» своих границ от «хищнических» народов (вначале «границы» безжалостно вторгались в земли покоряемых народов, а затем героически «обороняли» от их хозяев). Залогом исчезновения посеянной царизмом розни между народами Российской империи считалась ликвидация фактического неравенства народов за годы советской власти, в т.ч. и в области истории.

Исследование вопросов истории Чечни и, нахских народов в целом, начавшееся в 20-30-е гг. XX в. усилиями ученых-лингвистов, археологов, этнографов и историков (Г.К.Мартиросиан, Е.И.Крупнов, А.Н.Яковлев, Г.М.Генко, Б.Далгат, Д.К.Мальсагов, А.Г.Авторханов, Г.Н.Кокиев) было прервано почти на 20 лет Великой Отечественной войной 1941-1945 гг. и депортацией чеченцев, ингушей сталинским режимом в Казахстан и Среднюю Азию. Восстановление Чечено-Ингушской АССР в 1957 г. привело не только к возвращение чеченцев и ингушей на историческую родину, но и к возобновлению планомерных исторических исследований, к постановке задачи написания обобщенной истории края. Указанная задача, хотя и в усеченной форме, была выполнена в 1967 г. публикацией первого тома «Очерков истории ЧИ АССР» (Грозный, 1967). Здесь был представлен и период XVI- XVIII вв. благодаря усилиям Н.П.Гриценко и А.Х.Саламова. Эти разделы

соответствовали уровню знаний того времени и были весьма фрагментарны.

В 60-70-е гг. XX в. советские историки стали глубже изучать не только «объективно-прогрессивные последствия присоединения и вхождения отдельных народов в состав России», но и проводить масштабные исследования по различным проблемам этнического и социально-экономического развития народов Северного Кавказа в XVI – XVIII вв. Весьма важное прямое и косвенное значение в этом плане имели труды Е.Н.Кушевой, Н.А.Смирнова, А.В.Фадеева, В.Г.Гаджиева, О.П.Марковой, А.Р.Иоанесяна, Ф.М.Алиева, Л.Б.Заседателевой, Г.Б.Абдуллаева и др.[16].

В процессе изучения политической и социально-экономической обстановки в Чечне в XVI-XVIII вв., а также в ходе исследования некоторых аспектов этнографии, археологии, а также русско-чеченских взаимоотношений в прошлом, в 60-70-х гг. XX в. появились новые работы, написанные Ф.В.Тотоевым, Б.А.Калоевым, Г.Д.Тогошвили, М.Х.Багаевым, Т.Д.Боцвадзе, Н.Х.Тхамоковым и И.М.Саидовым[17].

Особо следует отметить выход в свет начиная с 1973 г. крупных монографческих исследований московского этнографа Н.Г.Волковой, в которых развернуто рассматривались вопросы происхождения, этнической географии, расселения народов Северного Кавказа в XVI-XIX в. Значительное место Н.Г.Волкова уделила этнической истории нахских народов и локальных групп – чеченцев, ингушей, карабулаков, аккинцев, джераховцев, тушин и т.д[18]. Труды Н.Г. Волковой тем более важны, что часть современных историков националистического (как «русского» так и «горского») толка отказываются от богатого научно-исторического багажа накопленного в последней трети XX – начала XXI в. по истории Чечни пытаясь вернуть своих читателей в оценках нахских народов к временам У.Лаудаева и А.П.Берже, т.е. почти на 1,5 века назад[19].

Историки некогда единой Чечено-Ингушетии за последние три десятилетия XX в. внесли весомый вклад в дело научного освещения исторического развития своего края. Много лет работал над этой темой доктор исторических наук, профессор Н.П.Гриценко[20]. Вопросам социально-экономической тематики истории Чечни были посвящены в70-х годах XX в. статьи Ш.Б.Ахмадова, Х.С.Ахмадова, Я.З.Ахмадова, Г.А.Гантемировой, С.-А.А.Исаева, М.А.Тавакаляна, А.И.Хасбулатова.

Весьма содержательными являлись статьи Ш.Б.Ахмадова, С.Б.Котикова, А.А.Саламова, в которых авторы рассматривали вопросы становления и развития русско-чечено-ингушских связей в XVI-XIX вв. Своеобразным явлением в историографии того времени стали статьи талантливой исследовательницы Т.А.Исаевой, посвященные социально-общественным отношениям в Чечне в XVII в. и ее взаимоотношениям с Россией.[21]

В 1978 г. была защищена кандидатская диссертация Я.З.Ахмадова на тему: «Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в.». Это была первая монографическая работа, исследующая данную проблему на основе главным образом документальных источников, содержащая и материал о территориальном положении чеченских обществ и этнической номенклатуре нахских народов.[22]

Своеобразным итогом развития лучших традиций советской историографии явилась коллективная работа «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» (М., 1988), уделившая известное место и народам единой тогда Чечено-Ингушетии.

Правильно отметили авторы новейшей коллективной работы о Северном Кавказе: «советские подходы к изучению дореволюционного Северного Кавказа, порой вызывают справедливые нарекания. В то же время, в 50-80-е годы сделано было действительно очень много позитивного. Были собраны, обработаны и систематизированы огромные документальные, нарративные и изобразительные материалы»[23]. В этом плане достаточно назвать имя выдающегося исследователя топонимии Чечни и Ингушетии, просветителя, поэта и подвижника Ахмада Сулейманова – выпустившего в 1985-1988 гг. отдельные части своей «Топонимии». Благодаря этому труду мы сегодня имеем возможность охарактеризовать все исторические общества горной Чечни XVI-XVIII вв.[24].

Историки советского времени пристально исследовали вопросы этнографии и археологии Чечни, провели серьезную работу по пополнению документальной, в целом, источниковедческой базы истории чеченцев. Весьма большое внимание было уделено вопросам социально-экономического развития и общественно-политического устройства чеченского общества в XVI-XVIII вв. Неплохо были затронуты вопросы русско-чеченских отношений, хотя и с позиции господствующей

идеи об исключительно цивилизирующей роли Российской империи.

При всем этом Чечня, как и все другие национальные регионы СССР, оставалась в советской исторической науке «объектом истории», исключалось исследование ее возможно самостоятельного участия в международных отношениях, как правило, занижался уровень суверенности и преувеличивались социальные факторы, опуская характеристику общенациональных интересов.

В конце 80-х начале 90-х годов XX в. происходит резкий перелом в развитии историографии практически всех народов СССР, что было связано с демонтажем старой идеологической машины, развитием демократии и рыночных отношений.

Кардинальный пересмотр старых взглядов произошел прежде всего в историографии нового государства - Российской Федерации. Вследствие двух российско-чеченских войн Чечня и чеченцы оказались на острие внимания не столько академической науки, а сколько авторов квазинаучных и пропагандистских трудов, сугубо античеченской или, наоборот, спекулятивно прочеченской направленности.

К большому сожалению в современной российской историографии продолжается где явный где «подтекстовый» переход к восприятию горских народов в качестве объекта истории. Те же чеченцы то в своей «колонизации» (!?) земель с юга на север, сталкиваются вдруг с встречной (!?) русской «колонизацией» с севера на юг, то выступают непримиримыми врагами России в силу имманентно присущей им «набеговой системе» объясняющейся ни много ни мало «разложением первобытно-общинного строя»! При этом аргументация строится на полном и безусловном отказе от накопленной (и весьма разработанной) археологической и исследовательско-историографической базы. Во-вторых, во главу угла ставится безусловный приоритет завоевания «жизненного пространства» Россией как цивилизирующего имперского центра. При этом горцы выставляются «виновной» стороной, препятствующей передовому культурному процессу. Таковы к примеру работы М.М. Блиева, В.Б.Виноградова, Б.В. Виноградова, А.М.Матвеева и множества других. Такова примерно идеологически-пропагандистская линия выстраиваемая сотнями авторов статей в СМИ и Интернете на тему «чеченской» войны и чеченской истории. Это линия людей не выдержавших

столкновения с объективной реальностью и впавших кто в звериный национализм, кто в моральное умопомешательство.

Вместе с тем, первые годы перестройки были более или менее успешные для научного кавказоведения – выходят в свет монографии, раскрывающие историю края в XVI-XVIII вв. Ш.Б.Ахмадова и Я.З.Ахмадова[25], защищаются докторские диссертации по движению шейха Мансура Ш.Б.Ахмадовым, по политике великих держав на Северном Кавказе в XVI- XVIII вв. Я.З.Ахмадовым, по социально-экономическим отношениям в Чечне и Ингушетии в XVIII-XIX вв. Э.А.Борчашвили, по процессу «вхождения» Чечни в состав России в и аграрных движений горского крестьянства XIX в. С.-А.А.Исаевым. Выходят и собственно историографические работы Я.З.Ахмадова, Ш.А.Гапурова и Х.А.Хизриева.[26]

При оценке развития историографии Чечни в 90-х годах XX – первые годы XXI в. прежде всего необходимо отметить неравномерность изучения отдельных десятилетий периода XVI- XVIII вв. наряду с определенной политизацией некоторых тем, порой в конъюнктурных интересах.

Вместе с тем, это и период несомненных достижений: стимулирующим фактором явился, к примеру, выход в свет в 1997 г. отмеченного нами ранее сборника документов Е.Н.Кушевой «Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII вв.». Стали публиковаться с 1997 г. (по 2004 г.) «Очерки истории Чечни и государственного устройства чеченцев с древнейших времен» И.М.Сигаури. В первом и пятом томе «Очерков...» анализировались события и темы, в т.ч. этно-политические, относящиеся к XVI-XVIII вв.; здесь присутствуют и вполне оригинальные подходы: к примеру по вопросу расположения и устройства некоторых горных обществ и расселения горных чеченцев на плоскости.[27]

Появились новые обстоятельные исследования по истории терско-гребенского казачества Н.Н.Великой и С.Козлова.[28]

Безусловным продвижением вперед в изучении данного периода были очередные работы, в т.ч. и монографического характера, принадлежащих перу Ш.Б.Ахмадова, Я.З.Ахмадова, Ш.А.Гапурова, Т.С.Магомадовой, А.Д.Осмаева, Б.Б.Закриева и М.-Р.А. Ибрагимова, вышедшие в самые последние годы[29]. При этом именно в монографии Ш.Б. Ахмадова дан, хотя и краткий, но обстоятельный анализ источников и литературы по истории Чечни XVIII в.

В работе Я.З.Ахмадова «История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века» был сделан концептуальный вывод об особом значении XVI-XVIII вв. в истории Чечни, как периоде, когда произошло становление чеченской нации с единым языком и этническим типом, с единой религией и обществом с наличием основных черт национального самосознания.

Большое место занял исследуемый период и в академическом коллективном труде «История Чечни...», вышедшем в 2006 г. в Грозном под эгидой Академии наук Чеченской Республики[30]. Здесь авторами соответствующих глав выступили Ш.Б.Ахмадов и Я.З.Ахмадов.

Следует отметить, что исследователей нашего времени интересуют вопросы не только этнополитической, социально-экономической и общественно-политической истории чеченцев, но и культура, быт, религия народа, а также история становления инонациональных групп на территории Чечни, в первую очередь терско-гребенского казачества. Здесь уже имеется определенный задел[31].

В целом рассмотрение истории изучения Чечни в XVI-XVIII вв., показывает, что накоплен серьезный исследовательский массив, позволяющий на современном этапе приступить к созданию обобщающих трудов с освещением, хотя и неравномерным, практически всех сторон истории развития чеченского народа и собственно всех зон географической территории Чечни в исследуемый период.

Вместе с тем, перед историографией указанного периода, остаются серьезные нерешенные задачи особенно в области научной критики, достоверности и недостоверности тех или иных концепций и их научного значения, оригинальности и вторичности тех или иных научных трудов. Но самое главное заключается в том, что по сегодняшний день не создана стройная научная концепция роли и места эпохи XVI-XVIII вв. в этнической, политической и социально-экономической истории Чечни. Тем не менее есть определенная база для написания данной, в общем-то специфической работы, без которой история Чечни будет выглядеть неполной.

[1] См.: Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний. СПб., 1763; Гербер И. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря//История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. Еропкин З.Д. Реестр горским владельцам//История, география...С.121-124; и др.

[2] [Гильденштедт И.А.] Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа... Спб., 1809; См., новый перевод: Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. СПб., 2002.

[3] Записки путешествия академика Фалька//Полное собрание ученых путешествий по России. Т.VI. СПб., 1824.

[4] Шишкевич Ф. Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским. СПб., 1810.

[5]См.: [Броневский С.] Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823; Броневский С.М. Новейшие Известия о Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским: В 2 томах. Сост. И.К.Павлова. СПб., 2004.

[6] См.,Зубов Платон. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель. СПб., 1835. Ч.1, 2; Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846; Дебу Иосиф. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829.

[7] Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.: в 3-х частях. СПб. 1869.

[8] Броссе Л. Предисловие издателя//Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Ч.1. С.8.

[9] Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

[10] Дубровин Н. История войн и владычества русских на Кавказе: В 6 т. СПб., 1871; Зиссерман А. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч.1. СПб., 1879. Он же: История 80-го пехотного Кабардинского полка. СПб., 1881; Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. СПб., 1890; Потто В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе: в 3 т. Тифлис, 1904; Он же. Два века Терского казачества: в 2 т. Владикавказ, 1912.

[11] Лаудаев Умалат. Чеченское племя//ССКГ. Тифлис, 1872. Вып.VI;. Ахриев Чах. Из чеченских сказаний//ССКГ. Вып. IV-V. Тифлис, 1870-1871. Он же. Ингуши, их предания, верования, поверья// ССКГ. Вып.VIII. Тифлис, 1875.

[12] Гриценко Н.П. Умалат Лаудаев первый чеченский этнограф и историк// АЭС. Т.1. Грозный, 1966.

[13] См.: Семенов Л.П. Чах Ахриев. Первый ингушский краевед//Известия Ингушского НИИ краеведения. Владикавказ, 1928. Вып.1.; Гриценко Н.П. Умалат Лаудаев первый чеченский этнограф и историк// АЭС. Т.1. Грозный, 1966.

[14] Попов И.М. Ичкерия//ССКГ. Тифлис, 1868. Вып.IV; Попко И. Терские казаки со стародавних времен. Вып.I. СПб., 1880. Бентковский И. Гребенцы//Чтения ОИДР. Кн.3; М., 1887. Вертепов Г. Ингуши//ТС. Вып.2. Кн.2; Владикавказ, 1893. Максимов Е. Терское казачье войско//ТС. Вып.1; Владикавказ, 1890. Он же: Чеченцы//ТС. Вып.3. Кн.2; Владикавказ, 1890. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895; Ткачев Г.А. Гребенские, терские и кизлярские казаки. Владикавказ, 1911; Он же: Несколько слов из прошлой истории чеченцев/ / ЗТОЛКС. № 9; Владикавказ, 1914. Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1914; Головчанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г./ / ЗТОЛКС. № 11. Владикавказ, 1914.

[15] Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004; Его же: Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы. 1892-1894 гг. М., 2008.

[16] Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI -30-е годы XVII в. М., 1963; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI- XVIII вв. М., 1958; Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957; Его же: Из истории русско-чеченских связей. Вестник МГУ. М., 1959; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966; Иоанесян А.Р. присоединение Закавказья в России и международные отношения в начале XIX столения. Ереван, 1958; Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и его взаимоотношения с Россией. Баку, 1965; Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974.. Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения в XV – начале XIX в. Баку, 1983; и др.

[17] Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII в. – 40-е годы XIX в.): рукоп. дис.канд.истор.наук. М., 1966; Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей//Советская этнография. № 1. 1961. Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических взаимоотношениях XVI-XVIII вв. Тбилиси, 1974; Тогошвили Г.Д. Вопросы истории народов Северного Кавказа и их взаимоотношений с Грузией и грузинской советской историей//Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып.3. Грозный, 1985; Тхамоков Н.Х. Политическая обстановка

на Северном Кавказе к началу XVIII в.//Ученые записки КБГУ. Нальчик. Вып.5. 1960; Саидов И.М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей//Археолого-этнографический сборник. Т.II. Грозный, 1968; Багаев М.Х. Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения войнахов с гор на плоскость (XIII-XVI вв.) // Арх-этн. сборник. Т.II. Грозный, 1968; и др.

[18] Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; Ее же: Этнический став населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974; Ангабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI – XIX века// Материалы к серии «Народы и культуры». Вып.XXVII. Народы Кавказа. Кн.1. М.,1993.

[19] См.: М.М.Блиев: Горцы Большого Кавказа. М., 2003; и др.

[20] Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX века//Труды ЧИНИИИЯЛ. Т.IV. Вып.1; Грозный, 1961. Он же: Истоки дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народов. Грозный, 1962; Он же: Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1965; Он же: Народные движения XVII- XVIII веков и терское казачество/ / Известия СКНЦВШ. Серия общественных наук. № 3; Ростов-на-Дону. 1973. Он же: Истоки дружбы. Грозный, 1975.

[21] См.: Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России//Археолого-этнографический сборник. Т.II. Грозный, 1968; Саламов А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народов (XVI – начало XX вв.)//Известия ЧИНИИИЯЛ. Т.III. Вып.1; Грозный, 1961; Котиков С.В. К вопросу о присоединении Ингушетии к России//Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, Т.XI. Ч.2. Вып.1; 1972; Исаева Т.А. Вайнахо-русские взаимоотношения (XVII век)//Аргун. №12. Грозный, 1973. (на чеч.яз.); Ее же: Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII веке// Вопросы истории Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). Грозный, 1977; Ее же: Социальные отношения чеченцев и ингушей в XVII в.//Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной чечено-Ингушетии (XVI- начало XX вв.). Сб.статей. Грозный, 1980; Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе Чечни XVIII столетия// Вопросы истории Дагестана. Сб.статей. Вып.1; Махачкала, 1974. Гантемирова Г.А. К истории карабулаков/ / Известия ЧИРКМ. Вып.XI. Грозный, 1975; Ахмадов Ш.Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII века//Известия ЧИНИИИЯЛ. Т.IX. Ч.3, Вып.1. Грозный, 1974.

[22] Ахмадов Я.З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в.: рук. дис. канд. истор. наук. Махачкала. 1978. (Опубликована: Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991).

[23] Северный Кавказ в составе Российской империи // Рук.авт.колл. Р.М. Абдулатипов. М., 2007. С.25.

[24] См., последнее издание: Сулейманов Ахмад. Топонимия Чечни. Грозный, 2006.

[25] Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 1991; Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI- XVIII вв. Грозный, 1988; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991.

[26] См.: Ахмадов Я.З. Вопросы историографии средневековой Чечено-Ингушетии в трудах советских исследователей 80-х гг. // Вопросы историографии горцев Чечено-Ингушетии. Сб. научных статей. Грозный. 1988; Гапуров Ш.А. Некоторые вопросы историографии движения горцев под предводительством Мансура во второй половине 80-х гг. XVIII в. // В том же сборнике; Хизриев Х.А. О степени изученности истории Чечено-Ингушетии досоветского периода (истор. библиографических обзор) // В том же сборнике.

[27] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен». Т.1; М., 1997. 2001. Т.2; 2003. Т.3

[28] См.: Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001; Козлов Сергей. Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVIII). Изд.2-е. СПб., 2002; и др.

[29] Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XX веков (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX веков). Элиста, 2002; Ибрагимов М.-Р.А. Чеченцы//Народы Дагестана. М., 2002. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001; Его же: К взаимоотношениям России и Чечни: от феодального лена к субъекту федерации//

Центральная Азия и Кавказ. № 2(26).Стокгольм.2003; Гапуров Ш.А. Актуальные проблемы истории Чечни в XVI-XIX веках//Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. М., 19-20 апреля 2005 года. М., 2006; Магомадова Т.С. Русско-чеченский военно-политический союз в конце XVI первой воловине XVII века//Чеченская Республика и чеченцы: история и современность...; Осмаев А.Д., Закриев Б.Б. Российско-чеченские отношения последней трети XVIII века.: рук. дисс. на соиск. уч.степени канд. ист.наук. Грозный, 2006.

[30] История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т.1. Грозный, 2006.

[31] См.: Ахмадов Я.З., Осмаев А.Д. Русско-чеченское этнокультурное и хозяйственное взаимовлияние на Тереке в XVI- XVIII в.//Культура Чечни. История и современные проблемы. Изд.2-е. М., 2006; Хасбулатова З.И. Взаимосвязи и взаимовлияние чеченцев и русских в XVI- XVIII вв.// Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. М., 2006; и др.

Глава II. Географическое и демографическое положение Чечни в XVI-XVIII веках

§ 1. Территория и природно-климатические условия страны

Складывание Чечни (Нохчичьо, ДегIаста, Даймохк)[1] как страны, а также формирование собственно чеченского народа на базе нахского этномассива носило длительный многовековой характер и закончилось в основных чертах в течение XVI-XVIIIвв.

При рассмотрении вопроса о территории Чечни в указанный период необходимо учитывать наличие нескольких типов границ: географические границы исторической территории, этнотерриториальная граница (ареал расселения этноса), зона политического влияния на соседние земли и, наконец — пределы освоения территории в хозяйственных целях.

Историческое ядро Чечни (протяженность страны на сегодня с севера на юг 170 км, с запада на восток более 130 км) находится в северо-восточной части Северного Кавказа (42 градуса 28 минут — 44 градуса 01 минута северной широты и 44 градуса 28 минут — 46 градусов 40 минут восточной долготы), на склонах Кавказского хребта, протянувшегося с запада на восток от Черного моря до Каспия почти на тысячу километров. Хребет разграничивает на данном участке земной суши Европу и Азию.

В физико-географическом[2] отношении Чечня делится на несколько «полос» или зон, вытянутых в широтном направлении с запада на восток. Так, высокогорная часть страны (от 4,5 до 2,0-2,5 тыс.м. над уровнем моря) заключена в системах так называемого Бокового хребта (параллельное отвлетвление Главного Кавказского хребта), вершины которого покрыты вечными снегами и ледниками. С Боковым хребтом под прямым углом сходится т.н. Снеговой Хребет, который разделяет Горную Чечню и Дагестан. Восточные пределы Чечни отделяются от Дагестана еще и Андийским хребтом.

Высокогорная полоса Чечни почти лишена почвы и растительности, за исключением нескольких ущелий. На чеченском языке горы Главного и Бокового хребтов называются «баш-лам»

(по мнению лингвиста Арби Ваганова, «ледяные» горы). Начиная с XIV по XУП в. здесь наблюдался т.н. «малый ледниковый период», когда в горах Чечни, как и на всем Кавказе, произошло увеличение площади ледников и выросла длительность снежного периода.

Вторая горная зона (от 3,0-2,5 до 2,0-1,5 тыс.м. над уровнем моря) вытянутая параллельно первой и, также в широтном направлении, представляет собой «корт» — вершины, покрытые частично лесом, а по большей части альпийскими лугами, с которых снег сходит летом полностью (Пастбищные горы). Гранитными вершинами в юго-западной части горной Чечни вздымается Скалистый хребет (до 2,5 – 3 тыс.м): он отдельными отрезками идет от Таргимской котловины в верховьях Ассы до Итум-Кале на Чанты-Аргуне и далее. Он параллелен Пастбищному хребту. Данную полосу Горной Чечни между двумя хребтами можно назвать «среднегорной».

Наконец, полоса гор высотой от 400 до 1,5 тыс. м. над уровнем моря, покрытых, как правило, густыми буково-дубовыми лесами и другой богатой растительностью включая рощи диких плодовых деревьев, называется «арц» (Лесистый хребет или Черные горы). Условно эту полосу можно назвать «низкогорной».

Таким образом, южная часть страны имеет 4 условно параллельных, вытянутых в зональном направлении хребта: Черные горы, Пастбищный хребет, Скалистый и Боковой хребты. Кстати и особенность «народной географии», как отметил следом за чеченским этнографом У.Лаудаевым русский географ К.Ф.Ган, состояла в обыкновении делить горную часть страны на горные системы, как: «башлам», «лам» (корт) и «арс» (арц)[3].

Зона горных лесов Чечни в свою очередь условно делилась на 2 части – «пояса». Первый пояс располагается на высоте от 400 до 1200 м., а второй, верхний – от 1200 – 1800 м. Если нижний пояс был по составу деревьев и кустарников близок к равнинным лесам, то в верхнем поясе состав пород менялся. Верхнего предела достигали последовательно клен, сосна и береза. За зоной лесов начиналась горно-луговая зона, представлена 3 поясами: субальпийским (с 1800 м.), альпийским (до 2700 м.) и субнавальным (3200 – 3800 м.). Причем в последней зоне отсутствует сплошной растительный покров, а низкотравье разбросано редкими островами[4].

От подошвы Черных гор на юге до реки Сунжи на севере,

текущей в основном своем течении с запада на восток, располагается плоская лесистая часть (Чеченская равнина), замыкаемая на востоке невысоким Качкалыковским хребтом, а на западе отрогами тех же Черных гор. Ее протяженность в длину свыше 70 км, а ширина достигает 30 км. Густые леса Чеченской равнины разрежались обширными полянами с глубокими черноземами орошаемых массой речек и родников.

Между Сунжей и Тереком (в среднем течении) почти параллельно с запада на восток идут два невысоких хребта («раьгІнаш»), называющиеся соответственно Терским и Сунженским, а то и Терско-Сунженским хребтом и Терско-Сунженской возвышенностью. Между ними располагается безводная Алханчуртская долина со степной растительностью. Сравнительно неширокая, обильная травами плоская полоса между Терским хребтом и обрывистым правым берегом Терека, вытянутая в широтном направлении, носит название Надтеречной равнины.

Река Терек, пересекающая территорию Чечни в широтном направлении в своем среднем и нижнем течении, по обеим берегам, была покрыта густой, хотя и узкой полосой леса (главным образом дуб и тополь).

На север от Терека на сотни километров тянулась Терско-Кумская низменность (т.н. Бурунная степь) с растительностью, характерной для зоны сухих степей и полупустынь. Бурунная степь не имела источников воды кроме дождей, выпадавших, за исключением отдельных лет, весьма скупо. Однако в исследуемый период степь была увлажнена значительно, что позволяло вести круглогодичный выпас домашнего скота и создавало условия для размножения парнокопытных и крупнорогатых диких животных.

Гидрография Чечни в XVI-XVШ вв. была чрезвычайно богата. Кроме десятков рек и речек здесь на каждом шагу встречались ручьи, родники и озерца. Самой крупной рекой Чечни являлся Терек (Ломе-хи), главным притоком которой была р.Сунжа (Соьлжа). Реки почти всей остальной Чечни составляли бассейн Сунжи. Она берет свое начало с лесных отрогов Скалистого хребта (на территории современной Ингушетии) откуда течет на север до вершин Назрани (Несар), где поворачивает к востоку и делает путь почти в сто километров до впадения в Терек, ниже Брагунского отрога Терского хребта.

По ходу своего течения Сунжа принимает с правой стороны такие речки и реки как Яндери, Асса-Асхи (крупным притоком

которой является в свою очередь Фортанга), Валерик, Гехи, Мартанка, Рошни, Гойта и Аргун. Последняя — одна из самых значительных рек Чечни, берущая начало в горах от ледников Бокового хребта. Она образуется слиянием двух рек — Чанты-Аргуна и Шаро-Аргуна, прорезавших в горах значительные ущелья каньонного типа.

Восточнее Аргуна в Сунжу впадают 2 реки, которые берут начало из гор Андийского хребта: это Джалка (Басс), вбирающиая в себя ряд других более мелких речек и Гумс (Белка) с такими значительными притоками как Хулхилау и Мичик.

В пологих и весьма лесистых горах Нахч-Мохка (Восточная Чечня, Ичкерия) где выпадают обильные дожди, пополняются многими ручьями и текут к Тереку такие реки как Аксай, Ямансу, Ярыксу и Акташ, истоки которых имеют своё начало с вершин водораздельного Андийского хребта[5].

Ни одна из указанных рек Чечни не являлась судоходной — даже по Тереку и Сунже можно было плавать только на лодках. Правда, они годились для сплава леса, чем чеченцы в том же ХУШ в. широко пользовались, сплавляя лес на продажу в низовья Терека жителям русских крепостей и станиц.

В двух вариантах Книги Большому Чертежу, составленных в правление Бориса Годунова (1598-1605 гг.) и дополнявшейся до 1627 г., отражены отдельные данные по гидрографии Чечни:

«А ниже Курпы реки 20 верст пал в Терек, с правые стороны, колодезь горячеи.

А ниже того колодезя, 40 верст пал в Терек другой колодезь горячеи.

А ниже колодезя горячего пала в Терек река Сунжа.

А в Сунжу реку пала река Белая да река Быстрая.

А от верху до усть реки Сунжи 200 верст, а рекою и больши.

А против устья реки Сунжи, на другой стороне Терека, острог.

А от острогу вниз по Тереку, 170 верст...потекла из реки Терека к морю протока Вспольная Быстрая, ...

А ниже Быстрая 20 верст протекла протокою река Тюменка, ...

А на усть реки Тюменки город Тюменский; а ниже Тюмени протока Терек, пала река Терек от Тюмени в море 30 верст»[6].

Наиболее крупными озерами Чечни являлись высокогорные водоемы Кезеной-Ам (длина до 3 км, ширина 750 м) и Галанчож-Ам (диаметр до 400 м).

Если природные условия Горной Чечни в XIX в. отмечаются наблюдателями как весьма благоприятные: «Это пышный сад, засаженный и разукрашенный самим Богом»[7], то не совсем таковыми они являлись столетием раньше когда в высокогорной

части наблюдался своеобразный малый ледниковый период. Так, имеются данные о переселении в XУ-XVII в. отдельных западнонахских обществ из Галанчожского, Джейраховского и Архотского (ныне территория Республики Грузия) ущелий вследствии суровости климата в более благоприятные районы[8].

На основной же части низкогорной и равнинной территории Чечни, от Пастбищных гор на юге и до Сунжи на севере, где и проживала к XУШ в. основная масса населения, господствовали сравнительно мягкие зимы и, наблюдался высокий уровень осадков летом. Причем дожди шли равномерно. Почвы были преимущественно черноземные, дававшие высокие урожаи и быстрый рост растениям.

Еще в XVII в. от российских посланцев, направляемых в горы Чечни, требовалось, помимо сбора политических данных, разузнавать «хлеб в их земле родитца ли, ...и что в их земле родитца»[9]. Отрывочные наблюдения над климатом Чечни делались и в XVIII в., такими учеными как Штедер, Фальк, И.А.Гюльденштедт и различными российскими агентами, так некий уздень А.Агаев направленный в 1748 г. из Кизляра на разведку в высокогорное общество Чеберлой отметил, что: «от стужи гористых и снежных мест всегда бывает воздух свежей ибо и сего майя в первых числах еще в жилищах их на полях старого снегу много». В середине XIX в. А.П.Берже уверенно отмечал: «Климат Чечни может быть сравнен с климатом средней России».

Многолетние научные наблюдения показывают, что в Чечне на высотах 2,5 – 3,0 тыс.м. устойчивый снежный покров появляется в сентябре и держится до конца мая, на высотах 1500 - 1600 м. средняя температура июля равнялась 15°, в то время как на Чеченской равнине в интервале 22 - 24°; зимой здесь другая картина, средняя температура понижается по мере увеличения высоты с 4° на равнине, до 11° на высотах 3,0 тыс.м. Вместе с тем, в горах, особенно в закрытых котловинах, количество солнечных дней зимой значительно выше чем на равнине, выше здесь и цифры осадков, доходя на Пастбищном хребте до 800-1000 миллиметров в год. Вместе с тем, северные степные районы – Алханчуртская, Надтеречная равнины и Бурунная степь страдали летом от засух и суховеев.

Более поздние наблюдатели поражались «растительною силою природы и гигантскими размерами деревьев» в богатых чеченских лесах на равнине, которые состояли из бука, дуба, клена, ясеня, липы, карагача, орешника, массы дикорастущих

плодовых деревьев. Деревья обвивали лианы и дикорастущий виноград. Среди лесов располагались «обширные... поляны и тучные луга»[10].

В дремучих лесах равнин и гор во множестве водились олени, кабаны, волки, лисицы, шакалы зайцы, дикие козы, медведи, барсы, горные бараны и туры. Массами встречались фазаны, дикие гуси, утки, перепела и другая птица. В Тереке и низовьях Сунжи водились все рыбы Каспийского моря, в том числе и осетровые. Практически во всех реках и озерах Чечни встречалась форель, сом, усач, лосось, щука, карась и голавль[11].

Степные притеречные районы Чечни отличались богатыми пастбищами и сенокосами. В конце XVIII в., на орошаемых землях Притеречья снимали хорошие урожаи риса, кукурузы, табака и винограда.

В горной части Чечни имелись и рудные ископаемые: выходы меди, серебра, свинца, железа, угля и серы. В XVI-XVIII вв. отмечена добыча меди, свинца и серебра в верховьях Шаро-Аргуна и Чанты-Аргуна. Но добыча руды и выплавка металлов велась примитивными способами и в весьма незначительных масштабах[68].

В Чечне были издавна известны природные выходы нефти. Так, естественные нефтяные ключи на Терско-Сунженской возвышенности отмечены с начала XVII в., а нефтяной источник близ сел. Беной в восточной части Чечни эксплуатировался по крайней мере с середины XVII в. В XVIII в. добыча нефти в Чечне велась уже из искусственных колодцев и предназначалась на продажу, главным образом на Кавказской Линии[12].

Выходы минеральных и горячих вод на Терско-Сунженском хребте, таких как термальные воды близ селений Брагунов и Девлетгирей-Юрта (Старый Юрт), а также на Качкалыковском хребте близ Мелчхи (Исти-Су), были известны в русских источниках с XVII в. и использовались в производстве войлоков и бурок, а так же для лечения. Первые факты использования «теплых вод» на территории Чечни в лечебных целях русскими людьми относятся к середине XVII в. В 1717 г. некоторые «теплицы» на территории Чечни были обследованы доктором Шобером, а в 1772 г. академиком И.А. Гильденштедтом. В частности Брагунские теплые воды посетил царь Петр Первый в 1722 г. (после чего они наносились на карту под именем Петровских). В середине XVIII в. российские власти пытались устроить постоянную лечебницу у одного из минеральных источников на Терско-Сунженском хребте[14].

Широкое применение находили в Чечне выходы гончарной глины и строительного камня. Но главным природным богатством оставались конечно богатые почвы, корень-марена, лес с его разнообразным поделочным и строевым составом, богатые степные и горные луга, дикорастущие плоды и ягоды.

Таким образом, географическое положение и природно-климатические особенности и природные богатства края в целом благоприятствовали успешному развитию Чечни и чеченцев (за исключением, быть может, высокогорной части края) в сложных исторических условиях исследуемого времени. Однако имеющийся «природный» потенциал, не мог быть задействован в полную силу в виду известного географического отстояния края от морских и сухопутных торговых путей мирового или континентального значения.

---

[1] Чечня: чеченцы — этнотерминологические определения русских документов начиная со второй половины XVII века. В их основу легло название феодального владения с центром в крупном плоскостном селении — Чечен-Аул; сегодня, собственно, Нохчичьо — означает буквально «жилище/страна нахчой/нохчой». Нахчи/нохчи — самоназвание чеченцев, в переводе на русский язык: «люди», «наши люди». Чоь/чо – букв. «место», «обиталище», «внутреннее (расположение)», поэтому еще в XIX в. говорили «нахчуо», а не «нахчи/нохчи». Этноним «нахи/вайнахи» объединяет горцев говорящих на нахских языках нахо-дагестанской (восточнокавказской) группы языков.

ДегIаста — означает Дагестан (Страна гор. – с иранского яз.). Так называли, по крайней мере с эпохи средневековья, Северо-Восточный Кавказ с населяющими его многочисленными народами. В связи с увеличением населения и ростом политической значимости Чечни она получает, по крайней мере, к началу XVIII в. определение как самостоятельная область. Есть еще одно самоназвание Чечни, кроме Нохчичьо и ДегIаста, это Даймохк; переводится с чеченского как «земля отцов», по сути, «отчизна».

[2] См., подробнее: Вопросы физической географии Головлев А.А. Очерки о Чечне (природа, население, новейшая история). Ульяновск. 2007. С.25-43.

[3] Ган К.Ф. Экскурсия в нагорную Чечню и западный Дагестан летом 1901 г.//Известия КОИРГО. Т.15, № 4. Тифлис, 1902. С.216-217.

[4] Чеченцы: история и современность. Сост.и общ.ред. Ю.А.Айдаева. М., 1996. С. 105-109.

[5] См., Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859//Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1990. С. 8-12.

[6] См.: Книга Большому Чертежу. Подг. к печати К.Н.Сербаной. М-Л., 1950. С. 90-91; Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII в. Сб.док. Сост. Е.Н.Кушева. М., 1997. С.110-111.

[7] Россикова А.Е. Путешествие по центральной части Горной Чечни//Записки КОИРГО. Тифлис, 1896. Кн.18. С.293

[8] Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 151-152.

[9] См.:РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.1. Л.220-221; Русско-чеченские отношения... С. 201; Чеченцы: история и современность. С. 85-91.

[10] Потто В.А. Кавказская война. В 5 т. СПб., 1888. Т.2. С.66.

[11] См.: Гюльденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. СПб., 2002. С. 41, 51; Броневский С.М. Новейшия Известия о Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским: В 2 томах. Подг. к изд. И.К.Павловой. СПб.,2004. С. 14-142,162.

[12] Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. В 2-х т. Т.1. М., 1957. С.120; Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. Тифлис, 1900. С.43; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII - первой половине X1X века/

/Труды ЧИНИИИЯЛ. Т.4, вып.1. Грозный, 1961. С.61-65; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в в XVIII - начале XIX века. Грозный, 2002. С.42-43; и др.

[13] Казбек Г. Военно-статистическое описание Терской области. Ч.1. Тифлис, 1888. С.197; Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (втор.пол. XVIII в. – 40-е годы XIX в.). Рук. дисс. канд. ист. наук. М., 1966. С.321.

[14] См.: Русско-чеченские отношения... С. 171; Раввинский. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809. С.291; Броневский С.М. Указ.соч. С.142-143; Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722-1723 гг.М., 1951. С. 21.

§ 2. Границы Чечни. Расселение и численность

Западная географическая и этнополитическая граница Чечни в XVI в. в целом была неопределенной вследствии относительного неразмежевания этномассива нахских обществ на собственно чеченские и ингушские. Область проживания западных нахов заключала верховья Ассы, верхний бассейн Терека с его правыми притоками Охкарохи и Армхи (собственно Дарьяльское ущелье) и заходила в ХУ1-ХУП вв. в Архотское ущелье (позже заселенное хевсурами). При этом есть данные, что в некоторых нахских обществах Закавказья, составлявших остатки древнего пласта нахоязычного населения, процесс огрузинивания не был законченным даже в XVII в[1].

В конце XVIII в. западная граница чеченского этноса определялась линией, начинающейся в южной точке - от горы Махисмагали - и спускающейся к северу по хребту Вегилам. Затем эта условная линия уходила резко на запад по северной стороне хребта Цорейлам до реки Ассы. Далее граница спускалась по бассейну Ассы (в том числе и по левому берегу) вниз на север, до точки выхода реки на равнину (здесь Асса поворачивает на восток и впадает в Сунжу). Немного выше от указанной точки поворота Ассы (в районе более позднего селения Алхасты), граница шла к северо-западу по течению р.Яндери (приток Сунжи) и далее по прямой почти до реки Курп, где по правобережью Курпа линия границы сворачивала к востоку до Терека, к землям селения Ногаймирзан-Юрт.

В «верхней» части своей границы чеченские общества аккинцев, мержойцев, цечоев, карабулаков и предгорных галашевцев соседствовали с близкородственными нахскими обществами горных цоринцев, галгаев и «ангуштинцев» расселившихся в т.н. Тарской «долине» в селениях Большие и Малые Ингуши.

В нижней части своей западной границы чеченцы также соседствовали с владениями т.н. Малой Кабарды, сильно сократившимися в своих размерах во второй половине XVII — начале XVIII в[2]. Если в XVII в. междуречье Терека и Сунжи именуется «Малой Кабардой», то к XVIII в. в силу различных причин кабардинскими князьями были оставлены все равнинные земли междуречья в Чечне вплоть до правобережья Курпа (находившиеся ранее в зоне хозяйственного пользования кабардинцев). Расположение малокабардинских селений в первой половине XVIII в. по речкам Пседах, Кескем и Курп с увеличением их селений на Кумбелее и правобрежье Сунжи в верхнем течении, подтверждают данные собранные Н.Г.Волковой.[3]

«Безымянная земля, простирается верст на 40 по правому берегу Терека от Наура до Девлетгиреевской деревни. Она принадлежала прежде князьям Малой Кабарды, которые не заводили тут постоянных селений... Усилившиеся набеги чеченцев с границы Малой Кабарды принудили их оставить им земли...» отмечал С.М.Броневский. [4]

В начале XVI в. этническая граница основной, «чеченской» части нахов определялась следующими географическими ориентирами: на севере граница шла в широтном направлении по течению р.Сунжи и Сунженскому хребту (от поворота р. Сунжи с северного направления на восточное)[5], а затем вдоль северного склона Качкалыковского хребта выходила к востоку в предгорное междуречье Аксая и Акташа, где располагался центр Окоцкого (Ауховского) феодального владения. Восточнее Окоцкого владения шли кумыкские земли.

Идущие от верховьев Акташа и далее на юго-восток Андийский и Снеговой водораздельные хребты отделяли границы чеченского этноса от горных андоцезских народов Дагестана.

В XVШ в. северная граница Чечни, в виду завершения процесса возвращения чеченцев на плоскость и усиления ее политического влияния, шла уже примерно от впадения р. Курп в Терек и по правому берегу Терека до левобережья р.Аксая – за которой начинались кумыкское Аксайское княжество.

На юго-востоке и юге географическая граница Чечни в XУ1 в. шла примерно по вершинам Андийского, а затем Снегового хребта от вершины Заин (Дзайн)-Корт (3308 м) до Диклос-Мта (4285 м), а затем по вершинам Бокового отвлетвления (Тушетский или Пирикательский хребет) Главного

Кавказского хребта до горы Махисмагали (3990 м). На последнем участке южной границы – на протяжении от Махисмагали до Диклос-Мта — чеченские высокогорные общества («кистинцы» в грузинской этнонимике) граничили с тушинцами (собственно Тушетия делилась на Чагма и Цова-Тушетию населенную нахоязычными бацбийцами), хевсурами и пшавами Кахетии (историческая область Грузии). На этом же участке южной границы возвышалась и самая высокая горная вершина Чечни Доко-Корт, более известная под названием Тебулос-Мта (4494 м). Она же и самая высокая точка Восточного Кавказа.

Таковы были примерно географические границы расселения нахских обществ Чечни в исследуемый период. В течение трех столетий в указанных пределах заканчивается процесс сложения чеченской нации — от ауховцев на востоке до арштинцев-карабулаков и галашевцев на западе, от мялхинцев и майстинцев на крайнем горном юге до пседахинцев и теркхоевцев (притеречных чеченцев) на севере.

Собственно географические границы Чечни совпадали с этнотерриториальными, за тремя исключениями. На юге Тушетский хребет отделял Чечню от близкородственных нахоязычных цова-тушин (туш-бацой, бацой, бацбийцы), входивших в Тушинское общество (Тушети) Грузии. Они, как и грузиноязычные чагма-тушинцы, исторически входили в состав Грузии и исповедовали языческие верования с элементами христианства.

За пределами восточных границ Чечни в кумыкских феодальных владениях проживало немалое число этнических чеченцев, как отдельными поселениями, так и кварталами в кумыкских аулах. С начала XVII в. Окоцкое владение – Аух целиком вошло в состав северодагестанского Эндерейского княжества на правах самоуправляющегося территориального общества. Только в конце XVIII в. – начале XIX в. оно вновь стало «причисляться» к Чечне.

Кроме того, около 160 семейств окочан, бежавших за Терек на рубеже XVI—XVII вв. живя в русских границах в крепости Терки основали под ней отдельную слободу, а со второй четверти ХУШ в. перешли под крепость Кизляр, также отдельным селением. В составе Окоцкой («Акоцкой») слободы к тому времени считались не только собственно окочане (ауховцы), но и выходцы из «мичкизов», «шибутов» и других чеченских обществ. Окочане являлись российскими подданными, имели

во главе своих служилых князей в офицерских чинах, но также и избранных старшин-«старост»[6].

Следует отметить, что некоторые исследователи и наблюдатели конца XVIII – начала XIX в. расширяли этническую границу Чечни до левого берега Терека в верхнем течении, включая в нее и западнонахские общества — Джейрах, Мецхал, Чулхой, Цори, Галгай, Ангушт, Назрань (жители которых в конце XVIII–XIX в. слагаются в ингушскую народность на базе двух последних крупных плоскостных обществ)[7]. Это обстоятельство в какой-то степени отражало центростремительные консолидационные процессы, когда более крупный этнос вбирает в себя пограничные диалектные единицы.

Сближение ингушей с чеченцами в ХУШ в. диктовалось также идеологическими (принятием первыми ислама) и политическими (совместным сопротивлением колониальной политике царизма) причинами. Однако данная объединительная тенденция не получила своего логического завершения вследствие целого ряда объективных причин.

Политические границы Чечни к концу ХУШ в. по сравнению с XVI – XVII вв. расширились значительно. Сложившаяся к тому времени обстановка вокруг страны — ослабление феодальных соседей, успешное сопротивление горцев натиску Российской империи, военная мощь и экономическая состоятельность вывели Чечню в ведущую политическую силу на Северо-Восточном Кавказе. Так, российские власти считали именно чеченцев «ответственными» за участок границы по Тереку протяженностью свыше 200 верст: от Моздока до Кизляра, и именно против нее предназначался левый фланг военной Кавказской Линии протянувшейся от Каспия до Азова.

С другой стороны, в конце XVIII в., чеченские военно-политические объединения распространяют в определенной мере свое политическое влияние на запад до так называемой Осетинской равнины, западных оконечностей Сунженского и Терского хребтов, до правобережья реки Курп (приток Терека). Так русская крепость Владикавказ была построена в 1784 г. на «границе» поселений ингушей и осетин под формальным предлогом их защиты от «чеченских набегов».

В развернувшейся в конце ХУШ- начале Х1Х в. войне на Северном Кавказе в форме горских набегов и карательных «репрессалий» царских войск за влияние над «коридором»

от Владикавказа до Моздока российские войска ценой напряженных усилий отвоевали контроль над указанной территорией у Чечни, значительно сократив тем самым и ее общую границу с дружественной Кабардой[8].

Границы хозяйственного пользования землями Северного Кавказа жителями исторической Чечни складывались в результате многовекового хозяйственного освоения горных и равнинных земель и взаимодействия с соседями. Так, есть основания предполагать, что еще в средние века горные чеченцы, в силу традиции и различных соглашений, пользовались пастбищами в андийских обществах и в Аварском ханстве Дагестана, а также в междуречье Терека и Сулака[9]. Во второй половине XУП- XVIII вв. в связи с возвращением чеченцев на плоскость подобная практика начинает сходить на нет.

На севере, за Тереком, огромные пространства Бурунной степи (входящей в границы современной Чечни) начиная с глубокой древности находились в зоне отгонного скотоводства населения Чечни и использовались им в качестве зимних пастбищ. По левому берегу Терека проходил и участок важной торговой дороги, связывающей Чечню и Дагестан с Кабардой и другими народами Северного Кавказа и степными кочевниками. Однако, в эпоху татаро-монгольского господства и распада Золотой Орды (XIII – XV вв.) использование левобережья скорее всего было спорадическим. В XVI-XVII вв. здесь кочуют ногайцы, пытаются утвердиться кабардинские князья, главным образом русской службы, и терско-гребенские казаки.

В конце XVIII в., когда Российская империя закончила строительство Кавказской военной линии между Каспийским и Азовским морями, возникшая здесь сплошная цепь крепостей, редутов, станиц и прочих укреплений (наиболее усиленных именно на «чеченском участке» границы по Тереку) жестко отсекла горцев от доступа к затеречным пастбищным землям и торговым степным путям в Кабарду, Крым, ногайские кочевья и казачьи городки и станицы, чем был нанесен серьезный удар по традиционному хозяйству горцев.

Известно, что одна из главных причин борьбы за Терек, развернувшейся в конце XVIII в. между Россией с одной стороны, Чечней и Кабардой с другой, заключалась как раз в лишении горцев возможности свободного доступа к затеречным землям. Вновь устроенная Линия настолько стеснила равнинных

чеченцев и их союзников кабардинцев, что горцы еще в 70-х гг. XУШ в. под угрозой всеобщего восстания «требовали, чтобы... (царские власти.-Авт.) покинули вновь устроенную линию от Моздока до Ставрополя и возвратили занятые... пункты». Начавшиеся следом вооруженные схватки с царскими войсками за указанные земли привели чеченцев и кабардинцев, к большим жертвам[10].

Следует отметить, что на территории Чечни, в ее современных границах, жили не только этнические чеченцы. Так, старожилами являлись русские гребенские казаки, стоявшие сначала «городками» на Терском хребте, а по крайней мере с XVII в., обитавшие в пяти «старых» станицах по левому берегу Терека: Червленная, Старогладовская, Новогладовская, Щадринская и Кордюковская. Еще в 1636 г. гребенцы выставляли «на службу» около 356 человек. В XУШ в. число «служащих» возросло до 500 человек. Примерно столько же находилось в «запасе». Как известно оседлость казаков на берегу Терека началась в первой трети XУП в. Но одно время ранее «сторожки» и небольшие «городки» казаков стояли на правом берегу Терека на Терском хребте в некотором соседстве с чеченскими поселениями предгорий.

В результате давнего смешения с чеченцами и другими горскими и степными соседями, гребенские казаки приобрели своеобразное этнографическое лицо, превратившись по существу в отдельную субэтническую группу русского казачества. Если к началу XVII в. в «Гребенях» проживало до 500 «человек» (мужчин), то в 20-х гг. XVIII в. на левом берегу Терека насчитывалось до 4 тыс. душ русского населения обоего пола [11].

Начиная с 70-х гг. XVIII в. на левом берегу Терека в пределах от станицы Червленной до Моздока и к западу от него были поселены с Волги, Украины и Дона новые группы казаков. Они также восприняли многие черты горской культуры от своих чеченских и горских соседей.

Другой крупной этнической единицей, отмеченной на левобережье Терека в нижнем течении, по крайней мере, с XVI в., являлись ногайцы и другие тюрки -кочевники входившие в состав Тюменского княжества. В XУШ в. они продолжали кочевать под Кизляром и западнее его, где уже имели несколько постоянных кочевий в районе Сары-Су (современный Шелковской район Чеченской Республики)[12].

В отличие от казаков и ногайцев, кумыки (выходцы из Северного Дагестана) жили непосредственно на территории

исторической Чечни, где они селились отдельными кварталами в чеченских селениях по Тереку и даже создавали отдельные кумыкские села, к примеру, Бамат-Гирей-Юрт (Виноградное). Селение Брагуны, насчитывавшее к началу XVIII в. более 500 дворов, также называют кумыкским. Но оно было основано в 1651 г. близ слияния Сунжи с Тереком неким тюркским племенем, которое в XVIII в. стало считаться окумыченным, хотя и продолжало сохранять свое особое лицо. Население Брагунов было тесно перемешано с чеченцами. Само селение являлось наследственным феодальным владением княжеской фамилии Таймазовых и было вписано в политические границы Чечни[13].

Кроме того, в чеченских аулах отмечены отдельные квартальные поселения аварцев, даргинцев, андийцев, кабардинцев, черкесов, русских, армян, горских евреев и др., не создававших, впрочем, отдельных национальных общин, а вписанных в аульную систему того или иного поселения. Можно также допустить и коренизацию отдельных пограничных сел с дагестанским населением в исследуемый период[14]. Чеченский народ исстари являлся открытым обществом, принимавшим любых переселенцев и беглых. Переселившимся обеспечивалась защита и безопасность, что являлось показателем экстерриториальности и суверенности чеченской страны.

В результате продвижения русских крепостей, станиц и крестьянских поселений в Предкавказье и на Терек в XVI – XVIII вв. в них стали селиться выходцы из числа иранских торговцев (тезиков), армян и грузин. Начиная с Петра Первого расселение армян и грузин на Тереке (включая территорию современной Чечни) приняло планомерный характер. Так, в 1785 г. в Кизляре насчитывают 1600 грузин, в т.ч. и военнослужащих. По данным 1796 г. в Кизлярском уезде насчитывалось 2800 армян В 1789 г. половину населения Моздокского уезда составляли грузины и армяне, бежавшие из Закавкаья от иранского и турецкого гнета[15].

Общую численность собственно северокавказских нахов — чеченцев и ингушей, в ранних документах XУ1 в. и нарративных источниках XУП-XУШ вв. именуемых «ококи», «шубуты», «чантинцы», «мичиговцы», «мереджинцы», «колканцы», «кистинцы», «мицджеги», «чеченцы», «арштхойцы» (карабулаки), «ингушевцы», «ломур» (по названиям регионов, обществ и ущелий) весьма сложно выяснить.

Для сопоставления можно привести кое-какие цифры. Так, отрывочные данные ХУ1 в. говорят о том, что численность федального ополчения в Окоцком владении составляла 500 человек. Это позволяет говорить об общей численности жителей не менее 3 тысяч человек (если исходить из средней численности семьи в 6 человек). По данным 1647 г. Мичкизское общество (Восточная Чечня) состояло из 36 аулов с числом жителей -«боевых людей» в 3000 человек, что говорит об общей численности населения до 18 тысяч.

Горные аулы центральной части Горной Чечни были сравнительно небольшие, по 10-20 дворов, так в двух многоаульных обществах «горских кистинчат» в 1665 г. насчитывалось всего 200 «людей...» (видимо мужчин). Число «ратных людей» во всей «Шибутской земле» более ранние документы 1656 и 1660 г. оценивают в 1000 человек, а число дворов «крестьянских» в 240. В 1726 г. трое чеченских князей имели «во владении своем около 5000 подданных» и это опять скорее всего численность только мужчин. По документам 70-х гг. XVIII в. одно из самых больших селений Чечни – Чечен-Аул, насчитывало 500 дворов. Столько же имело домов, еще несколько селений по Аргуну и Сунже. В 1758 г. по данным царских офицеров селения «Чеченского владения» по Аргуну могли выставить до 2000 вооруженных воинов. Примерно 1000 дворов насчитывали горные и предгорные карабулаки-арштхойцы в 60-х гг. ХУШ в[16].

Численность чеченцев конца ХУШ в., живущих в аулах по правому берегу Сунжи и ее притокам, в пределах Чеченской равнины, можно исчислить исходя из общей численности дворов: в 7-8 тысяч, или численности ополчения в 10-15 тысяч человек. Бывший комендант Кизляра (1801-1804 гг.) А.И. Ахвердов считал все чеченское ополчение из живущих по Сунже и ее притоках и на Кумыкской (в данном случае Качкалыковской) плоскости в 15000 человек. С.М. Броневский на основе данных главным образом конца XVIII – начала XIX века исчисляет горных чеченцев, ингушей-«кистинцев», карабулаков и «ингушевцев» (равнинных) в 15 тыс. дворов, а собственно чеченцев, «мирных и немирных» по его терминологии, в 20 тыс. дворов (итого в среднем получается 210 тыс. душ)[17]. Известно, что в среднем горский двор считался в 6 человек, а один ополченец выставлялся от одного двора. Если на Чеченской равнине в этот период жило около 60-90 тысяч человек то в более густонаселенной горной зоне их никак не

могло быть меньше. Если следовать косвенным данным можно полагать численность жителей всей Чечни во второй половине ХУШ в. между 130-150 тысячами человек.

Более или менее определенные данные о численности всего населения собственно Чечни (горной и равнинной) мы можем получить где-то за 20-40-е гг. Х1Х в., накануне Кавказской войны. Это примерно 210-220 тысяч чеченцев и 18-20 тысяч ингушей[18].

К концу XVIII в. в основном был закончен процесс внутренней колонизации чеченских земель. Тем не менее, миграционные процессы проявляют себя и в XIX в. главным образом за счет продолжающегося роста числа поселений чеченцев в западных (рост Галашкинского общества, по берегам Ассы), северо-западных и северных, преимущественно предгорных и равнинных районах края (Пседах, Магомед-Юрт, Нагаймирзин-Юрт, Чулик-Юрт, Кень-Юрт и т. д.).

Основные, ведущие, общества Чечни занимали территорию Чеченской равнины (полоса между передовой цепью Черных (Лесных) гор и течением Сунжи). Здесь располагались такие большие аульные объединения Большой и Малой Чечни, как Шали, Герменчик, Большие Атаги, Чечен-Аул, Алда, Гехи и Арштхой (общество Карабулак). Следует отметить, что часть плоскостных аульных обществ входила в состав феодальных владений края в то или иное время.

Наиболее консервативной в отношении миграционных процессов оставалась горная часть края (центральные, южные и западные части Чечни), где населенные пункты и общества существовали порой тысячелетиями в определенных естественно-географических границах.

Самую высокогорную, южную часть края в направлении с запада на восток в бассейне верховьев р.Чанты-Аргуна занимали такие союзы аулов (общества), как М1айста, Малхиста, Кей, Хилдехьрой, Хьачарей, Ч1анта, Терлой, Дишни-Мохк, Чиннаха, Зумсой и другие. В бассейне р.Шаро-Аргун и его притоков, с запада на восток, гнездились башенные аулы обществ Хьакъмада, Х1има, Кири, Бути, Кесала, Шикъара, Шара, Ц1еса, Кенхи и др.

Ниже, на отрогах Скалистых гор и Пастбищного хребта также в зональном направлении с запада на восток располагались аулы обществ Кейн-Мохк, Нашхоя, Цечоя, Аькхка, Пешхоя, Мулкъа, Ч1уо (Ч1охой, Чухой), Гучан-Кхелли, Нихала, Шуьйта, Саьтта, Д1ая,и других.

Последнюю линию горных обществ низкогорной зоны составляли группы аулов таких обществ, как Нахч-Мохк, Галашки и Арштхой. Поселения обществ Галашки и Арштхой находились на невысоких предгорьях,практически на стыке с равниной и были населены выходцами из Галайн-Чожа, Мержоя, Цечоя и Аькхха[19].

Отдельную группу составляли аульные объединения Восточной Чечни (Нахч-Мохк, Мичиг[20] и Качкалык), занимавшие пологие лесистые горы (300—1000 м) благоприятные для земледелия. Поэтому этот район по хозяйственному типу, особенностям общественного уклада и по языковому диалекту был тесно связан с плоскостью, и именно отсюда пошла своеобразная чеченская реконкиста XVI—XVII вв. на север (Притеречье), запад (Чеченская равнина) и на северо-восток (Кумыкская равнина).

Здесь, в Нахч-Мохке, в XVI–XVIII в. располагались такие объединения, как Элистанжи, Чермой, Харочой, Эрсана, Эг1ашбета, Гуьна, Белг1ата, Курчала, Ц1онтара, Теза-Кхаьлла, Ширди-Мохк, Гордала, Айт-Кхаьлла, Шона, Эна-Кхаьлла, Ялхой-Мохк, Алара, Энгеной, Сесана, Бена, Гендаргана, Билта, Зандака.

Между северными границами Нахч-Мохка (Ичкерия) и течением Терека располагались общества Мичиг (территория по р. Мичиг) и Качкалык. Аулы Качкалыка числом до 6 (по другим данным до 8) тянулись по северному скату одноименного хребта от впадения в Сунжу р. Гумс (Белая) на западе до левого берега Аксая на востоке, занимая западную часть так называемой Кумыкской плоскости. Целый ряд данных, основанных правда исключительно на показаниях аксайских князей говорит, что аулы Качкалыка являлись «подвласными» им в силу заселения горцами княжеских земель. Однако документальные источники XVIII в. говорят о другой природе феодальной ренты в их пользу – плата за «управление», но не за землю. Поэтому еще в 70-х гг. XVIII в. аксайские князья охотно признавали, что «качкакалыки...им не подвластны»[21].

На правом берегу Терека близ впадения в нее Сунжи располагалось крупное селение Брагуны в котором правила княжеская владельческая фамилия. «Брагунское владение... имеет верст с двадцать в длину по берегу Терека начиная от Девлетгиреевой деревни до устья Сунжи...» отмечал С. Броневский. Оно было вписано в политические границы

Чечни, но население здесь принадлежало к самостоятельной тюркской группе поселившейся на Сунже в 40-50 гг. XVII в.[22]

В верхней части бассейна Акташа и Аксая в предгорной полосе (современный Северный Дагестан) располагалось большое Ауховское общество (одно время феодальное владение), делившееся в свою очередь на Пхьарчхой-Аькха (или Ширча-Аькха) и Г1ачалкха-Аькха. Ряд хуторов и кутанов собственно ауховско-аккинского и мичиговского происхождения располагались вне пределов указанных обществ на землях кумыкских князей, спускаясь по междуречью Сулака и Терека едва ли не до берега Каспийского моря.

Масса чеченцев исторически долго жила чересполосно с кумыками во многих селах Северного Дагестана. К концу XVIII - началу XIX в. земли собственно Ауховского общества, располагавшегося в лучшей, наиболее плодородной части Кумыкской плоскости стали причисляться к Чечне. Все остальные поселения Северного Дагестана с чеченским населением причислялись по прежнему к кумыкским княжествам[23].

К концу ХУШ в. этнополитическая картина Чечни в региональном измерении несколько меняется за счет возвышения на севере страны нового региона – Притеречья (Теркъйист). Здесь самыми крупными аулами были Ногаймирзин-Юрт, Верхний и Нижний Наур, Кень-Юрт, Старый Юрт, (Девлетгирей-Юрт) и Новый Юрт (Баматгирей-Юрт) и, собственно Брагуны. При этом Брагуны были основаны в середине XVII в., Девлетгирей-Юрт в середине XVIII в., другие «княжеские аулы (первооснователями выступали князья чеченского, кумыкского и кабардинского происхождения) возникают в последней четверти XVIII в.[24]

Необходимо также учитывать, что по крайней мере со второй половины XVIII в. в географической литературе и в документальных источниках появляется кроме ингушей-«ангуштинцев», равнинных «чеченцев» и горных(«ломур»), называемых в литературе XVIII-XIX вв. кистинцами еще одно этническое определение – карабулаки («арштхой/орстхой»). Так обозначали население чеченских по языку жителей обществ между Ассой и Фортангой не подвергшихся, как и нахи-ингуши, исламизации. Между тем, в средние века да и в новое время не только на Кавказе, но зачастую «в той же Европе» религиозный фактор выступал основным национределяющим

элементом. В конце XVIII – начале XIX века карабулаки были полностью исламизированы и вписываются в системообразующую составляющую Малой Чечни, а через нее и всей Чечни.

Тем не менее, по своему правы те исследователи, которые писали, что нахский этнический массив на Северном Кавказе именно в XVIII в. делился на три основные группы – чеченцы (нахчи), и две малые - карабулаки (арштхойцы) и ингуши (галгай). Другие авторы пишут о делении нахского этноса, совершенно единого кстати как этнографический субъект, на еще более мелкие группы[25].

Становление этнополитических границ Чечни в XVI-XVIII вв. сопряженное с демографическим ростом и густым заселением плоскости являлось следствием глубинных цивилизационных процессов. «Наполнение» определенного географического пространства на Северо-Восточном Кавказе чеченской этнической общностью не было механистическим явлением, а сложным интеграционным процессом рождения новой динамичной нации, решительно менявшей старую картину бытия в регионе.

[1] См.: Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в ХУШ-начале XX века. М., 1974. С.146-153; Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа. XVI – XIX века//Народы Кавказа. Кн.1. М., 1993. С.69-72;

[2] См.: Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 5—12; Тотоев Ф. В, Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII — 40-е гг. XIX века). Рук. Дисс. канд. ист. наук. М.,1966. С.85—86; Волкова Н. Г. Указ. соч. С.53—54; Ахмадов Я. 3. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С.16; Его же: История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С.246-249.

[3] См.: Волкова Н.Г. Указ.соч. С. 51-56; Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Указ.соч. С.30-31;

[4] Броневский С.М. Новейшие Известия о Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским: В 2 томах. Сост. И.К.Павлова. СПб., 2004.С.162.

[5] Следует отметить, что вопреки устойчивому мнению чеченские общества в XVI-ХУП вв. с собственно кабардинскими поселениями в границах современной Чечни не соседствовали, за отсутствием последних в междуречье Терека и Сунжи. Тем не менее, еще в XVIII в. междуречье Терека и Сунжи продолжает носить название Малой Кабарды, хотя появление кабардинцев в этой зоне носило спорадический характер. Более постоянный характер носили кабардинские поселения в современных границах Ингушетии (у Назрани, близ Малгобека и на землях Пригородного района, что находится в составе Северной Осетии с 1944 г.)

[6] См., Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII в. Сб. док. Сост. Е. Н. Кушева. М., 1997. С. 54, 121; Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Указ.соч. С. 93.

[7] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Л.4—4 об.; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. XXXVIIIa. 76 полутом. СПб., 1903. С. 785; Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А.Эфрона. Т.13. 25 полутом. СПб., 1894. С.58; Лаудаев У. Чеченское племя // Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1990. С.75—77, 93; Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // Сб. сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. С.1; Пожидаев В. П. Горцы Северного Кавказа. М.—Л., 1926. С. 13; Волкова Н. Г. Указ. соч. С.163-164; и др.

[8] См.: Акты, собранные Кавказской археографической Комиссией (АКАК). Т.4. Тифлис, 1870. С.894, 895—898, 902, 944; АКАК. Т. 4. Ч. 2. Тифлис, 1875. С.500; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.2—63, 161—162, 225—226; Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч.2. СПб., 1869. С.165; Потто В. Л. Два века терского казачества. Т.2. Владикавказ, 1912. С.200; Буцковский А. М. Выдержка из описания Кавказской губернии и соседних горских народов//История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С.239; Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г.//История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958.С.226; Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах//Известия Чечено-Ингушского респ. краев. музея. Вып. XI. Грозный, 1975. С.13; и др.

[9] См.: Бутков П.Г. Известия о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре // Россия и Кавказ: сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. С.10; Гордин Я. Ермолов // Россия в Кавказской войне. Исторические чтения (Вып.3). СПб., 2000 С.87.

[10] См.: Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. С.81—83; Его же: История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. С.246-249; Записки Густава фон Штрандмана//Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы/Сост. Я.А.Гордин и Б.П.Миловидов. СПб., 2002. С.

[11] См.: Русско-чеченские отношения... С. 121; Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов в Северного Кавказа в XVI – XVII вв. Грозный, 1988. С. 38-39; Великая И.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII - XIX вв.//Интернет. http.WWW.COSSAKDOM.COM.

[12] Волкова Н.Г. Указ.соч. с. 88, 91; Полевые материалы Я.З. Ахмадова.

[13] См.: Ахмадов Я.З., Оразаев Г.Р.-М. К истории политических связей Чеченского феодального владения с Россией в XVII-XVIII вв.//Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII – нач. XX вв.). Грозный, 1983. С. ; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.80-93, 193-211.

[14] Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 91.

[15] См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. С.374-375; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.198-202; Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Указ.соч. С. 90; Барред М.Томас. Линия неопределенности: северокавказский "фронтир" России // Интернет. С.182; Суздальцева И.А. Грузинская диаспора низовьев Терека в XVIII- первой половине XIX в.// Интернет: http:nikc.itech.ru/modules/books/big.

[16] См.: РГВИА. Ф.482, оп.1, Д.192. Л.158; АВПРИ МИД РФ. Ф.Кизлярские и Моздокские дела, 1762-1772 гг. Оп.118. Д.1. Л.5 об.; Русско-чеченские отношения... С. 165, 183, 186, 203, 206; АКАК. Т.1. Тифлис, 1869. С.716; Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. С.144, 149. Тотоев Ф.В. Указ.соч. С.98-102; Волкова Н.Г.Динамика численности вайнахских народов до XX века//АЭС. Т.2. Грозный, 1968. С.116-118, 123; Ее же: Этнический состав населения в XVIII – начале XX веков. С.171-172, 179; Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни с древнейших времен до конца XIX в. Грозный, 2006. С. 376; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией. С.66; и др.

[17] См.: Ахвердов А.И.Описание Дагестана. 1804 // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С. 227; Броневский С.М. Указ.соч. С. 45; Ахмадов Я.З. Указ.соч. С. 17.

[18] См.: РГВИА. Ф.ВУА. Д.18508. Л.9-12; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е годы XIX века. Сб. док. Махачкала, 1958. С.124-125; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.116-118; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.66; и др.

Приводимые ранее в литературе расчеты численности ингушей в 70-х гг. XVIII в. согласно данным И.Гюльденштедта (повторенным С. Броневским) в 5 тыс. дворов (соответственно 30 тыс. чел.) оказались недостоверными. Цифра И.Гюльденштедта относится ко всем "кистинцам" - жителям верховий Фортанги, Ассы, Аргуна и Армхи. Данные конца XVIII - начала XIX в. говорят о числе дворов на территории собственно исторической Ингушетии от 1155 до 2000. Численность ингушей резко стала расти после переселения к Назрани в 1810 г. - См.: АВПРИ МИД РФ. Ф.Кизлярские дела, 1771. Кн.2. Л.59-59об.; Архив Сев. Осет. НИИИЯЛ. Ф.33. Оп.1, Д.168. Л.183 (Копия); Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. СПб., 2002. С.240-242; Броневский С.М. Указ.соч. С.181; Гаджиев В.Г. Якоб Рейнеггс о Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII - нач. XX в.). Грозный, 1986. С.29; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII - начале XIX века. Грозный, 2002. С.45-

47; Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М., 2003. С.61.

[19] Подробную роспись горных обществ и аулов по Чанты-Аргуну, Шаро-Аргуну и их притокам можно найти и в работе Н.С. Иваненкова. «Горные чеченцы» (Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ. 1910).

[20] Необходимо учитывать, что в русских документах XVII в. топоним «Мичиг» зачастую покрывает весь Нахч-Мохк (в XIX в. именуемом Ичкерия). Несколько раз в документах XVI и XVII вв. встречается этнотопоним «Гумик», что возможно является вторым названием того же «Мичига». Можно полагать, что к ХУШ в. собственно мичиговские чеченцы имевшие общество на р.Мичиг еще входили в общественно-политическую структуру Нахч-Мохка.

[21] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп.1.Д. 654. Л.69; Анчабадзе Д.Ю., Волкова Н.Г. Указ.соч. С. 137;

[22] См.: Броневский С.М. Указ.соч. 162; Ахмадов Я.З.Указ.соч. С. 39.

[23] См., по вопросам расселения нахов в XVI-XVIII вв.: Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI – первой четверти XVII вв. М., 1963. С.61-73; Сулейманов Ахмад. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 2006; Адилсултанов А.А. Акки и аккинцы в XVI—XVIII веках.Грозный, 1992. С. 11-18. Ахмадов Я. 3. Вайнахи в кумыкских княжествах...С. 62-63;Его же: История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С. 246-249, 306-307; Исаева Т.А., Исаев С.-А.А. Вопросы истории сельской общины чеченцев и ингушей (XVI-XVII вв.)//Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX вв.). Грозный, 1982; С. 45-52; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.264-268; и др.

[24] См.: Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч.II. СПб.1868. С.22-23, 62, 112; Волкова Н.Г. Указ.соч. С.184-185; Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Указ.соч. С. 78, 138-139.

[25] См.: Волкова Н.Г. Указ.соч. 142,162; Гантемирова Г.А. К истории карабулаков // Известия Чечено-ингушского респ.краев.музея. Вып. XI. Грозный, 1975. С. 66-67; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. С. 16; и др.

Глава III. Хозяйственные занятия чеченцев в XVI-XVIII вв. Образование единого хозяйственного пространства

§ 1. Земледелие. Равнинная Чечня как новый зерновой центр Северного Кавказа

Чечня, как и весь Кавказ, принадлежит к древнейшей земледельческой зоне обитаемого мира, где исторически была развита т.н. «аграрная цивилизация» заключавшаяся в выработанной на протяжении веков и тысячелетий технологии сберегающего земледелия – идеального для своего времени и места сочетания видов и сортов злаков, типов орудий труда, приемов обработки почвы с неукоснительным следованием природно-климатическим циклам.

Ввиду того, что предки чеченцев практически с эпохи ранней бронзы не знали массовых переселений и тысячелетиями развивались в ареале заключенном в одних и тех же географических границах, они нашли и закрепили в своей агрокультуре некую удачную модель районированную в ландшафтах «равнина», «предгорья», «горы» спроецированную на конкретные почвенные данные той или иной «горы», ущелья, равнины, земель того или иного аула, и т.д.

В связи с изложенным, следует остановиться на особенностях развития земледелия Чечни в XVI – первой половины XVII в. прежде всего в горной зоне. Конкретные документальные и иные данные здесь весьма скупы вследствие того, что в этот период русские и европейские наблюдатели редко и на короткий срок проникали в горы Чечни. Однако система земледелия (равно как и характер землепользования в горной части Чечни) была настолько устойчива и консервативна, что практически без каких-либо изменений дошла до начала XX в., благодаря чему и была легко реконструирована в трудах этнографов. Комплекс орудий труда связанного с земледельческим циклом – пахотой, уходом за растениями и уборкой урожая, включая его последующую обработку,

выявляется как в полевых материалах этнографов, так и в изысканиях археологов.[1]

Согласно данным этнографа начала XX в. Н.С.Иваненкова, обстоятельно рассмотренных в наше время профессором Ш.Б.Ахмадовым, в Горной Чечне все земли традиционно делились на общественные и частные. К общественным относили: 1) горные пастбища; 2) аульные выгоны; 3) сенокосы; 4) пашни (под которыми подразумевались крайне незначительные по площади распашки для общественных нужд).[2]

Горные пастбища, под которыми мы понимаем прежде всего альпийские луга от 1800 м. над уровнем моря и выше могли принадлежать целому обществу, нескольким обществам или считаться общенародным достоянием; аульные выгоны обслуживали надомный скот отдельных селений непосредственно к ним примыкая. Сенокосы на горных склонах близ аулов по традиции делились по жребию на «купы» (кварталы), жители которых, в свою очередь, делили паи между собой.

Вследствие особых условий в горах, особенно в высокогорной части Чечни, практически все пахотные участки существовали в форме естественных и искусственных террас – созданных на склонах гор искусственных площадок с нанесенной землей и навозом. Естественно террасы находились исключительно в частной собственности отдельных семей, реже в собственности «фамилий» (группы кровнородственных семей).

В «низкогорных» районах пологих гор (Восточная Чечня) и в ущельях передовых к равнине лесных гор, кроме сугубо частной («долах мохк») существовала еще и т.н. занятая земля («далаьцна мохк») представлявшая собой расчищенные от леса участки земли, или облагороженные поляны в пределах земельных границ аула или союза аулов со статусом временного пользования. Со временем, освященные традицией, они могли превратиться в «долах мохк», которые можно было продать, купить, подарить, но по общему правилу только внутри общества. В этой части Чечни существовала пока неясная для нас система пользования землей через закладывание садов – «беш» и определения границ пользования медоносными участками лесов.

Исторически сложившаяся частная собственность на пахотные земли в горной зоне Чечни в условиях относительного, а где и абсолютного земельного голода, приводила к невиданной

в той же России и Европе интенсификации земледелия и агротехнического искусства полеводства.[3] Средствами народной агротехники в горной зоне были: искусственное террасирование, интенсивное удобрение, искусственное орошение и севооборот. Из пахотных орудий труда использовались, главным образом, легкий горный плуг («нох»), несколько типов заступов из дерева («бел»), специальный кол («хьокха») для посадки, разные типы мотыгообразного орудия для прополки («метиг», «гама», «цяьл») и железный серп для жатвы («марс»). Для обработки пашни применялись бороны двух типов – волокуша на полозной станине и «комсар–мекха» – рамная деревянная борона с железными зубьями.[4]

Большинство террас находившихся в окружении горных аулов являлись искусственными и назывались просто пашни-«оахам», «терхе» (букв., полка), «шу/шунаш» (букв., на склоне), и т.д.[5] Они создавались на склонах гор путем укрепления насаждением у края деревьев или кустарников, укреплением подпорной стенкой из камней и дерна, выдалбливанием скальной основы с последующим нанесением в «корыто» искусственной почвы. Землю приходилось брать из глубоких долин и ущелий и поднимать во вьюках по тропинкам (и так порой каждый год).

Пределом землепашества в Чечне является высота 2000-2100 м над уровнем моря. В XVI-XVII вв. этот уровень был скорее ниже в связи с эпохальным похолоданием XV-XVII вв. на Кавказе и в Европе. Согласно ряду данных в высокогорных обществах с экстремальными условиями земледелия практиковались смешанные посевы ячменя и овса, ржи и яровой пшеницы, яровой пшеницы и горного гороха и т.д.[6] Именно ячмень и горные сорта пшеницы, в т.ч. местные, являлись для населения Горной Чечни основными хлебными злаками.

Урожайность зерновых на террасных полях зависела от ряда факторов – удачен ли был год дождями, не было ли града, заморозков или урагана. Немалое значение имели высотность участка и его местонахождение – на южной или северной стороне. Порой, вследствие короткого лета или ранних заморозков урожай мог и не успеть вызреть.

Единственные на сегодня данные об урожайности горных террас мы имеем от уроженца высокогорного осетинского аула великого поэта Коста Хетагурова. Удачный урожай свидетельствует он «редко превышает сам – четыре» (т.е. вчетверо больше объема семян потраченных на сев.).[7]

Необходимо в заключение отметить, что в некоторых участках горных ущелий Чечни аридного типа (например, в Чанты-Аргунском и Шаро-Аргунском бассейнах) применялось искусственное орошение террас путем использования как сложной системы ирригационных канав, так и составных желобов («апари») из стволов деревьев или коры липы длиной порой до нескольких верст с преодолением впадин и оврагов с помощью примитивных деревянных и каменных акведуков.[8]

Полеводство безусловно играло в хозяйстве нахов-чеченцев важную роль, но могло обеспечить потребности в хлебе средней горской семьи не более чем на 3-4 месяца. Поэтому горные районы Чечни заключенные между верхними бассейнами рек Ассы на западе и Шаро-Аргуна на востоке, а это в первую очередь общества Шарой, Хуландой, Майста, Малхиста, Хилдехарой, Кей, Нашаха, Галанчож, Акки, Мержой и т.д., остро нуждались в товарообмене с равнинным хозяйственным ареалом. Вместе с тем, и в указанном регионе встречались небольшие горные котловины с более или менее пологими горными склонами и естественными речными террасами (Шатой, Ялхарой, Цечой, Пешхой, Чебарлой), удовлетворявшимипорой за счет интенсивного полеводства годовую потребность в хлебе своих обитателей.[9]

Несколько по иному характеризовалось традиционное полеводство в восточной части Горной Чечни между бассейном Шаро-Аргуна на западе и бассейном рек Аксай-Ярыксу – на востоке, имевшей пологие горы, покрытые густыми лесами. Здесь господствовала система подсечного земледелия – «ирзу», хорошо изученная этнографами XX в. С.-М.А.Хасиевым и Б.А.Калоевым.

В указанной зоне земледелие играло более значительную роль нежели в высокогорной полосе чеченских гор. Согласно традиции селения в Восточной Чечне (называвшейся в XVI-XVII вв. соседями Мичкизской землей, а в XVIII в. Ичкерией) имели такую планировку, когда при каждом доме есть дворовый участок отведенный под сад и огород. Пашенные участки каждая семья, а также группа кровнородственных семей осваивала в окружающих лесах в форме «ирзу». Такие участки земли со временем переходили в потомственное владение и их размер ограничивался трудовыми возможностями крестьянских семей.

Согласно традиционной технологии закладки «ирзу» происходила в холодные дни зимы, когда на намеченном участке вырубались самые большие деревья, или же подрубали кору

вокруг ствола. Сваленный лес либо сжигался на месте, либо вывозился на топливо. Согласно другой методике лес валили на участке ранней весной, затем подсушивали и сжигали получая, таким образом, обильно удобренный золой участок. Единственное исключение в ходе сплошной вырубки делалось для лесных плодовых деревьев, на их вырубку накладывался исключительный запрет. Подготовка подобного участка в лесу была трудоемким процессом на подготовку одной десятины затрачивалось до 50-70 трудодней.[10]

Согласно этнографическим данным в первый год расчищенный и удобренные золой участок засевался с помощью деревянного кола под фасоль, тыкву, огурцы. Осенью поднявшийся подлесок подрубался и сжигался. Далее несколько лет участок продолжали очищать от корней и в зависимости от размера обрабатывали либо заступами, либо горским легким плугом засевая зерном вразброс. В зоне Нахч-мохка высевали ячмень, пшеницу (включая озимые виды) и более теплолюбивое просо.[11] Позже, во второй половине XVIII в. распространение получает более урожайная кукуруза.

В целом, в отличие от высокогорной зоны, здесь могли забрасывать использованный ряд лет участок и осваивать новый. Но, в целом, для Горной Чечни было характерно непрерывное использование пашни. Недостаток земли не позволял использовать известную в Европе систему переложно-залежного трехполья. Чеченцы использовали обильное удобрение пашен навозом и золой, и плодосменную систему (когда чередовались зерновые злаки с фасолью и горохом), особые сберегающие приемы обработки пашенной земли, изредка пользовали пар и т.д.[12] Следует быть отмеченным то обстоятельство, что исторически присущие Горной Чечне виды злаковых – ячмень («мукх»), овес («кена»), пшеница («къа»), включая ее древнюю разновидность - полбу («божа»), рожь («сула»), просо («борц») являлись если и не эндемичными сортами, то исключительно приспособленными к условиям горного полеводства видами злаков.[13]

Из других огородно-посевных культур в Чечне того времени были известны фасоль, тыква, арбуз, дыня, огурцы, лук, чеснок, а на рубеже XVII-XVIII вв. кукуруза и табак.

Несколько особое место в описании земледельческого хозяйства чеченцев в XVI-XVII вв. занимает исторический район Аух на северо-востоке Чечни известный в тот период в русских документах под именем «Окохи» и «Окоцкая земля». Кроме того,

сюда примыкает и нахская колония в низовьях Терека – Окоцкая слобода, (под Терской крепостью) активно и масштабно занимавшаяся пашенным земледелием.

Окоцкая земля – Аух, располагавшаяся в предгорно-плоскостной полосе, обильно орошенная реками Аксай, Ярыксу и Акташ, к 80-м годам XVI в. имела по крайней мере 500 крестьянских хозяйств. После строительства русской крепости на северной протоке Терека (в 30 верстах от впадения в Каспий) в 1588-1589 гг. сюда в результате распрей феодалов Северного Дагестана бегут семьями и поодиночке десятки и сотни окочан. К ним позже присоединяются выходцы из «Шибутской» и «Мичкизской землиц» Горной Чечни. К 1614 г. здесь насчитывается выходцев из «Акоз и Мичкиз» 160 «человек» (имеются в виду взрослые мужчины). К 1636 г. их численность (включая черкесов и татар), под Терской крепостью достигла 1 тыс. человек мужского пола.[14]

Окочане жившие непосредственно в крепости и находившиеся в слободе в «ведомстве» служилых горских князей (Сунчалей, Шолох, Муцал и Каспулат Черкасские) и окочане — жители Ауха, все без исключения занимались земледелием и, судя по всему, в больших масштабах. Так, тот же правитель Окоха Ших-мурза Ишеримов возил своим союзникам русским воеводам в 1588 г. не только мед, овец и кур, но и ячмень. Документы говорят, что после бегства Батая Шихмурзина из Терков воеводы поделили между «служивыми» оставшиеся запасы «проса», «животины» и «рухлядь». В 1614 г. служилые окочане утверждали, что основной источник их существования – пашенное земледелие.[15]

Документ лета 1640 г. – роспись населению терских слобод показывает, что практически все служилые и слободские окочане (главы семейств) находились в момент проведения опроса «на пашне». В то время как те же служилые татары находились либо «на рыбной ловле», либо « «в атарех» (на отаре).[16]

На территории собственно Ауха, богатом водными ресурсами, и в Окоцкой слободе на Тереке, было развито поливное земледелие. Так, были прорыты крупные отводы от р.Аксай и Акташ. Около селений Ширча-Юрт, Мажгар и Кешен создавались такжезапасы воды на летний период в виде небольших искусственных озер.[17]

В первой четверти XVII в. в Окоцкой слободе в условиях засухи ряд лет продожались неурожаи: «ибо судом Божьим река засохла (имеется в виду протока от Терека из которой орошались

пашни. – Я.А.) и воды нет...». И далее: «а у которого ... пшеница или проса на собанех и взойдет от дозжей и тот, государь, хлеб поедает саранча 8-й год. И мы ... стали безхлебны ... помираем з женишка и з детишка голодное смертью»[18].

К концу XVII-началу XVIII в. чеченцы-аккинцы как и все население Кумыкской плоскости Северного Дагестана, увеличивают выход товарного хлеба, который поступает в горы в обмен на продукцию животноводства, лес и металлические изделия. В целом, аккинское население Ауха и нахское население Окоцкой слободы в Терках уже в начале XVIII в. выходит на тот уровень земледелия, на который в той же равнинной части Чечни и в других районах Центрального и Северо-Западного Кавказа вышли только во второй половине XVIII- начале XIX в.

Конец XVIII в. в истории земледелия как в «Ококах», так и в Чечне отмечен победным шествием кукурузы, зерновой культуры требовавшей иной технологии полеводства, больших затрат труда, но превышавшей урожайность лучших сортов пшеницы в несколько раз.

Земледелие собственно ауховских чеченцев и многочисленных переселенцев из Чечни в кумыкских аулах, развивалось в русле развития земледельческого хозяйства равнинного смешанного кумыкско-чеченского населения выведших Северный Дагестан в житницу горной части страны.

Население Кумыкской плоскости делило обрабатываемую землю на три части: две подвергались обработке, третья оставалась под паром. Через год паровой участок засевался осенью озимой пшеницей или ячменем. Обработка земли производилась плугами, тягловой силой служили волы. После ручного посева «вразброс» поле бороновали и производили первый полив с целью сохранения семян от грызунов. В засушливой части Кумыкии широко использовались ирригационные системы позволявшие забирать воду в «нагорных» речках и сооружением плотин разводить ее канавами –»татаулами» по многочисленным полям получая жарким летом особенно высокие урожаи. Сеяли более всего пшеницу, ячмень, овес, а к началу XVIII в. также хлопчатник и рис. Последние культуры высевались исключительно на обильно орошаемых участках.

Уборка производилась серпами, реже косой; хлеб молотили молотильными тяжелыми досками, а мололи зерно на водяных мельницах, которых было множество. Хлеб из кумыкских и

чеченских аулов Северного Дагестана продавался в русских крепостях и станицах, на хлебных рынках Тарков и Эндерея.[19]

Окружающая среда оставалась в доиндустриальной стадии развития человечества наиболее важным фактором определяющим жизнь, тем более в горах. Так, уровень земледелия и его продуктивность на Северо-Восточном Кавказе определялась ярко выраженной зональностью: плоскость и невысокие лесные хребты передовой части горной системы Чечни относились к плодородным черноземным землям, выше чернозем исчезал, уступая место менее плодородным почвам горно-лесного типа, а еще выше бедным подзолистым, а то и наносному грунту.[20]

Чрезвычайная интенсификация земледельческого хозяйства в горах Чечни объяснялась крайним недостатком земли и ее малой плодородностью, а не решающей ролью земледелия в укладе местных горских обществ. Здесь главная жизневоспроизводящая роль оставалась за скотоводством. Иное дело на равнинах Чечни, где наличие свободных земель привело к относительно опережающему развитию земледелия как хозяйственного уклада. Речь идет прежде всего о ситуации на Чеченской и Кумыкской равнинах в XVI – XVIII вв., а позже и в притеречных районах.

Так, Чеченская равнина заключалась между передовой цепью Черных гор (Лесной хребет) на юге до Сунженского хребта на севере, вдоль подошвы которого шло течение р.Сунжи впадающей в Терек ниже Брагунского хребта. Равнина была вытянута с запада на восток до 70–80 км и с юга на север до 25-30 км.

Западная часть Кумыкской плоскости, называемой еще Качкалыковской, заключалась в границах образованных с запада течением Сунжи, с севера руслом Терека, с юга Качкалыковским хребтом и с востока левым берегом Аксая.

Таким образом, западная часть собственно Кумыкской плоскости до р. Аксая и верхняя часть бассейна Аксай-Акташ, были заселены чеченцами, а восточная часть равнины вплоть до Каспийского моря (между протоками Терека и Сулаком и горами Дагестана) была населена в тот период кумыками и ногайцами.[21]

Площадь равнинных земель, занимаемаых а концу XVIII-начале XIX в. чеченцами (главным образом «сунженскими») и «качкалыками» исчислялась русскими наблюдателями «около 3000 квадратных верст».[22]

Самая северная заселенная часть равнинной Чечни – Надтеречная равнина, тянулась между правым берегом Терека и левым склоном Терского хребта узкой полосой с запада на восток от урочища Галюгай до Брагунского владения на востоке (при впадении Сунжи в Терек) примерно на 80-100 км.

В целом, на Тереке и прилегающих равнинах горцы и терско-гребенские казаки культивировали самые разнообразные злаковые, огородные и садовые культуры.

В частности путешествовавший в 1770-1773 гг. по различным районам Кавказа академик И.Гильденштедт оставил развернутые описания огородных растений на Тереке к каковым он отнес дыни, арбузы, разнообразные сорта тыквы, огурцы, морковь, красная свекла, черная редька, капуста, лук, бобы, горох, земляная груша, а также хрен, кориандр, мята, укроп, мак, петрушка и василек. Из возделываемых полевых культур Гильдентшедт назвал также маис (кукуруза), сарачинское пшено (рис), хлопок и коноплю.

Из важнейших садовых плодов академик наблюдал на Тереке айву, различные сорта груш и яблок, сливы, абрикосы, персики, миндаль, каштаны, гранаты, мушмула, грецкие орехи, фиги (инжир), белая и черная шелковица (тутовник) и конечно различные сорта винограда: винные и кишмиш (ягоды без косточек).[23]

За исключением гранат и инжира вызревавших только в Южном Дагестане практически все остальные виды садовых и огородных культур были представлены в Чечне, причем в отдельных районах (Восточная Чечня) садоводство было процветающим и доходным, за счет вывоза фруктов в свежем и сушеном виде в Кизляр. Отсюда горские фрукты вывозились в свою очередь в Астрахань, из которой попадали волжским путем в Центральную Россию.

Отмечено выращивание в самой Чечне в XVIII в. и культивирование табака, в т.ч. на продажу. Он отличался высоким качеством и потому табак «чеченский» стоил в том же Кизляре дороже, чем другие сорта.[24]

Побывавший на Тереке, несколько позже И.Гюльденштедта, академик Фальк отмечал, что чеченцы сеют много чечевицы, кроме того «горские татары» (скорее всего кумыки) и чеченцы «заводят рисовые поля», выращивают на продажу просо и хлопчатник. В тех же Брагунах он наблюдал «хорошие» сады, богатые огороды и виноградники.[25]

В ходе возвращения чеченцев на плоскость и массового заселения ими равнин здесь по большей части вступали в действие те же традиционные системы землепользования, что и в горах. Во-первых, действовала система «первой заимки» – когда более сильные семьи создавали большие хуторские хозяйства, а подселившихся позднее обязывали за право использования пахотных участков и пастбищ к услугам в свою пользу.[26]

Есть также данные, что на плоскости господствовала, как и в горах, частная собственность на все пахотные земли, сенокосы, часть пастбищ и даже лесов. Общими и «запасными» считались аульные пастбища, неудобья, леса и прочие неиспользуемые обществом земли.

Есть и другие свидетельства, правда более поздние, чем первые, которые говорят о наличии в Чечне в прошлом общинной собственности на обрабатываемые земли, о передельной системе, когда участки делились между фамилиями и семьями до начала каждой посевной.[27] Однако они как правило, недостоверны, т.к. основаны на умозрительных построениях авторов описания «гражданского быта» чеченцев и кумыков составленного Голенищевым-Кутузовым и Лобановым-Ростовским в 1843 г.[28]

Исследователь Ш.Б.Ахмадов следом за И.Саидовым и С.-М.Хасиевым приходит к выводу, что земли равнинных обществ Чечни в XVIII в. делились на собственно общинно-нераздельные земли находившиеся в общинной собственности, но используемые по переделу между «купами» (квартал, фамилия), частные – по праву первого завладения или приобретенные покупкой и «собственные» – приобретенные через очистку лесов («ирзу») в границах общества. Кроме того, для XVII-XVIII вв. стала привычной в Чечне такая форма собственности как вакуф – мечетские земли, предназначенные для обеспечения муллы, строительства общественных зданий и исполнения религиозных треб.[29]

Как известно возникновение крупных поселений на территории Чеченской равнины относится к середине – второй половине XVII в. В следующем столетии здесь наблюдаются многочисленные крупные аулы населенные потомками выходцев из самых различных горских обществ и аулов: «Они селятся в аулах по несколько фамилий вместе, а не по одной как было прежде в горах» писал первый чеченский этнограф Умалат Лаудаев.[30]

В середине XVII в. на территории плоскостной Чечни появляется еще один тип землевладения – княжеский (владельческий). Он имел место, как явление, по течению Аргуна (Чеченское владение), в Брагунском владении в низовьях Сунжи и, возможно, на склонах Качкалыковского хребта (Кумыкская плоскость). Со второй половины XVIII в. начинает складываться княжеское землевладение в Надтеречье. В определенной степени имели попытки навязать выплату феодальной ренты за пользование землями по Сунже в районе впадения речки Яндери и низовьях Ассы со стороны князей Малой Кабарды в отношении карабулаков-арштхойцев.[31]

Собственно чеченские и брагунские князья в том же XVIII в. имели вне аульных (общинных) земель собственные земли, которыми могли распоряжаться по своему усмотрению. Надтеречные князья – выходцы из чеченских, кумыкских и кабардинских феодальных фамилий – по праву первой заимки заняли тысячи десятин земли, которую заселяли крестьянами по собственному усмотрению, требуя податей и ряда работ в свою пользу (например «на один день с каждого двора рабочего к посеву, жатве и сенокошению»). Часть качкалыковских, «чеченских», карабулакских и ауховских аулов связывали с князьями только отношения возникающие с выполнением последними управленческих и представительских функций.[32] Именно со второй половины XVII-XVIII вв. в Чечне появляются условия для масштабного развития земледелия не связанного с удовлетворением чисто внутренних потребностей, а наоборот позволяющего производить товарный хлеб. Мы имеем здесь не крошечные террасные участки, а от 20-30 до 100 десятин земли на саклю обрабатываемых большим количеством трудоспособных крестьян обладающих высокой аграрной культурой. Показателем степени развития земледелия в равнинной Чечне является фиксируемое документально применение крепостнического труда: так, у чеченских узденей и князей отмечено наличие крепостных – от нескольких дворов до нескольких десятков семей.[33]

Плодородные почвы равнинной части Чечни в сочетании с благоприятными природно-климатическими условиями позволяли выращивать разнообразные зерновые культуры. В северной (притеречной) зоне культивировали пшеницу, ячмень, просо и рис. Земли, прилегающие к течению Сунжи, служили для общирных посевов пшеницы и проса. В сведениях

о земледельческом хозяйстве горцев собранных в Кизляре в 1765 г. говорится: «в Чеченском владении..., кроме фруктов всего довольно ж, и сверх того пшеница есть. В кумыцких: Брагунской, Аксанской, Андреевской, Костюковской и принадлежащих к их владельцам (чеченских. – Я.А.) деревнях по сю сторону реки Койсы... Кошкелду, Ясысу, Буртана, Янгы юрт... (есть) пшеница, ячмень, пшено сорочинское, просо, овощь... в Ауках и Карабулаках мед, воск и все, что выше писано есть, ...»[34].

Говоря об урожайности, можно сослаться на данные упомянутого нами выше академика Фалька: «Неурожаев почти не бывает. Обыкновенная жатва вознаграждает в 10 и 15 раз».[35]

Не позже XVIII в. в Чечне получает распространение новая зерновая культура – кукуруза (маис). Отмечены также посевы льна, конопли и табака. Появление кукурузы (чеч. «хъажкъа», букв. «пшеница хаджи») связывается с паломничеством в Мекку входившую в состав Османской империи где маис культивировался уже в XVII в. Во второй половине XVIII в. кукуруза распространяется даже в горах Чечни, где поднялась до уровня 1500 м. над уровнем моря.[36]

Как было отмечено выше успешное развитие зернового земледелия на равнинах Чечни в XVIII в. во многом было определено высокой агрокультурой свойственной для горных районов края и для равнинных чеченцев-ауховцев и кумыков, которые еще в XVII в. успешно развивали земледелие на Кумыкской плоскости. Кстати те же российские чеченцы-окочане (ауховцы) жившие близ крепости Кизляра учрежденной в 1735 г. успешно продолжали вести свое традиционное хозяйство и в XVIII в. Так они имели пахотные орошаемые земли между руслом Терека и Кизлярской протокой.[37]

Судя по прямым и косвенным данным, чеченцы в условиях равнинного земледелия пришли к залежно-переложной системе и к широкому использованию возможностей орошения и обязательного удобрения земли (навоз, зола). Произошлои районирование пахотных орудий труда: здесь стал использоваться довольно сложный передковый, или «тяжелый» плуг, в который запрягали 6-8 волов, и обслуживали 4-5 человек. Но внутри этого чеченского «типа» равнинного земледелия было несколько вариантов ориентированных на почвы сухой степи и влажные черноземные. В той же северной степной зоне чеченцы использовали для посева зерновых под озимые (по стерне убранных яровых) оригинальное орудие «къомсар»,

представлявшее собой тяжелое бревно с 10-15 толстыми зубьями из твердого дерева. В подобные «грабли» с ручками запрягали волов».[38]

Уборка зерновых в Чечне осуществлялась серпами и косами, молотьба шла на подготовленных площадках специализированными орудиями труда. Мололи зерно на водяных мельницах. Так, в 1745 г. отмечено, что помол зерна производится успешно в Чечен-Ауле и близлежащих «деревнях» по Аргуну, куда приезжают с зерном и брагунские жители.[39] Следует отметить, что множество маленьких водяных мельниц наблюдалось и в горах. Вот ее классическое описание: «Эти мельницы состоят из жернова, приводящего в движение ось маленького горизонтального колеса, на которое падает под косым углом вода из деревянного желобка или оросительной канавки. Воронкообразный бункер для зерна из коры дерева висит на четырех веревках, он постоянно раскачивается от толчков палки, которую приподнимает мельничный жернов. Заостренный камень, вставленный в отверстие другого камня прижимает пробку катушки (шкива) и вилкообразную балку под осью, приподнимая и останавливая мельничный камень посредством камня, помещенного ниже. В этом механизме нет металлических деталей.»[40]

О выработке товарного зерна сверх необходимого в крестьянском хозяйстве на той же Чеченской и Кумыкской равнинах свидетельствуют данные о крупных и средних водных каналах соединявших пространство междуречья рек Аксая и Акташа, Джалки и Гумса, Хулхилау и Аргуна, Гехи и Валерика. К первой трети XIX в. в некоторых частях Чеченской равнины система орошения складывается как сплошная.[41]

На рубеже XVIII-XIX вв. С.М.Броневский (его работа была завершена в 1810 г.) писал: «Мирные чеченцы вообще живут на Сунже и Тереке имея в своем владении плодороднейшие земли пахотные и сенокосные, при изобилии вод и лесов, упражняются с успехом в земледелии и скотоводства, имеют виноградные сады, сеют пшеницу, ячмень, кукурузу и всякие огородные овощи... Избытки сих произведений продают в Кизляре или ссужают оными своих единоплеменников, которые привыкли находить тут свои хлебные запасы; да и земли остающиеся в излишестве отдают в распашку неприязненным (имеются в виду горным. – Я.А.) чеченцам...» [42].

Возможно, что С.М.Броневский воспользовался данными полковника А.И.Ахвердова по 1803 г. служившего на Кавказе.

Последний указывал: «чеченцы имея от самой речки Сунжи к Тереку отменные... и в великом количестве, как для пахоты, так и для покосов, земли, уделяют непримиримых к нам чеченцам заставляя их... обще с ними сеять хлеб, жать, молоть, также косить сено и все то убирать..., а чрез то весь вообще народ чеченский, ... пользуется безнужным хлебом и сенами, а иногда и продают.»[43]

Таким образом, А.И.Ахвердов и С.М.Броневский отметили великий в масштабах Чечни хозяйственный переворот приведший страну от сугубо натурального типа хозяйства и ограниченного воспроизводства демографического потенциала, к настоящей продовольственной революции, к полному обеспечению дешевым хлебом населения (и в связи с этим к быстрому росту его численности). Вместе с тем, появление «дешевого кумыкского и чеченского хлеба» на местном хозяйственном рынке Северо-Восточного Кавказа в XVIII в. ведет к падению роли террасного земледелия не только в Нагорном Дагестане[44], но и в Горной Чечне, и соответственно к усилению производства продукции кустарных промыслов населения горных обществ, шедшей в обмен на хлеб.

Успешное развитие земледелия на равнинной части Чечни в XVIII в. привело к ускоренному росту производительных сил в целом всей страны, к развитию новых форм социально-общественных отношений, к ориентации чеченских владений и обществ на развитие торгово-экономических связей с Россией и более развитыми соседями на Кавказе.[45]

В целом, чеченский хлеб дал толчок многим процессам социально-политического характера не только в Чечне, но и на всем Северо-Восточном Кавказе. На сцену политической жизни региона впервые выходит рядовой чеченский крестьянин-уздень, труженик, основной производитель материальных благ, который держал в своих руках основные средства производства, главным образом землю. Это приводит к возрастанию его социальной, общественной и политической роли.

Известный русский историк М. Покровский отметил процесс постепенного смещения «социальной тяжести с непроизводительного военного класса горцев (аристократии. – Я.А.)... на производительный - на крестьянство»[46]. Указанный процесс, который завершился в равнинно-предгорных районах главным образом Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа до конца XVIII в. был обусловлен прежде всего увеличением удельного веса земледелия.

На протяжении XVI-XVIII вв. в развитии земледелия в Чечне произошли серьезные структурные и иные сдвиги, вызванные в первую очередь возвращением чеченцев на плоскость. Так, если в XVI – первой половине XVII в. мы наблюдаем процесс «освоения» сунженско-терской плоскости с использованием ее в интересах, прежде всего скотоводства, охоты и рыболовства, то примерно с середины XVII в. начинается прямое и массовое земледельческое освоение предгорных равнин. Это было явление реконкисты (возвращения) этноса в пределы исторического проживания. Этот же процесс можно назвать и внутренней земледельческой колонизацией края. Все это влекло за собой неизбежное изменение не только собственно чеченской агрокультуры приспособленной к условиям гор, но и характера традиционного землепользования и землевладения. В течение XVIII в. равнинные районы Чечни уверенно лидирует в экономике края, а продукция земледелия начинает занимать некоторое место и на зерновом рынке всего Северо-Восточного Кавказа.

В исторической науке вместе с тем не отмечена еще одна важная сторона земледельческой «революции» в Чечне: она способствовала складыванию единого хозяйственного пространства в XVIII в. в стране и прилегающих к ней районах. Данное обстоятельство не могло не вести и к организации некоего «национального пространства» нахоязычных обществ и аулов, к усилению процесса нациообразования.

В сферу зернового рынка сложившегося на территории предгорно-равнинной части Чечни «втягиваются» Горная Чечня, андоцезские общества Дагестана и Гумбет, Малая Кабарда, отчасти Кумыкия и станицы гребенских казаков. Поэтому с первых лет XIX в. царское командование ставит своей главной задачей разорение плоскостной Чечни по линии р.Сунжи и оттеснения населения в горы как непременного условия покорения всего Северо-Восточного Кавказа.

[1] См.:Иваненков Н.С. Горные чеченцы // Терский сборник. Вып.7. Владикавказ, 1910; Умаров С.Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни. XIII – XVIII вв. Рук.дисс.канд.ист.наук. М.,1970; Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т.IV. Вып.1. Грозный, 1964; Хасиев С.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – нач.XX вв. Рук.дисс.канд. ист.наук. М., 1973; Его же: Орудия труда в полеводстве войнахов (XIX - начало XX в.) // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989;см., обстоятельную монографию Калоева Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.

[2] См.:Иваненков Н.С. Указ.соч. С57-61; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XX века. Грозный, 2002. С.83-84; и др.

[3] Следует оговорить, что указанная интенсификация была вызвана не товарным характером земледелия, а скудостью природных ресурсов.

[4] См.: Адилсултанов А.А. Акки и акинцы в XVI-XVIII веках. Грозный, 1992. С.21-22; Ахмадов Ш.Б. Указ соч. С.65-67; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С 250-252; Хасиев С.А. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX – начала XX в. Ч.1. Нальчик, 2004. С.52-53, 58-59, 67-68; и др.

[5]Кантария М.В. Агрикультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Вып. VI. Тбилиси, 1986. С.47.

[6] См.: Иваненков Н.С. Указ. соч. С.26; Хасиев С.-М.А. Указ. соч. С.18-21.

[7]Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Владикавказ, 2000. С.127.

[8] См.: Саидов И.М. Указ.соч. С.165; Хасиев С.-М.А. Указ.соч. С.30-33.

[9] См.,Хасиев С.А. Указ.соч. С.40-41;

[10] См.:Хасиев С.А. Указ.соч. С.24-25; Кантария М.В. Указ. соч. С.49.

[11] Хасиев С.А. Указ. соч. С.25-26.

[12] Там же. С.27-28, 35-37.

[13] Хасиев С.А. Указ.соч. С.38-39, 41-46; См., также сводную работу: Берг В.Р. Полеводство и посевные культуры Горной Чечни // Посевные культуры северных склонов Кавказа. Ч.2. Ростов-на-Дону, 1930.

[14] См.:Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII в. Сб. док. Сост. Е.Н.Кушева. М., 1997. С.54, 110, 121.

[15] Русско-чеченские отношения... ,С.18, 55-56, 65;

[16] Там же, С. 130-135.

[17] Адилсултанов А.А. Указ.соч. С.23-24.

[18] Русско-чеченские отношения... С. 97.

[19] См.: Акбиев Арсен. Кумыки. Вторая половина XVII - первая половина XVIII в. Махачкала, 1998. Раздел «Земледелие и животноводство» // Интернет: www.kuimikia.ru/books.

[12] Гутнов Ф.Х. Факторы социальной эволюции средневековых обществ Северного Кавказа/ / Статья размещена в Интернете. С.13-15; Блиев М.М. Горцы Большого Кавказа. М., 2003. С.45-46.

[21] См.: Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах Северного Дагестана // Известия Чечено-Ингушского респ. краев. музея. Вып. X1. Грозный, 1972. С. 59, 64 ; и др.

[22] Сахно-Устимович П.М. Описание чеченского похода 1826 г. // Звезда, № 10. 2006. С.147.

[23] Гильденштедт И.А.Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. СПб, 2003. С.60-63.

[24] См.:История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный, 2006. С.195.196; Адилсултанов А.А. Указ. соч. С.28-29.

[25] [Фальк]. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. T.VI. СПб., 1824. С.63, 70.

[26] Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII 40-е гг. XIX в. Рук. дисс.канд.истор.наук. М., 1966. С.233, 276.

[27] См.: Максимов Евг. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.3. Владикавказ, 1893; Исаев С.А. Аграрная политика царизма в плоскостной Чечне в 50-60-е гг. XIX в. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т.IX. Ч.3. Грозный, 1974; и др.

[28] См., Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып.1. б/м и г/и. С.56-57; Вып.2. Одесса, 1883. С.79-80.

[29] См.: РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.192. Л.159-160; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.84-89.

[30] Лаудаев У. Чеченское племя // Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1990. С.84-85.

[31] См.: ЦГАРД. Ф.Кизлярский комендант. Д.2901. Ч.1. Л.46 об.; там же: Д.2992. Ч.1. Л.1об; Д.2701.Ч.1. Л.16; Лаудаев У. Указ. соч. С.84; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч.1 СПб., 1869. С.261; Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы . М., 1958. М.239, 243; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.179-180, 183-184; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.203-204.

[32] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М. 2001. С. 265-268.

[33] Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией. Грозный, 1991. С.23; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.196, 199-201; и др.

[34] См.: ЦГАРД. Ф.Кизлярский комендант. Д.2687. Ч.2. Л.68 об.; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.2. М., 1957. С. 239-240;

[35] См.: Записки путешествия академика Фалька С.70; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.164;

[36] См.: Лаудаев У. Указ. соч. С 83,98; Волкова Н.Г. Указ.соч. С.164; Хасиев С.А. Указ.соч. С.48.

[37] Ахмадов Ш.Б. Указ. соч.С.65.

[38] Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.69; Хасиев С.А. Указ.соч. С.58-67; Кантария М.В. Указ.соч. С.63-65; и др.

[39] О прорытии татаула (канала) из р.Сунжи к Тереку // Ставропольские губернские ведомости. № 43, Ставрополь, 1857.

[40] Бларамберг Иоганн. Кавказская рукопись // Ингушетия и ингуши. Т.I. Назрань-Москва. 1999. С.124.

[41] См.:Адилсултанов А.А. Указ.соч. С.23-24; Хасиев С.А. Указ.соч. С.29-34.

[42] Броневский С.М. Указ. соч.184.

[43] Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С.227.

[44] См.: Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.С.22; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.64-65.

[45] История Чечни с древнейших времен до наших дней. Грозный, 2006. С.186.

[46] Покровский Михаил. Завоевание Кавказа // Россия и Кавказ. СПб. 1995. С. 19-20.

§ 2. Скотоводство горной и равнинной зон страны

В развитии данной отрасли хозяйства на территории Чечни в XVI-XVIII вв. были свои этапы и особенности связанные как с географическими и природно-климатическими условиями местоположения тех или иных обществ в горах, так и с массовым выходом чеченцев на плоскость повлекшим освоение обширных степных пастбищ и потребность изменения традиционного скотоводческого цикла.

В XVI – первой половине XVII в. основная часть населения Чечни непосредственно сосредотачивалась в горах. Плоскостные районы страны являлись на то время зоной хозяйственного пользования и, главным образом, в интересах скотоводства. Чеченцы имели в предгорно-плоскостной зоне в XVI в. всего одно феодальное Окоцкое владение (позже «вольное» общество) - Аух и согласно археологическим данным несколько поселений на черте границы гор и плоскости.[1]

Скотоводство горной зоны Чечни насчитывавшее к XVI в. уже несколько тысячелетий истории носило традиционный характер и было гармонично приспособлено к сложным природным условиям. Породы скота, приемы и методы выпаса, орудия труда, технология обработки продукции скотоводства в

своем неизменном виде дожили в Чечне до начала XX в. и вполне поддаются изучению благодаря материалам наблюдателей и этнографов XIX-XX веков.[2]

Документальные источники XVI – начала XVII в. (ограниченные русскими официальными документами) свидетельствует о разведении ауховцами-окочанами овец, крупнорогатого скота (быки, коровы) и лошадей. Причем скот, судя по отрывочным данным, разводился не только в интересах домашнего хозяйства и натурального потребления, но и шел на продажу.

В 1609 г. когда служилый нахский феодал Батай-мурза Ишеримов бежал из Терской крепости в «Окохи» то воеводы конфисковали его стада состоявшие из быков, коров и овец и раздали в качестве «государева жалованья» нескольким стрелецким сотням.[3] В 1614 г. рядовые служилые окочане Терской крепости, выходцы из «Окох», жалуются, что служилый князь Сунчалей отнял своей властью у 3-х рядовых окочан собственность в 50 голов крупнорогатого скота. Здесь же упоминаются в их хозяйстве и табуны лошадей.[4]

Еще один выходец из «Окох» служилый мурза Чепан Кохостров приехал из Терков на Москву на прием к царю Михаилу имея в качестве подарка 2-х породистых аргамаков. Первый конь был оценен казной в 25 рублей, а второй в 20 рублей (это при том, что годовое жалованье рядового окочанина в Терках составляло 3-5 рублей)[5]. Надо отметить, что коней, безусловно, имели все служилые окочане так как они несли верховую службу, связанную с участием в дальних поездках и в боевых действиях. Кроме того, они были обязаны по статусу «службы» давать подводы для «государевых посылок», обеспечивать мясное питание послов поставляя овец, а под посольские караваны давать быков, лошадей с необходимым кормом.[6]

Следует особо оговорить, что зона Терско-Сулакского междуречья вплоть до Каспия включая земли в бассейне рек Аксай, Ярык-Су, Яман-Су, Акташ оставались в XVI-XVII вв. основной кормовой базой не только местного кумыкского и ауховского населения, но и горцев Чечни и Дагестана. Дело в том, что здесь: «скот, как зимою, так и летом ходил на пастбища», т.е. имелись зимние выпасы. Одной из главных причин переселения жителей Чечни задолго до XVI в. из горной Акки на восток в местность Аух некоторые авторы считали ранее наступление весны в этом регионе и наличие подножного корма зимой.[7]

Согласно данным историка А.А.Адилсултанова, на летних пастбищах ауховских селений скот выпасался в пределах аульных границ, а с наступлением зимы стада овец и коз перегоняли ближе к притеречным и прикаспийским пастбищам где он размещался по зимним кутанам и хуторам.[8]

При этом остается неясным характер пользования зимними пастбищами в кумыкских княжествах «неподданными» горцами, скажем, теми же «мичкизянами» (восточными чеченцами) – аренда зимних кутанов или плата князьям за охрану. Известно, что на протяжении XVII в. между кумыкскими, аварскими феодалами и мичкизскими старшинами существовали союзнические политические связи основанные, в том числе и на тесной взаимохозяйственной зависимости. Горные жители имели острую «необходимость во время зимнее в пастбищных местах кумыкам принадлежащих, для прокормления стад своих и особенно овец, ...». В связи с этим можно привести свидетельство 1746 г., когда чеченские князья (выходцы из Гумбета) пытаясь восстановить контроль над своим родовым владением – дагестанским обществом Гумбет – старались организовать захват скота горцев (до 15 тыс.овец) находившихся на зимних пастбищах Северного Дагестана[9]

Если Восточная Чечня в целом, Аух и, в частности, несколько горных обществ Чечни, имели более или менее устоявшуюся хозяйственную скотоводческую систему, с наличием горных, предгорных и степных (равнинных) пастбищ на плоскости, что позволяло им обеспечивать собственные нужды и иметь некоторые товарные излишки, то несколько сложнее была ситуация для основной массы горцев отдаленных аулов центральных, южных и западных районов Чечни. Согласно археологическим данным XVI-XVII вв. здесь наличествовали такие отрасли скотоводства как: овцеводство, разведение крупнорогатого скота и, отчасти, свиноводство. Даже в середине XVII в. согласно русским документам в «Шибуцкой землице» в верховьях Аргуна имелась немусульманизированная часть жителей, которая употребляла свинину.[10]

Альпийские луга в чеченских горах давали хорошие возможности для развития скотоводства но, только в летнее время и в основном в верховьях бассейна Шаро-Аргуна и Чанты-Аргуна. В зимнее время альпийские пастбища были засыпаны снегом, запасы заготовленного сена расходовались главным образом на стойловое содержание крупнорогатого скота. Овцеводам, к

каковым относились все горцы без исключения, надо было искать выход или в Закавказье, или в более солнечном Дагестане, либо в притеречных степях. Трудные и долгие дороги, войны и набеги создавали на этих направлениях отгонного скотоводства много затруднений.

Можно полагать, что в XVI-XVII вв. целый ряд горных селений имевших пути сообщения с Дагестаном пользовались пастбищами находившимися под контролем дагестанских обществ и аварского хана выплачивая за их аренду овцами. По крайней мере известия конца XVIII в. указывают, что в Горной Чечне практиковалось направление сезонного перегона скота в Нагорный Дагестан: «Овец для пастьбы отгоняют большею частью в земли аварского хана и андийцев (с заплатою владельцам земли...).»[11]

Другие аульные общества практиковали перегон стад в Тушетию и далее в Алазанскую долину Грузии, что давало возможность тем же тушинцам в середине XVII в. уверенно заявлять, что они с шибутян «емлют з деревни по десяти баранов»[12].

Этнографические и иные материалы по собственно Горной Чечне говорят, что здесь пастбища традиционно делились на «ближние» (аульные), «дальние» (альпийские) и «степные» (внешние, равнинные). При этом соблюдался строгий порядок выпаса скота в зависимости от вида, возраста и сортности трав на тех или иных пастбищах: первым выпускался на пастбища крупнорогатый скот поделенный соответственно на три группы – молочный, нателы и молодняк. Затем выпускались следом овцы.[13] Все это происходило либо под строгим контролем общины, если речь шла об аульных, ближних пастбищах, либо с общего согласия (договора) жителей разных обществ на «дальних» и «горных» пастбищах. Кроме того, в отдельных горных обществах пастбища, в т.ч. «ближние», могли делиться на «летние» и «зимние».[14]

На пастбищах общего доступа могли содержаться сезонные и постоянные частные и общинные кутаны («гуота», «жале»). Более того, не некоторых замкнутых горами пастбищах отдельные семьи или фамилии(к примеру в западнонахских обществах) строили даже оборонительные башни претендуя на исключительное пользование.[15]

Пастбища, принадлежащие одной крестьянской общине или союзу обществ представляли собой в горах склоны

близлежащей горы, которые и получали соответствующее название. В некоторых обществах пастбища были поделены, в силу сложного географического рельефа, или малоплодородности, на отдельные участки находившиеся в частной собственности.[16] Альпийские луга высокогорной зоны (где люди не селились), как правило, считались общим достоянием страны.

С началом возвращения чеченцев с гор на плоскость (по крайней мере с середины XVII в.) и с завершением этого процесса в течение XVIII столетия, в традиционном хозяйстве населения Чечни происходят серьезные изменения. Это было неизбежно, так как изменение природно-климатической среды обитания основной части населения, влекло изменение всего комплекса обеспечивающего жизненное существование крестьянина.

Удельный вес скотоводства в хозяйстве населения равнинной зоны Чечни в XVIII в. начинает уступать земледелию, хотя в количественном исчислении овец и коров становится значительно больше ввиду наличия широкой кормовой базы. Так, наблюдатели XVIII - начала XIX в. определяют поголовье скота одних только надтеречных чеченцев в 200 тысяч овец. Появляются указания на массовое разведение не только овец, коров но и лошадей.[17] То же овцеводство носит теперь экстенсивный, отгонный характер[18].

По мере повышения летних температур чеченцы старались перегонять скот в горы. Согласно данным 1757 г. «скот их (чеченцев. – Авт.) в жаркое время содержат в горах, в крепких местах»[19].

Согласно более поздним данным равнинные чеченцы, то ли за пользование горными пастбищами, то ли за прогон скота по землям местных коллективных владельцев, платили т.н. «ламараялъ» (налог гор)[20].

Для содержания скота в зимнее время чеченцы проводили масштабные заготовки сена. При этом, как отмечают этнографы заготавливаемый корм различали по питательности и степени сохраняемости. Сено, скошенное с менее влажных солнечных склонов скармливали в последнюю очередь, в предвесеннее время. Следует сказать, что заготовка трав представляла собой большую хозяйственную систему сложившуюся в течение веков, также из поколения в поколение складывалось деление окультуренных покосов («цана») между семьями и фамилиями.[21]

По-видимому, в предгорно-плоскостной зоне чеченцы разводили не только традиционные породы мелкорогатого и

крупнорогатого скота, которых называют «горскими», но и тушинские, карачаевские и степные (ногайские) породы овец. При этом распространенные в Чечне породы домашних животных отличались хорошими бонитетными данными и были приспособлены к местным природным условиям. Так, в 1718 г. европейский ученый на русской службе Готлиб Шобер, побывавший на территории современной Чечни, писал: «овец на сей земле зело тучны бывают, только что едва ли в англицком государстве таковые обрящутся. К тому же вкусом добрым и шерсть такова мягка, что с шпанскою шерстию в равности будет»[22].

Удельный вес скотоводства в горной зоне Чечни и в XVIII в. оставался традиционно высоким. Русские документы того времени отмечают, что горцы «овцами, коровами ... богаты», что их основное «богатство и промышленность... состоит в скотоводстве».[23] Тенденция хозяйственного развития во всех горных районах Северо-Восточного Кавказа, в связи с усилением хлебопроизводства в равнинной Чечне и Кумыкии, заключалась теперь в выгодном обмене продукции животноводства и изделий из животноводческого сырья на дешевый равнинный хлеб.

Скот, в особенности овцы, служили в Чечне по традиции мерилом стоимости и, главной платежной единицей наравне с звонкой монетой при торговых сделках, штрафах не только в XVI-XVII вв. но и в XVIII столетии.[24]

Быки использовались как тягловая сила при перевозке грузов на арбах и в сельскохозяйственных работах. Потребность в тягловой силе росла на равнинной части Чечни с увеличением посевных площадей. Основную долю молока, масла и сыра в хозяйстве горцев давали конечно коровы и в меньшей мере буйволы. Кроме того, шерсть, овчины, кожи, кость столь остро необходимые в полунатуральном хозяйстве горцев также давали домашние животные.[25]

Отдельного внимания заслуживает вопрос о коневодстве. Еще данные начала XVII в. говорят о наличии данной отрасли в хозяйстве окочан-ауховцев и служилых терских окочан – они не только имели конские табуны, но и выращивали породистых лошадей достойных для дара московских царям. Для остальной части чеченских обществ столь развернутых данных нет.

Наличие верховых лошадей собственно в основной части Чечни XVI-XVII вв. несомненно, но коневодства как отрасли здесь не наблюдается. Формирование пород местных лошадей в горной зоне Северного Кавказа было связано с доставкой грузов

и всадников по тяжелым горным тропам, дальними переходами в условиях резких перепадов температур. В целом, за несколько веков до изучаемого периода в регионе сложилась т.н. «горская» порода лошадей известная в специальной литературе как «карачаевская» или «карачаево-балкарская» порода.[26] Она-то получила распространение и в Горной Чечне.

В аулах равнинной части Чечни в XVIII в. господствуют породистые лошади из Кабарды и Адыгеи. Известны, например, разовые поступления в Чечню табунов до 300 голов из «Бесленеи» (Северо-Западный Кавказ).[27]

Источники отмечают, что в горных условиях определенное место занимали более неприхотливые чем лошади, ослы и мулы, использовавшиеся в качестве вьючных животных и тягловой силы[28], но никак не для езды.

В целом, скотоводство играло важную роль в хозяйственной жизни населения Чечни, где-то превалируя над земледелием, а где-то дополняя его. Такое сочетание давало определенную устойчивость типичному горскому крестьянскому хозяйству и служило основой большой сопротивляемости нации природным и военным катаклизмам.

Следует также отметить, что с быстрым ростом населения в плоскостной Чечне в XVIII в. и возрастанием количества аулов кормовая база для безудержного роста поголовья скота суживалась. Между «вольными» аулами и феодальными владениями все чаще возникают конфликты из-за покосов и пастбищ переходящие порой и в вооруженные стычки.

Необходимость регулирования направлений сезонных перегонов скота в пределах страны и за пределы Чечни порождают те или иные политические союзы или наоборот противоречия, влиявшие и на общую обстановку на Северо-Восточном Кавказе.

---

[1] Багаев М.Х. Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вайнахов с гор на плоскость (XIII-XVI вв.) // Археолого-этнографический сборник. Т.2. Грозный, 1968. С.55, 70-71.

[2] См., Калоев Б.А. Развитие скотоводства на Северном Кавказе. М., 1983; Мадаева З.А. Обычаи и обряды вайнахов, связанные с животноводческим бытом (XIX - начало XX в.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Сб.научн.трудов. Грозный, 1984.

[3] Белокуров С.А. Отношения России с Кавказом. 1578-1613 гг. М., 1889. С.526; Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII в. Сост.Е.Н.Кушева. М., 1997.С. 65.

[4] Белокуров С.А. Указ. соч. С.560; Русско-чеченские отношения... С.75.

[5] Русско-чеченские отношения... С.61-62, 118, 151, 154.

[6] Там же. С.55-56, 118.

[7] Арсаханов А.Б. Аккинский диалект в системе чеченского языка. Грозный, 1958. С.6. Адилсултанов А.А. Акки и акинцы в XVI-XVIII веках. Грозный, 1992. С.24-26; Акбиев А.Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII в. Махачкала, 1998. Раздел «Земледелие и животноводство» в главе I // Интернет: www.kumikia.ru/books.

[8] Адилсултанов А.А. Указ. соч.С.26.

[9] См.: ЦГАРД.ф.379. Оп. 1. Д.113. Л. 41-42 об. Розен Ф.В. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // История, география и этнография Дагестана. М., 1958. С.289. Исследователь А.Акбиев пишет что «наличие большого количества пастбищ позволяло кумыкским владельцами отдавать их в аренду горцам» См., Акбиев А. Кумыки. Вторая половина XVII- первая половина XVIII века. Махачкала, 1998 (Интернет. Глава I.).

[10] Русско-чеченские отношения..., С.202.

[11] Бутков П.Г. Известия о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре. //Россия и Кавказ сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. С.10.

[12] Русско-чеченские отношения... С.203.

[13] Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Хасбулатова З.И., Чахкиев Д.Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей (дореволюционный период). Грозный, 1990. С.24-25.

[14] В связи с этим связано наблюдение дагестанских этнографов, что на некоторой части вершин пастбищных гор открытых солнцу трава держалась и в зимнее время. Выпас животных на «зимних пригревах» в летнее время настрого запрещался. Их использование сельские общины разрешали только со второй половины зимы. См.: Бобровников, Рощин М. Адатное землепользование в Нагорном Дагестане // Отечественные записки. № 2 (17) 2004//Интернет.

[15] Гамрекелидзе Б.В. Из истории скотоводства в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Вып.2. Тбилиси, 1968. С.244-246.

[16] Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII-XIX вв. // Известия Чечено-Ингушского НИИЯЛ. Т.4. Вып.1. Грозный, 1964. С 164; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XX века. Грозный, 2002. С.77.

[17] Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа вы XVIII- начале XX века. М., 1974. С.166; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.100.

[18] Еще в 20-х гг. XIX в. костековские (кумыкские) князья, жившие за Сулаком получали большие выгоды «излишнее количество земли своей отдавая на пастьбу скота чеченцам». – См., Гордин Я. Ермолов // Россия в Кавказской войне. Исторические чтения. (Вып.3.). СПб., 2000. С.87.

[19] Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С.18.

[20] Ахмадов Ш.Б. Указ.соч. С.97.

[21] Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С.25-26; Русин В.Ф. моя жизнь с чеченцами и ингушами. Изд. 2-е. Нальчик, 2008. С.144; и др.

[22] См.: Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX в.) Рук. дисс. канд. истор. наук. М., 1966. С.133-134; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С.18.

[23] РГВИА. Ф.482. ОП.1. д.1. л.220; РГВИА. Ф.ВУА. Д.18507. Л.24; Д. 18508. Л.111.

[24] Записи адатов сделанные в Чечне в 40-х гг. XIX в. показывают, что традиции возмещения того или иного ущерба определенным количеством овец, коров и быков или их денежного эквивалента сохранялась и далее XVIII в. – См., Адаты чеченцев // Адаты кавказских горцев. Вып.2. Одесса. 1883. С.78-147.

[25] Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С.25; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С.252-253.

[26] Будаев Н. Коневодство на Северном Кавказе: о происхождении горных пород лошадей. Нальчик, 2006. Интернет. С.1-6.

[27] ЦГАРД. Ф.Кизлярский комендант. Оп.1. Д.3303. Ч.2.Л.121.

[28] Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.103.

§ 3. Кустарные промыслы и ремесла

Уровень развития земледелия и скотоводства в Чечне в XVI-XVIII вв. определял и степень развития крестьянских кустарных промыслов и ремесел основанных на переработке продукции земледелия, скотоводства, а также природных ископаемых и даров природы. Ремесленное производство – занятие требующее профессионального мастерства и отрыва производителя от традиционного сельскохозяйственного труда изначально существовало в Чечне в области каменного строительства, кузнечного, оружейного, гончарного, бурочного производства и отчасти деревообработки.

Состояние кустарных промыслов и ремесел на территории Чечни в XVI-XVIII вв. устанавливается в основном по археологическим, этнографическим данным[1] и некоторым документальным источникам ранние из которых относятся к чеченскому (ауховскому) и кумыкскому населению Северного Дагестана и в немалой к нахской общине русского пограничного Терского города. В XVIII в. появляются документальные сведения о ремесленных занятиях чеченцев проживающих и на собственно основной территории Чечни.

Следует отметить, что в условиях господствующего натурального уклада в хозяйстве чеченцев, особенно в высокогорной зоне, те же кустарные промыслы представляются относительно развитыми. Они не только органично дополняют нужды типичного крестьянского хозяйства, но и дают некоторые излишки. Возникает первоначальное разделение труда по ущельям и общинам вызванное естественно-природными факторами. В записках Н.Воронова (XIX в.) «Из путешествия по Дагестану» мы находим описание хозяйственной жизни типичного горского общества данное самими его жителями: «У нас нет особого какого-либо ремесла, которым бы мы славились на весь Дагестан..., а у нас всего понемножку: найдется свой кузнец, свой скорняк, свой серебряк, свои плотники и каменщики; есть и свои торговцы, которые ходят в соседние места на покупку товаров, а потом продают их у себя в ауле, ... и на зиму редко кто отправляется со стадами...

Пониже, где теплее, сеем пшеницу, а повыше – рожь и ячмень; кто-то сеет еще и коноплю – на мешки. Домашние одежды приготовляют наши жены; сукна наши не славятся, а про свой обиход годятся».[2]

Настоящее описание можно дополнить столь же емкой этнографической зарисовкой из жизни населения равнинной Чечни начала XIX в.: «Жены чеченцев – вечные труженицы и работницы... есть и между чеченцами люди трудящиеся: оружейники, серебряники, седельники, плотники, портные, черевичники и другие мастеровые. Клинки чеченских кинжалов славятся у всех горцев. Трубки выделываемые из твердого дерева и довольно искусно оправляемые серебром, продаются в значительном количестве кизлярским армянам. Жены чеченцев приготовляют грубое сукно и искусно ткут серебряные позументы для украшения мужских и женских платьев»[3].

В горском обществе издревле существовало разделение труда между полами. Так женщины занимались шерстяным делом: они готовили войлоки, паласы, хурджины, бурки, носки, сукна. На их плечах лежала выделка полотна из конопли или льна, шелковых и хлопчатобумажных ниток, плетение, золотое и серебряное шитье. Изготовление одежды, легкой кожаной и шерстяной обуви также было женским делом. Женским делом считалось и гончарное производство.

Мужчины занимались строительством, обработкой камня, дерева, кости, выделкой кож, изготовлением хозяйственных ремней и кожаного инвентаря, всей работой по металлу и т.д.[4]

В Чечне можно также проследить определенное зональное распределение кустарных промыслов и ремесел по линии горы-плоскость, или Восточная Чечня, Южная (высокогорная) и Западная Чечня. Особыми районами можно считать в XVI-XVIII вв. общества Аух и Качкалык тесно связанные с ремесленниками центрами кумыкской части Дагестана. Но при всем при этом, на всей территории Чечни, а также Ингушетии и Ауха, отмечалась терминологическая идентичность в названиях орудий труда, инструментов, производственных характеристик, мер веса и объема, системы измерений и т.д.,[5] что говорит о давней хозяйственной взаимосвязанности и взаимодействии в географических рамках расселения всего нахского этноса.

Строительная специализация традиционно всегда была сильна в южной и западной части Горной Чечни где, по крайней мере с эпохи раннего средневековья, создавались самые различные монументальные памятники зодчества: боевые и жилые башни, замковые комплексы, храмы, склепы, мавзолеи и святилища. При этом традиция масштабного каменного строительства сохранялась в Чечне вплоть до середины XVII в.,

а в западнонахских обществах (Ингушетия) и в XVIII в. С распространением пороха и выселением горцев на плоскость роль чеченских оборонительных комплексов падает. Так, боевые башни перестают строить где-то с XУП в. (в XIX в. их даже разбирают). С уменьшением удельного веса больших «многоколенных» семей в чеченском обществе прекращается строительство с конца XVIII в. и жилых башен.

Согласно этнографическим данным чеченские зодчие-строители имели широкую и узкую специализацию: мастера высшей квалификации строили исключительно боевые башни классического типа, другие сооружали жилые башни и хозяйственные постройки, третьи могли специализироваться на сооружении надземных склепов и святилищ.[6]

В XVII-XVIII вв. в Чечне становится актуальной задача повсеместного строительства мечетей. Небезынтересно отметить, что в горной зоне при возведении мусульманских молитвенных сооружений строители использовали традиционные навыки – здание мечети воздвигалось в форме жилой башни, а минарет в виде боевой башни.[7]

Жилая башня «г1ала» характеризовалась двух-трехэтажной однокамерной постройкой имеющий в основание прямоугольник от 6х7 до 8х12 м, а то и квадрат. Такие сооружения были представлены практически во всех горных аулах Чечни западнее Шаро-Аргуна. Восточнее указанной реки боевые и жилые башни представлены главным образом в аулах общества Чеберлой. За строительство жилой башни мастер со своей бригадой получал от 10 до 25 коров, но могли расплатиться землей, оружием, рабами.[8]

Боевые пирамидальные башни Чечни представляли собой узковытянутое вверх каменное прямоугольное сооружение (в основании от 4х4 до 7х7 метров) высотой от 15 до 25 метров с углом сужения стен 4-10 градусов. Число этажей достигало пяти, а вход-лаз располагался на высоте 3-4 метров. Поздние типы боевых башен имели со всех сторон бойницы, а в верхней части башни снабжались машикулями. Подобное сложное сооружение обходилось владельцу (и только в качестве платы строителю) в 50-80 коров (соответственно 800 овец или иной эквивалент стоимости).[9] Прекрасными образцами народного зодчества являются поздние боевые башни в сел. Дере, Хайбах, Бавлой, Майста, Малхиста, Моцарой, Мержой, Терлой и т.д. К основным районам каменного строительства в Чечне относились район озера Кезеной-Ам (сел. Макажой), ущелья Шаро-Аргуна и

Чанты-Аргуна, Шатойская котловина, Нашаха, верховья Гехи, Фортанги и т.д.[10]

Как правило, секреты строительного мастерства передавались из поколения в поколение, поэтому строительные приемы и навыки являлись делом семейным. Обычно работал глава семьи и один из его сыновей, но иногда ремеслом занималась вся семья, а то и фамилия. При этом строители никогда не вели сбор и ломку камня, этим занимались люди со стороны – наемные рабочие. Отдельной специализацией являлась добыча и обжиг весьма ценимой извести использовавшейся в строительстве как основа скрепляющего раствора. Согласно фольклорным данным постройка должна была выдержать без трещин не менее семи лет, в противном случае мастер нес полную ответственность.[11]

Добыча и обработка камня получила в XVII-XVIII вв. развитие и на плоскости, где камень шел главным образом на строительство мечетей, фундаментов домов и для сооружения погребальных памятников. Каменные выходы поделочного камня-песчаника известные во всей Чечне находились в районе сел.Чурт-Тог1и (Чертугай), Исти-Су, Акташ-Аух, и в других каменоломнях по Терско-Сунженскому хребту. Согласно сообщениям этнографов карьеры принадлежали как правило местным сельским общинам, которые заключали соглашение с камнерезами об объемах добычи камня и платы за него. Здесь так же существовала определенная специализация – одни ломали камень, другие на месте изготавливали строительные блоки, третьи увозили материал в свои надомные мастерские, где изготавливали декоративно украшенные надмогильные памятники – «чурты».[12]

К XVIII в. основным типом жилища населения Горной Чечни являлись открытые со стороны фасада, дома из дикого камня (связанные известью или глиной) с плоской земляной (или из сланцевого шифера) крышей – «ц1ено», известное в литературе как «горская сакля». Жилища жителей равнин представляли собой турлучные (плетенные стены с глиняной обмазкой) или из сырого кирпича дома, вытянутые в длину в несколько комнат (крыша была плоской земляной, либо камышовой). Из того же материала или дерева строились также хозяйственные постройки и отдельные кунацкие – гостевые «дома».[13] Подобные сооружения уже не требовали особого мастерства и выполнялись отдельными семьями с помощью односельчан. Тем не менее, мы можем говорить о наличии в Чечне в XVI-XVIII вв. категории

профессиональных ремесленников-строителей отделенных от сельскохозяйственного производства. Чеченские каменщики имели известность и за пределами страны, так майстинские мастера приглашались для строительства оборонительных башен в Хевсуретию и Тушетию (Грузия). Большую известность в стране имели и строители из Терлоя.[14]

Относительно высокоразвитым и специализированным являлось в Чечне оружейное ремесленное производство. Основные виды защитного и боевого наступательного оружия производились во многих горных и равнинных районах Чечни. Здесь наличествовали как сугубо специфические приемы обработки металлов и «марки» оружия, так и образцы характерные для всего Северного Кавказа.

Из защитного оружия в Чечне с древности были известны кольчуги, шлемы, налокотники, кольчужные рукавицы, щиты и кожаные нижние одежды специальной выделки, защищавшие от пуль и стрел. Арсенал чеченцев насчитывал кинжалы, шашки, палаши, дротики, копья, боевые топоры, чеканы, булавы, луки и стрелы, ружья и пистолеты.[15] Вследствие военизированного быта горцев все элементы данного вооружения или часть их наличествовала в каждой семье. Каждый взрослый мужчина в Чечне являлся воином и должен был по первому призыву вступить в ряды ополчения. Поэтому объем производства горского оружия возрастал по мере роста коренного населения Чечни, а также и численности терско-гребенского казачества вооружавшегося по кавказскому образцу и, главным образом, чеченским оружием.

Как правило, профессиональные оружейники работали на заказ. В производстве сложносоставных луков и стрел[16] отличались мастера из горных обществ Чечни: Майсты, Нашаха, Никарой, Хой и Ялхорой. Имелось также небольшое селение специализировавшееся на изготовлении стрел – «пхьа». Оно так и называлось Пхьарчхой. Не только в Чечне, но и в пограничных районах Грузии славились т.н. «кистинские» кольчуги,[17] сделанные по восточным образцам и стальные наголовники с кольчужной сеткой – «мисюрки». Весьма дорогими и редкими были образцы чеченских шашек выделывавшихся по особой технологии – «волчок», «гурда», «калдым» и др. Центрами производства качественного холодного и огнестрельного оружия являлись в XVIII-XIX вв. такие чеченские села как Старые Атаги, Аух, Белгатой, Дарго, Дойкар-Аул, Джугурта и др.[18]

Необходимо отметить, что проникновение огнестрельного оружия в Чечню произошло не позже XVI в. Знакомство с «огненным боем» происходило благодаря турецким, крымским, иранским и русским образцам фитильных, а затем и замковых кремневых ружей. По крайней мере мере с XVIII в. завоевывает все большую популярность чеченское ружье – «нохчи топ». Оно рано получило нарезы и являлось по существу винтовкой дульного заряжания. Ружья производились в целом ряде равнинных и горных селений, где выделялись своим искусством отдельные мастера и фамилии, как например в том же Аухе.[19]

Холодное оружие, ружья и пистолеты, украшались богатой серебряной и золотой насечкой по металлу и покрывалось серебряными листами накладок с чернью. Так, в документе 1751г. упоминается, что в багаже чеченского князя было ружье в серебряной оправе, сабли и пояса также в серебряной оправе.[20]

В середине XVIII в. в Чечню переходит некий черкесский аул, который находясь под покровительством чеченского князя Расланбека Айдамирова и имея «кузнечного мастерства служители» занимался производством на продажу топоров, кос, сабель и ружей.[21] Возможно, здесь имел случай аульной ремесленной специализации приведшей не только к разрыву с традиционным земледелием и скотоводством но своеобразной «откочевкой» горского ремесленного «цеха» в более привлекательные районы, в данном случае из северо-западной части Кавказа в Чечню.

Распространение огнестрельного оружия привело к зарождению производства местного пороха и увеличению добычи свинца. Черный порох изготовлялся из селитры, древесного угля и серы и его качество зависело от чистоты ингредиентов. Так, натуральная селитра (в виде натека на скалах) и природная сера добывались близ сел. Бавлой, Шатой, Шарой и Мартан-Чу. Кроме того, селитру повсеместно получали выщелачиванием подстилки в загонах для скота, обработкой высушенной крапивы и конопли. Серу извлекали и из природных минеральных источников в частности «около Брагунских теплых вод».

Свинец добывался в Мулкое, Майсте, Шарое, Кей и Хакмадое. Документ 1629 г. сообщает о поездке русских стрельцов с Терека в нахские горные общества «Мылкынец» (Мулкой) и «Колканех» (Галгай) для покупки именно свинца.[22]

С оружейным производством тесно было связано собственно кузнечное ремесло. Чеченские кузнецы («эчиг-пхьар»)

производили металлические элементы пахотных орудий, косы, подковы, топоры, простые, т.н. «черные» (рабочие) кинжалы, ножи, серпы, гвозди, цепи. В частности орудия труда и посуду, главным образом на продажу, изготовляли в Брагунах, Девлет-Гирей-Юрте и Дарго.[23]

Традиционно кузнецы в чеченских аулах находились на особом положении заключавшемся в почитании огня, металла и магии мастерства. Отдельные из них работали на заказ, как правило в крупных селениях, а большая часть нанималась той или иной общиной на определенное время для обслуживания нужд всех общинников. Кузнец не только занимался ремонтом, но и ковкой сельскохозяйственного инвентаря, подковывал лошадей, изготовлял простейшие кинжалы и ножи. Он же владел нехитрым слесарным мастерством.

Согласно этнографическим данным кузница в равнинной Чечне представляла собой четырехугольное или овальной формы строение с турлучными стенами и земляной крышей. По наблюдениям этнографов общинные кузнецы получали участок земли, который обрабатывался для него коллективно, им предоставлялось право неограниченного выпаса скота, а также выплачивали с каждой семьи условленную меру зерна и других продуктов.[24]

Горские кузнецы пользовались популярностью и в казачьих гребенских станицах: «татара к ним приходя исправляют кузнечную работу» в т.ч. и сложную: «делают к ружьям замки и ложи, а стволы покупают в Москве».[25]

Отдельной специализацией в хозяйстве Чечни являлось производство медно-бронзовых изделий. Мастера этого промысла назывались «цест-пхьар» (медный мастер) и они ориентировались на выпуске тазов, котлов, совков для муки, мерных кружек, кумганов («г1умаг1») и больших высокогорлых кувшинов для воды с большой ручкой – «къудал». Вся посуда подобного рода украшалась пунсонным и иным сложным орнаментом, зачастую лудилась или серебрилась и пользовалась большим спросом, как в Чечне, так и за ее пределами.[26]

Гончарное дело в Чечне, как уже указывалось выше, являлось уделом женского труда. Гончарный круг был известен в Чечне с древних времен, запасы гончарной глины и лес для обжига имелись повсеместно. Из сохранившихся артефактов известно, что в Чечне изготавливали разнообразные виды глиняной посуды, удовлетворявшие все бытовые и хозяйственные нужды – от больших сосудов вместимостью 100-200 литров для хранения

зерна («гиба», «хумс»), до столовых кувшинов с ручками, чашек, тарелок и кружек. В рассматриваемое время обжиг отличался темно-коричневым и красным цветом, использовались «поливная» техника, сосуды украшались лепным узором и орнаментом из природных красок. По более поздним данным известно, что в среднем гончар, работающий профессионально, мог изготовить до 2-2,5 тыс. изделий в год.[27]

Образцы ювелирных изделий в Чечне XVI-XVII вв. представлены в виде разнообразных археологических артефактов найденных археологами в результате раскопок и обследования склепов и могильников в горной зоне: в Шарое, Никарое, Ялхарое, Цече-Ахк и в других. Мастера использовали для изготовления украшений такие металлы как золото, серебро, бронзу, медь, железо, полудрагоценные камни и цветное стекло, специальную пасту для чернения и т.д.

В перечень украшений жителей Чечни входили разнотипные украшения – подвески, кольца, браслеты, перстни, брошки, фибулы, амулеты, газыри, застежки и т.д. Мастера ювелиры, называемые в Чечне «дашо-пхьар» (мастер по золоту), а также «серебряки» (мастер по серебру) украшали конскую сбрую, мужские и женские пояса, клинковое и огнестрельное оружие.

В работе горских мастеров использовались раздельно и в сочетании такие приемы обработки металлов как ковка, литье, выбивание по матрице, чернение, золочение, зернь и т.д.[28]

В позднем средневековье на территории Чечни получает распространение деревообделочное ремесло и расширяется ассортимент изделий из дерева. Данное обстоятельства было связано с появлением такого мощного для своего времени производственного механизма как токарный станок – «чарх». Мастера производили работу либо ножной тягой, либо с использованием водяного колеса. На токарном станке изготовляли миски, чашки, бокалы, кружки, трости и т.д. Ковши, половники, ложки и ряд других предметов изготовляли вручную. Местные изделия из дерева украшались, как правило, геометрическим или растительным орнаментом. При этом для различных изделий использовали специальные типы древесины – бук, ясень, липа и т.д.[29]

В Горной Чечне с незапамятных времен для перевозки тяжелых грузов употребляли деревянные сани, запрягаемые быками. Они делались из толстых дубовых брусьев выдерживавших самые сложные усыпанные камнями тропы. Другой вид транспорта – горные арбы имели свою специфику –

колеса делались маленькими и широкими (порой сплошными без спиц), узкая платформа соответственно оказывалась низкой и арба не переворачивалась на крутых склонах.[30]

С выходом чеченцев на равнину получило дополнительный импульс изготовление ароб и сложных аробных высоких колес со спицами. В XVIII в. чеченские мастера не только закрывали внутренние потребности страны но и вывозили те же колеса за Терек, к тем же терско-гребенским казакам. В 1771 г. казаки просили Сенат Российской империи освободить ввоз аробных и тележных колес из Чечни от таможенных пошлин. В данном столетии отмечен также широкий вывоз в Кизляр и в казачьи станицы строительного леса, таркалов для виноградников и бочарных досок.[31]

Немаловажной отраслью в традиционном хозяйстве Чечни являлась обработка шерсти. Из нее изготовляли, на простейшем деревянном станке, т.н.»чеченское» сукно, которое шло на черкески, накидки, мешки и паласы. Традиционной отраслью чеченцев было и производство бурок, войлоков, ковров, хурджинов и вязанных изделий. Об этом пишет в своих записках служивший в 1791-1803 гг. на Кавказе П.Г.Бутков: «Из рукоделий главное у них (еченцев.-Я.А.) ткание сукон и валение войлоков на домашнее употребления».[32]

Работа с шерстью являлась прерогативой женщин. Следует отметить, что шерстяное производство было довольно затратным и трудоемким процессом: очистка шерсти, мытье, сушка, разрыхление, теребение, расчесывание, прядение требовали зачастую коллективных усилий. Так женщина могла промыть в день 2 пуда шерсти, расчесать до 2 кг, на изготовление пастушьей бурки ей требовалось 8-10 дней, а на изготовление белой т.н. «княжеской» бурки, до 30 дней. Уже в XVIII в. бурки, войлоки и сукна из Чечни распространялись н[33]. Весьма облегчало обработку шерсти в аулах плоскостной Чечни наличие здесь горячих и сернощелочных источников[34] а также высокое качество шерсти, которую иностранные наблюдатели (Готлиб Шобер, 1718 г.) сравнивали с лучшими сортами испанской шерсти.

Соответственно с наличием собственной сырьевой базы развивались в Чечне и иные промыслы. Так, весьма качественной считалась на Тереке обработка кож и шкур в Чечне, повсеместно было развито портняжное и скорняжное дело, начиная по крайней мере с начала XVIII в. распространяется шелкопроизводство. Следует отметить, что в XVI-XVIII вв.

в женской и мужской одежде чеченцев произошли известные изменения приведшие к усложнению элементов одежды, покроя, использованию разнообразных типов тканей, что было связано как с модой, так и распространением ислама и социализации общества. В целом самые характерные традиционные народные производства чеченцев благополучно перешли во вторую половину XIX в.[35]

Вместе с тем, необходимо отметить, что итогом развития ремесел и кустарных промыслов Чечни в исследуемый период так и не стало зарождение промышленного производства, которое в той же Европе началось в позднем средневековье с разделения труда и создания мануфактур. И в целом, и в частности, производящее хозяйство Чечни обслуживало потребности местных обществ и аульных общин с определенным выходом излишков на внешние рынки, иногда и вследствие вынужденного обмена (из-за отсутствия звонкой монеты) своих изделий на металл, соль, фабричные и заводские изделия, пряности и краски.

Весьма примитивными способами и средствами осуществлялась в Чечне и разработка полезных ископаемых. Здесь была известна, например, добыча соли через выпаривание воды из соленых источников близ селения Датых и озера Турали в шамхальстве Тарковском. Использовались естественные выходы селитры и природной серы на всей территории страны и естественные выходы нефти, как в Беное (Восточная Чечня), так и на Терско-Сунженском хребте. Есть некоторые полевые этнографические данные и археологические подтверждения о производстве железа из т.н. «болотной» руды. Имеются нарративные и полевые материалы о выплавке в чеченских аулах в небольших количествах меди, свинца и серебра, о добыче пескового золота в некоторых горных речках (например, в верховьях Чанты-Аргуна у сел. Кирд-Баьвниш). Сохранился также краткий отчет от 1789 г. неких горских рудознателей аварскому хану о безуспешных поисках золотых и серебряных руд в землях общества Химой (верховья Шаро-Аргуна).

Известно, что чеченский князь Казбулат имел доход от нефтяных колодцев продавая ее в бочках на русской казачьей линии за Тереком. Более поздние данные говорят, что жители нескольких горных мержойских селений (71 двор), покупали хлеб «посредством распродажи соли» выпариваемой из соленых колодцев.

Согласно данным авторов XVIII в. собранных профессором Ш.Б.Ахмадовым природная нефть давно использовалась горцами и казаками в хозяйственных целях – смазка, освещение, лечение, в т.ч. и скота. Свидетельства также говорят об использовании теплых минеральных источников равнинной Чечни в лечебных целях, в т.ч. и русским населением Терека. Царская администрация вела разведки рудных богатств Чечни, предполагая их эксплуатацию в интересах «доходов государственных».[36]

В целом, кустарные промыслы и ремесла в Чечне соответствовали уровню своего времени и обеспечивали основные потребности населения. Недостающее, а это были главным образом фабрично-заводские изделия, хлопчатобумажные и шелковые ткани, предметы роскоши, зеркала, проволка, красители, стекло и металлы, через покупку или обмен приобретали у торгующих купцов и на близлежащих русских и горских посреднических рынках.

К крестьянским промыслам относят «добычу» дикорастущей марены, охоту, рыболовство и пчеловодство (бортничество) в основе которых лежит использование природных даров. Указанные направления имели для своего развития в Чечне благоприятные условия: густые леса и разнотравье, реки были богаты красной «царской» рыбой и удобны для организации промысловой ловли сетями и бреднями и т.д.

Согласно данным путешественника 70-х гг. XVIII в. Иоганна Гильденштедта на р.Терек встречались практически все виды каспийских рыб: белуга, осетр, севрюга, стерлядь, лосось, кизлярская сельдь и т.д. Кроме того здесь, и на ее притоках, водились пресноводные виды рыб – щука, сом, усач, окунь, чебак и лещ. Добыча рыбы составляла важную статью в хозяйстве и питании горцев. Рыба распластывалась во всю длину, солилась и высушивалась на воздухе. «В устье Сунжи – отмечает С.М.Броневский – ловят тамошние жители несколько рыбы для собственного своего продовольствия». Есть так же данные XVIII в. о претензиях червленских казаков на «рыбные ловли» на правом берегу Терека и на Сунже где они сталкивались с чеченцами и брагунцами. Немалый интерес представляют также известия о рыболовном промысле чеченцев (включая – ауховцев) в районе острова Чечень на Каспии.[37]

Известным промыслом в Чечне XVI-XVIII вв. являлась и охота. Здесь добывался благородный кавказский олень, горный тур и горные козы, медведи, кабаны, лисицы, зайцы и куницы.

Возможно, что еще в XVII в. в затеречных степях водились дикие крупнорогатые животные. Из птиц добывались фазаны, куропатки, перепелки, утки, гуси и т.д. Есть данные о наличии в водах Терека выдр, а в р.Сунже бобров и выдр. В том же XVIII в. часть добытых шкур и пушнина диких животных вывозились в Кизляр и казачьи станицы[38].

В числе немаловажных промыслов Чечни XVI-XVIII вв. можно указать на бортничество и пчеловодство. Есть немало документальных, нарративных и этнографических данных начиная с XVI в., которые говорят о повсеместном распространении в стране «медвяного промысла» ввиду обилия лугов, лесов, садов с одной стороны и наличии заинтересованного населения с другой стороны. Мед и воск добывались настолько в большом количестве, что шли на русские рынки по Тереку. Домашние пчелы чеченцев содержались в специальных плетенных ульях «на подставках», которые по мере смены сезона трав и цветов перевозились с места на место. Менее значительную роль играло бортничество – охота за медом и воском диких пчел откладываемых в дупла лесных деревьев. Следует отметить, что адаты горцев весьма строго преследовали кражу и разорение ульев.[39]

Немалая заслуга в распространении в Чечне, начиная с XVIв., маренного промысла сыграли чеченцы-окочане жившие в Терском городе и рано познакомившиеся благодаря русским и персидским купцам с ценностью этого дикорастущего корня.[40] Данное многолетнее дикорастущее растение давало природный краситель всех видов и оттенков для тканей и ковровой пряжи, не выцветавший ни при каких условиях. Как популярный краситель марена использовалась по всей Азии и Европе. Маренным промыслом в осеннее время занимались жители всех притеречных чеченских и кумыкских селений. Следует отметить, что марена в основном шла на продажу. Ее скупкой занимались на местах и в Кизляре горские, русские, армянские, персидские и индийские купцы.

Уже в 1757 г. московские купцы строят первый в России завод по переработке корней терской марены. Ее стоимость возросла настолько, что марену стали выращивать на Тереке и Сулаке на искусственных грядках, добиваясь высоких урожаев.[41]

Таким образом, следует считать установленным, что в указанный период в Чечне существовали многие промыслы и ремесла необходимые для удовлетворения личных и хозяйственных потребностей горцев. Вместе с тем, все они носят вспомо-

гательный характер, за некоторым исключением - такие отрасли как оружейное, суконно-войлочное, деревообделочное, ювелирное приобретали определенные товарные черты. Это обстоятельство играло весьма важную роль не только в хозяйственном, но и в социально-экономическом и политическом развитии края. Складывается социальная категория ремесленников нуждавшихся в рынках сбыта своей продукции и за пределами края, а также в приобретении железных и стальных «полос», ружейных стволов, драгоценных металлов, некоторых химических соединений и т.д.

Широкое развитие того же оружейного дела в Чечне повышало потенциал местных воинов и качество вооружения народного ополчения в целом. Страна не испытывала недостатка в холодном, огнестрельном оружии и защитных доспехах, благодаря в т.ч. и ремесленным центрам Дагестана.

Поэтому периодически объявляемый запрет на русской границе по Тереку на вывоз металлов, не говоря уже об оружии, не сказывался на оружейном рынке Чечни. Ружье, кинжал и шашка становятся достоянием каждого горского мужчины, из которых богатые приобретали ещё кольчуги, шлемы и налокотники.

---

[1] См.: Даутова Р.А. Изготовление деревянной посуды вайнахами в эпоху позднего средневековья (по материалам Малхисты и Майсты) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983; Чахкиев Д.Ю. Огнестрельное оружие позднесредневековых вайнахов // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989; и др.

[2] Казиев Ш.М., Карлеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа XIX века. М., 2003. (И[3] Сахно-Устимович П.М. Описание чеченского похода 1826 г. // «Звезда» № 10, 2006. С.149. В примечании автор добавляет, что чеченцы «прежде» готовили к продаже в Кизляр дубовую клепку для бочек.

[4] Казиев Ш.М., Карлеев И.В. Указ.соч. (Интернет. Гл.XVII. Ремесла. Л.4.

[5] Хасиев С.-М.А. Из истории развития кустарных промыслов у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (обработка металла и камня) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С.17.

[6] Великая Н.Н. и др.Указ. соч. С.31.

[7] Таковы например мечети в с.Эйткале (Аргунское ущелье) и в с.Шарой в высокогорной Чечне.

[8] См.: Калдани А.М. К вопросу о классификации башенной культуры Чечни // Кавказский этнографический сборник. Вып.VI. Тбилиси, 1986; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С.274; Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С.32; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. с.413.

[9] См.: Марковин И.И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957-1965 гг.) // Северный Кавказ в древности с редние века. М., 1980; Ахмадов Я.З. Указ соч. С.274-275; Великая Н.Н. и др. С.30; Ахмадов Ш.Б. Указ соч. С.414.

[10] Ахмадов Я.З. Указ соч. С.275.

[11] Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С.33.

[12] Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С.32-33.

[13] См.: Розен Ф.В. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // История и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С.282; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.276; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.419.

[14] Марковин В.И. Каменная летопись страны вайнахов. М., 1994. С.140; Ильясов Л.Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М., 2004. С.63; и др.

[15] См.: Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие (Оружие кавказских горцев) // Сабли рая. Горское оружие в Кавказской войне. Грозный, 1992. С.3-4; Чахкиев Ю.Д. Оружие вайнахов. // Там же. С.15-22.

[16] Луки использовались в Чечне вплоть до конца XVIII в.

[17] Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С.29.

[18] См.: Народы Кавказа. Т.1. М., 1960. С.352; Асхабов И.А.-Р. Искусство оружейных мастеров // Культура Чечни. История и современные проблемы. Изд. 2-е. М., 2006. С.127-139.

[19] «Весьма хорошие делают ружья» в Аухе отмечает в 1812 г. А.М.Буцковский //История, география и этнография Дагестана. С.243; См.: Ибрагимова З.Х. Чеченские кустарные промыслы // Чеченская республика и чеченцы: история и современность. М., 2006. С.238.

[20] Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII- начале XIX века. Грозный, 2002. С.135-136.

[21] ГЦАРД. Ф.Кизлярский комендант. Д.2635. Ч.2. Л.52-52 об.

[22] См.: Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. М., 1957, С.120; Бутков П.Г. Из «Известия о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре» // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. С.10; Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С.27-28; Чахкиев Ю.Д. О производстве пороха горцами Чечни и Ингушетии в позднем средневековье //Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений, 1993. СПб., 1994. С.30-31;

[23] Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961. С.61-62; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.19; Великая и др. Указ. соч. С.29.

[24] Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С.28; Хасбулатова З.Народные промыслы чеченцев в XIX – начале XX века. // «Вестник Лам». № 3. 2002. С.36; Ибрагимова З.Х. Чеченские кустарные промыслы // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. М., 2006. С.240; и др.

[25] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела. 1762-1772 гг. Оп.118. Д.1. Л.521.

[26] Хасбулатова З. Указ. соч.С.38.

[26] Хасбулатова З. Указ. соч. С.36; Ибрагимова З.Х. Указ. соч. С.241.

[28]См.: Народы Кавказа. Т.1. М., 1960. С.352; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.136-137; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.19; Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С.29-30;

[29] Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С.33; Ибрагимова З.Х Указ. соч. С.240.

[30] Их описание приводится Н.Ф.Грибовским по материалам Ингушетии: «Эти своеобразные арбы состоят из трехугольного плоского плетешка прикрепленного к оси, на которой вертятся два колеса, имеющие не более полуаршинна в диаметре и вырубленные просто из доски.» См., Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.1. Отд.III. Тифлис, 1870. С.12-13.

[31] Саламов А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом // Известия ЧИНИИИЯЛЭ. Т.3. Вып.1. Грозный, 1963. С.27; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.20; Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С.33; Ибрагимова З.Х. Указ. соч. С.241; Первой четвертью XIX в. фиксируется вывоз из Чечни в Кизляр и курительных трубок из твердого дерева отделанных серебром, «причем в значительном количестве». – См.:Сахно-Устимович П.М. Указ. соч. С.149.

[32] Бутков П.Г. Из «Известия о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре.». С.10.

[33] Вывоз горских бурок и сукна в значительных количествах чеченцами-окочанами в Астрахань зафиксирован еще в первой четверти XVIII в. – ГААО.ф.

[34] Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX в.). Рук. дисс. канд. истор. наук .М., 1966. С.133-134; Хасбулатова З.И. Указ. соч. С.32-33; Ибрагимова З.Х.Указ. соч. С.235-236; и др.

[35] См.Марггграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882; Хасбулатова З.И. Указ. соч. С.33; Абдулвахабова Б.Б.-А., Мадаева З.А. Женская одежда горной Чечено-Ингушетии в XVII-XVIII вв. // Традиционна материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989. С.103-110; Абдулвахабова Б.Б.-А. Традиционная женская одежда чеченцев в XVI – начале XX вв. // «Вестник Лам». № 1. 2003. С.34-35; Ибрагимова З.Х. Указ. соч. С.237-238.

[36] См.: Акты Кавказской археографической комиссии. Т.IV. Тифлис, 1870. С.917; Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т.III. Ч.1. Махачкала, 1940. С.305; Гильденштедт И.А. Путешествие

по Кавказу в 1770-1773 гг. СПб., 2002. С.49, 50, 66; Броневский С.М. Указ.соч. С.182; Ахвердов А.И. Указ. соч. С.215; Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958 С.244; Бутков П.Г. Указ. соч. С.10; Казбек Г. Военно-статистическое описание Терской области. Ч.1.Тифлис, 1888. С 197; Тотоев Ф.В. Указ. соч. С.30; Ахмадов Я.З.Указ. соч. С.20; Об Ингушетии и ингушах: газета «Терские ведомости». 1868-1878. Магас-СПб., 2003. С.167; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.109-112; Магомедов М.Р. История Дагестана. Учебное пособие. Изд.2-е. Махачкала, 1998. С. 170; и др.

[37] См.: Гильденштедт И.А.Указ. соч.. С.41, 51; Броневский С.М. Указ.соч. С.162; Гриценко Н.П. Указ.соч.С.58?; Адилсултанов А.А. Указ. соч. С.30; Акбиев Арсен. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1998 (Интернет. Глава I «Экономическое развитие кумыкских земель»); Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.108; и др.

[38] См.: Гильденштедт И.А. Указ. соч. С.52; Броневский С.М. Указ. соч. С.162; Адилсултанов А.А. Указ. соч. С.30.31; и др.

[39] Русско-чеченские отношения... С.112; Адилсултанов А.А. Указ. соч. С.31; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.107-108.

У тех же ингушей, согласно свидетельству Н.Ф.Грабовского, автора XIX в., «за каждый улей, украденный с пчельника, полагалась в плату тельная корова и на угощение большой баран и 4 котла араки».

[40] Так документ 1631 г. свидетельствует, что некий иранец Талибечко подрядил в Терском городе местных русских людей, «черкас и окочан и юртовских татар копать травное коренье марену и отпустил тое марены в Кизылбаши... 4 бусы (корабля. - Я.А.). - Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. М. 1957. С.139.

[41] См.: Раввинский. Хозяйственное описание Астраханской и кавказской губернии. СПб., 1809. С.116; Адилсултанов А.А. Указ. соч. С.32-33; Ахмадов Я.З. Указ. Соч. С.21; Алиев Алав. Забытый промысел // газета «Елдаш/ Времена». Махачкала. 2 ноября 2007; и др.

§ 4. Торговые центры и пути сообщения. Внутренняя и внешняя торговля

Характер развития торговли в чеченском обществе XVI-XVIII вв. определялся, прежде всего уровнем развития производительных сил, наличием хозяйственной специализации тех или иных районов края (обусловленной естественно-природными факторами) наличием путей сообщения, близостью к торговым путям, торгово-ремесленным центрам и городам регионального и общекавказского значения. Следует также учитывать характер и степень вовлеченности Чечни в ту или иную крупную региональную или международную экономическую систему того времени.

В рассматриваемый период для Чечни была характерна определенная, но не определяющая, вовлеченность в региональную экономическую систему Дагестана (главным образом через Кумыкию и Андию), в иранскую (узко - азербайджанскую) субконтинентальную систему (через

многочисленных иранских, азербайджанских и армянских торговцев на Северном Кавказе), в османскую континентальную экономическую сферу влияния через торговые пути ведущие от Каспия и Дагестана через Чечню к Черному, Азовскому морям и Крымскому полуострову. Весьма активно наш край в XVI-XVIII вв. втягивался в торгово-экономическую систему и русского государства (через русскую пограничную линию на Тереке) представлявшего собой региональную восточноевропейскую державу, а начиная с Петра Первого континентальную Российскую империю ставшую на путь «догоняющей» промышленной модернизации.

Впоследствии распада еще в XV в. некогда единой Грузии на отдельные царства и княжества и раздела ее территории на сферы влияния между шахским Ираном и султанской Грузией традиционные торговые связи обществ Горной Чечни с грузинскими землями сократились и сохранялись на уровне контактов пограничных обществ и селений расположенных по обе стороны Кавказского хребта.

Основные меры веса, объема, длины используемые в Чечне в торговле, а также названия денежных единиц и монет были либо местными, либо заимствованы чеченцами из русских, иранских, турецких и грузинских систем, что говорит о их влиянии на более молодые горские образования выходившие на рынки с сырьевым товаром и ремесленными изделиями штучного производства.

В XVIII в. и сама Чечня в свою очередь становится притягательной экономической зоной для Нагорного Дагестана, Кумыкии, Кабарды, Терско-Гребенского казачьего войска и терских нагайцев.

Типологически Чечня относилась к локальной цивилизации традиционного вида – так называемая «горская цивилизация». Она характеризовалась преобладанием в хозяйстве аграрного начала и крестьянского парцеллярного хозяйства, в котором органично сочеталось земледелие и скотоводство.

Необходимо при всем этом учитывать, что уже в конце XV - начале XVI в. западноевропейская цивилизация вступила на путь торгово-промышленной модернизации связанной с переходом к буржуазному обществу. Российская «цивилизация» византийско-восточноевропейского типа начала свою «догоняющую» модернизацию в начале XVIII в. В то время как Иран и Турция, две великие страны, относящиеся к «восточной цивилизации», при всех своих спорадических хозяйственных

достижениях (основанных на использовании внеэкономического принуждения), так и не встали на путь перехода от традиционного общества к буржуазному.

Территорию Чечни в исследуемое время пронизывали десятки дорог и сотни троп связывавших все ее ущелья, равнины, горы, речные долины, населенные пункты: от галашевцев и арштхойцев на западе (расселенных в бассейне рек Ассы, Сунжи и Фортанги) до ауховцев–окочан на востоке (бассейн рек Аксай - Акташ), от снеговых вершин Главного Кавказского хребта на юге и до берегов Терека на севере. Вместе с тем, часть дорог и перевалов страны, главным образом высокогорной зоны связанные с перевалами Главного Кавказского хребта, являлись сезонными – доступными только в летнее время.

В то же время исключительно малая часть дорог всей горной зоны являлись аробными и санными. Это были конные, вьючные, а то и пешеходные тропы над крутыми склонами и пропастями. На равнине ситуация была другой: большеколесные арбы, запряженные упряжкой быков, легко преодолевали здесь подъемы, ухабы и речные броды.

Описание основных внутренних дорог Чечни было дано русским исследователем А.П. Берже в работе «Чечня и чеченцы», выпущенной в 1859 г. В той части, где речь идет о сообщении между горными поселениями автором дана статичная картина существовавшая по крайней мере с эпохи бронзы. Приводим типичное описание одной из дорог: «От аула Нуй в аул Шекаро пролегает тропа, трудная для сообщения. Сначала она идет по северному скату Даргендукского хребта через аулы Ляшкерой и Багачирой (Чебирлоевского общества) лесистою и изрытою местностью и переправившись через речку Мужи-акх, текущую в крутых берегах, она следует трудным подъемом до соединения с вьючной дорогой, идущей из укр. Шатоевского в общ. Технуцал и Андию, после чего идет вдоль просеки до м.Ленешки 6 верст. От Ленешки опять отделяется тропа и следуя густым, крупным лесом мимо аула Бусуа, круто спускается к реке Шаро-Аргуну и в версте от аула Дай переходит ее в брод. Далее река следует вдоль Шаро-Аргуна и оставя аул Шаро вправо, через 7 верст поворачивает к аулу Шекаро, где по показанию жителей есть серебряные руды»[1].

Одно из первых сообщений о дорогах Чечни сохранилось в русских документах XVI в. Речь идет об изыскании в 1589г. маршрута для русского посольства в Грузию из Терской крепости через Горную Чечню: «идти послом безстрашно на Метцкие

гребни, на Шихово племя, на Бурнашову да на Амалееву землю да на Батцкие гребни...»[2]. Однако, в конечном счете, был избран другой маршрут: от Терской крепости по левому берегу Терека до впадения в нее Сунжи (в границах современной Чечни), после переправы через Терек вдоль левого берега Сунжи на «Горячий колодезь», затем с остановкой на «Холопенском городище», посольский кортеж дошел до «речки Быстрой», а еще через два дня вошел в горы (в районе нынешнего Владикавказа) и поднялся в «Ларсов кабак Салтан-мурзы», далее началось движение посольства по грузинской территории подконтрольной кахетинскому царю[3].

Первый вариант дороги в Грузию через Чеченскую равнину, далее в горы по Аргунскому ущелью на «Шибуты», затем на «Метцкие гребни» (Митхо или Маьлхи) и на Тушетию, подконтрольную восточногрузинским царям, более активно использовался грузинскими и русскими служилыми людьми, грузинскими царевичами и церковными деятелями в середине XVII в.[4].

Широкую известность в XVI – XVII вв. имели такие пути сообщения общесеверокавказского значения (пролегающие и по равнинной части Чечни) как: «Мичкизская дорога», «Османовская дорога», а также «Османовский перевоз» (брод) имевший важное стратегическое значение. Мичкизская дорога начиналась от впадения р. Белой (Гумс) в Сунжу и шла на восток по речке Мичиг параллельно южному скату Качкалыковского хребта к р.Аксаю выходя в Аух (в свою очередь по территории Ауха шли караванные дороги к внутренним дорогам Дагестана и Чечни) и в кумыкские земли. Она имела ответвления, выводившие на все аулы Мичкизской земли (Ичкерия), на Дагестан через перевалы Андийского хребта и на Дербентскую дорогу через Кумыкскую плоскость.[5]

Параллельно Мичкизской дороге по северному скату Качкалыковского хребта проходил отрезок Османовской дороги (называемой еще Дербентской) соединявшей благодаря многим ответвлениям такие торговые центры как Шемаха, Деребент, Тарки, Эндери с турецкими городами на Азовском и Черном морях. Маршрут этот шел от указанного хребта на запад через Сунженский перевоз и, далее: либо по Степной дороге по левому берегу Терека, либо по Алхан-Чуртской долине между Терским и Сунженским хребтом, а далее через Кабарду, Черкесию к рынкам Таманского полуострова, Анапе и Суджуку (совр.Новороссийск. - Я.А.). По этой дороге шли торговые

караваны «ис Кумык в Кабарду и ис Кабарды в Кумыки и Шахову землю (Иран. – Я. А.)». Иногда эту дорогу называли и Кабардинской. Известный торговый путь связывал приморский юг Дагестана с ее внутренними районами и с Чечней: он шел по долине реки Самур, через Курах с выходом на Хосрех, далее к Кумуху, затем к северо-западу на Чох, Гидатль и через селения Андийского Койсу на Чечню[6].

Необходимо отметить, что регион Северного Кавказа, заключенный между двумя морями так и не оказался вовлеченным в мировую морскую торговлю. Основной объем каспийской торговли приходился на русско-иранскую (азербайджанскую) морскую торговлю осуществлявшуюся напрямую между Астраханью – Дербентом, Баку и иранскими городами. В устье одного из протоков Терека, впадающего в Каспий, появилась в конце XVI в. русская пристань, обслуживающая Терскую крепость, находившуюся в 20 верстах выше по реке. Но к пристани могли подплывать только мелкосидящие суда, с которых грузы, в свою очередь, переправлялись вверх по Тереку до крепости на речных лодках. Из-за опасности штормов и отсутствия удобных бухт, сообщение Терской крепости (русского анклава на Северном Кавказе) с Астраханью осуществлялась главным образом сухопутным путем, по так называемой Астраханской дороге.

В период Персидского похода войск Петра Первого в 1722-1723 гг. была заложена и, к 1725 г. закончена строительством, мощная крепость Святого Креста на реке Сулак в Дагестане в 20 верстах от устья реки. При этом река близ крепости была «запружена» и вся вода текла теперь через проток Сулака - Аграхань, впадавшей в одноименный морской залив. Благодаря этому, среднего размера морские суда смогли теперь подниматься из Каспия вверх по узкому заливу и одноименному протоку Аграхань до крепости.

Хуже обстояли дела с пристанью у города Тарки – столицы Тарковского шамхальства Дагестана. Во-первых, место было неглубокое, во-вторых, морской грунт не держал якоря, вследствие чего сильный ветер выбрасывал суда на берег[7].

От Тарков до Дербента не имелось ни одной удобной бухты для организации пристани. Поэтому Дербент как более или менее пригодный для стоянок судов оставался на протяжении XVI – XVIII вв. по существу главным портовым городом на Каспии, важной перевалочной базой для торговли со странами Востока многочисленных горских народов Северо-Восточного

Кавказа. Известно, что Каспий служил нуждам не только русско-иранской торговли, здесь имели сбыт большие объемы товаров из Турции и Индии. Более того, в 30-40-х гг. XVIII в. английские купцы, жившие в Санкт-Петербурге завели в 1738 г. торговую факторию в иранском Реште[8].

К концу XVIII в. по сведениям астраханской таможни (1797 г.) привоз и отвоз товаров из Астрахани (включая и горские товары доходил до 1,5 миллиона рублей, привоз морем из Астрахани, Баку в основной иранский порт «Зинзили» (Энзели) составлял 660 000 рублей. Выделить здесь процент горских товаров сложно, можно с уверенностью указать только на марену (она шла исключительно из районов Терека) на сумму в 30 000 рублей[9].

Территориальное расширение Османского государства в XV–XVII вв. превратило Черное море во внутренний водоем империи. На северокавказском и крымском побережье Черного моря турки уничтожили последние укрепления и города генуэзцев, опустошили прибрежные районы Черкесии. Однако экономические и политические обстоятельства потребовали от турок укрепления берегов и налаживания мирных связей с горским населением. Так, на Таманском полуострове османы укрепились в крепостях Темрюк, Кызыл-Таш и Тамань. Последняя превратилась к XVIII в. в торговый город с населением в 6 тыс.человек. Здесь было до 100 лавок.

В начале 20-х гг. XVIII в. султан приказал построить два укрепления на черноморском побережье Северного Кавказа: Суджук-Кале (Цемесская бухта) и Геленджик. В 1781 г. была отстроена заново Анапа, ставшая столицей турецких владений в этом регионе. В 1791 г. здесь, судя по некоторым данным, было несколько тысяч человек гражданского населения и богатые торговые предприятия. Кстати, из-за сложного рельефа морского побережья, Анапа являлась единственным портом, куда по суше подходила колесная дорога из Кабарды[10].

Самой важной турецкой крепостью в Восточной Европе с конца XV по конец XVII в. являлся Азов, где также осуществлялась широкая торговля. Следует учитывать, что собственно горские товары с Северного Кавказа шли не только в турецкие крепости, но и на полуостров Крым, на богатейшие рынки Крымского ханства.

По данным французского наблюдателя М. Пейсонеля (50-е гг. XVIII в.) горцы Северного Кавказа, в первую очередь черкесы, завозили на побережье для турецких купцов огромное количество

готовых ремесленных изделий, продукцию кустарных промыслов, а также икру, мед, воск, шерсть, шкуры домашних и диких животных. Судя по всему, значительного объема достигала работорговля. Главным торговым местом на Таманском полуострове М. Пейсонель считал г. Копыл в «2 лье от реки Кубани, где насчитывалось 4000 жителей, 2 мечети, 5 караван-сараев и 500 лавок. Сюда турки привозили товары для распространения на всем Северном Кавказе[11]. Для горцев Чечни, 1792 г. чеченец Гасан-Хаджи показал, что он кроме дагестанских и чеченских селений «бывал также на Таманском острове, для торгового промысла» [12].

Некоторое значение для горных чеченцев продолжали сохранять торговые центры в Закавказье – грузинские города Телави (с XVII по XVIII в. был столицей Кахетинского царства) и Тбилиси (столица Картлии и Картло-Кахетинского царства). Город Тбилиси в XVIII в. возродился как торговый и ремесленный центр Закавказья и, более того, здесь к 70-х гг. XVIII в. возникают первые на Кавказе крупные производственные предприятия мануфактурного типа.

К 1769 г. в рамах оказания помощи Картло-Кахетинскому царству, выступившему на стороне России в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. русские военные специалисты используя ингушей и осетин проложили по существу новую дорогу чрез Дарьяльское ущелье по которой мог передвигаться, хотя и с большим трудом, колесный транспорт. В Грузию были переброшены русские батальоны и одновременно началось движение товаров и купцов из Закавказья на Северный Кавказ и обратно. Грузинское правительство установило льготные пошлины на товары ввозимые этим путем с севера.

Грузинские, и в особенности армянские купцы, жившие в Грузии, Армении и Иране активно проникают на рынки Северного Кавказа торгуя в Кизляре, Моздоке, в казачьих станицах и горских аулах. Здесь же на Тереке оседают грузинские переселенцы[13].

Российские торговые центры на Северном Кавказе стали по существу складываться с конца XVI в. Значение Терского города, как крупнейшего политического центра и торгового рынка сохранялось на протяжении всего XVII в., а к концу первой четверти XVIII в. данная роль переходит к крепости Святого Креста на Сулаке. Наконец, в 1735 г. учреждается на одном из протоков Терека новая крепость Кизляр, быстро превратившаяся в важный торговый и винодельческий центр не только Северного

Кавказа, но и Юга России привлекавший, кстати, тысячи северокавказских горцев на сезонные работы. В 1762 г. строится крепость Моздок, в 70-х гг. XVIII в. еще целый ряд укрепленных пунктов на всем протяжении пограничной линии от Каспия до Азова и Черного моря. В 1784 г. русские укрепления шагнули вглубь горских земель – у начала Военно-Грузинской дороги сооружается крепость с символическим названием Владикавказ[14].

Учреждение в XVI в. Терского города, наряду с ростом торгового значения Астрахани, имело значение и в плане развития всего Волжско-Каспийского торгового пути, что не осталось не отмеченным не только московским, но и европейским купечеством; через Астрахань и Терский город в Персию устремляются сухопутным и морским путем посольства и купцы европейских стран. Во второй половине XVII в. остро встала проблема транзита иранского шелка в Западную Европу через Северный Кавказ и Россию: она была решена на основе соглашений Ирана и восточных купеческих компаний с русским царем Алексеем Михайловичем[15].

Указанному соглашению от 1667 г. предшествовала «торговая» война между Ираном и Россией перешедшая в серьезные боевые действия на Тереке и Сунже. Так сложилось, что в 40-50-х гг. XVII в. большие объемы иранского шелка потекли в Европу сухопутным путем через Дагестан, Чечню, Кабарду и Черкесию по северокавказской торговой дороге к Черному морю, что лишало возможности Россию получать пошлины да и участвовать в шелковой торговле непосредственно. С целью воспрепятствовать транзиту иранского шелка через горские земли, царские власти восстановили в июне 1651г. Сунженский острог на важнейшем «перевозе» через Сунжу позволявшем контролировать и терские броды. Еще ранее терско-гребенские казаки открыли массированные грабежи торговых караванов, что вызвало серьезные протесты дагестанских феодалов и иранских властей, получавших большие доходы за счет охраны караванов с шелком.

Боевые действия с привлечением тысяч «ратных» людей из североиранских (азербайджанских) ханств, Тарковского шамхальства, Эндерейского владения и из чеченских «землиц» (Мичкизы и Шибуты) прошли в 1651-1653 гг. и закончились своеобразным компромиссом: торговая дорога была открыта, казаки «воздержаны» от набегов, а Сунженский острог срыт. Но, вместе с тем, подданные иранского шаха - армянские купцы

Джульфинской торговой компании, открыли в Москве переговоры о направлении шелкового транзита в Европу через Россию по Волжско-Каспийскому пути[16].

Торговые и ремесленные центры собственно Чечни в XVII–XVIII вв. не столь известны в источниках, поскольку они не играли региональной роли. На роль региональных торговых центров рано стали претендовать такие крупные селения Северного Дагестана как Эндерей, Аксай и Тарки. Последний в ряде материалов определяется как город. Роль северокавказских региональных торговых центров брали на себя и русские города-крепости на Сунже, Тереке и Сулаке: Сунженский острог (1567, 1651 гг.) Терская крепость (Терки, Тюменский городок, 1589 г.), крепость Святого Креста (1723 г.), Кизляр (1735г.), Моздок (1762 г.) и другие. На ярмарки и постоянные базары в указанных крепостях съезжались русские, горские, иранские, армянские, индийские и среднеазиатские купцы. Довольно рано, с XVI в., важную торгово-посредническую роль во взаимоотношениях русского государства с Кавказом стала играть Астрахань[17].

Вместе с тем, целый ряд аулов Чечни, особенно предгорной и равнинной зоны, брали на себя роль торговых и посреднических центров районного масштаба. Если в XVI в. документы дают нам известные данные об «Окоцой землице», являвшейся феодальным владением, - «юртом» мурз Ишеримовых, с главным селением «Старый Окох» (Ширч-аух), то в XVII в. можно судить о таких ведущих «землицах» Чечни как и Мичкизская земля», «Шубуты» и «Мереджинцы». К середине – второй половине XVII в. на Чеченской равнине быстро растут хлебопроизводящие аулы и общества: Чечен-Аул, Брагуны, Атаги, и Гехи, служившие средоточием товарообмена между горами и плоскостью, между Чечней и Дагестаном, между русской пограничной линией и всей остальной Чечней. В XVIII в. на территории Чечни согласно документам известными аулами где проходили базары и осуществлялся широкий товарообмен были: Чечен-аул, Брагуны, Старый Юрт (Девлет-Гирей-аул), Гудермес, Дарго, Шатой, Даттых, и др. Так, в 70-х гг. XVIII Брагунах были оставлены данные о том, что «поселяне суть хорошие сельские хозяева» имеющие племенных лошадей, богатые сады и виноградные плантации, а так же «по причине торга» здесь постоянно проживало 10-12 армянских торговцев.[18]

Материалы конца XVIII - начала XIX в. говорят и о вовлечении в торговлю самых западных нахов-чеченцев. Так,

карабулаки «изобиловали» продукцией скотоводства, земледелия и пчеловодства настолько, что имели «в том свою промышленность продавая хлеб, мед, скот и масло в довольном количестве,...».[19]

Отдельно следует остановиться на вопросе торгово-экономического значения для Чечни ремесленных и торговых центров Терско-Сулакского междуречья и Прикаспия – кумыкских поселений Тарки, Аксай и Эндерей (два последних имели кстати и известную долю чеченского населения).

Тарки в XVI – XVIII вв. получал товары через купцов из Ирана, России и Закавказья морским и сухопутным путем. Сюда идут с запада сухопутным путем товары из Турции, Крыма, Черкессии и из ногайских улусов расположенных за Тереком. Став в XVI – 40-х гг. XVII в. столицей Кази-Кумухского (Тарковского) шамхальства селение Тарки постепенно превращается в средневековый восточный город с цитаделью и ремесленно-торговым посадом. Вскоре сюда начинают поступать из Астрахани, помимо русских, также и европейские товары, например английские и немецкие сукна. Население Тарков по мнению отдельных авторов выросло к XVIII в. до 8 тыс. человек и здесь насчитывалось до 1200 – 1500 домов[20].

Ближе к собственно горскому хозяйственному миру стоял знаменитый Эндерей – торговый, политический и духовный центр не только Кумыкии, но и предгорно-равнинной части всего Северо-Восточного Кавказа. Здесь происходили еженедельные пятничные базары, куда поступали товары из Нагорного Дагестана, Чечни, Кабарды, казачьих станиц и царских крепостей. Сюда гнали лошадей из дальних черкесских и ногайских аулов, ехали купцы из Стамбула и Крыма. Восточные купцы приезжали сюда зачастую за живым товаром; на местном работорговом рынке - «Ясыр-базар» - продавали пленников из Закавказья, Средней Азии и Персии. Скрытно продавали и похищенных детей из горских аулов[21].

В XVIII в. растет ремесленное значение Эндерея, здесь складываются некие цеховые начала и, как во всем Дагестане, зарождается примитивная форма мануфактуры – «рассеянная», когда скажем, производство того же кинжала распадается на ряд операций – один мастер кует клинок, второй делает ножны, третий работает по серебряному прибору кинжала и т.д. Отметим, что по свидетельству очевидца в первой четверти XIXв. в Эндерее проживало около «двадцати тысяч мусульман и евреев»

усердно трудившихся в своих «мастерских». Более ранние данные говорят, что в Эндерее насчитывается до 3000 домов, а другие всего 1500[22].

«Деревня сия (Эндерей – Я.А.) есть всему кавказскому народу воротами ведущими на плоскость» – утверждал комендант Кизляра конца XVIII в. А.И.Ахвердов, упоминая в числе этих кавказских народов и чеченцев[23]. Данная характеристика была относима и к другому кумыкскому селению – Аксай, стоявшему на границе кумыкских и чеченских земель.

Селение Аксай, к началу XVIII в. ставшее главным населенным пунктом Аксайского княжества, устраивало еженедельные базары, на которых происходил широкий товарообмен горскими товарами. В отличие от Эндерея здесь существовал и большой конский рынок. В Аксае также встречались купцы из разных стран[24].

Как к ближайшему торговому центру на горской земле в Аксай приезжали для покупки съестных запасов жители русских Терков, а позже и Кизляра. По данным начала XIX в. численность домов доходила до 800[25].

Русские наблюдатели отмечают, что: «Производимый в оном торг привлекает туда много соседственных чеченцов...» В 1818г. генерал А.П. Ермолов подытожил значение Аксая и Эндерея в региональной хозяйственной системе, отметив, что эндереевцы и аксаевцы «удерживают с чеченцами связи для выгод торговли»[26].

Посредническая роль кумыкских центров в экономической системе местного горского мира в XVIII в. усиливалась их связями, как близким Кизляром, так и далеко отстоящим от Терека и Сулака приморским городом Дербентом. Пользуясь, как иранский порт, свободным поступлением разнообразных персидских товаров и производя шелковые и хлопчатобумажные ткани «на своих фабриках», Дербент вел торговлю не только с Астраханью и Кизляром, но и, что важно, «с пограничными кумыцкими деревнями: Андреевскою, Аксаевскою, Костековскою...». Более того, дербентское купечество держало в своих руках торговлю таким важным товаром как марена, приобретаемой на Тереке и Сулаке, часть ее продавали и в Астрахани.[27]

Во второй половине XVIII в. русские власти освободили от таможенных пошлин на «непеределанную» продукцию подданных кабардинских и кумыкских князей, сохранив в то же время пошлины как инструмент давления в отношении жителей

чеченских селений. Это обстоятельство еще раз усилило посредническую роль таких селений как Эндерей, Аксай, Тарки и Брагуны, в торговле с Чечней и вызвало миграционную подвижку чеченцев на Кумыкскую плоскость. Так, в том же Аксае жители Чечни меняли свои товары: сыромятные кожи, меха, воск, мед, скот, войлоки на порох, свинец, огнестрельное оружие, чугунные котлы, холст и фабричные ткани, вывоз которых в Чечню без пошлин в Кизляре был невозможен[28].

Таковы были основные торговые центры и пути сообщения на Северном Кавказе в XVI – XVIII вв., которые оказывали самое непосредственное воздействие на развитие торговли собственно в Чечне. Но двигателем торговли зачастую является внешняя торговля, которая в нашем крае рано стала ориентироваться на Россию.

Первые данные о торговых связях населения чеченских обществ и владений с Россией относятся к 1605г. и связаны с закупкой панцирных доспехов в Москве посольством Шихмурзы Окуцкого во главе с его племянником мурзой Батаем Шихмурзиным: «Вели, государь, мне, холопу своему купити про свой обиход панцырей, и шеломов, и шапок железных и наручей на себя и свои люди на пятнадцать человек...». Эти и другие ранние данные о русско-чеченских торговых контактах были проанализированы Т.С.Магомадовой[29].

Те же служилые ауховцы-окочане (жившие в Терской крепости с 1596 г.) и гребенские казаки часто ездили по поручениям терских царских воевод в различные нахские общества (несомненно преследуя при этом и торговые цели): «и в Окоцкую, и в Мичкискую, и в Шибутцкую, и в Мерезинскую, и в Отчанскую, и в Колканскую, и в Мулкинскую ... землю»[68]. Так в 1629 г. терский конный стрелец Девятко Савельев рассказал: «Езживал он де с Терка... в горы и в горах... в Колканех да в Мылкыцех свинец покупывал и на Терек приваживал, ...»[30]

Однако наиболее полные и развернутые данные о роли и месте чеченцев-окочан в развитии русско-горской торговли дают документальные данные XVII в. выявленные в свое время Т.А. Исаевой. В ее статье на эту тему соответствующие документы были развернуто проанализированы.[31] Историк Ш.Б.Ахмадов в свою очередь выявил дополнительные материалы Астраханской таможни о торговле окочан-чеченцев в первой четверти XVIII в.[32]

Выявляется, что чеченцы жившие как в Терском городе, так и в Окочанской слободе под Терками занимались торговой

деятельностью вывозя местные горские товары в Астрахань (и даже в Москву), а из Астрахани ввозя на Терек русские изделия для продажи. Так, в 1672 г. из Астрахани был отпущен в Терки морем терский окочанин Яктуначку Кумыков с тремя работными людьми и с товаром – мука ржаная, котлы медные, сукно и «коробки». В следующем, 1673 г. зафиксирован приезд в Астрахань из Дербента окочанина Ялбечка с восточными тканями и сафьяном. В 1675 г. служилый окочанин Конейко Аллабердеев вывез морем из Астрахани в Терки – 50 коробок «красных», 10 ларцев, 4 медных котла, 20 чашек, 8 зеркал, 5 мешков проса и т.д.; в 1676 г. несколько окочан вывозят из Астрахани в Терки 400 пудов соли, а окочанин Энбулатка Эльмурзин «в своем стружку с товаром» везет из Астрахани муку, коробки, ларцы, зеркала, 2 тыс. иголок, 60 ножниц, 2 пуда котловой меди, ткани и т.д.[33]

Естественно, что такие партии товаров служилые окочане, пользовавшиеся как русские подданные значительными льготами в торговле, ввозили на Терек отнюдь не для личного пользования. Более того, известно, что в терских слободах для приезжих «из-за границы» горцев служилыми окочанами устраивались «самочинные торги» где эти и подобные товары реализовывались без уплаты вывозных пошлин[34].

В начале XVIII в. «окочанская торговля» товарами русского производства продолжает развиваться. Но при этом присутствует и вывоз в Астрахань товаров восточного (главным образом ткани) и местного производства: меха, бурки, шкуры, пряжа и др. Терские окочане ездят и в горские аулы, чаще на базары Аксая «для покупки припасов», но при этом им приходится при возвращении платить пошлины. Ездили они и в чеченские аулы, в частности в 1708 г. отмечен некий уздень Лаузан с «двумя товарищами-окочанами», находившихся в Чечен-Ауле для продажи рыбы[35].

В 1718 г. окочанин Кирей Соломонов привозит в Терки морем 800 аршин простого холста и 300 аршин «холста ровного», меха заячьи, зеркала, удила, ножницы и т.д. И наоборот: приехавший из Терков в Астрахань окочанин Богамет Алеев «явил товара 120 бурок черкасских (горских. - Я.А.)», другой окочанин в том же году привез в Астрахань «45 сукон черкасских плохих, 20 бурок черкасских»[36].

Торгово-посредническая роль собственно терских (впоследствии кизлярских) окочан-чеченцев в развитии

внешней торговли Чечни и, в целом, в развитии русско-чеченской торговли, была значительной. Надо отметить, что данная высокая роль проявилась и в установлении в 1747-1748 гг. правления сына генерал-майора русской службы Эльмурзы Бековича-Черкасского – ротмистра Девлет-Гирея в чеченских селениях Герменчик и Шали. Это было не случайно. Дело в том, что начиная с первой трети XVII в. окочане выступали аталыками (воспитателями) наследников служилых кабардинских князей, возглавлявших иррегулярные военные силы России на Тереке[37]. Воспитанники перенимали язык и культуру своих приемных родителей, в данном случае чеченцов.

Герменчиковцы и шалинцы, следом «чебутлинцы», мотивировали свое намерение быть в «ведомстве» Девлет-Гирея желанием «дабы им с купечеством в город Кизляр, в казацкие гребенские городки тако в Андреевскую, Аксайскую и протчие деревни ездить под защищением было свободно». В свою очередь, в октябре 1747 г. властям Кизляра предписывалось допустить свободный пропуск по требованию Девлет-Гирея «быков, коров и рыбы» для его «подвластных» через заставы[38].

В 17511754 гг. князь Девлет-Гирей из-за недовольства «подвластных» оставив Герменчик переселился под покровительство русских властей на северный склон Терского хребта напротив Червленской станицы. Сюда подселились кроме его крепостных, уздени из числа окочан, а позже ремесленники- армяне и другие. Новый аул - Девлет-Гирей-аул (Старый Юрт) быстро занял важное место в русско-горской торговле и в ремесленном производстве (к примеру, в производстве бурок)[39].

Довольно рано девлетгиреевцы включились в посреднические торговые операции на Северном Кавказе. В марте 1763 г. в донесении ротмистра Ступишина отмечалось, что они перегнали за Терек 1,5 тыс. лошадей для продажи в Персию: «только свои ль или в препровождении» о том осталось для властей неизвестным[40].

Развитие русско-чеченской торговли в XVIII в. представляет собой большую и сложную тему недостаточно исследованную в исторической науке. Неизвестны к примеру масштабы прямой горско-казачьей торговли, характеризуемой царскими властями «контрабандной». Между тем, в 1753 г. группа чеченских старшин написала в адрес кизлярского коменданта, запрещавшего поездки чеченцев в казачьи селения: «[мы] всегда

ездили в казачьи городки для торгу, и во оных казачьих городках мы покупали рыбу и тем детей своих кормили». В 1765 г. один из чеченских князей (Алисултан Казбулатов) просит разрешения «подвластных своих до 100 ароб отправить в казачьи городки... (для приобретения – Я.А.) рыбы, и соли и протчие», под собственным сопровождением.[41]

Несмотря на заставы и форпосты, горцы и казаки продолжали беспошлинную торговлю. Так, в 1760г. гребенской атаман И. Иванов жаловался начальству, что некий поручик «Новоглатковского форпоста» разрешает казакам и торгующим «из азиатского народа» свободный обмен лошадей, скота и прочего за взятки. Нужда гребенских казаков в торговле с чеченцами была большой, так в документах 70-х гг. XVIII в. отмечено: «с татарами торг имеют не на деньги но меною, берут у них кафтаны, шапки, колеса...».[42].

Терско-гребенские казаки добивались устранения запретов и пошлин на их торговлю с горцами и официальным путем: в 1771 г. казачье войско подало прошение Российскому Сенату о снятии пошлин на аробные колеса ввозимые из Чечни. Ходатайство было Сенатом отклонено, чтобы не «подавать способ к уменьшению пошлинного сбора»[43].

Следует отметить, что торговые пошлины взимали и горские князья: как за провоз товаров через их владения, так и за сопровождение купеческих караванов и конских табунов к торговым центрам. Традиционная пошлина в ХУШ в. составляла (на примере доходов шамхала) по 2 руб. 50 коп. русской монетой с каждой повозки нагруженной товарами, а с пеших и конных коробейников по 1 руб. Плата шла с каждой головы лошади, определенного количества голов скота или штук вяленной рыбы. В документах XVIII в. есть свидетельства выполнения охранных функций на торговых путях чеченскими и брагунскими князьями[44].

Системный анализ материалов XVI – XVIII вв. о торговле в Чечне, да и на всем Северном Кавказе, показывает, что основными «стратегическими» видами товаров, входящим перечень «жизненных», для горцев являлись: хлеб, соль, ткани, металлы, оружие, порох, лошади, домашний скот, марена[45], рыба (вяленая), рабы. Но работорговля была неким экзотическим видом торговли в горской среде, наиболее привлекающей внимание наблюдателей, но менее всего значащей. Так, достаточно развернутые документы XVIII в. по Чечне дают буквально несколько десятков данных о фактах работорговли,

причем часть ее относится к промежуточной – провоз рабов или перепродажа их в Чечне. Даже кражи людей с целью перепродажи, случавшиеся в горских районах с княжеским правлением, относились, как правило, к семьям крепостных и тех же рабов.

Вопреки общераспространенному мнению, одним из главных рынков сбыта рабов (большей частью выходцы из Грузии, Ирана, Средней Азии и, в меньшей части из горской среды), в XVII-XУШ вв. являлась Россия. В конце XVII в. царское правительство стало запрещатьтерским воеводам покупку «ясырей», а также посылку гонцов за Терек и к ногайцам для покупки пленных. Видимо, это явление приобрело вызывающий характер. Как бы то ни было, в XVIII в. вновь широко практикуется работорговля в русских крепостях и городах. Так, знаменитый эндереевский «Ясыр-базар» (Северный Дагестан) по большей части сбывал рабов покупателям из русского города Кизляра, где их труд использовался на виноградных плантациях. Как отмечал бывший комендант Кизлярской крепости А.И.Ахвердов, андреевцы «продают (рабов. – Я.А.) в Кизляр с хорошими выгодами для употребления в садах виноградных». Только часть пленных «самых лучших обоего пола» продавалась приезжим «туркам и жидам». Но «настоящая же прибыль» тех же андреевцев состояла не в работорговле, а в «хлебопашестве, скотоводстве и в воске, на продажу в Кизляр дров, кольев для садов виноградных, строевого лесу»[46]. Кстати, тот же лес доставлялся в Эндерей главным образом из ближайших чеченских районов богатых лесом.

Весьма важно отметить распространение в Чечне начиная с XVI в. товаров так называемого престижного потребления: это златотканые шубы и шапки из ценных мехов, золотые и серебряные кубки, дорогие ткани и красители, предметы обихода (зеркала, ларцы), высококачественные кожи и т.д. В XVIII в. возрастают объемы потребления бумаги в связи с развитием грамотности.

Как заметил С.М. Броневский, горские народы «имеют также свою роскошь и свои прихоти. Не только разборчивы в доброте оружия, но и в щегольстве онаго; для одежды жен своих покупают европейское сукно, шелковые и бумажныя материи, сафьян, сученое серебро и золото»[47].

Другим важным явлением развития торговли в Чечне являлось складывание торгового сословия купцов – «совдегар»,

существовавшего за счет доходов от разнообразной торговли – как сырьем, так и готовой продукцией.

Появление в Чечне своего рода «промышленников», живших «торговыми оборотами» приводило и к выработке определенных соглашений с соседями: так, в конце XVIII в. между кизлярским комендантом и чеченцами «для производства их купечеством торга зделаны были... условия»[48].

Политическим следствием развития внутренней и внешней торговли в Чечне (ориентированной главным образом на Россию где начиная с Петра Первого развивалась фабрично-заводская промышленность) являлось несомненное развитие внутреннего хозяйственного пространства и складывание пророссийской внешнеполитической ориентации.

Другим следствием развития торговли на территории Чечни с учетом наличия зернового хозяйства и ремесел (некоторые виды которых приобретали товарные черты) следует считать то обстоятельство, что наш край, в той или иной форме, выступал притягательным хозяйственным рынком для своих непосредственных соседей. «Выгоды торговли» связывают в XVIII в. с Чечней Нагорный Дагестан, Кумыкию, Кабарду, Терско-Гребенское казачье войско и ногайцев. Это обстоятельство еще раз служило диверсификационным фактором развития единого хозяйственного пространства в географических пределах предгорно-плоскостной Чечни выступавшей в качестве своеобразного системообразующего центра на Северо-Восточном Кавказе, где с той или иной силой действовали так же «силы притяжения» российского торгового «центра» на Тереке, кумыкского центра (в целом северодагестанского), Дербентского ханства, Большой Кабарды, турецких городов в Причерноморье и на Тамани, и т.д.

[1] См.: Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1990. С. 35-36.

[2] Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI – XVIIв. Сб. док. Сост В.Н.Кушева. М., 1997. С 25-26.

[3] Русско-чеченские отношения..., С. 27-34.

[4] См.: Там же: С. 181 – 183; 193 – 194, 205 – 208, 220-221,273-274; Магомадова Т. С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI-XVII вв.//Взаимоотношения чеченцев и ингушей с Россией и народами Кавказа в XVI-нач.XX в. Грозный, 1981.

[5] Так, в 1830г. генерал Ф. Ф. Розен указал «известные пути в Аварию» с Кумыкской плоскости: «от Андрея (Эндерей. – Я.А.) через ауховскую деревню Акташ-Аух, ичкеринские: Асанбекет, Зандак и Старый Зандак... далее от Баяна через Андийские деревни...». – Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830// История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С.292.

[6] См.:Кабардино-русские отношения в XVII-XVIII вв. Т.1., М.,1957. С.89,92,161,302-303; Русско-чеченские отношения... С.66; 342; Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана.

1796г.//История, география, и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С. 135-136; Адилсултанов А.А. Акки и акинцы в XVII-XVIII веках. Грозный, 1992. С.45-46; Акбиев Арсен. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1958.Интернет: сайт « Кумынский мир». (Глава I. Экономическое развитие кумыкских земель» раздел «Развитие торговли»); История Дагестана с древнейших времен до XX века. Т.1. М., 2004. С.335; и др.

[7] См.: Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718г.//История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М.1958 С.44; Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728г.//В том же сборнике. С.64; Ахмадов Я.З. Российское повстанческое движение конца XVII – начала XVIII вв. и народы Северного Кавказа //Известия СКНЦВШ. Серия общ-х наук. №1. Ростов-на-Дону, 1989. С.?

[8] Броневский С.М. Новейшия Известия о Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским: В 2-х томах. Т.1,2. Изд. И. К.Павловой. СПб., 2004. С. 88, 95.

[9] Там же. С. 89, 95.

[10] См.: Чеучева А.К. Османская империя и Северо-Западный Кавказ в XVIII столетии. Депонированная статья. Интернет. С. 2,6: Записки о службе генерал-фельдмаршала графа И.В. Гудовича, составленные им самим//Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. СПб., 2002. С. 66; Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная// В том же сборнике. С. 187.

[11] Пейсонель М. Материалы для истории черкесского народа, в изложении Е. Д. Фелицына. М.Ц.Т.К. «Возрождение». 1990 г. Интернет: http:zitria.narod.ru/paisonel 5/htm/

[12] Саламов А. А. Из истории взаимоотношения чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI - начало XX века) //Известия ЧИНИИИЯЛ. Т III, вып.1. Грозный, 1961. С. 27 – 28.

[13] См.: Интернет: http: //www.nplg.gov.ge/ic/DGL/WORK/History of Georgia. Стр. 3; Суздальцева И.А. Грузинская диаспора низовьев Терека в XVIII – первой половине XIX в.// Вопросы северокавказской истории. Вып.9. Армавир,2004. Интернет: http://nike.itech.ru/modaees/books/big.php?num=88

[14] Гриценко Н. П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. Ростов-на-Дону 1984; и др.

[15] См.: Ахмадов Я.З. The expot of the Iranian silk to Western Europe from the 16th to the beginning of the 17th century (the place of Russian and North Caucasian transit)//The Annual of the society for the study of Caucasia. Chicago, 1997. Vol. 6-7; Чарунова И.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. д.и.н. Махачкала, 2007. С. 26-27; и др.

[16] См.: РГАДА. Ф. 121. оп.1. 1648г. д.1. Л.16, Там же: Ф.121. оп.1. 1652г. Д. 1. Л. 16-17,19; Кабардино-русские отношения, Т.1. С. 256-257, 304-306, 313-317; Ахмадов Я.З. Указ соч. С. 47-48; История армянского народа с древнейших времен до наших дней. Ереван, 1980. С. 164.

[17] См.: Гриценко Н. П. Города Северо-восточного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1984; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967; Гашимов Д. Сунженский перевоз. Торгово-экономические связи Дагестана и Северного Кавказа в XVI – XVIII веках // Советский Дагестан. №1. 1969; и др.

[18] См.: ЦГАРД. Ф.Кизлярский комендант. Д. 3384. Ч.2. Л.43; РГВИА. Ф.ВУА. Д. 18507. Л.18; [Фальк]. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий. T.VI. СПб., 1824. С.63; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX века //Труды ЧиНИИиЯЛ. T.V. Вып. I. Грозный, 1961. С. 70; Ахмадов Я. З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С.21; и др.

[19] РГВИА. Ф. ВУА. Д.18508. Л.10 (Копия).

[20] См.: Челеби Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) // Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Дона. М., 1969; Лавров Л. И. Тарки до XVIII века// Ученые записки Института ИЯЛ Дагест.филиала АН СССР. Т. 4. Махачкала, 1958; Гаджиев В. Г. Сочинения И Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой, находящихся как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979. Акбиев Арсен. Указ.соч. Глава «Экономическое развитие кумыкских земель». Интернет.

[21] Акбиев Арсен. Указ.соч. Интернет: сайт «Кумыкский мир».

[22] См.: Буцковский А.М. Указ.соч. С.241; Ван-Гален Хуан. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770 – 1820 годы. СПб., 2002. С.359 – 360; Оразаев Г. Г-М. Исследование «Тарихи-Эндирей» (История Эндирея) Интернет: http: www.kumukia.ru

[23] Ахведов А.И. Описание Дагестана 1804г.// История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С. 213.

[24] Акбиев Арсен. Указ.соч. Интернет: сайт «Кумыкский мир».

[25] Буцковский А.М. Указ.соч. С. 242; Акбиев Арсен. Указ.соч. Глава I. Экономиеское развитие кумыкских земель. Раздел «Развитие торговли».

[26] См.: Буцковский А.М. Указ.соч. С. 242; Гордин Я; Ермолов // Россия в Кавказской войне. Исторические чтения [Вып.3]. СПб., 2000. С.87.

[27] Ахвердов А. И. Указ.соч. С. 219.

[28] Гарунова Н.Н. Кизляр как центр дагестано-чеченской торговой экономической интеграции XVIII – XIX века // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. М.,2006. С 232 – 234.

[29] Русско-чеченские отношения... С. 50-51; Магомадова Т.С. К характеристике торговых связей чеченцев и ингушей // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. II. Грозный. 1977.

[30] См.: Русско-чеченские отношения... С. 97 (Документ 1621г.); Русско-кабардинские отношения. Т. 1. С. 97,120.

[31] Исаева Т.А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. // Известия ЧИНИИЯЛ. Т.9. Ч.3. Вып.1. Грозный, 1974.

[32] Ахмадов Ш.Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII веке // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – нач.XX в. Грозный, 1981.

[33] Русско-чеченские отношения... С. 213, 215-216, 224, 229-230; и др.

[34] См.: Адилсултанов А.А. Указ.соч. С. 42-43; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. Грозный, 2002. С. 150-151, 153.

[35] См.: Адилсултанов А.А. Указ.соч. С.42-43; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII-начале XIX века. Грозный, 2002. С. 150-151, 153.

[36] ГА АО, ф. 681. Ол.6. С. 26. Л.14, 18;там же: Д.29. Л.27 (документы выявлены Ш.Б.Ахмадовым).

[37] Так, окоцкий уздень Бикша Алеев был аталыком двух князей – Шолоха и Муцала Сунчалеевичей Черкасских. См. Русско-чеченские отношения... С. 351.

[38] ЦГАРД. Ф.Кизлярский комендант. Д. 3378. Ч.4. Л.46-46 об; Ф.379. Д.157. Л.45; Тотоев Ф. В. Состояние торговли и обмена в Чечне (2-я половина XVIII – 40-е годы XIX в.// Известия СОНИИ. История. Т.XXV.Орджоникидже, 1966. С. 157 – 158.

[39] Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С. 19,21,65,91; Ахмадов Ш.Б. Указ.соч. С. 123.

[40] ЦГАРД. Ф. 379,Оп.1. Д. 546. Л.82.

[41] ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.542. Л.108; Там же: Оп.1. Д.596. Л.19.

[42] ЦГАРД.Ф.379. Оп.1. Д.86. Л.50-50 об.; АВПР МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела. 1762-1772 гг. Оп.118. Д.1. Л.521.

[43] Ахмадов Ш.Б. Указ.соч. С.155.

[44] См.: ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.419. Л.109; Д.524. Л. 39об. – 40; РГВИА.Ф. 482. Оп.1. Д.1. Л. 220-221; Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. //История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С. 135; Буцковский А.М. Указ.соч. С. 240.

[45] Так, в конце XVIII в. горцы ежегодно продавали на Тереке 20 тыс.пудов корня марены: См.: Ахмадов Я.З. Указ.соч. С. 91.

[46] Ахвердов А.И. Указ.соч. С. 213 – 215; Иноземцева Е.И. К вопросу о политике России по пресечению работорговли на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. // Интернет: http://nikc.itech.ru/modules/books/big.php?num=88

[47] Броневский С. М. Указ.соч. С. 44.

[48] См.: ЦГАРД. Ф.Кизлярский комендант. Д.2412. Л.3; Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т.III. Ч.I. Махачкала, 1940. С.283.

Глава 4. Историческая география и политическая карта Чечни в XVI – XVIII веках

§ 1. Место Чечни в северокавказском регионе

В течение исследуемого времени Северный Кавказ представлял собой весьма сложный, в национальном, политическом и религиозном отношении регион. Многочисленные народы края различались, хотя и не стадиально, в своем социально-экономическом положении и в культурно-общественном развитии.

Мир горских народов Северного Кавказа в XVI–XVIII вв. складывался из представителей четырех языковых групп – абхазо-адыгской, нахо-дагестанской, тюркской и иранской.

Представители адыгских этнических групп населяли с древности Северо-Западный Кавказ и приморские районы Черного и Азовского морей до течения р.Лаба на северо-востоке. Преимущественно равнинная территория от верхней части бассейна рр.Кубань и Кума на западе, до левого берега р.Сунжи на востоке, была освоена восточными адыгами (позднее сложившимися в кабардинский этнос) к XУ-XУ1 вв. Родственная адыгам абазинская народность располагалась в горных верховьях рр.Баксана, Урупа, Лабы и Зеленчука.

Примерная численность адыгских народов в XVIII в. составляла: западные адыги (абадзехи, бесленеевцы, бжедуги, жанеевцы, шапсуги и др.) – в пределах 235 – 400 тыс. человек, кабардинцы - 200-250 тысяч, а абазины до 10-12 тысяч.

В ущельях нагорной части территории Северо-Западного и Центрального Кавказа жили носители тюркского языка – близкородственные карачаевцы и балкарцы. Они занимали ущелья верховьев рек Большой и Малой Лабы, Кумы, Баксана, Чегема и Урвани. Западнее балкарцев, начиная от течения р. Урух и до бассейна верхнего течения Терека на востоке в ущельях гор образованных притоками Терека – Урух, Урсдон, Ардон, Фиагдон и Гизельдон проживали ираноязычные осетины. Часть осетин находились на южных склонах Главного Кавказского хребта в Грузии.

По разным данным число карачаевцев и балкарцев доходило до 20 тыс., а осетин до 35 тыс.[1]

От Дарьяльского ущелья на западе и, до Андийского хребта и бассейна р.Аксай-Акташ на востоке, между Кавказским хребтом на юге и нижним течением Терека на севере расселялись нахи - предки чеченцев и ингушей. В пределах указанной территории в течение XVI–XVIII вв. из подавляющей части нахских обществ сложился чеченский этнос, а позже из нескольких западных обществ и ингушская народность. Численность чеченцев по данным конца XVIII в. колебалась в пределах 150-180 тыс., а ингушей 12-15 тысяч (встречаются и цифры 20-25 тыс.)[2].

В XVIII в. стала складываться еще одна нахская народность – арштхойцы (орстхойцы) – более известные в литературе как карабулаки. Их аулы и общества располагались по рр.Ассе, Фортанге и Сунже. Численность карабулаков определялась в источниках в пределах 6-8 тыс. человек. Однако, этногенез карабулаков в связи с принятием ими ислама в конце XVIII – начале X1X в. оказался тесно слит с этногенезом собственно чеченцев.

Еще одна, весьма древняя, нахская народность – бацой (тушбацой), территориально располагалась в Закавказье на межгорье между Боковоым (Тушетским) и Главным Кавказским хребтами в границах Грузии. Численность бацбийцев в изучаемое время не превышала несколько тысяч человек.

Восточнее и юго-восточнее нахских земель, на пространстве от вершин Андийского и Снежного хребтов на западе до берегов Каспийского моря на востоке, от течения Сулака на севере до р. Самур на юге простирался Дагестан, где проживали по разным оценкам от 30 до 40 народов, народностей и этнических групп. Их общая численность в XVIII в. колебалась в пределах 450-500 тыс[3]. Это были, в первую очередь, народы нахо-дагестанской языковой группы: аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины и табасаранцы. На тюркских языках здесь говорили кумыки, ногайцы и азербайджанцы, на иранском языке – горские евреи (таты).

Уже в конце XVI в. на Тереке появляются первые группы восточнославянского (русского) населения; в XVIII в. численность Терско-Гребенского казачьего войска доходила до 500 чел. «служащих» и до 500 «запасных» мужчин. Тогда же, на русском «фронтире» по Тереку - в станицах, крепостях и поселениях - появляются армяне, грузины переселившиеся

из Закавказья и, немалые группы горцев бежавшие по разным причинам из своих родных аулов[4].

Политическое и общественное устройство горских народов Северного Кавказа в XVI-XVIII вв. характеризовалось большим разнообразием: от независимых крестьянских «вольных» обществ – своеобразных «республик» и «федераций», до феодального типа владений и раннефеодальных государств с относительно сложной социальной иерархией. Однако и для феодальных владений и для вольных обществ Северного Кавказа базисным являлось наличие территориальной крестьянской общины функционирующей на основе обычного права.

Отдельные территориальные общины, союзы обществ и их федерации в рассматриваемый период могли быть совершенно независимыми и экстерриториальными. Горские селения и их союзы могли иметь выборную систему управления демократического типа, но могли так же возглавляться патрицианской группой, религиозными авторитетами, либо титулованными аристократами приглашенными на «княжение» со стороны. Они также могли входить в союз с горскими князьями, а то и в состав феодальных образований с сохранением внутренней автономии, и т.д.

Территория Чечни и западнонахских обществ граничила в XVI – XVIII вв. практически со всеми типами общественного и государственного устройства того времени на Кавказе: это грузинская монархия на юге, русский царизм и кочевые ногайские и калмыцкие улусы (с ханским правлением) на севере, феодальные государства, владения и вольные общества Дагестана на востоке, кабардинские «классические» княжеские уделы и осетинские ущельные общества с патрицианской формой правления на западе.

Становление политико-административной системы Чечни в XVI–XVIII вв. происходило при наличии таких факторов, как: совпадение процесса становления нации с укреплением монотеистической религии, усложнение социальной структуры общества в связи с поступательным развитием страны, наличие общих особенностей и специфичных форм социально-политической организации. Особенности были вызванны историческими, географическими и природно-климатическими условиями существования тех или иных территориальных групп населения.

Лингвистическая карта нахского сегмента на Северном Кавказе в какой-то мере совпадала с территориально-

политическим делением. По крайней мере начиная с XVI в. мы имеем в Чечне устойчивые диалекты дожившие до XX в. Считая с запада на восток они расположены в следующем порядке: джейрахский/фяппинский диалект (общества Охкарохи, Джейрах, Мецхал), г1алг1айский (общества Галгай, Ангушт, Чулхой и Цори,)[5], галанчожский (общества Акки, Цечой, Мержой, Галай, Нашхой, Кей, Пешхой, Ялхорой, Арштхой и Галашки). В галанчожском диалекте некоторые исследователи выделяют карабулакский (арштхойский) говор и ламаккинский говор.

Малхинский/малхистинский диалект (общество Мялхиста/Малхиста) относимый в некоторых исследованиях к говору галанчожского диалекта, также как майстинский диалект (общество Майсты/Митхо) были распростанены в юго-западных районах Горной Чечни, в верховьях р.Чанты-Аргун и его притоков.

Восточнее носителей малхинского и майстинского диалектов, в верховьях Чанты-Аргуна и его притоков,, располагались многочисленные аулы носителей итумкалинского диалекта (общества Терлой, Мулкой, Чанти, Хильдехарой, Шатой и др.) с такими говорами как: терлоевский, чантинский, хилдехароевский и шатоевский.

Южнее и восточнее указанного выше района в верховьях Шаро-Аргуна и его притоков был распространен шароевский диалект (головное общество Шара и более малые объединения – Цеса, Хима, Хакмада, Кенхи и др.).

От правого берега Шаро-Аргуна до вершин Андийского хребта располагались аулы носителей чеберлоевского диалекта с наличием макажойского, нижнечеберлоевского (нижалойского) говоров, а также и дайского говора на одном участке левобережья указанной реки.

Подавляющую часть Восточной Чечни, занимали носители нахчмахкоевского диалекта – их аулы располагались в бассейнах рр.Басс, Элистанжи, Харачой, Хумык, Гумик, Гумс, Гансол, Мичик, Аксай, Ямансу, Ярыксу (общества Нахч-Мохк, Мичиг и Качкалык).

На основе нахчмахкоевского диалекта, начиная с середины XVII в. складывается плоскостной диалект чеченского языка, который в XVIII в. распространился на всю Чеченскую, Надтеречную и Качкалыковскую равнины. Позднее на его основе сложился чеченский литературный язык.

В верхней части Кумыкской плоскости примыкавшей к нахчмахкоевским землям, по крайней мере с XVI в. господствовал аккинский (ауховский) диалект с собственно аккинским и пхарчоевским говорами (на территории «Окоцкого» феодального владения, позже «вольного» общества Аух). Судя по всему, большая группа носителей аккинского говора галанчожского диалекта мигрировав на Кумыкскую плоскость из западной части Горной Чечни вобрала в себя наречия местных «коренных» нахов говоривших на нахчмахкоевском диалекте[6].

На протяжении XVI – XVIII вв. в связи с историческими событиями и миграционными процессами связанными главным образом с возвращением нахов на плоскость, носители самых крупных диалектов – нахчмахкоевского и итумкалинского (в лице носителей шатоевского говора) первыми освоили плоскостные районы по Сунже и Тереку.

Следует отметить, что нахские диалекты были чрезвычайно близки. Выдающийся кавказовед барон П.К.Услар в середине XIX в. отметил: «чеченский язык представляет замечательный характер единства; уроженцы двух противоположных концов Чечни без затруднения могут разговаривать друг с другом, за исключением джераховцев, которые говорят весьма измененным наречием»[7].

Некоторые исследователи полагают, что чеберлоевский диалект сохранил более древние формы чеченского языка, нежели чем другие диалекты. В этом отношении язык нахов-бацбийцев (туш-бацой), известных уже в русских источниках XVI – XVII вв., так же отличается наличием архаических форм[8].

Однако, бацбийцы задолго до исследуемого периода вошли в пределы грузинской государственности и культуры, в силу своей географической отдаленности от основного нахского этномассива они рано утратили языковые связи с прародиной.

Нахские (чеченские, ингушские и бацбийские) языки и их диалекты являлись разновидностью одного и того же языка-основы, который в ходе развития во времени и пространстве в той или иной мере видоизменялся. Вместе с тем, основная лексика, названия орудий труда, мер веса, длины и производственная терминология и другие показатели во всех нахских языках и диалектах оставались практически идентичными, что конечно говорит о распаде единого исходного языка (сформировавшегося безусловно на равнине) на диалекты и говоры в относительно недалеком прошлом.

Переходя к вопросу о политическом устроении исторической Чечни в XVI – XVIII вв. мы, в связи с существующим делением Чечни и Ингушетии, опускаем описание нескольких западно-нахских обществ (вошедших позже в состав исторической Ингушетии) за одним исключением. Существует неясность относительно Ларса – феодального владения Салтан-мурзы располагавшегося в XVI в. на левом берегу Терека в северной оконечности Дарьяльского ущелья.

Салтан-мурза, называвший себя «братом» Ших-мурзы, исчезает из сферы внимания документов еще до гибели последнего в 1596 г. Известно, что Салтан-мурза полностью разделял политические позиции Ших-мурзы: хочу «служить» русскому царю как «государю служил мой брат Ших-мурза Окутцой...» заявлял он. Если предположить, что в данном случае речь идет не о «социальном» или несомненном этническом братстве, то легко допустить, что феодальная фамилия Ших-мурзы пыталась взять под контроль нахские территории и стратегически важные пути передвижения от Ауха и русских крепостей на Тереке до Дарьяла и Грузии путем создания своих селений. Существуют и некоторые этногенетические предания, которые говорят об ингушских или чеченских корнях осетинизированной к ХУШ в. феодальной фамилии из Ларса – Дударовы. Согласно им «Дудар» был родом из Чечни, выходец из селения Кий/Кей или Аьккхи (из фамилии «Акиевых») переселившихся в Дарьяльское ущелье[9].

Описание этнополитического и административного устроения Чечни в XVI – XVIII вв. необходимо начать с ее горной части. При рассмотрении орографии Горной Чечни выявляется, что здесь существуют три протяженные в зональном направлении – запад- восток, горные системы, являющиеся и водораздельными. Они делили названный район на 3 части, которые мы условно обозначили следующим образом:

- высокогорная: между вершинами Бокового хребта (от 3,0 до 4,5 тыс.м над уровнем моря) – ответвлением Главного Кавказского хребта на юге (поделенного на Тушинский и Снеговой хребты) и Скалистым (на отдельных участках называемого Цорей-лам, Юкер-лам, Хачарой-дук) водораздельным хребтом на севере, протянувшемся по территории Чечни с запада на восток от горы Хахалги (3031 м) и до горы Кири-лам (2803 м) по другим данным, еще далее на восток;

- среднегорная: между отрогами Скалистого хребта на юге и Пастбищным хребтом на севере (средняя высота 2,6 – 1,8 тыс.м);

- низкогорная: между Пастбищным хребтом на юге и Черными (Лесными) горами на севере (1,1– 0,6 тыс.м)

Следует отметить, что практически все указанные хребты (кроме Бокового) были изрезаны широкими и узкими ущельями, пробитыми реками текущими с юга на север и впадающими в Сунжу и Терек.

[1] См., Сотавов Н.А. Северный Кавказ на рубеже XVII-XVIIвв.//Интернет:http:kumukia.ru/modules. С.1.

[2] См.: Волкова Н.Г. Динамика численности вайнахских народов до XX века // Археолого-этнографический сборник. Т.2. Грозный, 1968. С. 116-117, 123 и др.; Ахмадов Я.З. взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С. 17; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XУШ-начале X1X века. Грозный, 2002. С.45-47; Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М.,2003, С.61;

[3] Сотавов Н.А. Указ.соч. С. 3.

[4] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. С. 348-355; 368-370; Козлов Сергей. Кавказ в судьбах казачества (XVI – XVIII). СПб., 2002. С. 20-27.

[5] С конца XVIII –XIX в. на основе галгайского диалекта сформировался плоскостной диалект ингушского языка, который еще позже стал основой литературного ингушского языка.

[6] О нахских языках и диалектах существует обширная литература: Мальсагов Д.Д. Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка. Грозный, 1941; Арсаханов И.А. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959; Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963; Мациев А.Г. Чеберлоевский диалект чеченского языка//Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1964; Алироев И.Ю. Библиография по нахскому языкознанию. Грозный, 1968; Вагапов А.Д. Происхождение чеченцев с точки зрения языкознания//Нохчийн филологин проблемаш. Вып.1. Грозный. 1999; и др.

[7] Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Чеченский язык. Тифлис, 1888. С.47.

[8] См., Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. М., 1953.

[9] См.: Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. 1578 – 1613 гг. М., 1888. С. 16 – 17, 34; Русско-чеченские отношения в. Вторая половина XУ1-XУП в. М., 1997. Сб. док. Сост. Е.Н.Кушева. М., 1997. С. 30-31; Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. Грозный, 1963. С.24.

§ 2. Высокогорная часть края: от Малхисты до Кенхи

В высокогорной части Чечни по течению двух крупных рек, Чанты- Аргуна и Шаро-Аргуна, начиная с эпохи бронзы и до изучаемого времени возникли по ущельям, притокам рек, горным плато и котловинам множество поселений: аулов, хуторов–усадеб и каменных однодворных башенных комплексов, которые существовали и в исследуемое время.

Общей особенностью горных поселений Чечни являлось то обстоятельство, что каждое горное общество занимало в своем ущелье (ч1ож) три геоморфологические ниши – узкая речная долина, окружающая котловина и нагорные плато предполагавшие хозяйственную специализацию в рамках полеводства и скотоводства (реже садоводства). Другая особенность состоит в том, что в ущельных ареалах складываются изолированные и самодостаточные аграрные хозяйственные комплексы.

Первое аульное «вольное» общество с которого мы начинаем рассмотрение темы это Малхиста расположенное на самой юго-западной окраине Горной Чечни.

Малхиста/Малхйисте. В буквальном переводе «Малхйисте» означает «Солнечная сторона». Общество занимало горную котловину на левом, северном берегу верховьев Шаро-Аргуна (Малхистинское ущелье) и граничило на западе (через хребет Веги-лам) с нахским обществом Цори, на юге с Хевсуретией (общество Шатили), на севере через водораздельный хребет Басты-Лам с обществом Кейн-Мохк, на северо-западе с Терла; в восточном направлении от Малхисты, на южной стороне Аргуна находилось общество Майсты.

В Малхисте насчитывалось, вместе с хуторами, более 20 населенных пунктов располагавшихся в бассейне притока Аргуна Меши-хи и отчасти Басты-хи: Амие, Банах, Баста, Басти Хьевхи, Бенйста, Доьхалашхе, Жаре, Икалчу, Къомалха, Коратах, Кешнах, Мешиех, Нохараста, Оьла-каг, Сахана, Терте, Пуганча, Туданда, Ценчу мехка и другие. Единственно, одно селение Дуоза (Дози) располагалось на правом берегу Чанты-Аргуна. Как правило местные поселения представляли собой башенные селения, самые крупные из которых насчитывали несколько десятков дворов, а рядовые по 5-10 дворов усадебного типа. Здесь же располагался обширный склеповый могильник с несколькими языческими святилищами – Цой (Цайн)–Пхьеда.[1] Свидетельством достижения определенной степени социально-общественного развития общества являлись замковые комплексы.

Фамильный списокнаселения Малхисты был более коротким чем список населенных пунктов: тертхой, бастий, камалхой, кхоратхой, жархой, саханхой, кеганхой, банастхой и меши, что говорит о постепенном расселении увеличившихся фамильных подразделений на новые места. В свою очередь фамилии («гара», «некъе») состояли из домов-«ц1а» (по существу

нескольких реально родственных семей по отцу, деду, прадеду) и отдельных семей – «доьзал». О численности малхинских фамилий мы можем судить только по отрывочным данным начала Х1Х в. Так, в «Джарего» указано наличие 11 дворов и 59 жителей, в «Бонисти» 16 дворов и 76 душ, в «Камалаго» 8 дворов и 27 душ.[2]

Хотя в Малхисте и существовало несколько фамилий считавшихся «пришлыми», здесь сложилось обычное горно-кавказское общество, представлявшее собой равноправный союз или федерацию всех аулов и фамилий ущелья с союзным собранием, военным ополчением и советом старших (старейшин фамилий).

Постоянные встречи «старших» людей аула для обмена мнениями происходили в селах Малхисты на специальных площадках - «пхьог1а», которые вымащивались здесь плитами, а с покатой стороны склона строились каменные стенки для сидения. Некоторые косвенные данные говорят о наличии в Малхисте в XVI – XVIII вв. жреческой прослойки. Ислам здесь победил сравнительно поздно, в конце XVIII – начале XIX в.[3].

Известная самодостаточность скудного горского хозяйства, наличие собственного культурного мира замкнутого границами ущелья, обеспечивали ущелью Меши-хи и политическую автаркию. В политическом плане общество Малхиста было вполне самостоятельным и в силу своей отдаленности и труднодоступности от других чеченских обществ и равнины ориентировалось в своем миграционном движении вовне на близлежащие районы Грузии – в частности Хевсуретию и Тушетию. Поэтому, в течение XVI – XVIII вв. грузинские цари ведшие борьбу с иранским и турецким засильем с опорой на горские силы, неизбежно обращались к содействию пограничных «кистинских» обществ, таких как Малхиста. В свою очередь жителям подобных обществ издревле была предоставлена возможность беспошлинной торговли в городах Грузии и право выпаса скота в Алазанской долине. В русских документах Малхиста упоминается при описании пути в Грузию с низовий Терека через Аргунское ущелье в 1591 г. : «идти... безстрашно на Метцкие гребни (Митхо - грузинское название Малхисты. – Я.А.), на Шихово племя, на Бурнашову да на Амалееву землю, да Батцкие гребни (бацой – нахи-тушинцы. – Я.А.)[4].

Майста. Столь же изолированным природой от основного массива нахских обществ являлось и высокогорное Майстинское

общество расположенное в небольшом ущелье с речкой Майстон-эрк (правый приток Чанты-Аргуна) берущей начало с вечных ледников горных вершин Бокового хребта высотой до 4,5 км. На западе и северо-западе Майсты граничило (через хребты) с Малхистой, на севере через русло Аргуна с Кей-Мохком, на востоке с чеченским обществом Хилдехарой, на юге (через вершины Бокового хребта) с хевсурами, тушинами. Майста имела выход на запад и восток по руслу Аргуна к другим чеченским обществам, а перевальными тропами на Хевсуретию и Тушетию (через Хилдехарой и Малхисту).

Вероятно, что свое название общество получило от гидронима Майстойн-эрк, но возможно и от «ма1а» - в значении «верхний, возвышенный»[5].

В Майста насчитывалось четыре древних башенных аула: Васар-кхелл (Фарас-кхелл), Туга, Пуога и Цекхелли. Так же как и в Малхисте здесь сложился большой некрополь из каменных склепов и наблюдались культовые капища языческих богов нахского пантеона. Несмотря на малочисленное население[6] и отсутствие удобных путей сообщения Майста, согласно устной традиции, имело несколько общезначимых культовых мест и, самое главное, считалось центром знания обычного права в Чечне. «Майстон-кхелл» - «Суд майстинцев», традиционно являлся во всей Чечне последней инстанцией, куда обращались тяжбущие по адату в случае чрезвычайно запутанных дел, оставшиеся неразрешенными местными судами. Также здесь искусно лечили резаные и огнестрельные раны, тщательно соблюдая древние приемы и рецепты врачевания[7].

Судя по косвенным данным, Майста, как общество, представляло собой союз 4-х поселений и на карте страны существовало как самостоятельная политическая единица.

Из-за отсутствия пахотных участков и дефицита пастбищ, жители занимались разведением, главным образом, крупнорогатого скота. Для масштабного разведения овец были необходимы зимние пастбища недостижимые для майстинцев в Аргунском ущелье. Поэтому майстинцы были экономически заинтересованы во взаимосвязях с хевсурами, тушинцами и с Грузией в целом. Шла также постоянная миграция «излишков» населения на юг, где майстинцы расселялись в Тушетии и в Панкисском ущелье.

Вероятно, что майстинцы отмечены в русских документах 1603 г., где речь идет о приезде на Терек по торговым делам «крестьянина» Хармурза Абдалина из селения Того

присоединившегося к грузинскому посольству царя Александра в Москву избравшего «аргунский» маршрут вместо «дарьялского». Позже, во второй половине XVIII в. горное «кистинское» общество «Меести» (Майсты) упоминается И. Гильденштедтом[8].

Кей/Кейн-мохк/Кийста. Высокогорное общество в бассейне левобережного притока Чанты-Аргуна р.Геши-чу (Кейн-эрк) граничило на западе с обществом Малхиста, на северо-западе с Цори, на севере и северо-востоке с землями среднегорных обществ Галая и Аькхи, на востоке с Терлоем, на юге по руслу Чанты-Аргуна с Майсты.

Этимология топонима неясна, возможно от «кей/ков» - «ворота». Как бы-то ни было в ХУП-Х1Х вв. в грузинской и русской историографии «кистами» и «кистинцами» именовали горцев-нахов из верховьев Чанты-Аргуна и живущих на притоках Терека – Охкарохи и Армхи. Возможно, что этноним «кисты» имеющий грузинское происхождение и возник еще в раннем средневековье в результате знакомства с пограничным районом Кей/Кий/Кийста. Но, вместе с тем надо отметить, что в западной части Горной Чечни и горной части Ингушетии встречаются и другие топонимы с частичкой «кей/кий». [9]

Башенные аулы и отдельные хутора-усадьбы Кейн-мохка тянулись по течению Кей-эрка, по обеим берегам начиная с верховьев и до впадения речки в Чанты-Аргун. Здесь имелись такие поселения как Кей-мохк, Авлахчу, Маг1ал-Кей (Верхний Кей) и Игал-Кей (Нижний Кей), Гимрой, Маштерой, Келжи, Боьрти, Меши, Шунды, Беки, Босхой и другие.[10]

Главным сборным местом общества являлись два обширных башенных поселка – Верхний и Нижний Кей, расположенных в 2-3 км друг от друга и состоящих из огромных 3-4 этажных жилых башен. В Нижнем Кее стояли и две боевые башни с купольным и пирамидальным покрытием.[11]

Ограниченные возможности занимаемого ущельного пространства, несмотря на прекрасные альпийские пастбища, обусловили раннее движение кейцев/кистин вверх по течению Аргуна в тушинские, хевсурские и пшавские селения Грузии и в Панкисское ущелье. Эти переселения осуществлялись не только из-за демографического давления и нехватки земель но и вследствии кровной мести. Следует отметить, что переселение на юг, в Грузию, шло и из других нахских обществ высокогорной зоны Чечни. Северный маршрут миграции открывается только с освоением Чеченской равнины в ХУП-ХУШ вв. Например

довольно рано (XVIII в.) фамилия кейцев появилась в притеречном селении Девлет-Гирей-юрт.[12]

В религиозном отношении кейцы относились к тому кругу горногрузинских, западнонахских и верхнеаргунских обществ в духовных представлениях которых сочетались элементы развитых языческих верований (Вокха Дела – Верховный бог, Тушоли – богиня земли, плодородия, Сели – бог грома и молнии, Елта – бог охоты, плодородия и урожая) и признаки былого христианства с почитанием креста (ж1ара), развалин древних церквей и соблюдением поста. Следует отметить, что в XVI и в XVII веках грузинские цари (Леван, Теймураз) предпринимали усилия по утверждению христианства в пограничных «кистинских» обществах[13].

Система управления в Кейн-мохке складывалась из института старейшин, аульных сходов, общеаульных народных собраний и регионального Мехк-кхела – совета общества, собиравшегося время от времени. В политическом плане кейцы находились в дружеских отношениях не только с непосредственными соседями, но и союзничали с обществами бальсунской конфедерации среднегорной зоны, особенно с Аькхи и Нашахой с которыми они считались в родстве.

Хилдехьа/Хилдехьара. Общество располагалось по правому притоку Чанты-Аргуна – Цийлахойн-эрк (Кериго), образуемого слиянием нескольких речек (Хьеран-эрк, Тюалой, Босташ-ин и др.) стекающих с вершин Бокового хребта.

Оно граничило на западе с Майста (отделяясь от него Тебулосским хребтом), на востоке с обществом Хьачара, на севере по руслу Аргуна с Дишни-мохк и Терлоем, на юге через вершины Бокового хребта с Тушетией.

Этимология названия данного высокогорного района довольно ясна: «хилдехьа» - «заречное (место)», «хилдехарой» - «живущие за рекой» (имеется в виду р.Чанты-Аргун ограничивающая северные пределы общества).

В указанном обществе имелись следующие селения и отселки, в т.ч. и башенные: Бовхо, Горст, Гуйвийнача, Дуьрчани, Керисте, Корхой, Кирбасой, Люнки, Мецехчу, Пужах, Пужапхьаро, Саканахо, Тюйли, Хангиха, Чамги и Цийлахо. Фамильный состав общества отчасти совпадал с аульным, здесь жили: користахой, люнгихой, саканхой, цийлахой и хангихой[14]. Данные «старые» фамилии и образовывали новые селения и хутора в границах общества путем окультуривания новых пастбищ и создания земледельческих террас.

Окруженные с трех сторон мощными снеговыми хребтами, жители общества имели вместе с тем неплохие условия для развития овцеводства[15] и, в определенной степени земледелия. Их сообщение с соседними обществами Чечни могло происходить по тропам Аргунского ущелья; с Тушетией и Грузией общество связывала одна тропа через крутой перевал по склону горы Нархех-корт, которой пользовались и западные соседи майстинцы[16].

Согласно преданиям, Хилдехьа представляло собой общество с демократическим типом управления и не входило в какие-либо крупные объединения или в союз с феодальным владением, существуя замкнуто. Здесь располагались почитаемые культовые святилища и капища, включая священные рощи. По-видимому, в связи с наличием развитого языческого пантеона и уединенным географическим положением общество поздно приняло ислам – не ранее XVIII в. В силу тех же причин оно не попало и в документальные источники XVI – XVIII вв.

Терла/Терлой. На левобережных притоках Чанты-Аргуна – Никархойн-эрк, Бархайн-эрк и Бавлойн-эрк располагались земли союза сельских обществ Терла/Терлой. Общество граничило на западе через вершины водораздельного хребта с обществом Кей (Кей-мохк), на севере через вершины Скалистого хребта с Нашха, на востоке с Дишни-мохк, на юге, по руслу Чанты-Аргуна, с Майста и отчасти Хилдехароем. Этимология названия Терла прозрачна являясь производной от «Т1ера» - «верхнее/верхний».

Башенные постройки Терлоя, образующие порой мощные замковые и крепостные комплексы сосредотачивались в аулах Барха (Новый и Старый), Уйта, Ушна (Оьшни), Гуро, Боьшна, Элда-Пхьа, Сени, Моцарой, Никарой, Бавлой, Кхенах и Арстах, не считая хуторов и отселков. Есть основания считать, что собственно Терлой складывался из союза 3 отдельных аульных обществ сосредоточенных в ущельях речек Никаройн-эрк, Бархайн-эрк и Бавлойн-эрк. Вместе с тем, до принятия ислама (примерно в XVII – XVIII вв.) здесь существовали общие для указанных обществ мощные языческие культы с храмами и святилищами и, наблюдался культ местного верховного бога – Терлой Дели (бог терлоевцев). Здесь же наблюдался и храмовый культ «Меркан Нана» (матери земли, страны)[17].

Наличие богатых пастбищ и плодородных террасных участков позволило терлоевцам создать самодостаточную хозяйственную систему. Вместе с тем горцы вели активное

каменное строительство: не позже XVI –XVII вв. в ущельях Терлоя были воздвигнуты совершенные жилые, боевые башни и мощные замковые комплексы. Своеобразную архитектуру имело селение Никарой, воздвигнутое на скалистом мысе при слиянии двух речек столь тесно, что дворы домов располагались на плоских крышах второго яруса жилищ[18].

Фамильный состав Терлоя частично совпадал с аульным: бавлой, бешхой, боьшни, гемерой, гизхой, гилшхой, жерахой, кхенарой, мацархой, никарой, оьшний, санахой, шуьнди, элтпхьархой и др.

Отрывочные фольклорные данные говорят о «демократическом» типе управления внутри общества структурированном в трех-четырех ущельных союзах, но объединяемых общенародными собраниями и культами. Вместе с тем, наблюдались и попытки централизации власти аристократическими элементами. Здесь предания называют имена Бийриг Биччу и Элди Талата, влиятельных владельцев башен вступавших даже во взаимные войны [19].

Следует отметить, что терлойцы контролировали важную часть участка дороги с равнин по ущелью Аргуна в Грузию. Поэтому «Тарлов кабак (поселение. – Я.А.)» фигурирует уже в русских документах 1601 г.: «в Грузи с Терки (послам. – Я. А.) идти... на Мичкисские кабаки, ... а от Мичкисского от Кудашева кабака на Пешинский кабак, а от Пешинского кабака на Тарлав, на Бердеков кабак, а ход со вьюками»[20].

В целом, общество Терлой входило в систему сообщества чантыаргунских «землиц», в т.ч. согласно преданиям и в единый оборонительный комплекс Горной Чечни от Шатоя до Малхисты[21].

Дишни. Ниже Терлойского общества по левобережью течения Чанты-Аргуна располагался небольшой аульный союз Дишни («Дишни-мохк» - «земля дишнийцев»), который граничил на западе с Терла, на востоке с Чаьнти, на севере с Чоьхоевским обществом, на юге - по руслу Аргуна - с Хачароем (правобережье).

Полевые материалы говорят, что общество некогда владело землями не только по левому но и по правому берегу Чанты-Аргуна. Правобережные земли были утрачены в результате выхода из союза родственных по женской линии фамилий. Расположено общество в стратегически важном месте, там, где Аргун текущий из Закавказья с запада на восток делает поворот на север, а рельеф окружающих гор исключает обходные пути.

Этимология топонима возможно исходит из характера местности, или из скотоводческой номенклатуры[22]. Главным занятием дишнийцев являлось скотоводство.

На территории общества существовали следующие селения, отселки, хутора и жилые башни усадебного типа: Тусхара, Амкхелла, Барснаха, Цацах, Бечига, Юрдахо, Утан-кхелла, Тержил-г1ала,Чоьнк-пхьеда, Авст-кхелла, Кхалтъа, Гучча-кхелла, Курш-пхати и др[23].

Дишни-мохк практически не упоминается в документах XVI–XVIII вв. и скорее всего потому, что данная территория в источниках покрывается топонимом Чаьнта («Чантинская землица»), что свидетельствует о возможном вхождении данного общества в более крупную политическую и территориальную единицу каковым был Чантинский союз, либо о их постоянном и тесном взаимодействии.

Хьачарой. Общество располагалось на правом притоке р.Чанты-Аргуна речке Хьачарой-ахк берущей начало с вершин Бокового (Тушетского) хребта. Оно граничило на западе (через хребет Данедук) с Хилдехароем, на севере с Дишни-мохк и на северо-востоке по водораздельному хребту с Чаьнти, на юге мощные горные системы Бокового хребта и хребта Кобулам отделяли ее от Тушетии, куда из Хачароя вела пешеходная тропа по перевалам высотой до 4 тыс.м.

Этимология названия общества выглядит прозрачной: «хьач» - алыча (дикая слива), «аре» - поляна, пространство. Отсюда Хьачара – «Алычевая поляна»[24].

По данным топонимии здесь располагались следующие поселения в том числе и башенного типа: Шок-кхелла, Ведача, Сиелита, Мазлатане, Калхьада, Гамха, Пхьалгашка, Вазашка, Хьавхара, Пхьакоча, Аттин-бовта и др. Обилие названий связанных с пашнями, огородами, пастбищами, стоянками скота и водяными мельницами говорит об успешных занятиях местных горцев земледелием и скотоводством. Топонимические данные о специальных местах заседаний старейшин общества – «Исс хийшанча» («Девять собиралось где»), подтверждают фольклорные предания о Совете старейшин Хильдехароя как представительном органе решавшем вопросы войны и мира и общественные проблемы[25].

В пользу экстерриториальности Хачаройского общества говорит ряд факторов хотя связи Хачароя «вовне» могли ориентироваться только в сторону севера и северо-востока

Горной Чечни (за отдаленностью общества от границ Грузии). Несомненно имелся тесный союз с соседним Чантинским обществом.

Наличие системы собственных культовых мест языческого пантеона в Хачарое способствовало духовной автономии общества. Надо полагать, что ислам в Хачарое утвердился не ранее XVIII в.

В известных на сегодня исторических документах XVI – XVIII вв. Хачарой не упоминается, что возможно объясняется своеобразной «заслоненностью» более крупной «Чантинской землицей».

Чаьнта/Чаьнтий. Данный крупный союз обществ граничил на западе с Хачароем, на севере с Дишни (по руслу Аргуна), на северо-востоке с Дзумсоем, на юге и юго-востоке (через перевалы) с Шикароем и Цеси.

Распололагалось вытянуто с юга на северо-запад по речке Доьрахойн-эрк (правый приток Аргуна). Имеет множество селений, отселков и хуторов, главными из которых были многобашенный Итон–кхелла, расположенный на берегу Чанты-Аргуна[26], Доьра, Бобаш-гута, Хаз-кхелла, Хиерах, Тас-гута, Кхокхада (Верхний и Нижний), Хьелди, Пхьакога, Пхьатта, Дан-кхелла, Ахин-гута, Сиелиета, Кахи-аул, Борзхьалха, Итт-куллиш, Цамада (Цамдой), Гаг-кхелла, Цуника, База-кхелла, Гул-кхелла, Иэт-кхелла, Чагие, Марашка, Загал-аул и др[27]. Фамильный состав ограничивался указанием на общую «тайпу» (вид) чаьнти делившуюся в свою очередь на многочисленные гары и некъе. В этом состоит известное своеобразие данного общества.

Общество контролировало дорогу по Чанты-Аргуну с юга на север, из Грузии к Тереку и обратно, и путь из верхних чанты-аргунских и шароаргунских сел на равнины Чечни. Здесь было достаточно террасных и приречных пашенных участков, покосов и пастбищ для ведения относительно полноценного сельского хозяйства. Благоприятный микроклимат позволял разводить сады и зерновые культуры характерные для равнин. Вместе с тем, на территории общества встречалось несколько участков аридного характера. Судя по всему наличие таких мест с скудной растительностью степного типа – «ч1ана» и дало название всему району – «Ч1ана/Чаьнта».

Согласно полевым материалам Чаьнтинский союз сельских обществ имел типичную для Горной Чечни систему общественного управления: здесь были и места для сбора

народных собраний – «Оховчу гута» - «холм [где садятся для] собрания» и заседаний Совета мудрецов, разбиравших наиболее запутанные дела, было к примеру и особое место совещания старейшин – «Исхой» – буквально «девять где совещаются»[28].

Вместе с тем, в союзе Чаьнта основанного на преобладании аульного общества Итон-кхелла, вырастали и новые центры влияния. В частности возвысилась группа селений к юго-востоку от головного аула объединившаяся вокруг аула Доьра[29]. Порой и все общество в целом получало доминирование в аргунском регионе, что позволяло причислять к чантинцам и соседних дзумсоевцев, хачароевцев и хилдехароевцев.

Существование Чантинского общества отмечено в русских документах, начиная по крайней мере с 1619 г. в связи с грузинскими и русскими посольствами проходившими по Аргунскому ущелью. Указание, что «горские кистинчата» берут плату за обеспечение безопасности послов и гонцов все чаще встречаются в источниках второй половины XVII в. Так, между Тушетией и «Шибутцкою землею» (Шатой) кортеж грузинского царевича Николая в 1665 г. столкнулся с руководителями («владельцы») «Теремской (скоре всего Терлой. – Я.А.), да Чантинской, да Чинахской» земель потребовавших выкуп. Видимо, в обществе должен был существовать и какой-то механизм распределения полученных средств[30].

Название общества в форме «Дганти», «Дшианти» было известно и русским наблюдателям XVIII в. Однако размещали его то «рядом с округом Туши», то почему-то на верхней Сунже[31].

Дзумс/Дзумсой. Общество исторически сложившееся задолго до рассматриваемого времени граничило на западе с Чиннаха, на юго-западе с Чаьнти, на востоке с Дай и юго-востоке с Цеси. Многочисленные аулы и жилые башни хутора общества располагались в среднем и верхнем бассейне речки Дзумсойн-эрк – правого притока Чанты-Аргуна (в нижней части указанного притока располагалось общество Чиннах).

Согласно полевым материалам, жилища Дзумса группировались в «старых» аулах Бугурой, Асткой, Каьшт-кхелли, Мужиара, Кхумарт-кхелли, Сан-кхелли, Чита-кхелли, Мехьт-кхелли, Алдам-кхелли, Хулдихи, Чудерхой и др. В свою очередь ведущие фамильные наименования были следующие: каьштой, мехьткхаьллой, энакхаьллой, харкуной, сесаной, чалхой, доркъулхой, гожахьехой, самголой, онгучой, амбасой, селетой, чайнарой, хьаркуной, олгузой, гургой, селгуной, муьжеарой и др[32].

Чухой/(Чуо). В хребтовом межпространстве водораздельного Скалистого хребта в бассейне Чанты-Аргуна по его левому притоку, располагалось общество Чухой. На западе оно граничило с обществом Мулкой, на востоке по руслу Аргуна с Чиннах, на юге с Дишни и Чаьнти, на севере с землями Борзойского общества входившего в союз Шатой/Шубут.

В основании этимологии названия общества лежит либо «Чоь» - «внутреннее место», либо «Чаг1о» - «укрепленное место». Но здесь же мы имеем гидроним Чухи-ахк.

Поселения, хутора и башни-усадьбы небольшого общества группировались вокруг Чухой, Гута, Гухой, Чевхьара, Узмат-кхелли, Биссахьа, Гуьркет баса, Яр-кхелли, Герачу, Повшкогу, Тимарш-кхелли, Ч1аюххе, Цанашка, Уакх-кхелли, Касс-кхелли, Б1овхой и др.. Фамильный список жителей состоял из 4-х позиций: чуохой, гухой, узмат-кхаллой, чевхарой. Главенствующим считалось селение Гута[33].

Население общества занималось земледелием и скотоводством. В документальных источниках XVI – XVIII вв. общество Чухой не отмечено, но оно могло покрываться именем других более крупных известных союзов каковыми в Чантыаргунском ущелье являлись к примеру Шатой и Чаьнти.

Мулкой/Мулкъа. Общество Мулкой располагалось в бассейне левых притоков Чанты-Аргуна Мулкой-Эрк и Гухойн-эрк между горными вершинами Конжухой (2231 м) на юге и хребтом Гумуртаиркорт (2074 м) на севере.

На западе оно граничило с обществом Пешхой, на востоке и юго-востоке с Чухой, на юге с Терлой и на севере за хребтом Гумуртаиркорт с обществом Харсеной[34]. Этимология названия общества увязана скорее всего с гидронимом Мулкой-эрк.

В исследуемое время здесь имелись следующие аулы, отселки и жилые башни-усадьбы: Чезир (Хазар-кхелли, Бассаха (Мулкойн Бассаха), Бова, Меда/Медырхой, Бенгара, Хьюрика, Кейшта, Кота, Ирзехой, Шайне/Джайне, Хьархичу, Хазин-бов, Тевсин-гала, Кхакхадой/Хахадой и другие[35].

Население Мулкоя занималось скотоводством и земледелием, в т.ч. и террасного типа. При этом, здесь документально отмечена добыча свинца и серебра. Если в русских документах «мулкинсткие... земли» впервые названы в 1619 г., то через десять лет, в 1629 г. конный стрелец Терской крепости Девятко Савельев указал, что он «в Колканех (Галгай. – Я.А.) да в Мылкыцех (Мулкой. – Я.А.) свинец покупывал и на Терек приваживал...». В конце XVIII–начале XIX в. здесь

добывали помимо свинца, в незначительном количестве и серебро[36]. Мулкойцы, как и их аргунские соседи имевшие богатый языческий пантеон, приняли ислам не ранее XVII в.

Чиннах/Чиннахой. Гучан-кхелли. Общество располагалось в нижней части правого притока Чанты-Аргуна р. Зумсойн-эрк и граничило: на западе по руслу Аргуна с Чуохой, на востоке с Дзумсой, на юге с Чаьнти, на севере с Гучум-кхелли и шатоевскими землями. Согласно преданиям, чинхойцы и соседствующие им ниже по Чанты-Аргуну небольшие общества гучумкаллинцев, башенкаллинцев и нихалойцев являются родственными. Вероятно, что они входили в некий общий союз. Вместе с тем, те же ниха-лойцы территориально были расположены ближе к Шатоевскому союзу и тяготели к нему.

Согласно предположениям современных этнографов этимология Чиннах исходит из «Чанах» (то же, что чаната, чанти) сухое, малоплодородное место[37]. Дело в том, что на протяжении верхней части бассейна Чанты-Аргуна несмотря на общую увлажненность встречаются, как включения, аридные участки свойственные сухой, степной зоне.

В Чиннахе насчитывались такие аулы, отселки и башенные хутора как: Уьш-кхелли, Бугара/Бухара, Бавгете, Жел-кхелли, Сан-кхелли, Цеда-бов, Хьохьа, Бавхойн-мерка, Басхуо, Дукъарой, Аьста, Совн-кхелли, Зоьрт-кхелли, Оьзна, Хуртан-кхелли, Цорул-кхелли, Хьушха, Инна йисте, Базанти, Дон-кхелли, Пхьоггу, Вотта-кхелли, Бавте, Дан-кхелли, Циехьа, Конжак/Конжухой (на левом берегу Чанты-аргуна), Баьвнан дук, Туьта мерка и др[38].

Северо-восточнее Чиннаха на правом берегу Чанты-Аргуна на последнем отроге Скалистого хребта снижающегося в этом месте до высоты 1935 м располагалось небольшое общество входящее по существу в союз Чиннаха – Гучун-кхелли (возможно переводится как «видимое укрепление»). Головными его поселениями являются Гучан/Гучум-кхелли и Башан-кхелли, с несколькими отселками: Гонат-гала, Мюст-кхелли, Саьтти-Тевзина и Бовга-гала[39].

Селения Чиннаха и Гучун-кхелли были как правило башенные, с числом дворов от 5-ти до 26-ти[40].

Главным занятием жителей являлось скотоводство и отчасти земледелие при явно ограниченных земельных площадях. Поэтому чинхойцы рано начали выселение на равнину с одновременным принятием ислама (не позже XVII в.).

В документальных источниках топоним встречается в 1665г. в челобитной грузинского царевича Николая Давыдовича в Москву, где он жалуется, что «тех земель владельцы – Теремской, да Чантинской, да Чинахской» не пропускали его кортеж «через владенья свои»[41].

Еще одно упоминание встречается в 1781 г., когда некий Рамазан Алиев приехавший в Кизляр «для обучения татарской грамоте и... прокормения... работою» показал, что он «родиною горской тавлинской деревни Чинах» откуда его родители переселились в Гехи, а затем в «Девлетгиреевскую»[42].

Общественное устройство Чиннаха было сходным со всеми горными обществами Чечни исследуемого времени: народные сходы аульных общин и «общенародные» собрания союза обществ, советы старейшин и советы «мудрецов» (народные суды), «священные» места и языческие празднества (сменившиеся затем мечетями и исламскими обрядами).

Дай/Д1ай. Общество располагалось на левом берегу Шаро-Аргуна, где на северо-западе граничило с землями общества Соной/Саной (Шатойский союз), а с севера (по руслу Шаро-Аргуна) с землями Нижалоя, с востока с обществом Нохч-Кела, с юга и юго-запада с обществом Цеси.

Возможно, что название общества связано с гидронимом Дай-ахк (левый приток Шаро-Аргуна). Есть так же горная вершина Дай-лам. Вместе с тем по показаниям информаторов - выходцев из Дая, его основателем являлся переселенец из Нашахи по имени Дай, с момента поселения которого на Шаро-Аргуне сменилось 17-18 поколений.[43]

В состав небольшого общества входили следующие аулы и хутора: Дай, Бесты-ирзо, Урзунак техьа, Буоси, Бултазане, Босо-к1отар, Да-кхелле и Чишон-к1отар. Предполагается, что селение Шаро-Аргун расположенное северо-западнее Дая на правом берегу р.Шаро-Аргуна было основано выходцами из Дая. Некоторые данные говорят о переселении сюда и ряда фамилий из верхних аулов Шаройского общества и основании аула не ранее Х1Х в.[44]

Некоторые исследователи полагают, что язык на котором говорили в Дае относится к чеберлоевскому диалекту, представляя т.н. «дайский» говор.

По своему географическому положению Дай как бы соединял аулы и общества Шароя с северными «нижними» аулами Шатоевского общества и соседствовал с восточными аулами Нижалойского и Нахчкалоевского обществ. Население

занималось скотоводством и земледелием, имея относительно удобные пахотные участки. Местоположение Дая позволяло играть и определенную роль в торгово-посреднических операциях населения горных районов.

Нохч-Кела. Общество располагалось на правом берегу Шаро-Аргуна в бассейне притока Келой-ахк берущего начало с хребта Хиндойлам (2471 м). Оно граничило на западе с обществом Дай (по руслу Шаро-Аргуна), на востоке с Чебарлоем, на юге с Кири, на севере с Саьрбала и Нижала. Этимология неясна – на карте Горной Чечни мы имеем еще несколько сел с приставкой Кела: Юкъар (Среднее) – Кела и Хьал (Переднее село) – Кела.

Кроме головного селения Нохч–Кела здесь имелись населенные пункты Инкота, Битара-аул, Хьала-аул, Хинз-аул, Итон-аул, Сарукха, Чубахкинача, Дургхи, Циндой, Гарода, Монахой и отселки в черте старых селений: Циндотехаройн-аул, Зархачейн-аул, Чарадойн-аул, Кейкосройн-аул, Элайн-аул и Гунойн-аул.

Общество располагало относительно благоприятными для Горной Чечни условиями не только для скотоводства, но и для земледелия, что подтверждается большим числом водяных мельниц на мелких притоках.[45]

Объединительное движение шло здесь главным образом то в сторону Шатоевского, то Чеберлоевского обществ. Однако полевые материалы говорят о заселении данного региона выходцами из Шатоя – в частности саттоевцами и келойцами издавна перемещавшимися на восток за Шаро-Аргун. Поэтому общество Нохч-Кела постоянно вовлекалось в дела Шатоевского региона.

Саьрбала (так же Лаьшкарой) – небольшое общество на правом берегу Шаро-Аргуна, тяготевшее к Шатою. Оно заселялось, как в рассматриваемое время так и позже, переселенцами келойцами, саттоевцами и пхьамтойцами говорящими на шатоевском говоре итумкалинского диалекта. Общество граничило на западе (по руслу Шаро-Аргуна) с Хьал-Кела, на востоке за горой Леникорт (2010 м) с Чеберлоем, на юге с Нохч-Кела, на севере с Нижалоем.

Мнению о позднем складывании данного общества (едва ли не середине XIX в.) противоречит наличие здесь средневековых башенных поселений. Видимо в связи с переходом роли головного аула от Саьрбала к Лаьшкара менялось и название этого общества. Этимология проистекает из военных терминов, что говорит о первоначально военном характере поселения.

Здесь были как незащищенные горные поселения: Саьрбала, Лаьшкара, Нуй, Буккузе, так и укрепленные поселения: Арсан-кхелли, Оме-чу и Мирза-гала. Число дворов-усадеб колебалось от 9 до 15.[46]

Для успешного занятия скотоводством здесь имелись покосы и пастбищные горы – Нухойн-лам и Пешхойн-лам, а так же пахотные участки.

Нижала/Нижалой. Общество располагалось в бассейне правого притока Шаро-Аргуна речке Нижалой-ахк и граничило на западе (по руслу Шаро-Аргуна) с Даем, на востоке и юго-востоке с Чебарлоем, на юге с Саьрбалой и Нохч-Кела, на севере с обществами большого Нахч-Махкоевского союза (в XVI – XVIII вв. известного в русских документах как Мичкизская земля и Ичкерия).

По данным Сулейманова Ахмада в данном обществе под одним и тем же названием Нижала было 3 аула: первый на восток от Оскар-аула, второй также на восток от Гази-аула, и третий между Жубиган-аулом и Гази-аулом. Этимология Нижала неясна. Кроме перечисленных мы имеем еще поселения как: Гонта, Дургойн-аул, Гадана, Цинтиг-аул, Патан-аул и, возможно, Богучарой.

Общество Нижала было тесно связано с более крупным Чеберлоевским союзом и его население говорило на нижнечеберлоевском говоре чеберлоевского диалекта чеченского языка. Поэтому зачастую Нижалой объединяют с Чеберлоем. Ислам здесь был принят как и в Чеберлое не позже середины XVII в. Жители общества по данным XVIII в. были, наряду с чеберлоевцами, «овцами, коровами...богаты» и управлялись собственными старшинами.[47]

Чеберлой/Чебарла, Чарбила. В исследуемое время это было одним из самых крупных обществ высокогорной части Чечни самодостаточное в хозяйственном, культурном и политическом отношениях. В XVI – XVIII вв. оно равномерно взаимодействовавало как с остальной территорией Чечни, так и с западной частью Нагорного Дагестана.

Чеберлой граничил на западе с Нохч-Кела, на северо-западе с Нижала, на востоке и юго-востоке с андоцезскими народами Дагестана (общества Чамалал, Годобери, Ботлих), на севере с чеченскими обществами Нахч-Мохка, на юге граница шла через водораздельный хребет Хиндой-лам с обществами Кири и Кенхи.

По мнению А.Сулейманова этимология названия общества связана с понятием «ч1аба/ч1еба» - «плоскогорье».

В состав Чебарлоя включались следующие селения региона – Макажа, Алдам-Гези-ков (укрепление), Тунжанн-аул, Садой, Ховрин-аул, Орсой (Лакха и Лаха), Гонат-аул, Ихарой, Пхакоче, Исуган-аул, Тундакхой, Арие-аул, Махкаче, Герги-аул, Хьаркаро, Цекара, Пхьа-дук, Бассахо, Буни, Бунахо, Пхьен даккашка, Хой, Хинда, Къоьзуной, Рига/Ригахой, Пхьати, Ананчи, Кхийкхан-аул, и др.[48] Возможно, что в течении XVI – XVIII вв. территория Чебарлоя могла увеличиваться или сужаться. Так согласно полевой информации в состав Чеберлоя могли в разное время входить тот же Нижалой, Дай, Нохч-Кела, и другие. Случалось, что из состава Чеберлоя выходили в ходе тех или иных социальных и общественных конфликтов те же союзы Садой, Макажой и другие.

Судя по полевым материалам, в т.ч. и данным А.Сулейманова, Чебарлой представляло собой федерацию более мелких групп аулов, отселков и хуторов группировавшихся вокруг головных селений – Буни, Макажа, Садой, Орсой, Хьаркаро, Хиндой, Хой и Ригахой. Указанные селения предствляли собой мощные оборонительные системы состоящие из каменных боевых и жилых башен, замков и крепостей.

Следует отметить, что географически общество было расположено на плоскогорье образованном юго-восточными отрогами Андийского хребта и где сток обращался в реку Ансалта (воды которой собираются практически со всего Чеберлоя) по протяженному ущелью. В свою очередь Ансалта впадала в Андийское Койсу, в качестве левобережного притока. Единственно, только стоки с северного склона хребта Хиндой-лам Чеберлоя давали начало р.Келой-ахк текущей на север и северо-запад с впадением в Шаро-Аргун.

На территории Чебарлоевского общества на высоте 1869 м располагалось и самое крупное горное озеро Северного Кавказа – Кезеной-Ам.

В основе политического строя данного союза аулов и групп аулов лежал демократический принцип правления (народные обрания и советы старейшин). Но при этом необходимо отметить, что здесь шла борьба за политическое, а следовательно и за хозяйственное лидерство между Садой и Макажоем[49], впоследствии между Буни и Макажоем. Так, предметом спора между последними было право на проведение регулярных базаров на своей территории.[50]

Правителем и Макажоя и всего Чебарлоя пытались утвердиться в исследуемое время отдельные аристократические фамилии, к примеру Алдамовичи – воздвигшие мощные замковые укрепления.

В середине – начале 2-й половины XVII в. между чеберлоевскими Алдамовичами и боковой ветвью хунзахских (аварских) ханов Турловыми правившими в Гумбете (общество в бассейне Андийского Койсу) было заключено соглашение подразумевавшее взаимное обязательство оказания военной помощи. Причем свидетелями данного договора выступил имам мечети и «главари» селений, т.е. старшины. В 1649 г. русские воеводы получили информацию, что в горах есть «особая земля «Чебурды» в которой 40 поселений, а владельцами «той земли» названы «Алдымовы дети»[51].

Данное обстоятельство подтверждает, что аулы Чеберлоя относительно рано приняли ислам, скорее всего не позже середины XVII в. Еще один арабоязычный документ из Дагестана, датируемый концом XVII в., говорит о соглашении, заключенном между кумыкскими князьями и Чеберлоем, и на этот раз стороной договора выступают не аристократы, а «большие и малые», т.е. равноправные члены общества[52].

Русский документ 1748 г. утверждает, что «чабурлинских деревней 18 усадеб, дворов по 10, по 18, и по 30 и по 40, а всего с 400 или с 500 дворов». Правление здесь было старшинское: «управляют расправу старшины 5 человек...»[53]. Но есть данные 1758 г., что якобы у чеберлоевцев «при каждой деревне из Аварского и Чеченского владения имеются чанки[54], которой ими каждый при своей деревне и управляется»[55]. Однако данная информация не подтверждается более ни одним сообщением.

По всей видимости Чеберлой преодолев аристократическое засилье Алдамовичей еще в середине XVII в. предстает в XVIII столетии своеобразной крестьянской республикой жившей по законам адата и шариата. Однако, необходимость налаживания связей с русскими крепостями и городами на Тереке, организации сезонного выпаса скота приводили чеберлоевцев к обращениям к князьям чеченского, кабардинского и аварского происхождения. Центробежные тенденции в Чеберлое не направлены к выселению на равнину, однако их связи с окружающим миром относительно шире нежели чем у других чеченских обществ высокогорной зоны.

Сандаха. Весьма замкнутыми от окружающего мира, нежели даже чем общества верховьев р. Чанты-Аргуна, были районы

верховьев р. Шаро-Аргуна, где по обеим берегам находился ряд небольших изолированных природой обществ, история которых уходила в эпоху бронзы. В направлении с запада на восток на берегах Шаро-Аргуна (до его поворота на север) и его притоков располагались селения и общества Сандаха, Качехой, Кебасой, Кесала, Хуланда, Щикара, Хашелда, Шара, Цеса, Хьакмада, Химой, Кири, Бути, Чайра и Кенхи.

Небольшое высокогорное общество Сандаха находилось на самых истоках крупной горной реки Чечни – Шаро-Аргуна, под вечными ледниками.

Его границами были почти 4-х км вершины Бокового (Тушетского) хребта с юга и юго-востока, с севера левобережный (по Шаро-Аргуну) хребет Кобулам (3283 м) отделял Сандухой от Хачароя. Единственно на востоке ущелье Шаро-Аргуна давало сообщение с аулами общества Кесалой (сообщавшегося в свою очередь шедшими на север тропами с Чаьнти). Другое сообщение, в виде узкой тропы, вело на юг к Тушетии, через перевал по склону горы и одноименного ледника Качо (Качу) и было доступно только в летние месяцы.

Этимология топонима Сандуха не ясна (возможно от сана/сона – угол, тупик).

Помимо собственно селения Сандухой в обществе существовало еще одно поселение Пхиеди, и несколько башенных хуторов: Ехаран-бавнаш, Кочи, Цхьогалан -гала, Гезилайн куллаш, Бевнах корта[56].

Кесалой. Небольшое селение–общество располагалось по течению Шаро-Аргуна, на левом берегу реки, между территорией Сандухоя на западе, Щикара на востоке, и Хуланда на юге[57]. На севере гора Гархынушкорт и перевал Джеинджаре отделяли Кесалой от аулов Чаьнти. Туда вела перевальная дорога доступная и зимой. Другая санно-конная тропа вела вниз по Шаро-Аргуну соединяя целый ряд обществ. Западнее Кеселоя, между ним и Сандухоем, находились аулы Качехой и Кебасой относительно самостоятельности которых нет сведений. Возможно, что в состав Кесалоя входили поселения на речке Данейлам-хи (аул Мозухи), впадавшей слева в Шаро-Аргун напротив Кесалоя.

Некоторые поздние полевые данные позволяют предполагать, что Кесалой и Качехой, и в какой-то мере Сандухой входили в более мощную систему Шаройского объединения – федерации аулов рано принявшей ислам благодаря широким связям с Дагестаном.

Согласно топонимическим данным и памятникам материальной культуры население Кесалоя занималось овцеводством и террасным земледелием.

Хуландой. Поселения общества располагались на правом притоке Шаро-Аргуна – р.Хуландой-ахк спускавшейся двумя руслами с ледников горы Диклосмта (4285 м) Бокового хребта.

На западе и северо-западе оно граничило с территорией Кесалоя, на севере с Щикара, на востоке с Хакмада, на юге перевальный путь через Снеговой хребет вел в андо-цезские общества Дагестана.

Помимо собственно аула Хуландой здесь фиксируются поселения Тепхов, Галандуо и Бургал-гала[58].

Население общества группировавшееся главным образом в одноименном ауле занималось скотоводством и находилось в сфере влияния Шаройского союза-федерации.

Щикарой. Несколько ниже впадения Хуландой-ахка в Шаро-Аргун (с правой стороны) на левой стороне реки впадает ручей Шаро-ахк на котором располагались каменные аулы Щикароя. На западе общество граничило с Кесалоем, на востоке с Шароем, на севере через перевал Джеинджаре дорога выводила к землям Чаьнта и Дзумсоя, на юге, по руслу Шаро-Аргуна, граничило с Хуландоем.

Центром общества был башенный аул Щикарой, имевший два отселка: Байде и Пхьиди. Кроме того здесь были небольшие поселения и башенные усадьбы, как: Дехачу-агане, Уоратл-дукъа, Икарой, Ами-гала, Пирсунтехе, Гур-тоги, Пха-халхи[59].

Согласно топонимическим данным и памятникам материальной культуры, щикароевцы занимались скотоводством и отчасти террасным земледелием. Ислам был принят не позже XVII в. через жителей Шароя и соответственно дагестанских проповедников. Щикарой являлся типичной горской общиной входившей, в свою очередь, в систему общеущельного управления с центром в Шарое.

Шарой (Шуарой). Одно из крупнейших обществ высокогорной Чечни, занимавшее в ее политическом устроении важное ключевое место на южных границах. Его название производно от «шара/шера» - ровное [место] или «шуора» - широкое [место], что в принципе соответствует рельефу горной котловины на левом берегу реки Шаро-Аргун где расположен головной аул. Оно граничило на западе с Щикара, на востоке с Хима, на юге с землями аула Хашелдой и Хакмада, на севере с землями Дзумса, и на северо-востоке с Дай. Санно-вьючные

тропы и дороги соединяли Шарой с ближними и дальними чеченскими обществами, Дагестаном и Тушетией (Грузией). Кроме крупного башенного аула Шарой напоминавшего своим типом дагестанские «ступенчатые» селения, здесь находились и другие аулы, отселки и башни, входившие в границы общества: Хиндой, Махдан-аул, Битин-аул, Гедакха, Матаройн-аул, Пъан-корта, Циегухишка, Къуби-аул, Цикха-аул, Дюша-аул, Шовхалан Хизаран дукъ, Экхараш-аул, Хьеша-аул, Бов коьрта и др.[60]

Неполный список шаройских фамилий установленных по полевым данным выглядит следующим образом: собственно шарой, жогалдой, сергихой, хашалхой, хиндухой. К шаройским же относят и фамилии названные по именам своих аулов и обществ – бути, дунархой, икарой, щекарой, качехой, кевасхой, кенхой, кири, мазухой, химой, хуландой, хьакмадой, чайрой и цеси.

Относительно рано начавшаяся миграция шароевцев на плоскость привела к появлению их представителей в равнинных аулах Чечни (в ее современных границах) и в Аухе (предгорный участок бассейна рр. Аксай-Акташ), где возник аул Шарой-Мохк.[61]

Аул Шарой и другие населенные пункты общества имели многочисленные террасы для посевов зерновых и относительно благоприятные условия для скотоводства. Ранние контакты с исламскими центрами позволили им одними из первых в Горной Чечне принять ислам (по крайней мере в XVII в.).

Согласно полевым материалам общество Шарой управлялось посредством народных собраний и Совета старейшин. При этом наблюдались элементы градостроительных решений: так, улицы в том же Шарое мостились, родники одевались в камень, строились большие общественные здания – мечети и минареты в виде боевых башен.

Первое упоминание Шароя в документальных источниках относится к XVIII в.

Цеса/Цесой. Небольшое общество северо-восточнее Шароя, которое граничило на западе с Чаьнта и Дзумса, на севере с Дай, на востоке (по течению Шаро-Аргуна) с Химоем и Кири. Название общества («красное») скорее всего ведет от речки Цесин-эрк - левого притока Шаро-Аргуна (по другим данным Цай-эхк). Здесь же имеется еще гора Циен-корта.

На территории общества располагались селения Цеси, Курбанан дукъ, Сисилда, Хюйре, Ига-аул, Цацакхи, Хасанан-гала и др.[62]

Общество поддерживало тесные отношения с Шароем, Дзумсоем и Дай используя для проведения общих собраний вершину Циен-Корта. Цесинцы согласно полевым данным выделялись искусством разведения скота и обработки молочной продукции. Террасных участков было мало.

Хакмадой /Хьакмадой. Общество располагалось на правом берегу Шаро-Аргуна гранича на западе с землями Хуландоя, на северо-западе Шароя, на севере и северо-востоке Химоя. На юге, Снежный хребет отделял общество от территории Дагестана.

Кроме головного селения Хьакмада здесь имелись башенные поселения Эсилда, Эсира, Хиндуштаро, Бушо, Гоних, Хиндугуча, Гай-аул, Малчу хита, Шоршунон бассо, Гоьрги бассо, Хиндуга, Дука техие, Гулунд бассо, Торхата, Хуйнара, Жаайн ара и др.[63]. Есть предположение, что аул Хашельдой (на речке Хашельда-ахк, левый приток Шаро-Аргуна) юго-западнее Хакмадоя, входил в состав общества. По течению Хашелдой-ахка вела скотоперегонная и караванноая дорога на Дагестан через перевал Ягодак (2952 м).

Общество являвшееся типичным горским объединением крестьянских дворов-хуторов и селений обладало террасными полями и условиями для развития скотоводства. Входило в Шаройскую федерацию.

Хима/Химой. Оно находилось так же по правому берегу Шаро-Аргуна, северо-восточнее Хакмадоя, гранича на западе через русло реки с Цеси, на северо-востоке с Чайра и Кири, на юге соответственно с Хакмадоем.

Здесь располагались такие башенные аулы и хутора как: Химой, Басхойн-аул, Зун юххи, Баьан гу, Гурчу ирзо, Хьуна юккъе, Алти-аул, Циелара, Елиза, Сай бийначу кхиере, Албаган-аул, П1ачин-аул, Мишал-гала, Хохадичу, Биегаран дукъа, Шарипан-аул и Кхоранчу[64].

Являясь головным селением одноименного общества Химой выполнял роль и ущельного культового центра. Согласно полевым данным здесь, в домусульманский период, были сооружены каменные солнечные часы, представлявшие своеобразную обсерваторию для наблюдения за солнечным круговоротом. Наблюдается и обилие петроглифов на каменных постройках, в в т.ч. и солярного типа[65].

Жители общества занимались скотоводством и земледелием для чего здесь, несмотря на короткое лето, были благоприятные условия. Ислам в Химое, как и в Шарое, был принят не позже XVII в. Внешние связи были направлены в Чечню и на Дагестан.

Кири. Располагалось на правом берегу Шаро-Аргуна; граничило на западе с Химоем, на востоке с Бути, на севере с землями Нохч-Кела, на юге с Кенхи. Этимология Кири связана скорее всего с добычей здесь известки и гипса – «Кира», а также с наличием белых меловых выходов. Есть также гора напротив аула на левом берегу Шаро-Аргуна называемая Кири-лам.

На территории общества известны, кроме Кири, поселения Пхята, Деха-аул и несколько хуторов[66]. Жители общины занимались в основном скотоводством и, согласно полевым данным, выжиганием извести. Кири входила в Шаройскую федерацию и поддерживала тесные связи с обществом Кенхи контролировавшем дорогу на Дагестан.

Бути. Располагалось на ручье впадающем в речку Кенхи (правый приток Шаро-Аргуна) имея на западе Кири, на востоке вершины Снежного хребта (и Дагестан), на севере хребет Хиндой-лам (и общество Буни), на юге общество Кенхи.

Одноименный аул имел два отселка – Исал-аул, Мунгара аул и несколько хуторов[67]. Крошечное общество согласно полевым данным, занималось овцеводством и политически тяготело к группе кенхийских селений.

Чайра. Располагалось на ручье Келакхойн-ин впадающем в правый приток приток р.Кенхи – р.Чадыри. Граничило на западе с землями Хакмада и Хима, на востоке и юге с землями дагестанских обществ, на севере с Кенхи. Этимология названия исходит из «ча» - медведь, и «ара» - поляна. Топонимические материалы указывают на ряд небольших поселений – Шаматура-аул, Кагаттой-аул, Горагорийн-аул, Кордилая-аул, Кхиларо и Чечбетла[68].

Население занималось скотоводством и террасным земледелием. Имелись и небольшие соляные выходы. Политически общество тяготело к Кенхи.

Кенхи. Общирное чеченское общество имело территорию граничившую на западе и юго-западе с Химоем и Чайра, на востоке и юге с андоцезскими обществами Годобери и Чамалал Дагестана, на севере с Бути и Кири. Кенхийские аулы и хутора спускались от Снегового хребта по многочисленным ручьям сливавшимся в речку Кенхи (правый приток Шаро-Аргуна) с обеих сторон на пути ее течения с востока на северо-запад. Попытка этимологии гидронима Кенхи давшего название обществу была сделана известным российским и европейским исследователем И.А. Гильденштедтом во второй половине XVIII в.: «Каенхи (Белая вода)»[69].

Общество имело относительно удобные пути сообщения с шаро-аргунскими и чанты-аргунскими обществами, с Чеберлоем и Нахч-Мохком, а так же с аулами дагестанского общества Чамалал – своеобразной крестьянской республикой, лежавшей за перевалом Кенхи (2280 м.) открытом для передвижения и зимой.

По утверждению профессора Р.Магомедова Кенхинское общество уже в XVI в. вошло в союз сельских обществ Чамалал. Помимо Кенхи в него входили Годоберинское, Гакваринское, Цумадинское и Гигатлинское общества[70]. В этих аульных союзах жили представители андийской народности принадлежащей к языковой подгруппе андо-цезской группы народов Дагестана.

Известно, что политический строй дагестанских союзов сельских обществ «джамаатов» мало чем отличался от чеченских. Здесь правом голоса на народных собраниях пользовались совершеннолетние (достигшие 15 лет) мужчины, они же избирали в своих «фамилиях» старейшин, которые совместно с кадием или муллой решали текущие вопросы. В случае необходимости собиралось народное ополчение из аульных или «фамильных» (тукхумных) отрядов[71].

Участие чеченского общества Кенхи в дагестанском союзе сельских обществ случай исключительный, но в то же время показательный. Высокогорные пограничные общества Чечни могли вовлекаться в той или иной степени в более развитые, экономически и политически, «системы» Дагестана или Грузии.

Известно, что проникновение ислама из Дагестана (по крайней мере с XVI в., когда его приняли андийские народности расположенные по левобережью Андийского Койсу) в Чечню сопровождалась и инфильтрацией дагестанцев в Шаройское ущелье, вовлеченностью многих чеченских аулов в политическую жизнь Дагестана.

В 1789 г. некие посланцы аварского хана (нуцал) докладывали о поисках золотых и серебряных руд в землях Химоя[72]. Такие разведки были бы невозможны без благожелательного отношения местного джамаата.

Возможно, что в одном из русских документов 1748 г. упоминается именно Кенхинское общество («Килехинской деревни») с именами старшин Ахурша, Мамек, Орусхан, Акихан и Али[73].

Таким образом, в рассматриваемое нами время высокогорная зона Чечни характеризовалась, за редким исключением, суровыми природными условиями, относительной

политической и культурно-хозяйственной замкнутостью, ориентированностью на закавказские и дагестанские регионы, скромным участием в политической жизни Чечни и чеченского этноса.

Вместе с тем, можно говорить о постепенном повороте в XVI-XVIII вв. вектора развития высокогорных обществ Чечни во внешней ориентации с Закавказья, Дагестана и обществ Горной Чечни на север, плоскость, где складывался новый экономический и национальный центр.

[1] См.: Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 190; Сулейманов Ахмед. Топонимия Чечни. Грозный, 2006. С. 90-98; Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. V. М., 2005. С. 467-468.

[2] См.: Архив Института рукописей им. К.Кекелидзе (Республика Грузия, г.Тбилиси). Ф.ROS. Д.174. Л.1-2; Сигаури И.М. Указ.соч. С. 468.

[3] Сигаури И.М. Указ.соч. С. 476.

[4] См.: Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом Вып.1. 1578-1613.М., 1888. С.128; История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1. Грозный, 2006. С. 385-386.

[5] Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С.141.

[6] К 1830 г. здесь было только 72 обитаемых дворов и не более 200 человек жителей (скорее всего мужчин). – Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа... С. 189-191; Источник начала XIX в. называет здесь «с. Майсты» в 33 двора и населением в 142 человека. См., Архив Института рукописей им. К.Кекелидзе (Республика Грузия, г. Тбилиси). Ф.POS. Д.174. Л.2;

[7] См.: Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С.141-142; Ильясов Леча. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М., 2004 С. 302-306.

[8] См.: Волкова Н.Г. Указ. соч. С.190-191; Она же: Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 141,150; Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. Перевод Т.К. Шафрановской. Ред. Ю.Ю. Карпов. СПб., 2002. С. 243.

[9] См.: Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.98; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, С. 140-143; и др.

[10] См.: Иванов М.А. В горах между рр.Фортагою и Аргуном//Записки КОИРГ. Т.17. №1-4. Тифлис, 1904. С.51-52; Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С. 98-103; Схематическая карта горной территории Чечено-Ингушской АССР (западная часть). – см., Русин В.А. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. Изд.2-е. Нальчик, 2008. Фронтиспис.

[11] Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечен-Ингушской АССР. Грозный, 1963. С.87, 231.

[12] См.: Шавхелашвили. А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963. С.40; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVШ- начале XX века. М., 1973. С.172-178,183; Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XIX и начале XX в. Тбилиси, 1990. С.13-14, и др.

[13] См.: Материалы по истории грузино-русскихвзаимоотношений. 1615-1640. / Сост. М. Полиевктов. Тбилиси, 1937. С.118; Маргошвили Л.Ю Указ. соч. С.223-229; Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004. С.38-47.

[14] Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С. 148-149; Данные от 1883 г. дают следующий перечень населенных мест Хилдехароя: «Перой, Чамгой, Цажеперой, Цийлой, Люншхой (Люнке), Тиолой, Хангихой, Парзатхой, Пажехой, Сакенхой», с числом дворов от 3 до 22. – См., Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му января 1883 года. Владикавказ, 1885. Раздел VIII (Интернет).

[15] Судя по отрывочным данным здесь была выведена местная порода овец – курдючная, с черной и темно-серой шерстью. – См.: Сулейманов Ахмад. Указ.соч. с. 149; Интернет. http://zhurnal.lib/ru/u/ustwolxskaja nm/pochod39.shtml.

[16] Сулейманов Ахмад Указ.соч. С.150.

[17] Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С. 103-120; Ильясов Леча. Указ.соч. С. 332-333.

[18] Иванов М.А. Указ. соч. С.54-55.

На территории Терлоя было сооружено много сложных каменных строений -башни, замки и т.н. «полубоевые» жилые башни (гала) в 5 этажей. Первая каменная мечеть была построена в XVIII в. – Данные А.Мусаева и М. Гешаева.

[19] Сулейманов Ахмад. Указ.соч. с. 104-105.

[20] Возможно, что «под именем горных кистинчит» терлоевцы проходят и позже. См.: Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI – XVII вв. Сб.док. Сост. Е.Н. Кушева. М., 1997. С. 42; В XVIII в. упоминание общества в форме «Терли» встречается у И.А. Гильденштедта. Указ.соч. С. 242.

[21] В 60-х гг. население Терлоя поредело в связи с выселение горцев на плоскость, но продолжало насчитывать 21 населенный пункт с 163 дворами. Самыми крупными являлись аулы Никарой (25 дворов) и Баулой (23 двора). - См., Волкова Н.Г. Указ. соч. С.192.

[22] Отметим, что на востоке Чечни в Нахч-Моххе также имеется общество Дишни несвязанное с вернеаргунским обществом.

[23] Сулейманов Ахмед. Указ.соч. С. 120-127.

[24] Там же. С. 159.

[25] Там же. С. 159-166; В списке населенных пунктов Аргунского округа Терской области от 1883 г. имеется перечень хачаройских селений: «Видучи, Гамгой, Пелашхой, Аттенбау, Калхадои, Шокале, Ауди, Матпарой, Селеты, Менды, Каик» с числом дворов от 11 до 148.

[26] Согласно данным собранным в начале XX в. в Итон-кхелли до середины XIX в. стояло свыше 12 боевых башен. За ветхостью они были проданы на постройку расположенного за рекой царского укрепления Евдокимовское.-См., Иваненков С. Горные чеченцы// Терский сборник. Вып.7. Владикавказ, 1910. С. 38

[27] Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С. 166-169; По данным 1883 г. в обществе насчитывалось 29 населенных пунктов с числом дворов от 2 до 68.

[28] Наличие цифры 9 старейшин было характерно для целого ряда обществ – видимо эта цифра была сакральной.

[29] Сулейманов Ахмед. Указ.соч. С. 169.

[30] Русско-чеченские отношения... С. 205-207; Анчабадзе Ю.Г., Волкова Н.Г.Указ.соч. С.76-77.

[31] Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг./Перевод Т.К.Шафрановской. Ред. Ю.Ю.Карпов. СПб., 2002. С. 243.

[32] Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С.183-188; По данным 1883 г. поселения Дзумса насчитывали от 4 до 26 дворов, с средним числом жителей 5-6 человек на двор.

[33] Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С. 127-136.

[34] Общество Харсеной возможно сложилось поздно, в XVIII-XIX вв.

[35] Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С. 136-141; Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му январю 1883 года. Гл.VIII.»Аргунский округ». Вместе с тем принадлежность Кхокхадоя к обществу Мулкой или Чуохой неясна.

[36] Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т. 1. М., 1957. С. 97,120; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С. 20.

[37] Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С. 194.

[38] Там же. С. 194 – 199.

[39] Там же. С. 199-201.

[40] Список сел Аргунского округа за 1883 г. //Интернет.

[41] Русско-чеченские отношения... С. 207.

[42] ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.1155. Л. 62.

[43] Информаторы: Байдаев Ахрат и Хаджиев Саламбек.

[44] Мациев Эдильбек. Шаро-Аргун – земля отцов // Чеченское общество сегодня. Журнал. Грозный.

[45] См.: Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С. 245-248.

[46] См.: Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С. 214-215.

[47] См.: РГВИА. Ф. 482. Оп.1. Д.1. Л.200; Сулейманов Ахмад. Указ.Соч. С. 248-249.

[48] См.: Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С. 249-261; Ильясов Леча. Указ.соч. С. 340; На

современный топографической карте Чеченской Республики отмечены также развалины Тарсен-аула, Пари-аула и Ихороя.

[49] Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С.250.

[50] Сообщение см. в Интернете:http://www.kavkazchat.com/shonpost.php?p=2560621&postcount=7

[51] Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. Махачкала, 2006. С. 69-70.

[52] Айтберов Т.М. Ахмадов Я.З. Известия арабо-язычных документов XV – XVII вв. об общественных отношениях у вайнахов // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – нач. XX в.)Тем.сб.статей. Грозный, 1982. С. 66-68.

[53] РГВИА.ф.482. Оп.1. Д.1. Л.220-220 об.

[54] Дети владетельных князей от незнатных жен. Практика сажать таких «наследников» в сельские общества имела место в Дагестане.

[55] АВПРИ МИД РФ.Ф. Кабардинские дела. Оп.115/1 Д.11. Л.65-65 об.

[56] Сулеймнов Ахмад. Указ.соч. С.216-219; По данным перечня населенных пунктов Аргунского округа от 1883 г. в Сандухое насчитывалось 45 дворов с 370 жителями.

[57] В 1883 г. селение Кесалой насчитывало 37 дворов и 170 жителей.

[58] Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С. 236-238; В 1883 г. Хуланда насчитывает 58 дворов и 250 жителей.

[59] Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С. 221-224.

[60] Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С. 224-228; В 1883 г. в Шарое насчитывают 153 двора и 620 жителей.

[61] Адилсултанов А.А. Акки и акинцы в XVI – XVIII веках. Грозный, 1992. С.15.

[62] Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С. 228-230; По данным 1883 г. в Цеси насчитывалось 19 дворов и 79 жителей.

[63] Там же. С. 238-240; По спискам 1883 г. аул Хакмадой насчитывал 87 дворов и 200 жителей, а Хашельдой 24 двора и 175 жителей.

[64] Там же. С.240-242; В 1883 г. в ауле Химой имелось 66 дворов с 437 жителями.

[65] Ильясов Леча. Тени вечности. Чеченцы: Архитектура, история, духовные традиции. М., 2004. С. 349.

[66] Там же. С. 242-243; Данные 1883 г. указывают на наличие в селении Кири 20 дворов и 125 жителей.

[67] Там же. С. 244.

[68] Там же. С. 244-245.

[69] Гильденштедт И.А. Указ.соч. С.50.

[70] Магомедов Р.М. История Дагестана. Учебное пособие. Махачкала, 1998. С. 101-102.

[71] Там же. С. 88.

[72] Там же. С. 170.

[73] РГВИА.Ф.482. Оп.1. Д.1. Л.223.

§ 3. Среднегорная и низкогорная зоны Чечни: от Цечоя до Нижала, от Галашек до Ичкерии

Пространство, заключенное между вершинами Скалистого хребта (от 2,5 до 3,0 тыс.м) пунктирно протянувшегося по территории нахов с запада на восток от верховьев Терека до Шаро-Аргуна, от г.Столовой (2993 м) до г.Кири-лам (2803 м) и параллельно вытянутыми южными отрогами Пастбищного хребта (от 1,5 до 2,2 тыс.м) было занято в изучаемое время

поселениями и обществами, чье население использовало говоры галанчожского, итумкалинского и отчасти чеберлоевского диалектов чеченского языка.

Среднегорная зона Чечни шириной от 4-5 до 20-30 км и протяженностью до 80 км имела сложное строение. Она пересекалась разветвлением продольных и поперечных хребтов, которые в свою очередь рассекались горными реками, текущими с юга на север и берущими свое начало с Главного Кавказского хребта: Асса (Асс-хи), Чанты-Аргун (Чаьнт-Орга) и Шаро-Аргун (Шар-Орга). С вершин гор Скалистого хребта брали начало другие горные речки Чечни, являвшиеся либо притоками указанных выше рек, либо впадавших в р.Сунжу в нижнем (равнинном) течении. Это были Фортанга (Фарта) - приток Ассы; Мереджа - приток Фортанги, Осухи - притоки Гехи; Роьшни, Мартан (Марта) - притоки Сунжи и ряд других малых речек и ручьев.

На берегах указанных рек и их притоков, от левобережья Ассы до правобережья Шаро-Аргуна на высоте примерно от 1400 до 2000 м над уровнем моря[1] в исследуемое время располагались аулы, отселки, хутора и башенные усадьбы следующих аульных обществ, образовавшихся в ходе естественно-исторического объединения задолго до XVI в.: Ц1еча (Цечой), Мержа/Мереджа, Аькхха, Галай, Нашха, Ялхара, Пешха, Варанда, Нихала, Шуота (Шатой), Сана/Сонай, Саьрбала и Нижала.

В XVIII в. переселенцы из Цеча, Мержа, Галая и других обществ среднегорной зоны образуют равнинно-предгорное общество Арштха/Орстха более известное под внешним наименованием Карабулак.

Следует отметить, что общества Цеча, Мержа, Аькка, Галай, Нашха и Ялхара входили в зону распространения галанчожского диалекта чеченского языка; общества Шоатой (Шуота), Варанда, Нихала, Сана и Саьрбала в зону шатоевского говора итумкалинского диалекта, а Нижалой, находившееся на самой восточной окраине среднегорной зоны, относилось к зоне чеберлоевского диалекта.

Ц1еча/Цечой и Мержа/Мереджа. Бывшие еще в XVI в. самостоятельными обществами эти два объединения образуют к началу XVII в. некий союз, известный в документах под общим названием «Мереджинцы» / «Мереджинская земля». Этимология «Ц1еча» довольно прозрачна - «красный», «красная (местность)» - возможно из-за железистых источников или окрашиваемых утренним солнцем в красный цвет известняковых

скал характерных для данной местности. Этимология «Мержа» может проистекать из своеобразия растительного покрова территории - когда пологие склоны гор покрыты островками кустарников и небольшими рощами именуемых - «маьржа / маьрша», или же из гидронима правого притока Фортанги р.Мереджи.[2]

Рассматриваемое общество граничило на западе с нахским обществом Ангушт/Онгушт (образовалось в XVIII в. с выходом горцев из высокогорного общества Галгай на р.Камбилеевку), на северо-западе с Галашами (общество сложилось во второй половине XVIII в.), на юге граница шла по хребту Цорейлам, за которым находилось с обществом Цори, на востоке и юго-востоке с обществами Галай, Ялхара и Аьккха, на севере (по крайней мере с XVIII в.) граница образовалась с новым обществом Арштхой (Карабулак).

В рассматриваемое время союз аульных обществ Цечоя и Мержоя находился в благоприятных климатических условиях, в горных долинах освещаемых солнцем и защищенных горами от ветров. Он включал в себя следующие аулы, отселки, хутора и башни-усадьбы, как: Мержа (состоял из группы поселений Дак-бух, Далг-бух, Чуркх-бух), Муьжган (Мужичи), Цечу-аьхке, Базанти, Биерашка, Цечу Алкун (Верхний и Нижний), Аг1иен-бассе, Верхний Даттых, Издиг, Хьуттунчу, Акоти, Мергйисте, Пхьумата, Самйогача, Гяриета, Джалч, Къулие, Хьевха (Хавхарой?), Гандал-босс, Г1рда-г1ала, Бей-г1ала, Цейште, Цорхие, Щикар-г1ала и другие[3].

Аульный состав союзного общества не совпадал с фамильным перечнем, который сводился к следующим именам, образованным от топонимов: собственно цечой, мержой, мужахой, мужганой, белхарой, хьавхарой/хьевхарой. Кроме того, наличествовали патронимические фамилии происходящие от реальных первопредков - Буока-некъе, Булгуча-некъе, Орьга-некъе, Ферг-некъе, Алха-некъе, Кори-некъе и др. Некий «обновленный» список «орстхоевских» (а по существу цечоевских, мержоевских и арштхоевских кланов) дается и в новейшее время: алхой, андалой, белхарой, бокой, булгучхой, велахой, галай, гандалой, мержой, мужахой, мужгахой, оьргхой, фергхой, хьайхарой и цечой[4].

На территории указанных выше селений отмечены масштабные каменные сооружения - склепы, башни (жилые и боевые) языческие храмы, святилища, священные вершины и рощи, как местного, так и регионального масштаба. Проходы с

равнины ведущие по ущелью р.Ассы в указанный союз были укреплены в районе Алкуна башенными строениями, а в самом узком месте (на левом берегу Ассы выше с.Верхний Алкун) была воздвигнута заградительная стена высотой до 2,60 м и шириной 0,50-0,60 м.[5]

Хозяйство горцев в аулах Цечоя и Мержоя в эпоху позднего средневековья основывалось на овцеводстве и разведении крупнорогатого скота, для чего здесь были богатые пастбища и иные природные условия. Последние благоприятствовали и развитию горного земледелия. Так, рельеф местности позволял использовать естественные пахотные участки, не прибегая к трудоемкому террасированию. Тем не менее, в тех же селениях «Мереджи и Мереджой-Берем» согласно поздним данным, предпочитали не заниматься «посевом хлебов», а получать в обмен на соль, выпариваемую из принадлежащих аульным обществам соленых колодцев.[6]

Общественно-политический строй данного среднегорного общества имел типичную для Чечни структуру - старшины (старейшины), аульные сходы и региональные народные собрания. При этом большую роль не только для Мержоя, но и для других обществ и народов - мялхинцев, галгаевцев, хевсур и тушинцев, играли собрания на горе Муйты-корт (получившей свое название по имени авторитетного мудреца Муйты)[7].

В XVI-XVIII вв. из Мержоя-Цечоя идет миграционное движение на север в плодородные районы Сунжи. Ассы, Фортанги и по их притокам. Здесь они сталкиваются с давлением кабардинских князей, чьи аулы располагались на левобережье Сунжи от впадения в нее р.Яндери и выше, а также с соседством восточных чеченцев, требовавших принятия ислама.

В известных на сегодня русских источниках этнотопоним «Мержой» впервые упоминается в 1614 и 1616 гг., когда служилые терские окочане (аккинцы из Ауха) указали в числе своих «служб» поездки «в Мерези» для «государевых дел... для вестей...». В 1619 г. «мерезинские... люди» отмечены в донесении терского воеводы в Москву, в числе горцев готовых выступить «заодин» против враждебных степняков. В числе племен и населенных пунктов Восточного Кавказа упоминает «Мереджи» голландский географ Н.Витсен в 1705 г. «Мереджи» называются и в работе путешественника начала 70-х гг. XVIII в. (в немецкоязычном варианте труда обозначенный как «дистрикт», т.е. район, округ).[8]

В первой трети XVIII в. грузинским географом и историком Вахушти Багратиони были описаны районы р.Фортанги

(названной «Бальсу») как ущелья «со строениями и селениями», которых он насчитывал до «100 деревень». Известный этнограф Н.Г.Волкова подтверждает наличие многих поселений «по притокам р.Фортанги (Фортан) в местности Ц1ече-ахк, по склонам левобережья Ассы и в местности Ц1еште, в районе Даттыха» и т.д.[9]

При определении численности Мержойского союза доступны данные 60-х гг. XVIII в. Так, плоскостные «карабулаки» указывали, что их выселилось из горных обществ до 500 дворов, а в горах осталось столько же семейств.[10]

По свидетельству офицера русской службы Штедера от 1781 г. горные, «фамильные» селения карабулаков располагались в верхней части Фортанги в селениях по 40-70 жителей, которые жили в башнях, занимались скотоводством и земледелием, разводя коноплю, кукурузу и табак. В общественном отношении горцы «управлялись» старейшинами.[11]

Попытки установления ислама в верховьях Фортанги и бассейне Ассы предпринимались уже в XVII - начале XVIII в., но встретили сопротивление. Есть дагестанский арабоязычный источник, который упоминает о факте гибели неких «мусульман», пытавшихся в 1709/10 г. распространить единобожие в «Арштах». Более определенны русские официальные документы 1733 г. о скоплении под Чечен-Аулом некоей «горской» партии во главе с религиозным авторитетом «Аджи» для похода на «Балсу» для обращения «неверных».[12]

Видимо успехи в обращении в ислам были скромные и только где-то в последней четверти XVIII в. мы читаем свидетельство горских богословов, что равнинное карабулаки стали подлинно мусульманами. А вот в отношении «горных карабулаков» шейх Мансур еще в 1786 г. прибегал к сбору военных сил для обращения их в «магометанство».[13]

В целом Мержойский союз играл значительную роль в истории не только среднегорной, но и всей западной части Горной Чечни, а в последующем, с образованием родственных предгорно-плоскостных обществ Арштхой и Галашки получил вес в политической жизни не только равнинной Чечни, но и Ингушетии.

Аькхка/Акка. Древнее нахское (чеченское общество, которое в рассматриваемое время граничило на западе с Мержоем, на севере с Ялхароем, на востоке с Галай и на юге с Кей-Мохк. Не позднее XVI в. часть аккинцев переселилась далеко на восток, где на границе Дагестана и Чечни основало еще одно общество-

владение «Арара Аьккхи» - Равнинная Акка, где господствовал т.н. «аккинский (ауховский) диалект»,[14] представляющий собой говор галанчожского диалекта чеченского языка. Отсюда сложились два этнотопонима - «лам аьккхий» (горные аккинцы) и «арара аьккхий» (равнинные аккинцы).

Этимология Аьккха/Акка на сегодня неясна. Возможно, что в основу названия лег гидроним - по территории данного общества протекает небольшая речка Ак-хи, являющаяся одним из притоков р.Гехи (наряду с другими речками Осу-хи и Хилахой-ахк протекающей в северо-восточном конце котловины Аьккхи).

Населенные пункты общества были расположены главным образом на притоках верховьев Гехи (Осу-хи и Ак-хи): это собственно Аьккха (Воуга) - центр общества, Хьакилга, Кеж вийнача, Кей-махка, Зингала, Бици (Бойци), Тишли, Итыркхелла, Дийхьа-юрт, Хягие, Орзуме-кхелла, Кереты, Музуркхелла, Велах, Гозанна, Йордечу (Ердечи) и т.д.[15]

Из собственно аккинских фамилий с той или иной долей условности можно назвать: бецахой, ч1ож-некъе, хьажи-некъе, б1оби-некъе, итар-кхелой, дуьрди-некъе и другие. О численности аккинцев можно говорить только в сравнительном плане по данным 1851 г. - 10 аулов и 270 дворов.[16]

Основными хозяйственными занятиями горных аккинцев являлись скотоводство и земледелие. Их каменные жилые и боевые башни, склепы и святилища отличались массивностью и прочностью. Здесь к XVI в. в строительстве использовался связующий раствор, а не только сухая кладка.

Еще Умалат Лаудаев отмечал, что равнинные чеченцы в XIX в. называли горных аккинцев «керестан аккий» (аккинцы-христиане, язычники) в отличие от равнинных аккинцев-ауховцев. Это говорит о длительном - не позднее XVIII - начала XIX в., сохранении языческих верований в обществе. Главным религиозным центром аккинцев, как и всех жителей Галанчожского района было святилище Мизр, близ так же священного озера Галай-ам, построенное в незапамятные времена якобы пришлыми христианами-европейцами («фиренги»)[17].

Управление аккинцев сосредотачивалось в руках старших представителей основных фамилий, а также военных предводителей. Таковыми средневековые предания называют вожаков Вокхал, Сюьйре, Лорса, которые предводительствовали отрядами не только из Акки, но и соседних обществ в походах

на кабардинских феодалов и их союзников. В документах 1762 г. называются и инициаторы движения горцев галанчожских обществ к поселению на плоскости старшины «Аокаевой фамилии» Казбулат и Зургох. При этом в полной мере сохранялся авторитет народных собраний. Местом общенародного сбора служил, судя по всему один из склонов горы Муйты-корт.[18]

Галай. Общество граничило на западе с Аькхи и Ялхароем, на севере и северо-востоке с Нашха, на юге с высокогорными обществами Кей-Мохк (Кей) и Терлой. Аулы Галая располагались вокруг озера Галай-ам по притокам рр.Гехи и Осу-хи и находились в тесной связи с остальными обществами Галанчожского региона.

Основным обществообразующим и духовным центром Галайского союза являлось селение Ак-бас, составленное башенными комплексами и отселками Устархан-г1ала, Гонин-г1ала и др. В союз входили так же селения Эйсалашка (Эселат), Кхоьрга, Кербита, Кербича, Амие, Мочча, Очакх (Ачахки) Ч1уши и Бурги-г1аланаш. Почти все указанные селения омывались р.Осу-хи (приток Геки). Указанные селения и окрестности озера Галай-ам (диаметром до 400 м) были насыщены языческими памятниками.[19]

Население Галая занималось традиционно скотоводством и земледелием. В число построек входило немалое число зданий хозяйственного назначения.

Тесно взаимодействуя с соседними обществами среднегорной зоны Галай, вместе с тем, по непонятным сегодня причинам не был вовлечен в процесс формирования Арштхойского союза. Галайцы избирают свое собственное направление освоения предгорий и плоскости на северо-запад, через земли Мержоя и Цечоя, по левому берегу Ассы. Они фиксируются здесь в 1768 г., а в 1771 г. кизлярский офицер Батыров указал в своем «доезде», что «галашевцев с 13 деревень живут около сих же мест (западнее карабулаков. - Я.А.) по реке (Асса. - Я.А.) сие в горах и всего дворов считается с 200...» Таким образом, здесь складывается новое Галашевское общество значительно возросшее в численности к началу XIX в.[20]

Горный Галай в конце XVIII - начале XIX в. по существу сливается с Аккинским обществом. Поэтому в более поздних сообщениях оно практически не обозначается отдельно. Система управления в Галае была «патриархально-демократической», при известном значении не только старшинской, но и жреческой верхушки.

Ялхара/Ялхарой. Общество локализовывалось в среднегорной зоне Чечни на площади ограниченной соседством с запада Мержойского союза, с севера вершинами водораздельного Пастбищного хребта, с востока землями общества Нашаха, на юге и юго-западе горным Галаем и Аьккхи.

Топоним «Ялхара/Ялахара/Алара» имеет близость с распространенным в Чечне лексическим определением открытого солнцу в зимнее время склона пастбищной горы или просто зимовья для скота - «1айла», «алара», «алахара/ялахара» и т.д.[21]

Селения ялхаройцев располагались в бассейне маленькой речки Осу-хи (притока р.Гехи) и на других притоках Гехи в верхней части течения. Это были Басарчча-Ялхара, Хьевхарача-Ялхара[22], Игара-юрт, Терхе, Амке, Жаьнче, Ламие, Гурче, Боьнча, Белахой, Кэгана-юх, Йокха Аьрбала, Жома Аьрбала, Гиелечу, Талы и др.[23]

В главном селении общества Басарача-Ялхарой (Ялхара) жили представители двух групп - тугаз-некъе и ялхарой-цечой, при этом первые считались выходцами из Аьккхи, а вторые из Цечоя.[24] Представители других населенных пунктов рекомендовали себя фамилиями относящимися более к топонимическим названиям, нежели к реальным фамильно-родовым подразделениям.

В 70-х гг. XVIII в. общество Ялхарой указывается в труде И.А.Гильденштедта в форме «Иалхар/Иалхгор».[25] При этом необходимо отметить, что если в XVII в. русские источники покрывают всю территорию Галанчожа этнотопонимом «Мержой/Мереджинцы», то в последней трети XVIII в. начитает господствовать термин «горные карабулаки». Так, в 1762 г. в числе старшин «карабулатцев» названы «Элхургарлиевой (Ялхароевой. - Я.А.) фамилии - Белекай, Тунжахан...».[26]

В рассматриваемое время жители Ялхароя занимавшие весьма удобные пологие склоны среднегорья успешно занимались разведением крупнорогатого скота и отчасти земледелием и овцеводством. Более поздние данные говорят о «богатых травянистых горах» Ялхароя и наличии соленого озера близ головного селения[27], что имело немаловажное значение в скотоводческом хозяйстве.

Общественный строй Ялхароя не отличался от своих соседей, а религиозные верования в XVI-XVIII вв. представляли из себя развитый языческий пантеон.

Нашха/Нашаха. Одно из самых известных исторических обществ Горной Чечни граничило на западе с Ялхароем, на юго-западе с Галаем, на севере граница шла по последним отрогам Пастбищного хребта, на востоке с Пешхоем и на юге с Терлой.

Вытянутые с юга (от склонов Скалистого хребта) на север Нашхоевское общество занимало плоскогорное пространство между верхним правобережьем р.Гехи и левобережными притоками р.Мартана (Хийлахой-ахк и Хайбахой-ахк). По данным А.Сулейманова общество делилось условно на две части: «Сехьа Нашха» («по эту сторону Нашха») и «Техьа Нашха» (за Нашхой») этимология названия неясна.

Здесь располагались следующие аулы и хутора: Моцарха, Чармаха (Чермхой), Т1иста, Тестерхой, Хийла, Хьижакха (Ц1ой), Хьайбах, и хутора: Мушечу, Могасте, Къайчаюххе, Саканжеле, Хотташкоча, Хылахой, Зерха, Сиха-Могусти, Мушечи, Гелахбаса, Ажгечу и т.д. Следует отметить, что большая часть хуторов и селений названных здесь складывались из башенных усадеб. Все они омывались речкой Гехинкой, которая брала начало из родника южнее хутора Хылахой.[28]

Густонаселенная и весьма благоприятная в природно-климатическом отношении земля Нашахи возможно играла в далеком прошлом роль этнокультурного центра не только западной части Горной Чечни, но всей страны. Большая часть населения Горной Чечни и практически всей Восточной Чечни называет в своих этногенетических преданиях прародиной именно Нашаху. Причем предания, записанные главным образом во второй половине XIX-XX вв., относят исход из Нашахи примерно к XV-XVII вв. («400-500 лет назад»)[29]. Документальный и археологический материал не подтверждает указанных преданий, за исключением двух моментов:

1. Задолго до XVI в. далеко на восток, в район Кумыкской плоскости, переселились выходцы из верховий Ассы, Фортанги, Гехи и Мартана, взявшие самоназвание «арара аьккхий» (равнинные аккинцы) и ауховцы.

2. На стыке плоскости и гор у современных селений Бамут, Закан-Юрт и Шаами-Юрт отмечены средневековые погребальные комплексы аналогичные погребениям аулов Галанчожского ущелья XV-XVII вв., что говорит о ранних попытках выселения на плоскость.[30]

В традиционном общественном сознании долго держались представления о Нашахе как о единой прародительнице адатных

норм классической «горской демократии». Возможно, что здесь собирались народные собрания (Мехк-кхелл) всей Горной Чечни. По одним данным духовным центром Нашахи считался аул Моцарха, где якобы хранился и огромный медный котел с выбитыми на металле именами коренных чеченских тайпов. В самом Моцархе как на священное место указывали местечко Пхьерате («место мастеров»).[31]Все это являлось, конечно, свидетельством формирования в XVI-XVIII вв. и позже общенационального самосознания на основе мифов и преданий о расселении нахских обществ от бассейна Аксая до бассейна Ассы из единого центра.

Принятие ислама в Нашахе произошло не позже XVIII в. благодаря ко всему и тесным хозяйственным связям с равниной, где уже в XVII в. на берегах рр.Гехи и Мартан появилось равнинное исламизированное население. В том же XVIII в. «дистрикт (общество)... Нашах» упоминается в записях И.Г.Гильденштедта, собиравшего сведения о Горной Чечне. В конце XVIII - начале XIX в. население Нашахи сокращается в результате миграции на плоскость и к 30-м гг. XIX в. здесь считалось 200 дворов в селениях по 13-15 семей и до 1 тыс.жителей.[32]

Пешха/Пешхой. В горной котловине, расположенной в самой верхней части бассейна р.Мартан, между вершинами Скалистого и Пастбищного хребтов сблизившихся в этом районе до 10-12 км друг от друга, располагался аул Пешхой и земли одноименного общества с хуторами Саканжели, Хоч-Ког, Кейгучи, Килобасе, Катме-юрт и др. На западе общество граничило с Нашаха, на севере земли общества переваливали через водораздельный Пастбищный хребет, на востоке с Мулкоем, на юге с Терлоем.[33]

Этимология названия общества неясна; возможно имеет отношение к древнему пласту хозяйственной или географической терминологии чеченцев, т.к. топоним «Пешха» встречается и в других районах Чечни. Единственное на сегодня упоминание общества в русских источниках XVI-XVIII вв. относится к 1601 г., когда «Пешинский кабак» был рекомендован в качестве одного из ориентиров маршрута русских послов на Грузию.[34]

Аул Пешха/Пешхой состоял главным образом из массивных жилых башен-усадеб (г1ала). Жители его обладали не только стадами, но и пашнями, покосами и водяными горскими мельницами, обеспечивавшими ведение безбедного хозяйства

в замкнутом ареале. Здесь же отмечены культовые места языческого времени с элементами христианской атрибутики (кресты).[35]

Судя по отрывочным данным, ислам в Пешхой проник не позже XVIII в. в связи с ранним установлением связей с плоскостью, с гехинскими селениями (исламизированными еще в XVII в.).

Пешхой был самой восточной точкой распространения галанчожского диалекта, хотя практически и не взаимодействовал с обществами древнего «балойского союза» - Мержой, Цечой, Галай, Аьккхи, Ялхарой, не считая Нашхоя. В поздних источниках аул Пешхой указывается в составе общества Нашхой (представители указанных обществ выступали порой в XVIII в. под общим именем «балсурцы/бальсунцы» как осваивающие низовья Ассы и Фортанги).[36]

Миграция пешхойцев на плоскость, на север, шла в отличие от «балсурцев» не по Ассе и Фортанге, а по течению рр.Гехи и Мартан, в известном отрыве от западных и восточных соседей. Поэтому Пешхой оказался связанным в хозяйственном и политическом отношении с плоскостным Гехинским обществом.[37]

Шатой/Шуьйта/Шубут. Одно из крупнейших обществ Горной Чечни занимало на карте страны ключевое место между берегами рек Чанты-Аргун и Шаро-Аргун в среднегорной и частично низкогорной зоне.

На западе Шатойский союз граничил с землями Пешха, на севере шатойское влияние сказывалось вплоть до линии Черных гор, на востоке река Шаро-Аргун отделяла Шатой от обществ Саьрбалой и Нижалой, на юго-востоке граница шла с небольшим обществом Санной/Соной, на юге с Дзумсой, Гучумкхелл, Чиннаха, Нихала[38] и Мулкой.

Горы Шатоя составляли своеобразно «гнездовое» разветвление (с высотами от 1,1 до 1,8 тыс.м) Пастбищного хребта со своим микроклиматом, с наличием плоскогорных участков - «шу» по Чанты-Аргуну и впадающим в него крупным притокам (имеющим довольно обширный бассейн) - это рр.Верд-эрк, Сюжи, Сунхой-ахк, Варанды, Вашендара и др. Этимология топонима «Шуйта / Шуота» происходит от «шу» - ровное возвышение, плоскогорье.

Географические границы Шатоя являлись и границами шатоевского говора итумкалинского диалекта чеченского языка, трактуемого отдельными специалистами как самостоятельный

диалект. Интересно отметить, что один из наблюдателей середины XVIII в. писал: «живущие в той деревне (Шатой. - Я.А.) люди говорят таким же языком, как гребенчиковцы (Герменчик, плоскостное общество. - Я.А.) и чеченцы (в данном случае жители плоскостного Чеченского владения по Аргуну. - Я.А.).»[39]

Согласно данным этнографа А.Сулейманова Шатойский союз объединял такие малые общества и аулы, как: Хьаккой, Г1атти, Вашандорой, Пхьамтой, Маьршлой, Саттой, Тумсой, Борзхой, Келой, Варандой и Саной.[40] Некоторые данные говорят о близости к союзу Нихалоя и Саьрбала (находившегося) на правом берегу Шаро-Аргуна.

В указанных объединениях по неполным данным имелись следующие селения: на левом берегу Чанты-Аргуна - Большие Варанды, Суьжа, Суората, Горгачи, Рядухой, Вашандарой, Чаймохк, Борзой, Тумсой; на правом берегу Чанты-Аргуна (главным образом по притоку Верди-эрк и в его бассейне) и левом берегу Шаро-Аргуна - Цогуной[41], Ваьрди, Г1ушт-корт, Гаттин-кхалл, Саьтта, Ург-юххе, Пхамтой, Нихалой, Бекум-кхелл, Мусс(Мусин)-кхелл, Беной, Мусолт(Мусул)-аул, Ватан-корт, Дехесте, Мужачу, Маршин-кхелл, Саной и др.[42]

Фамильно-клановый состав Шатоевского союза был значительно уже аульного списка, вследствие того, что некоторые кланы расселяясь из старых «гнезд» создавая по несколько новых сел не считая множества хуторов. Как правило названия «фамилий» производны от древнейших топонимов и гидронимов: варандой, вашендарой, г1аттой, горгачхой, дехестой, келой, нихалой, мускулхой, маьршлой, пхьамтой, рядухой, саной, саттой, тумсой, хьаккой, хьалкелой (келой)[43] и некоторые другие.

Шатоевская аульная федерация занимавшая стратегически важное место на путях связывающих большую часть горных нахских обществ с равниной, а также во взаимосвязях высокогорной зоны с среднегорной как в меридиональном, так и в зональном направлении, рано попала в поле внимания наблюдателей XVI-XVIII вв. Здесь надо учесть и то обстоятельство, что через шатоевские земли лежали пути сообщения с Терека на Грузию и обратно. Поэтому первые упоминания «Шибуты» мы встречаем в статейном списке 1587 г. русских послов в Кахетию (Грузию).[6]44В русском документе за 1647 г. упоминаются селения «Баранцовым, ...Тумцоювым, ...Шандоровым, да с Уйшевым.» В 1657 г. из «Шибутского джамаата» следует обращение к русскому царю Алексею

Михайловичу с просьбой о подданстве от селений «Варанты, Чечани (Чечати), Тонса».[45]

Есть в документах и данные о численности Шотойского района. Так, в 1657 г. грузинские посланцы в Москве показали, что «живут де блиско их земли Шибутская земля, а ратных людей с 1000 человек». Документ 1747 г. сообщает, что собственно в «деревне Шуты... находится 500 дворов».[46]

Несмотря на относительно раннее принятие ислама в Шатое. здесь еще к середине XVII в. наличествовал религиозный политеизм. В то время как «иные де шибутцы живут и по бусурмански», а представители «Шибута» приносят клятву «на Куране», здесь живут и т.н. «христиане» (по существу язычники), употреблявшие свинину. К середине XVIII в. «чабутлинцы» исламизированы поголовно, а «суд и расправу чинят чрез своего кадия».[47]

Система управления в «Шибутской земле» зиждилась на высоком авторитете выборных старшин и духовенства. В документах упоминаются такие старшины, как «Арасланко и Декитко...» (1628 г.), «Алги, да Анак, да Ильдей с товарыщи...» (1647 г.), «Алихан, Сусла, Алгян...» (1657 г.), «шубанский владелец Казий и сын ево Маджи...» (1762 г.). Вместе с тем, сохранялся и высокий авторитет народных собраний. Так региональный Мехк-кхел собирался в центре общества на поляне Трех груш.[48]

Высок был авторитет общества в жизни населения всей Горной Чечни в силу того, что «будучи как повелители ущелья Аргунского.. от устья коего они первыя,...».[49]

Уровень развития традиционных отраслей хозяйства в Шатойском союзе был высок, но перенаселение сводило на нет усилия по увеличению пахотных земель за счет террасирования и росту поголовья скота за счет отгона в менее населенные районы горного края. Поэтому предания говорят о ранней миграции тех же саттоевцев и келоевцев на правобережье Шаро-Аргуна, вашендароевцев в район Улус-Керта и Дачу-Борзоя (по линии Черных гор), тех же саттоевцев, варандинцев, келоевцев и пхьаметоевцев на север, по Аргуну на границу гор и плоскости и далее на равнину.

Уже в 1628 г. казачьи городки в междуречье Терека и Сунжи испытывают нападения «шибутцких людей», которые казаков «побивают» и «всякую животину» отгоняют. В 1647 г. «учинилось, что блиско Терских гребеней сидят кабаками... шибуцкие люди» и казакам «чинят тесноту».[50] Данные документы подтверждают

и предания - не позже середины XVII в. предводитель (Тхьамда)Бахмад-Али выйдя с родственниками из шатойских селений Саттой и Урд-юххой основал на Аргуне у выхода из гор селение Атаги (Чахкар-Атаги).[51] Позже, вниз по течению Аргуна возникли Большие Атаги, Малые Атаги и Чечен-Аул.

Таким образом, шатоевские выходцы отдельными отрядами и большими родственными группами приняли активное участие в процессе возвращения горцев на плоскость в XVII-XVIII вв. и ее освоении вплоть до Сунжи и Терека.

Саьрбала (так же Лаьшкарой) - небольшое общество на правом берегу Шаро-Аргуна, тяготевшее к Шатойскому союзу. Оно заселялось, как в рассматриваемое время, так и позже, переселенцами из кланов келой, саттой и пхьамтой, чей язык относился к шатоевскому говору итумкалинского диалекта. Общество граничило на западе (по руслу Шаро-Аргуна) с Хьал-Кела, на востоке - за горой Леникорт (2010 м), с Чеберлоем, на юге с Нохч-Кела, на севере с Нижалоем.

Мнению о позднем складывании данного общества (едва ли не в середине XIX в.) противоречит наличие здесь средневековых башенных поселений. В связи с переходом роли головного аула от Саьрбала к Лаьшкара менялось и название этого общества. Этимология и первого и второго этнотопонима проистекает из военных терминов, что говорит о первоначально военном характере поселения. Здесь были как незащищенные горные поселения: Саьрбала, Лаьшкара, Нуй (Нуйхой), Буккузе, так и укрепленные поселения: Арсан-кхелла, Омечу и Мирза-г1ала. Число дворов-усадеб в селах колебалось от 9 до 15.[52]

Для успешного занятия скотоводством здесь имелись покосы и пастбищные горы - Нуйхой-лам и Пешхой-лам, а также пахотные участки.

Нижала/Нижалой. Общество располагалось в бассейне правого притока Шаро-Аргуна речки Нижалой-ахк и граничило на западе (по руслу Шаро-Аргуна) с Даем, и юго-востоке с Чебарлоем, на юге Нохч-Кела, на севере с Саьрбала и на северо-востоке с обществами большого Нахч-Махкоевского союза (в XVI-XVIII вв. известного в русских документах как Мичкизская земля и Ичкерия).

По данным А.Сулейманова в данном обществе под одним и тем же названием «Нижала» было известно 3 аула: первый на восток от Оскар-аула (Аскарой), второй также на восток от Гази-аула, а третий между Жубиган-аулом и Гази-аулом. Этимология Нижала неясна. Кроме перечисленных аулов мы имеем здесь

еще поселения Гонта (Гойты-Дул), Дургойн-аул, Гадана, Цинтиг-аул, Патан-аул и Богучарой.[53] Возможно, что «тайповый» состав общества заключался всего в двух основных фамилиях: нижалой, богучарой и в их ответвлениях.

Население общества Нижала говорило на нижнечеберлоевском говоре чеберлоевского диалекта чеченского языка. Поэтому зачастую Нижалой объединяют с Чеберлоем, хотя более явственны были его связи с Шатоем и Нахч-Мохком. Ислам здесь был принят согласно полевым данным не позже второй половины XVII в. Жители общества управлялись «собственными старшинами» и народными собраниями.

Следует отметить, что среднегорная зона Чечни занимала не просто географически промежуточное положение между высокогорной и низкогорной зонами страны. Её растущее население испытывая в XVI-XVIII вв. (несмотря на относительно благоприятные условия для традиционных хозяйственных занятий) серьезные трудности в сбыте своей обильной скотоводческой продукции и в приобретении тканей, металлов и соли, стремилось к непосредственному выходу на плоскость ранее считавшейся не более чем зоной хозяйственного пользования.

При этом, многочисленные башенные поселения среднегорной зоны от Ассы до Шаро-Аргуна, от Цечоя до Нижала, от практически одноаульного общества Пешхой до огромного союза-федерации многих обществ - Шатой/Шуьйта, находились примерно на одной стадии общественно-экономического развития характерной чертами средневекового традиционного общества, и обладали чертами суверенности.

Комплекс экономических, социально-общественных и климатических причин (XVII век в истории Европы и Кавказа это период серьезного падения среднегодовых температур в пользу холодных, а следовательно неурожайных лет), наряду с демографическим перенаселением, толкает горцев к движению на плоскость, к физическому заселению её.

Основным направлением движения избыточного населения среднегорной зоны на север стали бассейн среднего и нижнего течения Ассы и Фортанги на западе края и нижний бассейн Аргуна в центральной части страны. В масштабах Чечни это переселение представляло собой эпохальное явление.

Низкогорная зона. Северную (переднюю) полосу Горной Чечни образуют складчатые горы т.н. Лесного хребта (Черные

горы), которые тянутся с запада (от междуречья Сунжи и Ассы) в зональном направлении на восток до междуречья Аксай-Ярык-су в верхнем течении. При этом Лесной хребет значительно расширяется за Шаро-Аргуном на множество складок образуя между высокогорным Андийским хребтом на востоке и Снеговым хребтом на юге целую страну - Нахч-Мохк (Ичкерия), с средней высотой лесистых пологих гор от 0,6 до 1,1 тыс.м.

Все реки и речки текущие из высокогорья и среднегорья Чечни, а также берущие начало с снежных вершин Андийского и Снегового хребтов, пересекают Лесные горы в строго меридиональном направлении с юга на север и впадают соответственно в Сунжу и Терек. Обильные дожди и снежные осадки, значительное число горных ключей порождают многочисленные мелкие притоки к основным руслам рек увеличивая их водный сток.

В границах низкогорья в XVI-XVIII вв. в направлении с запада на восток можно назвать следующие общества - Галаш (Галашки), Арштхой (Карабулак), Мичиг (Мичиговское общество), Нахч-Мохк (Ичкерия).

Галаш/Галашки. Общество сложилось по берегам Ассы в части среднего и отчасти нижнего течения, не позже 60-х гг. XVIII в. за счет переселенцев из преимущественно горного Галая, а также Мержоя, Цечоя и Ялхароя.

На западе граница Галашек условно шла по водораздельному хребту между течением Ассы и Сунжи, на севере по речке Яндери доходила до северной линии Лесных гор, на востоке галаевцы вышли в соседство с близкородственным Арштхойским (Карабулакским) обществом (по правобережью Ассы). На юге, новое общество вытянутое по Ассе граничило с землями селения Мужичи входившем в Мержойский союз.

Образование нового Галаевского общества в низкогорье по Ассе было связано не только с целенаправленной миграцией избыточного горского населения на более удобные и еще незаселенные земли, но и, в целом, с изменением политической ситуации на плоскости. Здесь селения и владения нахов всё усиливаются, а кабардинские князья державшиеся еще за земли по Сунже слабеют.

Согласно данным Н.Г.Волковой окончательный уход кабардинцев с Сунжи, чьи селения были в районе впадения в неё рр.Назрань и Яндери (Эндерипс), имел место в 40-70-х гг. XVIII в. На карте второй половины XVIII в. отмечает Н.Г.Волкова от правого берега Сунжи на юг к горам наличие «Галачи деревни»

(галашевцы?). Восточнее р.Эндерсу... указаны карабулакские селения.» По сообщению И.А.Гильденштедта (не позже 1771 г.) «округ Галашки», находится по Ассе ниже «округа Мереджи».[54]

Согласно документальным источникам галашевцов живущих близ карабулаков «по реке (Ассе. - Я.А.) сие в горах» считалось 200 дворов и «с 13 деревень». Как и соседние карабулаки, галашевцы занимались скотоводством, выращиванием кукурузы, конопли и табака, пчеловодством. Но «рогатого скота и лошадей (имели) весьма мало». Соль получали из аула «Датыха».[55]

Об общественном управлении галашевцов данных мало, документы сообщают, что живущие по Ассе галашевцы равны между собой «хотя и имеют старших» обладающих собственностью на землю.[56]

Мало, что известно и об исламизации последних в XVIII в. Более того в районе селения Галашки вплоть до 30-х гг. XIX в. отмечался врытый в землю большой каменный крест византийского типа - с широким основанием и расширяющимися концами. Они были исламизированы в начале XIX в., хотя еще в 20-х гг. указанного века галашевские селения не имели мечетей и постоянных мулл (их брали у карабулаков).[57]

Верхние Карабулаки: Арштхой/Орстхой. По своему географическому положению общество Верхние Карабулаки находилось между средним течением Ассы на западе и бассейном р.Фортанги и Шалажинки на востоке, на северных и южных склонах Амитинского хребта (0,69-0,89 тыс.м над уровнем моря) соединявшего берега указанных рек.

Верхнему обществу Арштхой было положено начало по крайней мере с первого десятилетия XVIII в. В течение века в процессе реконкисты карабулаки закрепляются и в плоскостных районах на пространстве примерно от района впадения р.Яндери в Сунжу на западе и до владения р.Шалажи в устье Фортанги на востоке, образуя аульное многофамильное общество, которое нами определяется как Нижние Карабулаки. Вместе с тем с 80-90-х гг. XVIII в. можно говорить и о едином предгорно-плоскостном Карабулакском обществе.

Первоначально селения верхнего общества складываются вдоль указанного хребта на речке Футом, текущей в зональном направлении между Ассой и Фортангой и впадающей в последнюю и, на речке Аршты (Арашан - вкусная, чистая вода с древнеиранского), которая вместе с 6 меньшими притоками

имела и второе тюркское название Бальсу (медовая вода). Цвет речек, ключей и прочих источников широко орошенного района дал ему так же название Карабулак (черная вода, черный родник). Отсюда, поселившихся здесь горцев называли равномерно и арштойцами, и бальсунцами, и карабулаками.[58]

Основание обществу положили выходцы из объединений некогда входивших в древний Балойский союз (г.Балой-лам - прародина галанчожских фамилий) - Цечой, Мержой, Галай, Аькхха, Нашаха и Ялхарой. Тот же Ахмад Сулейманов включает в состав карабулаков-орстхоевцев следующие фамилии: «Ц1ечой, Мержой, Хьавхарой, Ферг-некъе, Велха-некъе, Гандалой, Мужганой, Галай».[59] Позднейший список называет «фамилии» аршхойцев-карабулаков (горных и равнинных) в следующем составе: 1алхой, 1андалой, белхарой, бокой, булгучхой, виелхой, г1арчой, галай, г1андалой, мержой, мужахой, мужгахой, оргхой, фергхой, хьевхарой, цечой и другие.[60]

Основу хозяйства арштхойцев-карабулаков в XVIII в. составляло земледелие и скотоводство. Они «изобиловали» продовольствием, часть которого «в довольном количестве» продавали. Обильным было пчеловодство и производство воска. Важной статьей хозяйства являлась соледобыча близ карабулакского с.Даттых: ее покупали чеченцы, ингуши и горные нахи-«кисты».[61]

Численность Верхних Карабулаков в документе 1762 г. указана до 500 дворов, хотя и вряд ли это является преувеличением, учитывая, что в их число могли включаться и некоторые среднегорные аулы. Из того же документа становится ясным, что власть в Нижних и Верхних Карабулаках принадлежала старшинам фамилий, совместно выступавших в отношениях с соседями и русскими властями.[62]

Интересен вопрос о религиозной ситуации в Арштхое. В 1709/10 г. сюда был совершен «исламский набег» как против неверных, а в 1732 г. под Чечен-Аулом собирается огромное ополчение из Дагестана и Чечни во главе с неким «Аджи», который собирался в поход против «бальсунцев» и в Малую Кабарду. Наконец в 1762 г. равнинные карабулаки приняли решение принять ислам, а верхние их соплеменники разорили неведомо кем построенную «на р.Бальсу» христианскую церковь и подворье. Тем не менее, еще в 70-х гг. XVIII в. «группа (тайфат) их [карабулаков] «оставалась «без амана», т.е. без пощады от мусульман. Видимо речь шла о «верхних» карабулаках. И только

к началу XIX в. все карабулаки «без изъятия исповедовали магометанскую веру».[63]

Таким образом, самое позднее в первой половине XVIII в. складывается Арштхойское (орстхойское) или карабулакское общество в низкогорной зоне тесно связанное с родственными поселениями среднегорной зоны, с Галашами, с предгорно-плоскостными нижнекарабулакскими аулами и с чеченскими, ингушскими, кумыкскими, кабардинскими поселениями и владениями.

Начиная, по крайней мере с 80-х гг. XVIII в. Карабулаки (Верхние и Нижние) позиционируют себя как единое общество, осваивая обширную территорию на правом и левом берегу Сунжи (примерно от современного села Плиева до Серноводска и Ассиновской).[64]

Нахч-Мохк (Мичкизская земля, Ичкерия. По свидетельству автора второй половины XIX в. И.М.Попова (написавшего историко-топографический очерк «Ичкерия») площадь региона составляла до 1 тыс.кв.верст.[65] Географические границы заключались: на западе водораздельный хребет отделял Нахч-Мохк от бассейна Шаро-Аргуна и таких обществ как Саьрбалой и Нижалой, на севере от Чеченской плоскости и от таких обществ (возникших в XVIII в. и на рубеже XIX в.) как Шали, Герменчик, Гелдаген, Майртуп, Бачи-Юрт отделялся передовой цепью Лесных гор. На северо-востоке границей служила р.Мичиг и Качкалыковский хребет (где в начале XVIII в. образовались Качкалыковское общества, а в конце XVIII в. соответственно и Мичиговское),[66] на востоке р.Аксай (берущая начало с северных склонов Андийского хребта) в нижнем своем течении служила границей между Нахч-Мохком, кумыкскими владениями и нахским обществом Аух.

Южную и частично юго-восточную границу Нахч-Мохка формировал Андийский хребет (от 2,0 до 2,7 тыс.м над уровнем моря), который также отделял регион от андоцезских обществ Дагестана и высокогорного нахского общества Чеберлой.

В целом Нахч-Мохк (Ичкерия к XVIII в. делился на горную часть - Нахч-Мохк (Ичкерия), «Мичик» - земли по р.Мичиг (некогда пограничной рекиИчкерии) и Качкалык (Качкалыковский хребет), стоящий несколько особняком и заселенный в первой трети XVIII в.[67] Однако, и Мичиг, и Качкалык в плане географического рельефа относятся скорее к равнине нежели к низкогорной зоне. Следует отметить, что тот же А.-К.Бакиханов автор XIX в. хорошо знакомый с местной

исторической традицией Северо-Восточного Кавказа, утверждал, что «Мичикич» разделяется на три части: «Тау-Мичик-Ичь» (горную), «Агач-Мичик-Ичь» (лесную) и «Тюз-Мичик-Ичь» (ровную»).[68]

Нахч-Мохк, чье название переводится как «земля нахчойцев (чеченцев)», именуется еще и Чоьхар-Мохк (Внутренняя земля). «Мичикич» как и тюркское «Ичкерия» (Внутренняя земля) относятся к внешним этнотопонимам известным, сложившимся по крайней мере не позже XVII в.

В XVII-XVIII вв. Нахч-Мохк представлял собой самую густонаселенную часть Чечни и самую крупную политическую единицу - своеобразную крестьянскую республику-федерацию. Население региона говорило на едином нахчмахкоевском диалекте, который собственно и лег в основу плоскостного диалекта и литературного языка чеченцев.

Край был покрыт пологими горами (от 0,6 до 1,1 тыс.м над уровнем моря) сложенными из сыпучего сланца, песчаника и глины, покрытыми густыми смешанными лесами. С юга на север Нахч-Мохк пересекали такие реки и речки (с мнгочисленными притоками) как: Басс (в нижнем течении Джалка), Хулхилау, Хумык, Гумс, Мичиг и Гансол (приток Мичига). Все указанные реки сливались на плоскости в два русла - Джалка и Белка (Гумс), впадавшие в Сунжу. В восточной части края, в северо-восточном направлении, текли на Кумыкскую плоскость такие речки как Аксай, Бено Ясси (на плоскости Ямансу) и Ярыксу с многочисленными притоками. Все они проделав далекий путь далеко на северо-восток впадали в Терек. Это были неглубокие и неширокие горные речки, испытывавшие сезонные колебания водостока.

В исследуемое время в Нахч-Мохке насчитывались следующие административно-политические автономные единицы: Элистанжи, Чермой, Харачой, Дишни-Ведана, Гуьна, Эрсана, Эгдашбета, Белгата, Кургала, Цонтара, Гоьрдала, Ширди-Мохк, Айт-Кхаьлла, Шоьна/Шуона, Эникхаьлла, Ялхой-мохк, 1алларой, Энгена, Даттах, Мескета, Сесана, Симсир, Бена, Гендаргана, Билта, Гилна/Гиляны, Зандак, Кешен-Аул, Ишхой, Харача, Галайта и др.[69]

В свою очередь список «фамилий» (большей частью совпадавший с топонимическим списком селений) Нахч-Мохка состоял из: 1аларой, айткхаллой, белгатой, беной, билтой, гордалой, гендаргеной, гуной, даттыхой, дишний, зандакой, ихархой, ишхой, курчалой, сесанхой, сингалхой, харачой,

цонтарой, чартой, чермой, ширди, энакхаллой, энгеной, эрсаной, ялахой/ялхой[70] и др.

Указанные «фамилии» не являлись «родоплеменными объединениями», а складывались из множества объединенных территорий проживания реальных родственных групп (считавшихся как правило до 7 колена), которые назывались «некъе» (колено) и «гары» (ветви). Так, к примеру клан беной состоял из 9 гаров: Жоби-некъе, Уонжби-некъе, Асти-некъе, Ати-некъе, Чупал-некъе, Гурж-Махкахой, расселенных в 3 аулах - Беной, Кюйр-Беной и Бена-Ведено.

В русских документах «Минкизы» упоминаются, по крайней мере, с 1587 г. В числе «новоприбылых земель» они назывались Москвой в 1594, 1614 и в других годах. Собственно «мичкизы» рано появляются и в числе жителей Терского города, по крайней мере, с 1614-1615 гг. В 1647 г. русские и горские служилые люди были в «Мичкизах» и привезли следующие данные: «А начальных де у них людей над ними в Мичкизской земле нет, владеет всяк сам с собою и всего их владенья тридцать шесть кабаков и из тех кабаков сядет их на конь три тысячи человек боевых людей..., мичкизские люди прислали в Терской город людей своих выборных лутчих... Муралея с товарищи четырех человек».[71]

Весьма ранними представляются данные арабоязычных документов Дагестана приведенные А.-К.А.Бакихановым. Здесь упоминаются «Мичикич» как подконтрольный шамхалу Дагестана, селение «Баян (Беной - Я.А.), где находится нефтяной колодец,...»[72], и т.д.

Если в 1647 г. мы имеем в Нахч-Мохке 36 селений с 3000 дворов (исходя из расчета 1 воин от 1 двора), то автор 1804 г. говорит, что здесь «малых деревень до 50», а «число вооруженных простирается до 2000 человек». И это уменьшение объяснимо, ибо по меткому замечанию автора первой трети XIX в. Р.Ф.Розена «ичкеринцы дали начало всем чеченцам, поселенным по Сунже и другим рекам на равнинах». Так, начиная с середины XVII в. ичкеринцы-мичкизовцы служат основной силой заселявшей Сунжу и низовье Аргуна, берега Аксая, Ямансу и Ярыксу (сел.Ишхой-Юрт, Заман-Юрт, Тухиар и др.), а в XVIII в. Притеречье, нижнюю часть р.Мичига, Качкалыковский хребет и западную часть Кумыкской плоскости.[73] Поэтому этноним «нахчой/нохчи» стал нарицательным обозначая все нахское население плоскости.

Обильно орошаемая горными речками и родниками, имевшая высокую цифру осадков и благоприятный для

земледелия и садоводства почвенный состав - Ичкерия отличалась от остальной части Горной Чечни несколько большим удельным весом земледелия и садоводства в традиционном хозяйстве, так и широким использованием системы «ирзу» - расчисткой участков в лесу для использования под злаковые и огородные культуры.[74]

Другой особенностью Нахч-Мохка и Восточной Чечни в целом в отличие от западной части Горной Чечни надо полагать отсутствие здесь, за малым исключением, каменных жилых строений и фортификационных сооружений. Вместе с тем, отдельные топонимические данные говорят о наличии здесь в прошлом аульных и частныхсторожевых и оборонительных башен - г1ала.[75]

Рано познакомившаяся с феодальным укладом через своих дагестанских соседей Нахч-Мохк - Страна чеченцев, сохраняла, тем не менее, в исследуемое время патриархально-крестьянский общественный уклад управляясь «сами собой» через старшин и народные собрания. Нахч-Мохк составлял своеобразную федерацию «вольных обществ», имена которых были названы выше. Скрепляющим единство края факторами было наличие единого адата-свода неписанных законов и авторитетного регионального органа - Мехк-кхелл (Совет, Суд страны) периодически собиравшегося на горе Кхеташ-корт (Гора собрания) у сел.Цонтарой.[76]

Ряд ссылок в литературе на легендарные предания о якобы подданической зависимости «Мичкизской земли» от тарковского шамхала, либо от аварского хана или кумыкских князей не находит ни документального, ни косвенного подтверждения. Единственно имеют место бытьфакты военного участия местного ополчения на союзнической основе в военных мероприятиях горских князей Салтан-Магмута Эндерейского и гумбетовского Турлова-князя в первой четверти XVII в.[77]

Важной вехой в истории национальной консолидации всей Чечни, начало которому, безусловно, было положено и в Нахч-Мохке можно считать раннее принятие ислама. Так, в непосредственном соседстве с Нахч-Мохком в предгорно-плоскостном Аухе, в с.Гачалк обнаружены мусульманские захоронения, датируемые XVI в. В первой четверти XVII в. «мичкизы» участвуют в военных мероприятиях мусульманских горских князей, а в 1648 г. готовы принести терским воеводам «шерть» (клятву) на Коране.[78]

Народная традиция возводит утверждение ислама в Восточной Чечне к деятельности шейха Берсана из общества Курчалой. При этом есть неясность в том, связана ли была его деятельность с собственно принятием ислама, или же с его утверждением в Нахч-Мохке в суфийской трактовке. По данным И.М.Попова, Берсан получил право благодати шейха из рук убитого им аварского шейха Гада, который «именем Аллаха завещал ему силу... [своего] слова...»[79].

Шейх Берсан реальное историческое лицо, его могила пользуется почитанием и находится в Верхнем Курчалое. Арабоязычная надпись на камне относится по своему стилю к XVII в. и гласит: «Здесь [покоится] Берсан».[80]

Таким образом, Нахч-Мохк (Ичкерия, Мичкизская земля) пожалуй самая крупная самоуправляющаяся «землица» Чечни в течение XVI-XVII вв. наращивает свой политический и хозяйственный потенциал на Северо-Восточном Кавказе, а затем, в течение второй половины XVII-XVIII вв. «растрачивает» демографические силы в процессе реконкисты на плоскость в западном, северном и северо-восточном направлениях, заложив по существу основу нового облика страны и его этнического лица.

[1] См., Интернет: http://www.akka.ru.

[2] См.: Иванов М.А. В горах между рр. Фортангой и Аргуном // Записки КОИРГО. Т.17. № 1-4. Тифлис, 1910. С.42; Сулейманов Ахмад. Топонимия Чечни. Грозный, 2006.С.22; Энциклопедия культур народов Юга России. Т.1. Ростов-на-Дону. 2005. С.169.

[3] См.: Иванов М.А. Указ соч. С.45-46; Сулейманов Ахмад Указ. соч. С.13-27; Экциклопедия культур народов Юга России. Т.1. С.168-169; Основные статистические данные и список населенных мест Чеченской автономной области на 1929-1930 год. (Далее: Основные статистические данные и список населенных мест...). Владикавказ, 1930. С.81.

Следует отметить, что отдельные средневековые селения из указанных - Мужичи, Гандал босс, Хуттунчи и другие располагались на северных склонах Пастбищного хребта, т.е. в низкогорной зоне, но политически они входили в Мержойский союз.

[4] См.: Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в ХУШ-начале Х1Х века. М., 1974. С.166; Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.13.

[5] Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1963. С.50-51.

[6] Об Ингушетии и ингушах: «Терские ведомости» 1868-1878. Вып.2. Магас-СПб., 2003. С.166.

[7] Иванов М.А. Указ соч. С.45-46.

[8] См.: Руско-кабардинские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.95; Русско-чеченские отношения. Вторая половина ХУ1-ХУП в. Сост. Е.Н.Кушева. С.55; Аталиков В.Т. Вайнахи в XVIII веке по известиям европейских авторов // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С.120; Гильденштедт И.А. Указ соч. С.242-243; и др.

[9] См.: Русско-чеченские отношения... С.281; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.100, 166.

[10] ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.524. Л.36 об.

[11] Русско-чеченские отношения... С.281-282 (примеч. к док. № 22).

[12] См.: Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Из истории классовых отношений и антифеодальной борьбы карабулаков в XVIШ в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI - нач. XX в.) Грозный, 1980. С.45-46; Бирюков Андрей. Дела давно минувших дней // Журнал «Дош». № 4. М., 2004. С.2.

[13] Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII - начале XIX века. Грозный, 2002. С.393; В данном случае речь могла идти и о «укреплении» ислама, так как не все горцы признававшие себя мусульманами, выполняли требуемые обряды.

[14] См.: Арсаханов А.А. Аккинский диалект в системе чеченского языка. Грозный, 1958.

[15] См.: Иванов М.А. Верховья р. Гехи // Записки КОИРГО. Т.15. Тифлис. 1902. С.283; Основные статистические данные и список населенных мест... С.82-83; Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му января 1883 года (Интернет); Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.45-56.

См., также карту «Аккинское общество в 60-х годах XIX в.», составленную Н.Г.Волковой (Указ. соч. С.191).

[16] См.: Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С.82; Интернет: http://www.vainah. org/gorum/arhive/index.

[17] Лаудаев Умалат. Чеченское племя // Сб. сведений о кавказских горцах. Вып.VI. Тифлис, 1872. С.58; Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004. С.40-42.

[18] См.: ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.524. Л.35 об.; Иванов М.А. Указ. соч. С.46; Интернет: http://www.vainah. org/gorum/arhive/index.; http://www.Rambler.ru/grch?oe=1251.

[19] См.: Иванов М.А. Указ соч. С.288-290.; Основные статистические данные и список населенных мест... С.83; Сулейманов Ахмад Указ. соч. С.56-64; Об Ингушетии и ингушах: газета «Терские ведомости» 1868-1878. Вып.2. С.165; Русин Ф.В. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. Изд.2-е. Нальчик, 2008. С.90.

[20] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские дела, 1771. Кн.2. Л.188 об.; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.157-158.

[21] Сулейманов А. определяет топоним «Аларой» как зимовье (Указ. соч. С.319, 321), в то же время топониму «Ялхой/Ялхара» он придает значение «данники», оставляя вопрос о значении «Ялхара» открытым (Указ. соч. С.38).

[22] Названный аул располагался на истоке речки Мереджи (приток Фортанги).

[23] См.: Иванов М.А. Указ соч. С.275, 277; Основные статистические данные и список населенных мест... С.82; Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.38-45.

[24] Интернет: http://www.vainah.org/gorum/arhive.

[25] Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. Перевод Т.К. Шафрановской. Ред. Ю.Ю.Карпов. СПб., 2002. С.241; См. также: Анчабадзе Ю.Н., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XУ1-X1X века. // Материалы к серии «Народы и культуры.» Вып. XXУП. Народы Кавказа. Кн.1. М., 1993. С.70.

[26] РГАДА. Ф.379. Оп.1. Д.524. Л.35 об.

[27] Берже А.П. Указ. соч. С.82; См., также Иванова М.А. (Указ соч. С.278), который пишет о горных лугах Ялхароя и о выращивании здесь ячменя, овса и пшеницы.

[28] См.: Иванов М.А. Указ.соч. С.292; Основные статистические данные и список населенных мест... С.82; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Указ. соч. С.61-64; Сулейманов Ахмад. Указ.соч. С.64, 66-82; Русин В.Ф. Указ.соч. С.90.

[29] Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Журнал «Латта». Б/н. Грозный, 2002. С.35-36; и др.

[30] См.: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.1. Грозный, 1967. С.48; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия... С.172; Кобычев В.И. Указ. соч. С.36.

[31] См.: Ошаев Х.Д. В сердце Чечни // Революция и горец. № 8. Ростов-на-Дону. 1930. С.4; Умаров С.Ц. Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в горной Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Т.2. Грозный, 1968. С.229; Сулейманов Ахмад Указ. соч. С.64; и др.

[32] См.: Гильденштедт И.Г. Указ. соч. С.242; Волкова Н.Г. Этнический состав... С.189, 191-192.

[33] См.: Основные статистические данные и список населенных мест... С.115; Сулейманов Ахмад Указ. соч. С.82.

[34] Русско-чеченские отношения... С.42.

[35] Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.86, 89.

[36] См.: Волкова Н.Г. Указ. соч. С.163, 191; Ильясов Леча. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М., 2004. С.276; и др.

[37] Согласно «Списку населенных мест Терской области по сведениям к 1-му января

1883 года» в Пешха оставалось всего 13 обитаемых дворов и 83 жителя обоего пола.

[38] По крайней мере, в конце исследуемого периода общество Нихалой (по существу один аул) находившееся в союзе с Гучум-кхелла войдет в Шатойский союз.

[39] РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.1. Л.226.

[40] Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.203.

[41] Цогуной вплоть до основания на его месторасположении царской крепости Шатой в 1858-1859 г. находилось на правом берегу Чанты-Аргуна.

[42] См.: Список населенных мест Терской области к 1-му января 1883 года (Интернет); Основные статистические данные и список населенных мест... С.104-107; Схематическая карта горной территории Чечено-Ингушской АССР (по состоянию на 1.01.1941 г.) - Русин В.Н. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. Изд.2-е. Нальчик, 2008; Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.203-213.

[43] Интернет: http://hghtd.yandex.net/yandbtm?url...

[44] Руско-чеченские отношения... С.15.

[45] Русско-чеченские отношения... С.166-167, 183-184.

[46] РГВИА. ф.482. Оп.1. Д.1. Л.226; Русско-чеченские отношения... С.183.

[47] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1758 г. Оп.115/1. Д.11. Л.65-65 об.; Русско-чеченские отношения... С.167, 202-203.

[48] См.: ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.524. Л.138 об.; Русско-чеченские отношения... С.112-113, 184; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С.27.

[49] РГВИА. Ф.414. Оп.1. Д.300. Л.65.

[50] Русско-чеченские отношения... С.111-112, 166.

[51] Информатор Кантаев Харон, 1910 г.р. из сел. Старые Атаги Чеченской Республики. Название аула от «torlи» - «приречная равнина» и «чахкари» (от «чахка/чахкари» - быстрина). - См.: Ваганов А.Д. Словарь географических терминов чеченского языка. Грозный, 2008. С. 135.

[52] Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.214-215; См. для сравнения «Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му января 1883 года» (Интернет).

[53] См.: Основные статистические данные и список населенных мест... С.100; Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.248-249.

[54] Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа... С.55; Гильденштедт И.А. Указ. соч. С.243.

[55] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д.18508. Л.9 (Копия); АВПРИ МИД РФ. Ф.Кизлярские дела, 1771 г. Кн.2. Л.187-188; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.158.

Для сравнения можно указать, что к 1851 г. Галашевское общество включало в себя 30 аулов (395 дворов) с 2131 жителями. См., Энциклопедия культур народов Юга России. Т.1. С.77.

[56] РГВИА. Ф. ВУА. Д.18508. Л.12 (копия).

[57] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д.18508. Л.10 (Копия); Волкова Н.Г. Указ. соч. С.157.

[58] См.: РГАДА. Ф.379. Оп.1. Д.524. Л.36 об.; Броневский С. Указ. соч. С.181-182; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.163-164.

[59] Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.13.

[60] См.: Интернет: http:hghltd.yandex.net/yandb-m?url...

[61] См.: Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII в. Т.2. М., 1957. С.240; Гантемирова Г.А. К истории карабулаков // Известия Чеч.-Инг. республ. краев. музея. Вып.XI. Грозный, 1957. С.71.

[62] РГАДА. ф.379. Оп.1. Д.524. Л.37-37об.

[63] См.: Гантемирова Г.А. Указ. соч. С.70; Ахмадов Т.М., Ахмадов Я.З. Из истории классовых отношений борьбы и антифеодальной борьбы карабулаков в ХУШ в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1980. С.45-46, 51; Бирюков Андрей. Дела давно минувших дней // Журнал «Дош». № 4. М., 2000. С.2, 4.

[64] Между самым западным обществом низкогорной зоны на протяжении почти 60-70 км до р. Басс на востоке (от которой начинаются селения нахчмахкоевцев) лежит полоса Лесных (Черных гор), которая практически не была заселена в XVIII в. Причиной тому были не только неблагоприятные почвы, густые малопроходимые леса и высокая увлажненность, но и то обстоятельство, что вся эта полоса была как бы «нарезана» между лежащими выше среднегорными

обществами вплоть до склонов передовой к плоскости горной полосы. Она составляла и стратегические подступы к среднегорью и, лесные дачи, используемые горцами относительно безлесной верхней зоны.

[65] Попов И.М. Ичкерия (историко-топографический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.IV. Тифлис, 1870. С.1.

[66] См.: Волкова Н.Г. Указ. соч. С.178-184; и др.

[67] Анчабадзе Ю.Ф., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI-XIX века... С.136.

[68] Бакиханов А.К.-А. Гюлистан - Ирам. Баку, 1926. С.90; возможно из контекста данного свидетельства и более широкое толкование «Мичикич» как всей равнинной и восточной части Чечни. Но реально данный топоним ограничивался большей частью Восточной Чечни.

[69] См.: Попов И.М. Указ. соч. С.1-23; Основные статистические данные и список населенных мест... С.91-96; Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.261-345.

[70] Интернет: http://maas.ucoz.ru/index/0-3

[71] Русско-чеченские отношения... С.15, 39, 62, 70, 91, 97, 121, 164-166; и др.

[72] Бакиханов А.-К.А. Указ. соч. С.111.

[73] См.: Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С.226; Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // История, география и этнография Дагестана. С.284; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.178-184; и др.

[74] См.: Хасиев С.А. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX - начале XX в. Ч.1. Нальчик, 2004. С.24-25.

[75] Умаров С.Ц. Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в горной Чечено-Ингушетии... С.242, 244.

[76] См.: Саидов И.М. Мехк-кхелл (совет страны) у нахов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. Ч.2. Тбилиси, 1968. С.201; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII - начале XIX века. Грозный, 2002. С.279-285; и др.

[77] Русско-чеченские отношения... С.70, 165.

[78] См.: Русско-чеченские отношения... с.70, 165; Мужухоев М.Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С.127-128, 140-141.

[79] Попов И.М. Указ. соч. С.14-15.

[80] Перевод надписи выполнен ученым-арабистом Т.М.Айтберовым (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН), в 1987 г.

§ 4. Плоскостная Чечня: от Курпа до Ярыксу, от Карабулака до Ауха. Феодальные владения

Основной составляющей истории Чечни и ее народа в XVI-XVIII вв. являлись реконкиста (отвоевание) и освоение плоскостных районов края от передовой линии гор на юге до берегов Терека на севере. Второй важной линией исторического процесса здесь являлась исламизация как духовно-идеологическая основа становления нации. Эти два процесса проходили в Чечне в один хронологический период.

В плане отвоевания и освоения плоскости большое значение имеет вопрос складывания западных равнинных границ Чечни

в связи с формированием и развитием плоскостных обществ и владений: Нижний Карабулак (Арштхой), Гехи, Чеченское владение, Алды, Атаги, Герменчиковское владение, Шали, Мичиговское общество, Брагуны, Качкалык, Ауховское владение и общество (Окоцкая земля, Окохи), а также обществ и владений Надтеречной зоны.

Следует отметить, что территория нахской реконкисты выходила за пределы современных границ Чечни. Так выход переселенцев из западных высокогорных и среднегорных обществ Галгай, Чулха, Цори, Джейрах, Мецхал в верхнее низкогорное междуречье (1,3 - 0,7 тыс.м) Терека и Сунжи состоялся, по крайней мере, в первой половине XVIII в.[1] Во второй половине XVIII в. селения западных нахов непосредственно приближаются к границе гор и плоскости по линии современных поселений Сунжа - Владикавказ. Складывается низкогорное общество Онгушт/Ангушт («Онгушлерцы», «Ингуши», «Ангуштинцы») имевшее выход на плоскость по Камбилеевке.

Становление западных границ Чечни. Проблема складывания западных границ края в предгорно-равнинных районах в XVI-XVIII вв. самым тесным образом связана с экспансией феодальной Кабарды на восток в XVI-XVII вв. и ее отступлением на запад в XVIII - начале XIX в.

Именно в XVI-XVII вв. на большом пространстве от Осетинской равнины на западе и Кумыкской плоскости на востоке, на путях сообщения между Дербентом и Азовом, между Дагестаном и Черкессией проходивших и в междуречье Терека и Сунжи, и через стратегически важные переправы в районе впадения Сунжи в Терек, разворачивается борьба между двумя крупными феодальными блоками северокавказских феодалов, условно разбитых на «кабардинскую» и «дагестанскую» партии (к которой, кстати, принадлежали и «демократические» общества восточной части Чечни). В этом стратегически важном районе позволявшем контролировать все пути-сообщения между Каспием и Причерноморьем пыталась утвердиться и Московская Русь, учреждая здесь крепости, остроги и казачьи городки на Терском хребте, по Сунже и Тереку.

Географические особенности равнинно-предгорной части Северо-Восточного Кавказа заключались в том, что в связи с заболоченностью Терско-Сулакского междуречья и его сложной гидрографией (огромное количество протоков и болот) все дороги ведущие из Приморского Дагестана неизбежно сходились как в бутылочное горлышко к району слияния Сунжи с Тереком.

Аналогично пути из Кабарды и Северо-Западного Кавказа в Дагестан и Прикаспий как проходящие по междуречью Терека и Сунжи, так и идущие степью по левому берегу Терека должны были сойтись в указанном районе. Поэтому за район слияния Сунжи с Тереком и готовы были вести войны не только Кабарда, Дагестан, Москва, но и Турция и Иран.[2]

В 1567 г. на Терской косе в районе впадения Сунжи строится первая русская крепость на Кавказе, а вокруг нее возникает система сторожевых казачьих городков. Именно с этого времени в борьбу за влияние в данном районе и на северо-западных границах Чечни вступает феодальная фамилия мурз Ишеримовых, сумевшая заполучить влияние даже в Дарьяльском ущелье под боком у сильнейших кабардинских князей.

В XVII в. географическая и политическая традиция того времени относит междуречье Терека и Сунжи (в границах современной Чечни) к т.н. «Малой Кабарде». Однако, никаких кабардинских поселений здесь никогда не было и единственная попытка служилого терского князя Муцала Сунчалеевича утвердиться селениями в районе слияния двух рек под защитой Сунженского острога в середине XVII в. вызвала феодальную войну, закончившуюся победой дагестанской феодальной партии при поддержке Ирана.[3]

Вместе с тем, следует учитывать временные поселения кабардинцев, отличавшихся полукочевым типом скотоводческого хозяйства. Широко были разбросаны и курганные могильники кабардинской знати (XV-XVI вв.): на территории современной Чечни и Ингушетии они встречаются у селений Кеске, Камтышево, Назрань, Плиево, Карабулак, Бамут, Ачхой-Мартан и Нестеровская.[4]

Малокабардинские аулы расселяются в районе «щелей» Дарьяльского ущелья, по направлению от Дарьяла к урочищу Мэздаку (Моздок) на Тереке, по р.Курп (впадающей в Терек выше Моздока) и у подножия Малгобекского хребта, орошаемого речкой Пседах (до 30-х гг. XVIII в.). В пределах собственно Малой Кабарды в 1744 г. насчитывалось 48 княжеских селений, из которых 12 располагались по «верхней» Сунже и в районе её правобережных притоков Назрани и Эндерипсу (Яндери). Задолго до 1781 г., когда здесь побывал путешественник Штедер от селений кабардинцев оставались только развалины, а стоянки князей находились намного западнее Яндери и Назрани по рр.Камбилеевка и Пседах. На картах второй половины XVIII в.в

предгорной части течения Камбилеевки значатся ингуши, а южнее Сунжи карабулаки и галашевцы.[5]

Следует вместе с тем отметить, что теряя прямое господство над землями по Сунже и Терскому хребту кабардинские князья вступали с новыми предгорными и плоскостными селениями нахов в политические отношения, воспринимаемые первыми как «данничество», а собственно горскими аулами как взаимное соглашение по которому княжеские дружины выполняли роль «охраны», а князья брали на себя управленческие функции и представительствовали во взаимоотношениях с соседями. В случае «неудовольствия», нахские общества меняли князей и отдавали предпочтение другим горским князьям. Так, в XVIII в. подобные представительские функции в Карабулаке выполнял эндерейский князь Аджи Муртазали.

Документ 1757 г. подтверждает прохождение границы между Чечней и Малой Кабардой по правобережью 20-ти верстного притока Терека речки Курпа: так чеченский князь Расланбек Айдемиров был намерен встретить в Кабарде торговый караван из Крыма и «препроводить... чрез гребню урочища Кулауса в Чечни. Оное же урочище Кулаус состоит на чеченской стороне расстоянием от р.Курпа вниз (к востоку - Я.А.) по примеру верстах 10...»[6]

Указанный князь не только провожал караваны, но и брал пошлины с торговых людей, двигавшихся между Кабардой и Прикаспием, и именно по дороге, начинающейся «от реки Курпа». Другой документ от 1764 г. утверждает, что при речке Курп «кабардинские жилища и им принадлежавшие земли оканчиваются...»[7]

В XVIII в. происходит своеобразный качественный поворот в отношениях Чечни и Кабарды, нашедший своеобразное отражение и в кабардинском песенном фольклоре: «Из Чечни приходят / И страну грабят. / Чечня издавна - / Страна враждебная...»[8]. О результатах подобной перемены написал и С.М.Броневский: «Усилившиеся набеги чеченцев с границы Малой Кабарды принудили их оставить им (присунженские и притеречные. - Я.А.) земли...»[9].

Большие (Нижние) Карабулаки. Обществу Арштхой низкогорной зоны было положено начало не позже первого десятилетия XVIII в. Возможно, что карабулаки (под именем бальсунцев) находились на границе плоскости и гор и в 1732 г., когда их атаковали «исламские» отряды с целью утверждения ислама».[10] В процессе реконкисты арштхойцы-карабулаки к

середине XVIII в. спускаются на плоскость и в течение нескольких десятилетий осваивают территорию примерно от современного селения Плиево (в Ингушетии) до Серноводства (в Чечне). В документе 1762 г. было отмечено, что землями «от речки Галаша (Шалажинка. - Я.А.)... до вершин Сунжи и Ахкиюрта места... владеют... карабулатцы».[11]

Возникновение нового карабулакского общества на плоскости, которое мы условно назвали Большими или Нижними Карабулаками (в отличие от Верхних Карабулаков), было обязано выходцам из тех же кланов среднегорной зоны Чечни как: цечой, галай, мержой, нашхой, аьккхой и ялхарой.

Так, в 1762 г. в переговорах с российскими властями, из выселившихся на плоскость арштхойцев участвовали представители фамилий: «Мережиевой..., Татыховой (Даттых. - Я.А.)..., Чечугаевой..., Мацкутаевой..., Элхургалиевой (Ялхарой. - Я.А.)..., Аокаевой (Аьккхи. - Я.А.)..., Канбуковой». Старшины указанных «фамилий» заявили, что согласных к переселению под патронажем русских властей и кумыкского князя Муртазали-Аджи (представителя карабулаков на переговорах с царскими властями) считается 500 дворов, но есть еще 500 дворов «не согласных» к переселению на «чистые» места.[12]

В других источниках численность карабулаков определяется в 200-300 дворов, а «знатнейшим» старшинским родом считается «Боко». Главным селением их называют то Боко с 40 дворами, то Фортан-аул с 80 дворов. В документах говорится также о «деревнях» Гандалоевых, Фиразовых, Бузартыевых, Кориговых и Булгучевых на рр.Ашт-Мартан, Яндери и т.д. Есть цифра и в «100 деревень».[13]

Границы нового равнинного общества были названы в том же 1762 г. и записаны со слов их соседей гехинцов: «от Галаша (р.Шалажи - правый приток Фортанги. - Я.А.) до вершин Сунжи и до Ахкиюрта места, тако же до Малой Кабарды, под владением андреевского владельца Аджи Муртузалия состоят, которыми де владеют подвластные ево карабулатцы».[14]

Следует отметить, что и И.А.Гильденштедт (не позже 1771 г.) отмечает, что притоки Сунжи «Ашган, Валарек и Галаш» на плоскости относятся к «округу карабулаков», где они имеют «выгоны для скота», но никак не жилища. При этом надо учесть, что согласно преданиям на эту часть плоскости, в бассейне Шалажинки претендовало и среднегорное общество Ялхарой.[15]

Западная граница карабулаков по течению Сунжи ограничивалась малокабардинскими владениями, находивши-

мися в 60-70-х гг. XVIII в. выше по Сунже впадения рр.Яндери и Назрани. Северная граница шла вначале по правому (южному) берегу Сунжи, а где-то в начале XIX в. карабулаки заселяют и левый берег Сунжи. Южная граница общества проходила по подошве гор, но носила весьма условный характер, так как связь с Верхними Карабулаками была тесной.

В 1771 г. русские документы со слов очевидцев указывают, что «деревня... Большие Карабулаки» находится «на ровном месте возле гор, и в ней считаются з 200 дворов». Это селение было в урочище «Карасу-Яндырь» при впадении Ассы в Сунжу полагают современные исследователи.[16]

Система управления в обществе зиждилась на власти старшин: «У них нет князей, только старшины. Они говорят на киштинском [языке] в [его] чеченском или мицшегском диалекте» утверждал И.А.Гильденштедт. Вместе с тем, документы утверждают о известной роли того же князя Муртузалия-Аджи во внешних связях карабулаков; претендовали на власть в «Карабулаках» и кабардинские князья, и некие «чеченские» (из Чеченского владения) влиятельные фамилии».[17]

Видимо претензии феодальных соседей были вызваны и неопределенностью религиозного выбора карабулаков. Где-то в 70-х гг. XVIII в. один из религиозных авторитетов Северного Дагестана требовал от горских князей не нападать более на плоскостных карабулаков, так как они «стали настоящими мусульманами». Тем не менее, только к началу XIX в. карабулаки (и верхние и нижние) «все без изъятия исповедовали магометанскую веру, имели мечети и муллов».[18] Это обстоятельство окончательно втягивает Карабулак в этнополитическую систему Чечни.

Согласно данным собранным исследователем Г.А.Гантемировой традиционные отрасли хозяйства карабулаков второй половины XVIII в. находилось в самом цветущем состоянии. Хлебопашество и скотоводство, дополняло развитое пчеловодство.[19]

Таким образом, на западной оконечности равниной Чечни сложилось динамично развивающее объединение, поддерживающее самые тесные связи со своей горной отчизной и устанавливающее дружеские связи с равнинными соседскими общинами, исповедывающими ислам.

Нельзя не указать на то обстоятельство, что с выходом карабулаков на плоскость и с изобилием продуктов (связанным с усиленным занятием хозяйством), здесь происходит

своеобразный демографический взрыв. К первой четверти XIX в. в «6 немирных и 19 покорных» селений чеченцев-карабулаков русские наблюдатели насчитывают 868 дворов, 8600 душ, 2000 пеших и 1200 конных ополченцев.[20]

Гехи/Гихта. Одно из крупнейших обществ Чечни, основанное, согласно преданиям, на плоскости во второй половине XVII в. выходцами из Аргунского и Галанчожского ущелий. Этимология названия головного аула на первый взгляд производна из: «Гихта/Гехит1а - «на Гехи», селение на речке Гехи (лингвист А Ваганов связывает топоним «Гехи», как и «Чечен» с определением «красивый, живописный»).

Границы общества заключались в пространстве: на западе — между бассейном рр.Шалажи и Фортанги, на севере граница шла по течению Сунжи, на востоке — в междуречье рр.Мартан, Гойта (Г1ой), на юге — по линии передовых Лесных гор.

К XVIII в. кроме Карабулака на западе, Гехи граничили с Чеченским владением и Алдинским обществом на востоке, с среднегорными чеченскими обществами в верховьях Гехи и Мартана на юге, а на севере гехинцы пытались осваивать междуречье Сунжи и Терека в секторе от впадения Ассы в Сунжу до впадения Гехинки в ту жеСунжу и до урочища Наур на Тереке.

Кроме головного аула Гехи на указанной территории находились и другие небольшие селения и хутора: Мозархойн-юрт, Хадизан-юрт, Альтмиран-аул, Довта-юрт, Гехичу, Чармахой-к1отар, и другие.[21]

Если в 1762 г. число дворов в «деревни Кыхы» определялось чеченским князем Расланбеком Айдемировым «сот с восимь», то в сообщении от 1771 г. говорится о 200 дворах, а на карте Чечни конца XVIII - начала XIX в. приводится цифра 300 дворов.[22] По всей видимости, Расланбек вел речь о населении всего Гехинского общества.

Фамильный состав Гехинского общества складывался из галанчожских кланов (к примеру в документе 1783 г. названа «Нашахлыева фамили») и нахчмахкоевских (в том же 1783 г. упоминается фамилия «Харачукова» (Харачой)[23].

Управление в Гехинском обществе осуществлялось «тамошними старшинами и народом» (т.е. народными собраниями), которые считали себя «на самовольном положении, никакой державе и ни владению независимыми». Однако во взаимоотношениях с внешним миром, включая российские власти на Тереке, гехинцы прибегали к помощи инонациональных князей: чаще всего к аксайским (кумыкским)

и кабардинским, а порой и к тем и другим.[24] Так, когда в 1782 г. более сотни гехинских семей во главе с старшинами «Казия, Канбулата, Нулука, Буртакая, Козламата и Пуча» переселялись на левый берег Сунжи «против станицы Наурской», то аманатов (заложников) в знак соблюдения «верности к России» было решено отдать «в руки кабардинского владельца Девлет-Гирея Касаева» подданного России, а для «наблюдения порядка» в новом поселении вызывался быть представитель другого князя - «владельца Навруза сына Дохшуки».[25]

Чеченская народная историческая традиция говорит о трех первых чеченских селах на Чеченской равнине, возникших в XVII в. - это Чечен-Аул, Большие Атаги и Гехи. На момент их основания все жители были мусульманами. Поэтому и общество Гехи и в XVIII в. было населено исключительно чеченцами-мусульманами, имеющими мечети и мулл.

Гехинцы традиционно занимались земледелием и скотоводством, имея для этого весьма благоприятные условия. Однако миграция горского населения и собственный демографический рост приводил к определенному земельному стеснению. В последней четверти XVIII в. выходцы из Гехов во главе с старшиной Кайтукой закладывают новый аул «Кулары» (Г1улар) при впадении Гехинки в Сунжу. С участием западных соседей - карабулакских «фамилий» закладываются и другие гехинские колонии выше по Сунже отмеченные путешественником Клапротом в 1807 г. «Самашки, Каку-Юрт,... и Заки-Юрт».[26]

В первой трети XIX в. складывается понятие «Гиххой-Мохк» (Страна гехинцев), которая охватывала пространство между рр.Мартаном и Фортангой и играла важную роль в политической жизни всей Чечни, став системообразующим ядром еще более крупной области - Малой Чечни (от междуречья Аргуна-Гойты, до бассейна Сунжи в верхнем течении и Ассы).

Чеченское феодальное владение (общество Чечен-Мохк). Чеченское феодальное владение и собственно Чеченское общество образовались в середине XVII в. в центре Чеченской равнины на р.Аргун. На западе оно соседствовало с Гехинским обществом (предположительно по р.Г1ой (Гойты), на севере безлюдное пространство Терско-Сунженского междуречья считалось подконтрольным чеченским князьям, на северо-западе на левом берегу р.Сунжа к XVIII в. располагались земли Алдинского общества. На востоке граница шла в основном по руслу Аргуна вплоть до ее впадения в Сунжу, на северо-востоке

за Сунжей находилось Брагунское владение. По правобережью Аргуна, по крайней мере, в XVIII в. чеченские земли граничили с Герменчиковским обществом, а на юге (где располагались в пойме Аргуна т.н. Большие и Малые Атаги, в т.ч. и Чахкар-Атаги, до определенного времени входившие в состав Чеченского владения) граница шла по подошве Лесных (Черных) гор.

Указанное владение и общество, давшее по существу название целому народу и стране («Чечня», «чеченцы»), занимало не только плодородный участок Чеченской равнины, но и стратегический важный район: к северу от Чечен-аула находится Ханкальское ущелье между двумя горами Суьйр-Корт, единственный удобный путь с Терека ведущий во внутреннюю часть Чеченской плоскости, с юга чеченские владения закрывали выход из огромного Аргунского ущелья дотянувшегося одной «веткой» до Грузии, а другой «веткой» до Дагестана.

Существует несколько концепций возникновения собственно Чечен-аула и владения: от легенды о «первой заимке» земель на Аргуне князьями Турловыми (из владения Гумбет в Дагестане), до рассказа о передаче им чеченских земель эндерейскими князьями в уплату «за кровь» (т.е. убийство одного из Турловых), от предания о некоейЕче заложившей с сыновьями Чечен-аул или о приглашении Турловых на «княжение» селением Чечен-аул, до концепции о «разрастании» единого аваро-чеченского княжества-государства от Гумбета до низовий Аргуна.[27]

Собственно Чечен-аре (Чеченская плоскость, равнина) скорее всего стало производным для названия селения Чечен-аула. В свою очередь происхождение указанного топонима можно свести к заболоченным участкам, поросшим камышом в окрестностях аула. Камыш - по чеченски имеет вариантное название «шач/чач». Этим камышом издревле покрывали в ауле крыши. Но есть и другие объяснения.[28]

Этнографические данные показывают, что первопоселенцами Чечен-аула выступили представители таких обществ как: гуной, цонтарой, эхишбатой, ялхой (бийтарой), макажой, к которым затем присоединились - харачой, зандакой, аларой, гордалой, айткхаллой, чермой, аьккхой и шоной. Фамильный состав собственно владения и общества был значительно шире чеченаульского списка. Так в южной части, в селениях предгорья превалировали шатоевские кланы - саттой, келой, варандой, пхьамтой и другие. В северной части были представлены, кроме вышеназванных нахчмахкоевских

выходцев, еще беной, гендергеной, бильтой, ширдой и др.[29]

Первые документальные известия о появлении аварских князей Турловых из Гумбета (Северный Дагестан), имевших давние союзнические связи с «мичкизами», «окочанами» и «шибутами», на сунженских землях Чечни относятся к 1648 г. Именно тогда, часть гребенских казаков живших в городках на Терском хребте, потребовала от терских воевод сноса поселения «уварских мурз» поселившихся не в дальнем расстоянии от впадения Сунжи в Терек. В ответ воевода В.Оболенский «велел тех уварских людей городки разорить...», после чего и совершилось переселение Турловых на правый берег Сунжи, на р.Аргун на «поляну Чечен-Тала». Этот факт состоялся до 1658 г., когда здесь уже «сидели» такие владельцы как «Загастунка (Загаштук. - Я.А.), да Алибечко (Алибек. - Я.А.), да Алиханко (Алихан. - Я.А.), да племянник их Кучбарка (Хучбар. - Я.А.).[30]

Вследствие родства братьев Турловых с аварским ханом, грузинский царевич Николай, следовавший из Закавказья на Терек аргунским маршрутом, назвал поселения последних на Аргуне «Уварское меньшое владение», а грузинский епископ Епифаний определил того же Алихана как «Кумыцкого мурзу». Наконец, по крайней мере, с 1675 г. этническое лицо Турловых определяется в документации как «чеченские мурзы».[31]

К 1720 г. в «Чеченцах» было «семь местечков и другие села и деревни», а головным селением считался аул «Буюк-Кент» (Бух1ан-юрт) более известный как Алда (позднее выделившееся в отдельное владение и общество). В 1726 г. численность «подданных» чеченских князей скорей всего мужчин исчислялась в 5 тыс.человек. В 1732 г. русский офицер Д.Ф.Еропкин центром Чеченского владения называет «деревню» Чечен и того же владения поселения: «1. Хажи Али-аул, 2. Астанкул, 3. Жатага, 4. Шихкирей, 5. Сурь, 6. Хамбат-аул, 7. Башен-баха-аул, 8. Алда».[32] В 1770 г. И.Гильденштедт установил на р.Аргун наличие больших сел «Чечен и Хаджи-аул», а также «Сире» (Суйр-Корт), «Янгегерт» (Янги-юрт), «Шахгери» (Чахкирей), «Шареин» (Шавдон. -?), «Тага» (Атага), «Докон Атага» (Йокха Атаг1а - Большая Атага). По крайней мере, три из них: Чечен-аул, Алда и Хаджи-аул имели по 500 дворов, а Чахгирей - 200. Встречаются в документах конца XVIII в. и куда большие цифры: «Четчен» - 1200 дворов, «Большая и Малая Атагга» - 1100 дворов, «Топли» - 200 дворов, «Шахкеринская» - 300 дворов. Населенность всей Чеченской плоскости на рубеже XVIII-XIX в. заключалась примерно в 8 тыс.дворов.[33]

Жители Чеченского владения-общества, занимая центральную часть Чеченской равнины и оказавшись в соседстве с развитыми российскими, кумыкскими и кабардинскими районами говоря словами первого чеченского этнографа Умалата Лаудаева «сообразуясь с условиями своей земли, ... обзавелись лучшим хозяйством, развели рогатый скот, лошадей, овец и пчел и устроили прекрасные сады. Они сеяли преимущественно пшеницу, просо и ячмень». Чечен-аул «преимущественно перед прочими, был обширен, лучше обустроен, имел лавки (тукен), на порогах которых виднелись армяне, евреи и кумыки». Экономическое развитие района привело к хозяйственной экспансии плоскостных чеченцев за Сунжу к Тереку, где они вступили в борьбу за пастбища и покосы с гребенскими казаками и жителями Девлет-Гирей-аула (основанного в 50-х гг. XVIII в.[34]

В целом, в XVIII в. именно в Чеченском обществе и на всей Чеченской равнине, был достигнут тот хозяйственный переворот, приведший к появлению товарного хлеба и зернового рынка. В свою очередь это обстоятельство придало такую динамику развитию края, что его воздействие распространилось и за пределы Чечни.

Соответственно росту населения и числа аулов Чеченского владения и дроблению местных княжеских фамилий здесь наблюдаются центростремительные процессы. Уже в 1746 г. Чеченское владение было разделено «на трое», хотя и в рамках одного общества. С образованием новых, сугубо «княжеских» аулов на плоскости было произведено территориальное размежевание: «Росланбеку Айдемирову с подвластными по Сунже реке от урочища Айдемирова броду до Мырханова (Амирханова. - Я.А.) броду, а от Айдемирова-броду по Сунже реке до Топленского броду Алисултанова земля, а от Мырхан-кечу до Кихие (Гехи. - Я.А.) топлинского народа земля».[6358]

В результате социального кризиса и роста антифеодальных настроений, усиления политической и экономической состоятельности чеченского крестьянства местная титулованная знать теряет силу и фактически уходит к 90-м гг. XVIII в. со своими холопами и узденями на правый берег Терека под защиту российских властей. Следует отметить, что в любом случае система княжеского управления в Чеченском владении сочеталась с общинной, «крестьянской». Здесь в полную силу действуют народные собрания и советы старейшин, которые порой самостоятельно вступают в переговоры с российскими властями на Тереке. Более того, в 60-80-х гг. XVIII в. письма из

чеченских аулов кизлярским комендантам идут либо от «чеченских народов больших и малых», либо от «чеченского владельца... старшины и все народы», либо от «старшины и владельца...». Более того, царские власти начинают брать аманатов от старшин чеченских селений, а не от князей.[36]

С конца XVIII - начала XIX в., с учетом закончившегося национально-освободительного движения горцев Чечни и Северного Кавказа под руководством имама Мансура, общественный переворот в равнинной Чечне состоялся. Теперь селения чеченцев, «управляются старейшинами по летам во всякой фамилии со участием кадия (исламский судья, авторитетный богослов - Я.А.)».[37]

Собственно Чеченское общество также распадается, в связи с значительным ростом населения и населенных пунктов. От Нахч-Мохка и Качкалыка на востоке до Гехинской земли на западе складывается региональное объединение Большая Чечня. Наряду с другими сюда вошли Чеченаульское, Атагинское, Сунженское, Чертугаевское, Герменчиковское, Шалинское и другие вольные общества, насчитывавшие на рубеже XVIII-XIX вв. до «24 деревень».[38]

Заселение левого берега Сунжи. В процессе освоения Чеченской равнины расположенной в зональном направлении (между течением р.Сунжи на севере и передовой цепью горного массива на юге) в XVII-XVIII вв. довольно рано наметилось явление «заполненности» плоскости и появилась потребность освоения новых земель пригодных первым делом для развития пашенного земледелия, а во вторую очередь и для скотоводства. Надо отметить, что те же подвластные чеченских князей по Аргуну задолго до середины XVIII в. использовали левобережную часть Сунжи и часть Терского хребта для сенокосов и выпаса скота.

Начиная со второй половины XVIII в. чеченские князья, старшины и лично свободные крестьяне-уздени все чаще переходят на противоположный берег Сунжи. Здесь образуются такие селения как Амирханов Брод и возможно Сарачан-юрт, основанный предками юнкера Ахтахана (из клана Эхишбатой) на праве личной собственности. На Сунже, «напротив» станицы Наурской на Тереке поселился в 80-х гг. XVIII в. гехинский старшина Кайтука, в 1781 г. чахкеринский владелец Алихан (Алхан) Нурмаматов информировал русские власти в Кизляре о своем переселении за Сунжу «при урочище Тегенек-Тама» (скорее всего район современного селения Алхан-кала).[39]

Пастбища и покосы указанных и других новых селений по узкой равнине по левому берегу Сунжи немедленно выдвигалисб к северу на склоны Сунженского, а то и дальше к Терскому хребтам.

Согласно данным начала XIX в. активно осваивали левобережные земли по Сунже карабулаки, гехинцы, чечен-аульцы, алдинцы и другие правобережные аулы и общества. По данным 1829 г. по правому берегу Сунжи было 70 чеченских селений (возникших в XVII-XVIII вв.), а по левому берегу 10 селений и 30 хуторов (образовавшихся начиная с 70-80-х гг. XVIII в. по 1829 г.).[40]

Герменчик-Шали. Считая старейшим селением на равнине Чечен-аул, первый чеченский этнограф Умалат Лаудаев опираясь на народные предания, писал: «Затем явились и другие аулы: Герменчик, Майр-Туп, Гехи и прочь».[41] Границы Герменчиковского общества, представлявшего собой союз двух крупных аулов (Герменчик и Шали) заключались между течением Аргуна на западе (за исключением двух-трех участков занятых жителями Чеченского общества) и р.Хулхилау на востоке, северная граница (проходила примерно линии соединяющей современный г.Аргун и с.Мескер-Юрт) не доходя до впадения указанных рек в Сунжу; южная граница шла по подошве передовой цепи Лесных гор. Соответственно на западе общество граничило с Чеченским владением, на севере большой протяженный массив Джалкинского леса и течение Сунжи отделяли Герменчик географически от Брагунского владения, участок равнины на востоке за Хулхилау и до р.Мичик заселялся со второй половине XVIII в. нахчмахкоевскими выходцами. На юге, в горах располагалась федерация нахчмахкоевских вольных обществ выходцы из которых и положили начало указанному равнинному обществу.

Этимология топонима Герменчик имеет древнюю евроазиатскую основу - «кермен» (укрепление, крепость).[42] Топоним Шали скорее всего имеет местную основу - «шела/шала» (букв., двойной, раздвоенный).

Вокруг Герменчика и Шали на р.Басс (в нижнем течении Джалка) и в междуречье Аргуна и Хулхилау существовал целый ряд более мелких поселков и хуторов, чьи названия имели характерную для плоскости приставку «ойл» (аул) или «юрт», что подразумевает постоянный характер поселения. Это Инин-аул, Дилмин-аул, Балой-юрт, Ганжби-аул, Шамирзин-аул,

Мяхтин-аул, Уддин-аул, Сержень-юрт, и др. Основателями населенных пунктов Герменчиковского общества являлись следующие фамилии из Нахч-Моххa: аларой, беной, дишний, цонтарой, чартой, эрсаной, эхишбатой, харачой, чартой, эрсаной, ширдой (последние считались первопоселенцами), из аргунских обществ Горной Чечни: чиннахой, вашендарой, а также макажой, хой (из Чеберлоя) и др. Интересно отметить наличие здесь фамилий дагестанского происхождения, как: таркхой, г1азг1умкий, сюлий, куьбчий.[43] В том же Шали существовала и фамилия «чергзий» (черкесы, кабардинцы).

В документах царских властей на Тереке общество Герменчик начинает фигурировать в 40-х гг. XVIII в., однако косвенные данные говорят о его существовании еще в XVII в. Так, отмечалось, что в «Гребенчуках» прежде «жили» (в смысле имели присутствие) князья «Каспулат Сунчалов, Казаналп и Адилгирей Чупал Шамхаловы».[44] Первый - был служилый терский князь Каспулат Муцалович Черкасский (Сунчалеев), чья политическая деятельность пришлась на конец 60-х - начало 80-х гг. XVII в. Возможно, что он и приводил новое общество на плоскости к присяге подданства России, как и практиковалось в то время. Другие имена относятся к линии аксайских и эндерейских кумыкских князей упоминаемых в первой четверти XVIII в.[45]

Герменчиковское общество управлялось собственными старшинами и народными собраниями. В 1747 г. старшинская верхушка решилась на серьезный политический шаг, их делегация просит в Кизляре «о переселении их на чистые места (видимо на Сунжу. - Я.А.) и об определении во владельцы генерал-майора князя Эльмурзы Черкасского сына, кизлярского ротмистра Девлет-Гирея Черкасского» на что было дано официальное согласие императорского двора («допустить и определить») с условием принятия горцами присяги российского подданства.[46]

Благодаря приглашению Девлет-Гирея герменчиковцы получили право на свободный проезд в казачьи городки по Тереку и на вывоз товаров из Кизляра. На тех же условиях согласился войти «в зависимость... Девлет-Гирея» и аул Шали, а также жители «вновь переселившихся Кубатюбинской деревни 40 дворов...».[47]

Так сложилось на политической карте Чечни новое Герменчиковское феодальное владение. Однако просуществовало оно недолго. В 1751 г. Девлет-Гирей стал

владельцем пашни на Тереком хребте (в районе Теплых вод, напротив станицы Червленной), а в 1754 г. из-за «ослушания» подвластных он, оставив Герменчик, переселяется туда с холопами и узденями (вассальные дворяне). И хотя какие-то его связи с Герменчиком сохраняются (вплоть до пользования «княжеским участком» на герменчиковских землях), оно утрачивает статус владения.[48]

В посткняжеский период в Герменчиковском обществе уверенно управляют старейшины-старшины, которые обращаются и в Кизляр и к соседним князьям: «от гребенчуковских старшин Казия, Ханбия, Юсупа, Канмамета, Мирзубек-бея и Мурзахана... мы присланы от всего Гребенчуковского общества...».[49]

Развивая пашенное земледелие и скотоводство, торговлю и ремесла, прирастая за счет все возрастающего притока переселенцев из гор, Герменчиковское общество расширяется в своих географических пределах «сползая» к северу и наращивает экономическую самостоятельность. Происходит и усиление собственно аула Шали, которое превращается к концу XVIII - началу XIX в. в самостоятельное общество.

В первой четверти XIX в. Герменчик благодаря своей значимости превращается в своеобразную столицу Чечни: именно здесь происходят национальные собрания - Мехк-Кхеля, здесь на ступенях каменной мечети аула решают вопросы войны и мира с Россией.[50]

Мичиговское общество. В данном случае подразумевается небольшое общество сложившееся во второй половине XVIII в. по р.Мичиг (правый приток Гумса) и части Чеченской плоскости заключенной в углу между правобережьем Хулхилау (в нижнем течении называемой Гумс) текущей строго на север (к Сунже) и Качкалыковским хребтом, протянувшегося от Сунжи до Аксая.

Это новое Мичкизское общество было связано с Нахч-Мохком (Мичкизская земля, Ичкерия) и Качкалыковским обществом собственно фамильным составом, а, следовательно, и наличием родственно-политического союза. Так, некий Аласхан в середине XVIII в. «управлял» большим селением по Мичику, откуда в 1762 г. с 97 семьями перешел на северную сторону Качкалыковского хребта. Селение по Мичику стало называться Аласхан(Илисхан)-юрт. В «древних летах» переселились на слоскость, на р.Мичик и представители фамилии Харачой, о чем писал их потомок в 60-х гг. XIX в.[51]

Согласно данным этнографа Н.Г.Волковой в XVIII в. на территории общества появилось селение Курчалой и Аллерой, кроме того те же аллероевцы основали «Довлетбий-хутор и Божелирзау».[52]

Как бы-то ни было, Мичкизское плоскостное общество в XVIII в. находилось все-таки в стадии становления. То обстоятельство, что в имеющихся документах «мичкизами», «мычичищ» называют равномерно жителей как равнинного Мичкизского и Качкалыковского обществ, так и собственно Нахч-Мохка создает трудности для исследователей.

Общество формируется рельефно в первой четверти XIX в. когда здесь вырастают такие крупные аулы, как: Гелдаген, Майртуп, Центарой-юрт, Бачи-юрт, и другие.

Качкалыковское общество. Одно из самых ранних плоскостных обществ Восточной части Чечни находилось на северной покатости невысокого Качкалыковского хребта (0,3-0,4 тыс.м. над уровнем моря)[53], вытянутого до 30 км в направлении от р.Гумс (в районе впадения в Сунжу) до левого берега р.Аксай. От подошвы хребта на север, до течения Терека, тянется Качкалыковская плоскость (включается зачастую и в Кумыкскую равнину как её западная часть).

В 1732 г. в русских источниках были названы качкалыковские «деревни», как: «1. Сику (Исти-су. - Я.А.), 2. Нуям берды (Нойбоьра/Нойберд. - Я.А.), 3. Апонгур (Ойсхар/Ойсангур. - Я.А.), 4. Кошкилды, 5 Али-аул (Алерой? - Я.А.), 6. Наурус». Комендант Кизляра А.И.Ахвердов указывал, что «по правому берегу Терека, расстоянием от реки в поле в 20-ти, 18, 15, 13 верстах (находятся. - Я.А.) выведенные с давних времен... аксаевскими владельцами и поселенные в теперешних местах (селения. - Я.А.)... под особым названием Алты Качилык». С.М.Броневский используя данные автора XVIII в. И.А.Гильденштедта также назвал качкалыковские селения в направлении расположения с востока на северо-запад: «Каш гелды, Курчи аул, Науруз аул, Нуим берди, Ойсунгур, Истесу (Горячая вода) или Горячей.» Их основателями являлись нахчмахкоевские кланы - алерой, айткхаллой, бильтой, беной, гордалой, курчалой, сесаной, харачой, цонтарой, чартой, энгеной, шуоной.[54]

Близкие к качкалыковцам, но организационно не входящими в общество, являлись и другие равнинные селения на Качкалыковской плоскости прилегающие к левому берегу

Терека - «Хасса Мекент..., Балчи..., Герземе..., Дадаюрт..., Умараджи», насчитывавшие от 45 до 87 дворов. А вот численность собственно качкалыковских аулов по данным Клапрота (1807 г.) равнялась: Кошкельды - 300 дворов, Нойбоьра - 350, Ойсунгур - 350, Исти-су - 500.[55]

Традиционно считалось, что «сии качкалыки» были «выведены» аксаевскими князьями из гор и поселены на данном месте «на известных уговорах». Горцы обязывались князьям ежегодной податью по «сапе пшеницы со двора, и, кроме того, поголовным сбором выходить на один день на княжеские поля для полевых работ». Другие данные дополняют этот перечень обязанностью давать по овце со двора и выставлять по воину с семьи. Так, качкалыковские аулы выставляли половину войска Аксаевского княжества - 1500 человек. В целом князья в отношениях с горскими обществами, в т.ч. и с качкалыками, имели «очень небольшое влияние» на их внутреннее управление.[56]

Согласно заявлению аксайской княжеской фамилии от 1805 г., они «лет с 6» назад (т.е. к 1799 г.) утратили контроль над Качкалыком. Между тем, еще в 70-80-х гг. XVIII в. общество Качкалык платившее подати аксаевской владельческой фамилии в целом «за управление», а не за пользование землей, стало все чаще выражать свое недовольство. Так, в 1782 г. в Кизляр следует письмо «мичгизских» (в данном случае качкалыковских) старшин: «Актолла, Айваза, Тонгара, Биймурза» и других, которые сообщают, что они на народном собрании общества («мы в одно место обществом собрались, советовали, что наши владельцы с нас умеют только збирать подати, а порядочно содержать не знают») приняли решение отказаться от выплат. Наконец, старшины и народ договорились с двумя представителями аксайской княжеской фамилии «чтоб оне нас должны содержать так, как отцы их содержали, а мы должны им платить дань и давать коду (штрафы. - Я.А.) покуда (князья. - Я.А.) будут жить порядочно».[57]

Хозяйство качкалыковцев и союзных с ними аулов по Тереку развивалось вполне стабильно, что привлекало сюда значительное число переселенцев. Пользуясь выгодами обладания обширными пахотными землями, широкими степными пастбищами и преимуществами торговли в богатых торговых центрах Кумыкии и всего Терско-Сулакского междуречья качкалыковцы выходят во второй половине XVIII в.

наряду с ведущими обществами Чеченской равнины в ранг самых развитых районов Чечни.

Ауховское (Окоцкое, Аккинское) владение и общество. Самое восточное чеченское общество располагалось в «верхней» части Кумыкской равнины занимая земли от правобережья Аксая до Акташа и гранича - на западе и юго-западе с собственно с аульными объединениями Нахч-Мохка, на востоке с Эдерейским обществом (и в целом с Эндерейским княжеством - начиная со времени его образования во второй половине XVI в.), на севере с владениями аксайских князей (со времени образования Аксайского княжества не ранее последней трети XVII в.), а на юге и частично на юго-востоке граница Ауха проходила в предгорьях и горах (Ауховские горы) с андоцезским обществом Анди и авароязычным обществом Дылым Нагорного Дагестана. Вместе с тем, отдельные небольшие селения, хутора и кутаны тех же чеченцев-окочан и нахчмахкоевских чеченцев, по крайней мере, в XVIII в. были рассыпаны по всему Терско-Сулакскому междуречью на территории кумыкских княжеств.

Образование равнинно-предгорного Ауховского общества относится ко времени ранее XVI в. Согласно преданиям ауховцев они находились здесь еще в период «нашествия Тамерлана Хромого», а то и ранее чем на Кумыкской равнине появилось иное постоянное население. Так, на запад от Сулака на территории Кумыкской плоскости в XVI в. были известны этнотопонимы: эндерейцы, гуэны, тюменцы, салатавцы и ауховцы. Причем кумыки, гуэнцы и салатовцы считали себя родственными в т.ч. с гунойской и вашендароевской фамилиями в Чечне, а ауховцы-аккинцы не только имели свое отдельное общество, но и населяли еще отдельный квартал в крупном тюркоязычном селении-обществе Эндерей.[58]

Исследователь А.А.Алисултанов определяет границы Ауховско-Аккинского общества на широком пространстве Терско-Сулакского междуречья, включая Качкалыковский хребет, правобережье Терека и далее на восток по Кумыкской равнине по Сулаку и Акташу. К XVI в. считает автор, собственно Аух (Арара Аьккхи), состоял из двух обществ - «Пхьарчошка-Аьккха и Г1ачалкха-Аьккха».[59] Все это требует своего дальнейшего исследования.

Скорее всего «первобытное» население междуречья Аксая-Акташа в предгорной полосе представляло собой продолжение нахчмахкоевского этномассива; в частности здесь присутствуют

фамилии дышни, курчалой, гордалой, гендаргеной, беной, гуной, зандакой, бильтой, эхишбатой и других. Далеко ранее XVI в., на нахчмахкоевское население Ауха наложилась крупная волна переселенцев из Галанчожского ущелья, таких как аькххий, цечой, мержой - носителей галанчожского диалекта. Помимо галанчожских переселенцев здесь присутствуют фамилии из западнонахского района Ваьппи/Фаьппи (Джейрахское ущелье), а также из высокогорной зоны Чечни из обществ Чебарлой (пхьарчхоевцы), Шарой и Чаьнти.[60] Судя по всему здесь есть еще часть ауховских фамилий-тейпов жевой, барчхой, зогой образовавшихся на месте из «гаров» и «некъе» родственных групп из более крупных кланов.

Этнограф Н.Г.Волкова отметила, что «восточные равнинные акинцы представляют смешанную в племенном отношении группу образовавшуюся из орстхойцев, горных чеченцев (преимущественно ичкеринцев) и менее акинцев.[61]

Этимология «Аух/Авхар/Овхой» скорее всего производна от диалектного «охьа/о1вха» - в значении «вниз к равнине», «равнинные». «Аькхи» - «арара аькххи» производны от названия галанчожского общества Аькхи. В русских же источниках XVI-XVIII вв. мы находим написание «ококи», «Акоки», «Аух», «ауховцы», и т.д.

Как ранние первопоселенцы Кумыкской плоскости ауховцы занимали ее лучшую часть - полосу с богатыми черноземами, лесными участками, обильно орошенную стекающими с гор речками (Аксай, Ямансу, Ярыксу, Акташ). Здесь располагались т.н. «старыеОкохи» - аулы Шир-Юрт (Ширч-Овх), Акташ-Аух, Кешен-Аух, Боной-Аул, Г1ачалкъа (Ярыксу-Аух), Бона-Юрт (Меши-Атага) и Минай-Тугай.[62]

В другом списке, датированном 1813 г. в составе общества «Аухи» отмечены следующие селения: «Агташ» (200 дворов), «Юрт» (50 дворов), «Алмак» (80 дворов), «Яруксу или Качилук» (300 дворов), «Кешень» (200 дворов), «Гилен» (100 дворов), «Зандак» (100 дворов), «Чючели» (40 дворов), «Даттах» (30 дворов). Указание на нахчмахкоевские селения Зандак, Гиляны (Гилна) и Даттаха в составе Ауха, показывает, что данное общество являлось привлекательным для своих соседей. При том известно, что Кешен-Аух имел второе название Цечой-аул, Шир-юрт (Аух) - назывался Юрт-Аух, Акташ-Аух (имел второе название Парчхой-аул). В литературе встречаются также названия и других аулов - Кочкар-юрт, Адзарей-юрт, Алтымирза-юрт и Дзатемир-юрт.[63]

Относительно численности ауховцев в том же XVI в. есть данные 1588 г. о 500 воинах выставляемых правителем владения Ших-мурзой Окоцким.[64] В 80-90-х гг. XVI в. «Окоцкий улус», называемый в документах и «юрт Ишеримовых» достигает благодаря энергичной деятельности феодального главы Ших-мурзы Ишеримова значительного положения на политической карте региона. Используя междоусобицу в Кази-Кумухском шамхальстве, развивая дружеские связи с Аварским нуцальством (ханством), с Черным князем (Гумбетовское владение) и кахетинским царем Александром, нахский правитель распространяет свое влияние на засулакскую западную часть Северного Дагестана (где сталкивается с кумыкским князем Салтан-Магмутом) и плоскостные земли Восточной Чечни. Официальное посольство Ших-мурзы в Москву в 1588-1589 гг. и ответная «жалованная грамота царя Федора Иоанновича закрепляют его высокий статус».[65]

Однако, в те же годы один из наследников шамхала Чупана - Салтан-Магмут положил начало новому феодальному владению в Засулакской Кумыкии, претендуя при этом на Аух и «микизские» (в данном случае Нахч-Мохк) земли. В 1595 г. его брат Ахмедхан нанес поражение Ших-мурзе, который был убит, а его владение, в котором теперь правили непрямые наследники, стало в начале XVII в. вассальным по отношению к Салтан-Магмуту. Примерно к 1595-1596 гг. относится бегство части «ококов» (до 160 человек) в Терскую крепость «на житье» вследствие нежелания находиться под властью новых князей.[66]

«Окоцкие черкасы» Терской крепости создавшие под ее стенами отдельную окоцкую слободу были переданы царем Михаилом Романовым под полную власть служилого кабардинского князя Сунчалея Янглычева в 1614 г. согласно его прошения. Между тем, часть окочан к тому времени находилась непосредственно на царской службе, а другая «слободская» часть занималась скотоводством, земледелием и торговлей. Поэтому окочане оказали упорное сопротивление Сунчалею и царь был вынужден ограничить его права на окочан исключительно «ведати службою»: т.е. руководством горским ополчением в ходе боевой службы.[67]

При сыновьях Сунчалея - Шолохе и Муцале являвшихся воспитанниками аталыков из окочан, весьма богатых братьев Бикши и Черкеса Алеевых, положение Окоцкой слободы весьма укрепляется. В 1682 г. со смертью бездетного князя Каспулата Муцаловича (ставшего до своей смерти классическим

владетельным князем), чьим аталыком был опять-таки окочанин Ибак Эльмурзин, из служилых горцев указом Петра Первого формируется некая иррегулярная воинская команда, которой командовали офицеры из числа других служилых кабардинских князей.[68]

К концу XVII - началу XVIII в. пресеклись и «окочанские» аристократические фамилии мурз Кохостровых живших в Окоцкой слободе на положении почетных служилых людей. По крайней мере, со времени основания Кизляра в 1735 г., слобода управляется собственными старостами - «окочинский голова» и старейшинами («окоченские старики»). В XVI-XVII вв. количество окочан на Тереке не опускалась ниже 200-300 человек мужчин, а к концу XVIII в. численность Окоцкой слободы в Кизляре достигла 1 тыс.человек, но здесь были выходцы также и из «Мичкиз» и «Шибут».[69]

Согласно мнению А.А.Адилсултанова с пресечением линии аккинских феодальных верхов в Ауховском обществе не позже середины XVII в. начинается период «самоуправления». Существуя в соседстве с Аксайским и Эндерейским кумыкскими княжествами и находясь в определенном взаимодействии с владетельными феодалами Дагестана, аккинцы-ауховцы заявляли: «мы не холопы и не уздени андреевских и аксайских владельцев» и пытались всем обществом выстроить некую самостоятельную политику. Данная тенденция привела Аух в конце XVIII - начале XIX в. к выходу из патроната потомков Салтан-Магмута и к политической самостоятельности общества и его составляющих, которое стало «причисляться» к Чечне. Возрастает роль не только местных старшин и народных собраний, но и военных предводителей. Так сохранились имена местных военных предводителей конца XVIII в. Абу-Тагира и Абду-Разака.[70] Вместе с тем некогда однородное «вольное» общество с ростом населения и территории расселения дробится на более мелкие общества - Шарой, Шебарлой и Ч1онтой, Г1очкар и Къоцой, сохранявшие вместе с тем некое региональное единство.

Таким образом, в течение XVI-XVIII вв. район верхнего междуречья Аксая-Акташа на Кумыкской плоскости дал основание двум образованиям - Окоцкой слободе в системе царских городов-крепостей на Тереке и Ауховскому (Аккинскому) вольному обществу, богатому земледельческому району, ставшего и своеобразным мостом между Северным Дагестаном и Чечней, между Кумыкией и Нахч-Мохком.

В целом, именно на плоскостной части Чечни находились наиболее динамично развивающиеся аулы и общества страны. Тот же Аух в XVI-XVIII вв. показал высокую степень развития земледелия, в т.ч. и поливного зерноводства, овощеводства, виноградорства и садоводства. Больших успехов достигло здесь и скотоводство - находясь на равнинно-предгорной полосе между степными пастбищами на севере и горными пастбищами на юге, ауховцы разводили не только овец и коров, но и буйволов, верблюдов и породистых лошадей. Из разных видов ремесел большое развитие в Аухах получило именно оружейное производство, включая изготовление ружей.[71]

В целом и в частности, именно за счет плоскостной зоны Чечни по Сунже и ее притокам, а также на части Кумыкской плоскости произошло изменение природно-географической среды обитания основной части чеченского народа связанном с сплошным и быстрым ее культурно-хозяйственным освоением, в рамках пашенного земледелия.[72]

Это обусловило и своеобразный демографический «взрыв» и превращение плоскости в ведущую часть страны, как в хозяйственном, так и в политическом отношении. Это обстоятельство стало особенно рельефным с дальнейшим продвижением плоскостных чеченцев к Тереку и попытками отбить левобережье реки у России, построившей здесь новые станицы и укрепления.

Именно равнинная территория Чечни форсирует процесс национального становления, смешивая в своих аулах и обществах представителей всех природных зон, обществ, регионов и диалектных групп страны.

---

[1] Это территория т.н. «Тарской долины» являющейся в реальности плоскогорьем (0,9 тыс. м), которое пересекают многочисленные притоки Камбилеевки (приток Терека).

[2] См.: Гашимов И. Сунженский перевоз // Советский Дагестан. № 1. Махачкала, 1969; Его же: Дагестано-кабардинские политические отношения в XVI-XVIII вв. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып.4. Махачкала, 1974; Кажаров В.Х. К вопросу о территории феодальной Кабарды // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. № 11. Нальчик, 2004; и др.

[3] См.: Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа ХУ1-Х1Х века // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. ХХУП. Народы Кавказа. Кн.1. М., 1993. С.32; Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. Грозный, 1988. С.116-124; и др.

[4] Багаев М.Х. Население плоскостной части Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вайнахов с гор на плоскость (XIII-XVI вв.) // Археолого-этнографический сборник. Т.2. Грозный, 1968. С.67.

[5] См.: Генко А.И. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов. Т.5. Л., 1930. С.694; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в ХУШ-начале XX века. М.,1974. С.54-55; Шаова С.Д. История кабардинцев бассейна р. Сунжа в XVI - середины XIX в. и их взаимоотношения с вайнахами. Рук. дисс. канд. истор. наук. Армавир, 2002. С.80-81, 100-103; и др.

[6] РГВИА. Ф.20. Оп.1/47. Д.555. Л.203.

[7] См.: РГАДА. Ф.23. Оп.1. Д.1. Л.7-7 об.; АВПРИ МИД РФ. Кабардинские дела, 1751 г. Д.1. Л.1-1 об.

[8] Шаова Л.С. Указ. соч. С.123.

[9] Броневский С.М. Новейшие Известия о Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским: В 2 -х томах. Сост. И.К.Павлова. СПб., 2004. С.162.

[10] Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Из истории классовых отношений и антифеодальной борьбы карабулаков в XУШ в. //Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XУ1 – начало XX в.) Тем. сб. статей. Грозный, 1980. С.45-46; Бирюков Андрей. Дела давно минувших дней // Журнал «Дош». № 4. М., 2004. Здесь опубликованы документы РГВИА. Ф.20. Оп.1/47. Д.36. Л.33.

[11] ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.524. Л.36 об.

[12] ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.524. Л.37-37 об.

[13] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф.Кизлярские дела, 1771 г. Кн.2. Л.187; Там же: Ф.Кизлярские и Моздокские дела. 1784-1785 гг. Оп.111. Д.1. Л.3-4 об.; Броневский С.М. Указ. соч. С.182; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.166-167; и др.

[14] См.: ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.524. Л.30-41, 44-45; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З., Горчханова Г.А. Русско-вайнахские отношения в начале 60-х годов XVIII в. (Архивный источник о миссии представителя российских властей в Карабулаке) // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии. Сб. статей. Грозный, 1989. С.48-49.

[15] Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. СПб., 2002. С.243; Интернет: http://www.Rambler.ru/srch?oe...

[16] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф.Кизлярские дела, 1771 г. Кн.2. Л.187-188 об.; Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Указ. соч. С.74.

[17] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф.Кизлярские дела, 1771 г. Кн.2. Л.59-59 об.; Акты Кавказской Археографической Комиссии. Т.IX. Тифлис, 1884. С.949; Броневский С.М. Указ. соч. С.182.

[18] Гантемирова Г.А. К истории карабулаков// Известия Чечено-Ингушского респ. краев. музея. Вып. X1. Грозный. 1975. С.70; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З., Горчханова Г.А. Указ. соч. С.51.

[19] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д.18508. Л.11 (Копия); Гантемирова Г.А. Указ. соч. С.71.

[20] РГВИА. Ф. ВУА. Д.18508. Л.11 (Копия).

[21] См.: Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.410-411; Сюда надо добавить и указанное Гильденштедтом (1771 г.) небольшое село относящееся «к Гехе» близ устья ручья «Кошни» (Рошни); в районе истоков Рошни (притока Мартана) находилось и «село Ариахки», а на притоке собственно Рошни «село Чижних». - См., Гильденштедт И.А. Указ. соч. С.310.

Офицер русской службы Штедер указывает у подошвы гор, на р. Мартан - поселение «Attain» – См., Волкова Н.Г. Указ. соч. С.169.

[22] См.: ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.524. Л.36; АВПРИ МИД РФ. Ф.Кизлярские дела, 1771 г. Кн.2. Л.59 об.; Интернет: http:akka.ru/photos/_rus/phot.big.79 (карта).

[23] АВПРИ МИД РФ. Ф.Кизлярские и Моздокские дела, 1784-1785 гг. Оп.118. Д.1. Л.4.

[24] См.: ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.524. Л.36; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.169.

[25] ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.1183. Л.10.

[26] См.: ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.1183. Л.10-10 об.; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.169.

[27] См.: Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. Т.23. Кн.9. СПб., 1856. С.71, 75-76; Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С.90; Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.500; Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. Махачкала. 2006. С.24-25; Гусейнов Г.-Р.А.-К. Отражение исторических и этнических связей с кумыками в чеченском фольклоре // Интернет.

[28] Шавхелишвили А.И. К вопросу о переселении чечено-ингушских племен на равнину // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Вып.10. Грозный, 1961. С.123. Лингвист А. Ваганов не находит в тюркских языках соответствия «шач/чач» значению камыш. Ученый полагает, что «чечен/чачан» тяготеет к древнему языковому пласту, к форме «красивое. живописное место».

[29] См.: Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.499; Полевые материалы автора за 1983 г. Информаторы: Таипов М., Салтамурадов Д.С.Из сел. Чечен-аул Чеченской Республики; и др.

[30] См.: Ахмадов Я.З., Оразаев Г.М.-Р. К истории политических связей Чеченского феодального владения с Россией в XVII-XVIII вв. (публикация источника) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII-XVIII). Грозный, 1983. С.30-31; Козлов Сергей. Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVIII). Изд. 2-е. СПб., 2002. С.23.

[31] См.: Русско-чеченские отношения. Вторая половина XУ1-XУП в. Сб. док. Сост. Е.Н. Кушева. С.200; Исаева Т.А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII веке // Вопросы истории Чечни. Т.XI. 1977. С.89-90; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Архивные данные об удельной системе в Чеченском феодальном владении XVII-XVIII вв. // Источниковедение дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С.71-72.

[32] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф.Кабардинские дела, 1720 г. Оп.115/1. Д.3. Л.1; Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С.123.

[33] См.: РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.192. Л.31 об., 53 об., 157 об. - 158; Гильденштедт И.А. Указ. соч. С.50, 242, 273; Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. С.144, 149; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.171-172; и др.

[34] См.: ЦГАРД. Ф.Кизлярский комендант. Оп.1. Д.3584. Ч.II. Л.43; Лаудаев Умалат. Чеченское племя // Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1990. С.85; Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С.172; и др.

[35] РГАДА. Ф.379. Оп.1. Д.524. Л.38 об.

[36] См.: ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.680. Л.82-82 об., 89; Там же. Оп.1. Д.855. Л.61; Там же. Оп.1. Д.1183. Л.6 об.; РГАДА. Ф.23. Оп.1. Д.13. Ч.4а. Л.242; и др.

[37] РГВИА. Ф.482. Д.192. Л.159 об.-160.

[38] Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. 1804 г. С.226.

[39] См.: РГВИА. Ф.52. Оп.1/94. Д.481. Л.82-83; ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.1183. Л.10-10 об.; Государственный архив Республики Грузия. Ф.7. Оп.8. Д.4. Л.1; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.186.

[40] Волкова Н.Г. Указ. соч. С.188.

[41] Лаудаев Умалат. Указ. соч. С.85..

[42] Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.513.

[43] Там же. С.513.

[44] ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.580. Л.105.

[45] См.: Русско-дагестанские отношения в XVIII - начале XIX в. Сб. док. Отв. ред. В.Г. Гаджиев. М., 1988. С.47-48; Ахмадов Я.З. Феодальное владение (лен) князей Черкасских в системе русского пограничного города Терки в XVII в. // Феодализм в России. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 30 октября - 1 ноября 1985 г. М., 1985; и др.

[46] ЦГАРД. Ф.Кизлярский комендант. Д.3378. Ч.IV. Л.46-46 об.; Там же. Д.3812. Ч.IV. Л.31.

[47] См.: ЦГАРД. Ф.Кизлярский комендант. Д.3372. Л.1-2 об.; РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.1. Л.269-269об.; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч.1. СПб., 1859. С.258.

[48] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф.Кабардинские дела, 1755-1757 гг. Оп.115/1. Д.14. Л.1.; ЦГАРД. Ф.Кизлярский комендант. Д.3378. Ч.IV. Л.48-49; Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII - 40-е гг. XIX в.). Рук. дисс. канд. истор. наук. М., 1966. С.325-327.

[49] ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.1170. Л.18 об.

[50] См.: РГВИА. Ф.482. Д.192. Л.160; Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX-XX веках. М., 2005. С.65; и др.

[51] Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII - первой половине XIX в. Грозный, 1961. С.182; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.178-180.

[52] Волкова Н.Г. Указ. соч. С.180-182.

[53] Этимология топонима Качкалык/Гачилык скорее всего выводится из общетюркского лексикона - возвышенная гряда поросшая кустарником и лесом.

[54] См.: Еропкин Д.Ф. Указ. соч. С123; Ахвердов А.И. Указ. соч. С.226; Броневский С.М. Указ. соч. С.184; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.181; Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.527, 533-535, 538.

[55] См.: Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. Махачкала, 1958. С.245; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.179.

[56] См.: Броневский С.М. Указ. соч. С.184; Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Интернет: http://www.kumukia.ru/modules; Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах // Известия Чечено-Ингушского респ. краев. музея. Вып.XI. Грозный, 1975. С.62.

[57] См.: ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.1169. Л.20-20 об.; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.179-180.

[58] См.: Д.-М.М. Шихалиев и его труд «Рассказ кумыка о кумыках» Ч.2. Заселение Кумыкской плоскости; (предисловие и коментарии С.Ш.Гаджиевой) // Интернет: http://kumukia.ru/modules; Арсаханов А.И. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959. С.8; Саидов И.М. Землевладение и землепользование чеченцев и ингушей в XVIII-XIX веках // Известия Чечено-Ингушского НИИИЯЛ. Т.4. Вып.1. Грозный, 1964. С.163; Адилсултанов А.А. Акки и аккинцы в XVI-XVIII веках. Грозный, 1992. С.10-11.

[59] Адилсултанов А.А. Указ. соч. С.13-18.

[60] См.: Арсаханов А.И. Указ. соч. С.8-9; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.59; и др.

Сегодня аккинцы-ауховцы говорят на двух говорах аккинского (ауховского) диалекта - ауховский и парчхоевский. См., Алексис Шнайдер // Интернет: http://Randevu-zip.narod.ru. Однако нельзя снимать вероятность происхождения второго говора из чеберлоевского и шароевского диалектов.

[61] Волкова Н.Г. Указ. соч. С.168.

[62] Арсаханов А.И. Указ. соч. С.

[63] См.: Буцковский А.М. Указ. соч. С.245; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.168.

[64] Русско-чеченские отношения... С.18.

[65] Исаева Т.А. О вхождении чечено-ингушских земель в состав Русского государства // Русское централизованное государство. Образования и эволюция. XV-XVIII вв. Тезисы докладов и сообщений. М., 1980; Магомедов Р.М. История Дагестана. Учебное сособие. Махачкала, 1995. С.109; Ахмадов Я.З., Хизриев Х.А. Аккинцы // Энциклопедия культур народов Юга России. Т.1. Ростов-на-Дону. 2005. С.48-49.

[66] См.: Русско-чеченские отношения... С.73-73, 140; Магомадов Р.М. Указ. соч. С.109.

[67] См.: Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.84-85, 94-96.

[68] См.: Кабардино-русские отношения... Т.1. С.292, 296, 301, 325-326; Ахмадов Я.З. Феодальное владение (лен) князей Черкасских в системе города Терки в XVII веке // Феодализм в России. Юбилейные чтения посвященные 80-летию со дня рождения академика Л.В.Черепнина. М., 1985. С.106-110.

[69] См.: ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.824. Л.2; Русско-дагестанские отношения в XVIII - начале XIX в. ... С.86, 234-235; Русско-чеченские отношения... С.101, 121, 222; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.154-155; и др.

[70] См.: ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.681. Л.104 об.; Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах... С.64-65; Адилсултанов А.А. Указ. соч. С.102, 120-123.

[71] См.: Адилсултанов А.А. Указ. соч. С.27-39.

[72] Карпов Ю.Ю. Краткие сведения по этно-социальной истории чеченцев // Интернет: http://www.kumukia.ru/modules (С.5, 7 из 8).

§ 5. Надтеречная Чечня и Терско-Гребенское казачье войско

Складывание Надтеречной Чечни - «Теркйист» (Притеречье).

Складывание региона берет начало с середины XVII в., когда эта благодатная степная территория не только стала напрямую заселяться, в частности брагунским племенем и выходцами из

Горной Чечни, но и широко использоваться в хозяйственных целях чеченскими аулами Правобережной Сунжи. Следует также отметить, что в некотоыре периоды первой половины XVII в. на восточной оконечности Терского хребта омываемого течением Терека и Сунжи существовали несколько казачьих сторожевых городков, переселившихся затем на левый берег Терека.

Надтеречная Чечня имела довольно четкие географические границы определенные на севере течением Терека в зональном направлении с запада (поворот реки начинаетсяот впадения Курпа) на восток, до слияния Сунжи с Тереком, а на юге собственно Сунженским хребтом (от 0,2 до 0,8 тыс.м над уровнем моря). Неширокая Алханчуртская долина отделяет Сунженский хребет от параллельно тянущегося Терского хребта (0,4-0,6 тыс.м над уровнем моря), который заканчивается на востоке своеобразным коротким ответвлением - Брагунским хребтом.

Между правым берегом Терека и Терским хребтом также с запада на восток, до Брагунского хребта располагается протяженная Надтеречная равнина. Терский и Сунженский хребты, сложенные глинами и песчаником, имеют весьма пологие склоны и плоские вершины, благоприятные для хозяйственной деятельности, хотя и бедны водными источниками. Поэтому и заселение данного региона происходило своеобразно: постоянные поселения появлялись в первую очередь на самой восточной части, где воды Терека и Сунжи сближаются максимально, и в самой западной части междуречья, где густо встречаются родники, ручьи и выпадает значительное число осадков.

Брагуны/Бораган. В исследуемое время первым постоянным поселением в Притеречье, если не считать Терской крепости 1567-1570 гг. (и 1578 г.) и казачьих городков XVII в.[1], явилось селение Брагуны, основанное небольшой тюркоязычной этнической группой неясного этногенеза передвигавшейся своими кочевьями в XV-XVI вв. с запада на восток по Северному Кавказу вместе с кабардинцами. Топонимы «бораган», «боргустан» встречаются на Северо-Западном и Центральном Кавказе, на р.Сунже (в пределах современной Ингушетии), где находится мусульманский мавзолей XV в. «Борга-каш» (могила Боргана), а также в Северном Дагестане.[2]

В конце XVI - начале XVII в. брагунцы находились в Кабарде, откуда их вывел находившийся в родстве с правящей брагунской фамилией служилый кабардинский князь Муцал Черкасский и поселил «вблизи» Терского города. Во время очередной феодальной междоусобицы, брагунцев увел силой князь

Казаналп Эндерейский, который поселил их в качестве вассалов на Кумыкской плоскости. С помощью русских сил князь Муцал вывел Ильдар-мурзу Куденетова главу брагунцев с подвластными людьми в конце 40-х гг. XVII в. из под власти Эндерея и поселил «на Сунже реке» в районе слияния с Тереком. На тот момент Ильдар с братьями имел подвластных «человек с 400» (мужчин боеспособного возраста). Брагуны находилось в 2 верстах выше Сунженского острога, а пашни брагунцев располагались по реке Сунже в 7 верстах. Кстати брагунцы помогали русским в строительстве упомянутого острога лесом и транспортом.[3]

Окончательное закрепление брагунцев на терской косе состоялось только в 1653-1654 гг. при Куденет-мурзе. Предания брагунцев утверждают, что селение здесь решил основать предводитель племени Борахан, когда при переправе каравана через Сунжу в спицы арбы втиснулся огромный осетр.[4]

Выбор места поселения оказался удачным, а оседлость брагунцев прочной. Занимаясь полеводством, скотоводством, садоводством и ремеслами, промышляя «торгом леса» (сплавляя в русские укрепления по Тереку) и другими товарами, брагунцы к началу XVIII в. заняли прочное положение на стыке Чечни с затеречными степными землями, казачьими станицами на севере и с кумыкскими владениями на западе. С.М.Броневский (1823 г.), пользовавшийся в своей работе данными конца XVIII - начала XIX в. сообщал, что «брагунские жители упражняются в земледелии и скотоводстве, разводят также виноградные сады и хлопчатую бумагу, сеют сорочинское пшено, ячмень, пшеницу и торгуют произведениями с россиянами».[5]

В черте владений брагунских князей находились и «Петровские теплые целительные воды», обследованные в XVIII в. Г.Шобером и И.А.Гильденштедтом и пользовавшиеся горцами и казаками в целях лечения.[6]

Отдельные специалисты утверждают, что брагунцы, как и жители селения Бамат-юрт (образовавшегося во второй половине XVIII в.), говорят брагунским говором терского диалекта кумыкского языка. Однако, самое серьезное влияние на лексику и особенности строя тюркского языка брагунцев оказал постоянный «подмес» чеченского языка, в т.ч. и за счет раннего (еще в XVII в.) переселения сюда чеченцев-мичкизовцев. Так, в топонимике брагунцев географические названия имеют окончания характерные только для нахских языков.[7]

Во второй половине XVIII в. Брагунское владение описывается в русских источниках как имеющее «верст двадцать

в длину по берегу Терека, начиная от Девлетгиреевой деревни (основана в 1751-1754 гг. - Я.А.) до устья Сунжи». На севере оно граничило по Тереку с Кизлярским уездом (и казачьими землями), к востоку и югу за Сунжей с К[8] которые заходили и на левый берег Сунжи до вершины Терского хребта, на другом склоне хребта по направлению к Тереку находился Девлет-Гирей-аул.

В документах и других источниках встречаются под разными годами имена брагунских князей - это «брагунский бей Салтан-бек» (под 1708 г.), то Мудар (или Мурат), отмеченный попыткой прорыть канал для мельницы между Тереком и Сунжей (40-е гг. XVIII в.), то княжна Кичибике, опиравшаяся в своем правлении на чеченских узденей, из которых «мичкизянин Исуп» являлся «ближним» (1757 г.), то князь Арслан-бек Мударов просит кизлярского коменданта освободить захваченных «мичкизцев» являющихся его «эмчеками» (молочными братьями), в 1782 г. князь Куденет Баматов сообщает, что до 100 дворов из Чечен-аула, Алдов и Карабулака просят его покровительства и разрешения переселиться на левый берег Сунжи»,[9] и т.д.

Нам ничего неизвестно относительно общинного самоуправления в Брагунском владении. Местная княжеская фамилия правила, вполне самовластно, опираясь на влиятельных узденей. Единственно, в 1748 г. упоминаются некие «брагунские старики», которых владелец Мудар направил участвовать в посредническом суде для примирения чеченских князей.

В течение XVII - начале XVIII вв. Брагунское феодальное владение было прочно вписано в политическое и этнохозяйственное поле Чечни, сохраняя вместе с тем курс на мирные, доверительные отношения с российской стороной.

Девлетгиреевское владение (Девлет-Гирей-аул, Дойкар-аул). Оно возникло в 50-х гг. XVIII в. в Надтеречной Чечне усилиями «гребенчуковского владельца», сына генерал-майора русской службы Эльмурзы Бековича-Черкасского (командовал иррегулярным Терским Кизлярским войском). Владение состояло из двух аулов (не считая хуторов) - Девлет-Гирей-аул (Старый Юрт) и Бамат-юрта (Новый Юрт)[10], расположенных у северного подножия Терского хребта (вершина «Араз-гора») на узкой притеречной долине.

На западе границы владения была неопределенной и ограничивалась возможностями хозяйственного использования земель, на севере река Терек отделяла два аула от станицы Червленной, на востоке находились угодья Брагунского

владения, а на юге граница шла по Терскому хребту по линии выходов горячих источников: «нижну сторону Горячего колодца» обращенную к Сунже контролировали чеченские князья, а «верхну сторону колодца» обращенную к Тереку князья Бековичи и девлетгиреевцы.[11]

Согласно данным этнографа Н.Г.Волковой в позднее время в Старом Юрте жили представители фамилий аккинцев (ауховцев), зандаковцы, кей (кейцы), чертой, чинхой, энгеной, цонтарой, курчалой, чермой, а в Новом Юрте было смешанное кумыкско-чеченское население (цонтарой, беной, ширдой, дишни, ялхой, кумыки аксайские и собственно брагунцы). Информаторы утверждают, что в Старом Юрте издавна жили своими кварталами горские евреи-ремесленники и «черкзи» (кабардинцы).[12]

В 1758 г. селение Девлет-Гирея на Тереке созданное им после ухода из Герменчика (жители которого явились ему «ослушны»), было осмотрено и описано капитаном Головачевым: «Оной владелец построился близ Терка на поляне..., обвалено вокруг всего жилища из валежника засека... (в центре. - Я.А.) двор помянутого князя Девлетгирея..., узденские и холопьи избы, коих по щету явилось 25, а зделаны турлуковые, вымазаны глиной и крыты плетнями и камышем, а сверху землею.»[13]

В связи с тем, что поселение Девлет-Гирея фактом своего возникновения нарушило границы Чеченского владения, Брагунского княжества и интересы Червленской станицы, имевшей покосы на правом берегу Терека здесь начались серьезные трения, в которые вмешались и царские власти.[14]

Из сугубо частновладельческого аула, Девлет-Гирей-аул после смерти князя (1769 г., - Я.А.) превращается в общину, которую возглавляет представитель кизлярских слободских окочан уздень Аджи-Элбузди Менкишеев. К 1773 г. относится сообщение, что «вместо его (Девлет-Гирея. - Я.А.) малолетнего сына, управлял деревнею староста или ходжи Элбузди. Она велика, имеет много скота, но земледелием занимаются мало». Через 10 лет, в 1784 г. здесь насчитывают до 400 дворов.[15]

Процесс вытеснения владетельных князей наблюдавшийся в чеченских аулах по Сунже и Аргуну не миновал и первые притеречные селения Чечни. Молодой князь Бамат-Гирей Бекович-Черкасский, где-то в 70-80-х гг. XVIII в. основывает новое частновладельческое село Бамат-юрт (Новый Юрт) вследствии ослабления своих позиций в Старом Юрте. Из сообщений 1800 г. становится известным, что командующий

Кавказской линией разрешает «поручику Иналу Бековичу Черкасскому» (из той же фамилии) с подвластными ему людьми «селиться на правой стороне Терека, в урочище Верхне-Кожаке (в Малой Кабарде. - Я.А.).[16] Вероятно, что, крестьянское общественное самоуправление сменило княжескую власть и в Новом Юрте.

Заселение Притеречья и Терско-Сунженского хребта. Следует отметить, что собственно на участки по хребту и в Надтеречной равнине претендовали и чеченские селения, располагавшиеся по левому берегу Сунжи. Здесь в 80-х гг. XVIII в. образовались в результате крестьянской и феодальной колонизации такие селения, как Амирханов брод (основали алдинцы), селение гехинского старшины Кайтуки; так же за Сунжей «в урочище Тегенек-Тама» (возможно район современного селения Алхан-Кала) поселился чахкеринский (атагинский) князь Алихан (Алхан) Нурмаматов.[17]

Царское правительство, начиная с основания Моздока в 1762 г., рассчитывало выселить максимально большое количество горцев из горных, «крепких мест» под Моздок и по Тереку, где их можно было легко контролировать с помощью военной силы. Так, в марте 1783 г. генерал Текелли доложил всесильному фавориту императрицы Екатерины Второй князю Г.А.Потемкину, что чеченские владельцы Казбулат Топлинской и Алибек Батырханов просят «с несколькими подвластными..., переселиться... к Тереку, на плоскость..., удаляясь от злодеев». При этом выяснилось, что тот же Казбулат имеет в собственности на Терском хребте нефтяной колодец и получает «со оного доход». Текелли предложил поселить указанных князей по Тереку, ниже Моздока напротив станиц «Моздоцкого казачьего полку».[18]

Процесс переселения чеченских князей на Терек усилился после 1785 г., когда в Чечне развернулось народное движение под руководством имама Мансура, имевшего и социальную направленность. Происходит настоящий исход титулованной знати из-за Сунжи на правый берег Терека.

По данному поводу известный знаток прошлого народов Кавказа П.Г.Бутков писал, опираясь на документальные источники: «Сии владельцы... основали новые селения на плоскости между Сунжи и правого берега Терека в противоположности гребенских и моздоцких казачьих станиц, как-то девлетгиреевцы... имели в 1784 году 400 дворов, Росламбековцы, при Росламбеке Айдемирове выгнанные,...

имели в двух селениях 400 дворов, Кайтуковцы, Терловы..., против Наура основали два селения; казбулатовцы... основали селение около Наура близ Терловых».[19]

Официальный документ от 1841 г. подтверждает в основных чертах информацию П.Г.Буткова, что земли по правому берегу Терека «более сорока лет тому назад (т.е. в конце XVIII в. - Я.А.)... были отданы в владение предкам... лиц (Эльдаровы, Алхасовы, Турловы и др. - Я.А.) с условием водворить там аулы...; владельцы привлекали к себе кумык и чеченцев..., и новые поселенцы... производили у владельцев все сельские работы, платили им ясак... [Так] образовались значительные деревни, которые некоторым образом считались уже собственными».[20]

Выясняется, что из-за нехватки чеченских князей привлекались на Терек и близкие чеченцам кумыкские князья. Тот же представитель тарковских князей - Али-Алхасов, основал в 1798 г. пригласив чеченцев напротив станицы Галюгаевской селение Али-юрт. Селения в Надтеречье основывала и нетитулованная чеченская верхушка. В 1797 г. чин прапорщика получил некий «Улумо Мудо-Рук Саидов..., (который. - Я.А.) живя с народом около реки Терека принес с ним покорность правительству». В прошении ротмистра У.Лаудаева от 1862 г. говорилось, что «его прадет Ногай-Мирза... переселился (из Нахч-Мохка. - Я.А.) на Терек где (основал. - Я.А.) тот аул,... Ногай-Мирза-Юрт.»[21] Это был, пожалуй, самый западный аул в истории расселения чеченцев в XVI-XVIII вв., если не считать Пседаха основанного позже, в первой четверти XIX в.

В 40-х гг. XIX в. в междуречье Терека и Сунжи было, без учета Старого Юрта и Брагунов, не менее 16 селений, в которых считалось до 1900 домов и до 5,5 тыс.жителей (мужчин). Заселены были надтеречные селения, по мнению Н.Г.Волковой главным образом нахчмахкоевскими фамилиями, а также выходцами из приаргунских и галанчожских горных обществ, из сел Кумыкии и Нагорного Дагестана.[22]

Система управления в аулах Надтеречной Чечни, за исключением нескольких крестьянских сообществ была «княжеской», с наличием только отдельных институтов горской сельской общины. В таких селениях говорит документ XVIII в. «поселяются добровольно чеченцы на праве оброка, но не дают помещикам никакой над собой воли.. Они дают (князю. - Я.А.)... за землю некоторое количество в год хлеба, пашут его поле, сеют, жнут, косят траву; он же во все время этих работ сытно их кормит».[23]

Господствующим диалектом чеченского языка в Надтеречной Чечне стал нахчмахкоевский диалект, на основе которого, как известно, сложился плоскостной диалект Чечни.

Таким образом, процесс внутренней колонизации Чечни в конце XVIII в. охватывает северные районы страны, т.н. Надтеречную Чечню, площадью более 2 тыс. кв. км вводя ее в хозяйственное и этнополитическое поле всей Чечни. Следует отметить, что как бы не старались «владельцы» терских аулов дистанцироваться как «верноподданные» России от коренной части Чечни им этого не удавалось. «Кровная» связь с «старыми» аулами упрочивалась теперь и на экономическом интересе.

Вместе с тем, необходимо учитывать то обстоятельство, что заселение Надтеречной Чечни совершалось не только с формального соизволения российских властей, но и преодолевая их сопротивление. Так прочное и густое заселение левобережья Терека между Моздоком и Червленской станицей новыми казачьими станицами и укреплениями в 70-80-х гг. XVIII в. сделало неактуальной идею заселения правобережья лояльным горским населением. Тем более, что с заселением чеченцами правобережья Терека усиливалось их стремление к открытию противоположного берега в хозяйственных целях (главным образом зимние пастбища) и для беспрепятственного сообщения с степными народами (ногайцами, калмыками), Большой Кабардой и «старыми» станицами Терско-Гребенского казачьего войска. К началу XIX в. правый берег Терека «на протяжении ста верст» (от Моздока до укрепления Амир-Аджи-юрта. - Я.А.) принадлежал Чечне»[24], и чеченские аулы все активнее «заглядывали» на левый берег Терека.

Казачья линия по Тереку. Появление первых русских поселений в пределах современных границ Чечни относится к 1567 г., когда при впадении Сунжи в Терек была сооружена первая русская крепость на Кавказе. В 1571 г., после сожжения Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем, по требованию Стамбула Терская крепость была снесена, а гарнизон выведен к Астрахани.[25]

В 1578 г. русская крепость в виде Сунженского острога возобновляется на Терской косе, на Сунже, однако из-за угрозы крымско-турецкой стороны вновь сносится в 1579 г., а стрельцы выводятся на Волгу. Однако казаки на этот раз не только не выводятся, но продолжают нести свои службы в стратегически важном районе бродов и переправ, где скрещивались военно-торговые пути. Это были т.н. «вольные» казаки, представлявшие

собою вооруженные отряды во главе с выборными атаманами, служившими за «повременную плату».[26] «Вольными» они назывались в отличие от «служилых» и «городовых» казаков имевших постоянное жалованье и назначенных «голов» в качестве командиров. Представляли собой казаки род легкой кавалерии выполнявшей охранную, разведывательную и походную службы в мирное и военное время.

Начиная с 1578 г. терские «вольные» казаки, вплоть до строительства большой крепости в низовьях Терека в 1588-1589 гг., числом до 500 человек находились в ведомстве чеченского (ауховского) владельца Ших-мурзы Ишеримова. Князь заявлял, что он находится в союзе с русскими людьми начиная с основания первой русской крепости и при жизни своего отца Ушармы (Ишарим): «а мы тогда с твоими государевыми с терскими атаманы и казаки тебе, государю. служили...». В челобитной терских казаков от 1588 г. подтверждалось, что они «промышляли всяким государевым делом заодин с Ших мирзою с Окуцким...».[27]

В этот период, когда Ших-мурза был «в головах» прорусской партии на Северо-Восточном Кавказе, казаки находились во временном лагере где-то в лесных чащах в районе терско-сунженских переправ. Это обстоятельство подтверждает великий турецкий полководец Осман-паша, который в 1583 г. возвращаясь из иранского похода, по пути в Азов подвергся на Сунже нападению «казаков», отбил их и в ходе преследования, обнаружив в лесах казачий «табор», сравнял его с землей.[28]

Таким образом, указанный казачий табор - легкозащищенный временный лагерь - первое свидетельство о пребывании русских казаков на территории нашей страны.

К 1586 г. относится известие, что группа казаков расположилась у «Горячего Колодца» (район современной станицы Горячеисточненской) на Терском хребте, а на левом берегу Терека находятся две их станицы: Нижняя и Верхняя.[29]

В 1588 г. в нижнем течении Терека, на самой северной протоке в 20 верстах от впадения Терека в Каспий сооружается крупная русская крепость с артиллерией и сильным гарнизоном из стрельцов и городовых казаков. Терские же «вольные» казаки, служащие «за жалованье» - от случая к случаю, устраиваются в районе сосредоточения терско-сунженских переправ, где на Терской косе, на месте «Сунщина городища» был поставлен теперь небольшой острог. Все это входило в систему

своеобразного «предполья» Терской крепости. Так, в 1589 г. терский воевода сообщал, что «вемли все перевозы занятии и укрепити,... а по перевозам послали терских вольных же казаков сто человек».[30]

Казаки селились маленькими отрядами по 20-30 человек в «городках» - небольших укреплениях огороженных рвом и валами с деревянным тыном. Причем казаки, селившиеся на Терском хребте (гребне) назывались гребенскими, а располагавшиеся по берегу Терека - терскими. В конце XVI - первой половине XVII в. казачьи городки встречались в нижнем течении Терека по северным протокам: «на Кизляре» и «на Быстрой»; а так же и выше - между урочищем Моздок и Цареву Броду (до впадения Сунжи). По левому берегу Терека наблюдались отряды атаманов Досая, Парамонова, Оскина, Щевеля и других. Известны по документам Уразов городок, Верхний и Нижний Черленой, Ищерский, Наурский. На правом, южном берегу Терека на Терском хребте и у его подножия возникали и исчезали такие городки как: Леонтьев, Кошлаковский, Щадрин, Сарафанников и Медвежий. На левом берегу собственно нижнего течения Сунжи напротив впадения р.Белой (Гумс), Черной (Джалка), Быстрой (Аргун) и Гремячей также находились временные казачьи городки.[31]

Согласно данным целого ряда авторов основная часть правобережных казачьих городков вплоть до середины XVII в. гнездилась на Терском хребте и его восточной оконечности Брагунском хребте, где находились и все упоминаемые в источниках топонимы: Павлова щель и Павлов колок, Голый гребень, урочище Голый камень, Пименов дуб, Белые реки и т.д. Дело в том, что именно с верхней части Терского хребта обозревались оба берега Терека и «вся степь... на три стороны от Пятигорской Кумы до моря».[32]

В виду того, что основным средством существования вольных терско-гребенских казаков в XVI-XVII вв. были набеги и грабежи, охота и рыболовство, они «кочуют...» не задерживаясь надолго на одном месте. Колебалась и их численность - от 300 до 500 человек - мужчин. В 1628 г. «многие терские казаки... збежали на Дон», в отписке 1631 г. сообщается, что терско-гребенские казаки «на государеву службу идти не хотят, а бредут розно...». Но и в местные казачьи городки и станицы бежали из Руси участники народных восстаний, беглые пленные из горских аулов и сами горцы. На судьбы казаков влияли и политические

события - только в 1653 г. после нападения горского войска совместно с иранскими силами на Сунженский острог до 10 казачьих городков прекратили свое существование.[33]

К середине XVII в. по крайней мере, часть терско-гребенских казаков предстают оседлыми и, что еще важнее, семейными. Более того, складывается единое казачье сообщество - «войско». Здесь известны такие институты, как: казачий войсковой круг (собрание казаков-воинов «всей реки»), станичный атаман - глава «станицы» - казачьего отряда и поселения, войсковой атаман - глава всего войска (таким избирался один из станичных атаманов). Первым войсковым атаманом в 30-х гг. XVII в. стал Федор Шевель. В период военных действий избирался и походный атаман (нередко тот же войсковой атаман).[34]

Со второй половины XVII в. усиливаются попытки центральных и местных, терских властей обязать вольных казаков к обязательной постоянной службе через регулярное снабжение припасами (мука, порох, свинец, оружие) и выплатой денежного жалованья. Эволюция вольного казачества в служилое завершилась в правление Петра Первого, когда во первых мелкие городки в 1711-1712 гг. были сведены в 5 станиц на левом берегу Терека (Червленная, Щадринская, Новогладовская, Старогладовская и Курдюковская), а во вторых, когда в 1721 г. гребенцы были подчинены ведению Военной коллегии. В дальнейшем гребенских казаков частями переводили то на Сулак (1723 г.), то наконец под Кизляр (1735 г.), то увеличивали поредевшие станицы за счет донских и волжских казаков. В 1735 г. было учреждено из остатков переселенных на Кавказ донцов Терское Семейное казачье войско в трех станицах - Каргалинская, Дубовская и Бороздиновская.[35]

Начиная с 1770 г. в пространстве между Моздоком и Червленской станицей по Тереку царские власти поселяют 850 семей донских и волжских казаков (Моздокский Казачий полк) в станицах Галюгаевская, Ищерская, Наурская, Мекенская и Калиновская. Выше Моздока, напротив Кабарды стали укрепленные станицы Екатериноградская, Павловская, Марьинская, Георгиевская, Александровская и несколько одноименных крепостей. Общее число казаков, расселенных по Тереку напротив кабардинских, чеченских и кумыкских земель, составило к 1792 г. 11241 чел. мужского пола.[36]

Следует отметить, что в 1769-1774 гг. объединенными усилиями чеченских и кабардинских сил станицы Галюгаевская, Ищерская и Мекенская были сожжены, а многие казаки «убиты

и увлечены в плен». С отнятием левого берега Терека от Червленной до Кабарды, и степных пространств на всем протяжении Кавказской военной Линии горцы не только «лишились изобилия и богатств», но и получили резкое усиление грабежей их аулов и табунов русскими силами.[37]

Следует отметить, что вследствие культурно-хозяйственной диффузии, межэтнических контактов, в т.ч. и взаимных браков, бегства горских и тюркских представителей в казачью среду здесь рано сложилась гребенская субэтническая группа русского народа.[38]

В 1771 г. путешественник И.А.Гюльденштедт так описывал гребенских казаков и их хозяйство: «казаки со Старогладкой и выше до Червленной называются гребенские. Сначала они жили на и у горного хребта (гребня) предгорий, [а потом] были переселены, причем сохранили свое название... Когда они еще жили в горах, то по большей части состояли из беглых людей, которые потом похищали себе жен у горных народов, что и сейчас видно по чертам лица у многих [из них]... Летом они переселяются чаще всего в маленькие черкесские жилища...

Они занимаются только скотоводством... и живут за счет казенного провианта. Но так как последнего не хватает для жен и детей, то они, как татары, возделывают немного пшеницы..., рожь..., ячмень..., просо..., коноплю. В их садах имеются арбузы, многочисленные дыни, тыквы, огурцы, репа, редька, хрен, капуста, лук, бутылочная тыква и во многих также виноград. Многие казачки занимаются шелководством, но почти только для домашнего пользования».[39]

Таким образом, казачья Линия по Тереку соседствующая с Чечней была вовлечена, в определенной степени, в этническое и хозяйственное поле страны, являясь своеобразным компонентом и участником исторического процесса в крае, наряду с ногайцами, армянами и грузинами также активно расселявшимися по Тереку, под Кизляром и в Бурунной степи и связанных с Чечней в XVI-XVIII вв. торговыми, хозяйственными, культурными и родственными связями.

В 1785 г. Екатерина Вторая учредила Кавказское наместничество включив в него Астраханскую и Кавказскую области. В 1786 г. были определены границы Кавказской губернии и ее округов и уездов. В частности по Тереку пролегли границы следующих уездов: «1.й Кизлярский уезд по Каспицкому по морю до устья Терека, и поооному вверх до самых границ где кончается дача Гребенского войска, от оной прямо

к норду, до реки Кумы, вправо сей линии земля Кизлярской округи, влево Моздоцкой округи. 2.й Моздоцкая округа начинается от помянутых дач Гребенского войска, вверх по Тереку, до урочища Ерашты, от оной прямою линиею к норду».[40]

Следует в заключение настоящей главы отметить в качестве частного замечания, что в XVI-XVIII вв. политическое устройство Чечни на первый взгляд, парадоксально развивалось от феодального, аристократического типа к «народоправству». Очаги княжеских владений в Чечен-ауле, Атагах, Герменчике, в пограничных аулах западной и восточной частей Чечни утрачивают «княжеско-узденскую надстройку». В какой-то мере «частнособственнические» аулы, возникают в Надтеречной Чечне, но политическую карту плоскостной Чечни определяются системы, которые С.М.Броневский назвал «крестьянскими республиками».

Второе частное замечание касается Терско-Гребенского казачьего войска, которое пусть и в другой системе координат складывалось по типу горского «вольного» общества. По крайней мере, по наблюдениям историков, отношения чеченцев с гребенскими казаками выстаивались на той же основе, что и с другими горскими соседями. С ними могли враждовать, но никогда не стремились их уничтожить как, например, станицы Моздоцкого казачьего полка. Гребенские казаки стали своеобразной частью горского мира.

В-третьих, необходимо учитывать, что заселение Надтеречной равнины и в целом междуречья Терека и Сунжи от Брагунов на востоке до Кабарды на западе подчинялось известной закономерности в общем процессе реконкисты и миграции чеченцев на север от гор. Данное освоение левобережья Терека не было частным явлением, обязанным стремлению горских князей создать анклав феодального уклада. Как правильно заметил один из современных историков-этнографов (Ю.Ю.Карпов) со ссылкой на У.Лаудаева и других, что чеченцы освоили вначале долину Сунжи (Чеченская равнина) и «прошли далее к Тереку» (здесь: «Старейшины чеченского народа обсуждали... вопрос о том, чтобы перекинуться на левый берег Терека и хозяйственно овладеть левобережными бурунами...»),... и вероятно распространились бы далее за оною, если бы не встретили к тому препятствия «в виде колонизации края русским населением».[41] На деле чеченцы столкнулись с укрепленными вплоть до артиллерии станицами Моздоцкого казачьего полка.

В качестве общего вывода к данной статье можно заметить, что, несмотря на видимую раздробленность политической карты Чечни, здесь четко проявлялось действие центробежных сил, что видно на примере регионального типа больших образований как Чебарлой, Шарой, Шатой, Карабулак, Чеченское владение, Нахч-Мохк (Ичкерия) составленных из множества вольных обществ. Весьма важным фактором, кроме наличия общих политических интересов всех чеченских обществ, складывания единого хозяйственного поля и некоего системообразующего центра по долине Сунжи, было наличие единого нахского языка и победа ислама как монотеистической религии в большей части обществ Чечни до конца XVIII в.

Чеченцы, раздробленные на множество фамилий, аулов, обществ и региональных зон, ущелий и ассоциаций смогли в течение своей истории выработать общие адаты, научились политической и общественной дисциплине, солидарности в общенародных делах.

Политическое устройство Чечни в XVI-XVIII вв. показывает вместе с тем и тяготение, по крайней мере, в XVI-XVIII вв. отдельных нахских обществ по периметру страны на Кумыкию, Нагорный Дагестан, Грузию и Кабарду, не говоря конечно о еще более широкой ориентации чеченцев на Россию в XVIII в.

В целом, генезис чеченских обществ в своих естественно-исторических округах и регионального типа ассоциациях (своеобразных протогосударств) в течение XVI-XVIII вв. привел к появлению и соответствующих общенациональных установок, целей и задач в плане освоения плоскости в западном, северном и восточном направлениях.

---

[1] В 20-30-х гг. XVII в. шибутяне из Аргунского ущелья нападали на городки русских казаков на Терском хребте. - См., Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII вв. Сб.док. Сост. Е.Н.Кушева. М., 1997, С.111-112.

[2] См.: Лавров Л.И. Надписи мавзолея Борга-каш // Известия Чечено-Ингушского НИИЯЛ Т.V. Вып.1. История. Грозный, 1964; Ахмадов Я.З. Брагунцы // Энциклопедия культур народов Юга России. Т.1. С.76.

[3] Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII веках. Т.1. М., 1957. С.302.

[4] См.:РГАДА. ф.121. Оп.1. Д.1 Л.1-5; Русско-чеченские отношения... С.39-88, 168-176, 276, 306; Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.596; Материалы полевой экспедиции автора 1983 г. Информатор Хубиев А.А., 1934 г.р., житель с.Брагуны.

[5] Броневский С.М. Указ. соч. Изд. 1823 г. Ч.II. С.96-97.

[6] Гильденштедт И.А. Указ. соч. С.255.

[7] См.: Волкова Н.Г. Указ. соч. С.180-181; Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.597; Гусейнов Г.-Р.А.-К. Кумыки-брагунцы // «Возрождение». № 5. Махачкала, 1999. С.30.

[8] См.: Броневский С.М. Указ. соч. С.162; Буцковский А.М. Указ. соч. С.244.

[9] См.: ЦГАРД. Ф.Кизлярский комендант. Д.2708. Ч.II; Там же: Ф.379. Оп.1. Д.356. Л.51; Д.724. Л.110; РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.1. Л.79; Ставропольские губернские ведомости. № 43, 46. Ставрополь, 1857; и др.

[10] Было заложено в 1770 г. сыном Девлет-Гирея Бамат-Гирей Бековичем-Черкасским.

[11] ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.7999. Л.52.

[12] См.: Волкова Н.Г. Указ. соч. С.183; Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С.593; Информаторы Батукаев Э.А. 1913 г.р. и Гайлаев М., 1930 г.р. жители с.Толстой-юрт Чеченской Республики.

[13] ГЦАРД. Ф.379. Оп.1. Д.425. Л.22.

[14] См.: ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.568. Л.37-37 об., Тотоев Ф.В. Указ. соч. С.325-326.

[15] См.: ЦГАРД. Ф.379. Д.725. Л.52. [Фальк] Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. T.VI. СПб., 1824. С.61; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч.II. Спб., 1869.С.112.

[16] Любимов С.В. Князья Бековичи-Черкасские. М., 1915. С.18; в 1824 г. генерал А.П.Ермолов передал тому же и Бековичу-Черкасскому (уже полковнику «земли бывшей «Малой Кабарды» до 100 тыс.десятин с условием их заселения. Последний стал селить здесь чеченцев, кумыков и кизлярских окочан. - Волкова Н.Г. Указ. соч. С.209.

[17] См.: ГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.1183. Л.10-10 об.; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.186.

[18] РГВИА. Ф.52. Оп.1/194. Д.481. Л.82-83.

[19] Бутков П.Г.Указ. соч. Ч.II. С.112.

[20] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е гг. XIX века. Сб.документов. М., 1959. С.307-308; В июне 1840 г. таких аулов было: Старый Наур, Эмингуловский, Мурдарова, Ногай-Мирза-Юрт, Боян-Юрт, Кагерман-юрт, Мамакай-юрт, Гунешки, Мижи-юрт и др.

[21] См.: Гриценко Н.П. Указ. соч. С.183-184; Тотоев Ф.В. Указ. соч. С.302-303.

[22] Волкова Н.Г. Указ. соч. С.184-185, 188, 208-209; при этом надо учитывать, что представители нахчмахкоевских фамилий в Надтеречье были выходцами чаще всего из «старых» плоскостных аулов по Сунже и Качкалыку.

[23] РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.192. Л.159-159 об.

[24] Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. Т.23. № 9. СПб., 1855. С.52.

[25] Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа, их связи с Россией. XVI - первая четверть XVII в. М., 1963. С.243-244, 255.

[26] Белокуров С.А. Сношение России с Кавказом. 1578-1612 гг. М., 1888. С. XXXVII, 5; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.34-35, 36.

[27] Русско-чеченские отношения... С.13, 18.

[28] Cortepeter C.M. Ottoman Imperialism Daring the Regormation: Europe and the Caucasus. New-York-London. 1972. P.83.

[29] Юдин П. Первые поселения гребенцов // Терские ведомости. № 7. Владикавказ. 1913.

[30] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С.81, 94, 119; Козлов С.А. О появлении русского казачества на Тереке // Вестник ЛГУ. Сер.2. Вып.3 (№ 16). Л., 1988. С.90.

[31] См.: Русско-чеченские отношения... С.111, 113, 122, 137, 172, 175, 208; Кушева Е.Н. О местах первоначального расселения гребенских казаков // История и география России XVIII века. Ч.2. М., 1981. С.20, 28-43; Козлов Сергей. Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVIII вв.). Изд. 2-е. СПб., 2002. С.12.

[32] См.: Ткачев Г.А. Гребенские, Терские и Кизлярские казаки. Владикавказ, 1911. С.170-172; Мужухоев М.Б., Плиев А.А. Об одной попытке определения места первоначального расселения гребенских казаков // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т.X. Грозный, 1976. С.351-358; Акиев Х.А. К вопросу о расселении гребенских казаков на Тереке. Интернет: http://www.targim.ru; и др.

[33] См.: Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.123; Гриценко Н.П. География расположения казачьих станиц по рекам Тереку и Сунже в XVI - середине XIX века // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С.129; Козлов Сергей. Указ. соч. С.16-20; Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Интернет: http://www.cossackdom.com/book. (С.17 из 27).

[34] См.: Заседателева Л.Б. Терские казаки (сер. XVI - нач. XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974. С.229; Козлов Сергей. Указ. соч. С.22-25; Великая Н.Н. Указ. соч. Интернет (С.17 из 27).

[35] См.: Потто В.А. Два века Терского казачества. Т.1. Владикавказ, 1912. С.23-25; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.194-195; Гриценко Н.П. Указ. соч. С.130-131; и др.

[36] См.: Географические и исторические сведения о новой пограничной Линии Российской империи, проведенной между рекою Тереком и Азовским морем. Ч.IV. СПб., 1790. С.152;

И.А.Гильденштедт. Указ. соч. С.52; Гриценко Н.П. Указ. соч. С.133-134; Козлов Сергей. Указ. соч. С.117.

[37] АКАК. Т.V. Тифлис, 1873. С.843; Козлов Сергей. С.155-156.

[38] Великая Н.Н. Указ. соч. Интернет (С.18 из 28); Волкова Н.Г. Указ. соч. С.196-197.

[39] Гильденштедт И.А. Указ. соч. С.57.

[40] ГАСК. Ф.235. Оп.1. Д.4. Л.1.

[41] Карпов Ю.Ю. Указ. соч. Интернет (С.3, 6 из 8); Лаудаев Умалат. Указ. соч. С.13.

Глава 5. Система управления в Чечне XVI-XVIII вв. Династия Турловых.

§ 1. Управление в аульных общинах и «вольных обществах

В XVI-XVIII вв. на территории Чечни протекали процессы усложнения общественно-политической жизни как в традиционных «старых» горных аулах и обществах, так и в «новых», равнинных обществах (возникших главным образом в XVII-XVIII вв.). Если в горной части края к началу исследуемого периода мы имеем примерно 35 союзов аульных обществ, называемых в источниках и литературе «землицы», «вольные общества», а то и «республики» и «конфедерации», то в равнинной части края, мы имеем по крайней мере до 9-10 крупных союзов обществ, часть из которых успели побывать в роли феодальных владений - княжеств.

Классических горских княжеств в стране сложилось четыре - Окоцкое, Чеченское, Брагунское и Герменчиковское (затем Девлетгиреевское). Однако, такие общества как Нижний Карабулак, Гехи и Качкалык будучи «крестьянскими республиками» применяли некую систему призвания князей инонационального происхождения. Кроме того, на рубеже XVIII-XIX вв. по Тереку возникают т.н. «частновладельческие аулы» горской титулованной и нетитулованной знати.

Собственно же Окоцкое владение (Аух) проделало в течение трех веков путь от типичного феодального «Юрта», до вольного общества под феодальным протекторатом эндерейских князей, а затем и самостоятельного образования в форме союза вольных обществ.

Система управления в союзах сельских обществ на территории Чечни при некоторой региональной специфике и субъектных особенностях в своем общественно-политическом развитии носило некие универсальные черты и зиждилась на таких институтах, как: старшины (старейшины), жрецы, муллы и кадии, аульные сходы (позже называемые джамааты), советы старейшин и народные собрания союза обществ,

региональные и общенациональные собрания (называемые порой Мехк-Кхелл).

Следует прежде всего отметить, что важнейшим признаком суверенности того или иного общества являлось наличие четких границ. Складывание границ между отдельными сельскими общинами и союзами обществ происходило в соответствии с географическими факторами, на основе освоения определенного территориально-хозяйственного пространства. Так, в горах: «Ядром такого объединения чаще всего, но не всегда, становится котловина или долина с примыкающими ущельями, водоразделами и плато, образующими самодостаточную экологическую нишу с четкими границами в виде водоразделов, русел крупных рек и т.п.» отмечает видный дагестанский историк А.Е.Криштопа.[1]

Согласно этнографическим наблюдениям в Ингушетии известного ученого этнографа Б.Далгата границы земель между отдельными селениями и целыми обществами утверждались порой путем принятия клятв и исполнения определенных обрядов сакрального характера. На расстоянии 0,5-1 версты на линии межевания ставились камни «ардырж» принесенные из святилищ; а где невозможно было мерить из-за рельефа «там мерят на глазомер, - отмечал Б.Далгат, - поэтому одному доставалось мало, другому много; потому-то кидали жребий ...».[2]

Свои наблюдения на эту тему приводит и другой автор начала XX в. - М.И.Иванов, путешествовавший по делам службы в горах Чечни. Он указывает, что общества (именуемые им «старшинства») Ялхарой, Акки, Галай и Нашах (Хайбах) «имеют в своем пользовании земли, расположенные в очерченных ... границах, котловины, и кроме того значительную площадь нагорья, ... с раскинувшимися на этом пространстве лугами, вплоть до границы вертикального распространения лесной растительности по северным свесам хребтов Болой-лам и Нашхой-лам...».[3]

«Ущелье (ч1ож)», «гора (лам)», «плоскогорье, склон (шу, Иист)», «территория, земля (мохк)», включающие все топографические условия характерные для местопребывания больших и малых обществ Горной Чечни являлись пространственной формой их существования как человеческих сообществ. В структуру обжитой территории (чаще всего ущелья) «входили село, пашенные сенокосные угодья и леса, а так же вспомогательные жилищные комплексы при местах для осенне-весеннего и летнего выпаса скота».[4]

Собственно расположение сел или более мелких поселений входивших в систему общества определялось несколькими факторами: так горцы стремились размещать селения на наиболее освещаемом и прогреваемом склоне горы, ущелья (это как правило южная сторона). Другими факторами были близость реки, родника и естественные оборонительные возможности рельефа.[5] Как правило горные аулы Чечни не носили скученного характера, а представляли собой небольшие группы башен-усадеб с хозяйственными постройками.

«В Кистинских землях - писал С.М.Броневский ... каждое колено разделяется на малые общества или союзы, заключающие в себе несколько деревень, из коих одна признается главою союза или сборным местом, и обыкновенно все общество называется по имени главной деревни».[6]

Необходимо отметить, что в последние годы в кавказоведении сформировались некоторые общие представления о собственно горских союзах обществ как самоуправляемой гражданской общины, состоящей из вольных граждан объединенных в свои аульные джамааты и напоминающей демократические греческие полисы древности.[7]

Джамаат состоял из узденей родственных линий («г1ар», «некъе») совместно владевших пастбищами, покосами,[8] лесами и осуществлявших консолидированный суверенитет на определенной, исторически сложившейся территории. Каждый джамаат в пределах данного горского общества функционировал на основе неписанного свода юридических правил — адата, а с укреплением ислама и норм шариата — мусульманского законодательства.

В отношении указанных выше «родственных линий» начиная с XV111 вв. в научной литературе используется термин «фамилия». Он употреблялся для обозначения иногда более «широкой группы родственников, иногда сравнительно ограниченной группы родственников, иногда для обоначения семейной общины».[9]

Обычно главой таких фамилий в нахских обществах являлись старшие по возрасту, либо наиболее влиятельные и опытные. Однако, реальная их власть дальше собственной семьи не распространялась; остальные «фактически ему послушны, хотя могут и не слушаться». И это проистекало во многом из-за раздельности имущества, наличия частной собственности отдельных семей на землю, скот и орудия производства.

В XV111 вв. роль старшин особенно рельефной и заметной выглядят в равнинной части Чечни. «Посоветовавшись с народом» чеченские старшины решали и сложные внешнеполитические вопросы и внутренние проблемы. К концу указанного века царские власти на Тереке предпочитают брать заложников - аманатов в залог «спокойствия» не от князей, а именно от старшин. В документах встречаются имена таких влиятельных лиц, как «первого старшины Аджи Бекея», «дер. Гребенчуковской Джавбатыр Зоришева», «дер. Атагинской Лечи Бертсланов», «дер. Карабулакской Цырка Дастков», «от Амырханова броду от старшины Зорокая Бисолтанова» и т.д.[10]

В больших селениях, где жило по несколько фамилий, каждая выдвигала своего «старика»-медиатора, разбиравших спорные дела не только в кругу своих родственных линий, но и между фамилиями. Но исполнение их «приговоров» зависело от доброй воли соперников.

Конечно существовал и фамильный эгоизм, преобладание «сильных» фамилий доминировавших в «демократических» собраниях, но в целом частные интересы сталкиваясь с общенародными интересами, уступали последним.[11]

Важнейшим институтом общественной системы Чечни являлись народные сходы, на котором присутствовали все главы семейств («отцы»). Решения, принятые как в масштабе аула, так и в масштабе союза обществ признавались обязательными. Естественно, что на подобных собраниях первенствовали духовенство, старейшины избираемые зачастую «из богатейших», а также «значительные» молодые люди[12].

В целом, институты т.н. «родовых» старейшин и народные собрания оставаясь первым органами «правительственной и судебной власти» нахов Чечни имели потенциал превращения «в органы складывающейся государственности». Сход и советы старейших аулов во всех горских обществах Кавказа совмещали функции правительства и суда. Система сходов и собраний была многоуровневой - от схода аула до схода одного общества, затем региона и до народного собрания в масштабах всей страны. Различался только круг рассматриваемых и решаемых проблем.[13]

В качестве примера типичного народного собрания большого союза обществ можно привести описание конца XV111 в., данное П.Г.Бутковым по отношению к обществу «Ингуши» (Ингушетия). В собрание по призыву «бегола» (председа-тельствующего) «является обыкновенно один человек

из семейства, старик или молодой, кто случится дома... Впереди садятся на запад, поджав ноги старики одной деревни... к ним таким же образом примыкают старики других деревень - и составляется круг; и позади стариков сидят молодые же ... Такие собрания делают по общенародным делам или в случае военной тревоги, либо для деления земли под хлебопашенство и сенокосы», либо в частных громких случаях - воровство, убийство, примирения враждующих или определения размеров сборов и штрафов отмечал П.Г.Кутков.[14]

Вместе с тем, в процессе развития общественных структур в Чечне проявлялись попытки укрепления патрицианских и аристократических начал, когда более сильные, состоятельные фамилии ставили в неравноправное, покровительствующее положение менее многочисленные фамилии. Подобные фамилии стремились и зачастую добивались, чтобы общественные должности переходили наследственно в пределах одной «фамилии».[15]

Ярким примером аристократического начала служит в той же Чечне история фамилии Алдамовичей в Чеберлое. Она в течение второй половины XV11 в. сооружает цитадели и замки, вступает в равноправные договорные отношения с соседними титулованными князьями Дагестана (в частности Турловыми).[16] Однако в результате неясных причин Алдамовичи полностью исчезают с политической арены до конца XVII в. Как бы то ни было старшинская верхушка заняла в стране к XVIII в. «высшую ступеньку социальной лестницы».[17]

Следует отметить, что на территории Чечни рано стало выделяться и прослойка военных предводителей. В той же Горной Чечне именно в эпоху позднего средневековья складываются комплексы боевых и жилых башен характеризуемых как замки, цитадели и укрепленные поселки со всеми боевыми приспособлениями к осаде и обороне от нападения внешних врагов. Боевые башни снабжаются глухими подвалами с массивными железными цепями и ошейниками, в которые заковывали пленников.[18]

В различных регионах Горной Чечни сложился в XVI-XVII вв. цикл преданий о военных вожаках. Так, благодаря военному предводителю Меда из Кей-Мохка, жившему не позже XVI в., игравшему видную роль как в Кее, так и во всем Галанчожском ущелье, произошло возвышение Кея и окружающих его обществ Горной Чечни.[19] Не ранее XVII вв. и не позже XVIII в. в горах Галанчожа возвысились авторитетные вожди - тхьмада, которые

возглавляли отряды делавшие набеги на кумыкских, кабардинских князей и на тогдашних союзников последних - западнонахские (ингушские) общества. Безусловно это ситуация того времени, когда галгайцев и джераховцев нуждавшихся в предгорно-равнинных землях обращали в своих вассалов местные кабардинские и более дальние кумыкские владельцы имевшие сильные профессиональные дружины.

Предания сохранили имена аккинцев Вокхала, Сьюйре и Лорса, кейца Солса, мержоевца Цицаха и орстхоевцев Макхала, Бюьрга и Ч1ожа. Особой известностью пользовался тот же предводитель отряда акинцев Лорс, совершавший набеги на Кабарду через земли Галгая. Видимо поэтому имя Лорса звучит и в галгайских преданиях, что еще раз оворит об исторической достоверности данного героя. Позже галгайцы и джераховцы стали поддерживать галанчожцев в борьбе с кабардинскими феодалами.[20]

В тех же галанчожских обществах позднего средневековья происходила внутренняя борьба за лидерство патрицианских фамилий. Так, представители местных знатных родов из с.Энселишка добивались подчинения потомков знаменитого Меда, живших в «крепких башнях Зингилоя». Последний представитель данного рода Сулда-Вениг бежал от соперников в Кабарду, где при содействии кунаков своего отца пдобрал надежный отряд, пробрался с ним в горы и перебил жителей Энселишка.[21]

На последних этапах развития традиционного общественного уклада чеченцев (до образования государства - имамата Шамиля) выборы военных вождей приобретают на той же Чеченской равнине институциональные формы: «в обычных условиях старейшины, то есть те, кому перевалило за шестьдесят, решают на своих собраниях вопросы управления, судят тяжбы; при первом же сигнале к войне они на своем собрании выбирают молодого воина, который, благодаря доблести и хитрости, более всего достоин встать во главе воинственных соплеменников и тот, ...получает из рук трех самых старейших членов собрания кольчугу и знаки обретенного сана».[22]

Высокой была роль местных старейшин (старшин) и в такой крупной конфедерации горных обществ как Шуьйта (Шатой/Шубут), где документы называют под 1628 г. такие имена как «Арасланко и Декитко», под 1642 г. «Дикеев сын Алха», в 1647 г. «Алги, Анак, да Ильдей с товарищи...». В 1658 г. в Москве при дворе царя Алексея Михайловича побывала шатоевская

делегация в составе: «Алихан, Сусла, Алгян...». В отношении глав шатоевских поселений русские источники использовали различные социальные термины, как-то: «начальные люди», «выборные лучшие люди» (таковыми например названы и представители «Мичкизской земли»), в 1762 г. в документах назван и «шубанский владелец Казий и сын его Маджи...».[23]

Отдельно стоят в чеченской историографии имена представителей социально-общественной верхушки Ауха (Окоцкой земли) XVI-XVII вв. принадлежавших к титулованной горской знати. Если Ших-мурза Ишеримов и Батай Шихмурзин были владетельными князьями, то представители ауховской феодальной фамилии «Кохостровых /Костровых», имевших небольшое количество узденей (дворян) и по несколько десятков крестьян относились к феодалам среднего ранга. Большая их часть в течение XVII в. «выезжала» на службу в Терский город, некоторые оставались жить в «старых Окохах», на положении первостепенных вассалов эндерейских князей.[24] Естественно они имели свое место в системе управления аулов и общества в целом.

Как отмечает С.Ц.Умаров в известных источниках XVI-XVII вв. упоминается около 10 «окоцких» мурз, и один мурза из «мичкизян» - Сакуликов. Некоторые нахские уздени-аталыки владетельных служилых князей Сунчалеевичей в Терском городе (тот на Бикша Алев), сами имели узденские дворы.[25]

Следует указать, что в XVIII в. новым явлением для системы управления на территории Чечни стало усиление значимости и роли мусульманского духовенства.

Если в отдельных «деревнях» с одной мечетью были муллы, то в крупных аулах, где мечетей было «сколько обитает в оном фамилий» (живших в отдельных кварталах), один из мулл избирался в кадии (судья): «причем не уверяются той ли он фамилии или другой, лишь бы был природный чеченец». Во главе духовенства больших обществ находился так называемый «духовный начальник» (муфтий- ?), скорее всего один из мусульманских богословов-алимов. Так, в 1783 г. таким «начальником» в Чеченском обществе был «аджи (хаджи-Я.А.) Нугай Мурза»[26].

Согласно данным конца XVIII - начала XIX в. «селения чеченцев управляются с согласия кадия старейшими по летам в каждом колене. В деле общем для всех племен чеченских соглашаются предварительно о месте, где быть совету. Больше собираются в селении Герменчик, а потому каждое селение

посылают туда своего кадия и всякое колено своих стариков. Определению сего сейма все беспрекословно повинуются».[27]

Таким образом, в течение трех столетий система общественного управления в Чечне проделывает путь от простых институтов народоправства языческого времени в горных обществах, до сложной иерархии фамилий, фамильных старшин, народных собраний, авторитетного исламского духовенства (внедрявшего шариат) и феодальной верхушки в форме титулованной аристократии в огромных обществах плоскостной зоны.

---

[1] Криштопа А.Е. Горный Дагестан накануне присоединения к России: социоестественная характеристика//Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 344.

[2] Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. следование и материалы 1892-1894 гг. М., 2008. С.201-202.

[3] Иванов В.И. Верховья р.Гехи// Записки КОРГО. Т.15. Тифлис, 1902. С. 294-295.

[4] Дмитриев В.А. Концептуальное пространство традиционной культуры и пространственное поведение народов Северного Кавказа. Интернет (Jndex). С. 4 (из 37).

[5] Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. СПб., 2007. С. 80.

[6] Броневский С.М. Новейшие известия о Кавказе собранные и дополненные Семеном Броневским: в 2-х томах. Т. 1, т. 2. Подгот. Н.К.Павлова. СПб., 2004. С. 179.

[7] См., Агларов М.А. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII - начале XIX в. М., 1988.

[8] За исключением окультуренных участков покосов за пределами общинного покосного места. Исключительно в частной собственности находились искусственно созданные террасные участки и «ирзу» - поляны освобожденные от леса.

[9] Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 23.

[10] См.: АВПР МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1784-1785 гг. Оп. 118. Д. 1. Л. 3 об. - 4 об. ; Там же: Ф. Кизлярские дела, 1771 г. Кн. 2. Л. 146-147 об.; ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1171. Л. 43-43 об.

[11] См. Далгат Б.К. Указ соч. С. 128, 141, 152.

[12] См.: Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (т. пол. XV111-40-е гг. X1X в.) Рук. дисс. канд. ист. наук. М., 1966. С. 255; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XV111 веке. Грозный, 1991. С. 27-28.

[13] См.: Гантемирова Ф.А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XV111 в. - первая пол. X1X в.). Рук. дисс. канд юрид. наук. М. 1972. С. 59; Северный Кавказ в составе Российской империи. Под ред. Р.Ю.Абдулатипова. М., 2007. С. 67-68.

[14] Бутков П.Г. Из «Известия о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре»//Россия и Кавказ - сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001.С. 12-13.

[15] Аталиков В.Т. Вайнахи по известиям европейских авторов//История, этнография и культура народов Северного Кавказа//Орджоникидзе, 1981. С. 123; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 28; и др.

[16] Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. (гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо-Восточного Кавказа). Махачкала, 2006. С. 69-70. (В документе названы имена Алдамовичей: «Казы», «Ума», «Белибек», «Казаны»).

[17] Умаров С.Ц. О позиции старшин в антиколониальной борьбе Чечни первой трети XIX века//Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. X. Грозный. 1976. С. 300.

[18] Умаров С.Ц. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии («эпохи среднего средневековья»). АЭС. Т. III. Грозный. 1969. С. 161-162; Его же: Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья горной Чечено-Ингушетии//АЭС. Т. II. Грозный, 1968. С. 231-232.

[19] Интернет: http://www.esharsh. com/sorum (свидетельства потомков Меда).

[20] Интернет: http. vainah. ond/sorum/arcluve/index. php/t-330. html; Там же: vainah - org/sonum/printt-hread...

[21] Иванов М.А. Указ. соч. С. 290-292.

[22] Хуан Ван-Гален. Два года в России//Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. СПб., 2007. С.354.

[23] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 138 об.; Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII вв. Сб. док. Сост. Е.Н.Кушева. (Далее: Русско-чеченские отношения...). М., 1997. С. 112-113, 184; Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу о общественном строе вайнаков (Письмо 1657 г. из Шибутского джамалата царю Алексею Михайловичу) // Советская этнография». № 6. М., 1978. С. 108; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.27.

[24] См.: Русско-чеченские отношения... С. 96-108, 139-143, 150-163 и др.; Магомадова Т.С. Окоцкие мурзы Кохостровы в Терском городе//Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2008. С.122-130.

[25] См.: Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т. 1. С. 153-154, 193-195, 220-225, 265, 284, 315 и др.; Русско-чеченские отношения... С. 98, 102, 139-145, 226-229, 267, 325-326 и др. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 81, и др.; Умаров С.Ц. К политической и социально-экономической истории Чечни XVI-XVII вв.//АЭС. Т. IV. Грозный, 1976. С. 198-199.

[26] См.: РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 4. Л. 243; РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 159 об. Самойлов К. Заметки о Чечне//Пантеон. Т. 23. № 10. С-Пб., 1855. С. 33 и др.

[27] Бутков П.Г. Из «Известия о бывшем в кавказских горах лжепророке Мансуре. С.9.

§ 2. Династия Турловых и феодальное устроение Чеченского княжества - государства

Подобно тому как образование норманских княжеств на славяно-финских землях Волхова и Ладоги на рубеже IX-X вв. привело к образованию государства Киевской Руси и способствовало складыванию русского народа, так и появление в середине XVII в. на левобережье р.Аргун (Северо-Восточный Кавказ) Чеченского княжества послужило укреплению единства нахов и сложению чеченского этнополитического ядра.

В этом плане уже русские авторы XIX в. опиравшиеся в основном на местные предания, писали что: «соединившись под властью князей (Турловы. - Я.А.) разноплеменное население Чечни составило довольно сильное общество, могущее, в случае нужды, противопоставить хорошее сопротивление враждебным соседям...

Выгодным переворотом в своей судьбе Чечня несомненно и единственно была обязана соединению своему под властию князей Турловых; и пока Чечня не стала сильна и могущественна, пока она нуждалась еще в одной сильной руке, ... до тех пор власть князей уважалась».[1]

Один из современных исследователей - дагестанский лингвист и историк Т.М.Айтберов впервые введший в научный оборот местные арабоязычные документы XVII-XVIII вв. о Турловых пришел к выводу, что Турловы - боковая ветвь аварских нуцалов, которая к концу XVI - нач. XVII в. утвердилась в качестве самостоятельных правителей округа Гумбета (включая Аргвани - некогда независимое владение) в Дагестане, а позднее к 40-м гг. XVII в. и в средней и нижней части течения Аргуна в Чечне. Тем самым образовалась некая аваро-чеченская феодальная федерация, которую Т.М.Айтберов определяет как «княжество-государство».[2]

Действительно, чеченское феодальное владение, возникшее на Аргуне в середине XVII в. и просуществовавшее до конца XVIII в. сыграло значительную роль в истории народов Чечни и их взаимоотношениях с Россией. Его основателями были выходцы из Аварии - князья Турловы, положившие начало ряду чеченских феодальных фамилий, что отмечено в историографии.[3]

К концу XVI в. правящий в Аварии нуцальский род разделился на три ветви: одна из них - потомство Каракиши - имела в своем уделе Гумбет (одно из обществ Нагорного Дагестана).[4] Отсюда представители правящей фамилии стали переселяться на территорию современной Чечни и к 40-м гг. XVII в. наследники Каракиши - Турловы появились на р.Аргун (правом притоке р.Сунжи), то ли по приглашению местного населения, как говорит о том фольклорная традиция, то ли по праву первой заимки.[5] Здесь был основан аул Чечен («Чачан»), ставший центром Чеченского феодального владения. Приведем несколько извлечений из архивных документов XVII столетия:

«И в прошлом же во 1651-м году генваря в 25 день по государеву указу про реку Сунжу на Москве допрашиван окольничей князь Венедикт Ондреевич Оболенский, а в допросе сказал: как де он князь Венедикт был на государеве службе на Терке (приблизительно между 1645-1649 гг. - Я.А.)[6] и при нем де поселились было на Сунше реке уварские люди дале того места где поселились барагунские мурзы и он де князь Венедикт по челобитью терских и гребенских атаманов и казаков для утеснения, велел тех уварских людей городки разорить и их сбить и сена пожечь. И посли де того уварские люди на те места для селитьбы не бывали. А где де поселились барагунцы и то де место х казацким городкам ближе прежние уварских людей селить бы».[7]

Следовательно, первоначально «уварские люди» поселились было в междуречье Терека и Сунжи (на левом берегу Сунжи), где позднее закрепились брагунцы, но были изгнаны царскими властями по причине их столкновений с казаками. Тогда, по-видимому, они и поселились в низовьях правобережного притока Сунжи - р. Аргуна, откуда в 1658 г. направили в Москву устную челобитную через грузинского царя Теймураза: «Бил челом великому государю поданной его царского величества грузинской царь Теймураз Давидович: из горские де земли били челом великому государю на ево государево имя три брата - Загастунка да Алибечко да Алиханко, да племянник их Кучбарка, аманаты де их взяты на Терек, а ныне де они живут великого государя на земле Чачане. И о той земли били челом они великому государю, чтоб тое землю ево государевы люди у них не отъимали и не обижали и рыбу б им всякую ловить. И как и иные черкасы и казаки великому государю служат, так бы им государеву службу служить». В ответ на это обращение «великий государь пожаловал, велел им дать свою государеву грамоту, чтоб их никто не изобижал и рыбу им ловить».[8]

Известия ряда русских документов XVII в. «позволяют определить трех братьев-чеботичиков как аварских мурз Турловых и сообщают о «Чеченевской деревне», находившейся во второй половине XVII в севернее Шибутской земли, т.е. об ауле Чечен на левом берегу р. Аргун в нижнем ее течении».[9]

Согласно семейному преданию Турловых, сообщенному в 1756 г., честь «открытия» поляны «Чачан-тала» (по существу центр Чеченской равнины) и первоначального ее освоения принадлежала среднему брату Алибеку (Алибек): «И тогда упомянутый Алибек с подвластными ему людьми прибыл на поляну Чачан-тала и тут обосновался, сделав ее местом жительства».[10]

Фольклорная же традиция называет основателем селения Чечен и Чеченского владения исключительно Алихана Турлова («Турло Алха»).[11] Возможно, это объясняется ранней смертью Алибека, последовавшей до сентября 1665 г., когда в очередном официальном документе он перестает упоминаться, а называются только Загаштока «с братьями своими, с Алханом да с Уцмием и с Магоматом». Последние - Уцмий и Магомет (а также Айдемир и Шавкал) являлись на деле сыновьями Алибека, а не братьями Загаштоки и Алихана.[12]

Грузинский царевич Николай Давыдович (Ираклий) определил в 1665 г. владение Турловых на Аргуне, как «Уварское

владение», подразумевая аварское происхождение Турловых, являвшихся родственниками аварского хана в Хунзахе. Грузинский епископ Епифаний, в том же 1665 г., проследовавший было по Аргуну, писал, что «блиско де того города (городище Чечен. - Я.А.) ныне поселился деревнею кумыцкой мурза Алкан, а на Тереке у негодан во аманаты племянник ево». Тем самым роль младшего из Турловых - Алихана, судя по сообщению Епифания, была не меньшей, чем Загаштуки.[13]

К 1675 г. Алихан (судя по всему, последний из трех братьев оставшийся в живых) старший и единовластный владелец, он пишется в документах уже как «чеченский Алхан мурза». Где-то во второй половине XVII в. его сын Турлов («Турулав б.Али-хан») был приглашен на правление в дагестанское общество Гумбет (Баклулал - «прибыл в край баклулальцев, по их просьбе, быть для них султаном». Вскоре, однако, он был убит в войне с соседями: андийским правителем Али-бегом.[14] В 1707/8 г. мы находим правителем «в Чеченцах» бея Амирамзу. Этот титул, который привел один из башкирских султанов (Мурат Кучюков), попавший в Чечню, свидетельствует, на наш взгляд, о главенствующем положении Амирамзы. Судя по количеству чеченского ополчения, указанного под 1708 г. - около 700 чел.[15], по крайней мере в аулах Амирамзы насчитывалось не менее 700 дворов, ибо, как правило, в подобных военных сборах выставлялся один воин от двора.

Именно к 1707-1708 гг. относится первое известие о широком народном движении на Северном Кавказе, центром которого стал Чечен-аул и соответственно Чеченское владение. Чеченцы признав духовным «владыкою» чингизида, башкирского хана Мурата Кучюкова появившегося на Тереке в ходе своего возвращения из посольства в Стамбул, организуют совместно с ногайцами и кумыками поход за Терек на враждебных калмыков,[16] а затем в феврале 1708 г. штурмом берут Терскую крепость.

В конечном счете горцы потерпели поражение под крепостью, а Петр Первый обязал калмыцкого хана Аюку совершить в отместку поход «к Тереку на чеченцев и на Терских ногайцев... и велел их разорить».[17]

К 1720 г. следует новое известие о «чеченцах»: оказалось, что они имеют «семь местечков и другие села и деревни, а владеет ими князь именуемой Тирлагов сын, который живет и княжует в местечке называемом Буюк Кент, ...»[18] Буюк-Кент или Буганюрт, более известный как аул Алда, назван таким образом

резиденцией правящего князя, чье имя открыто под родовой фамилией «Тирлагов (Турлов. - Я.А.) сын».

Позже, И.Гербер, русский автор XVIII в., обрисовав в своей работе о западном побережье Каспия некий «Чеченский уезд», главным князем назвал правителя«именем Казбулат». Данные И.Гербера относятся к 1728 г. Через 4-5 лет, в 1732 г., русский офицер Д.Ф.Еропкин центром Чеченского владения назвал, как-то было и в XVII в., «деревню» Чечен: «Деревня Чечен, а в ней владельцы: 1. Камбулат. 2. Амир-Гарзе. 3. Айдемир, да их владения деревни: 1. Хажиали-аул. 2. Астанкул. 3. Жатага. 4. Шихкирей. 5. Сурь. 6. Хамбат-аул. 7. Башен-баха-аул. 8. Алда».[19]

Со смертью старшего князя Казблата в 1732 г., убитого, по словам И.А.Гильденштедта, восставшими подвластными: «Хасбулат убит самими чеченцами»,[20] старшинство перешло к князю Айдемиру Бардыханову. Данные обстоятельства связаны с новыми фактами, характеризующими рост национального единства чеченского народа и требуют своего изучения. Так, из русских документов 1732 г. становится известным, что в июне-июле месяце «под Чечен-аулом» произошло скопление от 8 до 14 тыс. горцев, в котором помимо плоскостных чеченцев, были «тавлинцы» (жители горных районов Чечни и Дагестана), ауховцы и кумыки. При этом, в роли руководителя выступал некий религозный авторитет «Аджи (хаджи. - Я.А.)», призывавший к походу на «неверных» горцев с цею утверждения ислама. Старшим князем в Чечен-ауле являлся тогда Казбулат (Хасбулат) утверждавший, что данное «собрание» не имеет антироссийской направленности. Однако царские генералы направляют в Чечню воинский отряд,который Казбулат сопровождал и при его разгроме под Чечен-аулом был убит.[21]

Следует отметить, что следующий старший чеченский князь Айдемир в 1733 г. собрал ополчение в помощь 25 тыс. армии крымского царевича Фети-Гирея, двигавшейся в Иран через Северный Кавказ и Прикаспий. На переправах на р.Белой (Гумс), он разгромил с крымцами войска генерала Гессен-Гомбурского. Но в то же время два взрослых сына - Казбулата - Алибек и Алисултан, были в русском лагере.[22]

В 1735 г. тот же Айдемир собирает силы уже против крымского хана Каплан-Гирея двигавшегося тем же маршрутом в Иран и имевшим неосторожность потребовать от Чечни не союза, а подданичества и «позорной дани» людьми. Предание

утверждает, что на битву с ханом «Всех чеченцев, сколько было, / В Хан-Калу тогда собрали». Скорее всего руководил сражением Айдемир, который перед этим постоянно нападал на хана отбивая лошадей и беря пленных. Благодарные власти назначили ему и его узденям 300 рублей жалованья в год.[23]

В первой половине XVIII в. в Чеченском владении, которое можно определить и как княжество-государство, сложились три феодальные фамилии - Турловы,Казбулатовы и Айдемировы. О том, как делилось между ними управление княжеством, ответ дают документы середины ХУШ в. Так, приехавший в Кизляр в 1746 г. чеченский владелец Чопан Турлов объявил о смерти старшего князя Айдемира Бардыханова и рассказал положении дел следующее: «после ево в Чеченском нашем владении наследниками остались мы, а именно: первое сродство я, Чопан Турлов, второе Албек и Алисултан Казбулатовы, третие после умершего владельца Айдемира осталось три сына (Арсламбек, Расламбек, Бардыхан. - Я.А.)... И у нас у трех фамилий владение Чеченское разделено на трое, а именно: Чеченскою деревнею (в данном случае, в смысле «владением». - Я.А.) по обеим сторонам р.Сунжи владел бывший владелец Айдемир с племянниками Албеком и Алисултаном Казбулатовыми, а у меня имеется особливая удельная деревня, называемая Алда, в которой имеется 500 дворов. У нас же у трех фамилий имеетца под владением тавлинские деревни Гумпети (в Дагестане. - Я.А.), в которых с 1030 дворов...».[24]

Дополнительные данные дают сведения от ноября 1747 г., согласно которым владение было поделено окончательно на три части, за счет разделения Казбулатовых и Айдемировых: «оное Чеченское владение разделяется на три равные части... одною частию владеет Турлов, второю владеет Албек и брат ево родной Али Султан Хаспулатовы, а третю частию владеет Арасламбек, Айдемиров сын, з братьями. У них же имеется в горах одна тавлинская деревня Гунпети с протчими к ней принадлежащими малыми деревнями». Старшим владельцем был избран Алибек Казбулатов.[25]

Несколько загадочно, на наш взгляд, выглядит положение алдинского Турлова. Он, согласно документам, имел третью часть в «Чечнях и Гунпете», однако проживал «не в Чечнях, [а] особливым домом поблизости Чечня в называемой собственной ево деревне Алде». Здесь находилось целое семейство Турловых - некий Ахловов, его сын или брат Чопан и некий «Танчик

Актолин», единственный раз упомянутый в 1759 г. Сын одного из Турловых по свидетельству 1753 г. имел под управлением аулы «Кулай» и «Шахгирей». Под 1775 г. упоминается и некий Магомет Турлов, родственник Чопана.[26]

Своеобразие положения Турловых заключалось и в их особых отношениях с фамилией Казбулатовых: «Алдинской народ напред сего (т.е. ранее 1737 г. коим датируется документ. - Я.А.) состоял подвластной предписанных владельцов Али Солтана и Алибека у отца их Казбулата, а по смерти его по старшинству достались того владельца Казбулата племяннику, а оных владельцев двоюродному брату Турлову, а после оно уже досталось владельца Албек и Али Султану». Однако алдинцы попросили Казбулатовых не объединять их под общим управлением наравне с чечен-аульцами «ибо де у нас брата вашего Турлова сын живет Чопан, который де ваш родственник, а по нем и мы де ваши и потому желаем быть с вами в покойстве». Вероятно поэтому в 1762 г. Алисултан Казбулатов заявлял кизлярскому коменданту, что «всеи Чеченское владение две части принадлежат мне и алдинцы, послушны для того, что владелец их мне родственник... чеченских народов половинное число принадлежат [мне]»[27].

Однако соперничество Казбулатовых с фамилией Айдемировых за преобладание в Чеченском княжестве, остро протекавшее в 40-50-х гг. XVШ в., закончилось не в пользу Казбулатовых. В 1757 г. Казбулатовы информировали об этом русские власти в Кизляре: «хотя мы все чеченцами счисляемся токмо между нами есть разность, а древней у нас порядок в том состоит, ежели когда соединимся и от которого владельца аманат содержатся будет тому все чеченцы послушны бывают и как владелец Росланбек Айдемиров аманат от себя отдал то и мы перешли на новое жилище на реку Сунжу» к Росланбеку. Таким образом, Расланбек Айдемиров стал старшим князем Чеченского владения и в этой роли просуществовал до самой смерти (1784 г.). В 1782 г. пограничные царские власти в лице генерала П.С.Потемкина последний раз подкрепили главенство Расланбека, определив его владельцем «над Чеченцами».[28]

Следует отметить, что в принципе, во владениях Турловых существовала «удельно-лестничная система» наследования верховной власти, когда правителю наследует не сын, а брат правителя или племянник (старший по возрасту из фамилии).[29] В Чеченском владении начиная с Расланбека правил тот князь, который выдавал аманата русским властям и отвечал по обязательствам всего княжества.

В результате неясных для нас событий Казбулатовы потеряли не только главенство, но и какую-то часть владений: «оная наша старая земля (может быть имеется доля непосредственно в Чечен-ауле или в другой части владений? - Я.А.) досталась по жеребью владельцу Расланбеку», писали они в 1758 г. К тому времени численность чеченского народного ополчения к середине XУШ в. достигала до 2000 человек[30]. Таким образом количество дворов в аулах Чеченского владения было по всей видимости не менее двух тысяч. Народное движение 1757-1758 гг. в Чечне, имевшее антифеодальные и антиколониальные мотивы, было значительным политическим событием, которое показывало рост этнополитической солидарности основной части населения края. Так, потенциал собственно чеченцев живших по Аргуну, на которых боем шли царские войска, составлял по данным русских властей до 2000 воинов. Но к ним на помощь шли отряды из Герменчика, Шали, Гехи, Нахч-Мохка, Качкалыка, Чеберлоя, Шатоя и Ауха. Кроме того были призваны на помощь воины из Дагестана: андийцы, кумыки (из Аксая и Эндерея), гунбетцы, эрпелинцы, андалалцы и другие составлявшие внешний круг ближайших союзников.[31]

Ставка Казбулатовых была в начале в селении «Яртюп», затем в мае 1758 г. они перешли в «Таплы». Алисултан скорее всего остался здесь, а Алибек Казбулатов «с домом своим и фамилиею перешел, по просьбе алдинцев, которые под власть ево Албека, в верность пришли, в деревню Алду...»[32], где как говорилось выше, сидели его родственники Турловы.

К концу 60-х гг. XУШ в. взаимоотношения чеченских князей несколько обострились. Клан Казбулатовых, состоявший к тому времени из Алисултана, его сыновей и племянников (детей покойного Алибека), которым подчинялось до пяти чеченских селений, вступил в соперничество с Айдемировыми. Спор шел из-за царского жалованья (Алисултан требовал себе такой же суммы, что выплачивалась старшему князю Расланбеку Айдемирову) и дележа подвластных земель. Только к 1770 г. споры были наконец урегулированы.[32]

Документальные данные о взаимоотношениях сочленов фамилии Турловых во второй половине XУШ в. отрывочны. Тем не менее мы можем предположить дальнейшее дробление Чеченского владения и усиление усобиц. Приведем два-три документа 80-х гг. XVIII в.: так, в своем письме от марта 1782 г. к российским властям, чеченский старший владелец Расланбек

Айдемиров напоминал, что в бытность на Тереке генерала де Медема (70-е гг. ХУШ в.) он поделил земли на Сунже между ним и детьми Алибека (Казбулат и Алихан) и Алисултана (Татархан, Алакуат и Шашака) следующим образом - «первое мне - от Трех бугров[34] до моей деревни (скорее всего аул Новый Чечен на Сунже. - Я.А.), а Казбулату и Татархану от нашей деревни до займищи Чиртины...» Однако далее начались княжеские ссоры: «И по сие времени Татархан с Казбулатом пребывали в согласиях, а как Татархан умре, то Алакуата и Шашакана упоминаемой Казбулат из деревни выгоняет...».[35]

Где-то в 1782 г., Алихан Алибеков, владея совместно с братом Казбулатом аулом Топли, пытался распространить свою власть над новым аулом Амирханов Брод на Сунже, утверждая: «тут де есть мое место»; однако жители аула приглашали на княжение то сына Расланбека - Мусу Расланбекова,то Аллакуата и Шашакана. Племянник Раслабека Айдемирова - Алибек Батырханов, оказался в то же время владельцем другого нового аула «Сунженской деревни».[36]

Интересно отметить, что Алибек Батырханов и «Казбулат Топлинской» в 1783 г. просили царские власти разрешения переселиться с Сунжи непосредственно на правый берег Терека, под защиту царских укреплений, где они намеревались основать новые селения. Того же добивался и чахкеринский владелец Алихан Нурмаматов, состоящий в родстве с чеченскими владельцами Али Солтаном и Ароланбеком Айдемировым, управлявший селением до 200 дворов. Алихан имел сына Аллакувата Алханова.[37]

Стремление чеченских князей удалиться с Чеченской плоскости к русской пограничной линии объяснялось во многом активным накалом антифеодальной борьбы. Турловы стремительно теряли свое влияние, так к концу ХУШ в. царские власти на Северном Кавказе даже перестали брать из их семей аманатов. Заложники «прибирались» из чеченской аульной знати. Они то и обеспечивали «спокойствие» крупнейших чеченских селений во взаимоотношениях с Россией. Быстро росшее в ХУШ в. население Чеченской плоскости, к концу века насчитывало не менее 6-8 тыс. дворов.[38]

Социальный и политический кризис в Чечне конца ХУШ в. вылился в мощное народно-освободительное движение под руководство имама Мансура. Это движение протекало в 1785-1791 гг. и по существу заслонило в глазах русских военных властей

на Кавказе судьбу чеченской титулованной аристократии. Она практически исчезает из поля зрения. Один из самых влиятельных чеченских князей последнего времени - Расланбек Айдемиров, который пользовался влиянием в Чечен-ауле, в Больших Атагах, Сунженской деревне, Амирханов Брод умер не позже 7 июня 1784 г.[39]

Из поля зрения совершенно исчезают многочисленные потомки Алисултана и Алибека Казбулатовых; «чеченский князь Муса Расланбеков» последний раз встречается на переправе через Терек в январе 1790 г., когда он с одним узденем направлялся в Кизляр. Единственно только одна ветвь гумбетовских выходцев, жившие во второй половине ХУШ в. на положении бедных родственников в селении Алда - Турловы, сохранили фамилию, переселившись на Терек: «в 1800 г. было сих владельцев Магамет и Муса и двоюродный брат из Алибек». Они основали новые селения на праве личной собственности, превратившись из скромных «владельцев» в довольно состоятельных землевладельцев.[40]

Небезынтересно отметить, что члены династии Турловых в период XVI-XVIII вв. именовались в арабоязычных документах Дагестана титулами «эмир» и «султан», в документах написанных на тюркском языке титулом «бек» и «бей/бий» (весьма редко и «Туръхан»), на аварском языке все члены ханского дома именовались «нуцалчи», а в чеченском языке существовал древний социальный термин - «эла» (князь, правитель).[41] В русских документах члены фамилии Турловых называются «владельцы» и «князья», но обращение к ним от комендантов Кизляра было либо безличным, либо достаточно скромным - «Ваше почтенство».

На этом по существу и прекращается история Чеченского феодального владения и чеченской правящей фамилии. Однако не в малой степени благодаря этой фамилии в период второй половины XVII-XVIII вв. на протяжении всей Чеченской плоскости сложилось сильное национальное ядро: «пространство... обитаемое одним племенем ... не имеющим никакого между собой политического разделения... везде то же самое равенство и безначалие, совершенно одни нравы, обычаи и наклонности...».[42]

Список старших князей-правителей Гумбета и Чеченского княжества на сегодня выглядит следующим образом:[68]

Имя	Время правления	
	Начало	Конец
1. Каракиши	не позднее 1604 г., а скорее не позднее 1589 г.	не ранее 1618 г.
2. Турурав 1	не ранее 1618 г.	ранее 1645 г.
3. Загаштук	не позднее 1645 г.	не ранее 1674 г.
4. Алихан	не ранее 1674 г.	не ранее 1675 г.
5. Бартихан	не позднее 1679 г.	80-90-е годы XVIII в.
6. ТурурavII	80-90-е годы XVII в.	80-90-е годы XVII в.
7. Мухаммад	90-е годы XVII в.	90-е годы XVII в.
8. Амирхамза	не позднее 1708 г.	не позднее 1728 г.
9. Хасбулат	не позднее 1728 г.	до 1732 г.
10. Айдемир	с 1732 г.	до 1746 г.
11. Алибек	с 1746 г.	до 1757 г.
12. Арсланбек (первый раз)	с 1757 г.	до 1769/70 г.
13. Ахмадхан	с 1769/70 г.	до 1770/71 г.
14. Алисултан	с 1770/71 г	до 1774/75 г.
15. Арсланбек (вторично)	с 1775 г.	до 1777 г.
16. Кучук (в Гумбете - ?)	с 1775 г.	до 1777 г.

[1] Самойлов К. Заметки о Чечне//Пантеон. Т. 23, Кн. 9. С-Пб., 1856. С. 75-76.

[2] Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. (гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо-Восточного Кавказа). Махачкала, 2006. С.7-17, 24.

[3] См.: Буцковский А.М. Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей. Рукопись. См., РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 300; Зиссерман А.А. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 2, СПб, 1879; Иванов И. Чечня // «Москвитянин», 1851. № 19; Бакиханов А.К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926; Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии//Вопросы истории Дагестана. Сб. статей. Вып. 1, Махачкала, 1974; Исаева Т.А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII веке.//Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Сб. статей. Т. 11, Грозный, 1977; Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов//»Советская этнография». № 6, 1978. Айтберов Т.М. Источники по истории Аварии XVI-XVII вв.//Развитие феодальных отношений в Дагестане. Сб. статей. Махачкала, 1980; и др.

[4] Айтберов Т.М. Указ. соч., С. 193.

[5] См.: Буцковский А.М. Указ соч. Л. 62 об.; Зиссерман А.А. Указ. соч. С. 433; Н.Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 85. Отметим, что Бакиханов А.К. (Указ. соч. С. 90), писал, что, якобы, плоскостная Чечня принадлежала ранее эндерейским князьям и отошла к Турловым в качестве возмещения за убийство одного из представителей этой фамилии.

[6] Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т. 1, М., 1957. С. 260, 299.

[7] РГАДА. Ф. Кумыцкие и Тарковские дела. Оп. 1, 1652 г. Д. 1. Л. 7-8.

[8] См.: Русско-чеченские отношения... С. 200; Кушева Е.Н., Усманов М.А. Указ. соч. С. 106-107.

[9] Кушева Е.Н., Усманов М.А. Указ. соч. С. 107.

[10] Оразаев Г.М.-Р., Ахмадов Я.З. К истории политических связей Чеченского феодального владения с Россией в XVII-XVIII вв. (Публикация источника)//Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII - начало XX в.). Грозный, 1983. С. 34-35.

[11] Самойлов К. Заметки о Чечне//Пантеон. СПб, 1858. Т. 23. Кн. 9. С. 72-73; и др.

[12] Русско-чеченские отношения... С. 207, 220.

[13] См.: Русско-чеченские отношения... С.205, 207. Исаева Т.А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII веке//Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. X1. Грозный, 1977. С.90.

[14] См., Русско-чеченские отношения... С. 218-219; Агларов М.А., Айтберов Т.М. «Повествование об Али-беге Андийском и его победе над князем Турулавом б.Али-ханом Баклулальским. Как источник по истории Дагестана XVII в//Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII - нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 124, 126.

[15] Материалы по истории Башкирской АСС. Ч. 1. М.-Л., 1936. С. 240.

[16] Дело в том, что калмыцкий хан Аюка с огромными массами конницы ещё в конце XVII в. не раз вторгался за Терек, где громил союзных кумыков и ногайцев, забирая большую добычу. В 1693 г. Аюка действовал в границах современной Чечни, где в низовьях р.Сунжи разграбил и увел в плен практически все население Брагунского владения. Только в начале 1694 г. по требованию российских властей «восемьсот юрт людей» брагунцев были отпущены из лагеря Аюки и вернулись в родные места. - См.: Шмелев А.С. Русско-дагестанско-калмыцкие отношения в XVII в.//Кавказ. Балканы. Передняя Азия. Вып. 2(9). Махачкала. 2004; Интернет: http://www.kumukia. ru.(Стр. 6 из 8-ми).

[17] См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. СПб. 1830. С. 421; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 232, 240-243; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991г. С. 39-41.

[18] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1720 г. Оп. 115/1. Д. 3. Л. 1.

[19] История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С. 70, 123.

[20] Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. Пер. Ю.Ю.Шафрановской. СПб., 2002. С. 309.

[21] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1758 г. Оп. 115/1. Д. 11. Л. 230; Ахмадов Я.З. Указ соч. С.49; Бирюков Андрей. Дела давно минувших дней // Журнал «Дош». № 4. М., 2004. Здесь опубликованы документы РГВИА (Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 36. Л. 33).

[22] См.: Смирнов В. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты вXVIII в. до присоединения его к России. Одесса, 1889. С. 206; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 49.

[23] См.: Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. 1. СПб, 1859. С.122; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 50-52; Боков Хажбикар. Слово о вайнахах (взгляд изнутри). М., 2000. С.10-12.

[24] ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1, Д. 113, Л. 41-42 об; Ставропольские губернские ведомости. № 9. 1858. С.63; О подчиненности аулов Гумбета и ряда аварских (хунзахских) селений чеченским Турловым (сохранявшим удел в Хунзахе) писал И.А.Гюльденштедт (Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. Пер. Ю.Ю.Шафраховской. СПб, 2002. С.245-246).

[25] РГВИА, Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 79 сб., 94.

[26] РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1, Л. 94, 95; ГАРД, Ф. 379, Д. 3574, Ч. 4. Л. 9; Там же: Д. 3318, Д. П. Ч.2, Л. 138; Там же: Д. 2901. Ч. п. Л. 45.

[27] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Д. 3172. Ч. 1. Л. 49 об.; Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII в. - 40-е гг. XIX века). - М., 1966. Рук. дис. канд. ист. наук. С. 305.

[28] См.: Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Ч. 2. С. 109-110. АВПРИ МИД РФ. Кабардинские дела, 1758 г. Оп. 115/1. Д. 11, Л. 12 об.

[29] См., Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 22.

[30] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1757 г. Оп. 115/1. Д. 9. Л. 1; Головчанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 11, ноябрь. 1914. С. 93-94.

[31] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1758 г. Оп. 115/1. Д. 11. Л. 134, 137, 139, 140, 142, 145, 149 об.; Там же: Ф. Осетинские дела, 1757 г. Оп. 128/1. Д. 1. Л. 25; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 66-67.

[32] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1758 г. Оп. 115/1. Д. 11. Л. 231.

[33] Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968. С. 100, 102, 104.

[34] Местность выше Трех бугров до Сунжи была вначале заселена гехинским старшиной Кайтукой; позже, в 1782 г., здесь поселился и чахкеринский владелец Алихан Нурмаматов с подвластными. - ГАРД. Ф. 379. Д. 2709. Ч. 3. Л. 1

[35] ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1169. Л. 81-81 об.

[36] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 481. Л. 82; ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1169. Л. 107 об.; Д. 1171. Л.43-43 об.; 2709, Ч. Ш. Л. 55-55 об.

[37] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 481. Л. 82-82 об; ГАРД. Ф. 379. Д. 2701. Л. 78; Ахмадов Ш.Б. Об итогах антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в ХУШ в. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. !Х. Ч. 1. В. 1. Грозный. С. 71-72.

[38] См., ведомость аманатов за 1784 г.: АВПРИ - МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1784-1785 гг., Оп. 118, Д. 1, Л. 3 об. - 4; РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 158.

[39] РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Л. 3, 161, 171; ЦГАРД. Ф. 379. Д. 2685. Ч. Ш. Л. 72, 93.

[40] См.: РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 159; ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 2570. Л. 17; Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе Чечни в ХУШ столетии // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1974. С. 223-224; и др.

[41] Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители... С. 22.

[42] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. Махачкала, 1940. С. 309.

[43] См., Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 30.

Глава 6. Исламизация Чечни в XVI-XVIII вв. как фактор этнополитической консолидации нахов-чеченцев

§ 1. Распространение и утверждение ислама на территории края

Исторически нахское население Северо-Восточного Кавказа (между р.Тереком на западе и рр.Аксай-Акташем на востоке) являвшееся в эпоху средневековья в этнографическом плане единообразным, целиком и полностью разделяло местные языческие культы, связанные с обожествлением сил природы и поклонением «потусторонним» силам. В общественном сознании господствовала мифологическая картина мироздания.

Язычество на территории нашего края не сложилось в классическом смысле в религиозное вероучение. Язычники наделяли окружающий мир элементом сакральности; священными являлись небо, горы, земля, деревья, вода, огонь и т.д. Духовное и материальное в язычестве нераздельны, пространство строго структурировано, а время не линейно, а циклично. Боги в язычестве совершенно материальны и наделены тем же набором качеств, что и человек, только в огромных масштабах.

Монотеизм — это совершенно иное видение мира, делящее мир на материальную и духовную сферы, которыми управляет Бог-творец, он же создатель вселенной и человека. Единая для язычества природа бытия делится в монотеизме на материю и дух, который воплощается в Боге, давшем человечеству Божественное откровение (закон) и священную Книгу.[1]

Если в западной части Горной Чечни и Ингушетии в период XVI-XVIII вв. языческие культы оспаривались грузинской церковью, то нахское население центральной и восточной части Горной Чечни подвергались процессу исламизации со стороны Северного и Нагорного Дагестана.[2]

Известно, что исламизация собственно Дагестана шла с юга на север и соответственно исламскими народами объявляли себя

в VIII-X вв. агульцы и лакцы, к концу XIV в. — даргинцы, в XIII-XIV вв. — кумыки, в XIV - началу XVI в. — аварцы, к концу XVI в. - андоцезские народы и нахи-аккинцы (ауховцы).[3]

Следует отметить, что распространение ислама на Северо-Восточном Кавказе одно время шло путем непосредственного покорения населения исламским государством (к примеру Арабским халифатом или империей Тимура) с установлением соответствующего режима правления, затем через систему «исламских» набегов с целью грабежа «языческих» районов и принуждения к принятию новой религии, через исламских проповедников-подвижников, с посохом в руках и с котомкой за плечами обходивших дагестанские и нахские (чеченские) аулы, и через установление своеобразного мирного «покровительства» мусульманскими княжествами Дагестана неисламизированных районов, население которых хотя бы формально обязывалось к выплате налога - «хараджа» на нужды исламской уммы.

Согласно традиционной исламской доктрине миропорядка страны и земли делились условно на три группы: Дар аль-Ислам (Мир Ислама) - территория мусульман; Дар аль-Харб (Мир Войны) - территория, на которой ведутся войны с государствами враждебными исламу и представляющими угрозу для ислама; Дар аль-Агд (Мир Договора) - территория, где мусульмане не установили свой контроль, но имеют соглашения в т.ч. и в отношении земельного налога. Взамен мусульмане обязуются защищать и покровительствовать таким землям и народам.[4]

Система «хараджа» наименее исследованная сторона процесса исламизации в Чечне: она сводилась к тому, что население неисламизированных, но не подчиненных районов в обмен на «мир»с мусульманами должно было вносить в пользу общеисламского дела подать за право владения и пользования этой землей. Причем подобные земли разделялись на «сектора» между отдельными князьями-эмирами, которые брали на себя роль защиты исламского дела. Плата «хараджа» должна была гарантировать мирную договорную «протекцию» мусульманских правителей над язычниками-иноверцами, включая их защиту от внешних врагов.

Однако, чаще всего и после принятия ислама горцы, жившие на подобных землях продолжали платить налог - «харадж» уже как земельную подать (плюс еще мусульмане выплачивали «закят» - налог с доходов). Теоретически такой налог шел на общие нужды исламского «мира» на Северо-Восточном Кавказе.

Дагестанские эмиры (потомки арабских, иранских и тюркских знатных фамилий пришедших сюда на заре ислама в качестве завоевателей) охотно делили в географическом плане между собой «зоны» и «сектора» внешних по отношению к их владениям земель, в которых они собирали харадж. Так, согласно несколько историческим хроникам шамхалы Кази-Кумухские собирали харадж практически со всей Аварии, включая Хунзахское ханство, а также с лезгин, даргинцев, и с «Мичигича» (восточная часть Чечни) до их исламизации в XIV-XVI вв.[5]

Другие хроники утверждают, что в свою очередь исламизированные хунзахские ханы осваивают сбор хараджа в неисламских андоцезских и аварских обществах западной и северной части Нагорного Дагестана несколько заходя и в границы современной Горной Чечни.

Так, одна из дагестанских исторических хроник (в позднем списке X1X в.) утверждает, что завоеватель Тимур раздал своим ставленникам в Дагестане горские земли, в т.ч. эмиру хунзахцев он якобы отдал людей (и земли) живущих «между рекой гидатлинцев... и горой андийцев (андал), тех киялальцев (кийялал), которые [обитают] позади шибутан (ахл Шубут), Ункратль (Ункрак) и других [горцев, живущих] вплоть до Галгая (Гулга)». Пока еще не проанализированные данные русских документов 1621 г. говорят о посылке из Терской крепости в 1618 г. в горы «ратных людей» по просьбе «[уварского] Нуцала князя и брата его Сулема[на-мурзу] и Черново князя сына Турловы - мурзы» для похода на «непослушников» - «шубуцкие и калканские и ероханские и мичкизские кабаки», которые были разорены и «добили челом» русскому царю».[6] Возможность столь широкого охвата территорий нахских обществ за один летний сезон (от Нахч-Мохка до Галгая и Джейраха) в условиях высокогорья представляется практически неосуществимой, но собственно одно их перечисление достаточно симптоматично, и указывает, что они находились в поле интересов указанной группы князей.

Однако, еще в середине ХУП в. в подлинном письме тарковского шамхала Сурхая к аварскому (хунзахскому) эмиру Дугри-нуцалу предлагается приложить «все старания к взятию моего хараджа с джамаата Чамалал».[7] Выясняется, что жители Чамалала (некогда язычники) были обязаны давать шамхалу по 500 овец. Между тем, в состав андоцезкого общества Чамалала входили и нахские (чеченские) аулы пограничного общества

Кенхи, к тому же эти районы были исламизированы уже в конце XVI - начале XVII в. Тем не менее претензия на харадж сохраняется.

Мы не располагаем ни одним реальным подтверждением, что хунзахские ханы реально получали «харадж» с аргунских аулов и с нахчмахкоевских районов Чечни (исламизированных не позже середины XVII в.), тем не менее в Хунзахе, в канцелярии ханов, еще в первой четверти Х1Х в. бережно сохраняли списки, в которых фигурировали и такие аулы как: «Хекмада» (Хакмадой), «Шикыр» (Шекарой), «Тырли» (Терлой), «Хакку» (Хаккой), «Шубут», «Мулкый» и некоторые другие.[8]

Согласно еще одному источнику - «Повествованию об Али-беке Андийском и его победе над князем Турлавом б.Али-ханом Баклулальским» выясняется, что указанный Турлов (середина - вторая половина XVII в.) вступил в спор с правителем Анди (то-ли родственником, то ли ставленником шамхала Тарковского) из-за хараджа собираемого со «всех задних и южных гор, начиная от Салатав вплоть до Шубута на западе...» При этом Турлов успел «тайно» собрать харадж с селений общества «Тад-будри» (Чеберлой), когда андийцы разгромили его войско, а самого князя убили.[9]

История тем более загадочная, что те же Турловы заключили с чеберлоевцами в лице их патрицианских лидеров Алдамовичей (середина - вторая половина XVII в.) равноправный политический договор о дружбе и военной взаимопомощи выставив в качестве залога верности своей клятвы две башни (два замка). Более того, дагестанский князь Чупан-шамхал, живший во второй половине XVII в. направляет письмо к кадию и «жителям (ахл) наших чабурилийских (Чабурли) селений (кармат) - к большому и малому» с просьбой оказать ему поддержку.[10] Следовательно это вполне мусульманский джамаат, на равных участвующий в политических событиях региона.

Совершенно надежно с точки зрения документальных источников и то, что общество Шатой (Шубут) к середине XVII в. было в принципе исламизированным, хотя здесь и сохранялись еще пережитки языческих и христианских верований. Еще в 1627 г. несколько шибутян с 20 дворами «шертовали» русским воеводам на Тереке, а в 1645 г. представители «шибутян» были приведены к присяге в Терском городе по образцу «шертовальной», т.е. клятва давалась на Коране. В 1657 г. местными старейшинами было написано

письмо к московскому царю на «татарском» языке (т.н. «книжный тюрки») арабской графикой, начинавшееся с эпитета всевышнего Аллаха - «Он!». К середине XVIII в. в Шатое местный кадий Кази-хан назван «владельцем» и он единовластно осуществляет здесь «суд и расправу».[11]

Достаточно документов свидетельствующих и об относительно ранней исламизации огромной нахской (чеченской) федерации вольных обществ Нахч-Мохка (Мичикич, Мичкизская земля). Ранние дагестанские арабоязычные хроники говорят о том, что «нижняя часть Мичикича» входила в шамхальство и с местных аулов взимался харадж, в т.ч. «джизия в пользу Шамхала - десять кайлов [нефти] с [тамошнею] месторождения черного масла (нефти - Я.А.).[12]

По крайней мере с начала XУП в. Мичкизская земля участвует в военно-политических мероприятиях тех же мусульманских князей Северного Дагестана, включая одного из Турловых и Салтан-Магмута Эндерейского: в 1615 г. войска шамхала и русские стрельцы объединившись разбили «на том бою Султан-Магмутовых и Турлова-князя и мичкизских людей, побили до смерти 140 человек...». К 1648 г. старейшины мичкизов готовы принести царским властям присягу на Коране.[13]

Местные предания относят начало ислама в Нахч-Мохке к рубежу XV-XVI вв., когда сюда явился проповедник Термаол (Термол): «Окружив себя усердными последователями, Термаол начал смелее производить обращение (в ислам. - Я.А.) и убивал противящихся...». Его могила находится, согласно некоторым данным, в селении Энакхалла. Другим пламенным проповедником ислама по преданиям был шейх Берсан (XVII в.), принявшийся за активную проповедь после прохождения учебы у алимов в Кази-Кумухе в Дагестане. По другим данным он принял ислам и благодать шейха по просьбе умирающего дагестанского шейха возглавлявшего набег газиев на родное село Берсана и павшего от его руки.[14]

Важно отметить, что в непосредственном соседстве с Нахч-Мохком за рекой Аксай располагалась Окоцкая земли (владение Ишеримовых в ХУ1 в., позже Ауховское общество), население которой пожалуй первыми из нахов приняло ислам. Так, мусульманские захоронения в одном из селений общества - Гачалк, уверенно датируются ХУ1 в. Сам правитель Окоцкого владения Ших-мурза Ишеримов приносил московскому царю «шерть» (т.е. клятву на Коране). При том, в документе от 1586 г.

отмечено, что «у нево грамоты татарским письмом... прочесть некому»,[15] что характерно для обществ сравнительно недавней исламизации.

Испытав в свое время на себе военную и духовную «исламскую» экспансию крупнейшие нахские общества и владения Чечни теперь сами готовы продвигать новое вероучение на запад.

В связи с этим нельзя не отметить следующее объяснение, данное А.-К.Бакихановым, автором Х1Х в., о причинах появления Турловых и Чечне: «эмиры Андреевой убили двух родственников Гумбетовского и Аргунайского эмира, считавшего себя отраслью хана Аварского (Турловы. - Я.А.). Из этого произошла долговременная вражда, которая кончилась тем, что нижняя часть Мичикич, как-то: Чечен-Тала, Герменчук-Шали, Атака и проч., отошли во владение Терлав, родственника убитых.Терлав населил эти места жителями Нахшага (верхняя часть Чечни)...». В связи с этим, необходимо привести еще одно свидетельство остающееся пока неясным: в 1720 г. служилый князь Э.Бекович-Черкасский сообщил о сунженских чеченцах, что «владеет ими князь, именуемый Тирлагов сын..., а прежде сего они бывали под протекциею шамхала горского и Кумытцкого, но лет с 10 как они стали самовольными понеже сильнее они тамо других народов».[16]

История Северного Кавказа не знает подобного подхода к выкупу за кровь. Речь здесь идет скорее о том, что эндерейские князья, считавшие себя ответственными за распространение и укрепление ислама (как когда-то эта роль принадлежала шамхалам Дагестана) в определенном «секторе» - в данном случае в границах региона от р. Аксая до Дарьялького ущелья передала часть «обязательств» гумбетовским Турловым, которые смогли заселить левый берег Аргуна на Чеченской плоскости, а затем и берега Сунжи.

Только этим можно объяснить то обстоятельство, что во второй половине ХУШ в. эндерейские и аксайские князья в лице того же Муртазали-Аджи (Хаджи) патронировали районы западнее Чеченского владения - низовья Ассы - общество Карабулак и Гехи (на р.Гехи). Более того, в 1772 г. в разгар конфликта предгорных ингушей (Ангуштинское общество) с кабардинскими князьями к ним поступило письмо от шамхала Тарковского Муртазали, писавшего: «предсим во времена отцов и прадедов наших ваши отцы и прадеды были подвластными прежним шамхалам и платили подати, для чего и определялся к

вам бегоул..., а для верности при бывших шемхалах содержался в аманате из знатных ваших старшинских детей». Далее шамхал обнадеживал ингушей своей поддержкой и просил направить представителей в Кизляр.[17]

Согласно преданиям, записанным в конце Х1Х - начале ХХ в. некоторые ингушские фамилии из Джейрахского ущелья именовали себя «Шаухуловыми» (Шовхаловы) и считали себя потомками шамхала. Более того, предания ХУП в. о военных вождях из Аькккхи, говорят о столкновении некоего Лорсы с объединенными отрядами нахов-галгаевцев, кабардинцев и «кумыков».[18]

Уже в 1707-1708 гг. в плоскостной Чечне происходит первое массовое движение под религиозными лозунгами - восставшие чеченцы объявляют чингизида Мурата Кучюкова «их закона босурманского святым» и берут штурмом Терскую крепость с участием тех же кумыков и ногайцев; в 1709/10 г. происходит первый «исламский» набег с территории равнинной Чечни на тех же «неверных» нахов-арштхойцев, а в 1732 г. под Чечен-аулом собирается огромное горское ополчение во главе с неким религиозным деятелем «Аджжи» с целью похода на горцев — «неверных» для обращения их в мусульманскую веру. Подобные «исламские» набеги эпизодически следуют до конца ХУШ в. приведя в конечном счете к исламизации западных нахов — чеченцев - карабулаков и галашевцев.

Из равнинной Чечни идет уверенная пропаганда ислама на запад и в отношении тех же ингушей. Так, в в 1761 г. ингушские старшины жаловались в Кизляр, что «чеченцы принуждали нас, чтоб как они обасурманились..., оставя христианскую веру (наличие которой конечно преувеличение. - Я.А.), веровали б в их татарскую...». Скрывавшиеся под религиозными спорами политические разногласия тянулись десятилетиями. В 1785 г. готовя нападение на Кизляр имам Мансур мотивировал сбор войск необходимостью похода на «ингушскоий народ, ... потому что не имеют ни законов, ни веры, ни исповедания». Он же в 1787 г. угрожал флагом исламского набега и Карабулаку, когда горцы отказались от его поддержки. Где-то к 1810 г. «мусульманское племя чеченцев» переселяет к Назрани значительную часть жителей Ангуштинского общества где «проповедники этого племени пытались внушить ингушам религию арабского пророка» в чем потерпели провал.[19]

Вместе с тем, оставалась актуальной и прозелитическая деятельность отдельных кумыкских князей наследовавших

линию утверждения ислама в «закрепленных» традицией за ними районах. Где-то после 1762 г., когда эндерейский владелец и покровитель карабулаков Муртазали-Аджи обещал построить в их земле мечеть и определить муллу, к ним был направлен религиозный авторитет «хаджи Мухаммад, чтобы он обучил [их] исламу и воспитал». И далее в арабоязычном документе XVIII в. утвеждается, что «сейчас ... (карабулаки. - Я.А.) стали [настоящими] мусульманами..., а поэтому их имущества (мал) и их души стали запретными для нас, согласно тексту Корана и сунне, ...». Но следует отметить, что окончательное утверждение ислама в Карабулаке, затянулось по крайней мере до конца XVIII в. В первой четверти X1X в. карабулаки уже сами посылают мулл из своей среды в общество Галашки. Горные акинцы в тот же период заимствовались муллами от равнинных чеченцев.[20]

В 1758 г. во время экспедиции генерала Фрауендорфа против аулов Чеченского владения последние призвали к себе на помощь единоверцев из Дагестана (Аксай, Эндирей, Анди, Гумбет, Андалал и др.) и из самых густонаселенных нахских (чеченских обществ) - Чебарлой, Шубут (Шатой), Нахч-Мохк, Герменчик, Шали, Качкалык, Гехи, Аух.[21] По существу в этих обществах проживало до 90% населения исторической Чечни и это было мусульманское население.

Наряду с исламизацией в Чечне происходит и процесс национальной консолидации нахов. Недаром автор конца ХУШ в. путешественник Я.Потоцкий считал, из говорящих на «мицджегских» (т.е. нахских. - Я.А.) языках мусульманами только чеченцев, остальных язычниками. Другие авторы — И.Гильденштедт и Я.Рейнеггс, полагали, что «кистины» (нахи) делятся на мусульман и язычников (к последним на наш взгляд они относили западных нахов - ингушей и жителей верховьев Аргуна, Ассы и Фортанги) находя в их языческих верованиях и обрядах также элементы древнего христианства. Документ первой четверти X1X в., посвященный описанию высокогорной части Чечни и Ингушетии говорит, что здесь «вера большею частию магометанская, омаровой секты, но есть идолопоклонники и христиане, сии последние суть некоторые жители округов Галга и Джерахи».[22]

Несомненно, что в ХУШ в. та же плоскостная Чечня обретает значительный потенциал для «воспроизводства» ислама. В каждом селении считалось столько мечетей, сколько обитало в нем крупных «фамилий». При каждой мечети, что чрезвычайно

важно, находились училища «в котором преподают арабский и турецкий языки». Автор конца XУШ в. отмечает, что «чеченцы довольно прилежат к сему учению (исламу. - Я.А.) и только самый бедный не отдает детей своих в школу».[23]

Известно, что предгорно-равнинные карабулаки находились, как и ингуши, в обязательных отношениях не только с кумыкскими, но и с кабардинскими (Малой Кабарды) князьями. Последние получали плату с тех же ингушей по 1 рублю серебром с дома и за это должны были «весь год от обид их защищать» и содержать там своего представителя. В отдельные годы такая же практика использовалась в отношении равнинного Карабулака и Гехов.[24] Однако, на сегодня нет ни одного указания, чтобы на кабардинских князей прямо контролировавших почти с XVI в. прилегающие к Дарьялу равнины возлагались какие-либо религиозные задачи по исламизации, организации уплаты хараджа и т.д.

Скорее всего дело заключается в том, что в той же Кабарде XVI-XVII вв. признавала себя мусульманами (и достаточно в формальной степени) только высшая знать. Рядовое население Кабарды судя по всему не приводилось к исламу по причине того, что вызвало бы запрет на обращение рядового населения в рабство и продаже людей в Турцию и Крым. Тем более, кабардинские князья не заботились об исламизации населения в вассальных землях Балкарии, Осетии, Ингушетии и Карабулака. Только в начале XVIII в. обессиленные крымскими нашествиями кабардинские князья были вынуждены заняться исламизацией своих собственных сородичей. В одном из своих писем к крымскому хану Каплан-Гирею потребовавшему в 1707 г. живой дани в 3 тыс. ясырей они указывали: «в каждом селе строятся соборные и приходские мечети и школы, исправно совершается пятикратная молитва и идет обучение юношества. Дозволено ли в священном законе полонить целое полчище народа мухамедданского, подобно воюющим гяурам и отсылать к Вашему присутствию? Есть ли соизволение Божие на то притеснение.»[25]

В заключение необходимо рассмотреть и археологические данные о нашем крае, которые дают несколько иную картину исламизации, в связи еще и с тем, что от признания новой религии и внедрения новых традиций в систему заупокойного обряда и в повседневную жизнь проходит порой несколько поколений, не говоря уже о длительном периоде освоения арабской письменности.

Так, археолог М.Б.Мужухоев полагает, что в районе общества Аух («Гачалкский» некрополь) мусульманские памятники датируются началом XVI в., раннемусульманские кладбища Восточной Чечни (Нахч-Мохк) датируются XVII-XVIII вв., не позднее XVII в. появились и первые мусульманские погребения в горном районе Чеберлой (Макажойская котловина), граничащем с Дагестаном. Успехи исламизации в Аргунском ущелье автор относит к XVIII в., в Галанчожском ущелье (по р. Фортанге) к началу XIX в., а в горной Ингушетии ислам, по его мнению, утверждается на протяжении всего XIX в.[26]

В целом, подобная картина относительно близка к характеристикам письменных источников с поправкой на, как отмечено выше, известное «запаздывание» материальных артефактов от духовных изменений в идеологии общества.

Таким образом, в XVI-XVIII вв. в равнинной, низкогорной и большей части среднегорной зоны Чечни ислам утверждается как господствующая общественная идеология, оказывающая воздействие на все стороны жизни горцев и приводящая к невиданной ранее универсализации некогда разрозненных самодостаточных союзов «вольных обществ». Большое влияние на этот процесс безусловно оказало широкое национально-освободительное и религиозное движение под руководством шейха и имама Мансура в 1785-1791 гг.[27]

[1] Шукуров Рустам. Битва и диалог//»Знание - Сила». № 4, апрель. М., 2008. С. 98-100.

[2] Распространение монотеистических религий на Северном Кавказе и на территории современной Чечни имело давнюю предысторию. По крайней мере с IV в н.э. христианство становится государственной религией Картлийского царства (Грузия) в Закавказье тесно связанного с горцами-нахами, а с VII в. город-крепость Дербент на побережье Каспийского моря захваченный первым поколением арабов-мусульман становится центром распространения новой мировой религии на Северо-Восточном Кавказе.

[3] См.: Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (УП-ХУ вв.). Махачкала, 1969; Курбанов Руслан. Второй этап распространения ислама в Дагестане. Джамааты и махары. Интернет. http://www. islam.ru/pressclub/bistori... С. 2 (из 8); и др.

Исследователь А.И.Шамилев полагал, что «основательное внедрение» ислама в Чечню относится к XIV-XV вв. - См., Пути проникновения ислама к чеченцам и ингушем//Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 3. Вып. 1. Грозный, 1963. С. 104-106.

[4] Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 2003. С. 30-31.

[5] См.: Гаджиев В.Г. Материалы по истории средневекового Дагестана//Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С. 195-206; др.

[6] Русско-чеченские отношения. Вторая половина ХУ1-ХУП в. М., 1997. С. 94-96; Айтберов Т.М., Я.З.Ахмадов. Известия арабоязычных документов ХУ-ХУП вв. об общественных отношениях у вайнихов//Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (ХШ - начало XX в.). Грозный, 1982. С. 62.

[7] Дагестанские документы ХУ1-ХУП вв.//Письменные памятники Востока. М., 1982. -Цит. по: Интернет: htfp://www.vosteit.inso/Dokumenty/XV/Dad-dok 1/text 2.

[8] Хрисанф. Сведения об аварском ханстве. 1828 г.//История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М. 1959. С. 271-272.

[9] Агларов М.А., Айтберов Т.М, «Повествование об Али-беке Андийском и его победе над князем Турулавом б.Алиханом Баклулальским» как источник ео истории Дагестана ХУП в. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в ХУШ - нач. XX в. (Сб. научных статей). Махачкала, 1981. С.123-127, Приложения, № 1.

[10] См.: Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники ХУП в. (гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо-Восточного Кавказа). Махачкала, 2006. С.69-71; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З.Указ. соч. С. 66-67.

[11] См.: АВПРИ МИД РФ. Кабардинские дела, 1755-1757 гг. Оп. 115/1. Д. 14. Л. 65; ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д.524. Л. 138 об; Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII в. Сост. Е.Н.Кушева. М., 1997. С. 112; Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов (Письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу)//Советская этнография. № 6. М., 1976. С.100-103; Магомадова Т.С. О времени исламизации населения Аргунского ущелья//Археология и вопросы атеизма. Сб. научн. трудов. Грозный, 1977. С. 82-83.

[12] См.: Бакиханов А. Гюлистан - Ирам. Баку, 1926. С. 80; Агларов М.А., Айтберов Т.М. Указ. соч. С.123.

[13] Русско-дагестанские отношения в ХУП - первой четверти ХУШ в. Махачкала, 1958. С. 53-54; Русско-чеченские отношения. С. 70, 165.

[14] См.: Попов И.М. Ичкерия (историко-топографический очерк)//ССКГ. Вып. 4. Тифлис, 1870. С.13-15; Лаудаев У. Чеченское племя//Чечня и чеченцы в материалах Х1Х в. Элиста, 1990. С.100-101;Ахмадов Ш.Б., Ахмадов Х.С. Основные этапы распространения и утверждения ислама в Чечне//Ислам в Чечне: история и современность. Грозный, 2008. С. 10-11; и др.

[15] См.: Русско-чеченские отношения... С. 14; Муксухоев М.Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам//Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С. 127-128, 140-141.

[16] См.:Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 90; Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина ХУШ - 40-е гг. Х1Х века). Рук. дисс. канд. ист. наук. М., 1966. С. 300.

[17] ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 855. Л. 49-49 об.

[18] См.: Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892-1894 гг. М., 2008. С. 64; Интернет: http.vainah/ ond/sorum/arehive/index; vainah. ord./sorum/printtliread...

[19] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д.18508. Л.10 (Копия); РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2777. Л. 13. - Выявлен Ш.Б.Ахмадовым (Опубликован: Мусаев А. Шейх Мансур. М., 2007. С. 274. Ахмадов Ш.Б. Шейх Мансур. Грозный, 1991. С. 219-220; Скитский В.Б. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа//Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 1. Вып. 1. Грозный, 1959. С. 190; Henderson 7. Biblical researches and travels in Russia; and the passage as tlie Caucasus. Xondon, Hisbet. 1826. С. 484.

[20] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант». Д. 3318. Ч. 2. Л. 38 об.; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508. Л.5 (копия). Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 47, 50-51; и др.

[21] Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в ХУШ веке. Грозный, 1991. С. 66-67.

[22] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508. Л. 10 (копия); Аталиков В.Г. Вайнахи по известиям европейских авторов//История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С.123-124.

[23] РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 159 об. - 160.

[24] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские дела, 1771. Кн. 2. Л. 59-59 об; АКАК. Т. 1Х. Тифлис, 1884. С. 949.

[25] Емельянова Н.Е. Мусульмане Кабарды. М., 1999. Цитирую по Интернет: http://xit. Lib. ru. С. 17 (из 65).

[26] Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа. (К истории религиозных верований в Х - Х1Х веках). Грозный, 1989. С. 165-169.

В отдельных высокогорных районах Чечни (верховья Чанты-Аргуна, Ассы, Фортанги и Гехи) еще в документах первой четверти Х1Х в. отмечается, что население большей частью мусульмане но есть «идолопоклонники» и «христиане». - РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508. Л.10 (копия).

[27] Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 89-100; Его же: К вопросу о времени окончательного утверждения ислама в Чечне и Ингушетии//Вестник АН Чеченской Республики. № 2. 1999. С. 121-137; и др.

§ 2. Мусульманское духовенство в общественной жизни Чечни XVIII в.

В той или иной мере вопрос о роли ислама и мусульманских священнослужителей в общественно-политической жизни края нашел отражение в ряде исследований.[1]

В источниках ХУШ в. зачастую специально выделялся вопрос о конфессиональной принадлежности чеченцев. Так, в документации Государственной Коллегии иностранных дел России за 1720 г. отразился факт, что плоскостные чеченцы «веру имеют магометанскую». О «глубокой религиозности» чеченцев говорил турецкий историограф ХУШ в. Джевдет-Паша, «чеченцы подлинно лучше в магометанстве, нежели черкесы», - писал в неопубликованной работе П.Г.Бутков. Свидетельства о глубоком укоренении идеологии ислама в чеченском обществе оставили нам английские и немецкие источники.[2]

Необходимо вместе с тем отметить, что в ряде горных районов Чечни ислам был слаб, здесь сохраняли влияние языческие верования, смешанные с элементами христианской религии.

Во главе духовенства отдельных обществ стоял так называемый «духовный начальник», скорее всего один из мусульманских богословов - алимов. В чем заключалась конкретная деятельность подобных краевых руководителей - источники не сообщают. В 1783 г. таким «начальником» обществ равнинной части Чечни являлся «аджжи (т.е. хаджи. - Я.А.) Нугай мурза».[3]

В крупных аулах, где было несколько мечетей, а мечетей чеченцы имел «в каждом селении сколько обитает в оном фамилий» (имеются в виду тайпы. - Я.А.), один из мулл избирался в кадии: «первенствующий в селении называется кади, то есть судья; на место умершего духовного избирается старейшими в фамилии другой достойный, причем не уверяются той ли он фамилии или другой, лишь бы был природный чеченец». В маленьких селениях обыкновенно имелись только «моллы». Подобные муллы «окружных деревень» подчинялись, как правило, кадиям аулов «многолюдных».[4]

Мусульманские судьи-кадии в Чечне избирались старшинами «фамилий», а не назначались, как в исламских государствах. Это и понятно, - здесь не было сложившейся государственности, а система управления, при всем своем сословном характере, носила форму подчеркнутого народоправства. Но если мы вспомним, что уже в ХУШ в. горцы Чечни

избирали старшинами «богатейших», а в народных собраниях господствовали те старшины, «фамилии» которых были многочисленней и богаче других,[5] то станет ясным, что кадии, безусловно, не могли не выражать в своей деятельности интересы верхушки чеченского общества.

Доходы мусульманского духовенства Чечне составлялись из ежегодных обязательных поступлений от прихожан. По одним сведениям, в пользу мечети (имеется в виду главная мечеть селения - «рузбан-маьждиг») каждый двор ежегодно давал 10 мер зерна и 1/5 часть других доходов, по другим - «седьмую часть из урожая... и некоторую часть из добычи (меются в виду посторонние доходы. - Я.А.)».[6] Кроме того, каждая мечеть имела, согласно более поздним известиям, движимое (скот) и недвижимое (пахотные и покосные земли) имущество. Обработкой мечетных земель и уходом за животными занимались рядовые верующие, не получая никакого материального вознаграждения. Мечети получали и многочисленные нерегламентированные пожертвования. Часть доходов складывалась в качестве платы за обучение детей грамоте в мечетных школах.[7]

Объективные исторические условия ХУШ - первой половины Х1Х в. благоприятствовали усилению влияния духовенства в Чечне. Ряд известий непосредственно касается участия священнослужителей в системе общественного управления. Кадий традиционно «являлся как бы верховным судьей по шариату», но вместе с тем его роль не ограничивалась исполнением религиозных треб и судебных функций, он «немало» участвовал во власти старшин; «Селения чеченцев управляются старейшинами по летам от всякой фамилии со участием кадия (подчеркнуто нами. - Я.А.)».[8]

В некоторых горных районах Чечни кадиям удавалось сосредоточить в своих руках всю полноту общественной власти, оттеснив старшин. Так, данные о «чабутлинцах» (общество Шатой) за 1758 г. говорят: «Чабутлинцы никаких у себя владельцев не имеют, суд и расправу чинят они чрез своего кадия...» На первое место в иерархии общественной власти представители духовенства вышли и в обществе Чеберлой: письма из аулов «чебурклинцов» в адрес царских властей направлялись от «знатных духовны персон - хаджиев и от правителей и от всего подлого (т.е. подвластного. - Я.З.) народа...».[9]

Согласно Корану муллы и кади имели «важное значение в гражданском управлении и в особенности в отношении суда», однако нормы шариата (мусульманского законодательства) не были еще господствующими в чеченском обществе, ряд дел решался по адату (обычному горскому праву). Но последней инстанцией в решении спорных дел являлись муллы, а не знатоки адата. «Споры решают старики, и если их решением недовольны, обращаются к духовным и их приговор исполняют», - говорит документ. Духовенство участвовало даже в делах, традиционно решавшихся согласно обычаю. Так, уличенного в воровстве наказывали «лишением имени и изгнанием его навсегда из селения, причем наблюдался следующий обряд: собравшись все к главной мечети, уговариваются кадии и старики, чтоб каждому обывателю в силу назначенного дня, выйдя из дому своего или взойдя на кровлю оного, выстрелить из ружья на воздух с произношением имени преступника и с словом «наалет», значит проклят».[10]

Значительным было участие духовенства и в политической жизни чеченского общества, в частности, во внешнеполитических делах. Хаджи, кадии и муллы являлись не только авторами тех или иных посланий, но и зачастую руководителями переговоров или активными участниками их. В 1742-1743 гг. от имени чеченских князей вел переговоры с иранским шахом Надиром чеченский кадий Казы-хан. При первом приезде к шаху он получил в подарок 50 руб., шесть старшин, его сопровождавшие, по 25 руб. На следующем этапе переговоров Казы-хана сопровождали князь Али-Солтан и три старшины. После скрепления договора кадий Казы-хан получил в подарок 200 руб., Али-Солтан - 150 руб., старшины - по 25руб.[11]

В 70-х гг. XVIII в. в плоскостной Чечне значительным влиянием пользовался хаджи Бекей, к нему обращал свои просьбы аварский владетель Магомед-Нуцал: «Приношу неисчетной поклон, господину, сердечному брату и старинному приятелю, усердному другу Бек аджию...». И в отношениях с Россией духовенство претендовало на первую роль. «Русские офицеры, командированные в Чечню, - говорит документ, - призвав к мечети кадия и стариков (т.е. старшин. - Я.А.), сказывают им причину своего прибытия...».[12]

Чеченское духовенство разрабатывало и скрепляло внешнеполитические договоры. В обращениях горцев к кизлярскому коменданту можно встретить такие строки: «после

оставшихся от прадедов наших по закону присягать будем всеми чеченскими кадыями, аджиями и старшинами...». В начале Х1Х в. важный договор между плоскостными районами Чечни и Кабардой был полностью разработан и скреплен представителями чеченского духовенства, с одной стороны, и кабардинским валием Кучу, с другой стороны.[13]

В конце XVIIIв. произошло дальнейшее усиление классовых позиций мусульманского духовенства в Чечне, связанное с возрастанием его роли в общественно-политической жизни Чечни. Это объяснялось и движением имама Мансура в 1785-1791 гг., которое протекало под религиозными лозунгами, так как народные массы свои социально-экономические и политические требования в этот период преломляли через призму религиозных представлений. Значительная часть духовенства Чечни, да и всего Сверного Кавказа, по отношению к Мансуру заняло благожелательную позицию: «дагестанские, чиркеевские, кумыцкие и салатовские кадни (судьи), муллы и «другие ученые» настаивали на безусловном исполнении требований имама». Помимо политических соображений, поддержка Мансура духовенством объяснялась тем, что он боролся за утверждение в общественной жизни горцев норм шариата. «Замена адата шариатом, конечно, влекла за собой усиление роли духовенства и некоторое ослабление адатской верхушки».[14]

В XIX в. мусульманское духовенство Чечни вступило значительно окрепшим, документы 1800 г. отмечают, что наряду с «лучшими фамилиями» духовенство имеет «перед ними (т.е. чеченцами. - Я.А.) первое уважение...». Вместе с тем надо отметить, что согласно наблюдениям современников середины Х1Х в., народные массы Чечни, даже в период существования теократической монархии Шамиля, неохотно покорялись «владычеству мулл и кадиев». Духовенство здесь пользовалось теми правами, «какие предоставлял ему сам народ». Мулла получал участок земли «наравне с прочими жителями» и сам его обрабатывал; звание кадия не давало определенной власти «над прочими муллами», которые избирались из числа «грамотеев» самим народом. Власть и авторитет кадиев и мулл во многом зависели от их личных качеств.[15]

В целом материалы XVIII в. дают нам немало интересных сведений для характеристики общественного строя Чечни. На основании этих известий можно с уверенностью констати-

ровать, что духовенство в Чечне выделилось в отдельное сословие, а его роль во всех сферах общественно-политической жизни народа была значительной.[16]

[1] Шамилев А.И. Пути проникновения ислама к чеченцам и ингушам. // Известия ЧИНИИЯЛ. Т.3. Вып.1, Грозный, 1963; Его же: Религиозные культы чеченцев и ингушей и пути их преодоления. Грозный, 1963; Марковин В.И. В стране вайнахов. М., 1969; Виноградов В.Б. Так это было. Грозный, 1971; Мужухоев М.Б. Исследование средневековых погребальных и культовых памятников Чечено-Ингушетии//Археологические открытия, 1973. М., 1974; Его же: Антропоморфные надгробные стелы с мусульманских кладбищ Чечено-Ингушетии // «Советская археология», 1977, № 4; Магомадова Т.С. О времени исламизации населения Аргунского ущелья // Археология и вопросы атеизма. Сб научных трудов. Грозный, 1977; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Из истории классовых отношений и интифеодальной борьбы карабулаков вХУШ в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (ХУ1 - нач. ХХ в.), Грозный. 1980, и др.

[2] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1720 г. Оп. 115/1, Д. 3, Л. 1; РГВИА. Ф. 482, Д. 192, Л.159 об.; Архив Института рукописей им. К.Кекелидзе(Тбилиси). Ф. Вейденбаум Е.Г. Д. 24. Л. 233; Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Ф. 1, Оп. 1, Д. 129, Л. 3 об.; Записки путешествия академика Фалька. // «Полное собрание ученых путешествий по России». Т. 6, СПб., 1824, С. 63; Джевдет Паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи... - «Русский архив», Т.1, М., 1888, С. 373.

[3] РГАДА. Ф. 23, Д. 13, Ч. 4, Л. 243.

[4] РГВИА. Ф. 482, Оп. 1, Д. 192, Л. 159 об.; Самойлов К. Заметки о Чечне // «Пантеон» № 10, СПб, 1855. С.33; См., для сравнения известие И.Иванова (Чечня // «Москвитянин», Ч. 1. № 19-20, М., 1851. С.184): «В некоторых больших деревнях было несколько мечетей и несколько мулл; в таком случае один из них обыкновенно выбирался в кадии».

[5] См.: РГВИА. Ф. 482, Оп. 1, Д. 192, Л. 160. Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб, 1809, С. 77; Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечено-Игушеии в ХУШ в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (ХУ1 - нач. ХХ в.). Сб. статей. Грозный, 1980, С. 57-58.

[6] РГВИА. Ф. 482; Оп. 1; Д. 192; Л. 160; АКАК. Т. 4, Тифлис, 1870. С. 891; Сбор этот осуществлялся кадием, который «отделивши часть, следующую бедным, мог все остальное взять себе, не уделяя ничего муллам» (См., И.Иванов. Указ. соч. С. 185-186).

[7] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 32. К. 9. Л. 155 об; там же: Ф. 482, Оп. 1, Д. 192; Л. 160; Иваненков И.С. Горные чеченцы // Терский сборник. В.7, Владикавказ, 1910, С. 88; Ахмадов Я.З. Указ. соч., С. 55.

[8] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508, Л. 111; Ф. 482, Оп. 1, Д. 192, Л. 160; Гантемирова Ф.А. Общественно-политический стой и обычное право чеченцев и ингушей (ХУШ в. - первая половина Х1Х в.). Рукопись диссерт. на соиск. уч. степ. канд. юридич. наук. М., 1972, С. 61).

[9] АВПРИ МИД РФ.. Ф. Кабардинские дела, 1755-1757 гг.. Оп. 115/1. Д. 14. Л. 18; 65.

[10] См.: РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 300. Л. 64 об.; Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 162; Самойлов К. Указ. соч. С. 32.

[11] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Сношения России с Персией, 1742 г. Д. 5. Ч. 3. Л. 622; там же: Ф. Сношения России с Персией, 1743 г. Оп. 77/1. Д. 3. Л. 8-8 об.; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч.2. СПб, 1869. С. 220-221; Ахмадов Я.З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине ХУШ в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в ХУ1 - начале ХХ в. Сб. статей. Грозный, 1981. С. 64.

[12] См.: РГВИА. Ф. 482, Оп. 1, Д. 192, Л. 100 об.; АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские дела, 1771 г. Кн.2. Л. 148; Вместе с тем, надо учитывать, что Бекей являлся знатным узденем, располагавшим значительным состоянием и большим числом сторонников и родственников.

[13] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2687. Ч. 2. Л. 19; АКАК. Т. 4. С. 839.

[14] Юдин П. Лжепророк Ушурма - Ших Мансур. (Из истории религиозных движений на Кавказе). // «Русский архив». Кн. 3. В. 10. М., 1910. С. 218; Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата, 1975. С. 96.

[15] См.: АКАК. Т. 1. Тифлис, 1868.С. 716; Иванов И. Указ. соч. С. 184-185; Самойлов К. Указ. соч. С. 32-33.

[16] См., Ахмадов Ш.Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVШ веке // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (Х1 - начало XX в.). Сб. статей, Грозный, 1979. С. 58; и др.

§ 3. Движение имама Мансура (1785-1791 гг.) как нациообразующий фактор

Совпадение трех крупных явлений в истории Чечни в хронологических рамках последней трети XVIII в. привело к возникновению новых факторов, оказавших в свою очередь большое воздействие на историю всех народов Северного Кавказа и политику великих держав в регионе. В указанный период одновременно шел рост национального самосознания чеченского народа, утверждение исламской религиозной идеологии (со складыванием профессионального духовенства) и, системное усиление колониальной политики царизма в крае приведшей русско-горские и русско-чеченские отношения к невиданному ранее кризису.

Сложение указанных факторов в едином временном отрезке сдетонировало возникновение в Чечне широкого протестного движения отражавшего общенациональные интересы и облеченного в религиозную форму. Следует также отметить, что в 70-80-х гг. XVIII в. в самом густонаселенном районе Чечни - в аулах и обществах Чеченской равнины, наметился, в силу ряда причин, социальный кризис, выразившийся в частности в появлении прослойки безземельных, лишенных средств производства людей. «Бездомовная сволочь», как презрительно писали о бедноте царские чиновники была охотно готова присоединиться к любым акциям, дающим надежду на улучшение их социального и материального положения.[1]

В исторических условиях того времени только общая для всех горцев Северного Кавказа идеология, в данном случае ислам, могла стать силой содействующей объединению разных обществ, народов и народностей разделенных этническими, политическими, общинными границами и интересами. Имам Мансур оценил политическое значение ислама и повел борьбу за социальное переустройство горского мира и ликвидацию

внешней опасности в форме «священной войны» - газавата. Религиозно-реформаторская форма его выступления оказаласьвесьма важной для чеченского и в целом всего горского общества .[2]

В массе своей историческая литература начинает отсчет движению Мансура как религиозного подвижника с весны 1785 г., когда в крупном сунженском ауле Алда (Бухан-юрт) местный житель Ушурма из рода элистанжхой[3] призвал односельчан к «покаянию».

Родился будущий имам приблизительно в 1760 г. в том же селении Алда в небогатой семье крестьянина Шабаза («Шебессе»). По данным Ш.Б.Ахмадова, молодой чеченец начал свою сугубо религиозную деятельность еще в 1783 г., в следующем 1784 г., он добивается признания себя религиозным авторитетом-«шейхом», а с 1785 г. открыто возвестив свою религиозную и политическую доктрину добивается достоинства имама - религиозного и светского предводителя.[4]

В связи с этим, необходимо затронуть вопрос и о суфийских корнях духовной деятельности Мансура как шейха - наставника мюридов (послушников), действующего в соответствии с учением и практикой одного из направлений суфизма, а именно накшбандийского братства. В биографии молодого Мансура есть период пребывания вне родного села, когда он возможно закалял свой дух, уединясь в горах в целях изучения Корана и исламских истин.[5]

Вассан-Гирей Джабагиев в своем развернутом очерке о Мансуре, написанном на основе турецких источников утверждал, что Мансур учился «сначала в мечетской школе, а затем будучи молодым человеком, отправился в Дагестан, чтобы закончить там свое духовное образование у самых известных теологов». Потому его уверения, что он «темный (необразованный) человек» относятся скорее к разряду комплиментарных к учености других, действительно глубоких богословов к коим Мансур себя никогда не причислял, и к советам которых постоянно обращался.[6]

Наличие обителей «дервишей ордена Накшбанди» в Северном Дагестане еще в XVII в. подтверждается свидетельством турецкого путешественника Эвлия Челеби от 1666 г. Авторитетные исламоведы Х1Х в. (М.А.Казембек) полагали, что: «Бухарские шейхи (центром ордена Накшбанди с Х1У в. была Бухара. - Я.А.) неоднократно приезжали в Дагестан через

Астрахань и преподавали там правила тариката». Другой путь проникновения суфизма в Дагестан лежал через Ширван и Ирак (Багдад).[7]

Действительно, в течение нескольких лет Мансур смог распространить свое влияние в Чечне, Дагестане, Северном Азербайджане, в Кабарде, Адыгее, среди ногайцев кочующих за Тереком и Кубанью и, даже за Волгой среди «киргиз-кайсацких» народов, под которыми подразумеваются казахи. Известно, что Мансур предлагал казахам осадить Астрахань - важнейший русский город на Волге и Каспии. Наличие его писем-воззваний, написанных на турецком и арабском языках с превосходным знанием ислама и других реалий указывает по мнению А.Беннигсена «на существование центра объединенных действий, ... на солидную организацию».[8]

Как бы-то ни было в период деятельности Мансура на Северо-Восточном Кавказе при нем постоянно находились «дагестанские, чиркеевские, кумыцкие и салатовские кадии (судьи) и другие ученые»; он же получил обещание поддержки и от табасаранского религиозного авторитета - «аджи» (Южный Дагестан).[9]

Профессора Н.А.Смирнов и Ш.Б.Ахмадов называют имена авторитетных чеченских мулл сподвижников Мансура - это во-первых самый уважаемый им богослов Умар-Хаджи из селения Шали, а так же Нагай-Мирза-хаджи, Бисултан-хаджи, Хамби-хаджи и другие. В 1787 г. Мансур направил того же Умара-Хаджи в Стамбул а султану, как халифу правоверных. И султан, якобы, дал разрешение Мансуру выступать против России под званием имама (однако П.Г.Бутков утверждает, что из чеченских ученых - «хаджи» Мансур послал одного (Бутыка) не в Стамбул, а в Мекку с письмом о своих пророческих сновидениях, откуда весной 1786 г. он также якобы получил признание имамом и предписание горцам повиноваться ему).[10]

Первые сведения о Мансуре в документальных источниках (вначале турецких) появились уже в 1783 г.: когда в одном из писем турецкого офицера из крепости на черноморском берегу Адыгеи были упомянуты посланцы «какого-то имама Мансура». В 1784 г. в Чечню прибыл посланец губернатора турецкой крепости Анапа Кадиоглу Мехмет-ага. Турок весьма беспокоила информация о новоявленном «мусульманском пророке», что угрожало Османской империи серьезными волнениями: «появление действительного пророка могло создать беспорядки

во всей Оттоманской империи и иметь гибельные последствия». Но реальность охладила беспокойство турецких начальников, ибо Мансур - открыто и официально заявлял окружавшим его духовым лицам: «Я ни святой, ни пророк, но мне повелено от Бога утверждать народ в законе Его».[11]

Однако его появление знаменовало настоящий переворот в общественном сознании чеченцев: «Наложив на страну трехдневный пост (мархо), он (Мансур. - Я.А.) с приближенными своими (муриды), стал навещать аулы, сопровождаемый пением зикра (славославия). Жители выходили к нему, каялись перед ним в грехах, и обращались к таба (покаянию), обязывались не делать дурных поступков, как-то: не красть, не спорить, (не курить табаку, не пить крепких напитков, но усердно молиться Богу, ... Народ признал Мансура своим устасом, т.е. ходатаем перед богом: целовали полы его одежды и так увлеклись религиозным настроением, что прощали друг другу долги, прекращали тяжбы и прощали даже самою кровь... Слава о нем распространилась и в других племенах. Язычествующие кабардинцы, галгаи и горные чеченцы принимают ислам и единодушно с чеченцами восстают против русских».[12]

В марте 1785 г. на всей территории Северного Кавказа ударили мощные волны землетрясения. Следом в Чечне начинается народное восстание, за короткое время охватившее почти все соседние районы края: Дагестан, Кабарду, Черкесию (Адыгею), и т.д. Во главе движения встал выходец из селения Алды, двадцатипятилетний молодой человек по имени Ушурма, принявший имя Мансур (победоносный). Алдынский «пастух» являлся незаурядной личностью и после своего возмужания резко выделялся среди своих односельчан. «Одаренный природой гибким и проницательным умом» и «сильной волей», он являлся прекрасным психологом и умел внушить глубокое доверие окружающим, а так же владел «необыкновенным даром слова».[13]

Царские власти узнали о публичных реформаторских проповедях Мансура, с которыми он выступил в начале 1785 г. у себя в деревне Алды и полагали, что речь идет о религиозном прововеднике. «До объявления шанхом (шейхом. - Я.А.), - сообщает документ, - Мансур три ночи в доме молился богу...». Первоначально те же алдинские жители отнеслись к «пророку» с сомнением: «почитают ево за волшебника, только он доводет, чтоб состояли порядочнее - смертоубийцам приказывает

примириться, а протчим не воровать. А другие его дела нам не внятны».[14]

Из этих и других свидетельств можно сделать вывод, что Мансур прошел обычный на Востоке путь религиозного проповедника,обличителя в вере. Другого пути выдвинуться для простого человека в тех условиях не было. Но цели, которые преследовал и имам, и его сподвижники, шли гораздо дальше обличения своих односельчан в неверии и нарушении правил религии. Важно, что выдвигались религиозные лозунги, объективно представлявшие общенациональные интересы. Составной частью программы Мансура являлась борьба за утверждение шариата в горской среде, а исходной позицией имама - «бунт против пороков, адатов, в которых шейх видит основу зла и насилия... Призывы к нравственному очищению приводили к единению чеченцев, а борьба против адатов и за утверждение «чистого» ислама, идея отпора внешнему врагу - единению горцев Северного Кавказа... В социальном плане программа Мансура должна была служить средством создания государственности горцев».[15] Для того, чтобы столь откровенно выступить против «пороков» горского общества, против кровной мести и жестоких адатов нужна была огромная смелость. Поэтому для современников Мансур представлялся необыкновенной фигурой, святым и пророком (эвлия).

Царская администрация на Кавказе не без опасения смотрела на религиозные волнения горцев, происходившие в Чечне, и узнав о намерениях горцев выступить против российских укреплений на Тереке предписала всем пограничным начальникам постоянно находиться в боевой готовности на случай внезапного нападения. Вскоре в районы, наиболее подверженные движению - Чечню и Кумыкию («деревни Аксаевская и Андреевская»), были разосланы прокламации, в которых царские «начальники» вдруг ставшие глубокими знатоками ислама убеждали горцев не верить имаму и не следовать его призывам.

Следует отметить, что движение имама Мансура изначально содержало элементы глубокой информационной работы по привлечению горских масс на свою сторону через десятки писем, прокламаций и воззваний. В свою очередь и российское правительство развернуло против Мансура и его сторонников невиданную в истории русско-горских отношений информационную войну.[16]

Решив подавить движение в самом зародыше, пока оно не приняло еще больших масштабов, царское командование предписало направить из Кизляра «в самое сборище Ушурмы» военные силы под командованием полковника Пиери, поручив ему разгромить лагерь повстанцев в Алдах и захватить новоявленного «лжепророка» в плен.

Царский отряд, насчитывавший более двух тысяч солдат и офицеров, вышел к аулу и, несмотря на мирные предложения Мансура, сжег Алды, ограбил все имущество жителей и направился обратно к переправе на Сунже. Во время движения обремененного добычей полка Пиери колонной через лес, горцы окружили его и в жестоком кинжальном бою уничтожили вместе со своим командиром.

Таким образом, тот фак, что иррегулярные силы горцев разгромили регулярный полк, что было впервые на Кавказе в ХУШ в., сыграл огромную роль в подъеме начавшейся борьбы горцев и поднял авторитет руководителя этой борьбы Мансура, на невиданный уровень. К чеченским крестьянам теперь присоединяются горцы Дагестана, кабардинцы и даже дальние черкесы. В основном это были представители горской бедноты. Царские власти отзывались о них как «о черном народе», «оборванцах и холопах» восставших против своих хозяев. «Имам теперь имеет сволочи тысячи до двух и то самых беднейших», доносил один из агентов царским властям.

15 июля 1785 г. состоялся первый поход повстанцев на важнейшую на Северном Кавказе крепость Кизляр. Горцам, насчитывавшим в своих рядах более пяти тысяч человек, не удалось штурмом овладеть достаточно сильным укреплением. Зато другое укрепление царских войск - Каргинское, расположенное в пяти верстах от Кизляра, было восставшими захвачено и сожжено.[17]

Движение вначале в форме религиозного подъема а затем и вооруженного восстания стало охватывать территорию края на всей протяженности Кавказской линии - от Кубани до Терека. Усилился протест рядовых горцев против своих владельцев и старшин.

Восставших поддержали так же отдельные князья Большой и Малой Кабарды, из тагаурских алдар (Осетия) - Ахмет Дударов; к восставшим присоединились сыновья шамхала Тарковского и хана Казикумухского. Некоторые из них, безусловно, учитывали в своих действиях общенациональные интересы, защиту суверенных прав своих народов.[18]

Волнения охватывают все новые районы Северного Кавказа. Поддерживая постоянные сношения с восставшими чеченцами и дагестанцами и получая письма от Мансура, многие кабардинцы и черкесские племена Закубанья продают свой скот и закупают оружие и лошадей, готовятся на соединение с повстанцами имама. Обстановка на протяжении всей кавказской «Линии» складывалась тревожная.[68]

Имам Мансур не оставляет попыток зять Кизляр и вновь - 19-21 августа 1785 г. - предпринимает вторичный поход против Кизляра. Однако и на этот раз он закончился неудачей. Тогда в октябре 1785 г. восставшие численностью около шести тысяч человек чеченцев и дагестанцев переносят боевые действия на территорию Кабарды, куда вошли царские войска. 30 октября 1785 г. в ущелье между Григориополисским укреплением и Малой Кабардой произошло новое сражение с царскими войскам, отличавшееся большим ожесточением, и закончившееся без определенных результатов. Приняв отход царских войск за свидетельство их слабости, 2 ноября 1785 г. горцы вторично атаковали царские войска. С другой стороны, сторонник Мансура - князь Дол Мударов напал на русские отряды под Владикавказом, но был также отбит.[19]

С наступлением зимы наступает определенный спад в движении, вызванный помимо военных неудач тем, что муллы обещали горцам несбыточно легкие победы над неприятелем, который однако нанес горцам если не поражение, то не дал им возможность одержать победу. В 1786 - 1787 гг. Мансур вновь формирует повстанческие отряды и что весьма важно попытается наладить их комплектование и снабжение: каждая «мечеть» (имеется в иду квартальная мечеть, т.е. каждый квартал) должна была выставить по 10 человек для его войска с полным обеспечением. Для содержания постоянного войска местное население было обложено специальной податью. Организационно повстанческие отряды были разбиты на десятки, во главе каждого из таких соединений должен был стоять тамада. Создавалось и нечто вроде полицейских сил: каждое аульное общество выбирало с «купа» (квартала) по два человека для охранной и караульной службы. Духовенство приняло «установление», чтобы народ «имел повиновение» только Мансуру. Был вновь заключены соглашения с кумыками, кабардинцами и на этот раз с карабулаками и ингушами.[20] Таким образом речь объективно шла о некоторых государствообразующих решениях.

И все же, несмотря на столь решительные действия Мансура по мобилизации горцев база восстания начинает вскоре сужаться. Феодалы Кабарды и Дагестана стали покидать Мансура. На сторону царски властей перешли даже наиболее близкие сподвижники имама - князь Малой Кабарды Дол Мударов и кумыкские владельцы Чепалов Али-Солтан и Чепалов Хаджи-Муртазали. Предпринятые организационные действия Мансура ввиду усиления царских войск на Северном Кавказе оказались безуспешными.

Тем не менее, за прошедший период был нанесен сильный удар по позициям царизма на Кавказе. Все форпосты, начиная от Владикавказа до Моздока, были снесены, а гарнизоны выведены а Терек.Русские полки ушли из Грузии и в целом Кавказская линия заняла оборону.[21]

В июле-ноябре 1787 г. движение горцев идет на спад на территории Чечни, Ингушетии, Кумыкии и Кабарды, но получает расширение и особый накал среди закубанских горцев, формально считавшихся в «подданстве» Османской империи и это обстоятельство во много было связано здесь с ростом религиозности адыгов. «Проповеди шейха Мансура, понятные и простые способствовали превращению их (адыгов - Я.А.) в мусульман, стойко привязанных к религии ...».[22]

Вначале движение горцев-адыгов вызывало глубокую озабоченность и тревогу в турецких правительственных кругах. Обоснованность опасений турецких властей была подтверждена произошедшим еще 28 ноября 1785 г. восстанием гарнизона турецкой крепости Согуджака с примкнувшими к ним ногайцами и адыгейцами. Восставшие готовились присоединиться к Мансуру.[23]

После начала русско-турецкой войны 1787-1791 гг. горцы, надеясь, по-видимому, на поддержку османов, несколько усилили выступления против Кавказской линии. Находясь уже за Кубанью, Мансур руководил двумя значительными военными сражениями: 20-22 сентября 1787 г. во главе сильной группы адыгских племен и ногайцев Мансур трижды атаковал позиции царских войск между реками Урупом и Лабой, но был оттеснен. Через месяц, в октябре 1787 г. на рр.Урупе и Кефире Мансур во главе закубанцев дал новое сражение царским войскам, не давшее, однако, перевеса в пользу восставших.[24]

На последнем этапе народно-освободительного движения в 1788-1791 гг. Мансур, находясь среди турок, в Анапе, куда он

ушел после летних боев на Кубани, продолжал вести переписку с единомышленниками на Северном Кавказе, стремясь поддержать там накал движения. Его письма и послания были адресованы, главным образом, к соотечественникам - чеченцам, а также в Дагестан и Кабарду. Известно, что в 1788 г. произошел ряд чеченских набегов на Моздокскую линию по Тереку.[25]

Осенью 1789 г., находясь в лагере турок, имам Мансур пытался установить через торговых людей тесные сношения с киргизо-кайсацкими (казахскими) народами, жившими в северо-восточной части Каспийского бассейна, с целью парализовать с помощью казахов Нижнее Поволжье и осадить Астрахань. Интересно отметить, что по требованию властей муфтий Оренбургского духовного управления Мехмет-Джан был вынужден выступить среди волжских и казанских татар с осуждением Мансура как «лжепророка». В конце 1787 г. Мансур направил своих людей с воззваниями в Крым, где под их влиянием недавно завоеванные крымские татары производят моления в мечетях, объявляют трехдневный пост и совершают обряд жертвоприношения домашних животных. Местные власти произвели аресты среди духовенства и искали самого Мансура якобы прибывшего в Крым из-за Кубани.

Вопреки утверждениям некоторых авторов, Мансур не оставался безвыездно среди турок до 1791 г., а ездил в середине 1790 г. в Чечню и сразу же приступил к мобилизации горцев, в частности, чеченцев и дагестанцев, для нападения на Кизляр, но вскоре вернулся в Адыгею.[26]

В июле 1790 г. беглый солдат, побывавший в Чечне, показал, что он видел в Алде «Ших-Мансура», который получил письмо от турецкого Батал-паши, в котором он просил приехать имама в Анапу и взять на себя командование «горскими войсками».[27]

После разгрома турецкого войска Батал-паши за Кубанью 30 сентября 1790 г. Мансур снова уходит в Анапу, и обращается с последними воззваниями к горцам Северного Кавказа. В июне 1791 г. царские войска штурмом овладели Анапой.

Взятый в плен Мансур, как «бунтовщик» был отправлен в Петербург, где допрашивался в Тайной экспедиции. После чего он был приговорен к пожизненному заключению в Шлиссельбургской крепости «за возбуждение народов гор против России и причинение большого ущерба империи». Умер Мансур 13 апреля 1794 г.[28]

Движение шейха и имама Мансура в его национально-освободительном и религиозном формате своеобразно завершает

и оформляет развитие чеченского народа в единую нацию и единую страну в своеобразных условиях горского мира.

Данное движение нельзя рассматривать вне связи с социальными, экономическими и политическими процессами, происходившими в недрах чеченского общества мучительно искавшего ответ на вызов великой империи, ставшей своими границами на берегах Терека и Кубани. Ответ был дан в попытке создать чеченское и общегорское государство на идеологической базе единой религии - ислама.

В целом, процесс развития нового религиозного сознания нахов в границах Чечни в ХУ1-ХУШ вв., связанный с принятием ислама и появлением единых целей для всех фамилий, аулов и обществ, приобрел и форму политогенеза - процесса складывания государственных форм (хотя и ранних). Появление неких новых явлений в организации нахского (чеченского) общества было результатом не только внутреннего закономерного его развития, но и ответом на внешние вызовы, которые предъявляли в течение трех веков такие великие державы как Россия, Иран и Османская империя.

[1] См.: Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 62-63; Гапуров Ш.А. Некоторые вопросы историографии движения горцев под предводительством Мансура во второй половине 80-х. гг. ХУШ в. // Вопросы историографии дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 92-93; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца ХУШ века. М., 2001. С. 394.

[2] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 395.

[3] В Нахч-Мохке находилось головное селение общества Элистанджи, выходцы из которого выселившись на Чеченскую плоскость или еще куда-либо сохраняли за собой название аула как «родовую» фамилию.

[4] См.: Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 86-87; Беннигсен Александр. Народное движение на Кавказе в ХУШ в. («Священная война» Шейха Мансура (1785-1791 гг. Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях). Под ред. В.Г.Гаджиева. Махачкала, 1994. С. 49.

[5] Гапуров Ш.А., Гадаев В.Ю. Роль имама в освободительном антифеодальном движении горцев под руководством Мансура в конце ХУШ в. // Из истории ислама в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992. С. 31.

[6] См., Джабагиев Вассан-Гирей. Свободный Кавказ. Назрань-Москва. 2007. С. 43.

[7] См.: Умаров С.И., Цицкиева М.О. Ислам на Северном Кавказе в XVII в. (по сведениям турецкого путешественника Эвлия Челеби) // Из истории ислама в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992. С.24-25; Кидырниязов Д.С., Ш.Ш.Шихалиев. К вопросу о турецком влиянии на распространение мюридизма на Кавказе // Ислам на Юге России: Сборник статей. Астрахань, 2007. С. 24-25.

[8] См.: Беннигсен Александр. Указ. соч. С. 51; Джабагиев Виссан-Гирей. Указ. соч. С. 49; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 256-257.

[9] Юдин П. Лжепророк Ушурма - Ших Мансур. (Из истории религиозных движений на Кавказе) // Русский архив. Кн. 3. Вып. 10. М., 1910. С. 218, 223.

[10] См.: Из архивных материалов П.Г.Буткова // Россия и Кавказ - сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб, 2001. С. 16; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 91-93; Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М., 2003. С. 129.

[11] См.:Из архивных материалов П.Г.Буткова. С. 18; Беннигсен Александр. Указ. соч. С. 53-55; Джабагиев Васан-Гирей. Указ. соч. С. 44-45.

[12] Лаудаев У. Чеченское племя // Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1991. С. 103.

[13] См.: АКАК. Т. ХП. Тифлис, 1904. С. 1403. Терещенко А. Лжепророк Мансур // Сын Отечества. № 15. СПб., 1856. С. 64; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб, 1886. Т.2. С. 87; и др. Скитский Б.В. Социальный характер движения имама Мансура // Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута. Т. 18, Орджоникидзе. С. 98.

[14] ЦГАРД. Ф.379. Оп.3. Д.13. Т.1. Л.112; РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 5. Л. 8; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.93.

[15] Акиев В.Х., С.А.Хусаинов. Шейх Мансур как религиозный реформатор // Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети ХУШ века. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Грозный, 1992. С. 14.

[16] Умаров С.Ц. «Информационная война» царской администрации на Кавказе в связи с восстанием шейха и Мансура // Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети ХУШ века. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Грозный, 1992. С. 28-29.

[17] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350.Ч. 7. Л. 17 об. 18, 28, 47; Из архивных материалов П.Г.Буткова. С. 21-23; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 114-141, 149-156.

[18] Смирнов Н.А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе // Вопросы истории, религии и атеизма. Сб. статей. Т. 1, М., 1950. С. 21-22.

[19] Терещенко А. Лжепророк Мансур // Сын Отечества. № 16. 1856. С. 74; Скитский Б.В. Указ. соч. С. 114.

[20] ЦГАРД. Ф. 379. Д. 2635. Ч. 2. Л. 106; Юдин П. Указ. соч. С. 224-225. Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.197-198.

[21] Джабагиев Вассан-Гирей. Указ. соч. С. 50; и др.

[22] Беннигсен Александр. Указ. соч. С. 63.

[23] См.: Сборник Императорского русского исторического общества. (Далее ИРИО). Т. 47. СПб, 1888. С. 179-181; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в ХУ1-Х1Х вв. М., 1958. С. 146. Беннигсен Александр. Указ. соч. С. 53-54.

[24] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 416. Ч. 2. Л. 81-81 об; Из архивных материалов П.Г.Букова. С.28; Джабагиев Васан-Гирей. Указ. соч. С. 18.

[25] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 567. Л. 11-11 об.; Потто В.А. Два века Терского казачества. Т.2. Владикавказ, 1912. С. 174; Джабагиев Вассан-Гирей. Указ. соч. С. 49.

[26] ЦГАРД. Ф. 379. Д. 2578. Л. 49.

[27] Кавказский сборник. Т. ХХ1. Тифлис, 1900. С. 405.

[28] См.: Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 160; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.266-267.

Глава 7. Борьба трех империй за Кавказ. Политическое положение Чечни в XVI-XVIIвеках

§ 1. Международные отношения на Северном Кавказе в XVI в. Ших-мурза Окуцкий и установление вассально-союзнических связей с Московским государством

В конце XV - начале XVI в. на Северный Кавказ выходят фланги нескольких восточных держав того времени: с запада османы и крымцы, с севера Большая Орда (наследница Золотой Орды) и Астраханское ханство, с юга Сефевидский Иран и грузинские царства (вассалы то Турции, то Ирана).

Собственно на Северном Кавказе в этот период мы имеем на западе региона адыгские княжества, в центральной части региона между верхним течением Кубани и Терека феодальную Кабарду, имевшую некоторую степень централизации (институт старшего князя), на востоке региона относительно сильное феодальное государство Кази-Кумухское шамхальство расширяло свои пределы за счет Терско-Сулакского междуречья и горных вольных обществ Нагорного Дагестана и Восточной Чечни. В нагорной полосе региона находились аульные общества даргинцев, аварцев, андоцезов, нахов (чеченцев и ингушей), осетин, балкарцев и карачаевцев, находившихся на разных ступенях феодализации. Однако, в Нагорном Дагестане, большую роль играли не только крестьянские общества, но и т.н. Хунзахское (Аварское) ханство имевшее определенную централизацию.

В 1502 г. рухнула под совместными ударами Крыма и Москвы Большая Орда (заключавшаяся между Днепром и Волгой), чьи границы выходили на юге к Кубани и Тереку, на Востоке возвысился Сефевидский Иран вступивший в 1514 г. в широкомасштабную войну с Великой Османской империей. Ареной кровавых сражений шедших с перерывами до 1555 г. (а с 1578 г. и далее) стал не только Ближний Восток, но и Прикаспий (Азербайджан), Дагестан и Грузия. Северный Кавказ превратился в дорогу передвижения войск из турецкого Причерноморья и Крыма в северные районы Ирана.

По линии противоборства великих восточных держав на Кавказе происходили и политические перепитии с горскими народами и их феодальными образованиями. Где-то с середины XVI в. в северокавказских делах попыталась участвовать и Московская Русь.

Известное положение, что Северный Кавказ в XVI в. стал ареной борьбы трех великих держав своего времени - Московской Руси, Сефевидского Ирана и Османской империи, требует дополнения в том плане, что собственно Русь, как и народы Северного Кавказа, находилась на острие экспансии наследников Золотой Орды (Крымского и Казанского ханств в первую очередь), за которыми в конечном счете стояла султанская Турция. Это обстоятельство объективно диктовало военно-политическое сближение между Москвой и горскими народами, которые в свою очередь также стали объектом внешнеполитического воздействия Крыма и Турции.

В 40-х гг. XVI в. русское государство во главе с царем Иваном IV (Грозным) повело решительную борьбу с соперничающими с Москвой татарскими государствами. Некоторое значение при этом имело и то обстоятельство, что кавказские горцы объективно оттягивали на себя союзные казанцам крымские силы. К примеры, в 1552 г. «крымский царь ходил на Черкассы, а на цареву и великого князя крайну (т.е. границу - Я.А.) не пошел».[1]

Падение Казани по своему значению для истории Руси было сравнимо с падением золотоордынского господства при Иване III, впервые русское государство твердой ногой вступило на берега Волги. Это было одно из крупнейших событий XVI столетия и для Восточной Европы, вместе с тем, это было трагическим событием в истории татарского народа прервавшем его самостоятельное развитие.

К началу 50-х гг. XVI в. относится первое обращение северокавказских феодальных правителей к России. Установление в тот период взаимоотношений адыгских (черкесских) народностей Северо-Западного Кавказа, кабардинцев и других горцев Северного Кавказа с Москвой связано, безусловно, с международными событиями того времени. Главная причина обращения адыго-кабардинцев, к русскому государству заключалась прежде всего в поисках реальной союзнической помощи в борьбе с все возрастающим давлением крымско-турецких сил. Достаточно напомнить, что

натиск их на горцев в 30-40-е гг., да и в начале 50-х гг. XVI в. был весьма масштабным.[2]

Важной причиной обращения адыгских и кабардинских князей к Москве были и внутренние разногласия среди феодалов. В первой половине XVI в. кабардинские феодалы разделились на несколько групп: Восточную, Баксанскую и Закубанскую или Бесленею. Феодалы Бесленеи ориентировались на Крым и Турцию. Кроме того, на Северном Кавказе возникали противоречия и между более крупными феодальными кликами, в частности Кабарда в целом соперничала с дагестанским шамхальством, на почве чего происходили стычки, приводившие даже к гибели феодалов[3].

Когда поражения крымских войск в походах на русские земли наглядно показали силу и мощь московских государей, то осенью 1552 г., согласно русским летописям, «приехали ко государю царю и великому князю Черкасские государи князи Маашук князь да князь Иван Езбозлуков да Танашук-князь бити челом, чтобы их государь пожаловал, вступился в них, а их з землями взял к себе в холопи, а от Крымского царя оборонил».[4]

При отпуске их на родину князья целуют крест на верность Ивану IV, «и послал государь с ними в Черкассы Ондрея Шепотева правды их видети». Но в 1554 г. хан Девлет-Гирей повторил поход на адыгов («ездил на неприятеля своего на Черкасс Пятигорских... (и) з добычею великою до пэньства своего приехавши»), а султан укрепил гарнизоны на черноморском побережье Кавказа и в Азове[5].

Между тем, вслед за покорением Казани Россия приступила к завоеванию довольно слабого и малонаселенного Астраханского «царства». Думается, что и это предприятие было в значительной мере облегчено позицией горцев Северо-Западного Кавказа, отвлекавших на себя крымскую конницу на протяжении 1553-1554 гг.

В июле 1554 г. 30 тыс. русское войско в результате короткого, но ожесточенного штурма, захватило Астрахань и ее правитель хан Ямгурчей с придворными и гаремом бросился в бегство. Часть его приближенных бежала в низовье Терека, где располагалось небольшое Тюменское княжество[6].

Летом 1555 г. с Северного Кавказа вместе с Андреем Щепотевым к Ивану IV прибыло новое горское посольство от западных адыгов в составе 150 человек «от всей Черкасской земли, чтобы государь пожаловал, дал им помочь на Турского городы и

на Крымского царя, а они холопи царя и великого князя и з женами и з детми во веки». В том же1555 г. в Москве узнали, что крымский хан Девлет-Гирей I ведет войска в поход на Северный Кавказ; пользуясь этим Иван IV направил было по по Дону, на кочевья крымцев 13-тысячный отряд Шереметева (потерпел кстати поражение). В конце 1555 г. крымский отряд, вооруженный пушками и пищалями, занял Астрахань, но уже весной 1556 г. крымцы были выбиты из Астрахани, ханство вошло в прямое подчинение России. Чтобы закрепить завоевание Поволжья, из Москвы были спешно посланы к степным крымским улусам отряды воеводы Ржевского, с другой стороны адыгские и кабардинские князья овладели двумя турецкими крепостями, лежавшими на подступах полуострова - Темрюк и Тамань.[7]

С падением татарских государств - Казани и Астрахани, для великой Османской империи начинается, по мнению исследователя В.Аллена, новый этап в ее внешней политике, связанный с возникновением «русской проблемы» и открытием нового фронта действий к добавлению к фронтам в Европе, в Закавказье и на Ближнем Востоке. Однако, «Журнал важнейших дел» имперского Дивана с 1553 по 1564 г. хранит молчание на этот счет[8]. Необходимо указать, что в мае 1555 г. был заключен первый международный договор между Турцией и Ираном о разделе сфер влияния на Кавказе. При этом Иран закрепился в Прикаспии, а Турция в Северо-Кавказском Причерноморье.

Продвижение России на юг вызвало изменения и в политическом положении всех горских феодальных образований, сказывалось на судьбах региона в целом. Победа России на Волге эхом отозвалась во всех странах, прилегающих к Каспию. Уже в январе 1556 г. воеводы из Астрахани доносили, что к ним «из Шамахи и с Шевкал (Северный Дагестан. - Я.А.) и с Тюмени от царей присылка о миру была и о торговли...»; торговые люди были также из Грузии и Дербента. Обладание устьем Волги давало Руси огромные преимущества на Каспии. Во внешнеполитических планах России Северный Кавказ в середине XVI в. занял немалое место, превратившись и в арену борьбы с Крымом, претендовавшим, в силу своих национальных интересов, на господство не только в Поволжье и на Северном Кавказе, но и собственно над Москвой. Наиболее надежными сторонниками в новом для себя регионе Москва полагала адыго-кабардинских феодалов и в 1557 г. был решен вопрос о принятии

в «подданство» кабардинских феодалов, в результате посольства от князей Темрюка Идарова и Тазрюта.[9]

После очередного приезда многочисленных адыгейских и кабардинских посольств в 50-х гг. XVI в. Москва официально стала считать владения горских князей присоединенными к России. В титулатуру Ивана IV включается и понятие государь «кабардинской земли черкасских и горских князей». Но в условиях того времени эти отношения надо расценивать скорее как союзнические, в развитии которых, кстати, нуждались обе стороны.

Откликаясь на просьбы кабардинских феодалов оказать им помощь в борьбе с дагестанским шамхалом, который расширял свои владения по Тереку к западу, Москва провела первый самостоятельный поход царских войск и на Северный Кавказ.[10]

Результаты экспедиции на Северно-Восточный Кавказ оказались более чем скромными: «Того же лета посылал царь... воевати в судах Ивана Семенова сына Черемисинова с стрельцы и с казаки и со Астроханскими людми. И оне пришли на Шаткал к городу Тарком. И Шалкалской князь с царя и великого князя людми бился половину дня и побежал от них в горы, а город Тарки покинул. И Иван Черемисинов выжег и полону русскова и шевкалского поимал много и отшел со всеми людьми здорово». Однако даже русские источники не определяют поход русских войск 1560 г. как победный. В дальнейшем «Тюмень и Шевкалы» фигурируют в числе недругов Ивана IV.[11]

В августе 1561 г. царь Иван IV женился на дочери старшего кабардинского князя Темрюка Идарова - Марии Темрюковне. Это был очень содержательный шаг. Браки на «черкешенках» являлись традиционными как правило для восточных владык, в ряд которых стремился поставить себя и Иван Грозный. По просьбе тестя царя Темрюка на Северный Кавказ вновь были двинуты царские войска. «И Темрюк со государскими людми недругом своим недружбу довел и в свою волю их привел, а воевал Шепщуковы улусы (владения враждебной Темрюку княжеской фамилии. - Я.А.) да воевал Татцкие земли близ Скиньских городков..., и взяли кабаков Мшанских и Сонских сто шестьдесят четыре и людей многих побили и в полон имали...»[12].

Е.Н.Кушева справедливо полагает, что между Темрюком и Пшеапщукой (Шеапшука) шла борьба за подчинение Кабарде «татцкие», т.е. не кабардинские земли. Борьба шла за овладение районами, по которым пролегал стратегический важный путь в

Грузию, «Мшанские» (вероятно ксанские), «Сонские и «Татцкие земли» находились между Кабардой и Грузией, здесь подразумевались западнонахские (ингушские) общества, контролировавшие Дарьяльское ущелье и частично осетинские аулы (Юго-Осетия и Северная Осетия)[13].

Очевидно, что одной из целей походов Темрюка и Плещеева в 1562-1563 гг. было обеспечение отношений Руси с Грузией через перевалы центральной части Кавказского хребта. К 1563-1564 гг. относится и упоминание в летописях о посольстве кахетинского царя Левана (Леона) к Ивану Грозному, результатом которого можно предполагать появление в Грузии русского отряда. Следует отметить, что именно при Картли Давиде и царе Кахетии Леване наблюдается восстановление старых союзнических связей грузин с горцами Кавказа, в т.ч. и с нахами. Так, тот же Давид в 1522 г. остановил наступление иранцев с помощью «кавказцев» которых «вывел» с гор, а царь Леван в обмен на расположение тушин (из которых цова-тушины являлись нахами) дал им право на выпас овец в долинах Кахетии.[14]

Не прошло и года как в июне 1564 г. сын Темрюка сообщил, что «Темгрюку князю пришли многие тесноты от Черкес и ему непослушны во всем...». Безусловно, в этой войне против Темрюка могли принять участие осетины и западные нахи, которых пытался покорить князь в 1562-1563 гг. Русское войско выступило в поход из Астрахани в 1565 г. и прибыло в Кабарду в 1566 г. Здесь были стрельцы, дети боярские (дворянская конница) и казаки. Вновь началась война с Пшеапшуковыми «улусами». На его стороне выступили и другие кабардинские князья - «Тазрит и Маит», а также шамхал Будай возглавивший войска из Дагестана. В кровопролитной битве Пшеапшука и Будай потерпели поражение от русско-кабардинского войска, последний был убит, но и объединению князей во главе с Темрюком был нанесен ощутимый урон[15].

В декабре 1566 г. в Москву приехал «Матлов князь Темгрюкович» шурин царя, «чтобы государь пожаловал для бережения от недругов его велел город на реке Терек усть Сюунчи реки поставить». Выбор места для строительства крепости на территории современной Чечни был не случаен, исследователи единодушно сходятся в оценке стратегического значения района слияния Сунжи с Тереком. Здесь находились броды-переправы важнейших торговых путей, соединявших Каспий и Черное море, здесь шла стратегическая дорога, по которой войска крымцев и

турок направлялись в Дагестан, Иран и обратно. Крепость должна была защищать Кабарду с востока от нападений шамхала[16].

В Крыму рано узнали о замыслах Темрюка и выразили протест. Тем не менее в феврале 1567 г. «отпустил царь и великий князь для городового дела князя Андрея княж Семенова сына Бабичева да Петра Протасьева со многими людми, да наряд, пушки пищали, с ними в Черкассы послал, а велел на Тереке реке Темгрюку князь по его челобитию город поставити». По авторитетному мнению Е.Н.Кушевой, город был поставлен на терской косе при владении Сунжи в Терек. К сожалению, мы не имеем сведений о масштабах крепости и системе оборонительных сооружений. Однако порубежные города России в XVI в. сооружались по единому принципу. Терки относился к числу важных укреплений, гарнизон которого мог насчитывать от нескольких сот до 2-3 тыс. человек и состоял, как правило, из стрельцов и «городовых казаков».[17]

В свою очередь хан Девлет-Гирей писал Ивану IV: «И мы слышали, что еси прислал людей тысячи 2-3 да на Терки город поставил, того для промыслил еси, чтоб Шавкалскую землю и Черкасскую изневолить... И тем городом хочешь ты отлучити Черкасс от Хандыкерева величества (турецкого султана.– Я.А.), и от нас ты похотел Черкасс отлучить»[18].

Для народов Северного Кавказа и Чечни появление русской крепости на их землях имело большое политическое значение. Так, прямым следствием ее строительства, надо полагать то обстоятельство, что с 1567 г. завязались первые политические контакты Руси с одной из чеченских владельческих фамилий. «Прежде сего, которые ваши государевы на Тереке городы были, - писал чеченский феодал Ших-мурза Окуцкий в 1588 г., - и в те поры я с отцом своим с Ушаром мурзою тебе государю верою и правдою служили...». Иметь чеченцев-окочан (ококов) в числе своих союзников для Москвы было тем более важно, что восточные соседи их - кумыкские феодалы - были на тот момент в «дружбе в любви» с крымским ханом[19]. Окоцкое владение могло так же обеспечивать безопасность коммуникаций Астрахани и Терского города с целым рядом северокавказских горных земель.

Выход России на Северный Кавказ усилил политические возможности горских лидеров и вес горских стран в международных делах. Было положено начало их вовлечению в переферийную европейскую цивилизацию.

Так же как Турция и Крым, и Сефевидское государство,

Россия стремилась добиться на Северном Кавказе установления своей политической гегемонии. Однако Москва в отношениях со Стамбулом и Крымом являлась стороной более слабой и обороняющейся. Однако, выход России к пределам Северного Кавказа, установление некоего протектората над частью Кабарды, строительство крепости «на Тереке реке усть Сюинчи реки», намерение царского правительства поставить крепость и во владениях шамхала в Дагестане вызвали серьезное беспокойство Стамбула и Крыма.

При дворе османского султана было решено решить волжско-татарскую и северокавказскую проблему одним ударом: походом на Астрахань. Подготовка к нему началась еще в 1563 г. Кстати сторонником данной экспедиции выступили влиятельные лица империи из черкесов – например великий дефтердар султанского двора Касимбей-паша. Летом 1569 г. огромная армия состоявшая из турок, крымских татар, «горских черкес», ногайцев и т.д. поднявшись из крепости Азов по Дону, перешла в районе Переволоки к Волге и спустилась к Астрахани. Ранняя зима, крепкие городские укрепления и разлад в лагере погубил турецкую экспедицию. Остатки войска «толпою бледных теней» вернулись в Азов в 1670 г.[20]

Правительство Ивана IV чувствуя себя весьма уверенно после провала Астраханского похода, стало делать самоуверенные заявления о «русском» подданстве Кабарды и других горских народов. Это вызвало с одной стороны активность турок и крымцев в адыгских землях приведших к гибели русских сторонников. С другой стороны крымский хан Девлет-Гирей выступил в поход на север и, с помощью противников Ивана IV на Руси, прорвал укрепленные пограничные районы и 24 мая 1571 г. дотла сжег Москву. Царь бежал и позже признал свою зависимость от Крыма: «бил челом» и обещал вернуть Казань и Астрахань. Крепость на Терки была немедленно оставлена[21].

Однако военное счастье переменчиво и в 1572 г. русские воеводы нанесли сокрушительное поражение очередному нашествию Девлет-Гирея недовольного затягиванием Москвой возвращения Астрахани и Казани. Но русские позиции на Северном Кавказе уже были оставлены, хотя есть предположения, что срыв крепость и выведя ее гарнизон царь сохранил на Тереке т.н. «вольных» казаков нанимавшихся на службу «повременно» за плату. Исследователь П.Г. Бутков был уверен, что русские люди в 1572 г. «удалились в верховья рек

Сунжи, Аргуна...и вошли с ними (нахами-чеченцами. – Я.А.) в военный союз»[22].

В 70-х гг. XVI в. некоторые феодальные владения Северного Кавказа уже явно враждебны России. Горские феодалы, как и татарские ханы, совершают набеги на южные русские земли. Иван IV, перечисляя своих врагов, которые «все заодни сложась», беспрестанно нападали на Россию, назвал так же кабардинских черкас, горских и кумыкских людей. Вместе с тем, в Крымском ханстве с конца 70-х гг. ХУ1 в. шли ожесточенные междоусобицы за наследство престарелого Девлет-Гирея между его сыновьями. Притом, обстановка в Крыму была во многом осложнена засильем горцев-«черкесов» при ханском дворе. Татарские мурзы жаловались султану, что мол крымское государство гибнет «от царя от крымского и от царевичей и от черкас. Черкасы де большие люди у царя крымского и временники (фавориты. – Я.А.) все черкасы ж... и юрт де крымской нынче стал черкасской, а мы де татаровя все пропали...».[23]

В 1574 г. умер глава шамхальства (феодального государства Дагестана) Чубан-шамхал «владевший всем краем от границ Кайтака, Кюринского округа, Аварии, черкесов и реки Терека до моря Каспийского... Его сыновья разделили между собою все государство». Однако один из сыновей – Салтан-Магмут, рожденный от знатной кабардинки, но некняжеского происхождения, был лишен наследства. С помощью войска набранного в Кабарде он « принудил своих братьев отдать ему в удел все земли, лежащие между Сулаком и Тереком, с нижнею частью Мичикича (восточные районы Чечни.–Я.А.) и Салатавского округа до горы Керхи, что на границе Гумбета... собрав Кумукское племя, разсеянное в разных местах, он поселил его в Чир-Юрте, который избрал местом своего обитания»[24].

Новое феодальное владение, столицей которого стал вскоре аул Эндерей, с самого начала стало играть важную роль в политической жизни Северного Дагестана и Восточной Чечни. Через его территорию проходила сухопутная трасса волжско-каспийского торгового пути и часть маршрута Дербент-Азов. Здесь находились и зимние пастбища, игравшие известную роль в отгонном скотоводческом хозяйстве горцев[25].

Сами по себе полулегендарные сведения А.К.Бакиханова и Гасана Алкадари не вызывают особых возражений. Мнение, что Салтан-Магмут создал Эндерейское княжество с помощью кабардинского войска, собранного родственниками матери,

вошло в обобщающие труды. Не исключена, однако, возможность участия и чеченских обществ в борьбе Салтан-Магмута за феодальный удел. Некоторое количество источников подтверждают наличие значительного количества нахов-чеченцев в княжестве Салтан-Магмута и их активное участие в политических событиях. Чеченская часть территории княжества Салтан- Магмута («Мичкизская земля») постоянно служила ему опорой в борьбе с шамхалами и другими соседними феодалами.[26]

В 1578 г. начинается новое обострение политической обстановки на Кавказе: турецкий султан Мурад III возобновил войну с Сефевидами за овладение Закавказьем длившуюся более 10 лет. Дагестанские феодалы по крайней мере были нейтральны к туркам и крымцам, которые дважды в 1578 и 1579 гг. проходили через плоскость Дагестана в азербайджанские ханства (государство Ширван) в тыл в тыл к иранцам. Более того, народы Дагестана совместно с ширванцами в 1577-1578 гг. восстали против кизылбашей и вынудили шахского наместника Арас-хана покинуть Закавказье.[27]

В этот момент когда международное положение России улучшилось последовало новое обращение в Москву группы кабардинских князей во главе с Канбулатом Идаровым. Они просили взять их под «царскую руку», оберегать от всех «недругов» и построить крепость на Тереке на прежнем месте. В ответ Иван IV в 1578 г. направил к ним воеводу Луку Новосильцева, который «пришед в Черкассы в Пятигорские; и на реке на Терке на устье Сунчи-реки город поставил[28]. Речь вновь шла о расположении русской крепости в исторических границах Чечни.

Осенью 1578 г. по требованию турецкого султана крымский царевич Адиль-Гирей с 35-тысячным войском проследовал по Северному Кавказу в Закавказье на помощь туркам, сражавшимся с шахскими силами в Ширванской провинции Ирана. К тому времени работы по восстановлению Терского города были закончены и там находился крупный гарнизон из казаков во главе с воеводой Лукой Новосильцевым. Крымские войска перешли Сунжу у «Горячего Колодезя» (Терский хребет); по официальным русским данным, они якобы просили «дороги» у царского воеводы и «унятия» терских казаков. На обратном пути разгромленные иранцами остатки крымских войск в числе 10 тыс. человек углубились в плоскостную Чечню и «перелезли Сеунчю-реку далеча от Терского города...». По уверению Луки Новосильцева, он с казаками догнал их и «побил на голову и

лошадей отогнал...». Позже, в грамоте от 1580 г., Иван Грозный уверял крымского хана, что крымцев в 1578 г. «пограбили» черкесы, «а изводят на наших казаков», а сделали это «черкесы» (т.е. горцы) для того, мол, чтобы поссорить Крым с Россией.[29]

Крымский хан, узнав таким образом о существовании здесь поселения русских, заставил Ивана IV в том же 1578 г. снести Терский город. Вместе с тем, есть самые серьезные основания полагать, что именно с 1578 г. русское присутствие на Северном Кавказе приобрело постоянный характер. Служилые казаки Терского города по ликвидации крепости были оставлены на Северном Кавказе. Их взял под свое покровительство чеченский владелец Ших мурза Окуцкий; он писал позже в Москву: «и после того как велел еси, государь, те городы разорити, и мы тогда с твоими государевыми и терскими атаманами и казаки тебе, государю, служили...». Справедливость указанного положения подтверждается и челобитной терских атаманов и казаков от 1586 г., в которой они заявляли, что «преж сего служили они тебе государю, на Терке и промышляли всяким твоим государевым делом за один с Шихом-мурзою с Окуцким...». Воевода Хворостинин (имеется в виду воевода нового Терского города) прямо писал в 1589 г. о казаках, живущих к этому времени в районе слияния Сунжи с Тереком: «Терские казаки, которые остались на Терке...»[30].

Отец Ших-мурзы Ушаром-мурза, умерший судя по всему в конце 70-х гг. ХУ1 в. завещал сыну «слово (царское. – Я.А.) на голове держати...». По мнению специалистов значение формулы «держати слово на голове» очевидно: она выражает признание вассалитета[31]. Таким образом можно предположить, что единственным связующим звеном между Россией и Северным Кавказом с 1578 по 1588 г. (когда была построена новая крепость Терки) оставался Ших-мурза.

Владения Ших-мурзы, охватывали к тому времени северо-западные районы современного равнинно-предгорного Дагестана и восточные части Чечни. Сосредоточив в своих руках относительно крупные для того времени силы, до 1000 воинов (500 казаков и 500 «слуг своих») Ших-мурза развернул активную военно-политическую деятельность. Думается, что сфера его деятельности (военной, дипломатической, политической) простиралась от Дарьяльского ущелья до Дербента[32].

В начале 80-х гг. XVI в. ирано-турецкая война достигла крайнего ожесточения. В связи с этим северокавказская дорога

из Крыма в Закавказье через кубано-терские степи приобрела для турок и крымцев важный стратегический характер. Османское правительство стало оказывать сильное дипломатическое и иное давление на северокавказские народы с целью обеспечения их подданства и помощи.

В ответ, к 1582-1583 гг. складывается военный антиосманский союз Сефевидского Ирана, дагестанского шамхальства, Ширвана и Грузии. Союз сохранял свою силу и в 1584 г., когда об этом узнал русский посол Б.П.Благово в Турции: «...да Мурат же князь говорил. Ныне на Турского стали заодин Кизылбашской с шевкальским, да с тюменским и с иными князьями, а ныне стоят на турской границе блиско Шамахи и в те городы, которые поимал Турской у кизылбашского, из Царяграда и во Цареград людей воинских и не пропускают...»[33].

Участвовал в этом союзе и Ших-мурза. По его собственному признанию русскому царю: «для тебя яз в Железных Воротах (Темиркапы, т.е. Дербент. – Я.А.) много нужи терпел есми и саблю есми за тебя доводил». Дербент относился к тем пограничным городам, который «поймал Турской у Кизылбашского». Одновременно и терские казаки совместно с людьми Ших-мурзы «переняли» стратегическую дорогу на терско-сунженских «перевозах» ведущую из Крыма и Азова в Дербент, не пропуская турецких гонцов и чиновников. Данное обстоятельство вызвало настолько большое раздражение в Стамбуле, что султан грозился «воевать» Москву, т.к. «русские казаки, которые на Тереке живут, на перевозах и топких местах на них (турок. – Я.А.) нападают». Русское правительство выдвинуло в ответ тезис, что «ныне людей государевых на Терке нет, а живут на Терке воры беглые казаки без государева ведома». Разумеется, в Стамбуле хорошо понимали, что это ложь, но османам не хотелось доводить отношения с Москвой до военного конфликта, так как война с Ираном отрывала все силы. Поэтому дело ограничивалось, как правило, дипломатическими демаршами.[34]

В 1583 г. на Северном Кавказе произошел новый конфликт, обострившийся международную обстановку. При движении из Дербента к Азову ветеранов армии Осман-паши «собрався – по рассказу турецкого полководца русскому послу – на Терке государя вашего казаки человек с тысячю, и пришли были на меня, и яз их побил всех, только утеклых человек з двесте...». Бой имел место при пересечении турецким обозом реки Сунжи,

силы Осман-паши насчитывали 4 тыс. человек, это были ветераны ширванской кампании, лучшие воины. После короткой, но ожесточенной стычки, османы начали преследование и, обнаружив в густых лесах казачий «табор», сравняли его с землей. Тем не менее, еще три дня пути османский отряд подвергался нападениям. Кроме того была подожжена степь, что сильно затруднило движение Осман-паши к Азову[35].

Интересно отметить, что турецкий главнокомандующий на Кавказе Осман-паша Оздемир-оглу, ставший впоследствии великим визирем империи, был «черкес» по происхождению. Более того, один из кабардинских князей оказался близким родственником османского военачальника[68].

После этого нападения раздраженные турки стали демонстративно сосредотачивать силы, для операций на Северном Кавказе и против Астрахани. По одним сообщениям, султан был намерен, кроме взятия Астрахани, построить три «города» на Тереке для обеспечения «бесстрашного» прохода в Иран, по другим – турки уже двигались к Дербенту, имея «на одной тысяче телегах, железа для городового дела»[36].

В целях успокоения османов новый русский царь Федор Иванович направил в Стамбул в 1584 г. миссию Б.Благово. Во время переговоров султанские представители потребовали неуклонного обеспечения безопасности на северокавказском пути для своих войск. В ответ русский посол утверждал, что на Терке живут «воры, беглые люди», волжские казаки «без государева ведома». Это было заурядной дипломатической уловкой, т.к. казаки были не беглые, а самые настоящие подданные Москвы[37].

Между тем, в 1582-1585 гг., в Крыму разразилась ожесточенная междоусобица, приведшая к бегству из Крыма трех сыновей крымского хана Мухамед-Гирея II - Мурат-Гирей, Саадет-Гирей и Сафа-Гирей. Кстати, Мурат-Гирей бежавший на Русь и назначенный наместником Астрахани был хорошо знаком с Ших-мурзой Окуцким и в свое время хлопотал за него перед Федором Иоанновичем. Надо отметить, что власть их отца, нелюбимого крупными татарскими мурзами, держалась на личных войсках, насчитывавших 7 тыс. человек и все они были «черкесы» (т.е. горцы)[38].

Мурат-Гирей снабженный значительными силами стрельцов, волжских и терских казаков, добивался себе крымского трона ссылаясь с «и с шевкалским и с тюменским и з грузинскими и с черкасы и со всеми горскими князи...» (включая

того же Ших-мурзу Окуцкого). Царевич Мурат-Гирей должен был также комплектовать войско из горцев и ногайцев для нужд Москвы[39].

В октябре 1586 г. в документах, связанных с Мурат-Гиреем, возникает тема строительства крепости «на Терке». Определенную поддержку в этом плане оказал шамхал Дагестана, который призывал Москву укрепиться на Тереке и скрепил союз с Мурат-Гиреем, выдав за него свою дочь[40].

Все эти обстоятельства, наряду с дипломатическими успехами Руси в Европе, где с ней считались как с серьезным союзником в борьбе с Турцией, позволяли московской дипломатии строить радужные картины. Так, в грамоте Федора Ивановича к австрийскому императору Рудольфу за 1587 г. говорилось: «А многие государства: Юрганский царь, и Хивинский царевич, и Шевкальской князь, и Иверская Земля, Царь Александр Грузинской, и Тюменское Государство, и Окотцкая земля и Горские Князи, и Черкасская земля, Кабардинские и Абазинские и Ногайские орды за Волгою и меж Волги великие к Дону, те все земли приложились к нашему государству...»[41].

Взаимоотношения «Окоцкой земли» с Русью, не получив еще официального оформления (что произошло только в 1588-1589 гг.) развивались тем не менее как сугубо дружеские. Где-то до августа 1586 г. Ших-мурза приехал к казакам «на Терек... а сказал, что ему от шевкальского и от горских людей теснота великая, что он, живучи в горах, служит тебе, государю и промышляет всяким твоим государевым делом... и он хочет ехати на твое государство имя в Асторохань» куда уже послал двух своих человек: «Урака да Бязия (?)»[42].

Вместе с тем, 1586-1588 гг. были успешными для политики российского государства на Кавказе. Посылка в Грузию толмача Русина Данилова в 1586 г. для «проведывания» вестей и дорог, привела к посольству в Москву от восточногрузинского (кахетинского) царя Александра с просьбой о подданстве. В следующем 1587 г. в Грузию было направлено царское посольство возглавляемое Родивоном Биркиным и Петром Пивовым, а обеспечение безопасности посольства на Северном Кавказе было поручено Ших-мурзе Окуцкому и кабардинскому князю Алкасу). [43]

Весной 1588 г. служилый царевич Мурат-Гирей с воеводами Протасьевым и Бурцевым, выехав «из Астрахани в Шевкалы», расположился лагерем в низовьях Терека. С ним были «многие

люди стрельцы и казаки с вогненным боем», которые и заложили деревянную крепость. По существу же речь шла не о создании на Тереке просто русской крепости, а плацдарма для завоевания всего Кавказа. Вопрос о строительстве этой крепости стоял давно, а поторопиться с ее основанием заставили известия о подготовке новой османской кампании против Астрахани. Действительно, в сентябре 1587 г. имперский Диван обсудил предложения бухарского хана Абдуллаха и старшего князя Большого Ногая - Урус-мирзы, о захвате Астрахани. Поход был намечен на 1588 г., причем был назван даже командующий: Пиял-паша[44]. Впрочем, план этот остался на бумаге, как и проект грандиозной антитурецкой коалиции, предложенный европейским государствам московским правительством в том же 1587 г.

Следует отметить, что строительство крепости на Тереке входило в общий план обороны Волжско-Каспийской магистрали: весной 1586 г. была основана Самара, в начале 1588 г. правительство приказало строить в Астрахани каменный кремль, следом закладываются крепости Саратов и Царицын (1589 г.)[45].

В течение 1588-1589 гг. воеводы Михайло Бурцев и Келарь Протасьев осуществили строительство Терского города в низовьях Терека, на северном протоке Тюменка. На этот раз Россия прочно встала на Тереке. В 1588-1589 гг. начался по существу новый этап русско-северокавказских отношений, выход России на Терек окончательно состоялся.

Значительную помощь в этом оказал и чеченский владелец Ших-мурза Окуцкий, который в эти годы с использованием «государевых» казаков, добился определенного политического влияния на Северном Кавказе. Он взял некий «Индили словет город и с тем 7 городов» (скорее всего укрепленные аулы), обеспечил и себе и Руси дружеский союз с аварским ханом, Черным князем, с нахским владельцем Ларса в Дарьяльском ущелье - Салтан-мурзой; сын шамхала Алхас (Алкас) перешел даже со своими подвластными в его владение. В трудные годы засилья турок и крымцев на Северном Кавказе он совместно с терскими казаками прервал сообщение турок между Азовом и Дербентом, участвовал во всех антитурецких акциях кавказских владельцев[46].

В 1588-1589 гг. терские казаки опять перешли под непосредственное управление царских воевод. Они «сели» городками на гребне Терского хребта у слияния Сунжи с Тереком, здесь же на развалинах «Суншина городища» был поставлен и

небольшой острог. Терские казаки состояли в разряде вольных казаков, им не платили постоянного жалованья, а привлекали к службе от случая к случаю[47].

Таким образом, русско-османское противоборство на Северном Кавказе складывалось в целом в пользу России, русские войска в союзе с горцами не позволили туркам расширить агрессию в сторону Астрахани, на Северный Кавказ и Дагестан. Все это способствовало росту престижа Москвы и объективно усилило прорусскую ориентацию народов Северного Кавказа[48].

В то же время, в 1586-1589 гг. армии султана Мурада III заняли практически весь Азербайджан, Армению, Курдистан, западные области Ирана, значительную часть Грузии и ширванское побережье Каспия где появился турецкий флот и морские базы турок. 21 марта 1590 г., был заключен турецко-иранский мир установивший гегмонию Стамбула и на Кавказе.[49]

Тем не менее, терские воеводы направляли письма в Кабарду, « шевкальскому и к тюменскому и к горским черкасом и к Нагаем» с призывом, «чтоб... великому государю служили». Крымский хан также рассылал гонцов с письмами на Северный Кавказ «ко всем в горы»; более того некий турецкий чиновник с отрядом в 90 человек, сопровождаемый кабардинцами, проехал в Дагестан через некоторые чеченские общества - «на Мичкизы по загорам»[50].

В сложной политической обстановке, царившей на Кавказе в конце 80-х гг. XVI в., относительно возрастает роль чеченского феодала Ших-мурзы, верного сторонника Москвы. К нему направляет своих людей за известиями о судьбе грузинских посольств и для «разведывания» дорог кахетинский царь Александр, к нему обращается русский царь с указанием обеспечить безопасность посольства Семена Звенигородского и Торха Антонова в Грузию. Ших-мурза приводит в русское подданство одного из сильнейших феодальных владетелей Северного Кавказа - хана Аварского (вместе с его родственником Черным князем). Его политическую линию, в общем, разделяют основные нахские (чеченские и ингушские) общества того времени.[51]

Еще в октябре 1588 г. вместе с грузинскими послами в Москву прибыли «черкесские» послы от Шиха-мурзы и князя Алкаса Кабардинского. Чеченское посольство возглавлял племянник Ших-мурзы Батай-мурза; свита его состояла из трех товарищей.

Горские послы были помещены на дворе архиепископа Новгородского, и к ним был назначен приставом Иван Жемчужников.[52]

Грамоты Ших-мурзы представляют огромный интерес. В них содержится богатый фактический материал, характеризующий политические взаимоотношения российского государства с Северным Кавказом и Чечней во второй половине XVI в. Анализ документации посольства Ших-мурзы показывает, что политическое положение его владения определялось несколькими факторами:

1. Отношение к Турции и Крыму враждебное (х Турскому и х Крымскому не приставал»). 2. Отношение к России характеризовалось чертами средневекового вассалитета («готов на государеву службу», а с другой стороны, и «государь бы его пожаловал, держал под своею царскою рукою и его обороняти велел от его недругов»). 3. Отношения с северокавказскими соседями сложные. Дружеские отношения с Аварским и Черным князьями, держит у себя «шевкалова сына», враждебен с Асламбеком Кабардинским, ведет военные действия против «Индили» и других районов»[53].

21 ноября 1588 г. горские послы Батай и Асламбек (представитель Алкаса) были приняты царем Федором Ивановичем. «А государь сидел в Золотой в Подписной палате в царском платье; а бояре в золотном платье, а в сенех дворяне и приказные люди были в золотном же платье». Батай и Асламбек «били челом государю» о «пожаловании» и взятии «во оборону от недругов», после чего они были допущены «х корошеванью», пожалованы шубами (а сопровождающие лица деньгами и сукнами) и «кормом» из царского дворца Причем, Батаю и его людям были пожалованы более ценные подарки, чем послам Алкаса Кабардинского.[54]

25 февраля 1589 г. состоялись переговоры Батая и Асламбека с государственным деятелем России, казначеем И.В.Траханиотовым, дьяками Андреем Шелкаловым и Посником Дмитриевым. Царские представители желали определить условия документального оформления подданничества Шиха и Алкаса. Послам был задан вопрос: «каким обычаем Алкасу и Шиху бытии под государевою рукою и хто им недруги?» Батай и Алкас отвечали: «Они холопи государские старинные и ныне государю служат, - и прислали их ко государю Алкас княз и Ших мурза бити челом, чтобы государь

пожаловал, велел их от недругов беречи Терском воеводам, а недруг им Асламбек княз Кабардинский»[55]. Следовательно, горские послы отвели вопрос подданичества, считая его решенным («они холопи государские старинные») и просили вознаграждения за службу своих правителей и помощи против недругов.

К сожалению, в архивах не сохранилось данных о заключительной стадии переговоров; царскую грамоту Шихмурзе и жалованье было поручено передать очередному русскому посольству в Грузию. О результатах миссии Батая мы можем судить именно по этому документу.

Царь Федор Иванович заявлял Ших-мурзе: «...нам твоя прямая служба ведома. И мы за твою службу тебя жаловати хотим своим великим жалованьем и держати тебя и твой юрт хотим под своею царскою рукою и в обороне тебя держати хотим ото всяких твоих недругов и воеводам нашим Астораханским и Терским о том приказ наш царский крепкой... И ты б, Шихмурза, з братьею своею и с племянники и з детми и со всеми своими людми нам служил и был под нашею царскою рукою и от нашего жалованья был неотступен... (и по свою смерть и х Турскому и х Крымскому и к иным нашим недругам ни к кому не приставал, и сам и братью свою и детей своих и племянников в Терской город и нашим воеводам присылал...) и ты б, Шихмурза, сам з братьею своею и с Алкасом князем все за город за Терской стояли с нашими воеводами вместе заодин. А мы к тебе вперед учнем свое царское жалованье держати великое»[56].

Следовательно, условия договора предусматривали защиту владения Ших-мурзы от «недругов» и выплату жалованья, в свою очередь, Ших-мурза обязывался к службе царю (в частности, это предусматривало участие в обороне Терского города и совместные действия с терскими воеводами). По тексту грамот просматривается, что договаривающиеся стороны обязывались соблюдать единый внешнеполитический курс, пропускать через свою территорию послов и купцов, оказывать друг другу военную помощь.

Таким образом, первое чеченское посольство и присяги чеченского владельца до и после посольства, привели по существу к официальному оформлению вассально-союзнических отношений «чеченских землиц» с Россией. В 1589 г., во время приезда в Москву австрийского посла Варкоча ему сообщалось: «а Шевкальской Князь, и Черкасские Князи, и Горские, и

Окутцкие и Оварской Князь и Черной Князь и все тамошние Государи около Хвалимского (Каспийского. - Я.А.) моря, все государю, Царю и великому князю добили челом...». Давались европейским дворам и весьма преувеличенные сведения о численности войска у северокавказских князей: «Черкасские князи и Князь Тюменской и Князь Окутцкой, у тех у всех ратных людей до семидесяти тысяч». По мнению Е.Н.Кушевой, именно в 1590-е годы в титул русского царя было внесено добавление: «государь Иверские земли карталинских и грузинских царей и Кабардинские земли черкасских и горских князей... государь».[57]

Реакция Европы на политические заявки России в отношении Кавказа была сдержанной. Свидетельства европейских авторов о политическом положении, в частности народов Северного Кавказа, которые они черпали в дипломатических кругах, в среде купцов и путешественников, порой далеко расходились с данными русских государственных деятелей[58].

Среди источников правовых норм указанных договоров следует указать на княжеские «докончания» Северо-Восточной Руси XV-XV1 вв., договоры московских государей со служилыми князьями восточного происхождения, которым жаловались земли в границах России, а также местные, северокавказские правовые традиции оформления политического вассалитета.

В конкретных условиях конца XVI в. отношения горских князей с русскими царями нередко носили объективно союзнический характер. Правовое оформление этих отношений являлось не только целью, но и средством на пути полного включения народов Северного Кавказа в состав Русского централизованного государства, было одним из методов борьбы русского правительства с Ираном и Турцией за политическое преобладание в данном регионе[59].

[1] См.: Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т.29. М., 1965. С.224; [Курбский А.М.] Князя А.М.Курбского история о великом князе московском. СПб., 1913. Стб.58-59; История Татарской АССР. Т.1. Казань, 1968. С.92-93.

[2] См.: История Кабардино-Балкарской АССР. Т.1. М., 1967. С.13; Некрасов А.М. Западный Кавказ в системе международных отношений последней четверти XV - первой половины XVI века. Рук. дисс. канд. истор. наук. М., 1984. С.135-136, 141-142.

[3] Кокиев Г. Русско-кабардинские отношения в XVI-XVIII вв. // Вопросы истории. № 10. М., 1946. С.45.Лавров Л.И. Эмиры Дербента. Шамхалы Казикумухские и Тарковские // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Сб. статей. Махачкала, 1987. С.11; Шихсаидов А.В. Эпиграфические памятники Дагестана X - XVII вв. как исторический источник. М., 1984. С.295;

[4] ПСРЛ. Т.13. М., 1965. С.407; Т.29. С.116, 214; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. М.,1957. С.3.

[5] См.: ПСРЛ. Т.13. С.233; Т.29. С.224; Книга посольская метрики Великого княжества Литовского... (Т.1). М., 1843. С.98; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.6; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина ХУ1-30-е гг. ХУП в. М., 1963. С.203-204.

[6] ПСРЛ. Т.13. С.235-236; 242-244; Т.29. С.231; Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII веках. / / Сост. В.А.Алексеев. Сталинград. 1936. С.68, 289.

[7] См.: ПСРЛ. Т.13. С.259; 276-277; Т. 29. С.240, 252; Карамзин Н.М.История государства Российского. Т.8. М., 1832. С.281, 294; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.4, 56-57; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.207-210; Очерки Карачаево-Черкесии. Т.1. М., 1957. С.216-217.

[8] См.: РГАДА. Ф.123. Оп.1. кн.11. Л.315об.; Allen W.b.D. Problems of Turcish power in the sixteenth century. London. 1963. P.23; Bennigsen A. L'Expedition turque contre Astrakhan en 1569 L'apres les Registres des «Affaires importantes» des Arhives ottomans // Cahirs du monde Russe et Sovetique. 1967. Vol. VIII/ P/430-431.

[9] См.: ПСРЛ. Т.13. С.284; Т.29. С.252, 255, 257; Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып.2. М., 1979. С.109; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.5; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.233.

[10] См.: ПСРЛ. Т.29. С.284; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.8; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.237-238; Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв. М., 1984. С.259-260.

[11] См.: Продолжение «Древней Российской вивлиофики». (Далее: Продолжение «ДРВ»). СПб., 1801. Ч.1. С.76; ПСРЛ. Т.13. С.324, 330; Т.29. С.284-285, 289; Кабардино-русские отношения. Т.1. С.392. прим.23.

[12] См.: ПСРЛ. Т.13. С.371; Т.29. С. 300, 301,324; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.10-11; Греков И. Османская империя, Крым и международные отношения в Восточной Европе в первые годы Ливонской войны (1588-1577) // Советское востоковедение. № 3. М., 1984. С.63.

[13] Кушева Е.Н. Указ. соч. С.240; Акиев Х.А. К вопросу о расселении вайнахов в Дарьяльском ущелье // Вопросы исторической науки Северного Кавказа и Дона. № 3. Грозный. 1985.

[14] См.: РГАДА. Ф.127. Оп.1. Кн.6. Л.90-91 об., 151-151 об.; Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России... // Сб. материалов о местностях и племенах Кавказа. Тифлис. Т.22. 1897. С.55; Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических взаимоотношениях XVI-XVIII вв. Тбилиси. 1972. С.22-23; Шавхелишвили А.И. Из истории горцев Восточной Грузии (Тушетия XVI - первой половины XIX вв.). Тбилиси, 1983. С.144-145, 215.

[15] См.: ПСРЛ. Т.13. С.397-398; Т.29. С.301, 340, 347; Гашимов Ч.М. Дагестано-кабардинские политические отношения в XVI-XVIII вв. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974. Вып. IV. С.57.

[16] См.: ПСРЛ. Т.13. С.407; Т.29. с.353; Кабардино-русские отношения. Т.1. С.13; Гашимов Ч.М. Указ. соч. С.57; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.243-245; и др.

[17] См.: ПСРЛ. Т.29. С.354; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.243-244. См.: Любавский М.К. Наступление на степь. М., 1915. С.18, 22-23; Русская военная сила. М., 1897. Т.1. С.258.

[18] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С.XVIII; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.13-14; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.244-245; В.Г.Гаджиев. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С.69.

[19] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С.XVIII, 64; Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVIII вв. Сб. док. Сост. Е.Н.Кушева. М., 1997. С.18.

[20] См.: Allen W.E.D. Problems of Turcish... P.23; В то же время А.Беннигсен указывает, что поход на Астрахань при султанском дворе было задуман где-то после 1564 г. – См., Bennigsen A. L'Expedition torque... P.431.Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С.30; Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. № 22. М., 1947. С.157, прилож.1.

[21] См.: Карамзин Н.М. Указ. соч. Т.9. С.206; Флетчер. О государстве русском. СПб., 1906. С.76; Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в ХУ1-ХУП веках. Грозный, 1988. С.32-34.

[22] См., рукопись П.Г.Буткова: РГВИА. ф.482. Д.192. Л.156 об.

[23] См.: РГАДА. Ф.123. Оп.1. Кн.15. Л.29-30; Сб. ИРИО. СПб. 1895. Т.137. С.87, 151, 180.

[24] Бакиханов А.К. Гюлистан-Ирам. Баку. 1926. С.88. Алкадари Гасан Эфенди. Асари Дагестан. Махачкала. 1929. С.41; Гусейнов Г.-Р.А.-К. О южных пределах кумыкского государства эпохи Султан-Мута // Материалы первой научной конференции посвященной 460-летию Султан-Мута... Махачкала, 2008.

[25] Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала. 1970. С.76-77.

[26] См.: Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала. 1961; С.Гаджиева. Кумыки. М., 1961; История Дагестанской АССР. Т.1; М., 1967. История Кабардино-Балкарской АССР. Т.1. М., 1967; Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах // Известия ЧИРКМ, Грозный. 1975. Вып.XI. С.60-62; и др.

[27] См.: История Кабардино-Балкарской АССР. Т.1. С.116; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.258; Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М., 1952. С.63; Новосельцев А.П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVI-XVII вв. // Вопросы истории. М., 1969. № 9. С.119.

[28] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С.XXXVII; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.5, 34-35, 46; Cortepeter C.M. Ottoman Ymperialism... P.57.

[29] См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т.1. СПб., 1851. Стб. 943, 953; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.47; Cortepeter C.M. Ottoman Imperialism... P.57-59.

[30] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С.64, 78; Русско-чеченские отношения... С. 13; Потто В.А. Два века Терского казачества. Т.1. Владикавказ. 1912. С.37; Юдин П. Первые русские города на Тереке // Терские ведомости. № 238. Владикавказ. 1912; Исаева Т.А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI- первой половине XVII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI- начале XX в. Грозный, 1981. С.14.

[31] См.:Белокуров С.А. Указ. соч. С.64; Юзефович А.А. Русский посольский обычай XVI в. // Вопросы истории. 1977. № 6. С.114-115.

[32] См.:Белокуров С.А. Указ. соч. С.63-64; Исаева Т.А. Указ.соч. С.12, 15.

[33] См.: Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.37; Мамиствалишвили Э.М. Внешнеполитические взаимоотношения Грузии во второй половине XV и в XVI веке. Автореферат дисс. докт. истор. наук. Тбилиси. 1983. С.25.

[34] См.: Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.35, 36, 43.Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.4. Т.7.М., 1963.. С.262; Для сравнения смотрите грамоту Федора Ивановича иранскому шаху, где он превознося свои заслуги перед союзником, говорит, что он «посадил» казаков на Тереке и повелел им биться с турками. – М.Полиевктов. Материалы из истории грузино-русских взаимоотношений 1615-1640. Тбилиси. 1937. С.18-19.

[35] См.: Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.38, 40; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.260; Cortepeter C.M. Ottoman Imperialism... P.74-75; Hammer de I.Par. Histoire de L'Empire Ottoman. Vol.6. Paris. Vol.I-XVIII. 1836-1892. P.116; Исаева Т.А.Военно-политический союз народов Северного Кавказа в борьбе с турецко-иранской агрессией (вт. пол.XУ1-XУП век)// Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XШ-XX в.) Грозный. 1983. С.45.

[36] См.: Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.36-37; Смирнов Н.А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI-XVIII вв. Нальчик, 1948. С.21.

[37] См.:РГАДА. Ф.89. Оп.1, 1512. Д.1. Л.9-9 об.; Там же. Ф.ВУА. Д..18308. Л.64, 66-68;Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.IV (т.7-8). С.271-272; и др.

[38] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С.63, 65;Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.IV (т.7-8). С.259; Новосельский А.А. Указ. соч. С.35; Cortepeter C.M. Ottoman Imperialism... P.87-88.

[39] См.: РГАДА. Ф.127. Оп.1, 1586. Д.1. Л.100-101; ПСРЛ. Т.14. С.37; Allen W.E.D. Problems of turcish...P.36; Скрынников Р.Г. Россия накануне «Смутного времени». М., 1980. С.49.

[40] См.: РГАДА. Ф.123. Оп.1, 1586. Д.1. Л.11, 16; Белокуров С.А. Указ. соч. С.113-114; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.273-274.

[41] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т.1. СПб., 1851. Стб.991-992.

[42] Русско-чеченские отношения... С.13-14.

[43] См.:Белокуров С.А. Указ. соч. С.10-13; Русско чеченские отношения... С.14-15.

[44] РГАДА. Ф.123. Оп.1. Кн.17. Л.20 об., 25 об., 34-34 об.; Allen W.E.D. Problems of turcish... P.36; Bennigsen A. L'Expedition turque... P.445; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.267.

[45] Перетяткович Г. Поволжье XV и XVI вв. (Очерки из истории края и его колонизации). М. 1877. С.313-317; Скрынников Р.Г. Россия накануне «Смутного времени». М., 1980. С.53-54.

[46] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С.63-64, 151; Н.Г.Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С.155; Т.А.Исаева. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т.XI. Грозный. 1977. С.98-99; и др.

[47] См.:ЦГАДА. ф.141. Оп.140, св.2, д.13; Белокуров С.А. Указ. соч. С.81, 94, 119; Юдин П. Первые поселения гребенцов // Терские ведомости. № 7. Владикавказ. 1913.

[48] Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.75.

[49] См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С.314-315; Allen W.E.D. Problems of turcish... P.34; Cortepeter C.M. Ottoman Imperialism... P.91-92; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.275.

[50] См.: РГАДА. Ф.115. Оп.1. 1589 г. Д.5. Л.1; Белокуров С.А. Указ. соч. С.74, 79, 130-131, 137.

[51] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С.80-82, 128; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.63-64; Исаева Т.А. Политические взамоотношения Чечено-Ингушетии с Россией... С.13-17; Виноградов В.Б.,Магомадова Т.С. Один из северокавказских союзников Руси // Вопросы истории. № 10. М., 1971; и др.

[52] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С.34, 54, 59, 149-150; Русско-чеченские отношения... С.19- 20; Материалы посольства находятся в РГАДА (Ф.115. Оп.1, октябрь 20, 1588 г. Д.1 «Приезд 1) от Черкасского князя Шиха Окуцкого, племянника его Бойтава и 2) от Алхаса князя и от Мурат Кирея царевича посла Асланбека с прошением принять их в российское подданство»).

[53] См.:Белокуров С.А. Указ. соч. с.62-65; Русско-чеченские отношения...С.16-19;Исаева Т.А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией... С.15.

[54] Белокуров С.А. Указ. соч. С.65-66; «Хорошеванье» означает, вероятно, возложение царской руки на голову.- См.., Юзефович Л.А. Указ. соч. С.121.

[55] См.: Белокуров С.А..С.59-60; Русско-чеченские отношения... С.19-20; Асламбек (Исламбек, Осланбек, Сланбек) занимал прокрымскую ориентацию. См.: Кабардино-русские отношения в ХУ1-ХУШ вв. Т.1. С.21, 51, 53, 55-58, 63.

[56] См.:Белокуров С.А. Указ. соч. С.102-103; Русско-чеченские взамоотношения...С.21-23.

[57] См.: Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными. Т.1. Стб.1107-1108, 1185; 1265; Путешествия русских послов в XVI-XVII веках. М.-Л., 1954. С.174; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.276.

[58] Ахмадов Я.З. Об освещении политического положения народов Северного Кавказа в трудах европейских авторов XV-XVI вв. // Вопросы исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980. Вып.2. С.165-168.

[59] См.: Ахмадов Я.З. Правовое оформление вассальных отношений северокавказских владельцев с русскими царями в ХУ1 в.//Общество, государство, право России и других стран Европы. Нормы и действительность. М. 1983; Его же: Первое вайнахское посольство в Москву (1588-1589 гг.) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (ХШ-нач.ХХв.) Сб. статей. Грозный, 1983.

§ 2. Османо-иранские войны. Чечено-русские взаимоотношения в конце XVI - первой половине XVII в.

Политическое положение нахов-чеченцев в конце XVI в. оставалось сложным. Население некоторых юго-восточных обществ Чечни вовлекалось в военные предприятия дагестанского шамхала и его союзников, нахи прилегающих к Грузии высокогорных районов усиливают нападения на владения царя Александра. В целом в этот период возрастает влияние Стамбула в регионе, а Каспийское море бороздят турецкие суда, построенные в Низабате (порт между Дербентом и Баку).[1]

Усиление Турции в Закавказье и рост ее влияния и на Северном Кавказе привели московское правительство к попытке активизации русской политики на Тереке. В 1590 г. царские воеводы восстанавливают Сунженский острог в границах Чечни, а в 1591 г. организуют поход на владения крупнейшего дагестанского феодала, носившего титул «шамхал». В нем участвовали и северокавказские союзники Руси Ших-мурза Окуцкий и некоторые кабардинские князья.[2]

В целом результаты экспедиции были скромными, однако вооруженные действия России на Северном Кавказе вызвали большой международный резонанс, нежелательный для нее. Государственный деятель Турции Синан-паша возмущался в письме к царю Федору Иоанновичу тем обстоятельством, что русские «на Терке, да на Сунше реке остроги поделали, да близко Дербени на Камзумском (Каспийском. - А.Я.) море городы поделали, да на усть реки Сунши, где впала Сунша в Терку, тут остроги поделали...». Вскоре султан отдал приказ о походе янычар на Терек и Сунжу, одновременно угрожая набегом крымской конницы на Россию. И только взятое на себя Москвой обязательство открыть северокавказские дороги туркам и начало войны Турции с Австрией предотвратили намеченную экспедицию.[3]

В 1594 г. царские войска под командованием воеводы Хворостинина, присоединив к себе некоторых союзных горских князей, вновь двинулись на земли дагестанского шамхала с целью покорения Северного Дагестана и выполнения союзнических обязательств перед Ираном и Грузией. Шамхал, в свою очередь, собрав «большую рать», которая складывалась из представителей народов Дагестана, Чечни и Кабарды, обязанных взаимно помогать друг другу в случае нападения «неверных»[4], наголову разгромил царское войско; было потеряно

около трех тысяч человек. «Сами же воеводы с оставшимися людьми утекоша», сообщают русские летописи.[5]

Военные события в Северном Дагестане серьезно сказывались на положении союзников Москвы в Чечне. В русских источниках 1596 г. уже не упоминаются имена Ших-мурзы и ближайших его союзников. Ших-мурза был убит феодальными соперниками, а Окоцкое владение разорено. Соседние нахские общества и дагестанские феодалы уже не упоминаются в качестве «послушных» или союзных Ших-мурзе. Около 160 семейств ауховцев бежало в Терский город и основало здесь так называемую «Окоцкую» слободу. Большая часть беглых нахов была принята на русскую службу - «жалованием денежным и хлебным поверстаны...». Само же Окоцкое владение на правах вассального удела вошло вскоре в состав северодагестанского княжества Эндерей, которое по национальному составу являлось кумыкско-чеченским, а в политическом плане даже оспаривало гегемонию шамхальства в горских делах.[6]

Важные события происходили на западных и южных границах нахских земель. В 1596 г. влиятельные кабардинские князья Солох (Шолох) и Айтек вторгаются в Дарьяльское ущелье и воюют «Сонскую землю». Безусловно, здесь не могли быть не затронуты нахские «Ларсовы кабаки» - аулы Салтан-мурзы и «Черебашев кабак», лежавшие на путях в грузинское Ксанское (Сонское) эриставство. В те же годы была предпринята попытка кахетинского царя Александра добиться зависимости прилегавших к его владениям чеченских и дагестанских обществ. Однако, как сообщает документ, «проведав де про то горские черкасы и собрався с кумыцкими людьми, приходил де на те его землицы войною и многих де его людей побили».[7]

Вместе с тем, русская дипломатия скрывала на европейской арене и в отношениях с Ираном действительное положение дел на Северном Кавказе. Даже в 1600-1601 гг. русские послы хвалились приобретением Тарков, Тюмени, Эндерея и утверждали, что черкесы «холопи государей наших», что все горцы и грузины являются подвластными царя и т.д. Однако до европейцев доходили отрывочные данные о реальном положении дел на Кавказе где «некоторые татары и турки неподалеку от Каспийского моря жестоко грабят и убивают тех, которые были подданными московитов...».[8]

Таким образом, к концу XVI в. политическая ситуация на Северном Кавказе и вокруг Чечни была основательно перетасована.

В силу указанных причин политическое положение нахов-чеченцев в начале XVII в. оставалось сложным. Население некоторых юго-восточных обществ Чечни вовлекалось в военные предприятия дагестанского шамхала и его союзников, стремившихся ликвидировать царские крепости на Тереке и Койсе (Сулак). Позиция других чеченских обществ, в основном восточной и центральной частей края, была, по-видимому, благоприятной для России. Так, при избрании маршрута русского посольства в Грузию в 1601 г. служилые окочане рекомендовали такой путь: «от Сунженского острогу на Мичкисские кабаки, на Кудашев кабак, а от Мичкисского от Кудашева кабака на Пешинский кабак, а от Пешинского кабака на Терлов на Бердеков кабак».[9]

Положение западных нахов источники характеризуют также скупо. Известно, что к 1604 г. некоторые «кабаки» (то есть аулы) кабардинских князей уже располагались непосредственно в Дарьяльском ущелье. Князь Айтек овладел «дорогою в горах к Сонской земле», которую когда-то контролировал «брат» Шихмурзы владелец Салтан-мурза; возможно, что и «колканцы» (в данном случае не только галгайцы, но и жители других накских обществ из прилегающих к Дарьялу ущелий) признали, в какой-то степени, сюзеренитет Айтека.[10]

В 1604 г. царь Борис Годунов решил одним ударом переломить ситуацию на Кавказе - провести широкомасштабную военную акцию и направил на Терек с десятью тысячами стрельцов воеводу Бутурлина. Непосредственной тактической задачей Бутурлина было завоевание плацдарма на Сулаке, Тереке и его правом притоке - р.Сунже. Стратегический замысел был гораздо шире - подчинить горские народы, овладеть побережьем Каспия, вытеснить оттуда турок, выйти к границам Грузии и т.д. На помощь Бутурлину на Тереке были присоединены местные стрельцы и казаки, служилые ногайцы, черкесы и окочане во главе с князем Сунчалеем и Батаем Шихмурзиным.[11]

Надо отметить, что национальные интересы России в тот период не требовали проведения активной политики на Кавказе. Но сам Борис Годунов, чье положение было шатким, вследствии разрухи государства был заинтересован во внешнеполитических победах для укрепления своего правления. С другой стороны, к подобным действиям толкали обязательства, неосторожно данные «христианской» Грузии. И в третьих, Москва не желала усиления на Северном Кавказе позиций своих вчерашних союзников - иранцев.

Осенью 1604г. царское войско, к которому были присоединены некоторые ногайские мурзы, служилые черкесы и окочане (во главе с кабардинским служилым князем Сунчалеем и чеченским мурзой Бахаем Шихмурзиным), в результате кровопролитных боев захватило Эндирей, Теплые воды (возможно, Мелчхи в Чечне) и Тарки столицу шамхальства. Построив здесь укрепления, царские воеводы совершали на дагестанские и чеченские аулы набеги и экспедиции, пленили людей в селениях, отнимали хлеб, захватывали табуны и стада.[12]

Организованное сопротивление этим действиям быстро приняло всенародный характер. Один только князь Салтан-Магмут Эндирейский, который имел в своем владении Окоцкую землю и был связан союзом с самым крупным чеченским обществом - Мичкизским, выставил 13 тыс. бойцов. Не меньше воинов вывел на поле боя и шамхал Тарковский - «вали (правитель)» Дагестана, считавшийся самым влиятельным феодалом Северо-Восточного Кавказа.[13]

Весной 1605 г. горскими силами были уничтожены все царские крепости на Сулаке и Акташе, созданные русскими в ходе предыдущих военных действий, а основные силы Бутурлина потерпели полное поражение во время отступления из Тарков. Разгромом Бутурлина горские политические объединения продемонстрировали свою жизнеспособность и укрепили свою значимость в международных отношениях.

Поражение на Северном Кавказе, безусловно, сказалось и на положении Бориса Годунова в Москве, резко ослабили эффективность его попыток справиться с экономическим и политическим кризисом в стране. Власть в России была захвачена Лжедимитрием I, открывшим эпоху Смутного времени на Руси. В этот период - в 1605-1614 гг. - ослабли не только русско-кавказские связи, но и узы между метрополией и русскими поселениями на Тереке. Это было связано с народными волнениями на юге России, в частности, в Поволжье и на Тереке. Летом 1605 г. в Москве успела, однако, побывать делегация терского (кабардинского) служилого князя Сунчалея и служилого мурзы Батая, которая была принята Лжедмитрием I и награждена богатыми дарами.[14]

Тем временем новое наступление иранского шаха Аббаса I на османов, начавшееся в 1605 г., привело к вытеснению турок из Прикаспия, Азербайджана и части Грузии.

В 1606-1607 гг. большая группа феодальных правителей Северо-Восточного Кавказа («хоккам-е Дагестан ва мирзадека-

йе черкес» - т.е. «правители Дагестана и князья черкесские») прибыла к Аббасу I и была награждена им. Вместе с тем, эти же горские феодалы продолжали сохранять связи и с Терским городом, рассчитывая на помощь русских стрельцов в борьбе с политическими противниками. Воеводы же вели переговоры с горцами с одной целью: «меж ими учинить рознь и от их бы приходу тем уберечи... государев Терской город». Терские силы принимали активное участие в междоусобицах горских феодалов. Так, в 1610-1611 гг. местные противники эндирейского князя Салтан-Магмута с помощью терских ратных людей разбили его и вытеснили в горные чеченские аулы, где он закрепился вместе с Батаем Шихмурзиным, еще в 1609 г. бежавшим из Терской крепости.[15]

Известно, что и иранский шах Аббас поощрял противников Салтан-Магмута, так как тот занимал независимую и от него позицию. В 1612 г. по просьбе ставленника иранского шаха, шамхала Тарковского Гирея, терский воевода П.И.Головин вновь послал на Салтан-Магмута стрельцов и казаков, которые «окоцкие (то есть чеченские. - Я.А.) его кабаки повоевали и пожгли все; ...и ис кабаков его изогнали ж». При этом были разгромлены и чеченцы-мичкизы, союзники Салтан-Магмута.[16]

20 ноября 1612 г. был подписан ирано-турецкий мирный договор, в котором впервые в истории международных отношений был зафиксирован «Северо-Кавказский вопрос». Согласно условиям мира, «шамхал-хан и другие правители Дагестана объявлялись верными слугами султана», а так как османы термин «Дагестан» традиционно распространяли на территорию от Каспия до восточных границ Кабарды, то следовательно, под ним понималась и Чечня. Однако шах Аббас I ни в коей мере не думал уступать Северо-Восточный Кавказ османам. Более того, где силой оружия, а где подкупом он пытался установить над горцами реальный контроль. Вторгаясь осенью 1613 г. в Грузию, иранский шах имел целью оккупировать Картлию-Кахетию и завоевать весь Кавказ, в частности, «кабардино-дагестанский край». События Смутного времени в России подвигали шаха на еще более широкие планы — вырисовывалась возможность овладения Астраханью.[17]

Окопавшийся в тот период в Астрахани атаман Заруцкий (возглавлял народное движение на юге России), попав в трудное положение из-за наступления войск нового царя Михаила Романова (избранного в 1613 г.), желал отторжения астраханского

края к Ирану. Искал он союзников и на Северном Кавказе. В мае 1614 г. Заруцкий был разбит отрядом из Терского города, который состоял из стрельцов, казаков и служилых горцев (в том числе и чеченцев-окочан). Это имело немалое значение для укрепления власти новой династии на юге страны.[18]

После окончания Смутного времени несколько смягчается политическая обстановка на Северном Кавказе. Усиливаются русско-чеченские связи. В мае 1614 г., благодаря дипломатическим усилиям окочан «шертовали» Михаилу Романову, причем, на территории Мичкизского общества, представители Салтан-Магмута Эндирейского и ауховские (окоцкие) мурзы—Албирь и Батай. Важным решением России, имевшим далеко идущие последствия, было создание в Терском городе, весной 1615 г., особого вассального «черкасского» (то есть горского) владения во главе с князем Сунчалеем. Выходцы из Чечни - окочане, мичкизы и другие составили основную часть его населения.[19]

Между тем, угроза вторжения шаха Аббаса I на Северный Кавказ продолжала сохраняться. В 1614 г. стало известно, что шах собирается пройти из Грузии на Северный Кавказ; «идет войною... на кабардинских черкас великою ратью прямою дорогою через Калканские кабаки». Кабардинский князь Мудар Алкасов, контролировавший часть Дарьяльского ущелья (в т.ч. и нахов-ингушей), заключил союз с Аббасом I и по его приказу укрепил подвластные горные аулы «надолбами», чтобы «перенять грузинскую дорогу». Следовательно, речь шла о том, что иранцы пройдут через территорию собственно нахских («Калканские кабаки») обществ.[20]

По сообщению иранского историографа XVII в. Искандера Мунши известно, что такой поход из Грузии на север, в горы, состоялся, но «войска ислама» под командованием Бекверди-бека перенесли в заснеженных горах неисчислимые трудности и были вынуждены повернуть вспять. А вскоре выступление турецкой армии на Иран и народные волнения в империи Сефевидов отвлекли внимание шаха от северокавказских дел. По некоторым другим данным, в т.ч. и народным преданиям, отдельные отряды шаха проникли в Алагирское и Куртатанское ущелье.[21]

В начале 1615 г. чеченские общества восточной части Чечни вновь оказались втянутыми в серьезный политический конфликт. Князь Салтан-Магмут, изгнанный из кумыкской части своего

владения, обосновавшись в окоцких (ауховских) аулах, перехватил «Мичкизскую и Кабардинскую дорогу» и открыл настоящую войну против своих недругов с помощью чеченцев и аварцев. В феврале 1615 г. девять дагестанских феодалов, вытребовав на помощь из Терского города отряд из 400 стрельцов с пушками, вступили в бой с войском Салтан-Магмута и разбили его; «... на том бою Салтан-Магмутовых и Турлова-князя и мичкизских людей побили до смерти 140 человек, а иных переранили и живых поймали».[22]

В следующем 1616 г. территория нахов вновь стала ареной ирано-турецких противоречий, когда в соседнюю Кабарду прибыли передовые крымские силы в количестве трех тысяч человек, предназначенные для похода на Иран. На это иранский шах отреагировал быстро: к Сунженскому перевозу подошли иранские войска и горские союзники Шагин-Гирея (эмиссар Аббаса I на Тереке). Терские воеводы так же послали ратных людей к Сунже, но с приказанием ни во что не вмешиваться и стоять «отдельно». Однако в связи с тем, что основные крымские силы, собранные на Кубани, разошлись вследствие бескормицы, политическая обстановка вновь стабилизировалась.[23]

Через несколько лет горные общества нахов (Чечни и Ингушетии) подвергаются, согласно источникам, нападению со стороны аварских князей и царских войск. Русские источники сообщают, что в 1618 г. по просьбе «уварского нуцала князя и брата его Сулемана мурзы и Черного князя сына Турлова мурзы» терские воеводы выступили в поход и совместно с указанными князьями «шибуцкие и калканские и ероханские и мичкисские кабаки повоевали...». В результате чего горцы, якобы, «добили челом и вину свою принесли».[24] Речь идет о серьезном политическом конфликте, разрешенном военным путем. Однако других подтверждений, кроме как одного указанного сообщения об этом событии нет.

В следующем 1619 г. мы видим нахские общества в составе антиногайской коалиции, сложившейся вследствие занятия Большой (Ногайской) Ордой притеречных степей. Документ говорит, что «кумытцкие, и мерезинские, и шибуцкие, и тшанские, и калканские, и мулкинские (Мержой, Шатой, Чанти, Галгай, Мулкой - нахские общества. - Я.А.) и многих горских земель люди готовы все против ногайских людей за один стояти».[25]

В конце 20-х - нач. 30-х гг. XVII в. политическая обстановка на Северном Кавказе вновь обостряется в связи с агрессивными

притязаниями наследника Аббаса I - иранского шаха Сефи I. Турция, Крым и Россия одновременно начали противодействовать Ирану. Крым пытался поднять горских феодалов к участию в походе на Иран, а Москва поставила вопрос о строительстве крепости «на Сунже-реке» в районе переправ и стремилась к заключению соглашений с близлежащими к Сунже обществами чеченцев. Так, например, была достигнута договоренность с «шибутскими начальными людьми».[26]

В 1635 г. в северо-восточных пределах Чечни был поставлен Сунженский острог (между совр. Гудермесом и Брагунами). Формальным поводом к его строительству послужила просьба эндиерейских князей, фактически же он был поставлен с целью противодействия восточным государствам.

К концу 30-х - началу 40-х гг. XVII в. закончился определенный этап в политической истории народов Северного Кавказа, связанный с подписанием ирано-турецкого мирного договора - Забарский мир 1639 г., - разделившего сферы влияния великих держав на Кавказе. Завершалась, таким образом, серия ирано-турецких войн, тянувшаяся свыше столетия, с начала XVI в. Это имело огромное значение не только для всего Востока, но и для Кавказа. К указанному времени на Северном Кавказе произошло усиление позиций всех великих держав, каждая из них имела здесь своих сторонников и вассалов. Возросло, вместе с тем, и значение Северного Кавказа, в том числе и Чечни, в международных отношениях. На Северный Кавказ выходили во время войн 1514-1639 гг. фланги Ирана и Османской империи, здесь Россия видела передовую линию борьбы с Турцией, Крымским ханством и кочевыми ордами.

После окончания ирано-турецкой войны, в условиях развития новых факторов, формирующих местную политическую обстановку, складывалось и участие народов Чечни в международных отношениях. Так, кумыкско-чеченское Эндирейское княжество в середине XVII в. не только отстояло политическую независимость, но и расширило свое влияние, несмотря на то обстоятельство, что в ходе битвы на р.Малка (1641 г.), состоявшейся во время феодальной войны на Северном Кавказе, объединенное войско группы малокабардинских князей, русских стрельцов, дагестанцев и окочан было разбито силами антирусской коалиции Большой Кабарды.. Ослабленные князья Малой Кабарды одно время оказались даже в вассальных отношениях с наследником Салтан-Магмута Эндерейского - Казаналпом.[27]

В 30-40-х гг. XVII в. горные нахские общества вновь были втянуты в ирано-грузинское противоречия и привлечены к участию в русско-грузинских связях. Укрывавшийся в горах грузинский царь Теймураз имел на своей стороне тушин, «кистов» (горных нахов) и хевсур. В грамоте Михаилу Романову он указывал даже, что «подчинил горцев». Известно, что в препровождении русского посольства Ф.Волконского к Теймуразу через Кавказский хребет большую помощь оказали западно-нахские (территория современной Ингушетии) горные «владельцы» Хавса, Чепа, Мешак и др. Однако в подчинении Теймураза они не состояли, в чем он и признался впоследствии, говоря, что «упросил (дорогу. - - Авт.) у горских людей на время».[28]

В связи с посольством Ф.Волконского (1637-1640 гг.) и князя Мышецкого (1641-1643 гг.) в Грузию имеются сведения о «смуте» в горных районах Большого Кавказа («междоусобная брань великая» и т.д.). Речь шла о событиях, связанных с отходом эристава Заала Арагвского от Теймураза. Мятежный эристав, собрав «многие горские силы», заблокировал Дарьяльское ущелье. Это и заставило Теймураза искать новые пути для осуществления связей с Россией, для чего пришлось обратиться к горским владельцам за помощью.[29]

К 1641 г. обстановка в горах вновь изменилась, и для очередного посольства князя Мышецкого - направлявшегося в Грузию - оказались закрыты не только дорога через Дарьяльское ущелье, но и другие пути, которыми ранее прошел Ф. Волконский. По известию самого Теймураза, следовало, что «прямою дорогою через Картель (Картлия. — Авт.) на Каракалканы тамошних земель владельцы не пропускают». К участию в осуществлении русско-грузинских политических связей привлекаются теперь чеченские общества, располагавшиеся по р.Аргун. Через территорию аргунских обществ «прямою дорогою через горы, на Шибутцкую землю...» стали следовать русские и грузинские гонцы, а один из аргунских «владельцев» невысокого ранга — Алхан Дикеев, имел непосредственные отношения с царем Теймуразом, бывал при его дворе, выполнял его дипломатические поручения.[30]

В 40-х гг. XVII в. состоялось на Тереке и одно из последних нашествий кочевников монголо-ойратов или калмыков. В конце 1643- начале 1644 г. отряды Волгу атаковали Терки, затем перешли р.Терек, а затем под Эндереем вступили в бои с ногайскими и кумыкскими силами. Другая орда вошла на территорию

Кабарды и потерпела здесь полное поражение. Калмыки отошли за Терек.[31]

К оформлению политических связей с великими державами в середине второй половины XVII в. стремились различные «вольные» союзы обществ - «землиц» Чечни. Одна из таких, Мичкизская «землица», занимавшая восточную часть Чечни и насчитывавшая 36 аулов способных выставить три тысячи вооруженных людей, согласилась на предложения терских воевод и через своих «выборных» людей в 1647 г. принесла так называемую «присягу подданства».[32] Это было конечно значительным политическим событием, свидетельствующим о принятии консолидированных решений значительной массой населения.

Мирные соглашения Москвы с чеченцами в этот момент были тем более важны, что основные наличные силы Терского города — служилые чеченцы-окочане, татары и черкесы, стрельцы и казаки — были привлечены в 1645-1647 гг. к участию в военных действиях России против Крыма на Дону. Здесь терский отряд под командованием князя Муцала Черкасского совместно с русскими войсками нанес ощутимые удары по крымским силам.[33]

Таким образом к середине XVII в. политическое положение целого региона ведущих чеченских обществ в сложной системе международных отношений на Кавказе становится все более устойчивым, а их участие в политических событиях северокавказского региона все более заметным.

[1] Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С.275.

[2] См.: Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1888. С.248, 253, 255; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.276-278.

[3] См.: Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. М., 1957. С.68-69; Янчевский М. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI-XVII вв. Ростов-на-Дону. 1930. С.112.

[4] Дело заключалось в том, что представители владельческой фамилии шамхалов считались происхождением от дяди пророка Мухаммеда - Аббаса и носили традиционно титул «вали (наместник) Дагестана», в географических границах которого считалась и Чечня. В силу этого шамхал призывал на помощь к себе всех горских мусульман.

[5] См.: Карамзин [Н.М.]. История государства Российского. Т.X. СПб., 1831 С.216; Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию. 1602-1603 годы. М., 1896. С.39-40.

[6] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С.270, 558-559; Кабардино-русские отношения... Т.1. С.94-95; Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах // Известия Чечено-Ингушского ЧИРКМ. Вып.XI. Грозный, 1975. С.60-62.

[7] Белокуров С.А. Указ. соч. С.285, 304-305.

[8] См.: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т.1. СПб., 1890. С.48-49; Путешествия русских послов в XVI-XVII вв. Статейные списки. М.-Л., 1954. С.95, 113; Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С.73.

[9] Акты времени Лжедимитрия I (1603-1606 гг.). М., 1918. С.148. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII в. Сост. Е.Н.Кушева. М., 1997. С.42.

[10] Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1888. С.453-454, 456, 476; Исаева Т.А. Социальные отношения чеченцев и ингушей в XVII в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии XVI - нач. XX в. Грозный, 1980. С.39.

[11] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С.470; Масса Исаак. Указ. соч. С.73; Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. Грозный, 1988. С.65.

[12] Карамзин [Н.М.]. Указ. соч. Т.11. С.67.

[13] Бакиханов А.-К. Гюлистан - Ирам. Баку. 1926. с.89; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.67.

[14] Кабардино-русские отношения в XVI-XVII вв. Т.1. М., 1957. С.73-75; Юдин П.Л. Очерки смутного времени на Кавказе // ЗТОЛКС. № 5. Владикавказ, 1944. С.17-18.

[15] Белокуров С.А. Указ. соч. С.531-534; Новосельцев А.П. Русско-иранские отношения в первой половине XVII в. // Международные связи России в XVII-XVIII вв. М., 1966. С.114

[16] Белокуров С.А. Указ. соч. С.535-536; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.307.

[17] См.: Сванидзе М.Х. Турецко-иранские отношения в начале XVII в. и Грузия // Проблемы истории Турции (Сб.статей). М., 1978. С.29-30, 36; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.74-75.

[18] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С.547-548, 551, 556; Юдин П.Л. Указ. соч. С.44.

[19] РГАДА. Ф.115. Оп.1. 1616 г. Д.б/н. Л.8-9; Там же: Ф.131. Оп.1. 1614 г. Д.1. Л.1-16; Русско-дагестанские отношения в XVII - первой четверти XVIII в. (Документы и материалы). Махачкала, 1958. С.52-54; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.80.

[20] Русско-дагестанские отношения... С.33-34; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.305; Новосельцев А.П. Указ. соч. С.115.

[21] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С.540-541; Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI и XVII веке (1590-1700 годы). Баку, 1981. С.98; Емельянова Н. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М., 2003. С.109

[22] См.: Руско-дагестанские отношения... С.53-54; Умаров С.Ц. К политической и социально-экономической истории Чечни XVI-XVII веков // археолого-этнографический сборник. Т.4. Грозный, 1976. С.185-186.

[23] Кабардино-русские отношения... Т.1. С.405. Прим.201; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.163.

[24] Русско-чеченские отношения... С.94-96; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.62.

[25] Кабардино-русские отношения... Т.1. С.97-98.

[26] См.: Там же. С.123; Русско-чеченские отношения... С.111-112; Кушева Е.Н. Указ. соч. С.321.

[27] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.90.

[28] См.: Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 г. по 1770. - СПб., 1861. С.25-31; Кушева Е.Г. Указ. соч. С.85; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII - начале XX века. М., 1974. С.147-148.

[29] См.: Материалы по истории грузино-русских отношений (80-90-е годы XVII века) / Сост. Г.Г.Пайгадзе. Вып.1. Тбилиси, 1974. С.249-250; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.94.

[30] Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640-1643. Тифлис, 1928. С.67, 81.

[31] Шмелев А.С. Русско-дагестанско-калмыцкие отношения в XVII в. // Кавказ. Балканы. Передняя Азия. Вып.2 (9). Махачкала, 204. (Интернет: http//kumukia.ru/modules...

[32] Русско-чеченские отношения... С.163-166.

[33] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.108-109.

§ 3. Чеченское княжество и вольные общества Чечни в международных отношениях на Кавказе второй половины XVII в.

Важным событием в политической жизни Чечни середины XVII в., имевшим большое значение для дальнейшей истории народа, было образование на ее равнинной территории территории крупного феодального владения - Чеченского княжества.

В 40-х гг. XVII в. наследники гумбетовского Черного князя («Каракиши») - Турловы (родственные аварским правителям - нуцалам), стали переселяться из дагестанского владения Гумбет в низовья Аргуна - то ли по приглашению местного населения, как говорит о том чеченская фольклорная традиция, то ли по праву первой заимки. Здесь на развалинах старого поселения возник аул Чечен («Чачан»), ставший центром Чеченского владения. Следует при этом учесть, что данная княжеская фамилия Чечни, называвшаяся в начале то «уварской», то «кумыцкой», уже в 70-х гг. XVII в. получает окончательное этническое определение. Турловых называют «чеченские мурзы», но при этом они сохраняют владельческие права над собственно Гумбетом и некоторое влияние в Хунзахском ханстве.[1]

Несколько позже, в 1650 г., из состава Эндирейского княжества выделилась тюркоязычная этническая группа брагунцев («бораган») во главе со своими феодалами. Они ушли из Эндерея и так же поселились в районе слияния Сунжи и Терека, основав аул Брагуны. Так началась история Брагунского владения в Чечне.[2]

В 1658 г. «чеченские» владельцы Турловы: «Загастунка, да Алибечка, да Алиханко, да племянник их Кучбарка» через грузинского царя Теймураза заявили себя «вассалами» русского царя.[3] Но все это носило еще сугубо формальный характер, пока не разразился русско-иранский конфликт по поводу Сунженского острога.

В начале 50-х гг. XVII в. политическая обстановка на Северном Кавказе и в Чечне была серьезно осложнена русско-иранским конфликтом. Противоборствующие державы втянули в свой конфликт и многие горские феодальные владения и общества. Основные военные события проходили на Сунже и Тереке, в современных границах Чечни.

Еще в начале 1651 г. русское правительство возобновило при поддержке терско-гребенских казаков и брагунцев Сунженский

острог в районе слияния Сунжи и Терека и расставило в междуречье казачьи городки таким образом, чтобы поставить под контроль терских воевод торговые пути, броды и переправы, по которым осуществлялись экономические и политические связи Ирана, Дагестана, Чечни с Кабардой, Черкесией, Крымом и турецкими крепостями на черноморском побережье.[4]

Интересы иранского и горского купечества были серьезно затронуты блокированием терско-сунженских «перевозов», недовольны были и государственные круги Сефевидской державы, опасавшиеся дальнейшей экспансии России на Кавказе. В 1651-1653 гг. феодальные владельцы Дагестана при поддержке иранского шаха и с привлечением иранских военных сил провели два похода на Сунженский острог и на владения вассала Москвы на Тереке -князя Муцала Черкасского. Помимо уничтожения русской крепости на Сунже ирано-горские войска поставили также целью вывести во владения Эндирейского княжества брагунцев, пользовавшихся русским покровительством.

Осенью 1651 г. объединенные силы тарковского шамхала Сурхая, эндирейского владельца Казаналпа и ряда других горских князей с приданными им на помощь 700 иранцами двинулись на Сунжу. В составе феодального ополчения были и представители чеченских обществ — мичкизяне и шибутяне. Благодаря умелым действиям на берегах Терека и Сунжи отрядов Муцала Черкасского, брагунцев, русских стрельцов и казаков нападение было отбито.[5]

Весной 1653 г. 20-тысячное горское войско, в составе которого было уже несколько тысяч иранцев с артиллерией, переправилось через Сунжу и в результате ожесточенной осады вынудило русский гарнизон покинуть острог. Укрепления были разрушены, а аул Брагуны, располагавшийся близ острога, переведен во владения эндирейского князя Казаналпа. В планы иранцев и их союзников входило на этот раз взятие Терского города и полная ликвидация российских укреплений на Тереке. Но в результате официальных русско-иранских переговоров и взаимных уступок конфликт, в целом, был погашен.[6]

Между двумя указанными столкновениями незаметно прошел факт разграбления в 1652 г. «в урочище меж двух гребней на речке на Нефтянке (т.е. между Терским и Сунженским хребтами. - Я.А.) кортежа внука грузинского царя Теймураза - Ираклия с матерью Еленой. Горские феодалы участвовавшие

в нападении отправили за 30 плененных грузин-дворян к иранскому шаху.[7]

Относительные успехи иранских шахов и его сторонников на Северном Кавказе не изменили коренным образом политическую ситуацию здесь в их пользу. Иранское влияние в Дагестане и частично в Чечне имело место, но и российская внешнеполитическая ориентация сохраняла свою силу. Так, в том же 1653 г. терский воевода сообщал, что «бил челом шибутцкой начальный человек Айдемир» с просьбой о перемене аманата.[8]

В конце 50-60-х гг. XVII в. в политической жизни Северного Кавказа более заметную роль стали играть горные общества нахов-чеченцев, располагавшиеся в Аргунском ущелье. Это было связано с событиями в Закавказье. Грузинский царь Теймураз, лишившись в долгой борьбе с шахскими захватчиками всех владений в Картлии и Кахетии, вновь удалился в горы Кавказа, где привлек к себе тушин, пшавов, хевсур и кистин (горных нахов), а также жителей горных обществ на Чанты-Аргуне, именуемых в документах «шибутянами». Здесь он намеревался создать небольшую подвластную территорию и использовать ее в качестве плацдарма в борьбе за освобождение Грузии.

Указанные грузинские общества и «шибутяне» признали Теймураза своим царем и решили заключить союз с Москвой, в форме признания российского подданства, с той целью, чтобы получить военную помощь против Ирана. Аргунское ущелье заняло важное место в политических планах Теймураза и русского правительства, ибо оно являлось важнейшей дорогой центральной части Горной Чечни, от которой шли перевальные пути почти во все общества Чечни, в Дагестан, в Хевсуретию, Пшавию, Тушетию и т.д.[9]

В 1657 г. царь Теймураз прибыл в Москву, чтобы лично просить поддержки в борьбе с Ираном. О том же просили представители тушин и шибутян, летом 1658 г. присягнувшие на «подданство» России на торжественной церемонии в Успенском соборе Кремля. Опираясь на поддержку горногрузинских и аргунских районов Чечни, Теймураз предложил Москве план военных действий против Ирана, предполагавший посылку русских войск через Чечню в Закавказье, к которым должны были присоединиться военные ополчения шибутян, тушин, пшавов, хевсур. В этом ему было, в конечном счете, отказано, так как русское правительство в тот момент не желало терять дружеские отношения с Сефевидами.[10]

Планы организации в южной части Чечни и горной Грузии опорной базы для развертывания освободительной борьбы против шахского Ирана на время возродились при наследнике Теймураза — царевиче Ираклии (в русских документах Николай Давыдович). Известно, что именно тушины явились застрельщиками крупного антииранского восстания в Кахетии в 1659 г. Возможно, с ними заодно выступали и шибутяне, единство с которыми в те годы тушины постоянно подчеркивали. Летом 1659 г. горское ополчение опустилось в долины Кахетии заселяемые шахом кочевыми племенами, частью истребили их, частью заставили бежать («Бахтрионское восстание»). Так, Кахетия была спасена от полной иранизации.[11]

Опасность складывания антииранского фронта в горных районах Кавказа не могла пройти мимо внимания шахского правительства. По-видимому, через своих местных вассальных феодалов, Ираном велась определенная работа по привлечению горцев на свою сторону. Перемена политических настроений аргунских чеченцев выявилась в 1665 г., когда царевич Ираклий, потерпевший неудачу в борьбе за грузинский трон, направился со своей свитой опять в Россию через территорию Чечни. Здесь он встретил большие препятствия и с трудом добрался до Терского города.[12]

Позже, в начале 70-х гг. XVII в. в Восточной Грузии (Картлия-Кахетия) активизировались влиятельные политические силы, стремившиеся посадить прорусского царевича Ираклия на трон. В этой связи необходимо отметить, что эти силы имели своих сторонников и на северных склонах Кавказского хребта. Чеченский князь Алихан Турлов, рекомендовавший себя «другом и братом» царевича Ираклия, писал ему в Москву: «А всегда от ристава (еристав — грузинский феодальный титул высокого ранга, который носили правители областей. - Я.А.) сына послы приходят ко мне, и у меня есть слова к тебе говорить и тебя видеть желаю». В другом письме Алихан повторяет: «ристав тебя, царевича, призывает да все грузины заодно тебя царевича хотят учинить царем, ...мысль свою ко мне отпиши...».[13]

Однако все эти большие планы не были реализованы. Убедившись, что поддержки Москвы недостаточно, для завоевания трона, Ираклий уходит на службу шаху, принимает ислам и в 1688 г. назначается наконец правителем Кахетии под именем Назар-Али-хан.[14]

Крестьянская война в России в конце 60-х - начале 70-х гг. XVII в. под предводительством Степана Разина самым серьезным

образом изменила политическую ситуацию на Каспии и Северном Кавказе. Коснулась она и территории Чечни. В 1668 г. С. Разин действовал со своими отрядами в окрестностях Терского города и во владениях дагестанского шамхала, а затем двинулся на иранские провинции Каспийского побережья. В этот момент с Дона через территорию Северного Кавказа в лагерь мятежного атамана потянулись отряды донских казаков. Некоторые из них делали остановки на территории современной Чечни, «стояли» близ гребенских казачьих городков, закупали здесь лошадей и припасы.[15]

После возвращения С.Разина из «Персидского похода», повстанцы овладели Астраханью. Осенью 1670 г. в Терском городе произошло восстание в пользу разинцев, местное начальство было перебито. Привлечь же горские народы на свою сторону повстанцам в тот момент не удалось, хотя попытки были. Вместе с тем в апреле 1671 г. ногайский мурза Ямгурчей пришел с Терека «с горскими чеченами и крымцами... под Астрахань» и увел на Кубань т.н. «джебысанских татар» союзных С.Разину. На следующий год, в ноябре 1671 г., царские власти восстановили контроль над Астраханью и Терским городом, что означало и возобновление сообщения Москвы с Северным Кавказом.[16]

Феодальные междоусобицы в 70-х гг. XVII в. продолжали терзать народы Северного Кавказа. Отрывочные сведения говорят о столкновениях горских князей за право сбора податей в пограничных обществах Дагестана и Чечни. Более серьезными и политически значимыми являлись схватки за власть в Тарковском шамхальстве. В конце концов, по просьбе одного из претендентов на звание шамхала князя Гирея, шах Сулейман отдал приказ выделить ему войска и построить крепость на Сулаке. Узнав об этих планах, Москва заявила решительный протест. Шах в ответ категорически отверг претензии Романовых на суверенитет над Сулаком (Койса): «та река Койса николи за русскими великими государи цари не бывала, меж Тарков и Андреевского и все горские владетели и их земли искони от предков наших нашего величества земли...». Но крепости так и не были поставлены.[17]

Занятые внутренней борьбой, феодалы Северо-Восточного Кавказа обращались за содействием, как правило, к России или Ирану. Поэтому торжественное послание крымского хана Селим-Гирея зимой 1675 г. к «горским владетелям князям тарковскому Будай шавкалу да кумыцкому Чепалаю и всем горским владетелям», в котором он предлагал готовиться в поход «на

Московскую страну» нынешней весной, встретил весьма прохладное отношение. Более того, грамота была передана в Москву с предупреждением о намерениях хана.[18]

Большое значение для развития политической ситуации на Северном Кавказе имела русско-турецкая война 1677-1681 гг. Оттоманская Порта достигнув военного и политического превосходства над Польско-Литовским государством (осенью 1676 г. был заключен Журавненский мирный договор, закрепивший успехи султана в борьбе за овладение Правобережной Украиной) летом 1677 г. начинает военные действия против России. Документальные и иные источники, хотя и скупо, рассказывают об участии северокавказцев в событиях русско-турецкой войны 1677-1681 гг. Известно, что с ее началом служилый терский князь Каспулат выступил с Терека на Украину с 4-тыс. полком (где было и несколько сот служилых чеченцев-окочан) в распоряжение русского командования. Высокие боевые качества этого отряда стали известны всей русской армии на Украине и были отмечены Москвой. Это и не удивительно: Каспулат со своими воинами мужественно сражался под Харьковом, Чугуевым, Чигирином и всегда в передовых частях. На заключительном этапе войны князь Каспулат Черкасский выступил даже посредником в мирных русско-крымских переговорах, что более соответствовало роли независимого государя, нежели главы автономного феодального лена в системе русского города Терки.[19]

В начале 80-х гг. XVII в. внимание горских владельцев Северо-Восточного и Центрального Кавказа оказалось прикованным к небольшой точке в районе Дарьяльского ущелья - нахской деревне «Цыцикиной». Здесь, где-то в 1680/1681 г., остановился один из бывших иранских наместников Грузии - царь Арчил, бежавший от преследований шаха Сулеймана. Найдя приют и защиту в нахских (ингушских) и осетинских горных обществах, Арчил направил в Москву гонца с просьбой о помощи и предоставлении ему убежища в России. Скорее всего, в его союзе участвовали и аргунские владетели князья Турловы. Но шамхал Будай собрав горских союзников, блокировал на Сунже и в направлении Дарьяла и Терека все дороги, задерживая даже русские команды.

Для безопасного препровождения Арчила воеводы двинули к Дарьялу, опять таки через земли современной Чечни и Ингушетии, 2 тысячи ратных людей. Здесь был, конечно, риск военного столкновения. В эти события не могли не быть не втянуты чеченские общества и чеченские феодалы. Видимо они

были на стороне шамхала. В конечном счете шамхал был вынужден отвести свои войска так и не решившись довести дело до военного столкновения; Арчил въехал в российские пределы и до 1685 г. жил в Терках и Астрахани, пока не был отправлен в Москву.[20]

Очередное противоборство великих держав привело и к изменению расстановки политических сил на Северном Кавказе. Начиная с 1686 г., в регионах Причерноморья, Украины и Северного Кавказа складывается примерно та же ситуация, что и в период русско-турецкой войны 1676-1681 гг.: заключив на этот раз «вечный мир» с Польшей, Россия вступает в антитурецкую коалицию европейских государств («Священная Лига») и уже в мае 1687 г. отправляет громадную армию в поход на Крым. Тем самым впервые за два последних века Россия переходила от обороны к стратегическому наступлению на юге.

Как и во все времена русско-османского дипломатического и военного противоборства и на этот раз обе стороны стали вербовать себе сторонников на Северном Кавказе. Скудность источников позволяет получить только фрагментарное представление о политике великих держав в отношении горских народов. Так, известно, что крымский хан обращался к тарковскому шамхалу с предложением принять участие в войне с русскими, но получил отказ. По-видимому такой же отказ последовал и от кабардинских князей. Более того, в 1688 г. крымский сераскер Казы-Гирей даже воевал в Кабарде.[21]

Неудачный поход русской армии под командованием В.Д. Голицина на Крым (неудачный в виду упорного сопротивления крымской конницы, голода и бескормицы) привел к росту влияния Бахчисарая в северокавказском регионе. Мечом и подкупом ханы склоняли горское дворянство к участию в своих делах. В 1689 г. во время второго похода В.Д. Голицина на Крым на помощь к крымскому хану Селим-Гирею I один из принцев дома Гиреев привел «около 50000 кумуков, черкесов и яман-садаков (ногайцы. - Я.А.)...».[22] Несмотря на преувеличенность этих цифровых данных, сам по себе данный факт свидетельствует о серьезном падении политического престижа российского царизма в северокавказском регионе. Об этом же говорит и то обстоятельство, что в 1689 г. в аманатных избах Терского города содержалось всего 5 заложников из горских владений.[23]

Царская администрация на Тереке практически не смогла привлечь никаких местных сил для участия во втором русском походе на Крым. По данным дела о выдаче денежного жалованья

в состав войск В.Д. Голицина было привлечено с Терков всего 222 чел., из них только 100 служилых горцев, главным образом окочан-чеченцев. Не было, однако, единства и в турецком лагере. Постоянные военные походы и гибель людей вызывали протест. Когда в 1691 г. султан приказал крымскому хану Саадет-Гирею двинуть татарскую конницу в Венгрию на австрийский фронт, то «они (крымцы. - Я.А.) заодно с ногаями, черкасами и «кумыками» (в данном случае горцы Северо-Восточного Кавказа - Я.А.) согласились совсем не оказывать ему повиновения и послушания».[24] Следовательно, позиция северокавказских народов, наряду с позицией татарского населения Крыма, не позволила турецким силам усилить натиск в Центральной Европе. Это говорит также о шаткости крымско-османского влияния среди горских народов, в т.ч. и в Чечне.

В течение второй половины XVII в. в традиционном для горского мира ключе складывались взаимоотношения как на русской границе в нижнем течении Терека, так и с степными соседями - ногайцами и калмыками. В зависимости от ситуации горские феодалы наносят удары по Терскому городу (в 1673 г. была настоящая осада со штурмом стен со стороны тарковского шамхала) и сами получают их. Однако русские воеводы все чаще используют для действий в Северном Дагестане и на территории Чечни войска калмыкского хана Аюки. Так, весной 1693 г. калмыки «ходили» в поход на кумыков, но разорили Брагунское владение на терско-сунженском лесу, где правил князь Кучук весьма верный России. Узнав об ошибке, Аюка вернул Кучуку захваченных «восемьсот юрт людей».[25]

Новый этап активного участия России в борьбе с османской опасностью наступил во второй половине 90-х гг. XVII в., когда власть в стране перешла в руки молодого царя Петра, стремившегося к проведению прогрессивных реформ, к европеизации державы. Правительство Петра I повело дальнейшую борьбу за решение национальной задачи - добиться выхода к незамерзающим моорям, в первую очередь к Черному морю, а затем к Балтийскому и Каспийскому.

28 мая 1696 г. русская армия численностью в 70-75 тыс. человек вновь осадила турецкую крепость Азов с суши, а большой русский флот, спустившись по Дону, блокировал крепость с моря. 19 июля того же года турецкий гарнизон сдал крепость и очистил «азовскую округу». Падение Азова лишало османов не только важной стратегической позиции в Восточной Европе, но

и угрожало связям турецкой метрополии со всем Западным Кавказом и северокавказскими горцами.[26]

3 июля 1700 г. был заключен двусторонний русско-турецкий мир (Константинопольский договор) сроком на 30 лет, завершивший петровские походы на Азов. Азов оставался за Россией, но приднепровские городки разорялись. Отменялась ежегодная «дача» (дань) Крымскому ханству со стороны России, обе стороны обязывались взаимно сдерживать набеги татар и казаков. Условия мира давали России меньше, чем она рассчитывала, но международная ситуация не благоприятствовала планам Петра добиться захвата черноморских районов и свободы мореплавания на Черном море. По получении известия из Стамбула о подписании мира, Петр I в тот же день двинул войска к шведской границе. Россия вступала в Северную войну за выход к Балтийскому морю.

Таким образом, Российское государство, имевшее в конце XVII в. благоприятные условия для наступления на Северный Кавказ с двух флангов - Азов и Терки, переносит центр тяжести внешней политики на север Европы, сохраняя планы овладения Черным морем и Кавказом на будущее.

Турция, потерпев поражение в европейском театре войны и потеряв свой северный форпост - крепость Азов, вступает в период т.н. «остановки». Что же касается третьей великой державы, влиявшей на судьбы народов Кавказа - Иранского государства, то оно заканчивает век в состоянии глубочайшего экономического упадка.

Народы Северного Кавказа в международных отношениях конца XVII в. с различной степенью усилий и в разнообразных формах (от глубокого нейтралитета до прямого участия) оказывали воздействие, прямое или опосредованное, на текущие исторические события. Внешняя политика России, Ирана и Османской империи, особенно в секторах касавшихся Кавказского перешейка, обязательно была вынуждена брать в расчет позицию горских феодальных образований. Чечня в международных отношениях XVII в. во взаимосвязях с Россией занимала небольшое место, однако её роль неизменно росла, благодаря укреплению её положения на политической карте Северного Кавказа.

[1] См.: Русско-чеченские взаимоотношения. Вторая половина XVI-XVII в. Сб.документов. М., 1997. С.200; Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. Т.23. Кн.9. СПБ., 1856. С.71, 75-76; Бакиханов А.-А.-А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С.90; Айтберов Т.М.. Ахмадов Я.З. Архивные данные об удельной системе в Чеченском феодальном владении XVII-XVIII вв. // Источниковедение дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С.71-79; Козлов

Сергей. Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVIII). Изд.2-е. СПб., 2002. С.23; Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. Махачкала, 2006. С.24-25; и др.

[2] РГАДА. Ф.121, 1652 г. Оп.1. Д.1. Л.2, 6-7.

[3] Русско-чеченские взаимоотношения... С.200.

[4] РГАДА. Ф.121, 1652 г. Оп.1. Д.1. Л.32; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. М., 1957. С.302; Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. Грозный. 1988. с.117-118.

[5] Кабардино-русские отношения... Т.1. С.304-306; Русско-дагестанские отношения в XVII - первой четверти XVIII в. (документы и материалы). Махачкала, 1958. С.182, 184-188; Русско-чеченские отношения... С.178; Зевакин Е.С. Персидский вопрос в русско-европейских отношения XVII в. // Исторические записки. № 8. М., 1940. С.24-25; и др.

[6] См.: Кабардино-русские отношения... Т.1. С.313-319; Русско-дагестанские отношения... С.189; Зевакин Е. Указ. соч. С.25-28; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.123-125; и др.

[7] См.: Армяно-русские отношения в XVII веке. Т.1. Ереван, 1953. С.20-21; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.122-123.

[8] Исаева Т.А. Социальные отношения чеченцев и ингушей в XVII в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI - нач. XX в.). Грозный, 1980. С.33-34.

[9] Русско-чеченские взаимоотношения... С.203-204; Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов // Советская этнография. № 6. М., 1978. С.101-104; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.129-130.

[10] Кушева Е.Н., Усманов М.А. С.102, 107; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.130-131; и др.

[11] Новосельсцев А.П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVI-XVII веках // Вопросы истории. № 10. М., 1962. С.113; Багратиони Давид. История Грузии. Тбилиси, 1971. С.149; Шавхелишвили А.И. Из истории горцев Восточной Грузии. Тбилиси, 1983. С.191.

[12] Русско-чеченские взаимоотношения... С.206-212.

[13] Там же. С.217-218.

[14] История Грузии с древнейших времен до 60-х гг. XIX века. Т. Тбилиси, 1962. С.311; и др.

[15] См.: Гриценко Н.П. Народные движения XVII-XVIII веков и терское казачество // Известия Северо-Кавказского центра высшей школы. Серия общ-х наук. № 3. Ростов-на-Дону. 1973. С.13-14; и др.

[16] См.: Стрейс Я.Я. Три путешествия. Огиз-СОУЭКГИЗ. 1935. С.369; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянский войны в России XVII-XVIII веков и донское казачество. Ростов-на-Дону. 1983. С.187-188; Кочекаев Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX - начале XX в. Алма-Ата. 1973. С.32; Гриценко Н.П. Указ. соч. С.14-15; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.147-148; и др.

[14] Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. С.198-199.

[18] См.: РГАДА. Ф.121. 1675 г. Д.1. Л.6-7; Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С.199; и др.

[19] См.: Исаева Т.А. Военно-политический союз народов Северного Кавказа в борьбе с турецко-иранской агрессией (вторая половина XVI-XVII век) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII - нач. XX вв.). Грозный, 1983. С.49-50; Ахмадов Я.З. Феодальное владение (лен) князей Черкасских в системе русского пограничного города Терки в XVII веке. // Феодализм в России. Тезисы докладов и сообщений. М., 1985. С.106-110.

[20] См.: Материалы по истории русско-грузинских отношений. Вып.1. Тбилиси, 1974. С.69-70, 96-97 и др.; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.161.

[21] См.: Юдин П. Калмыки в борьбе с Турцией // Русский архив. М., 1915. С.166; Умаханов М.-Е.К. Указ. соч. С.200.

[22] Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С.623.

[23] Кабардино-русские отношения... Т.1. С.378.

[24] См.: Архив СПб ОИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.11058. Л.1-2 (Документ выявлен Т.А.Исаевой); Смирнов В.Д. Указ. соч. С.633.

[25] Шмелев А.С. Русско-дагестанско-калмыцкие отношения в XVII в. // Интернет: http://www.kumukia.ru (Стр.6 из 8).

[26] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.165-167.

§ 4. Терско-гребенские казаки и горцы в народных движениях на юге России

В первые десятилетия XVII в. количество казаков на Тереке и в низовьях Сунжи увеличивается, что было связано как с о Смутным временем и «оказачиванием» части русского крестьянства (в результате бегства на окраины государства из-за протеста против боярского гнета), так и с увеличением масштабов присутствия России на Тереке (в связи с обострением русско-турецких противоречий и захватом новых территорий российским царизмом на юге).

В первой четверти XVII в. казачество на Тереке делится на две группы: вольные «гребенские», жившие в охранных городках на Терско-Сунженском хребте («Гребне»),и они же, так называемые «зарецкие» или терские, стоявшие, как правило, в городкахпо левому берегу Терека в среднем течении и в низовьях реки, и «служилые» терские казаки, входившие в состав гарнизона Терской крепости. Позже, с оседлостью, они стали именоваться Терским семейным войском.

По крайней мере до середины XVII в. на берегах Сунжи и Терека вольные терско-гребенские казаки не расселялись, а «стояли» в горских землях в виде временных команд «городками» и «острожками», охраняя в интересах Москвы важные торговые и стратегические пути, ведя разведывательную и сторожевую службу на дальних подступах к Терской крепости и к Сунженскому острогу. Причем, «за рекой», то есть за Тереком, они «стояли» до той поры, пока это было, по разным причинам, выгодно местным горским обществам и феодалам. Более того, есть известия, что соединяясь с горскими отрядами, казаки участвовали в междоусобных стычках горских феодалов, а также в набегах на кочевников в степях Предкавказья за Тереком. Но как только казаки нарушали соглашения с горцами, как те сжигали «острожки», а казакам «чинили тесноту».[1]

Ввиду того, что «вольные» казаки несли здесь временную службу, они не имели ни производящего хозяйства, ни жен. Это были временные поселения воинов, охотников, рыболовов, искателей удачи, живших на далеком Кавказе из-за жалованья и добычи. Они не задерживались подолгу на одном месте. Даже в первой четверти XVII в. на Тереке не наблюдалось воспроизводства казачьего населения, его коренизации. Следует указать, что число «вольных» казаков на Северном Кавказе

по реестрам вооруженных сил России XVII в. колебалось в пределах 300-500 человек.[2]

Задолго до появления на Тереке царских крепостей и казачьих городков горцы-нахи, дагестанцы и кабардинцы распространяли свой суверенитет от устья Терека по обоим его берегам и притокам, вплоть до Дарьяльского ущелья, которое в свою очередь контролировалось нахами-ингушами. И это обстоятельство официально признавалось русским правительством до тех пор, пока оно не встало на Тереке твердой ногой и не начало претендовать на роль гегемона в политической жизни края.

Следует заметить, что явный приток беглого русского люда на Терек, его оседание здесь, прослеживается четко только в период крупных крестьянских войн и восстаний XVII - начала XVIII вв., что не исключало, конечно, эпизодических побегов. В состав казаков включались зачастую и выходцы из горской среды, беглые и пленные разных национальностей (известны и частые выходы тех же чеченцев в казачьи станицы в ходе исламизации или по причинам вендетты).

Складывание постоянного казачьего войска на Тереке, оседлость здесь русского населения относится, скорее всего, к второй четверти - середине XVII в. Именно в этот период появляются первые данные о земледельческих занятиях терско-гребенских казаков, о наличии такой организации как «войско», своеобразной самоуправляемой общины, имевшей выборного атамана и «войсковой круг» подобно общинному совету.

Процесс формирования терско-гребенского казачества как этнографической группы русского народа и горского этнического круга был длительным и противоречивым, но к концу XVII в. оно уже представляло сложившийся организм со своей структурой и организацией. Согласно данным современного историка С.А.Козлова, образование единого терско-гребенского «войска» как военной, политической и социальной формы объединения казаков завершается к середине XVII в. Во многом оно было сходно с войсковыми объединениями других казачьих групп на Дону, Волге и Яике. Вместе с тем, выявились и свои особенности. В отличие от своих собратьев с Дона, казачество на Тереке не имело единого центра войсковой столицы с развитой управленческой структурой. Эту роль выполняли те казачьи городки, чьи станичные атаманы становились во главе всего войска.

Высшим органом власти в войске был «круг» - собрание казаков-воинов «всей реки», на котором решались важнейшие вопросы жизни казачьей общины, вырабатывалась тактика взаимоотношений вольного терско-гребенского казачества с царской администрацией и северокавказскими владетелями. На кругу избирался войсковой атаман, которому принадлежала исполнительная власть в «войске». Обычно им становился один из станичных атаманов, пользующийся наибольшим авторитетом среди казаков. Так, первый, упоминаемый в документах, войсковой атаман Федор Шевель в посольских оттисках 30-х гг. XVII в. значился еще рядовым атаманом.[3]

Своеобразная «внешняя» колонизация Северного Кавказа русскими переселенцами, создавшими здесь свои казачьи объединения, происходила во взаимодействии с многочисленными народами, которые населяли этот регион. Нередко вольные казачьи сообщества на Тереке вступали в союзнические отношения с теми или иными северокавказскими владетелями для совместного отражения нападений, которые периодически совершали турецко-крымские и иранские отряды.

Практически все горские народы и их владетели были заинтересованы в поддержании дружеских политических связей с казачьими сообществами. Однако, порой периоды мирных взаимоотношений терских казаков с горскими народами сменялись столкновениями и конфликтами, нередко имевшими серьезные последствия для обеих сторон.

В конце XVII - начале XVIII вв. все казачьи городки окончательно перемещаются на левый берег Терека, где соединяются в несколько крупных станиц и подчиняются Военной коллегии.[4]

Одной из ярких страниц в истории Северного Кавказа и Дона XVII в. явилось активное участие донского и терско-гребенского казачества в крестьянских войнах под руководством И.И. Болотникова в 1606-1607 гг. и С.Т.Разина в 1667-1671 гг. Смутное время на Руси (1604-1613 гг.) отозвалось на Тереке крупным движением народных масс. Зарождавшееся вначале на Тереке в тяжелые голодные 1604-1605 гг. движение терских казаков первоначально имело характер массовой подготовки к разбойному походу «за зипунами». Но вскоре это движение приняло ярко выраженный характер борьбы против «лихих бояр» и «за хорошего царя». Терский казачий круг выбрал на роль самозванца-«царевича Петра» - рядового казака Илейку Муромца (Илью Горчакова).

Весть о событиях в центре страны - победа Лжедмитрия, всколыхнула казачьи массы и городскую голытьбу Терского города еще до начала восстания И. Болотникова. Казаки и стрельцы роптали обвиняя терских и астраханских воевод во многих «неправдах» и в том, что они «государевым людям нужду учинили», годами не давая жалованья, хлеба и «запасов». Судя по указаниям источников, в Терках в это время произошел раскол среди казаков и служилых людей, часть из которых лояльно относилась к правительству, другая же наоборот, резко враждебно. «Смута» в Терках началась с того, что «триста человек, опроче всего войска, тайно», решили начать борьбу с «лихими боярами» и царскими воеводами. Попытки терских атаманов и также терского воеводы Петра Головина помешать тремстам молодым казакам выйти из «юртов» ни к чему ни привели.[5]

Если на первом этапе поход отряда терцев и примкнувших к ним астраханских стрельцов и волжских казаков проходил как предпринятый с традиционной казачьей целью «итить на Волгу» и грабить торговые корабли, то со временем он все больше наполняется конкретным социальным содержанием. Количество повстанцев увеличивается до нескольких тысяч, а их громкие дела дошли до Москвы, где к тому времени утвердился на царстве Лжедимитрий, выдававший себя за якобы чудом спасшегося сына Ивана Грозного Дмитрия (погибшего в детском возрасте в Угличе). Узнав о лжецаревиче Петре (выдававшем себя за сына Федора Иоанновича), он приглашает «племянника» к себе. Это приглашение, влекшее за собой объединение сил двух самозванцев, послужило для боярских заговорщиков в Москве своеобразным сигналом, толчком к выступлению. Лжедимитрий был убит, и царский престол захватил Василий Шуйский.[6]

Получив известие о гибели Лжедимитрия I, казаки и стрельцы под руководством Илейки Муромца, шедшие по речным путям к Москве, решили было повернуть назад, но вскоре узнали «о воеводе царя Дмитрия» Болотникове, штурмующем Москву, дабы наказать супостатов - «лихих бояр». Терские повстанцы принимают решение идти на помощь Болотникову. Так постепенно казачий поход перерастал в составляющую первой Крестьянской войны 1606-1607 гг. в России. Отныне терская, волжская и донская казачья голытьба, сражается в рядах восставших в известных битвах — под Веневом, на р. Вырка, под Серебряными прудами, Дедиловым, на р.

Пчельня, под Калугой, на р. Весьма и Упе, в осажденной Туле, вплоть до момента подавления всего движения и гибели его отважных предводителей — И. И. Болотникова и И. И. Горчакова (Илейки-Муромца) в 1608 г.

После смерти Илейки Муромца участие терского казачества в восстании не прекращается. В частности, волжане, терцы и донцы в своей массе, как это отмечено в нескольких донесениях воевод и правительственных агентов в 1608 г., во многом были причастны к событиям в Астрахани, сражаясь в составе отрядов самозванных астраханских «царевичей» Ивана-Августа, Лавра и Осиновика. Терские власти и служилые люди так и не решились выступить в защиту правительства Шуйского ни в 1607 г., ни в последующие годы, хотя Шуйский неоднократно делал попытки привлечь на свою сторону как астраханцев, так и терцев.

К 1608 г. силы повстанцев иссякли, по всей стране гасли огни восстания. Последние остатки разбитых и рассеянных повстанцев уходили на окраины государства — на Дон, Яик и Терек. На Тереке и Сунже также нашли прибежище некоторые из участников грозных событий Смутного времени. Так в «Гребнях» (междуречье Терека и Сунжи) нашли пристанище, согласно документам, «воровские казаки, беглые стрельцы и гулящие всякие люди, которым в государевой отчине Терском городе появиться нельзя». Речь идет об участниках восстания Болотникова и Горчакова, выходцах из Тулы, Переславля-Рязанского, Переславля-Залесского, Боровска и др. Есть сведения, что беглых русских людей и «воровских» казаков укрывало у себя местное горское население. Весть об этом дошла до самого царя Василия Шуйского. Раздраженный самодержец приказал навести порядок на Тереке, но приказ этот остался невыполненным.[7]

Ко времени избрания на русский престол Михаила Романова в 1613 г. общее руководство народным движением на юго-востоке страны перешло к атаману Заруцкому. Вместе с вдовой Лжедмитрия I Марией Мнишек он укрепился в Астрахани и пытался наряду с местным казачеством привлечь на свою сторону татар и горцев, а также воспользоваться помощью иранского шаха Аббаса I. Однако угроза агрессии со стороны Ирана заставила терцев и горцев выступить на стороне Михаила Романова. В мае 1614 г. Заруцкий был разбит в Астрахани силами царских отрядов, присланных из Москвы терских стрельцов и окочан из Терского города. Так закончилось Смутное время на Руси.[8]

Очередное массовое движение русских крестьян и казаков в XVII в. было вызвано усилением феодально-крепостнического гнета в центре России и распространением крепостнических порядков на южные и юго-восточные районы страны. Восстание народных масс юга России под руководством Степана Разина основательно перетряхнуло основные элементы, из которых складывалась политическая обстановка в огромном треугольнике между коронными территориями России, Ирана и Османской империи. Оно затронуло Украину, Дон, Северный Кавказ, Прикаспий и Поволжье, то есть те регионы, политический статус которых по_отношению к той или иной великой державе в принципе нельзя было считать окончательно сложившимся.

Весной 1667 г. отряды «голутвенных» казаков и беглых людей, объединившиеся под командой опытного и храброго казака Степана Разина, двинулись с Дона на Волгу, спустились к Каспию и морем достигли Яицкого городка в устье реки Яик (Урал). После зимовки, весной 1668 г. Разин двинулся на судах к западному берегу Каспия, грабя по пути «тезицкие (иранские - Авт.) бусы с товары», затем высадился в устье Терека и разгромил «татарский (ногайский - Я.А.) улус», кочевавший в окрестностях крепости Терки. Можно предположить, что весной-летом 1668 г. разинцы стояли лагерем на северокавказском берегу Каспия, дожидаясь подкреплений с Дона. И действительно, царские власти, с тревогой следившие за действиями повстанцев, обнаружили передвижение с Дона казачьих отрядов в направлении Терека и Кумы. Назывались цифры в 100, 400 и даже 2000 человек. Причем, местные терско-гребенские казаки не только не оказывали им сопротивления, но и снабжали их лошадьми. Профессор Н.П.Гриценко считал даже, что терско-гребенские казаки присоединились к С. Разину и участвовали во всех его последующих действиях.[9]

Был отдан приказ о выступлении стрельцов Терского города и феодального войска служилого терского князя Каспулата Черкасского против лагеря казаков. Однако Каспулат отказался выступить в поход за «малолюдством». Тогда из Астрахани было переброшено подкрепление в 200 стрельцов. Тем не менее, терские власти так и не осмелились атаковать разинцев, которые беспрепятственно вышли на судах в Каспийское море. Ранее августа 1668 г. распространились слухи о взятии казаками Дербента и Тарков. О том, что Разин был в Тарках в Дагестане (но уже после похода на иранское побережье) говорит документ 1673 г.[10]

Свыше четырех месяцев шли казаки с боями по иранскому взморью грабя и убивая всё живое. Шахский двор предписал правителям земель от Астерабада до Дербента «привести в готовность все свои боевые силы». Ханы прибрежных иранских городов спешно приглашали в свои войска даже наемников из среды горцев Северного Кавказа. Так, в июне 1669 г. на казачьи силы, укрепившиеся на Свином острове, «приходили... боем астаринский Мамеды хан, а с ним шаховых и наемных людей, кумычан и черкас горских (дагестанцы и чеченцы. - Я.А.), в 50 сандалях (судах. - Я.А.) с 3700 человек».[11]

Волжско-каспийские походы Степана Разина завершились осенью 1669г., когда его отряд вернулся с победой на Дон. Другие атаманы по возвращению из похода «за зипунами» распускали свои отряды, Разин же устроил на зиму укрепленный лагерь, где копил силы. Весной 1670 г. с помощью своих многочисленных сторонников он захватывает власть в области Войска Донского и открывает наступательные действия на Волге.

По мере развития классовой борьбы казачьи силы превратились в ядро повстанцев, а основную массу составили крепостное крестьянство, городская беднота и малые народы Поволжья. Вскоре вся Нижняя Волга оказалась в руках повстанцев, 21-22 июня 1670 г. после тяжелой осады и штурма была взята Астрахань, один из самых крупных и значимых городов Российского царства. В конце августа захвачена Самара и открыта дорога на Симбирск, овладев которым, разницы смогли бы рассеять пламя восстания в центральных областях России. В сентябре-октябре 1670 г. повстанческая армия увязла под стенами Симбирска и потерпела поражение. С. Разин был тяжело ранен и вывезен на Дон. В апреле 1671 г. последние сторонники мятежного атамана, засевшие на Дону в Кагальнике, были разбиты казачьей старшиной, а сам крестьянский вождь выдан царским властям. Он был казнен 6 июня 1671 г. в Москве.

Чтобы усилить успех своего движения, Степан Разин и его сподвижники вступали в отношения с иранским шахом, с турецкими пашами в Азове, с крымским ханом, с горскими князями, ногайцами и калмыками. Важное место в политических планах Разина занимал Северный Кавказ. Овладев Астраханью, С. Разин добивался подчинения земель между Волгой, Доном и всех «низовых» городов. В первую очередь было обращено внимание на Терки, куда, кстати, бежали многие русские купцы, офицеры и другие чины из Астрахани. Еще летом 1670 г.,

развивая наступление вверх по Волге, С. Разин пытался вместе с тем овладеть и Терским городом. «Да он же де, вор Стенька Разин, повествует официальный документ, — посылал из Астрахани на Терек товарыщей своих воровских казаков и велел им город Терек взять»; повстанцы, однако, «Терка не взяли».[12]

И после ранения и плена С. Разина (в октябре 1670 г.) повстанческое руководство в Астрахани, во главе с Ф. Шелудяком и В. Усом продолжало принимать меры к распространению восстания на прилегающие к городу территории, а также на Терек, в район калмыцких кочевий и на подвластные Крымскому ханству земли.

Наконец, осенью 1670 г. в Терском городе вспыхнуло восстание; город, по свидетельству Я.Стрейса, «перешел на сторону казаков, и там перебили различных начальников и офицеров, совершенно разграбив их дома, а помянутого господина губернатора (П.С.Прозоровский. — Авт.) держали в плену в собственном доме».[13] Князь Каспулат Черкасский, глава Терского феодального владения, после восстания в Терках удалился из города со своей «горской» командой в «Гребни» (в междуречье Терека и Сунжи). Надо отметить, что восставшие пытались привлечь его на свою сторону («чтоб он в Терек приезжал»), ибо он имел большое влияние среди всех горских народов. Но Каспулат царю не «изменил», впоследствии он активно участвовал со своим отрядом в подавлении восстания в Астрахани в составе армии воеводы Н. Милославского. Но перед этим он жестокой рукой навел порядок в Терском городе, подняв против бунтовщиков большое число горцев, в т.ч. и из Чечни.[14-]

С вступлением царских войск в Астрахань 27 ноября 1671 г. крестьянская война по существу закончилась. После жестокого подавления Крестьянской войны, тысячи повстанцев бежали на юг, в т.ч. и на Северный Кавказ. Новая волна бегства прошла в конце 80-х гг. XVII в. Так, в 1687 г. на территории Войска Донского вновь зародилось казачье движение, имевшее антиправительственный характер. Оно возглавлялось раскольниками, связывавшими усиление самодержавных порядков с церковной реформой, начатой патриархом Никоном. Восставшие захватили ряд городков и создали серьезную угрозу Саратову и Царицыну. В 1688-1689 гг. царские войска и донская казачья верхушка учинили зверскую расправу над повстанцами, что привело их к массовому бегству; бежали казаки, в основном, на Северный Кавказ: на реки Куму, Терек и Кубань.[15]

Новые массы беглых казаков с Дона пополнили ряды «воровских» казаков на Куме, живущих здесь еще с разинских времен. Вблизи городища «Старые Можары» был поставлен укрепленный городок, где вскоре скопилось до 2-х тыс. чел. Часть же беглых уходила еще дальше на юг—на реки Терек, Аксай, Аграхань и Сулак. Так, «разбойничий» атаман Костюк (Костек, Костька) бежал в 1687 г. вначале на Куму, а затем перешел к горцам на Сулак, где создал укрепленный городок (запустелое городище Костюка указывалось даже в середине XVIII в.). Окружающие горцы — рядовые чеченцы и кумыки, принимали прямое участие в действиях отряда Костюка против российских властей на Тереке.[16]

Местные же феодальные владельцы, также принявшие донских казаков под свою защиту, преследовали при этом свои политические расчеты. Так, вышедший с Дона на Куму с 2000 семейств атаман Левка Манацкий ездил с делегацией к Тарковскому шамхалу «для заключения договора о принятии... казаков в свое подданство, на том условии, что эти казаки будут помогать шамхалу в военных его делах, а он будет оказывать им свое покровительство». Казаков с берегов Кумы звали к себе и кабардинский князь «Ликост» и кумыкский мурза «Чапалов».[17]

Скопившиеся на Куме и на берегах других северокавказских рек повстанцы строили большие политические замыслы. Затевался поход на Дон в союзе с кабардинцами, предполагались переговоры с Портой и даже признание подданства султана. По некоторым данным, планировалось перенесение повстанческого лагеря с Кумы на Терек, к чему их якобы склоняли местные терско-гребенские служилые казаки. Царские воеводы были вынуждены принимать меры по недопущению кумских повстанцев в этот район.[18]

Следует отметить, что царизм контролировал на Северном Кавказе только незначительный участок территории - левый берег Терека в нижнем течении. Крепость Терки была отрезана от ближайшего крупного форпоста (Астрахани) безводными степями и морем. От низовьев Волги до низовьев Дона на восток простиралось Дикое поле, отделявшее предгорья Северного Кавказа от пограничных «черт» Русского государства.

В конце XVII в. османская агрессия направленная было на Северный Кавказ, устремляется своим острием против Польши и Украины (где были и русские интересы). Поэтому оборонительные сооружения Терской крепости были в плохом

состоянии, а гарнизон сильно уменьшен.[19] Известная слабость царской администрации на Тереке, благоприятное отношение горских народов к русским повстанцам, обеспечивших им прочный тыл, и обусловили, на наш взгляд, последовавшую к последней четверти XVII в. концентрацию здесь открытых противников самодержавно-крепостнических порядков. С 1690 г. ввиду угрозы со стороны царских войск кумские казаки частью уходят с Кумы на Терек, преимущественно во владения шамхала.[20]

Обрисовать сложившуюся обстановку в крае помогает переписка астраханских, терских воевод и других чинов по поводу мер, принимаемых ими для «усмирения» повстанцев.

В первой половине 1691 г. над обезлюдевшим вследствие мора Терским городом нависает угроза совместного нападения «воровских казаков и шевкаловых людей» (т.е. жителей Тарковского феодального владения, которым управлял правитель с титулом «шамхал»). В связи с этим астраханский воевода И.И.Хованский приказал гребенскому атаману Ф.Кирееву выступить для охраны и починки крепостных укреплений к Теркам. Тем не менее, русско-горские силы подступают к городу и разоряют его пристань: «пожгли струги и бусы и на них всякие припасы».[21]

В сентябре того же года из Астрахани на Терек отправляется подкрепление: караван судов с припасами и стрелецкая команда под руководством нового воеводы В.С.Нарбекова. Однако уже во время плавания по Каспию он подвергся серьезному нападению: «воры и изменники з Дону беглецы и казаки расколщики, которые поселились под владением Будай Шавкала на реке Аграхане...[22] выехав на море» разграбили 5 сентября один струг и вступили в бой с караваном. Нападавших было «с пятьсот человек казаков, да татар... и кумычан шевкалов владения человек во 100», во главе стоял атаман Сенька Хмурый.[23]

Прибыв наконец на Терек, В.С.Нарбеков обнаружил следующую картину: «терчанам всяких чинов служилым людем кормитца нечем, торгов и промыслов у них никаких нет и выезду им с Терка от воровских казаков и Будай шевкалова владения кумычан для дров и на рыбную ловлю и никуды для нужд ездить стало невозможно; воровские казаки роскольщики и шавкаловы татары и кумыченя беспрестанно под город подбегают...». Причины того, что шамхал Будай принял казаков под свое покровительство, объяснимы: во-первых, политическая обстановка на юге России была предгрозовой, неспокойной; во-

вторых, шамхал резко увеличивал свои боевые силы за счет русской вольницы и, в-третьих, он, безусловно, получал соответствующую долю из их добычи. Позволяя своим подданным присоединяться к казачьим отрядам, шамхал вместе с тем осуществлял за ними определенный надзор. Так, в морском походе казаков в сентябре 1691 г. «тарковский де Будай шавхал лутчих своих узденей четырех человек дал к ним казакам по человеку в струг».[24]

Прибытия нового терского воеводы со свежими силами оказалось недостаточно для организации успешного противодействия повстанческим действиям. Более того, по некоторым данным, в конце 1691 г. аграханские раскольники составили план захвата донского края с помощью «турок, крымцев и черкесских народов», желая затем перейти всем Доном в подданство султана. Поэтому по распоряжению Петра Первого в 1692 г. предпринимается посылка специальных отрядов для разгрома основной базы «воровских» казаков на реке Аграхани. Одновременно проводится дипломатическое наступление на феодальную верхушку горцев. Соответствующие письма с просьбой о содействии царским войскам получили тарковский шамхал Будай и некая княгиня Таукесал Салтанбековна, жившая в Терках.[25]

Подготовка карательной экспедиции не прошла мимо внимания «воровских» казаков; 18 сентября 1692 г. к ним «на помочь» явились кубанские раскольники, и повстанцы двинулись с Аграхани «на побег к Крыму». Ни строгие требования царских властей, ни обещания «казны» и наград, ни продвижение русских полков к Аграхани и не смогли побудить шамхала воспрепятствовать уходу казаков. Правда, другие горские князья - энедереевский Мартазалий и его брат Амирхан по просьбе Таукесал Салтанбековны «тех воровских казаков осадили на реке Сунче... и... разбили». Ушло на Кубань якобы всего около 30 человек.[26]

Однако более поздние документы за 1700 г. указывают, что «на Аграхане реке обселились воровские казаки уходцы из Астрахани и з Дону (которые. - Авт.) живут у андреевского Муртазалея мурзы... (и) воруют с ними заодно». Видимо, прав исследователь Н.П.Гриценко, говоря, что в 1692 г. «часть беглых крестьян и раскольников поселилась среди терских казаков, другая среди чеченцев и кумыков» и только третья часть ушла на Кубань.[27]

Активность русских повстанцев и их союзников-горцев после событий 1692 г. нисколько не снизилась. Недаром Петр Первый с раздражением писал: «которые за Тереком... живут, разные самовладельцы князьки черкесы и соединяютца с воровскими казаки с атаманом Косткою Ивановым с товарищи и на Хвалынском море бусы наших великого государя разбивают». Более того, Костька Иванов посылал на Дон своих людей «для подговору» казаков к бегству на Аграхань, и желающих явилось «множество».[28]

В 1700 г. было принято решение послать на Муртазалея, который «учинился ослушен» царским указам, и на «воровских» казаков царскую рать. Новый шамхал Адиль-Гирей, желая улучшения отношений с Москвой, заявил о своем содействии «великому государю». Совместными усилиями русским повстанческим силам был нанесен серьезный удар. Полковник Бушев с гребенским атаманом Ф.Киреевым захватил атамана Костьку (Костюк, Костек?) «с немалым числом его артели» в городке близ Сулака в плен и отправил его в Астрахань, где он был казнен. С другой стороны шамхал Адиль-Гирей с Салтан-Махмудом Эндереевским двинулись на Муртазалея, отказавшегося выдать казаков (находившихся непосредственно при нем), и разбил его. Часть русских беглых погибла в бою, другие попали в плен и были отправлены в Терки. Так как русские люди находились и во владениях другого кумыкского владельца - Чопан-шамхала, он тоже был разбит.[29]

Таким образом, на историческую жизнь нахов Чечни в XVII в. влияли не только политические события, связанные с действиями великих держав и местных кавказских владений, но и непосредственно движения русских народных масс на юге России, которые порой вовлекали горцев в свои мощные потоки. Этот аспект русско-горских и русско-чеченских отношений особенно поучителен, но менее всего исследован.[30]

[1] См.: Русско-чеченские взаимоотношения. Вторая половина XVI-XVII в.). М., 1997. С.111-112; Кушева Е.Н. О местах первоначального расселения гребенских казаков // История и география России XVIII века. Ч.2. М., 1981. С.20, 28-43; Козлов Сергей. Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVIII вв.). Изд.2-е. СПб., 2002. С.12-13.

[2] Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. М., 1957. С.123; Козлов Сергей. Указ. соч. С.16-20; и др.

[3] См.: Заседателева Л.Б. Терские казаки (сер. XVI - нач. XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974. С.229; Козлов Сергей. Указ. соч. С.22-25; Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. // Интернет: http://www.cossakdom.com/book (С.17 из 27).

[4] Потто В.А. Два века Терского казачества. Т.1. Владикавказ, 1912. С.23-25.

[5] См.: Гриценко Н.П. Народные движения XVII-XVIII вв. и терское казачество // Известия СКНЦВШ. Серия общ-х наук. № 3. Ростов-на-Дону, 1973. С.11-12; Буганов В.И. Крестьянская война в России начала XVII в. М., 1976. С.48.

[6] См.: Маржерет. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского. 1590-1606. СПб., 1830. С.91; Буганов В.И. Указ. соч. С.49-50.

[7] См.: Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С.77; Юдин П.Л. Лихолетье на Северном Кавказе. // С.433; Буганов В.И. Указ. соч. С.81-82; и др.

[8] Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. 1578-1613 гг. М., 1888. С.545-548, 556; Юдин П.Л. Очерки смутного времени на Кавказе // ЗТОЛКС. № 5. Владикавказ, 1914. С.41, 44; Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. Грозный, 1988. С.70-71, 74-75.

[9] См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док-в. Т.1. М., 1954. С.111-112, 120, 139; Гриценко Н.П. Указ. соч. С.13-14.

[10] Крестьянская война... Т.1. С.139, 143; Там же: Т.3. М., 1962. С.299.

[11] Крестьянская война... Т.1. С.144.

[12] Крестьянская война... Т.1. С.244; Там же: Т.3. М., 1962. С.379.

[13] Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935. С.369.

[14] Крестьянская война... Т.3. С.270, 403 (комм. 1 к док. № 77); Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. М., 1957. С.333; Гриценко Н.П. Указ. соч. С.14-15.

[15] Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков и донское казачество. Ростов-на-Дону. 1983. С.200-202.

[16] См.: Ригельман А. История или повествование о донских казаках. М., 1846. С.74; Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С.245; Гриценко Н.П. Указ. соч. С.15.

[17] Короленко Н.П. Некрасовские казаки // Известия ОЛИКО. Вып.2. Екатеринодар, 1900. С.6.

[18] См.: Бентковский И. Гребенцы // Чтения ОИДР. Кн.3. М., 1887. С.25; Короленко П.П.Некрасовские казаки // Известия ОЛИКО. Вып.2. Екатеринодар, 1900. С.6, 7-8; Гриценко Н.П. Указ. соч. С.15.

[19] Архив СПб ОИИ РАН (ранее архив ЛОИИ). Ф.178. Оп.1. Д.12242. Л.1; Д.12276. Л.6 (Цитируемые здесь и далее документы архива ЛОИИ выявлены Т.А.Исаевой); Бентковский И. Гребенцы // Чтение ОИДР. Кн.3. М., 1887.С.25; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С.292.

[20] См.: Короленко П.П. Указ. соч. С.9-10.

[21] Архив СПб ОИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.12217. Л.1-2; Д.12276. Л.3

[22] Аграхань - северный рукав реки Сулак, впадающий в Каспийское море, где образуется Аграханский полуостров и Аграханский залив.

[23] Архив СПб ОИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.12276. Л.1-2.

[24] Архив СПб ОИИ РАН. Ф.178 Оп.1. Д.12276. Л.4-5; Д.12226. Л.1

[25] См.: Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. С.376-377; Короленко П.П. Указ. соч. С.10.

[26] Архив СПб ОИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.12317. Л.1 Некоторые дореволюционные исследователи пишут, что шамхал Будай поссорился с казаками из-за дележа добычи и сам вызвал русские войска (см.: Короленко П.П. Указ. соч. С.12); Акты исторические. Т.5. СПб., 1842. С.370-371; Бентковский И. Указ. соч. С.26-27; У П.П.Короленко цифра аграханских беглецов, прибывших на Кубань, составляет 200 человек. (Указ. соч. С.13).

[27] См.: Архив СПб ОИИ РАН. Ф.178. Д.14181. Л.1; Гриценко Н.П. Указ. соч. С.15.

[28] Соловьев с.М. История России с древнейших времен. Кн.8. Т.15-16. М., 1963. С.121; Янчевский Н. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI-XVII вв. Ростов-на-Дону, 1930. С.196.

[29] Архив СПб ОИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.14181. Л.1-2; Русско-дагестанские отношения в XVII - первой четверти XVIII в. Махачкала, 1958. С.226, 256-257.

[30] См., Ахмадов Я.З. Российское повстанческое движение конца XVII - начала XVIII века и народы Северного Кавказа // Известия СКНЦВШ. Обществ. науки. № 1. Ростов-на-Дону. 1989.

Глава 8. Взаимоотношения Чечни с Россией, восточными государствами и кавказскими соседями в XVIII веке

§ 1. Чечня и Северный Кавказ в борьбе с экспансией России, Ирана и Крымского ханства в первой половине XVIII в.: от противоборства с Россией к складыванию системных связей

Основным фактором воздействовавшим на ситуацию в крае в XVIII столетии являлось все возрастающее значение России в политической судьбе Чечни, как впрочем и всего Кавказа. Известную роль играла также политика Ирана, Османской империи и ее вассала Крымского ханства в регионе, и взаимоотношения кавказских феодальных и государственных образований. Взаимодействие политики трех великих держав в регионе и действия местных образований определяли политическую картину на всем Кавказе, в т.ч. и в отношении Чечни. Следует учитывать также и тот немаловажный фактор, что в XVIII в. на Северо-Восточном Кавказе завершается процесс национальной консолидации нахов, приведший к образованию такого крупного народа, как чеченцы.

Значительное влияние на политическую позицию Чечни в первом десятилетии XVIII в., как и в XVII в., продолжали оказывать движения русского крестьянства и казачества, городских низов и башкир. Известно, что еще в конце XVII в., после подавления народных движений в России, тысячи русских людей, спасаясь от казней, устремлялись на Северный Кавказ, в том числе и на берега Терека и Сулака. Здесь они создавали целые городки и опорные базы антицаристского движения. Некоторые известные «разбойные» атаманы, такие, как Костька Иванов и другие, действовали среди чеченцев и кумыков в начале XVIII в. Со стороны царских властей на казаков-бунтовщиков и их союзников горцев совершались в отместку карательные экспедиции.[1]

События на Тереке оказались своеобразной прелюдией более грозных народных восстаний, вспыхнувших собственно в самой

России. Правление Петра Первого наряду с проведением прогрессивных реформ, направленных на европеизацию страны, знаменовалось резким усилением крепостнического гнета и налоговой системы, откровенно колониальной политикой в отношении нерусских народов. В 1704 г. началось крупное народное движение в Башкирии, а летом 1705 г. вспыхнуло городское восстание в Астрахани. С самого начала оно переросло в движение всего «многонационального населения Нижнего Поволжья, в котором кроме русских участвовали астраханские татары и другие нерусские люди». Остается добавить, что астраханские повстанцы рассчитывали найти себе поддержку и на Тереке.[2]

Пока полки фельдмаршала Шереметева двигались с театра Северной войны на Астрахань, взбунтовались стрельцы Черного и Красного Яра на Волге, для «пущего возмущения» были разосланы астраханской беднотой письма к донским, терским и гребенским казакам. Известно, что «зачинщики» главную надежду возлагали на казаков, «с их помощью они думали усилить смуту и пронести ее в сердце государства, до самой Москвы».[3]

Источники показывают, что по призыву астраханцев в том же 1705 г. «терские стрельцы и гребенские казаки забунтовались». Был убит полковник Некрасов, а его «пожитки» поделены.[4] Терский город оказался в руках восставших, и, как то было в период движения Степана Разина, Северный Кавказ вновь оказался отрезанным от царской России. Прекращение, хотя бы и кратковременное, официальных отношений с Русским государством, не могло, разумеется, не сказаться на политической ситуации в регионе, складывавшейся во многом из взаимодействия кавказской политики трех государств - Османской империи, Ирана и России.

Терский воевода Д.Молостов, изгнанный из города, утверждал, что предводители терских повстанцев вынашивали широкие планы. Он писал Петру Первому: «терские изменники собираются и пересылаясь с ханом крымским и с кубанцы и с астраханцы и башкирцы и каракалпаки, соединяясь калмык побить и на твое государство иттить»[5]

В свидетельстве Д.Молостова не названы ближайшие к Терку горские народы - чеченцы и кумыки, хотя называются самые дальние - «кубанцы» (черкесское и ногайское население Кубани). Это имеет свои объяснения. Воевода Д.Молостов,

которому сохранили жизнь и позволили уйти из крепости, удалился за город вместе со своими сторонниками (в их числе были служилые «черкесы» и татары). Это позволило ему быстро завязать отношения с горскими феодалами за Тереком и заручиться их поддержкой. Коварный воевода натравливал на Терки и казачьи городки феодальные дружины: «велит их неверной орде - чеченцам и мечкизам (мичиковцам), кумыкам, аксаевцам и иным ордам разорять и всех искоренять; и горцы подступая к Тереку бьют казаков боем», - писали современники. В конце концов Д.Молостов сумел обманным путем выманить из города руководителей восстания и расправиться с ними: «оных бунтовщиков усмирил, и несколько из них казнил. а пущих заводчиков прислал к Москве».[6]

В мааре 1706 г. пала и Астрахань. Небезынтересно отметить, что в период спада движения городская беднота намеревалась с оружием в руках уйти на Аграхань или другие надежные места на Северном Кавказе. Этому помешала полная блокада города и последовавшая затем расправа с повстанцами.[7]

В 1708 г. Северный Кавказ снова становится ареной широкого антицаристского движения горцев, ногайцев и русских казаков, взявших Терки. Причем его руководителем выступил один из предводителей восстания башкиров - Мурат Кучюков, оказавшийся к тому времени в Чечне. Это выступление, как по характеру, так и по своим целям явилось прямым отголоском башкирского национально-освободительного движения, а также булавинского «бунта». Вместе с тем события на Тереке в 1708 г. оказали большое воздействие на политические судьбы местных народов, попавших под пресс колонизаторской политики царизма. На восстание их толкали произвольные и грубые действия местных царских властей на Тереке по отношению к горским соседям, искусственные ограничения на путях русско-северокавказской торговли и т.д.[8]

Народное движение в Башкирии в 1704-1711 гг. с самого начала приобрело широкий территориальный размах. Участие в нем принимали практически все сословия. В российском феодально-крепостническом государстве башкиры видели своего главного угнетателя. Местные феодалы преследовали в данном восстании свои узкоклассовые интересы, стремясь к образованию на территории Башкирии «особого мусульманского ханства, в вассальной зависимости от Крыма или Турции». Независимо от этих планов численно небольшой

феодальной прослойки восстание имело ярко выраженный антикрепостнический характер, разрасталось, охватив в 1707-1708 гг. все Поволжье. Устанавливаются связи с Доном и с северокавказскими народами. Дореволюционная историография видела в событиях 1707-1708 гг. охвативших разом Башкирию, Поволжье, Дон и Северный Кавказ (Кубань, Терек), проявление некоего «магометанства» и составную часть всеобщего заговора русской «старины» против того нового, что несли реформы Петра. Стержневой фигурой «магометанского» протеста усматривали Мурата Кучюкова.[9]

Сведения о народных движениях первого десятилетия XVIII в. в России и в соседних ей южных областях быстро становились достоянием международной дипломатии и, естественно, учитывались заинтересованными странами. В этом плане особый интерес представляют донесения хорошо информированного и наблюдательного посла Англии в России Ч.Витворта. В них содержится не только информация о фактическом ходе событий, но и даются оценки относительно взаимосвязанности движений русского казачества и крестьянства с антифеодальными и освободительными движениями горских народов. Так, 5 мая 1708 г. в сообщении о «мятеже башкирских татар» Ч.Витворт пишет: «Другие татары - черкасские - проживающие у Каспийского моря взялись за оружие и сожгли Терки...

В то же время мятежные казаки и беглые люди на Украине крепнут. Во главе их стал некто - Булавин...».

Спустя неделю в очередном донесении английский посол, отметив, что вести о поражении донских казаков подтвердились, сразу переходит к Северному Кавказу: «Терский бунт тоже неожиданно присмирел: мятежников было тысяч восемь; они думали захватить Астрахань и соединиться с казаками». Действительно, к тому времени к Теркам из Астрахани были двинуты крупные силы; горско-русские повстанцы отбиты от Терков, а раненый Мурат Кучюков попал в плен.

В 1707-1708 гг. равнинная Чечня становится центром антицаристского восстания горцев Северного Кавказа, в котором участвовали и беглые русские казаки. Во главе повстанцев встал башкир на Каме и Урале один из руководителей восстания — Мурат Кучюков, оказавшийся в Чечне во время возвращения из поездки в Стамбул. По происхождению он был чингизид из Каракалпакии, долгое время являлся заложником калмыцкого хана Аюки, от которого ушел к башкирам.

В результате ожесточенных боев горские и ногайские участники движения захватили Терский город за исключением цитадели, которую взяли в осаду. В случае же успеха «намерен был... (Мурат. - Я.А.) идти [в Россию] и в Башкирцы», а по другому свидетельству, повстанцы намеревались «захватить Астрахань и затем соединиться с казаками (имеются в виду участники булавинского движения. — Я.А.)». Благодаря крупным силам переброшенным из Астрахани повстанцы (кумыки, чеченцы, ногайцы) были разбиты, а плененный Мурат был вывезен в Казань и казнен.[10]

После гибели К.Булавина и поражения восстания на Дону и Украине его ближайший и активнейший соратник атаман И.Некрасов хотел вначале уйти от расправы на Аграхань (на земли шамхала), но затем двинулся на Кубань во владения крымского хана. Вслед за ним потянулись и другие, так что общее число беглых казаков, осевших на Северном Кавказе, составило 8 тыс.человек. По воле султана Ахмеда III крымский хан предоставил им лучшие земли в низовьях Кубани, на Таманском полуострове, между Копылом и Темрюком. Они были освобождены от всех видов повинностей, кроме воинской.[11]

В 1708 г. вследствие народных выступлений на Украине, Дону, Каме, Поволжье и Тереке, протекавших почти одновременно, опасность нависла над всем русским феодально-крепостническим государством. Волнения наблюдались и в центральных областях страны. Тогда же, летом 1708 г., на Украину вторглись шведские войска под командованием короля Карла XII.

Меры, принятые Петром Первым по борьбе с булавинской «ребелией» и другими восстаниями, в т.ч. на Тереке против Чечни были по существу мерами карательными. В Башкирию, на Дон и Терек были отправлены карательные силы, физически уничтожавшие население, проявлявшее малейшее неповиновение. Царь лично решал судьбу руководителей повстанцев. Так, Мурат Кучюков, попавший в плен, был вывезен в Казань и повешен за ребро на крюке в соответствии с приказом Петра Первого П.М.Апраксину («учини жестокую смертную казнь»).[12]

Борьбу с противниками российской экспансии на Северном Кавказе Петр Первый возвел в ранг государственной политики. 30 сентября 1708 г. на переговорах петровского военачальника П.М.Апраксина с калмыцким ханом Аюкой было заключено

соглашение из восьми статей, в том числе «о преследовании чеченцев и ногайцев».[13]

В повстанческом движении русского крестьянства и казачества и выступлениях коренного населения Северного Кавказа в конце XVII - начале XVIII в. объективно проявлялись классовая солидарность и дружеские симпатии трудящихся масс разных народов. Во многом объективно совпадали также цели и задачи, которые они преследователи.

В этот же период усиливается русско-турецкое соперничество, в т.ч. в секторе Северного Кавказа. Русско-турецкий мирный договор 1700 г., заключенный после окончания успешной войны коалиции России и европейских государств против Оттоманской Порты, не только закрепил за петровской державой Азов с прилегающей областью, но и создал новые возможности для активного влияния на северокавказские события. Недовольная результатами войны Османская империя пыталась поднять против России горские народы. В 1704 г. некоторые чеченские и кумыкские феодалы намеревались заключить с вассалом султана, крымским ханом союз с целью уничтожения царских укреплений на Тереке. Вместе с тем, другие князья Чечни — «брагунские беки», вновь признали в 1706 г. «покровительство» России.[14]

Правители Крыма в тот же период стремились укрепиться в землях «черкесов» на Северном Кавказе и завязать отношения с народами находившимися вне сферы своего влияния, т.е. за Кабардой. Это были в первую очередь кумыки и чеченцы. Новый крымский хан Каплан-Гирей посаженный Стамбулом на трон в 1707 г. решил направить войск анна Северный Кавказ до самой Кабарды с целью полного подчинения горцев, не удовольствуясь формальным признанием подданства и военным союзом. Первые отряды хина размещенные в Кабарде были истреблены и Каплан-Гирей двинулся в поход с силами в 30-40 тыс.человек. Осенью 1708 г. в Канжальской битве хан был разбит: «от черкес побежден», бежал и был сменен другим ханом Девлет-Гиреем.[15] Таким образом, была отбита одна из попыток ханства к подчинению всего Северного Кавказа, ибо после покорения Кабарды хан двинулся бы на восток.[16]

Оттоманская Порта хотя и радовалась народным восстаниям на юге России, но в то же время не поддержала ни казаков, ни башкиров, ни горцев. Не сразу было понято и значение Полтавской битвы 27 июня 1709 г. И только в конце 1710 г.

правительство султана Ахмеда III объявляет войну русскому царю, в связи с чем призывает письмами и горских князей Северного Кавказа к войне с «неверными», которые, однако, не вызвали стремления поддержать Турцию. Вместе с тем, 9 июля 1711 г. армия Петра Первого, совершившая марш-бросок из Украины до Молдавии, была полностью окружена на Пруте превосходящими турецкими силами; под угрозой уничтожения царь был вынужден заключить 12 июля мир, который предусматривал возвращение султану Азова с округой, уничтожение ряда пограничных крепостей, возвращение Украины Польше, уплату контрибуции и т.д. В различных вариантах русско-турецких соглашений, последовавших за Прутским походом, затрагивался и вопрос о кавказских горцах, хотя они и не рассматривались как объект международного соглашения. Указывалось, что «казаки и калмыки, с одной стороны, а с другой, - татары Крыма, ногайцы и черкесы, подчиняющиеся Порте, не должны (были) в дальнейшем друг друга беспокоить».[17]

В период очередного обострения своих отношений с Россией в 1712-1713 гг. Стамбул и Бахчисарай, как бы исправляя свой просчет, допущенный летом 1711 г., когда Петру Первому удалось привлечь кабардинцев и часть адыгов на свою сторону и совершить с их помощью поход в Закубанье, обращают серьезное внимание на северокавказские народы. Теперь посланцы крымского хана добрались до Чечни и Северного Дагестана «ко владельцу Андреевой деревни Салтан-Мамуту, другому — Алдигирею, тарковскому владельцу, чтоб оныя владельцы и других тамошних владельцев пригласили и были б единомышленно воли крымского хана...». В подкрепление этой программы князьям была дана от хана «немалая дача».[18]

Выполняя просьбу крымского хана, эндирейский владелец «Салтан-Мамут» подошел с кумыкско-чеченскими войсками к границам прорусски настроенной Кабарды, предлагая присоединиться к союзу с Крымом, чем «некоторых... поколебал». Петр Первый, не имея возможности под страхом столкновения с Портой открыто поддержать Кабарду, посылал к горским князьям крупные суммы денег и предпринимал дипломатические усилия, стремясь удержать дагестанских и чеченских владельцев от давления на Кабарду.[19]

Политическая ситуация, сложившаяся на Северном Кавказе в результате русско-османского противоборства в 1711-1713 гг.,

нашла отражение в донесении советника Петра Первого А.Бековича-Черкасского, отправленном царю к маю 1714 г. Это послание было сочтено документом государственной важности и передано царем в Сенат для совета «дабы (изучить как) их (горские народы. - Я.А.), и каким образом лучше при нашей стороне удержать». Автор письма отмечал растущую угрозу усиления на Северном Кавказе османско-крымского влияния. Цель дипломатических усилий султана и хана заключалась, по его мнению, в том, чтобы «всех тех (горских) народов соединить даже до персидской границы, и тако особливо край тот в волю свою привесть и подданным учинить». В случае войны с Россией это дало бы возможность Порте усилить свои силы за счет горцев, обладающих высокими воинскими качествами («когда война случиться, могут немалую силу показать понеже оной народ лучше в войне, кроме регулярного войска»). Привлечение горцев на сторону России А. Бекович-Черкасский считал отвечающим жизненным интересам государства как экономическим, так и политическим.[20]

При ознакомлении с политической ситуацией на Северном Кавказе во втором десятилетии XVIII в. создается впечатление, что Порта и Россия вообще утеряли интерес к делам этого региона в целом, не говоря уж о Чечне. Но это было не так. И Петербург, и Стамбул по-прежнему держали руку на пульсе местных событий, однако, вопросы, связанные с горскими народами перестали быть для них первостепенными. Так, царское правительство продолжало оказывать серьезную поддержку пророссийски настроенной части аристократии Кабарды, с каковой целью их «обороняли» как от посягательств крымского хана, так и дагестано-чеченских соседей.

Неоправданное участие кабардинцев в масштабном «набеге» донских казаков во главе с атаманом Краснощековым на Чечню в 1718г., приведшее к разорению здесь плоскостных аулов и захвату 800 пленных, резко дестабилизировало политическую ситуацию в крае. Чеченские и союзные им дагестанские силы открывают «явную войну» против Кабарды и царских укреплений на Тереке. Между тем, донские казаки покинули по царскому указу Кабарду и вернулись на Дон, оставив ее без помощи один на один с сильным противником.[21]

Политическая ситуация на Северном Кавказе в 1720-1721 гг. стала складываться в пользу Крымского ханства. Осенью 1720 г. новый крымский хан Саадет-Гирей III с 40 тыс. армией,

составленной из темиргойских, бесленеевских черкесов, кубанских татар и казаков-некрасовцев, вторгся в Кабарду и потребовал возмещения всех потерь, понесенных Каплан-Гиреем в 1708 г., а также живой дани в 4 тыс. рабов. Из своей ставки в Кабарде хан послал гонцов на восток, устанавливая дружеские связи с Чечней и Дагестаном, откуда двинулись отряды на поддержку прокрымской «партии» кабардинских князей. Сторонники русской ориентации в Кабарде были вынуждены укрыться в труднодоступном горном районе Кашкатау. Позже они нанесли поражение своим противникам, что, однако, не усилило здесь позиции России.[22]

К 1721 г. усиление протурецких и прокрымских позиций на Северном Кавказе приняло настолько серьезный характер, что возникла опасность объединения горских феодалов под эгидой крымского хана, начиная от кумыкских и чеченских на востоке и кончая черкесскими на западе региона. Такое объединение создало бы серьезную угрозу южным границам России, но в то же время способствовало бы консолидации горских народов.[23]

После ухода крымской армии астраханский губернатор А.П.Волынский отправился на Северный Кавказ с военно-дипломатической миссией. В том же 1721 г. А.П.Волынский вновь пригласил донских казаков и совместно с терскими казаками организовал рейды к рекам Аграхани и Аксай против кумыков и чеченцев. По сообщению самого А.П.Волынского, рейд не достиг поставленной цели, так как донские казаки поступили самовольно: вместо нападения на Эндерейское владение «оставя прямых неприятелей, ...разбили улус ногайского владельца султана Махмута, зело вашему величеству потребного, которого весьма озлобили; потом пошли в Кабарду по призыву Араслан-бека», где вмешались в борьбу противоборствующих партий, «привели их между собою в ссору, и в том их оставя, а себя богатя, возвратились на Дон».[24]

Надо отметить, что, тем не менее, местные владельцы Северного Дагестана не исключали возможности налаживания добрососедских отношений с Россией. Так, в апреле 1720 г. кумыкские владельцы обращались с просьбой к Петру Первому о «защите»,но, вместе с тем, в случае отказа в помощи, они угрожали «к туркам... поклонися». В следующем 1721 г., в феврале месяце, совет союзных горских князей и узденей (кумыкских, чеченских и ногайских) обращался к русским властям с выражением желания служить «царскому величеству» и просьбой наделить жалованьем. Представитель Петра Первого на

Северном Кавказе А.П.Волынский вступает в переговоры с горскими князьями и ногайскими мурзами Северо-Восточного Кавказа.[25]

Миссия А.П.Волынского на Северном Кавказе, в деятельности которого сочетались и политические, и военные методы давления, внесла немалый вклад в создание здесь такой обстановки, которая максимально благоприятствовала бы планам Петра I в отношении Прикаспия и Ирана.

22 октября 1721 г. с провозглашением Российским Сенатом Петра Первого императором Россия стала империей. Тем самым отмечалась и победа России в Северной войне. Швеция была разгромлена, а держава Петра получила выход к Балтийскому морю. Преобразования Петра Первого в ходе первых десятилетий XVIII в. привели к тому, что международные отношения на всем европейском континенте сделались подлинно общеевропейскими, соответствующими географическим рамкам от Атлантики до Урала. Но выход России к Балтике диктовал необходимость выхода к Черному и Каспийскому морям в целях выстраивания торговых путей Европа - Восток, Север - Юг. Однако Россия, в 1711 г. проигравшая войну Турции, не решилась бороться с султаном и крымским ханом за контроль над Северным Причерноморьем. Более слабым объектом Петру Первому представлялся весьма ослабленный к тому времени Иран, формально контролировавший западное побережье Каспийского моря.

В мае 1722 г. Петр Первый, приняв окончательное решение о походе на Иран, выехал из Москвы и прибыл в Астрахань 15 июня. Именно здесь сосредотачивались основные сухопутные силы, предназначенные для участия в походе. Известно, что тайные приготовления к нему начали делаться на юге по приказу Петра Первого еще с 1720 г. Второй важной частью плана императора, помимо овладения контролем над Каспием, был захват всей восточной части Кавказа ранее находившегося под влиянием иранской короны.

18 июля 1722 г. Петр Первый отплывает из Астрахани во главе огромного флота, на корабли которого было погружено 22 тыс. солдат. Конница заблаговременно отправилась к Тереку сухим путем, через степи. Оперативный план предусматривал, что один из конных корпусов овладеет Эндереем и выйдет к бухте Аграхань, где оборудует пристани для приема десанта.

Накануне Персидского похода император обнародовал манифест на персидском, турецком и татарском языках,

объявлявший о начале и целях похода. Соответствующие тексты были отправлены к дружественному дагестанскому правителю шамхалу Тарковскому для последующей рассылки в Дербент, Баку и Шемаху.

Между тем, нельзя забывать, что основной целью похода Петра Первого «в Персию» являлось присоединение к России части северокавказских и закавказских земель. По существу это было повторением усилий, предпринятых Россией посылкой на Кавказ экспедиции воеводы Бутурлина в 1604-1605 гг. Но на этот раз к решению прикаспийско-кавказских вопросов была обращена вся государственная мощь Российской державы. Так, общая численность сил, сконцентрированных Петром I в Персидском походе — регулярная пехота и кавалерия, артиллерия, саперные части, донские казаки, калмыки и татары, достигла 80-100 тыс. чел.[26] Такую армию Россия не выставляла на поле боя даже против шведов. В течение короткого периода «Персидского похода» русская армия захватила прибрежные районы Дагестана, Азербайджана и частично Ирана.

В том же году, осенью, и турецкий корпус в 15 тыс. чел. вторгся в Восточную Грузию, считавшуюся в составе империи Сефевидов. Османы также поставили себе целью овладеть наследством Иранского государства, атакуемого с севера Россией, а с востока афганскими племенами. По ультимативному требованию султана Петр Первый был вынужден остановить продвижение своей армии, хотя вначале намеревался подчинить себе весь Северный Иран, Восточную Грузию и Армению. Причем от Петра Первого требовали даже отступления из земель «дагистанов и кумыков», так как «кумыки, так и протчие татарские народы под протекциею Порты,...».[27]

Источники почти ничего, или мало говорят о политическом положении Чечни в этот период. Известно только, что в районе аула Эндерей - столицы Эндерейского княжества-государства объединенные силы кумыков и чеченцев вступили в сражение с петровскими войсками и нанесли им большой урон. Однако, потерпев вскоре поражение, эндерейские князья дали царю присягу, «включив в оное в первый раз и своих чеченцев».[28]

Осенью 1722 г. Петр Первый заложил на Сулаке крепость Святой Крест. В свою очередь, Терский город был срыт, а все его население, включая Окоцкую слободу, населенную выходцами из Чечни (потомкиокочан, шибутов и мичкизов), было переведено в новую крепость. Далее царь побывал на территории современной Чечни, где инспектировал станицы гребенских

казаков и осмотрел Брагунские теплые воды. К тому времени все казачьи станицы располагались на левом берегу Терека и подчинялись ведению Военной коллегии России.[29]

По существу со времени Петра Первого начинается колониальная политика России в отношении Кавказа и Чечни. Он и его правительство планировали захват и непосредственную эксплуатацию местных природных богатств, вытеснение мусульман и заселение горских земель колонистами. Самодержавно-захватническая политика предыдущих русских царей заключалась, как правило, в присоединении новых подданных с их землями, в увеличении податного населения независимо от веры и национальности. Петр Первый как реформатор России ставил более радикальные, «буржуазные» задачи, носившие ярко выраженный колониальный характер.

В январе 1724 г. резиденту Неплюеву в Стамбуле в ультимативной форме предложили принять турецкие условия относительно Ирана. Отказ последнего вызвал формальное объявление войны, вскоре, однако, отложенной. В сложившихся условиях правительству Петра Первого стало ясно, что Россия в этом регионе не может вступить в серьезный вооруженный конфликт с Турцией без предварительного разрешения проблемы Азова и Крыма. Иллюзии относительно того, что Кавказ может стать удобным театром военных действий в случае военного противоборства с Оттоманской державой, быстро развеялись.

Основательные дипломатические переговоры в Стамбуле привели, в конце концов, к заключению русско-турецкого мирного договора от 12 июня 1724 г. (Стамбульский мир).[30] Россия пошла на этот мир с целью недопущения выхода турок на Каспийское море и закрепления своих новых границ на Кавказе. Тем самым ликвидировалась угроза войны с Портой, выиграть которую в тех условиях было весьма проблематично.

Согласно статьям Стамбульского договора, впервые за всю историю международных отношений Россия стала равноправным участником кавказских дел. Стамбульский договор был первым международным соглашением Русского государства относительно кавказских земель. Если в XVI-XVII вв. Кавказ, в том числе и Северный, являлся объектом международных соглашений исключительно Сефевидского Ирана и Османской империи, то, начиная с 1724 г., непременным участником подобных соглашений становится и Российская империя.[31]

Прикаспийские (точнее прибрежные) районы Северного Кавказа и частично Ирана в первой четверти XVIII в. оказались включенными в состав государственных границ России. Надо отметить, однако, что вопрос о собственно «Дагестане» (под которым стороны понимали земли от Каспия до границ Кабарды следовательно и Чечню) в соглашениях стран-победительниц остался незафиксированным. Обе стороны обошли его молчанием. Речь шла только об узкой приморской полосе собственно Дагестана.

Как бы то ни было, когда в 1735 г. Россия возвращала Ирану, возрожденном полководцем Надиром, занятые ранее земли, то было заявлено следующее: «которые же прежде всего, надлежали к иранскому государству: Дагестан, шамхал, усми и и прочие народы, оные да пребудут со всеми принадлежащими к ним местами по прежнему в стороне иранского государства». На протест Порты по этому вопросу Россия ответила, что народы Северо-Восточного Кавказа «как древние российские подданные, никакой другой державе» уступлены не будут, кроме как Ирану. Таким образом, можно полагать, что, хотя вопрос о «Дагестане» по существу остался вне текста русско-турецкого договора 1724 г., Россия, тем не менее, считала себя вправе распоряжаться им, в частности, «уступив» его Ирану в 1735 г.[32]

Османское правительство, несмотря на раздел сфер влияния на Кавказе, не прекращало попыток утвердиться на Тереке, в частности, в Чечне и Ингушетии. Оно продолжало считать горцев Северо-Восточного и Центрального Кавказа подвластными султану, утверждая на дипломатических переговорах с Россией, что «яко де наши подданные... на пред сего бывали под протекциею Порты». Турки намеревались построить крепости «близ Кабарды и Чечни», а также в Дарьяльском ущелье. В свою очередь беглый грузинский царь Вахтанг VI предлагал русскому правительству проект создания укрепления «близ чеченцев у Теплых вод». Не желая открыто конфликтовать с Турцией, Россия обратила внимание на «народы в том ущелье (Дарьял. — Я.А.) живущих», то есть на нахов, ингушей и осетин, с целью использования их для противодействия планам османов.[33]

Возрастание роли и значения русского государства на Северном Кавказе в 20-30-х гг. XVIII в. вызывало изменения в политическом положении Чечни. Но в связи с тем, что на ее территории было множество независимых обществ и несколько феодальных владений, выступавших суверенами во

внешнеполитических действиях, то их политика не характеризовалась единой линией. Так, в 1726 г., «от трех чеченских князей, имеющих во владении своем около 5000 подданных, приехали (в крепость Святого Креста. — Я.А.) два узденя с тем, что они хотят быть в подданстве Ее Величества» (императрицы Екатерины I). С другой стороны, чеченцы, как и другие горские народы, совершали нападения на царские укрепления, держали крепость Святого Креста «в великом утеснении».[34]

В 1732 г. плоскостная Чечня вновь превращается в центр крупного повстанческого движения. Здесь, в Чечен-ауле, собралось около 10 тыс. горцев из различных районов Чечни и Дагестана. Народное ополчение намеревалось, по данным русской разведки, выступить против соседних народов для утверждения ислама и разгрома царских укреплений. Генерал Дуглас получив известие, что горцы разошлись, направил к Чечен-аулу отряд драгун полковника Коха, всего в 500 человек, который был окружен в густых лесах, разбит и уничтожен. При этом погиб и старший чеченский князь Казбулат, находившийся с Кохом.[35]

В начале 30-х гг. XVIII в. с восстановлением мощи Иранской державы началась новая ирано-турецкая война, сказавшаяся и на политическом положении Чечни. Так, из Крыма через Северный Кавказ летом 1733 г. двинулся для военных действий в Иране 25-тыс. конный корпус «царевича» Фети-Гирей Султана. Летом он прибыл в Чеченское феодальное владение, где к нему согласно договоренности присоединился со своим ополчением старший чеченский князь Айдемир. Правительство императрицы Анны Ивановны (1730-1740 гг.) с одной стороны решительно протестовало дипломатическим путем против прохода крымцев по Северному Кавказу, а с другой, двинуло навстречу крымцам войска из крепости Святого Креста. При русском командующем генерале Гессен-Гомбургском находились чеченские князья Алибек и Алисултан (сыновья Казбулата) со своими узденями, которые видимо придерживались российской ориентации.

Крымская армия встретилась с русской на р. Белой в Чечне (район Гудермеса). При помощи протурецки настроенного чеченского князя Айдемира крымцы разбили русскую армию во главе с генералом Гессен-Гомбургским (немецкий принц на русской службе) и заставив его запереться в крепости Святого

Креста. Причем, сам командующий спасся от плена только благодаря «доброте своей лошади».[36]

В тот же период складывается возможность налаживания дружеских контактов между Россией и горными обществами западных нахов — «кисты», «глегаи», «разубзюки» (дурдзуки) — через дипломатические усилия беглого грузинского царя Вахтанга VI. Однако в связи с обострением международной обстановки, Россия не решилась принять указанные территории под свою «протекцию».[37]

В начале 30-х гг. XVIII в. царизм был вынужден вывести войска из Прикаспия, а затем по условиям русско-иранского договора (Гянджинский трактат от 1735 г.), перенести границу с Сулака на левый берег Терека. Эти решения объяснялись угрозой войны с Оттоманской Портой и требованиями Ирана, где к тому времени укрепилась центральная власть в лице Надир-шаха. На Тереке была быстрыми темпами построена новая крепость Кизляр, ставшая своеобразным политическим и экономическим центром Притеречья. Воспользовавшись отходом русских войск за Терек, Оттоманская Порта объявила себя «покровительницей Дагестана» (под которым турки понимали и Чечню) и направила через Северный Кавказ к Ирану новую армию.[38]

К середине лета 1735 г. 80-тыс. крымское войско, пройдя черкесские и кабардинские земли под командованием хана Каплан-Гирея вступившего во вторичное правление, показалось на берегах Сунжи. Крымский хан попытался на этот раз поработить не только адыгские, но и все северокавказские народы. Требования дани и покорности вызвали всеобщее возмущение со стороны чеченцев. Даже князь Айдемир, находившийся в союзе с ханством и сотрудничавший в 1733 г. с крымским Фети-Гирей Султаном, присягнул на верность России и, как говорит документ «по многим от хана письмам и подзывам не только к нему не поехал и людей не отпустил, но и немалые отгоны людей из войск ханских и другие вредительства показал».[39]

Каплан-Гирей решил вторгнуться на Чеченскую равнину для захвата основных чеченских аулов через ущелье Хан-Кала на Сунженском хребте, но военные силы, стянутые со всей Чечни, закрыли проход и истребили до последнего человека отряды, направленные на прорыв. В сражении было убито до 10 тыс. захватчиков. Крымский хан был вынужден отказаться от дальнейших попыток покорения Чечни и, оставив ее в стороне, продолжил путь в Прикаспий.

Об этих событиях повествует и народная историческая песня, которая была записана анонимным офицером (имеются инициалы К.К.) в середине XIX в. в беседах с чеченскими стариками. На русском языке сохранился подстрочник песни со слов чеченца Давлетгирея Зармаева.[40]

«...хан Крымский, подчинивши
Своей власти весь Кавказ,
Не замедлил обложить
Данью тяжкой на тот раз
Все народы кавказские,
Сколько было тогда их,
Даже и тех, что в бедности
Жили у гор снеговых.
Мы первыми отказались
Рабскую дань ему платить
И сказали, что скорее
Мы готовы в бой вступить
И биться с ним за свободу,
Как за мать свою родную,
И родину, где взросли мы,
Сердцам нашим дорогую.
Хан на это рассердился
И приказал сказать нам:
«Ожидайте кары моей,
Я явлюсь скоро к вам».
Год прошел, но кары
От него мы не видали,
Хотя ее с чувством страха
Каждый день мы ожидали,
Ибо видели не раз,
Как Орда народ карает
И кровь людей тогда речкой
Она всегда проливает.
И где пощады никому
Орда тогда не дает,
Всех мужчин убивает,
А девок в плен всегда берет.
На другой год, осенью,
Когда хлеб уже убрали,
Мы вдруг Орду великую
И шедшего увидали
Вниз по Сунже, вереницею
Бесконечною тянулась
Целый день, а к вечеру
В одну массу вся сомкнулась
Между Сунжей и Нефтянкой,
Где ночлегом заняла
Она пространство верст на шесть.

И там пять суток провела
В совершенном бездействии,
Точно мертвая, стояла
Она тогда, говорили,
Орду калмыков ожидала,
Чтоб вместе идти воевать
И нас, конечно, мимоходом
Беспощадно наказать.
Мы же, видя пред собою
Орду крымцев, не дремали,
Всех чеченцев, сколько было,
В Ханкалу тогда собрали
И стояли день и ночь
В ожидании Орды той,
Ибо знали хана гнев,
Он был страшно на нас злой.
В Ханкале же лес дремучий
Непролазным тогда был,
Его хранили, как святыню,
Его никто не рубил;
Ибо тогда защищал
Он собою вход в долину,
Где аулов было много
И где пасли мы скотину.
На шестой день хан прислал
Гонца своего нам сказать,
Что пришел сюда затем,
Чтоб нас беспощадно наказать,
Если только не согласны
Ему дани мы давать
И пять девиц ежегодно
В его гарем присылать.
Мы на это отвечали:
«Все хана тогда будет -
И дань и девки, когда нас
Никого в живых не будет».
Предвидя бой неизбежный
С Ордою Крымскою тогда,
Мы укрепили Ханкалу,
Как, быть может, никогда;
Завалов множество больших
В том ущелии нарыли
И деревьев для завалов
очень много порубили;
Одним словом, все сделали,
Чтобы хана там разбить
И тем его навсегда бы
Брать с нас дани отучить.
Рано утром, в туман темный,
Орда Сунжу перешла

И к Ханкале, точно туча
Громовая, подошла.
Мы смотрели не без страха
На ту Крымскую Орду,
Ибо она несла смерть нам,
Как Хана страшную кару,
Но мы духом не падали
И все поклялись умирать,
Но ни дани и ни девок
Тому хану не давать.
Даже жен своих и дочек
В Ханкалу тогда призвали,
Чтоб во время битвы нам
Они дружно помогали:
Всех убитых и раненых
С места боя уносили
И на место битвы нашей
Нам бы воду подносили.
Ибо жажда у раненых
Всегда страшная бывает,
А без воды, в муках тяжких,
Несчастные умирают.
Хан, приблизясь к Ханкале,
Тысяч пять на нас послал,
А сам остался при Орде
И результата ожидал;
Но как только в Ханкале,
Отряд татар показался,
Так бой страшный, рукопашный
Ту ж минуту ж начался.
Бились копьем и шашкою
И стрелы тучами пущали,
Кинжалы тоже в деле были,
Пока назад не погнали
Все пять тысяч тех татар.
Они в панике все были,
Мы же гнали их и били,
Пока всех их не побили.
Хан, узнав о том, и в гневе
Тысяч пять еще послал
И во что бы там ни стало,
А всех побить нас приказал,
Чтобы племени чеченцев
Не осталось и души,
Как людей ему вредных
И живущих здесь в глуши
На пути в Дербент с Крыма,
Где ходу купцам не дают
И где, подобно разбойникам,
Они жизнь свою ведут.

Пять тысяч татар новых
Мы без боя пропустили
До Шавдона и там уже
Со всех сторон окружили
Их несчастных и беспощадно,
Как и первых, мы громили,
Пока из них ни души
Живой к Хану не пустили;
Много мурз и уланов
В Ханкале тогда легло,
И меж ними убитыми
Два царевича было,
Одним словом, никто к хану
Из той битвы не явился,
А кто жив был, тот в плену
У чеченцев очутился.
Тогда только хан Орды той
Совет из мурз своих собрал,
На котором, не скрывая
Своих мыслей, так сказал:
«Я громил часто Русь
И поляков побеждал,
А здесь от горсти байгушей
Поражение испытал -
Десять тысяч Орды легло.
И два царевича молодых,
И мурз множество побито,
А цели своей не достиг,
И что теперь делать нам,
Откровенно мне скажите:
Уйти с страмом [там, вероятно,
«со срамом»] нам отсюда
Или драться вы хотите?»
Мурзы долго совещались
И так хану отвечали:
«Уйдем скорей от чеченцев,
А то как бы не напали
Те чеченцы на Орду
И кабы не разбили,
Как разбили в Ханкалах,
Ведь десять тысяч уложили...»
С тяжелым чувством на душе
Хан от мурз совет принял
И тогда же Орде своей
Отступать он приказал.
И с той поры никогда уж
К нам хан больше не являлся
И от дани, и от девок
Навсегда он отказался.»

Прохождение крымских войск через Северный Кавказ, вопреки протестам Петербуга, послужило поводом к вступлению России в войну с султанской Турцией в 1736 г. Война была Россией успешно выиграна, и в 1739 г. был заключен Белградский мир, усиливший позиции царизма на Северном Кавказе и имевший большие политические последствия для его народов. В частности, Кабарда, соседствовавшая с Чечней была объявлена «вольной» и должна была служить своеобразным барьером между зонами влияния османской империи и России на Северном Кавказе.[41]

Усилилась прорусская политическая ориентация плоскостной части Чечни. Так, влиятельный чеченский князь Айдемир принял «подданство» России (что по тому времени являлось признанием мирных отношений присягателя с Россией) и в залог верности своих обязательств дал в аманаты сына Бардыхана, а другой чеченский князь - Алисултан Казбулатов, отдал аманатом брата своего Бамата. Князья и их уздени стали даже получать денежное довольствие от российского правительства.[42] Из этого следует, что середина 30-х гг. XVIII в. в истории русско-чеченских отношений стали переломными. Большое значение имел и факт активизации торговых связей благодаря Кизляру, ставшему экономическим центром.

В этот же период наряду с усилением политических связей выросли и торгово-экономические отношения. Большую роль в этом сыграло основание Кизляра на Тереке, лежавшего на пересечении торговых путей, связывавших Восток и Прикаспий с Юго-Восточной Европой и Россией. Через него товары из России шли к северокавказским народам, в Закавказье, Персию, Афганистан и через Каспийское море в Среднюю Азию.

В русской крепости появились десятки лавок, рынки, гостиные дома - русский, армянский, татарский. Кстати, под последним, по мнению Н.П.Гриценко, «нужно понимать купеческую корпорацию, состоящую из представителей горских народов».[43]

В Кизляре проживали выходцы из Закавказья, Персии, Индии, представители горских народов, в том числе чеченцы, окочане, которые вошли даже в состав Терского Кизлярского войска, созданного в 1735 г. «для всяких посылок по делам военным и дипломатическим в разные места, к горским владельцам: в Тарку, Крым, на Кубань и к калмыцким владельцам».[44]

Кизляр быстро превратился в экономический центр Северного Кавказа, привлекая на свои рынки горцев, которые торговали здесь не только с русскими и восточными купцами, но и между собой. Русское командование обеспечило торгующим полную безопасность проведения их торговых операций, что нельзя было сказать о собственно горских торговых центрах, на путях которым купеческие караваны подвергались разбойничьим нападениям феодалов. Однако высокие пошлины, взимаемые на пограничных таможнях, тормозили поступательное развитие русско-кавказской торговли вообще, русско-чечено-ингушской торговли в частности.

Как уже отмечалось, в первой половине XVIII в. хозяйственные занятия народов Чечено-Ингушетии приносили небольшие товарные излишки пшеницы, фруктов, продукции скотоводства, ремесленных изделий и т.д. Эти товарные излишки жители Чечни вывозили и на русские рынки. В обмен на свои товары горцы приобретали холст, различные ткани, посуду и др. Для полного сосредоточения торговли России с горцами в Кизляре царские власти стремились ликвидировать непосредственный товарообмен между горцами и казаками, который велся без платежа пошлин. С одной стороны, закупки казаков в Кизляре в 1740 г. были ограничены «нормой про домашний обиход», а с другой - от казаков требовали, чтобы чеченцы «по городкам не заезжали» и направлялись «прямо в Кизляр». Между тем для горцев эта торговля была жизненно важной, «так что случалось казачьему начальству вооруженной рукой отбиваться от торгующих горцев, ехать с казаками по ту сторону реки и всех отбить прочь». Но простые казаки продолжали тайно продавать горцам «муку, рыбу без пошлин и билетов».[45]

Русские промышленные товары горцы могли получать главным образом только в Кизляре, поэтому основной поток торгующих горцев шел сюда. Кизлярские власти по-своему поощряли развитие торговли между Россией и горцами Чечни. Например, чеченцу Цуканаю Кичиеву выдавались «для приласкания» небольшие денежные вознаграждения. Известно также, что князь Айдемир, получавший часть своего жалованья натурой, имел разрешение продавать муку и овес «кизлярским обывателям».[46] Но нельзя не отметить, что русско-горская торговля XVIII в. носила выраженный колониальный характер: торговля с горцами русским властям представлялась одним из средств их подчинения.

В начале 40-х годов XVIII в. вновь обострилась политическая обстановка на Северо-Восточном Кавказе в связи с агрессией персидского шаха Надира. Его войска в 1735-1739 гг. неоднократно вторгались в Дагестан. А к лету 1741 г., покорив Афганистан и Индию, одержав победу в войне с Турцией, шах Надир с 100-тысячной армией вновь вторгся в страну гор. Народы Дагестана обратились за помощью к России. Петербургский двор, ввиду тревожной международной обстановки, не мог оказать им помощи, но серьезно обеспокоенный действиями Персии стал укреплять южные границы. «Подвластным» ей северокавказским народам было запрещено продавать персам продовольствие и лошадей.[47]

При вступлении в Дагестан шах Надир обратился с прокламациями и заявлениями к ряду горских народов, требуя поддержки: «К чеченцам и кумыкам также посланы были прокламации». Но чеченский князь Айдемир, приехав в Кизляр, «против шаха по возможности своей стоять обязался» и оказал помощь «к приведению других горских владельцев Усмея Больших аварцев, и андиевцев в российское подданство...».[48]

Правда, во время пребывания Надира в Дагестане другие чеченские князья Айдемир и Алибек посылали своих послов в ставку шаха с «представлением его стороне подданства» и даже обещали провести иранцев к Тереку, через «удобные места». Хорошо осведомленное о поведении кавказских владельцев русское правительство для усиления их «преданности» предприняло срочные меры: к чеченским, кумыкским и кабардинским князьям были посланы новые присяги «в утверждении их верности», выделено единовременное пособие, некоторым определено постоянное жалованье.[49]

В конечном счете Надир так и не смог покорить народы Дагестана. Более того, персидские войска вынуждены были в 1743 г. покинуть Дагестан. Следующий поход (1745 г.) оказался еще более неудачным. Горцы Дагестана нанесли шаху явное поражение в открытом сражении. Потеряв половину армии, Надир бежал из Дагестана и вскоре был убит собственными придворными. Не осуществились мечты «потрясателя Вселенной» о покорении Северного Кавказа, Крыма и России.[50]

Желание иметь добрососедские, мирные отношения с Россией побудили равнинные владения и общества Чечни выдать в Кизляр заложников - атаманов, служивших залогом верности «присяге подданства» России. Выписка из ведомости горских аманатов от 26 июня 1743 г.[51] дает следующие сведения:

№	Кто имяны и которых владений	Описание их фамилий	Мнение бригадира Оболенского	В каких в год окладах состоят	
				руб.	коп.
1	2	3	4	5	6
	Чеченские				
14.	Князя Али Султана Казбулатова брат Бамат	Отца не имеет, а отец у него был Казбулат Баматов, мать у него имеетца именем Ханза, дочь бывшего чеченского князя Бартыхана, оной князь живет в чеченской деревне. Имеет он, Бамат, братьев двух родных: Албека и Али Султана, из которых у Албека имеется сын Каспулат одного году. После отца его, Бамата владения осталась половина всего Чеченского владения, коим ныне владеет помянутый брат его Албек.	Оного аманатчика надлежит из аманатчиков отпустить, а вместо него взять от брата его, показанного Албека, сына однолетнего	144	
15.	Князя Айдемира Бардыханова сын Бардыхан	Отец у него Айдемир Бардыханов владения Чеченского, мать именем Кайстаман, дочь бывшего князя Пари Бамата; дети у них, а ему, Бардыхану, родные братья - Расланбек шестнадцати, Бамат десяти лет. Во владении у него, Айдемира, другая половина Чеченского владения.	Оному в аманатах быть надлежит	158	

К концу первой половины XVIII в. число районов Чечни и нахских обществ связанных с Россией политическими и торгово-экономическими отношениями расширяется. Об этом свидетельствует распоряжение императорского двора от 1747 г. пограничным властям на Тереке о приеме в подданство ингушей (и осетин)[52], а также признание русского «подданства» крупным чеченским плоскостным обществом Герменчик (в документах - «Гребенчук»). Вот что говорится об этом в документах: в 1747 г. герменчиковцы просили в Кизляре «...о переселении их на чистые места и об определении... во владельцы генерал-майора князя Эльмурзы Черкасского, сына кизлярского ротмистра Давлет-Гирея Черкасского...

И потом по указу к реченному астраханскому губернатору Брылину 1748 года, апреля от 15 дня, между протчим писано, чеченцам и гребенчуковцам к выходу из нынешних их мест к переселению на оные места позволение дать, а ротмистра Черкасского во владельцы к гребенчуковцам в таком случае допустить и определить, ежели они сами его подлинно желают, а инако не наваливать онаго, но дать им на воле кого они сами изберут - его ли, Черкасского, или другого из тамошних владельческих детей или родственников (выделено автором. - Я.А.) токмо того смотреть, чтоб оной к здешней стороне усердный и надежным был...». Еще до объявления этого указа часть герменчиковских старшин прибыла в Кизляр и 27 июля 1747 г. присягнула «в верности е.и.в.», а к тем, кто не приехал, были посланы офицеры «для учинения присяги».»[53]

Как видно из документов, в 1747-1748 гг. общество Герменчик признает «подданство» России. Правителем над ним был определн офицер русской службы, кабардинец по происхождению князь Девлет-Гирей Черкасский.[54] Это была старая традиция в Чечне - приглашать иноземных феодалов на княжение. В данном случае документы позволяют детально охарактеризовать своеобразный общественный институт приглашения князей. С переездом в Герменчик Девлет-Гирей Черкасский был «выключен из числа ротмистров», но с сохранением 40-рублевого оклада, к которому прибавили еще «муки 25 четвертей и овса». А в 1750 г. дотация Девлет-Гирея была повышена до 120 рублей в год «для поощрения оного к верной службе». Но и это его не удовлетворило, он неоднократно просил о повышении жалованья, объясняя это тем, что приходится раздавать много подарков узденям и старшинам; а брать «ясак» в начале своей деятельности Девлет-Гирей опасался.[55]

Очень важно отметить, что Россия не только удовлетворила просьбу Девлет-Гирея, но и с октября 1748 г. разрешила пропуск «быков, коров, рыбы... полотняного товару» из Кизляра в Герменчик. Кроме того, был допущен свободный проезд «его людей с... печатьми (то есть разрешением, подписанным Девлет-Гиреем. - Я.А.) в гребенские городки». Это способствовало ориентации на Россию и других, не только соседних Герменчуку, но и горных обществ. Видя, какими привилегиями пользуются герменчиковцы, в том же году «жители деревни Чебутли согласились быть в российском «подданстве», в «ведомстве»

князя Девлет-Гирея... «дабы им с купечеством в город Кизляр, в казацкие гребенские городки тако в Андреевскую, Аксайскую и протчие деревни ездить под защищением было свободно».[68]

Российская администрация на Тереке согласилась с этим предложением с условием непременного переселения «чебутлинцев» с гор в низовья Сунжи. Полное согласие с условием царских чинов выразил аул Шали и вошел «в зависимость... Девлет-Гирея». В том же 1748 г. Черкасскому удалось склонить в «подданство» России «алдинский народ» (чеченское общество, располагавшееся в районе одного из притоков Сунжи). Кизлярский комендант откликнулся на это событие следующим письмом: «Из присланных от Вас писем усмотрено, что алдинский народ по склонному Вашему призыванию в подданство Ея (И.В.) быть желает, что оное Вами учинено весьма изрядно, за что Вам с моей стороны всякое благодеяние чинить долженствую. И впредь таковые к подданству Ея (И.В.) приходить будут, оным не только взывать, но всячески их приласкивать».[57] Ситуация здесь не вполне понятна, т.к. аул Алды находился под управлением одного из чеченских князей фамилии Турловых.

В 1747-1748 гг. на основании решения Коллегии иностранных дел России получили годовые жалования четверо чеченских князей. Сыну Айдемира (скончался в 1748 г.) - Расланбеку Айдемирову было назначено 150 рублей, Алибек и Алисултан Казбулатовы получили по 25 рублей на каждого и 100 рублей на 20 узденей. Турлову выплачивалось 50 рублей на себя и 50 рублей на 10 узденей.[58] Подобное распределение отвечало реальной значимости этих князей в общественно-политической жизни Чечни и размерам их владений.

Следует отметить, что Коллегия иностранных дел России особо подчеркивала необходимость наделения жалованьем чеченских узденей, составлявших «владельческую» силу князей, и оговаривала это в своих указах.[59] Тем самым расширялся круг представителей господствующего сословия, связанных с Россией не только политическими, но и материальными интересами.

Связи чеченских феодалов с царскими пограничными властями были широкими и разнообразными. Между ними велись регулярная переписка, взаимный обмен сведениями политического характера, постоянно курсировали служащие терского кизлярского войска.

Расланбек Айдемиров имел в Кизляре даже своих поверенных, представлявших его интересы и занимавшихся его денеж-

ными делами. Благосклонное отношение царской администрации к чеченским феодалам выражалось и в выдаче их беглых холопов по первому требованию.[60]

Исследование тенденций сближения Чечни с Россией, процессов развития у чеченцев русской внешнеполитической ориентации в первой половине XVIII в. позволяет сделать некоторые выводы.

В своем наступлении на Кавказ царская Россия, впрочем как и шахская Персия и султанская Турция, преследовала скоекорыстные цели, не включавшие в себя интересы горских народов. Стремясь укрепиться в бассейнах Черного и Каспийского морей, Россия намеревалась овладеть торговыми путями между Азией и Европой, с одновременным занятием плодородных земель на Северном Кавказе, и распространить свое политическое влияние на все кавказские народы.

В XVI-XVII вв. в своей политике на Кавказе и по отношению к нахским владениям и обществам Чечни Московское государство могло распространять свое влияние только среди отдельных феодальных владений. С начала же XVIII в. она благодаря росту своего могущества положила начало широкому проникновению на Северо-Восточный Кавказ.

Активизация политики России на Кавказе в первой четверти XVIII в. привела к усилению влияния русского государства на северокавказские народы, в том числе и чеченцев. Но в первом десятилетии XVIII в. большее воздействие на позицию горцев Чечни по отношению к России оказывали движения русского крестьянства и казачества, городских низов, башкир, нежели мероприятия царской администрации. В 1707-1708 гг. горцы были напрямую вовлечены в антицаристские движения, объективно направленные против классового и национального гнета.

Борьба России за выход к незамерзающим морям, в том числе за овладение берегами Каспийского и Черного морей, носила вполне завоевательный колониальный характер. Вместе с тем, поход русской армии на Кавказ, занятие в 1722 г. прикаспийских районов Дагестана и Азербайджана объективно оградили народы Северо-Восточного Кавказа от нашествия турецких захватчиков.

Появление на Северном Кавказе новых русских поселений, меры Петра Первого способствовавшие облегчению торговли России с народами Кавказа, усилили торговые и политические связи горских народов с Россией и русским народом.

В 20-30-е гг. некоторые плоскостные и горные нахские общества вступают в контакты с русским государством, отдельные феодалы оказывают даже активную поддержку (в том числе и военными силами) то действиям крымских войск, то русских властей на Северном Кавказе.

В 30-40-е гг. XVIII в. происходит заметный поворот целого ряда районов Чечни в пользу выбора русской внешнеполитической ориентации. Хотя и формально, но в «русском подданстве» оказываются влиятельные феодалы, которым назначается царское жалованье; в залог верности присяге выдаются русским властям аманаты. Процесс оформления отношений с Россией на официальном уровне не только охватывает основные районы Чечни но и, характеризуется выражением искреннего стремления нахов к дружбе и союзу с Россией и русским народом.

Параллельно с ростом политической ориентации выросла и торгово-экономическая заинтересованность. Много способствовало этому основание Кизляра (1735 г.), ставшего политическим и торговым центром Северного Кавказа. Царская администрация, имея целью создание опоры среди местных народов, поощряла приезд горцев на кизлярский рынок. С другой стороны, ограничением торговых связей царизм оказывал давление на горцев, чтобы принудить их к подчинению.

Одновременно широкое развитие получила торговля между собственно терскими казаками и горцами Чечни. Велась она без уплаты пошлин и налогов, была равноправной, взаимовыгодной, исключала какое-либо давление и служила сближению горцев и русских.

В результате развития политических и торговых связей Чечни с Россией в первой половине XVIII в. влияние последней здесь весьма возросло. Это однако не означало потерю чеченцами своей самостоятельности или отказ от взаимоотношений с восточными державами. Речь идет о приоритете одних связей перед другими.

[1] См.: Потто В.А. Два века Терского казачества. Т.1. Владикавказ, 1912. С.106; Ахмадов Я.З. Российское повстанческое движение конца XVII - начала XVIII века и народы Северного Кавказа // Известия СКНЦВШ. Общественные науки. № 1. Ростов-на-Дону. С.86, 88-89; и др.

[2] Акмонов И.Г. Башкирское восстание 1704-1711 гг. // Из истории Башкирии. Уфа, 1968. С.84.

[3] РГАДА. Ф.9. Оп.6. Д.58. Л.1 об.; Выписка о Астраханском бунте из архива Капнистской // Ставропольские губернские ведомости. № 3. 21 янв. 1861. Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С.11.

[4] РГАДА. Ф.9. Оп.6. Д.58. Л.2.; Ригельман А. История или повествование о донских казаках. М., 1846. С.81.

[5] См.: Акмонов И.Г. Указ. соч. С.84; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.8. Т.15-16. СПб., 1873. С.110.

[6] РГАДА. Ф.9. Оп.6. Д.58. Л.2-2 об.; Потто В.А. Указ. соч. Т.1. С.102; Ставропольские губернские ведомости. 1861. № 3. 21 янв.; Гриценко Н.П. Народные движения XVII-XVIII вв. и терское казачество // Известия СКНЦВШ. Общественные науки. № 3. Ростов-на-Дону, 1975. С.15.

[7] Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V - середина XIX века. Ростов-на-Дону, 1984. С.53.

[8] См.: Ахмадов Ш.Б. К вопросу о классовой борьбе в Чечне в XVIII в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI - начало XX в.). Грозный, 1980. С.72-73; Ахмадов Я.З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI - начале XX в. Грозный, 1981. С.59.

[9] См.: Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. С.112; Чулошников А. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // Материалы по Башкирской АССР. Ч.1. М.: Л., 1936. С.41-43.

[10] РГАДА. Ф.9. Оп.11. Д.7. Л.148; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.9. Т.15-16. С.214; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.1. С.214, 232; Сборник императорского Русского исторического общества (далее - Сборник ИРИО). Т.50. СПб., 1886. С.4, 11-12.

[11] См.: Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.1. С.252; Короленко П.П. Указ. соч. С.17-18.

[12] РГАДА. Ф.9. Оп.1. Д.3. Л.87; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.1. С.256.

[13] РГАДА. Ф.119. 1708 г., Д.9. Л.1; Полное собрание законов Российской империи. Т.4. СПб., 1830. С.121.

[14] См.: РГАДА. Ф.119. Оп.1. Д.1. Л.5 об. - 6; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч.1. СПб., 1869. С.531; и др.

[15] См.: РГАДА. Ф.123. Оп.1 1707 г. Д.3. Л.1 об.; Hammer de Y.Par. Histoire de L'Empire, Ottoman. Vol.13. Paris, 1839. P.191-192; Le Khanat de Crimee dans Arhiives du Musee du Palais de Topkapi. Paris. 1978. P.348; Сокуров В.Н. Канжальская битва и её отражение в кабардинском фольклоре // Актуальные проблемы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986. С.54-62.

[16] Так и произошло в 1735 г., когда Каплан-Гирей вновь утвердившись на троне с 80 тыс.армией покорил Кабарду и двинулся войной на Чечню.

[17] Hammer de Y.Par. Histoire... Vol.13. P.251-252.

[18] Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.2. М., 1957. С.11; История Дагестана. Т.1. М., 1967, С.338.

[19] Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.2. С.12-14; История Кабардино-Балкарской АССР. Т.1. М., 1967. С.163.

[20] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т.1. СПб., 1830. С.108-110; Русско-дагестанские отношения XVII - первой четверти XVIII вв. Махачкала, 1958. С.223-225.

[21] Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С.70; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.2. С.24, 32, 102; Русско-дагестанские отношения в XVII - первой четверти XVIII в. С.225-226; Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722-1723. М., 1951. С.98.

[22] См.: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке до присоединения его к России // Записки ИООИД. Одесса, 1889. Т.15. С.324-325; Налоева Е.Д. Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в. Рук. дисс. канд. ист. наук. Нальчик, 1973. С.119-120; и др.

[23] См.: Смирнов В.Д. Указ. соч. С.324-325; Лысцов В.П. Указ. соч. С.99.

[24] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Сношения России с Грузией. 1757 г. Д.5. Л.16; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.VIII (Т.15-16). М., 1963. С.372; Лысцов В.П. Указ. соч. С.98

[25] См.: Полное собрание законов Российской империи. Т.VI. С.165-167; Русско-дагестанские отношения в XVII - первой четверти XVIII в. С.227-228, 235-236, 257-258.

[26] См.: Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.IX (Т.17-18). С.376; Молчанов Н.М. Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С.410.

[27] РГАДА. Ф.9. Отд.II. Оп.4. Ч.1. Кн.59. Л.600 об.; Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966. С.109

[28] Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч.1. СПб., 1869. С.23; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С.122.

[29] Бутков П.Г. Указ. соч. Т.1. С.23, 154; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С.46.

[30] Текст договора см.: Полное собрание законов Российской империи Т.VII. 1830. С.303-309; Русско-дагестанские отношения XVII - первой четверти XVIII вв. С.297-302.

[31] См., Осмаев А.Д. Северный Кавказ и Османская империя в первой четверти XVIII в. Рук. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2000.

[32] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.121-122, 131; А.-К.Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С.112; Маркова О.П. Указ. соч. С.122.

[33] Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / Сост. В.И.Гамрекели. Тбилиси, 1968. С.105, 107, 110; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С.118-119; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.46-47.

[34] Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. С.144, 149.

[35] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. 1758 г. Оп.115/1. Д.11; Бирюков А. Дела давно минувших дней // Журнал «Дош». № 4. М., 2004; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.49.

[36] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. 1758 г. Лп115/1. Д.11. Л.230-230 об.; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.118-119; Зиссерман А. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. СПб., 1879. С.29; Смирнов В. Указ. соч. С.206; и др.

[37] Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом... С.119-120.

[38] См.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.127.

[39] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.122.

[40] Документ хранится в Государственном архиве Республика Грузия (Ф.1087. Оп.1. Д.301. Л.12, 14-15); в коллекциях Чеченского института гуманитарных исследований до 1995 г. (пока архив не был уничтожен в ходе военных действий) хранилась авторская копия.

Тексты опубликованы: Тотоев Ф.В. Страница из истории Чечено-Ингушетии // Известия Чечено-Ингушского НИИЯЛ. Т.VI. Вып.3. Литературоведение. Грозный, 1972. С.197-201; Боков Хажбикар. Слово о Вайнахах (взгляд изнутри). Москва, 2000. С.10-12.

Возможно, что перевод-подстрочник, да и вся запись была произведена К.Курумовым, чеченцем на русской службе, в 50-х гг. XIX в. уже полковник, получивший во владение до 500 десятин земли как раз в пологом Ханкальском ущелье.

[41] См.: Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI-XVII вв. Т.2. М.1996. С.74-75; История Кабардино-Балкарской АССР. Т.1. М., 1967. С.167.

[42] См.: АВПАИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1746 г. Оп.115/1. Д.5. Л.23об.; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.122, 158.

[43] См.: Раввинский. Хозяйственное описание Кавказской и Астраханской губерний. СПб., 1809. С.440; Гриценко Н.П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный. 1965. С.22.

[44] Бутков П.Г. Указ.соч. Ч.1. С.154-155.

[45] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3650. Ч.7.. Л.35; Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (2-я половина XVIII - 40-е годы XIX в. // Известия СОНИИ. История. Т.25. Орджоникидзе, С.155, 159; Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С.173.

[46] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3787. Ч.3. Л.8; Материалы для истории Кавказского края // Ставропольские губернские ведомости. 1858. № 1.

[47] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Сношения России с Грузией, 1757 г., Д.5. Л.16, 19, Об., 20. История Дагестана. М., 1967. Т.1. С.363.

[48] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Сношения с Персией. 1743 г., Оп. 77/1. Д.3. Л.9; Потто В.А. Два века Терского казачества. Т.2. Владикавказ. 1912. С.58.

[49] АВПРИ МИД РФ. Ф. Сношения России с Персией, 1742 г. Д.5. Ч.III. Л.622; там же: Ф. Сношения России с Персией, 1743 г. Оп. 77/1. Д.3. Л.8-9; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.258.

[50] См.: История Дагестана... Т.1. С.372-373; Юдин П.Л. Россия и Персия в конце 1742 г. по письмам Братищева к канцлеру князю А.М.Черкасскому // Русский архив. М., 1899. Кн.1. Вып.1. С.373.

[51] См.: РГВИА. Ф.482. Оп.1. Д.183. Л.106-106 об.

[52] Бутков П.Г. Указ. соч. С.515.

[53] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3378. Ч.4. Л.46-46 об.; Там же. Д.3812. Ч.4. Л.31.

[54] Выбор герменчиковцев был не случаен. Дело в том, что аталыками (приемные родители, воспитатели) всех служилых старших терских князей в русских крепостях на Тереке выступали богатые «окочанские» семьи. Девлет-Гирей был постоянно сопровождаем своими узденями из чеченцевх-окочан.

[55] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3378. Ч.4. Л.46 об. - 47; там же: Д.3812. Ч.4. Л.454; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.258-259.

[56] Тотоев Ф.В. Указ. соч. С.157-158.

[57] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3772. Л.1, 2 об.; РГВИА. Ф. 482. Оп.1. Д.1. Л.230-230 об.; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.258.

[58] РГВИА. Ф. 482. Оп.1. Д.1. Л.74; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.258.

[59] РГВИА. Ф. 482. Оп.1. Д.1. Л.74.

[60] ЦГАРД .Ф. Кизлярский комендант. Д. 3650. Ч.7. Л.28; Д. 3619. Л.28, 65.

§ 2. Чечня и Кавказские народы в политике России и Османской империи во второй половине XVIII в. Укрепление российской внешнеполитической ориентации.

Во второй половине XVIII в. взаимоотношения Чечни с Россией характеризовались дальнейшим укреплением политических и, в особенности, торгово-экономических связей.

Уже в середине XVIII в. относительно резко возросли ассортимент и объем товаров, ввозимых русскими торговцами на Северный Кавказ, и вывоз горцами своих товаров на русские пограничные рынки. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие данные: если в 1751 г. в Кизляр было привезено горских товаров на 208 р. 10 к., то в 1754 г. - на 6682 р. 85,5 к., то есть за четыре года ввоз увеличился более чем в 30 раз. Представление об ассортименте товарной продукции горцев дает таблица, составленная на основании данных кизлярского коменданта за 1751-1754 гг.[1]:

Наименование товаров	Стоимость проданных товаров			
	1751 г.	1752 г.	1753 г.	1754 г.
1	2	3	4	5
Тавлинский чихирь	37 р.	144 р. 80 к.	814 р. 60 к.	734 р. 45 к.
Сафьяны горские	4 р. 80 к.	104 р. 60 к.	34 р. 70 к.	509 р. 76 к.
Рис	32 р. 80 к.	43 р. 60 к.	266 р. 90 к.	621 р. 20 к.
Мед	8 р. 30 к.	144 р. 32,5 к.	-	10 р. 50 к.
Воск	18 р. 80 к.	74 р. 50 к.	155 р.47,5 к.	159 р.19 к.

1	2	3	4	5
Лисьи шкуры	-	1 р. 30 к.	2 р. 15 к.	6 р. 40 к.
Паласы	-	294 р.	435 р. 20 к.	275 р.
Бурки, кошмы, войлоки	13 р. 50 к.	113 р.	570 р. 60 к.	174 р. 55 к.
Чекмени	-	12 р. 80 к.	183 р. 70 к.	117 р. 10 к.
Шаровары	-	2 р. 25 к.	3 р. 40 к.	15 р. 40 к.
Овчины	-	30 р. 57 к.	30 р. 90 к.	44 р. 36 к.
Масло коровье	-	132 р.	61 р.	-
Ковры	-	8 р.	23 р.	163 р. 25 к.
Шапки	-	3 р. 20 к.	-	13 р.
Шелк-сырец	-	32 р. 40 к.	91 р. 30 к.	378 р. 70 к.
Просо	-	3 р.	5 р. 30 к.	6 р. 23 к.
Марена	-	476 р. 25 к.	-	621 р. 5 к.
Орехи грецкие	-	-	878 р. 35 к.	54 р. 40 к.
Орехи мелкие	-	-	19 р. 50 к.	-
Груши сушеные	-	-	91 р. 35 к.	147 р. 45 к.
Шептала	-	-	2 р. 70 к.	25 р. 65 к.
Шерсть	-	-	-	27 р. 26 к.
Посуда глиняная	-	-	-	13 р. 6 к.
Сукно серое кабардинское	-	-	-	25 р. 46 к.
Медная посуда (лом)	-	21 р.	-	17 р. 30 к.

Доля товаров, поступавших из Чечни в таблице не указана, но она, безусловно, есть, ибо товары эти все «горские».

Данные таблицы сами по себе интересны, но они не дают истинной картины масштабов русско-северокавказской торговли. Дело в том, что русские купцы, как и их коллеги из восточных стран, заключали немало сделок непосредственно в горских аулах. Кизлярская пограничная таможня 1756 г., протестуя против этой практики, доносила в Петербург: «...ездят из Кизляра с разными товарами, торгующие всякого звания люди и производят в продажу во оных деревнях как реченных деревень азиатцам (авторы документа в настоящем случае имеют в виду чеченцев, кумыков, брагунцев. - Я.А.), так и приезжающим во оные же деревни с товарами же из персидских городов, из Грузии и с Крыма и с протчих мест разным же иноверцам». Как говорится в документе 1753 г., чеченцы из высокогорных районов, в данном случае «чебутлинцы», приезжают «для торгу

в Чеченскую деревню»[2], находящуюся на плоскости. Можно полагать, что Чечен-Аул («Чеченская деревня») был одним из центров, в котором осуществлялась торговля кизлярских и восточных купцов с населением Чечни. Материалы астраханской таможни за 1739-1749 гг. подтверждают мысль о преобладании товаров, вывезенных непосредственно из горских аулов, над количеством товаров, продаваемых горцами непосредственно в Кизляре. Если общая сумма привезенных товаров в Кизляр в 1751 г. составляла всего 208 р. 10 к., то еще в 1740 г. только четырнадцать индийских купцов, участвовавших в торговле Кизляра с Астраханью. привезли в Астрахань товаров на сумму 3196 р. из этой суммы 80% приходились на местные, северокавказские товары. В 1749 г. индийские купцы вывезли из Кизляра в Астрахань местных товаров на 2072 р.[3]

В 1757 г. Коллегия иностранных дел Российской империи для увеличения русско-северокавказской торговли предложила построить в Кизляре меновый двор и отменить пошлины «с съестных припасов, кроме виноградного вина», при условии, что пошлины вместо горцев будут платить обитатели Кизляра. Комендант Кизляра генерал Карл фон Фрауендорф отрицательно отнесся к этой идее, мотивируя свое возражение уменьшением масштабов торговли «противу прежних годов». Причиной же уменьшения торговли в Кизляре он полагал развитие торговли между самими чеченцами, кумыками, кабардинцами и другими горцами, и то. что «здешние купцы туда в годы отвозят (товары. - Я.А.) и там в розницу продают и на всячину меняют, в таком случае горцы неездя в Кизляр там у оных, что кому надобно берут».[4]

Сам по себе факт этот примечательный. Он свидетельствует об устойчивости политических и торгово-экономических связей, иначе поездки русских купцов за Терек были бы невозможны. Важно отметить и то, что чеченские князья не раз брали взаймы у кизлярских ростовщиков и давали им деньги в рост[5], что является также показателем прочных торгово-экономических связей между ними.

В середине XVIII в. заметно активизировались связи с Россией не только у чеченцев, но по их примеру и у нахов-ингушей. Последние ощущали острую необходимость в «соли, железе, холсте, кумаче, обуви, одежде, иглах, ножницах, ножиках, кремне...». Нуждались ингуши и в политическом покровительстве. В июле 1756 г. игумен Григорий из Осетинской

духовной комиссии получил приглашение от предгорных ингушей для проповеди христиантства, и по прибытии его «собрались все старшины и протчи народ и учинили... (Е.И.В.) подданству.. присягу и просили, чтоб под протекцию (Е.И.В.) приняты были, исчисляемы как состоящие в российском подданстве чеченцы... (с которыми. - Я.А.) имеет смежность и единый разговор». В начале 1758 г. в Кизляр приехали 9 ингушских старшин, которые присягнули в «подданство» России и обещали оказывать коменданту Фрауендорфу помощь в действиях русских на Северном Кавказе.[6]

Во второй половине 50-х гг. XVIII в. русско-чеченские отношения складывались на первый взгляд благоприятно. Однако ряд чеченских князей серьезно усугубляли свое положение участием в феодальных междоусобицах. Так, Девлет-Гирей Черкасский враждовал с князем Расланбеком Айдемировым и брагунской княгиней Кичибике. Противоречия между ними зачастую выливались в вооруженные столкновения.[7]

Вследствие этих и других причин в Чечне начались антифеодальные выступления, которые чеченскими князьями квалифицировались как антирусские. Подобная трактовка событий позволяла им требовать поддержки военными силами у царских властей.

Надо отметить, что обострение противоречий в Чечне совпало с общим обострением политической обстановки на Северном Кавказе. В Кабарде шла борьба между кашкатавской и баксанской феодальными группами, вмешательство России и Турции в борьбу этих групп повлекло за собой ухудшение отношений между ними. Хан Аварии, невзирая на возражения русского правительства, с 25-тысячным войском вторгся в Грузию. В 1755-1758 гг. разгорелись новые противоречия между владельцами Малой и Большой Кабарды по поводу выбора внешнеполитической ориентации между Россией и Турцией.[8]

Значительно накалилась политическая обстановка и в самой Чечне в связи с делом Девлет-Гирея Черкасского (сына генерала русской службы Эльмурзы Черкасского), княжившего в обществе Герменчик, что явилось одним из поводов для открытия боевых действий. Поэтому остановимся на нем.

В 1751 г. Девлет-Гирей стал владельцем пашни на Терском хребте (в районе Теплых вод), где ему «для караулу дозволено было... с некоторою частью подвластными кош иметь...». В 1754 г. он переселился туда, оставив Герменчик, жители которого «явились ему ослушны», а в 1755 г. на его поселение «горская...

партия учинила нападение», в результате которого погибла жена Девлет-Гирея и увезено было имущества на 4000 рублей.[9]

Царские власти выступили в защиту Девлет-Гирея, требуя возмещения убытков; это вызвало серьезное недовольство рядовых горцев Чечни, возмущенных вмешательством в их внутренние дела. Вскоре в Кабарде был задержан и передан в Кизляр знатный чеченец Шабай, чтобы принудить его соплеменников к повиновению. При нем были обнаружены «писанные от него, Шабая, к горскому народу возмутительные воровству письма». Это сообщение показывает, что в Чечне шло нарастание протестного движения и, что оно приобретало организованный характер.

Формально чеченец Шабай, как и его брат Бекей, считался узденем князя Расланбека Айдемирова, однако оказывалось, что «он его не слушает по такой причине, понеже имеет великое родство... он владельца по великому родству не слушает».[10]

Арест Шабая не принес успокоения. Наоборот, эта акция царизма вызвала возмущение в Чечне. Его брат Бекей открыто угрожал полным разрывом отношений с русскими властями. Он писал в Кизляр генералу Эльмурзе Черкасскому: «...ежели Чабай (Шабай. - Я.А.)... умрет, но небезызвестно и Вам, что Чеченское жилище... государыне подвластно не будет».[11]

Крупные отряды горцев стали появляться на русских границах, особенную их неприязнь вызывал Червленский редут, построенный на правом берегу Терека. Дело в том, что Червленский редут был сооружен в целях контроля над передвижением горцев у переправ через Терек и Сунжу в месте, где пересекались торговые пути. Вследствие серьезной угрозы разрыва отношений с чеченскими обществами Коллегия иностранных дел России предложила кизлярскому коменданту Фрауендорфу снести Червленский редут, который «заведен там напрасно и ничему иному не служит, как к побуждению тамошних варварских народов к подбегам под оной...».[12]

О серьезном недовольстве народа политикой царизма и своих князей говори и следующее заявление, сделанное брагунскому князю во время приезда его в Чечен-Аул в 1757 г.: «...как де вы брагунцы, так и российские казаки и прочие живущие в Кизляре, и их де чеченские владельцы народу неприятели».[13]

События, развернувшиеся в аулах плоскостной Чечни, вызвали тревогу царских властей, высказывались опасения «общего возмущения», предполагалось, что подымутся и «другие

горские народы...». После длительных дискуссий коллегия иностранных дел, с ведома и одобрения императрицы Елизаветы, решила организовать поход на Чечню. Кроме регулярных войск в экспедицию были втянуты калмыцкие, кабардинские, кумыкские феодалы и даже лояльные «ангуштинцы (ингуши) и карабулаки.

7 апреля 1758 г. экспедиционный корпус в количестве 2196 солдат и казаков под командованием генерал-майора Фрауендорфа выступил в поход на Чечню. Кроме того в состав корпуса входили: 3203 калмыка, 100 кумыкских узденей во главе с князьями, брагунский владелец с отрядом в 60 человек, такое же количество ингушских и карабулакских старшин и 200 кабардинцев (итого 5819 человек).[14]

Жители плоскостной Чечни (точнее Чеченского владения по Аргуну), которые, по оценкам царского командования, могли выставить только до 2000 воинов, призвали на помощь «чебуклинцев, чубутцов, андийцов...и отсюда мичкисцов»[15], другой документ уточняет: «...из аксайской и Исы-Су деревень, да Гикеху, Ерпи, живущих вверх по Сунже, и из Андреевских подвластных из деревень Аух...». Есть еще один список пришедших на помощь. В нем упоминаются отряды «гребенчуков, шалинцов, мичкисцов, и с качкалык.... кехинцов, чебуклинцов, чубутцов, гунбенцов, андинцов, ногчумакинцов, голонданцев...». Таким образом, повстанцам оказывали помощь не только горные и равнинные чеченские общества, но андийцы и аварцы Дагестана. Кроме них из дагестанских народов пришли на помощь эндерейские и аксайские кумыки.[16]

Позицию дагестанских народов в отношении похода русских войск на Чечню выражает письмо андийского народа Фрауенфорду, в котором говорилось, что нельзя допускать войну, ибо она «никакой прибыли» не принесет, а приведет только к ожесточению чеченского народа, которому помогут дагестанцы. Фрауендорфу советовали возвратиться назад, в противном же случае «...так поступим - вся Дагестания на тебя... причем будут дратца и беспокоить вас для того, что вы зачинатели ссоре».[17]

Ожидая прихода царских войск, восставшие соорудили в ущелье Хан-Кала засеки, построили срубы «наподобие башни» и выкопали ров.

15 апреля Фрауендорф встал лагерем в 8-ми верстах от Хан-Калы и занял выжидательную позицию, не решаясь войти в ущелье. В тот же день к генералу явился князь Расланбек, кото-

рый перед этим, «согласясь с непоследними людьми... склоняли (горцев. - Я.А.) принести покорение, дабы их жилищам разорение непоследовало, к чему было и другие чеченцы склонны заживные люди явились, а большая часть несогласилась, а намерелась противитца». Как видим, чеченские богачи-«заживные люди» имели в данном конфликте свои позиции, они готовы были поступиться соображениями независимости ради корпоративных интересов.

Вернувшись из русского лагеря в чеченские аулы, Расланбек объявил, что ему удалось достичь мирного соглашения, вследствие этого все пришлые отряды были отпущены. Однако данное заявление оказалось хитростью. 22 апреля царские войска внезапно вторглись на Чеченскую равнину и заняли «некоторые жилища», которые, однако, были пусты вследствие того, что жители успели уйти в «крепкие места». В конце того же дня войска были вынуждены вернуться в лагерь, на правом берегу Сунжи.

Через несколько дней сюда вновь явился Расланбек с целью продолжить переговоры, но был арестован Фрауендорфом по обвинению в том, что он не может склонить своих «подвластных» к миру.[18] Заключение под арест не было большим несчастьем для Расланбека, а скорее спасением, ибо народные массы открыто угрожали ему расправой за вольный или невольный обман.

К началу мая жители Чеченского общества вновь собрали войско из представителей различных районов Дагестана и Чечни. Всего в Ханкальском ущелье скопилось до 3000 человек. Из них «тавлинцы» (горцы Дагестана) насчитывали по одним сведениям 1000 человек, а по другим - 300. Произошло несколько стычек не переросших в сражение.

С 5 по 6 мая Фрауендорф вел переговоры с младшими братьями Расланбека Айдемирова - Мамашем, Бардыханом и узденями Бату и Бекеем. Эти переговоры определенного результата не дали, что привело к раздору в армии горцев. Местные социальные верхи, пользуясь угрозой вторжения экспедиционного корпуса, вновь овладели инициативой. Горцев стали склонять расходиться по домам.

Фрауендорф простоял на Сунже до конца мая 1758 г., а затем ушел к Тереку. В целом между царскими войсками и повстанцами не произошло более крупных боевых столкновений.

В начале июля царские войска вернулись в Кизляр. В своем донесении в Петербург Фрауендорф открыто признал, что восставшие «в покорение не пришли». Но стремление иметь мирные политические и торговые отношения с Россией в народных массах было чрезвычайно сильно. Уже в августе 1758 г. стало известно из донесений агентов, «что де чеченцы все в ссоре и в войне быть не желают, токмо же желают быть в смирении и подданстве...».[19]

Жители Алдинского общества просили даже о свободном проезде в Кизляр и казачьи городки. О желании «принять присягу и быть в верноподданстве» писали представителя ряда чеченских обществ. В течение двух лет плоскостные аулы Чечни заплатили за большую часть захваченных во время конфликта трофеев, вернули пленных и выдали в залог верности своей присяге аманатов из влиятельных семейств. В 1762 г. чеченские владельцы через сына кумыкского князя Алиша Хамзина - капитана Хамзу (избранного от северокавказских феодалов послом в Петербург) передали поздравление императору Петру III в связи с его коронацией.[20]

Дореволюционные историки полагали, что конфликт 1758 г. был началом «кровавой борьбы» между Россией и Чечней, закончившейся на сто первом году после ее возникновения[21], намекая тем самым на конец Кавказской войны в 1859 г.

Однако конфликт 1758 г. не изменил коренным образом характера русско-чеченских отношений, не ослабил русской внешнеполитической ориентации горцев Чечни.

В начале 60-х гг. XVIII в. на Северном Кавказе сложилась своеобразная политическая обстановка, условиями которой руководствовалось русское правительство в своих действиях по отношению к северокавказским народам. Политика империи, направленная, в конечном счете, на захват Кавказа, носила очень осторожный характер, поскольку еще не была решена черноморская проблема, не был присоединен Крым. Необходимо было также решить вопрос об отношениях с Польшей и Швецией. Поэтому русское правительство не только не хотело обострять взаимоотношения с Турцией, но и стремилось отодвинуть надвигающийся конфликт.[22]

В 1762 г. российский сенат констатировал «невозможность к завладению» кавказских горцев вследствие существующей международной обстановки и политического положения на Северном Кавказе. Единственное, что оставалось делать, по

мнению сенаторов, - это заботиться, чтоб кизлярский край «усиливан был...». Поэтому царизм поощрял переход горских поселений ближе к русским границам. Так, например, когда в 1762 г. Расланбек Айдемиров основал новый аул в нижнем течении Сунжи, кизлярский комендант Ступишин писал князю, что это действие «весьма похвально почитаетца ему».[23]

Особую ставку в осуществлении плана заселения левобережья Терека царизм делал на осетин и нахов-ингушей, среди которых проводилась усиленная пропаганда христианства и которые не раз обращались с просьбой принять их в подданство и защитить от нападений. После очередного обращения ингушей в 1760 г. кавказское командование удовлетворило их просьбу: в 1761 г. к предгорным ингушам для защиты от нападений соседних феодалов был определен на сезон весенних и уборочных работ ротмистр Киреев с воинской командой. В мае 1762 г. в Кизляр прибыло новое ингушское посольство в составе четырех человек. Это были старшины: Федор Гожев, бын Бурсалов, Жанмирза Казибеков, сын Малсагиков, Бешкен Султанов и Багатир Темруков, сын Тохтиев.

В знак своей приверженности к России трое из них приняли христианство и были крещены. Царская администрация уверенно констатировала, что «киштинцы (ингуши. - Я.А.) ни турецкой, ни персидской державам не подвластны... и России принадлежит».[24]

Признание ингушскими аулами низкогорной зоны «русского подданства» вызвало недовольство некоторых чеченских и кабардинских феодалов, претендовавших на «владение» этими селениями.[25] Но это не могло остановить процесса сближения «Ангуштинского народа» с Россией, тем более, что царизм, считая весьма важным привлечение ингушей в подданство России по политическим и стратегическим мотивам (Ингушетия, как Осетия, лежала на пути в Грузию), готов был пойти на их вооруженную защиту.

Как уже отмечалось, царизм связывал принятие христианства ингушами с принятием «подданства». Надо отметить, что это не был взаимообусловленный процесс. Стремясь к установлению отношений с Россией, ингуши не были склонны воспринимать навязываемые им чуждые идеологию и религию. Поэтому даже официальные документы констатируют: «...многие из осетинцов и киштинцов крестятся, но, конечно, меньше по внутреннему удостоверению, а больше для получения прибытка».[26]

Искренне стремление горских народов Северного Кавказа к дружеским связям с Россией, поиски дружеского покровительства русского правительства создавали вместе с тем благоприятные условия для укрепления положения империи на Кавказе. В этот исторический момент Россия особенно нуждалась в союзе с горцами. Намерения Оттоманской Порты «учинить приобретения над Персией, и особливо близ Каспийского моря...» требовали противодействия, ибо, как указывал государственный канцлер М.И.Воронцов, укрепившись на Каспии, Турции не трудно будет «очистить себе путь во внутренние пределы российские».[27]

В целях укрепления Кизлярского края в 1762 г. было разрешено кабардинскому владельцу Кончокину (А.Иванову) заселить урочища Моздок и Мекен на Тереке, привлекая туда «чеченцев, кумык и других из горских народов и нагайцев, креститься желающих», а также было дозволено «для размножения шелку и мануфактур... селитца и всех христианских нацей людям, как-то: грузинцам, армянам и другим, находящимся за границами Российской империи, располагая их селения по реке Тереку между новой крепости (Моздок — Я.А.) и гребенского казачьего Червленого городка».[28] Таким образом, можно полагать, что Моздок «появился не только как оплот колониальной политики царизма... при его основании учитывались интересы развития производительных сил края».[28]

Крепость Моздок была воздвигнута в 1763 г. на левом берегу Терека не в дальнем расстоянии от северо-западных границ Чечни в нарушении пунктов русско-турецкого договора о «бариерном» положении Кабарды между сферами влияния двух держав на Северном Кавказе. Строительство крепости вызвало серьезное недовольство ряда кабардинских князей (поддержанных также и чеченцами), считавших урочище Моздок своей собственностью. Недовольство проявила и Турция, ограничившись однако дипломатической перепиской с Петербургом.[29]

В 1765 г. в Моздок явилась делегация осетинских старшин и с ними «киштинский (ингушский. - Я.А.) старшина Би Гуреев... с изъявлением великого их усердия выселиться на Моздок с их подвластными, но просили, чтоб из них старшинами даны были ранги и жалованье и желающие на службу были принимаемы». Из переселенцев было намечено создать воинскую горскую команду со штатом в 214 человек и годовым денежным

жалованьем 2840 рублей, натуральным - 1400 четвертей муки и 1388 четвертей овса. Все переселенцы наделялись правами, сходными с правами донских и яицких казаков. Кроме того, переселившиеся горцы получали единовременное пособие: старшины и знатные уздени по 10 рублей, а «подвластные» - по 5 рублей каждый.[30]

Следует отметить и то, что в 1765 г. в Моздоке была организована Духовная осетинская школа, в которой на полном государственном обеспечении стали обучаться дети ингушских и осетинских старшин. В учителя подбирались люди, знающие горские языки, чтобы дети «языка своего не забывали и... со временем, по обучении российской грамоте и способностям места, можно было посвящать к церквам обращенных во священники и посылать для проповеди».[31]

В 60-х гг. XVIII в. завязались отношения России с карабулаками, одной из западных чеченских этнических групп, но еще неисламизированной. Значительная часть карабулакского «народа» через своего «покровителя» эндерейского князя Аджи-Муртазалия обратилась к России с просьбой о принятии в «подданство». Причина обращения состояла в том, что карабулаки собирались выселиться «ис крепких мест» на плоскость и нуждалися в «защищении... от обид» со стороны соседей, с которыми они были в ссоре. Коллегия иностранных дел одобрила представление кизлярского коменданта об оказании покровительства карабулакам, и летом 1762 г. к ним выехал специальный посланец - кизлярский ротмистр Мансуров. Предварительно он вручил кумыкским и чеченским князьям письма коменданта, объявляющие о вступлении карабулаков в российское «подданство» и заключающие в себе требование не причинять им «обиды».[32]

По прибытии в Карабулак ротмистр Мансуров вместе с Аджи-Муртазалия провел переговоры и заключил соглашения, согласно которым горцы присягали в «подданство» России и выдавали пять человек аманатов из «природных старшинских детей» (которые должны были содержаться у посредника - Аджи-Муртазалия); русские власти обязывались защищать их от нападений других горских народов. Всего присягу подданства приняло 500 дворов карабулаков, которые и ранее давали аманатов Аджи-Муртазалия, а остальные 500 дворов, живущие в горах, не участвовали в переговорах. В мае 1763 г. к новому карабулакскому плоскостному аулу был определен для «охранения» хорунжий Яков Наджин.[33]

Вступление значительной части чеченцев-карабулаков в дружеские отношения с Россией имело большое значение. Практически впервые в истории взаимоотношений карабулаки самостоятельно установили связь с Россией. Причем «покровительство» России признали представители наиболее сильных фамилий Карабулака: «Мережиевой фамилии», «Татыховой фамилии», «Мацкутаевой фамилии» и др. Вхождение под покровительство России обеспечило карабулакам безопасность жительства на новом месте. Это переселение с гор рассматривалось «за немалое их усердие к Ея (И.В.)», при этом гарантировалось, что с нарушителями их покоя «от российской стороны поступится яко с неприятелями».[34]

Активная политика России на Тереке в 60-х гг. XVIII в. привела к установлению ее взаимоотношений со всеми крупными обществами Чечни предгорно-плоскостной зоны. С другой стороны, усилению влияния России здесь способствовали и внутриполитические процессы в самой Чечне.

К таким процессам можно отнести вновь обострившиеся в середине 60-х гг. XVIII в. феодальные междоусобицы в Чечне, позволившие царизму еще более усилить здесь свое и без того немалое политическое влияние. Это усобицы между Девлет-Гиреем Черкасским, брагунской княгиней Кичибике и Расланбеком Айдемировым начались еще в 50-х гг. XVIII в. из-за разногласий по поводу владения некоторыми землями в междуречье Терека и Сунжи. Первоначально царская администрация приняла сторону Девлет-Гирея. Тогда старшины Чеченского общества заявили: «Пока Девлет-Гирей будет по сю сторону реки Терека жить, мы аманата дать не сможем и сами к вам не приедем, а мы для вышеписанном обстоятельстве не желаем государыни народом быть». Дело в том, что земли, на которых Девлет-Гирей после ухода из Герменчика основал новый аул, были местом выпаса скота жителей Чеченского общества и жителей Брагунов, а он хотел присвоить еще их покосы на левом берегу Сунжи.

Надо отметить, что Коллегия иностранных дел России рекомендовала Девлет-Гирею не обострять отношений и попытаться добиться выполнения своих требований или захватом баранты или через третейский суд кабардинских князей. Когда между Девлет-Гиреем, Расланбеком и Кичибике начались открытые стычки, кизлярский комендант попытался примирить князей путем переговоров и приведением к присяге о взаимной мире и верности императрице Екатерине Второй.[35]

В июле 1764 г. между Девлет-Гиреем и Расланбеком Айдемировым произошло вооруженное столкновение. С обеих стороны имелись раненые и убитые. Ранен был (причем стрелой) и сам Расланбек. Усобица разрасталась, в нее вскоре был втянут и Алисултан Казбулатов. Для защиты своих интересов он собирался ехать в Петербург, но ему не было дано на то разрешение: Никита Панин (руководитель внешней политики России при Екатерине II) написал на рапорте кизлярского коменданта: «Естли сей хан (Алисултан Казбулатов. - Я.А.) там важен, а сюда приехать ему очень хочется, то и сумнительно много настоять к отвращению. Малая прибавка жалованья не может ли лутче в том предуспеть, но однако не подаст ли сие повода и другим к тому же».[36]

Продолжение конфликта угрожало интересам политического влияния царизма на Кавказе. Поэтому, по указам из Петербурга, кизлярский комендант предпринял энергичные шаги к его ликвидации. Были испробованы лесть и угрозы. В свою очередь и феодалы, притязания которых не очень охотно поддерживали народные массы, были вынуждены проявить уступчивость и согласиться на взаимное прекращение враждебных действий.

В 1765-1766 гг. благодаря дипломатическому нажиму русского правительства ссоры князей и аулов затихли. Чеченские аулы подписали вновь присяжные листы. Весной 1765 г. произошла замена аманатов, из пяти аманатов трое были заменены, а двое даже отпущены: в «...рассуждении излишнего содержания выпущены без перемены...».[37]

Надо особо отметить, что в условиях 60-х гг. XVIII в. общества Чечни, вступавшие под российскую «протекцию», в качестве условия признания авторитета России требовали права свободной торговли. О признании за горцами этого права во второй половине XVIII в. просило и русское казачье население по Тереку, остро нуждавшееся в горских товарах. Так, терское казачество настаивало на «необходимости поддержания дружеских отношений с «горчанами», то есть с горцами. Серьезное недовольство выражало и население Кизляра, так как в результате высоких пошлин на продукты питания, привозимые горцами, кизлярцы приходили «к крайнему разорению и огорчению». Еще в 1756 г. русское правительство отменило пошлины на шелк-сырец, 23 декабря 1759 г. Елизавета разрешила вывозить на Кавказ мануфактурные товары. Горцам

Северного Кавказа, находившимся в дружеских отношениях с Россией, указ позволял провозить «холст и другие предметы, вывоз которых в Иран был временно закрыт».[38]

В ноябре 1764 г. Екатерина II подписала указ «о дозволении торговать в Кизляре кабардинцам и кумыкам беспошлинно собственными их продуктами». «Дозволение» торговать без пошлины относилось не только к кабардинцам и кумыкам, но возможно и к жителям некоторых чеченских обществ, так как под кумыками зачастую подразумевались «костюковцы, андреевцы, аксайцы, брагунцы, чеченцы и гребенчуковцы (герменчиковцы. - Я.А.)». Пошлинами по новому указу не облагались только продукты питания: зерновые, фрукты, масло и др.

В 1762 г. с товаров, привезенных из Кабарды, Грузии и горских аулов (в том числе чеченских) была собрана пошлина в сумме 2508 р. 86 к. С «отвозных» же товаров взято 2717 р. 19 к. В 1763 г. сумма пошлины на ввоз составила 2986 р. 5S к., а на вывоз - 2241 р. 27S к. К 1770 г. размер пошлины, собираемой в Кизляре, увеличился до 14000 рублей.[39]

Кизлярская таможня составляла перечень товаров, вывозимых горцами. В него входили: «холст, рыба, решеты, сита и мелкая посуда, ножницы, замки и другие мелочные товары, состоящие в ниских ценах». Много холста продавалось горцам непосредственно за Тереком. В основном его вывозили купцы в обмен на марену[40], которая затем применялась для крашения тканей на мануфактурах России.

Горцы привозили в Кизляр продукты земледелия, скотоводства и изделия ремесленников. Большим спросом, особенно в среде терского казачества, пользовались «горские кафтаны, шапки, колеса...». Особенно ценились тележные колеса чеченского производства, терские казаки даже обращались с ходатайством в сенат об освобождении их от таможенных пошлин.[41]

На значительные размеры чечено-казачьей торговли указывает и один из документов 1765 г., в котором Алисултан Казбулатов сообщает кизлярскому коменданту о намерении «подвластных своих до ста арроб отправить в казачьи городки для покупки съестных припасов: рыбы, соли и протчие». Чеченские князья по решению кизлярского коменданта пользовались правом выдачи разрешения горцам на въезд в русские границы для торговли, но торговцы часто ездили «самовольно... без позволения».[42]

Феодальные круги Чечни находились в наиболее привилегированном положении в торговых сношениях чеченских обществ с Россией. Как правило, они добивались беспошлинного вывоза товаров, купленных их агентами на кизлярском рынке. «Купил я здесь две буйлы с теленками и дваж двухлетны, все шесть, для себя, того ради, прошу вашего превосходительства о пропуске тех буйволов дать дозволения и для свободного проезда дать же билета», - просит команданта Кизляра князь Девлет-Гирей Черкасский. Другой князь - Расланбек Айдемиров обращается с прошением «дозволить купить для меня пять лошадей, да посуды оловянные один пуд...».[43] И таких фактов множество.

Развитие торгово-экономических связей Чечни с Россией способствовало укреплению русской ориентации чеченцев, а это в свою очередь влекло к усилению процесса расселения плоскостных аулов, увеличению их числа. В марте 1765 г. новопоселенцы на берегах Сунжи писали в Кизляр, что они переселились ближе к Тереку не только из-за благоприятных условий для земледелия и скотоводства, но и «чтоб повольно было ездить в казачьи городки для покупки холста и рыбы, и протчи кому потребностей».[44]

В конце 60-х гг. XVIII в. Кавказ вновь оказался в сфере соперничества великих держав. Османская империя стремилась сокрушить явно наметившуюся агрессию России на юг и сама надеялась захватить Кавказ, в частности подчинить себе народы Северного Кавказа.

Разжечь конфликт между двумя империями стремились и европейские державы, открыто провоцируя Турцию к войне с Россией. «Выдающуюся» роль в ускорении начала русско-турецкой войны сыграла, к примеру, Франция, имевшая большое влияние на политику Стамбула.

Война была объявлена турецким султаном 25 октября 1768 г. По словам турецкого историографа Ресми-эфенди, сторонники войны, отвергая мирные предложения России, говорили: «Это государство мечом добыто и мечом только может быть поддержано».[45] Военные действия начались в 1769 г. одновременно на Дону, в Подолии (Украина) и на Кавказе. Здесь царское правительство сформировало два корпуса: Закавказский и Кубанский. Первый, согласно договору России с грузинскими царями Ираклием и Соломоном[46], действовал в Закавказье, а второй, во главе с генералом Медемом, участвовал в военных действиях в западной части Северного Кавказа.

Еще до официального объявления войны Турция направила на Северный Кавказ эмиссаров с щедрыми подарками и призывами к войне с «неверными». 28 декабря 1768 г. в Кабарду прибыл адъютант крымского хана с султанским фирманом (имперским указом); воззвания были направлены и в Чечню.[47] Северокавказские народы в основном равнодушно отнеслись к требованиям турецких послов.

Однако некоторые чеченские феодалы. в частности Алисултан Казбулатов, еще в период подготовки русско-турецкой войны предпринимали попытки нападения на русские границы по причине отклонения властью некоторых их претензий. Вынужденный в марте 1768 г. принять новую присягу («вместе со своими детьми и народов вновь к Российской стороне быть»), с началом русско-турецкой войны Алисултан Казбулатов возобновил свои нападения.[48]

В феврале 1770 г. Медем вернулся с Кубани и со всем казачьим войском и несколькими эскадронами гусар перешел Терек для «наказания» Алисултана Казбулатова, переселившегося в глубь Чечни. Дорогу к месту его расположения указал другой князь - Расланбек Айдемиров. В результате сражения Алисултан Казбулатов «пожелал переселиться из горских ущелий на реку Сунжу, в то место, из которого он отлучился как бунтовать замыслил...». Успех русских войск объяснялся тем, что плоскостная Чечня не оказала широкой поддержки Казбулатову. К примеру, жители Чеченского общества писали коменданту Кизляра Потапову, что они верны своей присяге и «никакие противности не делали». Алисултан Казбулатов не только вновь принял присягу «подданства», но и привел к дополнительной присяге 5 своих деревень. Его племянники, братья Алибековы, также «приняли по своей просьбе присягу в подданстве и отдали младшего Алихана в аманаты».[49]

После принятия Казбулатовым и Алибековым присяги в Чечне появились послы из Крыма, но, узнав о вступлении своих союзников в русское «подданство», они, не отдав писем, спешно отбыли. Медем предложил Екатерине II объявить «прощение» чеченцам, на что она 19 августа 1770 г. подписала рескрипт, в котором выражалась надежда на «исправление» чеченцев; рескрипт читался во всех чеченских аулах при собрании старшин и народа.[50]

В 1770 г. Екатерина II распорядилась основать новую казачью линию от Моздока до Червленной. С Дона и Волги было

переведено 717 казачьих семей, разместившихся в станицах: Наурской, Мекенской, Ищерской, Галюгаевской.[51] Таким образом, цепь военной линии от Каспийского моря до Моздока замкнулась. Это был агрессивный шаг, дававший царизму возможность блокады горских народов Терека.

Вторая половина 1770 г. тем не менее, проходит сравнительно спокойно. Чеченские князья ездят в Кизляр и обратно, у Расланбека Айдемирова содержится даже казачья команда из 10 человек для его нужд.[52]

В то же время царское правительство делает шаги к расширению связей с западнонахскими общества. Это объяснялось стремлением господствовать в стратегически важном Дарьяльском ущелье, а также и тем, что «открытие (здесь) минералов великую пользу и прибыль принести могло б». В связи с этим Екатерина Вторая поставила условием защиты ингушей от врагов оказание ими помощи «в разрывании руд». Ингуши охотно соглашались оказывать посильную помощь «в разведывании руд в горах». Капитан Гастотти (Дегостодий), который в 1770 г. провел геологические разведки свинцово-серебряных залежей в «кистинских» горах писал: «Если бы корона возымела желание учредить в тех местах рудокопные заводы, сия нация не уклонилась бы и стала б на оных работать за умеренную плату».[53]

В феврале 1770 г. в Кизляр прибыло крупное посольство из 24 старшин из Ангуштинского общества, которое как «присланное от всего народа» заявило о решении «поступить в вечное Е.И.В. подданство». В ответ были направлены русские чиновники и духовные лица, чтоб «тамошний народ склонили к подданству и к присяге привели». В 1771 г. нахи-ингуши на деле показали верность этой присяге, когда российскими властями была организована экспедиция против тагаурского феодала Дударова (Дударукова), создавшего препятствие связям России с Закавказьем, где сражался с турками корпус Тотлебена. Вот как описывают эти события официальные документы: капитан Дегостодий (Гастотти) с войсками перешел Терек в феврале 1771 г. и вступил на территорию Чечни, где с помощью чеченских проводников прошел общества Алды, Гехи, Галаши, территорию карабулаков и, прибыв в Ангушт, потребовал помощи: «... и они в самое ж то время собрали ингушевцев более тысячи человек...». Присоединив к себе 1000 ингушей, Дегостодий вошел в Дарьяльское ущелье к владениям Дударова, который, не видя иного выхода, принес «покорность» и выдал 10 заложников.[54]

Во время похода Дегостодия 4 ингушских старшины, «ранее неподданных», от имени своих аулов принесли присяги «подданства». Они заявили о «раскаянии» в нападениях на русские команды, следующие в Грузию и обратно, и поклялись «впредь до сего времени пребывать к ея величеству непременно наивсегда в непоколебимой верности...».

Карабулаки тоже склонились перед военной силой России. Они «доказывали себя образы доброжелательными». Четверо старшин находились при Дегостодии и «употреблялись при всех нужных обстоятельствах». В следующем году часть карабулаков, поселившихся в районе нижней Ассы, при русских посланцах подписали присяжной лист и выдали аманатов.[55]

В 1774 г. русско-турецкая война завершилась поражением Турции. Позиция кавказских народов, не поддержавших Турцию в этой войне, несмотря на щедрые посулы и призывы султана, ускорила окончание войны. Горцы Северного Кавказа не поддались турецкой агитации, не задевавшей их подлинных политических интересов.

В ходе кампании по привлечению на войну «охотников» из горцев (для чего был создан специальный фонд в 5000 рублей) в Кубанский корпус Медема вступил чеченский князь Расланбек Айдемиров[56], вероятно, со своим отрядом. Он принял активное участие в действиях русских войск против турок в походе Медема за Кубанью. Имя Расланбека Айдемирова вошло в список лиц, представленных Медемом императрице с просьбой «о показании некоторой отличности». Следует отметить, что ингушские отряды принимали участие в составе грузинской армии в боевых действиях против турок в Закавказье.[57]

Однако участие народов Чечни в международных делах не ограничивалось указанными выше сюжетами. Когда летом 1774 г. крымская конница вторглась на Северный Кавказ и достигла Наура, до 3 тысяч чеченских и кумыкских всадников двинулись им на помощь. Однако этот отряд попал в засаду и был разбит, а крымский командующий потерпел поражение под стенами Наурской станицы. Интересно отметить, что гребенские казаки в тот момент были заподозрены властями в стремлении перейти на сторону крымского хана и бежать за Кубань. В том же 1774 г. чеченские отряды, на этот раз самостоятельно, напали на Наурскую станицу и опустошили её.[58] Дело здесь еще и в том, что занятие левого берега Терека от Червленной до Моздока очень осложнило хозяйственное положение горцев Чечни и тех же гребенских казаков.

Согласно условиям Кючук-Кайнарджийского мира, завершившего русско-турецкую войну в 1774 г., была провозглашена независимость Крыма от Турции, что позволило окончательно решить вопрос о Кабарде, политический статус которой был отдан на усмотрение крымского правительства. А крымский хан еще в 1772 г. официально признал Кабарду владением России.[59] Таким образом сфера официального доминирования России на Северном Кавказе уходила к западу, Кабарда перестала быть нейтральной страной.

Весной 1775 г. чеченский народ, недовольный вновь вспыхнувшими феодальными междоусобицами и деятельностью князей, начал выступления как против своих владельцев, так и против новых казачьих укреплений по Тереку. В Чечне не признавали право России на левобережье Терека, начиная от Червленной станицы.

Испуганные князья и состоятельные уздени обратились к царскому правительству с просьбой о помощи. Ротмистр Афанасий Батырев по возвращении из Чечни, где он присутствовал на съезде чеченских князей и узденей, донес: «...по приезде, на Сунже, нашел тут собравшихся владельцев... со своими узденями... изъяснялись, [что] они точно положили быть в одном согласии и оставя своих подвластных по их непостоянному из них некоторых жития... нехотя... и от российской стороны отстать обществом поселитца во одном месте... к себе принимать будут тех, кои других послушнее...».[60]

23 июля 1775 г. Медем с 2-тысячным корпусом регулярных войск перешел Терек, атаковал и разгромил три чеченских «Горячеевских» аула на Качкалыковском хребте.[61] После чего и в Чеченском обществе по Аргуну и Сунже наступила тишина: «...чеченский владелец Расланбек Айдемиров... по-прежнему в подданство принят... почему он как прежде по высочайшему Е.И.В. повелению получал 150 руб. жалованье и имел у себя казаков, караул тем же пользоватца должен». Кроме того Медем выделил ему четырех плотников для строительства его новой деревни на левом берегу Сунжи.[62]

В 1775 г. в Кизляре находились три чеченских аманата - двое из Чечен-Аула, обеспечивающих верность крупного Чеченского общества, и одни из Карабулака - сын узденя старшины Бузарты[63]:

Кто имяны и которых владений	Описание их фамилий	Кому во аманатах быть или кем переменить надлежит
1	2	3
Большого Чечня		
Бывшего чеченского владельца Хамзакая Алибекова родной брат Алихан Алибеков	Отец у него был чеченский владелец Алибек Казбулатов, а мать - чеченского владельца чеченского владельца Турлова дочь Пери Турлова. У отца его имеется узденских 20, холопьев 12 дворов, так же и знатных родственников	Оной во аманат взят в утверждение чеченцев от чинимых ими к здешней стороне противностей
Узденя Меймулата Хаспулатова сын Витерик Мамулатов	Брат у него чеченский уздень, во владении у него холопьев четыре двора подвластных, а родственников много	Оному быть надлежит
Карабулакской		
Узденя Бузарты Фирозова сын Кнана	Отец его Карабулакской деревни старшина Бузарты Фирозов, мать у него той же деревни старшинская дочь Зазай. У него еще сын Муса 12 лет, родственников имеет много	Оным для утверждения их в верности быть надлежит, а при требовании - переменить из их родственников»

В 1778 г. укрепили отношения с Россией и такие крупные чеченские общества, как Алды и Гехи. «В 1778 году, - пишет П.Г.Бутков, - Алдинская деревня с высочайшего позволения переселилась на реку Сунжу. В 1779 году гехинцы равномерно поселились против Наурской казачьей деревни и, считаясь подданными российскими, были охраняемы».[64]

Стремление горцев Чечни к установлению прочных, мирных связей с Россией сочеталось с борьбой против захвата земель царскими властями. Императорское правительство, пользуясь своими победами на Кавказе, проводило все более агрессивную колониальную политику по отношению к северокавказским народам. Так, было предпринято строительство новых укреплений по линии Моздок - Азов и усилена линия Кизляр - Моздок, серьезно ударивших по интересам целых народов.

Недовольные отнятием предкавказских степей, необходимых им для выпаса скота, организуясь в отряды, совместно с другими северокавказскими горцами чеченцы развернули наступательные действия против царских укреплений на Тереке. В частности, повстанцы из Чечни участвовали совместно с кабардинцами и черкесами (ополчение достигло 15000 человек) в осаде Марьинской крепости. 26 сентября 1779 г. генерал Якоби нанес здесь тяжелое поражение горцам.[65] Блестящая феодальная конница рядами уничтожалась огнем картечи и залпами каре регулярной русской армии.

В начале 80-х гг. XVIII в. ряд обществ и аулов плоскостной Чечни просили «о принятии их в подданство по-прежнему», и в январе 1781 г. присягнули «на вечное подданство». Были заключены различного рода соглашения. В соглашении жителей Чечен-аула и Аджи-Аула с кизлярской администрацией горцы обязались слушаться своих князей, не нападать на соседей, платить по 100 р. в случае убийства русского и 50 р. за «поранение», возвратить пленных после уплаты выкупа и не принимать к себе беглых русских. Царские власти обязывались выплачивать те же суммы за убийство или поранение чеченца, возвращали всех беглых холопов нехристиан, а за христиан уплачивали выкуп и отказывались от требования возврата трофеев, захваченных чеченцами до 1781 г.[66]

В 1781 г. чахкеринский владелец Алихан Нурмаматов решил поселиться на Сунже. в урочище Куллары. Около 100 дворов из «Чеченской, Алдинской, Атагинской, Шалинской и Кара-

булакской деревень» в феврале 1782 г. выражали желание поселиться на левом берегу Сунжи «и быть в числе рабов Ея (И.В.)».[67]

В новую деревню Расланбека Айдемирова после принятия «подданства» России в марте 1782 г. намеревались переселиться из горных районов около 160 дворов. В апреле присяжные листы подписали качкалыковские аулы.[68] За полтора года (к апрелю 1782 г.) на берегу Сунжи появились три новые «деревни», в количестве 300 дворов, «которые вступили в подданство Ея (И.В.)...». Между новыми аулами и старинными плоскостными разгорались поземельные споры.[69]

Враждующие стороны старались заручиться поддержкой царской администрации, а та искусно этим пользовалась. В Чечню для разграничения границ и «приласкания переселившихся» посылались специальные представители царских властей[70], отдельные аулы новопоселенцев объявлялись «под особливым Высочайшим покровительством», им навязывались в «начальники» феодальные владельцы.

Переселение части чеченцев ближе к берегам Сунжи и Терека было политически выгодно царизму. Не имея еще возможности продвинуть государственную границу непосредственно к аулам Чечни, царизм стремился приблизить их к русским укреплениям, сделать чеченцев союзниками или подвластными. Если «сей народ выведен будет из нор самых крепких, гористых и поселен на открытом месте, [то] и должен быть в верности»[71],- планировали официальные представители царских властей. Вместе с тем, необходимо отметить, что и горцам Чечено-Ингушетии переселение к русским границам давало определенные выгоды, так как они получали благоприятные возможности для торговли и общения с русским казачьим населением.

Нельзя не признать, что успехи России в завоевании политического влияния в Чечне в рассматриваемый период были значительными. «В исходе 1782 года от всех чеченских селений (имеется в виду Чеченское владение. - Я.А.), кроме Атаги, генерал-порутчик Потемкин получил аманатов... определил над чеченцами прежнего их владельца Асланбека (Расланбека. - Я.А.), а над горячевцами (жителями качкалыковских аулов. - Я.А.) Кучука, и оба они присягу от народа приняли».[72]

Аулы отказывавшиеся признать российский диктат в любой форме, царизм покорял силой. Так, в 1782 г. были организованы карательные походы на чеченский аул Атаги и ингушский аул Ангушт. Оба селения вынуждены были принять условия победителей и выдать аманатов.[73]

В Чечне осознавали, разумеется, колониальный характер политики царской России по отношению к стране, боролись против утверждения колониального режима, но вместе с тем необходимость политических и торгово-экономических связей с Россией, которые объективно были взаимовыгодны и жизненно важны, толкали горцев на дальнейшее углубление взаимоотношений с Россией. Эта глубоко осознанная необходимость приводила к тому, что процесс закрепления связей с Россией не прерывался, а расширялся.

В том же 1782 г. к российскому «подданству» вновь и добровольно обратились жители общества Герменчик. Они заявили кизлярскому коменданту: «...к вашей стороне... пребудем в непоколебимой преданности...». В январе 1783 г. князь Расланбек Айдемиров в Наурской крепости вручил командующему Кавказским корпусом П.С.Потемкину аманатов от Чеченского и Германчикского общества, являвшихся на тот момент одними из самых крупных в плоскостной части страны. Вторично выдал аманатов и аул Атаги, после предъявления П.С.Потемкиным ультиматума с требованием «раскаяния». Атагинцев заверили, что им со стороны России не будет никакой «обиды».[74]

Начало 80-х годов ознаменовалось новыми успехами Российской империи во внешней политике: были присоединены Кубань и Крым (1783 г.), Крымский хан Шахин-Гирей вынужден был отказаться от престола в пользу Российской империи. Манифест о присоединении Крыма в августе 1783 г. был прочитан в чеченских аулах: Атаги, Чечен-Аул, Алды, Шали, Аджи-Аул, Герменчик. По свидетельству документа, чеченаульцы и атагинцы искренне радовались тому обстоятельству, «что... между обеими державами (Россией и Турцией. - Я.А.) сделалось спокойно».[75]

Однако на взаимоотношения Чечни и России к середине 1783 г. несколько повлияли требования народных масс облегчить условия торговли на Северном Кавказе (дело в том, что царские власти запрещали чеченцам торговать с Кабардой и казачьими станицами без «билетов», то есть разрешений), возвратить захваченный казачьими атаманами скот, улучшить условия содержания аманатов в русских крепостях. Царские власти ответили отказом, хотя, по словам горцев, эти требования выражали стремление к осуществлению «одного спокоя» между сторонами. Был организован крупный поход на Чечню.

Важность, придаваемая этой акции царским правительством, видна из того, что организацией карательной экспедиции занимался Григорий Потемкин - всесильный фаворит Екатерины II.[76]

27 октября 1783 г. царские войска вернулись из Чечни после кровавого погрома чеченских аулов от Нижнего Карабулака до Атагов на левый берег Терека. Командующий Кавказским корпусом П.С.Потемкин направил ультимативное послание в Чечню, после чего чеченские старшины дали согласие на выдачу заложников и принятие присяги подданства. К ноябрю 1783 г. присягнули и чеченаульцы, атагинцы, шалинцы, аджиаульцы и гехинцы.[77]

В 1784 г. на смену «старых» аманатов прибыли на русский берег Терека новые от селений Чечен-Аул, Атаги, Аджи-Аул, Алды и Гехи. Как правило, они были из знатных узденских фамилий и закрепляли верность влиятельной прослойки чеченского общества. Содержание в аманатах детей семейств, игравших большую роль во внутриполитической жизни горцев, гарантировало царизму, что условия присяг подданства будут выполняться. В этом плане уже перестали брать заложников из княжеских домов, они не имели более влияния в обществе. Большой интерес представляет ведомость аманатов от 1 января 1784 г., характеризующая личности некоторых аманатов из Чечни, содержавшихся в русских укреплениях[78]:

Кто имяны и которых владений	Описание их фамилий	Кому во аманатах быть или кем заменить надлежит
1	2	3
Деревни Гребенчуковской Джавбатыр Зоришев	Его отец Гребенчуковской деревни Терделиевой фамилии уздень Зориш Батакаев, а мать Хазыга Гучусова той же деревни узденьская дочь, у него, аманатчика, есть два брата старше его: Сежибамат, Аджигерей и родственников много	Оному в аманатах быть надлежит

Кто имяны и которых владений	Описание их фамилий	Кому во аманатах быть или кем заменить надлежит
1	2	3
Деревни Атагинской Лачи Бертсланов	Его отец Атагинской деревни Ашпатливой фамилии уздень Бертслан Махаметов, мать Цада Алисолтанова: дочь Цонтарлиевой фамилии узденя Али Солтана Солтанбышева; родственников довольно	Оному в аманатах быть надлежит
Деревни Аджиаульской Исмаил Салмасаев	Его отец Аджиаульской деревни Джиуевой фамилии уздень Салмасай Алдуллаев, а мать, коя уже умерла, Абайха Магомышева, дочь Баксамышевой фамилии узденя Магомыш Масаева; у него, аманатчика, есть два брата: старше его Джинболат, а младше Бутта; и родственников довольно	Оному в аманатах быть надлежит
Большого Чечня Нарпи Ногаев	Его отец Большого Чечня уздень Ногай Мурзаев, а мать, коя уже умерла, Хистама Ногай Мурзаева... узденская дочь, у него, аманатчика, есть брат Намурза и родственников много	Оному в аманатах быть надлежит

Кто имяны и которых владений	Описание их фамилий	Кому во аманатах быть или кем заменить надлежит
1	2	3
Сулейман Джавбатыров	Его отец Большого Чечня Джавбатырь Алхолов, Айтанкалыевой фамилии, а мать Сулеймана - Ханисей Шишхаева, того Чечня узденская дочь; у него, аманатчика, есть три брата старше его: Иса, Даут и Мусса, и родственников много	Оному в аманатах быть надлежит
Деревни Гехинской Бамат Албеков	Его отец Гехинской деревни Нашахлыевой фамилии уздень Албек Дадаев, а мать, коя уже умерла, была Ати Уасова, дочь Харачуковой фамилии узденя Уасы Киахаева, и родственников много	
Деревни Карабулакской Цырка Дастков	Его отец Карабулакской деревни Булгашевой фамилии уздень Даск Кайносов, а мать, коя уже померла, была Гагук Албекова, дочь той же деревни Велуховой фамилии узденя Албека Каинкова; у него, аманатчика, есть два брата младше его: Темирболат, Джавбах, и	Господином генерал-порутчиком и действительным камергером и разных орденов кавалером П.С.Потемкиным от карабулаков взят другой аманатчик, то сего из аманата о выпуске ему господину генерал-порутчику представлено и требуется резолюция

Кто имяны и которых владений	Описание их фамилий	Кому во аманатах быть или кем заменить надлежит
1	2	3
Кнана Бузартыев	Его отец Карабулакской деревни уздень Бузарты Фиразов, а мать той же деревни старшинская дочь Зазай, у него, аманатчика, есть брат Муса, и родственников много	
Деревни Алдинской Есенбулат Умаев	Его отец деревни Алдинской Дишниевой фамилии уздень Ума Тункуев, а мать, коя уже умерла, была Сары Басуева, дочь Ансекеровой фамилии узденя Басула Дцагикова, у него, аманатчика, есть шесть братьев: старше его Бешто, Гайншов, младше Пошь, Магомат, Мурдар, Прочь, и родственников много	Оному в аманатах быть надлежит

Важным фактором, способствовавшим усилению и укреплению власти царизма на Кавказе, было окончание строительства Кавказской военной линии в 1777-1780 гг. Таким образом, берег Каспийского моря был соединен с Азовским морем непрерывным рядом крепостей, укреплений и станиц. Обширные земли за Линией по указанию правительства начали заселяться выходцами из России, в основном крестьянами. Особый интерес «к освоению недавно завоеванных территорий на юге страны» стали проявлять и помещики, что в немалой мере являлось следствием крестьянской войны 1773-1775 годов.

К 1775 г. русские дворяне и помещики получили в Предкавказье 403300 десятин земли, на них они переводили крепостных крестьян из имений центральных российских областей. С 1784 г. здесь стали возникать поселения из отставных солдат и вольных поселенцев.[79]

Важное политическое значение негативного характера имело строительство крепостей на западных границах расселения нахов. Здесь в 1784 г. были воздвигнуты крепость Владикавказ и укрепления Потемкинское, Кумбелей, Григориополис (на линии Моздок - Владикавказ). Надо отметить, что тот же Владикавказ был построен на землях ингушского аула Заур.[80] Эта крепостная линия не только разграничивала два сильнейших народа Северо-Восточного Центрального Кавказа, но и наносила самый серьезный удар по внутригорской торговле, имевшей подлинно жизненное значение.

Образование новых крепостей, городов, станиц и крестьянских поселений «значительно замирило Северный Кавказ».[81] Поэтому о колониальном характере этой политики царизма можно говорить определенно. Здесь преследовались две задачи: захватить новые земли и взять в блокаду горские народы.

В условиях увеличивающегося количества русского населения на Северном Кавказе, в условиях параллельно растущих потребностей между Россией и горскими народами развивались торгово-экономические связи.

Анализ торговых связей России с народами Чечни в 70-80-х гг. XVIII в. позволяет выявить значительный рост масштабов торговли. Так, в 1777-1783 гг. русские купцы вывезли к северокавказским горцам 1904149 аршин полотна, известная его часть попала и в Чечню. Так, в 1783 г. в ауле Девлет-Гирей были ограблены кизлярские купцы с тканями на сумму 800 р.[82]

В ассортимент товаров, вывозимых горцами из России (по данным конца XVIII в.), входили: бархат, парча, медная и деревянная посуда, ножницы, иглы, булавки, сахар, краски, соль и т.д. На эти товары русские торговцы получали «звериные меха, скотские кожи... овец, коней». Существенное место в экспорте горских народов, в том числе и чеченских, стало занимать текстильное и красильное сырье, а также строительные материалы. Горцы ежегодно продавали на Тереке 20000 пудов сырой марены, хлопок и пряжу, шелк-сырец, лес, а также мед, воск, пшеницу, просо, нефть.[83]

Развитие торгово-экономических связей Чечни с Россией привело к возникновению среди горцев своего рода «промыш-

ленников», живших «торговыми оборотами» с русскими. Торговцы старались регламентировать свои связи с русскими рынками специальными соглашениями. Известно, что в конце XVIII в. между кизлярским комендантом и чеченцами «для безопасности производства их купечеством торга зделаны были... условия».[84] Это говорит о важности торговых связей с Россией для горцев Чечни.

В 80-х гг. XVIII в. Россия присоединила к себе Крымское ханство вместе с его прикубанскими владениями, а р. Кубань была объявлена границей между Турцией и Россией на Северо-Западном Кавказе. Весной 1783 г. был подписан Георгиевский трактат о принятии Грузии под покровительство Российской империи. Эти события имели огромное значение для судеб Чечни. Заняв Крым и практически шагнув в Закавказье, Россия не могла мириться с независимостью северокавказских народов, ибо «ноги гигантской империи (Закавказье. — Я.А.), — по образному выражению К.Маркса, — были отрезаны от туловища».[85]

Возможность присоединения Чечни к России в 80-х гг. XVIII в. стала реальной, причем речь шла не о каком-то «добровольном вхождении», а о военно-политическом решении вопроса.

С середины 80-х гг. XVIII в. начинается новый, последний этап во взаимоотношениях Чечни с Россией - это был этап непосредственного насильственного включения ее народов в состав русского государства. Он затянулся на десятилетия и сопровождался масштабными военными действиями (переросшими, наконец, в первой четверти XIX в. в Кавказскую войну), поисками взаимоприемлемых условий мирного решения вопроса, огромными жертвами и страданиями. Молох войны, развязанной царизмом, погубил сотни тысяч русских солдат и рядовых горцев.

В 1785-1791 гг. Чечня выступает застрельщиком широкого народно-освободительного движения под руководством имама Мансура (Ушурмы). Оно охватило весь Северный Кавказ и лишило царизм шансов покорения народов Терека более чем на полвека.

В целом XVIII век явился важным периодом в истории взаимоотношений Чечни и России. Влияние России на многие стороны жизни края было в целом неоднозначным, ускорение процессов политического и социально-экономического развития чеченского народа сопровождалось и кровавым уроном.

Исследование проблемы, поставленной во главу нашей работы, позволяет сделать несколько выводов.

Русско-чеченские связи имеют многовековые традиции. Со второй половины XVI в., с приближением русской границы к берегам Каспия и Терека, они стали постоянными. Начинает зарождаться русская ориентация народов края. Её выражением было политическое сотрудничество местных феодалов с русским правительством, переселение сотен чеченских семей в русские укрепления по Тереку, совместная борьба русских и нахов с ирано-турецкими агрессорами, взаимозаимствования в культурной области.

Первые годы XVIII в. явились началом второго этапа русско-чеченских взаимоотношений, продолжавшегося до конца 40-х гг. XVIII в. Агрессия России в отношении Кавказа, бассейна Черного и Каспийского морей в этот период привела к усилению влияния русского государства на северокавказские народы. Немало способствовали этому поход русской армии в Прикаспий в 1722-1723 гг.

Строительство новых крепостей, увеличение русского населения на Северном Кавказе являлись сугубо колониальными мероприятиями, но приводили к усилению товарообмена между русскими и коренными жителями.

Аулы и общества Чечни приходят к необходимости закрепления связей с Россией в специальных актах - так называемых присягах «подданства», которые, конечно, с настоящим подданством ничего общего не имели. Местные феодальные владельцы, поддерживающие русскую ориентацию, наделялись солидными денежными пожалованиями дома Романовых.

К середине XVIII в. русская ориентация Чечни становится устойчивой и, на наш взгляд, превращается в основную внешнеполитическую ориентацию, конкурируя с турецким и иранским влиянием. Вторая половина XVIII в. в русско-чеченских взаимоотношениях протекала под знаком укрепления и расширения русской ориентации, обусловленной расширением политических и торгово-экономических связей. Масштабы товарообмена с Россией возросли настолько, что горцы оказались в определенной экономической зависимости.

С другой стороны, в этот же период благодаря тому, что Россия одержала победы над Турцией, присоединила Крым, Кабарду, установила протекторат над Грузией и закончила строительство

Кавказской военной линии, возникли внешнеполитические предпосылки покорения Чечни Россией. Однако национально-освободительное движение под руководством шейха Мансура и обострение международной обстановки отодвинули возможность присоединения той же Чечни на значительно более позднее время.

[1] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кумыцкие дела, 1756-1758 гг. Оп.121/1. Д.2. Л.11; Там же: Д.12. Л.16-19 об.; Цитируемые здесь документы представлены автору Исаевой Т.А. Кроме товаров, указанных в таблице, горцы в небольшом количестве вывозили кожу, котлы, точила, бараньи шубы, тележные доски, колеса, шкуры диких животных, ноговицы, кумганы, ружейные замки. См., так же: О кизлярской торговле // Ставропольские губернские ведомости. № 30. 1853.

[2] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кумыцкие дела. Оп.121/1. Д.2. Л.5; ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3584. Ч.2. Л.43.

[3] Киласов Р. из истории торговли в Дагестане (Конец XVII - 1 половина XVIII в.) // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сб. статей. Вып.5. Махачкала, 1974. С.185.

[4] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кумыцкие дела, 1756-1758 гг. Оп.121/1. Д.2. Л.22 об., 29 об. - 30 об.

[5] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3367. Ч.3. Л.66; там же: Д.3650. Ч.7. Л.28.

[6] См.: Архив СОНИИ. Ф.16. Оп.1. Д.1. Л.48; там же: Ф.33. Оп.1. Д.168. Л.93 (Копия); АВПРИ МИД РФ. Ф. Осетинские дела. 1767-1783 гг. Оп.128/11. Д.1. Л.233 об., 234; Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Т.1. сост. Г.Кокиев. Орджоникидзе, 1934. С.83-84.

[7] Ахмадов Я.З. Из истории чечено-русских отношений // Вопросы истории Дагестана: Сб. статей. Махачкала, 1975. Вып.2. С.298.

[8] См.: Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI-XVIII вв. Т.2. М., 1946. С.81-82; История Дагестана. М., 1967. Т.1. С.383; Кабардино-русские отношения в XVI- XVIII вв. Т.2. М., 1957. С.198-199, 200-201.

[9] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. 1755-1757 гг. Оп.115/1. Д.14. Л.1; ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3378. Ч.4. Л.48-49; Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII - 40-е гг. XIX в.) Рук. дисс. канд. ист. наук. С.327.

[10] РГВИА. Ф.20. Оп.1/47. Д.555. Л.44 об. - 45.

[11] АВПРИ. Ф. Кабардинские дела, 1758 г. Оп.115/1. Д.11. Л.51.

[12] РГВИА. Ф.20. Оп.1/47. Д.555. Л.104 об.

[13] Архив СОНИИ. Ф.2. Оп.1. Д.13. Л.61 (Копия).

[14] Головчанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. // ЗТОЛКС. № 11. Владикавказ. 1914. С.87.

[15] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1758 г. Оп.115/1, д.11. Л.134, 137, 139, 145, 149 об., 214; Материалы по истории Осетии... С.84.

[16] АВПРИ МИД РФ. Ф. Осетинские дела, 1757 г. Оп.138/1. Д.1. Л.25; там же: Ф. Кабардинские дела, 1758 г. Оп.115/1. Д.11. Л.137, 140, 142 об., 150, 163.

[17] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1758 г. Оп.115/1. Д.11. Л.163.

[18] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1758 г. Оп.115/1. Д.11. Л.137, 138-139 об.; 143, 146.

[19] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1758 г. Оп.115/1. Д.11. Л.146 об., 147-150, 176 об., 217; Головчанский С.Ф. Указ. соч. С.101-102.

[20] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3396. ч.1. Л.71, 61; АВПРИ МИР РФ. Ф. Кумыкские дела, 1762 г. Оп.121/1. Д.1. Л.1-2 об.; Головчанский С.Ф. Указ. соч. С.102-103.

[21] Головчанский С.Ф. Указ. соч. С.106.

[22] Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С.138-139.

[23] См.: Архив СОНИИ. Ф.16. Оп.1. Д.1. Л.54; АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1764-1767 гг. Оп.115/1. Д.5. Л.10-10об.; ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3318. Д.II. Ч.2. Л.125;

В некоторой части современной популярной литературы стало встречаться утверждение, что именно Россия способствовала заселению чеченцами равнинных земель. При этом игнорируется то обстоятельство, что равнина была обитаема еще за тысячи лет до проникновения

России на Кавказ. В XVIII в. равнинные земли по Сунже и Тереку находились во владении нахских аулов. Речь идет лишь о перенесении некоторых населенных пунктов или их отпочковании, а не об освоении новых земель. Обращение же к России отдельных аульных обществ с целью «защиты», преследовало цель оградить себя от нападений царских войск и феодальной верхушки соседей, нейтрализовать соперничество соседних аульных общин. Одним словом, в XVIII в. чеченцы вели не внешнюю, а внутреннюю колонизацию своих земель.

[24] Материалы по истории Осетии... Т.1. С.40, 48; Архив ЧИРКМ. Оп.3. Св.4. П.59. Л.1-3 (Копия).

[25] См.: Архив ЧИРКМ. Оп.3. Св.4. П.59. Л.4 (Копия); Материалы по истории Осетии... С.47.

[26] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Осетинские дела, 1762-1782 гг. Оп.128/11. Д.1. Л.18-18 об.; Материалы по истории Осетии... С.77-83.

[27] Дружинина Е.Н. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955. С.47.

[28] См.: Кабардино-русские отношения... Т.2. С.219; Ларина В.И. Основание Моздока и его роль в развитии русско-осетинских отношений // Известия СОНИИ. Т.XIX. Орджоникидзе, 1957. С.190.

[29] Смирнов Н. Россия и Турция... Т.2. С.87; Ларина В.И. Указ. соч. С.197.

[30] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1762-1772 гг. Оп.118. Д.1. Л.102, 126-147-157; Котиков С.Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т.IX. Ч.2. В.1. Грозный, 1972. С.66.

[31] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.272-273.

[32] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1762-1772 гг. Оп.118. Д.1. Л.4; ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3318. Д.II. Ч.2. Л.37 об.; Гантемирова Г.А. К истории карабулаков... С.67; Аджи-Муртазали был князем Эндерея и одновременно считался сюзереном Карабулака (Арштхой). Это было достигнуто им согласно институту «приглашения князей». Однако появлялся он на политическом горизонте Карабулака только время от времени.

[33] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3318. Д.II. Ч.2. Л.39-40 об.; АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1762-1772 гг. Оп.118. Д.1. Л.18.

[34] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3318. Д.II. Ч.2. Л.36 об., 37.

[35] Ахмадов Я.З. Из истории чечено-русских отношений // Вопросы истории Дагестана. Сб. статей. Вып.2. Махачкала, 1975. С.299.

[36] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3258. Ч.1. Л.1.

[37] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1764-1767 гг. Оп.115/1. Д.5. Л.8-8 об., Л.21; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С.299.

[38] См.: Тотоев Ф.В. Указ. соч. С.157-158; Тхамоков Н. Развитие ремесла и торговли в Кабарде в XVIII в. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1960. С.164; Кабардино-русские отношения... Т.2. С.215; Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во II половине XVIII в. - начале XIX в. Рук. дисс. канд. ист. наук. С.13; Смирнов Н.А. Указ. соч. С.85-86.

[39] См.: Кабардино-русские отношения... Т.2. С.233-234, 237, 243; [Фальк] Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т.VI. СПб., 1824. С.53.

[40] ГАСК. Ф.235. Оп.1. Д.1. Л.4 об.

[41] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1762-1772 гг. Оп.118. Д.1. Л.521; Кокиев Г. Сношения России с народами Северного Кавказа. Рукопись Рук. фонд. Института ИАЭ Дагестанского центра РАН. Ф.1. Оп.1. Д.47. Л.75.

[42] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3260. Ч.2. Л.19; там же Д.2272. Ч.2. Л.140.

[43] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3286. Ч.1. Л.5; там же Д.3216. Ч.1. Л.20.

[44] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3260. Ч.2. Л.70.

[45] Ресми-эфенди. Сок достопримечательного в сущности... // Библиотека для чтения. Т.124. М., 1854. С.5.

[46] Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Сост. А.Цагарели. Т.1. СПб., 1891. С.22-26.

[47] Смирнов Н.А. Указ. соч. С.94.

[48] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1766-1768 гг. Оп.115/1. Д.1. Л.14; Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России // АЭС. Т.II. Грозный, 1968. С.104.

[49] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1770 г. О.115/1. Д.3. Л.9-9 об.; ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3133. Л.28; Бутков П.Г. Указ. соч. С.300-301; Тавакалян Н.А. Указ. соч. С.100.

[50] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1770 г. Оп.115/1. Д.3. Л.10; Потто В.А. Два века терского казачества. Т.II. Владикавказ, 1912. С.104; Бутков П.Г. Указ. соч. С.301.

[51] Бирюков И. Несколько слов из истории Волжского казачьего войска // СОЛКС. Владикавказ, 1912. № 3. С.16.

[52] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3082. Л.23, 48.

[53] См.: Архив СОНИИ. Ф.38. Оп.1. Д.168. Л.170, 185; АКАК. Т.1. Тифлис, 1868. С.82; АКАК. T.VI. Ч.». Тифлис, 1875. С.800.

[54] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Сношения России с Грузией, 1768-1774 гг. Оп.110/2. Д.7. Л.421-421 об., 422 об.; Блиев М.М. К вопросу о присоединении народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории. 1970. № 7 С.50.

[55] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Сношения России с Грузией, 1768-1774 гг. Оп.110/2. Д.7. Л.422 об.; архив ЧИРКМ. Оп.2. Св.3. Д.5. Л.3; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.I. С.303.

[56] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1762-1771 гг. Оп.115/2. Д.6. Л.115 об. - 116; Бутков П.Г. Указ. соч. С.291.

[57] См.: История СССР. Первая серия. Ч.3. М., 1967. С.648; Смирнов Н.А. Указ. соч. С.99-100.

[58] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.I. С.494-496; Ч.II. С.22.

[59] Подробно о подписании, условиях и значении Кючук-Кайнарджийского мира см.: Дружинина Е.Н. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955. (Текст договора там же, приложение № 3). С.349-360; История Кабардино-Балкарской АССР. Т.1. М., 1967. С.170-172.

[60] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.2901. Д.1. Ч.2. Л.45 об.

[61] Там же. Л.55 об.

[62] Там же. Л.55 об., 56.

[63] Там же. Л.16-16 об.

РГАДА. Ф.23. Оп.1. Д.13. Ч.4. Л.282.

[70] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.2709. Ч.3. Л.11, 55; Там же: Д.2714. Л.18.

[71] Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.72.

[72] Бутков П.Г. Указ. соч. С.109-110.

[73] См.: Бутков П.Г. Указ. соч. С.109; Потто В.А. Указ. соч. С.143.

[74] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.2709. Ч.3. Л.118; Там же: Д.2701. ч.2. Л.71; Д.2637. Ч.2. Л.57-57 об.

[75] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.2685. Ч.3. Л.72.

[76] См.: РГАДА. Ф.23. Оп.1. Д.13. Ч.4. Л.242; ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.2685. Ч.3. Л.72.

[77] См.: РГАДА. Ф.23. Оп.1. Д.13. Ч.4. Л.339; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.II. С.114

[78] См.: РГАДА. Ф.23. Оп.1. Д.13. Ч.6. Л.275; АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1784-1785 гг. Оп.118. Д.1. Л.2-6 об.

[79] См.: Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. С.35, 39; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII - первой половине XIX века. Грозный, 1961. С.32-33.

[80] Ракович А.В. Прошлое Владикавказа. Владикавказ, 1911. С.17.

[81] Кавказец. Что сделала Россия для Кавказа под скипетром дома Романовых? Тифлис, 1913. С.4

[82] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.2701. Ч.2. Л.46; Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С.81-82.

[83] См.: РГВИА. Ф.482. Д.192. Л.164 об.; РГАДА. Ф.23. Оп.1. Д.13. Ч.6. Л.337 об. (Крымхана Айдемирова жалуется кизлярскому коменданту в 1784 г., что Бамат Девлетгиреев задерживает «пшеницы и проса» у проезжающих через его владения ее «подвластных»); Записки путешествия академика Фалька... С.63, 73; О выращивании чеченцами хлопка говорят и источники XIX в. - См.: Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев // Записки для чтения. СПб., 1848. Т.88. № 5-6. с.83; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С.45.

В первой трети XIX в. только плотового леса и таркалов чеченцы продавали в Кизляре на

сумму 40-50 тысяч рублей серебром ежегодно - См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д.18507. Л.19; Равинский. Указ. соч. С.446-447; Записки путешествия академика Фалька... С.63, 73; Гриценко Н.П. Указ. Соч. С.31.

[84] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.2412. Л.3; Материалы по истории Дагестана и Чечни... С.283.

[85] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.9. С.408.

Заключение

Подводя итоги данного исследования, следует отметить, что исторический путь чеченского народа на протяжении трех веков (XVI-XVIII вв.) был отмечен, прежде всего, расширением географической среды его обитания и завершением культурно-хозяйственного освоения ареала заключенного между вершинами Кавказского хребта на юге и равнинным течением Терека на севере, бассейном Ассы - верхнего течения Терека на западе и бассейном рр.Аксай - Акташ на востоке.

Одновременно шло взаимодействие нахов, по периметру складывания большого чеченского этноса, со всеми окружающими народами и политическими образованиями - аварцами, андоцезами, горными грузинами, кабардинцами, кумыками, ногайцами, осетинами и конечно русскими.

Возникновение во второй половине XVII-XVIII вв. нового системообразующего земледельческого и ремесленного района в плоскостной части Чечни, расположенной на пересечении транспортных маршрутов, и образование здесь чеченского княжества-государства (в самой ранней его форме) сыграло большую позитивную роль в развитии не только собственно Чечни, но и всего Северо-Восточного Кавказа.Политогенез чеченского народа протекал в соответствии с географией тех или иных объединений обществ и с учетом их культурного взаимодействия с соседними землями и народами. При этом необходимо учитывать и неравномерность в развитии исторически сложившихся зон Чечни: высокогорная, среднегорная, низкогорная, плоскостная и притеречная.

В целом процессы, связанные с возвращением-освоением нахским этносом определенного географического ареала, со складыванием преобладающего демографического и хозяйственного ядра на центральной части плоскостной Чечни, вели не только к складыванию некоего единого хозяйственного пространства, но и к поиску нового «идеологического» обеспечения сплочения местного горского социума. Это было связано также и со своеобразным запуском механизмов этнической консолидации, вызванным внешними вызовами.

Наряду с экономическими, политическими и идеологическими факторами указанного процесса надо учиты-

вать и фактор воспроизводства культурно единого населения через брачные связи. Во всех нахских (чеченских и ингушских) обществах господствовала экзогамия - запрет на браки среди широкого родственного круга, что понуждало к бракам между представителями разных обществ и регионов, порой отдаленных. В немалой степени по этой причине, нахские диалекты и говоры были весьма близки, а культурные признаки идентичны на всем протяжении ареала расселения носителей нахского языка, за исключением может быть нахов-тушинцев входивших в грузиноязычный район Тушетии.

Однако масса людей проживающая на единой географической территории и говорящая на одном языке не обязательно может составить «нацию» — народ с национальным самосознанием и определенной степенью организованного управления. Нацию создают века общей истории, общая религия, идеология, наличие государства и собственно «общество». В этом смысле общество и есть народ, нация. Именно в обществе вырабатывается понимание народного единства и солидарность в общенациональных делах.

Усиление в Чечне факторов цементирующих народное единство, к примеру, через господствующую религию (в данном случае ислам) совпало с вызовом внешней опасности со стороны восточных государств и Российской империи. Это привело в XVIII в. к складыванию «раннедемократической» по своему типу общественно-политической организации в Чечне. Данное обстоятельство позволило в дальнейшем (уже в начале XIX в.) вступить стране в открытую схватку с Российской империей за гегемонию на Северо-Восточном и Центральном Кавказе.

Распространение и утверждение ислама в Чечне в XVI-XVIII вв. как основной формы общественного сознания служило не только интересам растущего молодого этнополитического социума. Вся страна как этнический субъект включается в некую новую для себя систему миропорядка. Согласно базисным ценностям данного исламского миропорядка вся земля и власть на земле принадлежала Аллаху и любое мусульманское сообщество не могло подчиняться власти или идеологии вне ислама.

Вместе с исламом в Чечне распространялись и социально-правовые нормы и основы мусульманской культуры присущие для более развитых стран восточного мира. Характерно, что такая молодая мусульманская страна как Чечня, выступила в конце XVIII в. застрельщиком мощного религиозного и антиимперского движения на Северном Кавказе.

Таким образом, XVI-XVIII вв. в истории Чечни и в складывании ее исторической географии, предстают этапными. В начале исследуемого периода мы имеем несколько десятков горных обществ с естественными границами, проходившими по водораздельным хребтам, горным вершинам и глубоким ущельям, с ограниченной урожайностью крошечных террас и низкими пределами демографического воспроизводства. Незначительным, эпизодическим являлось и участие горцев края в жизни соседних народов и государств. С середины XVII в. ситуация меняется на противоположную, а уже к концу XVIII в. Чечня самая крупная по численности населения страна Северо-Восточного Кавказа, одна из самых развитых в экономическом отношении, обладающая сплоченностью и сильным политическим организмом "реагирующим на все явления, затрагивающие его части".[1]

Автор охотно сознает, что в данном исследовании скорее поставлено больше вопросов, нежели дано ответов. Однако без обозначения и решения проблем, которые здесь затрагивались, невозможным представляется переход к изучению истории Чечни и ее народа на уровне современных требований дня. Этот уровень предполагает не просто написание истории как некоей цепи событий, происходивших во времени и пространстве, а прежде всего осмысление истории. Нашим современникам предстоит осмыслить историю нахских обществ тысячелетиями существовавших на границе человеческих и природных возможностей под вечными ледниками высоких вершин Кавказа. Маленькие человеческие коллективы создали в границах своих горных миров космогонию, календарь, мифологию, право, поэзию, фольклор, медицину, архитектуру, совершенную систему природосберегающего, экологически совершенного хозяйствования, и т.д.

Постичь всю сложность и многообразие развития человеческого духа на примере данного района Земли известном под названиями Даймохк, Дег1аста, Нахчичоь, Чечня, Чеченская Республика, исследовать историю народа, который как сказочный исполин пробивал горы, воздвигал каменные башни и замки, распахивал целину равнин, перешагивал реки, строил аулы, валил лес, сражался сталью и порохом, молился Богу и искал дружбы, задача неимоверно трудная, но благодарная.

[1] Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892-1894 гг. м., 2008. С.140.

Список сокращений

АВПРИ МИД РФ – Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской федерации
АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии
АЭС – Археолого-этнографический сборник
Вып. – выпуск
ГААО – Государственный архив Астраханской области
г. – год
ЗТОЛКС – Записки Терского общества любителей казачьей старины
Изд. – издание
КБГУ – Кабардино-Балкарский государственный университет
КОИРГО – Кавказское отделение Имперского российского географического общества
М., - Москва
СПб. – Санкт-Петербург
НИИ – научно-исследовательский институт
Рук. дисс. канд. ист. наук – Рукопись диссертации кандидата исторических наук
Рук. – рукопись
РАН – Российская Академия наук
Ред. – редактор
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
СКНЦВШ – Северо-Кавказский научный центр высшей школы
Сб. – сборник
См. – смотрите
СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
СБ. ИРИО – сборник Императорского русского исторического общества
Стб. – столбец
С. – страница
Тыс. – тысяча
ЦГАРД – Центральный государственный архив Республики Дагестан
Ф., ф. – фонд
ЧИАССР – Чечено-Ингушская АССР
ЧИНИИЯЛ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

Приложение

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Чеченская автономная область

ОСНОВНЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ И СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ

на 1929-30 год

Издание Плановой Комиссии Чеченского
Областного Исполнительного Комитета

Владикавказ

1930 г.

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ На 1929—30 год.

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	Петропавловский округ. (Окр. центр. стан. Петропавловская)					
1	Первомайский сельсовет	25				
	Ст. Первомайская (б. хут. Васильева)		405	835	920	1755
2	Горячеисточненский сельсовет	6				
	Ст. Горячеисточненская (б. Барятинская)		206	320	360	680
3	Петропавловский сельсовет	—				
	Ст. Петропавлоская и Кутан		499	1127	1289	2416
4	Ильинский сельсовет	9				
	Ст. Ильинская их. Кохановск Белгатоевский		168	375	386	761
5	Старо-Сунженский сельсовет	8				
	Сел. Старо-Сунженское и раз'езд Ханкальский		535	1215	1197	2412
	Всего по округу	—	1813	3872	2152	8024
	Надтеречный округ. (Окр. центр. сел. Нижний-Наур).					
6	Ногай-Мирза-Юртовский сельсовет	35				
	Ногай-Мирза-Юрт. лесн. стор. Орешки, стор. Цидерхи, стор. Заболотная (б. Бельчик) кутан Селебихи и хут. Бугаев.		437	1189	1088	2277
7	Аду-Юртовский сельсовет (б. Кагерманская)	27				
	Сел. Али-Юрт. хут. Ялхазов и хут. Мажигов (Мамонтов)		434	1186	1106	2292
8	Бено-Юртовский сельсовет	25				
	Сел. Бено-Юрт (Дадин-дер)		495	1333	1126	2459
	Хут. Амти (быв. Маковкин), хут. Алимханов и Баталов		16	55	56	111
			511	1388	1182	2570
9	Мундар-Юртовский сельсовет	17				
	Сел. Мундар-Юрт (Чулик-Юрт), хут. Оду (Адуева), хут. Калаус (б. Эльдарова), хут. Калаус (б. Мазаева) и Адуев (Калаус) .		496	1444	1425	2869
10	Нижне-Наурский сельсовет					
	Сел. Нижний-Наур, хут. Касаева (Касин), хут. Умарова, хут. Чартов (Чартоевский) и хут. Эскин		745	1995	1880	3875

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хо-зяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
11	Верхне-Наурский сельсовет	4				
	Сел. Верхний-Наур (Лаки-Кири) и хут. Ша-		469	1179	1208	2387
	Хут. Калаус (б. В. Мазаев) и Эмасули (б. им. Мазаева)		18	58	57	115
			487	1237	1265	2502
12	Мекен-Юртовский сельсовет	5				
	Сел. Мекен-Юрт и хут. Таврическ. (б. Конев)		132	350	347	697
13	Зибир-Юртовский сельсовет	12				
	Сел. Зибир-Юрт (Ачкишк)		174	435	405	840
	Хут Какти (Кактин) и хут. Сельгиреев (Солта)		24	87	63	150
	Хут. Азарсаев и хут. Эльбизарова		5	24	15	39
			203	546	483	1029
14	Кень-Юртовский сельсовет	18				
	Сел. Кен-Юрт		350	884	873	1757
	Хут. Советский (Мациевых)		48	115	140	255
	Хут. Кень-Юртовский		17	50	42	92
			415	1049	1055	2104
15	Шеды-Юртовский сельсовет	23				
	Сел. Шады-Юрт (Чанты-Юрт)		305	821	769	1590
16	Аду-Юртовский сельсовет	30				
	Сел. Аду-Юрт (Ахкинчу-Бораз) и хутор Магомед-Коби		219	583	544	1127
17	Старо-Юртовский сельсовет	43				
	Сел. Старый-Юрт, хут. Сатита, хут. Ташхо и нефт. раз. Кархи		873	2148	1986	4134
18	Таштемировский сельсовет	24				
	Сел. Таштемирово (быв. Гунюшки)		107	308	258	566
	Всего по округу		5364	13388	32643	27632
	Урус-Мартановский округ. (Окр центр сел. Урус-Мартан).					
19	Алхан-Калинский сельсовет	15				

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мальчиков	Девочек	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	Сел. Алхан-Кала быв. стан. Ермоловская, Леспильный завод, Ермоловский раз'езд. жел. дор. будка №№ 718а, 718б. 719а, 719б, ссыпной пункт Хлебопродукта и мельница		354	864	742	1606
20	Алхан-Юртовский сельсовет	11				
	Сел. Алхан-Юрт		644	1393	1334	2727
21	Ново-Алдынский сельсовет	20				
	Сел. Новые-Алды		855	2065	2004	4069
	Жел. дор. будка № 727 и 729		8	11	11	22
	Мельница Галибаева (Усуби)					
	" Кирзабекова					
	" Кадиева					
	" Жабакаева					
	Примечание: Все мельницы вошли в с/совет Новые-Алды.					
	Мельница Сулейманова					
	" Эльмурзаева					
	" Кагерманова					
			863	2076	2015	4091
22	Чечен-Аульский сельсовет	22				
	Сел. Чечен-Аул		622	1475	1424	2899
23	Бердыкельский сельсовет	26				
	Сел. Бердыкель и хут. Комсомольский (быв. Чермоева и Курумова)		562	1219	1160	2379
24	Катыр-Юртовский сельсовет	14				
	Сел. Катыр-Юрт, хут. Ильга-Али (Илах-Али), хут. Янды, хут. Нютахчу и хут. Талхик		862	2079	1987	4066
25	Шама-Юртовский сельсовет	15				
	Сел. Шама-Юрт		330	730	744	1474
26	Закан-Юртовский сельсовет	16				
	Сел. Закан-Юрт. хут. Муцро, и мельница Багаева		513	1330	1240	2570
	Пос. Нур		49	110	84	194
	Раз'езд Закан		18	20	25	45
			580	1460	1349	2809

№№ по по-порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
27	Хадис-Юртовский сельсовет	13				
	Сел. Хадис-Юрт		243	504	507	1011
28	Шаложинский сельсовет	12				
	Сел. Шаложи		349	927	849	1776
	Хут. Шалож-чу и Бурка		14	29	52	81
	" Австрийский		28	80	66	146
			391	1036	967	2003
29	Валерикский сельсовет	13				
	Сел. Валерик					
	Мельница Мазаева					
	" Алхатова					
	" Эмазаева					
	" Алханова					
	" Маштаева		579	1420	1441	2867
	" Насуханова					
	" Сатаева					
	" Заурбекова					
	Хутор Кагерманов					
	" Эльмурзаев					
	" Шамсудов					
	" Ассиновский и Валерик-Чу		21	57	38	95
	" Исаев и Оздемиров		7	13	15	28
			607	1496	1494	2990
30	Куларинский сельсовет	14				
	Сел. Кулары		340	835	739	1574
31	Гехинский сельсовет	3				
	Сел. Гехи		959	2400	2311	4711
	Хут. Потаха, хут. Яюбов, хут. Ушлите и мельница Тасуева		11	28	32	60
	Хут. Махарби, Цата и Иса		12	50	30	80
	Хут. Айдари		32	81	77	158
	Хут. Бети-Ирза		6	7	9	16
	Хут. Рошни-Чу и хут. Сайдаев		19	146	50	96
			1039	2612	2509	5121

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
32	Тенги-Чунский сельсовет	10				
	Хут. Рошни-Чу		195	494	494	983
	" Арчи-ри-чу		16	44	36	80
	" Паши-Ирза		8	37	26	63
	" Чинхой-Ара		9	23	17	,42
	" Мартан-Чу		132	378	336	714
	" Чунгуро-Аки		55	138	135	273
	" Берим-Чу		96	274	205	479
	" Килхан-Ирзи		9	23	30	53
	" Селих-Кан		12	32	31	63
	" Тенги-Чу		144	371	331	702
	" Шовдан-Чу		74	181	178	359
	" Гехи-Чу		174	413	429	842
			924	2410	2248	4658
33	Урус-Мартановский сельсовет .					
	Сел. Урус-Мартан		2819	6940	6744	13684
34	Алхазуровский сельсовет					
	Сел. Ялхазурово		151	313	337	650
	Хут. Берсанов и Новроцкий		29	85	83	168
	" Джабраилов и Исаев		9	23	34	57
	" Ясагов и Матушкин		12	35	43	78
	" Гучиков		8	18	20	38
	" Батаев		9	25	20	45
	" Бакаев и Вагапов		12	44	40	84
	" Дубаев		35	74	81	155
	" Нагаев		22	56	64	120
	" Джах-Инчу		15	26.	32	58
	" Джамалаев		11	23	24	47
	" Шалиев		15	38	29	67
	" Араев		32	70	69	139
	" Энгелик-Чу		75	165	187	352
	" Калаев и Бакаев		10	29	25	54
	" Илашаев		10	20	19	39
	" Хильдихирой		20	38	45	83
	" Раз-орчу и Асуханов		25	64	45	109

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	Хут. Саралиев и Саламов		41	106	103	209
	" Гойчу и Мударов		35	105	92	197
	" Вер. Хачарой		26	66	62	128
	" Казенная караулка и Укаев		21	56	76	132
	" Арса-Мирзоев		40	103	107	210
			663	1582	1637	3219
35	Гойтинский сельсовет	7				
	Сел. Гойты		1537	3605	3618	7223
	Хут. Мустафинов и Чуликов		12	31	38	69
	" Цутиев		9	22	19	41
			1558	3658	3675	7333
36	Старо-Ятагинский сельсовет	15				
	Сел. Старые Атаги, выселок Коциев Абдула, мельница Сасуева Сагу, Месербиева Сосу, и Хайдаева Израила		1232	3064	2905	5969
	Лесопилка Идолбоева Манди		8	13	17	30
	Мельница Лкаева Эдила		6	14	13	27
	Лесопилка Бунина		6	11	7	18
			1252	3102	2942	6044
37	Чужичинский сельсовет	22				
	Хут. Чужи-Чу		68	202	180	382
	" Мереджой-Берем		54	139	120	259
			122	341	300	641
38	Мереджоевский сельсовет	39				
	Хут. Хайхарой		16	51	54	105
	" Кала, Форжант и Базант		22	81	63	144
	" Верхн. Герит и Джалч		20	55	51	106
	" Мужик		8	18	18	36
	" Цечахки		7	15	18	33
	" Докисх		28	91	78	169
	Нижн. Герит, Керт и Даких		18	48	50	98
			119	359	332	691
39	Ялхароевский сельсовет	30				
	Хут. Голи и Терха		6	21	27	48

№№ по по-рядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	Хут. Асики		17	53	43	96
	" Белахой		17	36	34	70
	" Верхний Ялхарой		23	65	72	137
	" Бауха		14	42	33	75
	" Нижний Ялхарой		14	26	30	56
	" Женч		9	20	19	39
	" Гурчи		29	91	78	169
	" Бончи		15	51	39	90
	" Кеченюх		16	49	41	90
	" Эрбань и Геличу		12	50	37	87
			172	504	453	957
40	Нашхоевский сельсовет	20				
	Хут. Нашхой (Хайбах)		30	86	72	158
	" Тестерхой		5	15	11	26
	" Мозорой		14	43	35	78
	" Чермхой		24	71	65	136
	" Хили		32	106	86	192
	" Ялхич-Ара		6	17	16	33
	" Дига-Яккич-Ара		14	50	40	90
	" Зерхи		12	41	36	77
	" Ажгечи		7	18	17	35
	" Сиха-Могусти		11	21	28	49
	" Дига-Могусти		15	40	45	85
	" Герби-Ахканчу		5	15	11	26
	" Мушечи		26	97	74	171
			201	620	536	1156
41	Аккинский сельсовет	32				
	Хут. Туште (Акии)		14	46	42	88
	" Бойцич (Акки)		19	57	58	115
	" Хечи и Тишле		11	30	32	62
	" Чекен-чи-нет и Орзме-Кале		12	37	37	74
	" Итер-Кале		11	41	43	84
	" Кереты		10	32	28	60
	" Зенгиль		10	41	17	58
	" Ердечи и Бици		7	19	16	35

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	Хут. Басара-Хахалга и Чурча .		5	14	11	25
	" Газук		26	74	58	132
	" Кеймахки		16	55	57	112
			141	446	399	845
42	Голанчожский сельсовет	35				
	Хут. Я м и .		14	53	36	89
	" Эйсилишки		10	26	26	52
	" Ак-Бас		22	62	57	119
	" Корчи		11	23	23	46
	" Кербечи.		16	38	32	70
	" Дербеты		12	32	25	57
	" Мочи и Чуши		12	39	36	75
	" Ачахки		13	43	41	84
			110	316	276	592
	Всего по округу		15518	38057	36513	74570
	Шалинский округ (Окр. центр. селение Шали).					
43	Устар-Гордоевский сельсовет	17				
	Сел. Устар-Гордой		372	710	677	1387
	Хут. Дехичу-Ирзо (Тулов)		15	39	31	70
	Стан. Аргун		6	7	5	12
	Казармы 797 килом.		5	9	7	16
			398	765	720	1485
44	Мескер-Юртовский сельсовет	10				
	Сел. Мескер-Юрт		531	1243	1160	2403
	Хут. Молли-Мохк		6	16	9	25
	" Умалат, (Оди-Гари), мот. Газаки-Мохк, Иса-Вдала и Докачу, Шерди-Аул и хутор Эльмурзаев		11	33	22	55
	Хут. Аргун-Чу, Атаги-Чу и Аргун-Систие		8	28	27	55
			556	1320	1218	2538

№№ по по-рядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
45	Белгатоевский сельсовет	7				
	Сел. Белгатой		243	544	600	1044
	Хут. Арган I и Арган II		6	11	12	23
			—	—	—	—
46	Ново-Атагинский сельсовет	9				
	Сел. Новые-Атаги		1027	2608	2411	5019
	Хут. Кохцулчу, мельница и хут. Сайхата-Кортаи, Гажри-Аул		8	22	18	40
	Хут. Джаунчу		9	19	12	31
	" Муси-Инчу		12	36	25	61
			1056	2685	2466	5151
47	Дуба-Юртовский сельсовет	20				
	Сел. Дуба-Юрт		518	1276	1279	2555
	Хут. Чури-Юрт		165	446	424	870
	Хут. Телинча-Ин, Нежин-Корта, Вощдирчи, Дюттина и Муртаз-Аул		8	12	11	23
	Хут. Хари-Дук, Через-Аргун и Атагой-Дук		5	11	8	19
			696	1745	1722	3467
48	Агаштинский сельсовет	12				
	Сел. Агашты.		190	431	391	822
	Хут. Самарал, Абдуила, Бойц, Адуза, Мюсли, Шана (Сате) Гуши, Сааду, Гуши II, Този и Хахира		12	30	25	55
	Хут. Худи (Шелхой-Басо) Самби, Джемалдин, Азима, Хито, Даша, Цузу, (Цуки-Шана) Маштаки-Хаха (Элисхан), Элинани (Дихи, Махмуд, Хаджи, Гуши (Шелихой-Басс) и Абдулрахманов		16	40	28	68
			218	50	444	945
49	Шалинский сельсовет					
	Сел. Шали		2778	6317	5976	12293
	Хут. Жели, Чармой-Дук, мельница Темирзай и Заза-Али		8	22	21	43
	Мельница Исаева, Шамилева, Хонума, Холаутхан, Заурова, Бобухаджи, Ганусова, Суркоза, Уис, Бодиева, Аюбова, Юкуева, Бетчуева, Метлиб, Мурад, Мадаев, Идритов, Дукиев, Цициева, и хут. Эрина-аул и мельница Хангиреева		27	51	46	97

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2		4	5	6	7
	Хут. Беси-Бераи		28	79	79	158
	" Дили-Аул		18	55	40	95
	" Харчи-Аул		5	7	10	17
	" Сали-Аул		9	26	15	41
	" Араб-Аул		13	39	33	72
	" Шаби-Аул		7	13	17	30
	" Мельчи-Эхкенчу		9	25	12	37
	" Урмни-Аул		9	14	16	30
	" Аргун-Чу		24	66	62	128
	" Гургача		8	32	25	57
	" Шели-Эхки-чу и Безин-Дук		23	73	61	134
	" Безеники-Аул		3	3	—	3
			2969	6822	6413	13235
50	Сержень-Юртовский с/совет	8				
	Сел. Сержень-Юрт		322	643	673	1316
	Хут. Агишпатой		44	99	93	192
	" Шахмалов		10	25	34	59
	Мельница Ячараева, хут. Герменчку и Саадукаев Ченчи		20	30	35	65
			396	797	835	1632
51	Герменчукский с/совет	3				
	Сел. Герменчук		754	1681	1708	3389
	Хут. Арган-Чу I-II-III, Кардони, Шавдинисти (Шавдан) Цонторой-Аул и Гаки Муситова		7	21	12	33
			761	1702	1720	3422
52	Автуринский с/совет Сел. Автуры	7	1134	2665	2654	5319
	Хут. Зама-Юрт (Земы-Катар), Новричу, Темиш-Жагчу, мельниц. Хасны-Сулях, Межил-Керах, Хаймирзи, Даши-Ирза, Али-Хубор, Гажу-Керах, и Тасу, Жала Лятин Корта (Автуринский)		15	24	11	35
			1449	2689	2665	5354

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хо-зяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
53	Гельдыгенский с/совет	12				
	Сел. Гельдыген		573	1256	1220	2476
	Хут. Ибу, Гоматочь, (Цемоевский) и Арцу		10	20	13	33
			583	1276	1233	2509
54	Цацан-Юртовский с/совет	12				
	Сел. Цацан-Юрт		726	1637	1606	3243
	Хут. Геляевский (Докучу-Шевдан)		10	24	20	44
	" Чинкиев (Хиза)		7	20	13	33
	" Сунженский (Сельжа)		19	37	30	67
	" Умаровский		14	26	16	42
	" Хулхулуев (Хулхула) и Бекены .		18	54	45	99
			794	1798	1730	3528
	Всего по округу		9822	22652	21678	44330
	Гудермесский округ. (Окр. Центр. сел. Гудермес)					
55	Брагунский с/совет	10				
	Сел. Брагуны		340	757	741	1498
	Хут. Тушинский					
	" Терексулов					
	" Таке					
	" Горячие воды					
	" Баклан-Барун		18	33	19	52
	" Брагуновский		43	43	—	43
	Брагуны разведочный район		5	11	12	23
	Хут. Аччи		106	218	221	439
	Раз'езд Брагуны		12	19	18	37
			524	1081	1011	2092
56	Ново-Юртовский с/совет	29				
	Сел. Новый-Юрт		313	744	678	1422
	Стор. Карасу и Кутан-Карах		7	15	5	20
			320	759	683	1442

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
57	Даут-Юртовский с/совет (Болгарский)	8				
	Хут. Даут-Юрт (Бачи-Юрт)		96	231	185	416
58	Амир-Аджи-Юртовский сельсовет	15				
	Сел. Амир-Аджи-Юрт		156	370	340	710
	Хут. Бата-Юрт		19	41	28	69
	" Эльжуркаев		15	32	26	58
	" Сулейманов и Гота Зимовкин		12	17	6	23
			202	460	400	860
59	Азамат-Юртовский сельсовет	19				
	Сел. Азамат-Юрт		104	211	196	407
	Хут. Бетерханов и Эскирханов		5	11	10	21
			109	222	206	428
60	Кады-Юртовский сельсовет	18				
	Сел. Кады-Юрт		37	69	58	127
	Раз'езд Кады-Юрт		16	26	22	48
	Хут. Шаудан		7	10	11	21
	" Мудар-Татан		41	77	72	149
			101	182	163	345
61	Энгель-Юртовский сельсовет	22				
	Сел. Энгель-Юрт		321	690	663	1353
62	Герзель-Аульский сельсовет	28				
	Сел. Герзель-Аул		191	434	983	1417
	Раз'езд Герзельский		18	29	17	46
	Зимовник Горский		3	4	—	4
			212	467	1000	1467
63	Ишхой-Юртовский сельсовет	28				
	Сел. Ишхой-Юрт		343	788	694	1428
64	Кошкельдинский сельсовет	23				
	Сел. Кошкельды		295	577	539	1116
	Хут. Черкол		10	20	22	42
	" Ани-Баш и Джеларги		17	34	30	64
			322	631	591	1222

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мальчиков	Девочек	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
65	Яллероевский сельсовет	20	501	1215	1123	2338
	Сел. Аллерой		476	1164	1076	2240
	Хут. Лллерой		25	51	47	98
66	Нойбердинский сельсовет	18	250	449	478	927
	Сел. Нойберды		35	46	32	78
	Нефт. вышка и пробн. нефт. вышки		9	17	14	31
	Хут. Науруз, Очархажи и Каим Давлет-мурзаев					
67	Ойсунгурский сельсовет	14	294	512	524	1036
	Сел. Ойсунгур и хутор без именования		238	432	342	774
68	Цонтороевский сельсовет	18	435	1012	843	1855
	Сел. Цонторой		12	28	25	53
	Хут Гериханов (Толжа-Ирзау) и Берханов (Махам-Бехачу)					
69	Бачи-Юртовский сельсовет	15	447	1040	868	1908
	Сел. Бачи-Юрт, мельница Ханчукаева Албек, и хут. Мичик		822	1753	1742	3495
	Хут. Юнус-Бяхчи, хут. Цици-Юрт, Газидук, и Яшин-Юртеб, Дыри		10 8	24 10	20 19	44 29
	Хут. Хасиханов		11	27	21	48
	" Али		14	15	—	15
	" Гул		10	13	—	13
70	Майортупский сельсовет	15	875	1342	1802	3644
	Сел. Майортуп, хут. Экки, Хажи и Вахабов		649	1466	1360	2826
71	Джугуртинский сельсовет	19	145	290	270	560
	Сел. Джугурты					
72	Курчалоевский сельсовет	14	749	1686	1588	3274
	Сел. Курчалой		15	40	34	74
	Хут. Эльджурки, Некихисты, Хулик и Айдемиров					
			764	1726	1622	3348

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
73	Элисхан-Юртовский сельсовет	6				
	Сел. Элисхан-Юрт		401	756	732	1488
74	Истисинский сельсовет	10				
	Сел. Исти-Су		244	440	378	818
	Хут. Инчик		18	45	39	84
	Вышки пробы бурения		17	20	14	34
	Хут. Джугурты		5	12	10	22
	Раз'езд Истисинский		6	8	5	13
	Хут. Джугурты 2 и 3 зим. Магаева и зим. Хатуева		40	46	2	48
			330	571	448	1019
75	Гудермесский сельсовет					
	Сел. Гудермес		748	1691	1527	3218
	Хут. Бара и Кахановский		13	32	25	57
	Нефтекачка Грознефти		20	50	38	88
	Буровая вышка и кирп. завод „Новый Мир"		9	27	14	41
	Гудермесский пост № 2		7	9	12	21
	Раз'езд Джалка		18	34	23	57
			821	1843	1639	3482
76	Поселок Гудермес	4				
	Поселок Гудермес		880	1562	1569	3181
	Всего по округу		8895	18766	17895	36661
	Ножай-Юртовский округ (Окр. центр сел. Ножай-Юрт).					
77	Ялхой-Мокхинский сельсовет	14				
	Сел. Ялхой-Мохк		140	315	285	600
	Хут. Демштык		14	41	24	65
	" Бокар-Бюри		6	17	14	31
	" Бильты		44	108	110	218
	" Цонторой		10	33	25	58
	Отс. Ахкинчу-Бара		77	172	171	343
			291	686	629	1315

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
78	Больше-Шуанинский сельсовет	16				
	Сел. Большие-Шуани		61	164	177	341
	Хут. Мацу и Солтамурад		12	32	29	61
	Отс. Малые-Шуани		65	155	146	301
	Хут. Ц и л а		б	11	13	24
	" Юнус		10	18	21	39
	" Маду, Чары, Куды и Шеды		14	36	26	62
	" Аласханов и Хуцой		11	21	30	51
			179	437	442	879
79	Турту-Хуторской сельсовет	14				
	Сел. Турту-Хутор		107	281	291	572
	Хут. Гожалкчу		54	139	119	258
	" Иса-Юрт		96	238	187	425
			257	658	597	1255
80	Алероевский сельсовет	12				
	Сел. Алерой		200	477	406	883
	Отс. Саурго		23	59	52	111
	Хут. Шавхал-Берд		71	156	157	313
	" Давлетбия		31	72	71	143
	" Бешиль-Ирзау		62	133	106	239
			387	897	792	1689
81	Саясановский сельсовет	12				
	Сел. Саясаи		137	282	232	514
	Хут. Хажи-Юрт		11	32	26	58
			148	314	258	572
82	Энгеноевский сельсовет	12				
	Сел. Энгеной		268	694	634	1328
	Хут. Гарбия		8	16	15	31
	" Бетти		14	39	31	70
	" Гума		22	54	55	109
			312	803	735	1538

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
83	Гендыргенский сельсовет	15				
	Сел. Гендырген		125	294	242	536
	Хут. Катарче		26	67	54	121
			151	361	296	657
84	Зандак-Аринский сельсовет	10				
	Сел. Зандак-Ара		189	436	412	848
85	Беноевский сельсовет	15				
	Сел. Беной		261	774	655	1429
	Хут. Булгат-Ирзау		95	286	283	569
	" Данги-Юрт		24	90	73	163
	" Курень-Бени		36	106	102	208
	" Гуржи-Мохк		103	281	256	537
	" Цольты		12	40	31	71
	" Терчи-Дук		20	48	59	107
	" Беной		66	153	129	282
	" Стерчи-Кертыш		39	71	80	151
	" Алхан		28	65	60	125
	Отс. Лепи-Кору		47	121	126	247
	Алхан-Чу и хут. Бекашель-Беной		45	126	100	226
			776	2161	1954	1415
86	Беной-Веденский сельсовет	17				
	Сел. Беной-Ведень		180	402	419	821
87	Датахлинский сельсовет	14				
	Сел. Даттах		150	358	340	698
	Отс. Чечель-Юх		160	433	423	856
	Хут. Закуни		30	72	81	153
	" Яхкал-Дихи		50	106	116	222
	" Мялхи-Баса		18	46	55	101
	" Сехар-Ишан		40	97	106	203
			448	1112	1121	2233
88	Зандакинский сельсовет	12				
	Сел. Зандак		458	1199	1054	2253

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	Отс. Семсир		100	306	280	586
	" Татай		71	175	185	360
	" Байтарке		127	385	370	755
			756	2065	1889	3954
89	Гилянинский сельсовет	10				
	Сел. Гиляны		252	657	609	1266
	Хут. Юрт-Отар		24	51	63	114
			276	708	672	1380
90	Бильтинский сельсовет	6				
	Сел. Бильты		176	519	499	1018
	" Роган-Каже		123	276	263	539
	" Бочим-Бар		70	148	155	303
	Хут. Мяхки-Итыш		83	142	120	262
	" Гарима		14	32	31	63
	" Сапая Барзаева (Сапай-Барза)		4	10	13	23
			470	1127	1081	2208
91	Ножай-Юртовский сельсовет					
	Сел. Ножай-Юрт		228	594	488	1082
	" Балансу		100	276	235	511
	Отс. Зама-Юрт		71	189	166	355
	" Чурчи-Ирзау		78	202	205	407
	Сел. Айты-Мохк		87	232	231	463
			564	1493	1325	2818
92	Мескетинский сельсовет	12				
	Сел. Мескеты		290	676	641	1317
	Хут. Сагунты		39	88	92	180
	" Замай		25	50	41	91
			354	814	774	1588
93	Галайтинский сельсовет	10				
	Сел. Галайты		144	337	289	626

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
94	Бетти-Мохский сельсовет	12				
	Сел. Бетти-Мохк		93	218	190	408
	Хут. Ишхой		21	57	50	107
			114	275	240	515
	Всего по округу		5996	15086	13925	29011
	Веденский округ (Окр. центр селение Ведено)					
95	Махкетинский сельсовет	22				
	Сел. Махкеты		357	806	826	1632
	Хут. Тинка-Гони		9	19	19	38
	Сел. Сельми-Таузень		134	396	355	731
	Хут. Дацу-Хотой		29	81	67	148
	" Зазарганы		48	132	148	280
	" Келой		19	57	43	100
	" Лени-Юх		11	38	37	75
	" Мавка-Дук		65	167	150	317
	" Пешхой-Лам		6	21	14	35
			678	1717	1639	3366
96	Таузенский сельсовет	20				
	Сел. Таузен		231	660	515	1175
	Хут. Маштак		7	19	22	41
			238	679	537	1216
9?	Хатунинский сельсовет	17				
	Сел. Хатуни		220	493	455	948
	Хут. Каркенды		41	93	87	180
	" Маштак		46	122	116	238
			307	708	658	1366
98	Элистанжинский сельсовет	10				
	Сел. Элистанжи		199	542	585	1127
	Хут. Нинендук, Коркендук, Ялсан и Диха-Ирзау		6	13	14	27

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	Хут. Аржи-Ахи		19	55	45	100
	" Це-Дук		11	29	33	62
	Маштак и Мамрш-Дук		14	41	25	66
			249	680	702	1382
99	Веденский сельсовет					
	Сел. Ведено		120	256	187	443
	Отс. Эшельхотой		70	172	145	317
			190	428	332	760
100	Дышне-Веденский сельсовет	2				
	Сел. Дышне-Ведень		512	1164	1043	2207
	Хут. Шамиля		21	50	47	97
	" Декиш-Дук		15	42	51	93
	" Гурун-Дук		6	16	10	26
	Мушун-Дук и Харчан-Веной (Хорган-Бас)		11	14	21	35
			565	1286	1172	2458
101	Хорочоевский сельсовет	8				
	Сел. Хорочой		215	473	590	1063
	" Зивирхи		45	126	98	224
	Хут. Хоче		14	49	34	83
	" Агазче		12	29	33	62
	" Тимикш-Юрт		11	28	21	49
	" Багатырка, Беканичу и Кехен-Чу (Ахк-Екенчу)		13	39	31	70
	" Беши-Ирзау		6	13	11	24
	" Шулук		18	29	34	63
			334	786	852	1638
102	Даргинский сельсовет	22				
	Сел. Дарго		470	1136	1058	2194
103	Белгатоевский сельсовет	12				
	Сел. Белгатой		283	642	578	1220
	Хут. Шели-Дук и Ирзе-Колха		15	36	30	66
	" Дехи-Дук		21	41	36	77
			319	719	644	1363

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мальчиков	Девочек	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
104	Тезен-Калинский сельсовет	17				
	Сел. Тезен-Кале		94	184	189	373
	Отс. Борзой		83	170	150	320
	" Ножи		110	225	239	465
	" Юкерчу-Гонха		89	184	172	356
	Хут. Веденте		46	120	93	213
			422	884	843	1727
105	Эресеноевский сельсовет	7				
	Сел. Эрсеной		243	529	507	1035
	Хут. Меччи-Ирзау и Басханов		9	19	22	41
	Хут. Яаева		8	23	20	43
			260	570	549	1119
106	Агишпатоевский сельсовет	8				
	Сел. Агишпатой		183	446	415	861
107	Ца-Веденский сельсовет	8				
	Сел. Ца-Ведень		197	513	469	982
	Хут. Джабраил		10	20	17	37
	" Шавхали		24	71	62	133
	" Беной		28	70	91	161
			259	674	639	1313
108	Гунинский сельсовет	12				
	Сел. Гуни		208	509	484	993
	Хут. Хажи-Аул		41	124	107	231
	" Меседой		14	37	40	77
	Отс. Мач-Ирзау		7	24	18	42
	Хут. Марзой-Мохк		50	144	144	288
	" Эршин-Халха		9	21	21	42
			236	859	814	1673
109	Эни-Калинский сельсовет	23				
	Сел. Эни-Кале		84	215	210	425
	" Курень-Беной		70	164	142	306

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хо-зяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	Хут. Хиди		102	247	217	464
	" Тенеурко		8	24	14	38
	" Саадула		5	9	13	22
			269	659	596	1255
110	Ячерешкинский сельсовет	17				
	Сел. Ачерешки		83	204	234	418
	Хут. Джанхой		51	138	104	242
	Отс. Регаты		83	199	188	387
	Хут. Ники-Хита		19	54	42	96
	" Катал		11	38	35	73
	" Таши		14	37	49	86
	" Долтука		11	36	35	71
	" Магоматхаджи.		8	18	16	34
	" Кегир-Дука, Ибрагим и Калима		12	35	32	67
			292	759	715	1474
111	Шерди-Мохкинский сельсовет	22				
	Сел. Газенчу		73	161	152	313
	Хут. Юнус. и сел. Шерди-Мохк		81	233	209	442
			154	394	361	755
112	Нижне-Курчалинский сельсовет	14				
	Сел. Нижние-Курчали		84	229	203	432
	" Средние-Курчали		77	183	136	319
	" Верхние-Курчали		85	193	168	361
	"Кини-Хита и разв. Нефтепромысла		29	14	13	27
			275	619	520	1139
113	Гордалинский сельсовет	22				
	Сел. Гордали и отс. Босо-Гордали		395	994	938	1932
	Сел. Хашки-Мохк		160	318	318	636
	Хут. Эди, Магомад, Бантай, Хайди, Дудаев Мурадов, Кагиров, Гачаев, Яндарханов, Яндарханов и Шавлаев		32	82	75	157
	Хут. Маасу		29	76	79	155
	" Бурти и Эльдаров		14	42	41	83
	" Духи, Айдемир и Рааду		15	32	43	75
			645	1544	1494	3038

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
114	Центороевский сельсовет	20				
	Сел. Центорой		272	651	606	1256
	Хут. Чаганак		79	210	200	410
	" Чалке		41	86	79	165
	" Ахкинчу		26	72	68	140
			418	1019	952	1971
115	Хиндоевский сельсовет	33				
	Хут Хиндой (Тахир Яул)		42	103	107	210
	" Каси-Аул		12	36	38	74
	" Андулай-Аул		9	28	28	56
	" Цети-Яул		9	25	15	40
	" Гендара-Аул		6	9	13	22
	" Макай-Аул		7	17	22	39
	" Дукаты		8	20	23	43
	" Умат-Аул и Мути-Аул		14	29	31	60
	" Осай-Аул		19	41	29	70
	" Хой-Яул.		5	9	12	21
	" Ховха,—Исти, Чечель-Хажи, Байдар-Желе, Цакуш-Аул и Бази-Аул		29	79	80	159
	" Тете-Аул		9	16	21	37
	" Шавхал-Аул и Гайрабых-Аул		14	34	34	68
	" Бурак-Аул		5	13	18	31
	" Анзали-Аул		7	18	16	34
	" Корта-Гона		8	15	16	31
	" Химой-Аул		11	32	31	63
			214	524	534	1058
116	Садоевский сельсовет	38				
	Сел. Орсак-Аул, Селеты и Витай-Аул		20	43	38	81
	" Умаали-Аул		16	37	37	74
	" Хаси-Аул		16	36	34	70
	" Гойты-Дук		7	14	10	24
	" Чикала-Аул и Туне-жи-Аул		17	42	47	89
	" Ухай-Аул		12	33	35	68
	Ценахой (Буни) и хут. Хади-Аул и Хавхи-Аул		52	148	140	288
	Сел. Цати (Саяой) и хут. Хаври-Аул		20	27	40	67

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	Сел. Арсой		21	59	44	103
	Хут. Чехи		19	47	50	97
	Хут. Ганат-Аул и Хануна		37	78	68	146
			237	564	543	1107
117	Ихароевский сельсовет	27				
	Сел. Хой		60	147	109	256
	Хут. Цанайчу		13	32	31	63
	" Хихиты и Кезеной		13	37	41	78
	" Омашки		9	23	24	47
	" Кари-Барча		12	27	27	54
	" Амбасо		24	57	61	118
	" Халаты		10	28	20	48
	" Кулини		14	35	33	68
	Сел. Ихорой		42	110	103	213
	" Хархорой		41	105	90	195
			238	601	539	1140
118	Макажоевский сельсовет	27				
	Хут. Макажой		19	33	38	71
	" Ноной		54	133	118	251
	" Готой		33	86	78	164
	" Ари-Аул .		62	152	144	296
	" Тундухой.		30	67	57	124
	" Алибеков		43	90	87	177
	" Цикарой		59	122	146	268
	" Жилишки		54	127	113	240
	" Цогар-Аул		5	18	12	30
			349	828	793	1621
119	Ригахоевский сельсовет	22				
	Сел. Дари-Аул.		41	151	140	291
	" Гази-Гари-Аул		15	42	34	76
	" Терсик-Аул и Дундой		28	68	81	149
	" Аулой		19	57	48	105
	" Апанчухой (Апанчи)		16	48	38	86

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	" Басахой		16	29	32	61
	" Маман-Аул и Кикай-Аул		9	20	24	44
			144	415	397	812
	Всего по округу		8035	19498	18298	37796
	Шатоевский округ. (Окр, центр сел. Шатой).					
120	Дайский сельсовет	16				
	Сел. Дай		82	215	209	424
	Хут. Аршанак		35	87	122	209
	" Тала-Тина		9	15	22	37
	" Харишты		10	41	29	70
	" Селаш-Дук		24	67	50	117
	" Бити-Желишки		14	40	33	73
	" Ига-Басо		10	26	41	67
	" Дехичу-Ирзе		36	87	91	178
	" Тишал-Коге и Чише		42	95	96	191
	" Анчук-(Анджюн) и Такунуш		22	61	65	126
			284	734	758	1492
121	Шароаргунский сельсовет	12				
	Сел. Шаро-Аргун		29	87	70	157
	Хут. Альтемиров		25	63	65	128
	" Басти-Ирзау		19	61	44	105
	Сел. Багачарой		26	87	70	157
	Хут. Сурук		24	68	57	125
	" Хаха-Цагуне		33	97	87	184
	" Барза-Ара		9	35	22	57
			165	498	415	913
122	Сальбюрииский сельсовет	16				
	Сел. Сальбюри		32	116	106	222
	" Ляшкарой		42	114	76	190
	" Нуй(Нюхой)		57	156	142	298
	Хут. Букказы		15	43	42	85
			146	429	366	795

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
123	Нижелоевский сельсовет	20				
	Сел. Нижелой		48	124	131	255
	Хут. Гойты-Дул		62	167	164	331
	" Кушти-Дул		13	27	35	62
	" Лангори-Аул		23	58	54	112
	" Гази-Аул		28	75	82	157
	" Джубиш-Аул		27	70	85	155
	Сел. Асхорой		28	71	68	139
	Хут. Чаданы-Аул		22	66	62	128
	" Махмад-Мирза		20	51	42	93
	" Дургай-Аул		42	104	106	210
	" Чурай-Мохк		34	93	81	174
	" Багатай-Аул и Байсагур-Аул		20	52	39	91
			367	958	949	1907
124	Чубах-Кенероевскии сельсовет	26				
	Сел. Чубах-Кенерой, хут. Каголга, Токар-Кан и Черночистки		61	159	153	312
	Сел. Кулай		25	65	69	134
	Хут. Жили-Аул, Абдула-Жили, Харунук, Камераузе, Антовинты и Антовюхи		20	44	53	97
	Хут. Беты, Дай-Басой и Чарги		21	53	57	110
	" Жили		37	80	58	138
	Сел. Басой		53	118	118	236
	Хут. Ачалой		22	63	55	118
	" Арин-Аул		15	43	29	72
	" Беной и Магир		19	59	49	108
	" Гехай-Аул		11	41	27	68
			284	725	668	1393
125	Нахчу-Келоевский сельсовет	27				
	Сел. Нахчу-Келой, хут. Дурчахой и Цубдарали		47	91	112	203
	Хут. Верхн. Иккот		50	92	103	195
	" Нижн. Иккот		24	69	64	133
	" Маанхой		14	37	35	72
	" Зархачу		16	41	45	86
	" Чарадой		19	43	42	85

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мальчиков	Девочек	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	" Кашто и Хиш-Кичу		35	110	83	193
	" Чуной		22	53	69	122
	" Хале-Юхе		13	29	33	62
	" Циндой-Нижний		28	64	72	136
	" Циндой-Верхний		29	38	28	66
	" Келой-Басо, Куирзо, Доко-Басо, и Узами-Гуты		29	73	66	139
126	Хулундоевский сельсовет	32	313	740	752	1492
	Сел. Хулундой		111	295	298	593
	" Кеселой		56	149	136	285
127	Шикароевский сельсовет	32	167	444	434	878
	Сел. Шикарой		120	304	330	634
	Хут. Киши		4	9	9	18
128	Хакмадоевский сельсовет	27	124	313	339	652
	Сел. Хакмадой		59	146	111	257
	Хут. Гои-я		11	24	34	58
	" Басо		5	16	17	33
	" Эрзе-Хечи-Лул		6	17	15	32
	" Верче-Босо		5	13	15	28
	" Молчхите		46	99	109	208
	" Верхний-Хашалдой		33	94	71	155
	" Дай-Килюшка, Хуландой-Боса, Булик-Корти и Торхудо		18	43	48	91
	" Эцелицы и Шезкалы		30	79	75	154
	" Хиндушты и Буши		34	87	90	177
129	Шароевский сельсовет	37	247	608	585	1193
	Сел. Шарой		167	440	396	836
	Хут. Чехалдой		61	146	135	281
	Сел. Джангулдой		34	102	89	191

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	Хут. Эсирхой		15	36	38	74
	" Дука-Корт		16	40	39	79
	" Говалдой		28	58	68	126
	" Борчи-Колешка		7	17	19	36
	" Нижний-Хашалдой		17	38	38	76
	" Гоя		13	42	49	91
	" Ирзай-Ара		10	23	26	49
			368	942	897	1839
130	Химоевский сельсовет	31				
	Сел. Химой		54	145	143	288
	Хут. Короты и Ялис		15	41	38	79
	" Сабенкор и Цесарки		10	25	33	58
	" Хиняой и Умаржила		13	29	23	52
	" Цейара		18	54	55	109
	" Кадот		14	41	39	80
	" Ангу-Чи, Цадак и Бечерид		64	173	157	330
	" Хиной		6	16	17	33
	" Цеси		4	10	16	26
	" Эхки, Чанха-Хи и Хорти		11	42	48	90
	" Хилой и Качал		10	30	27	57
	" Кали, Бекот, Кульидах (Конум) и Яжет		17	56	64	120
	" Курбан-Аул		7	21	16	37
	" Огоньчи (Эхайчу)		7	17	18	35
			250	700	694	1394
131	Конхинский сельсовет	42				
	Сел. Конхи		43	91	104	195
	" Чадари		68	133	194	327
	Хут. Инцабату		20	54	38	92
	" Бачакуху (Бетхума)		7	15	16	31
	" Кишари (Пури) Элихатин (Бицука), Манхе и отс. Хайкали		10	30	28	58
	" Анчилятин		13	28	29	57
	" Хачабек		17	35	28	63
	" Эхулжатин (Эхушкатин)		8	22	24	46
	" Хидицы		26	55	65	120

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1		3	4	5	6	7
	Хут. Бачарук		6	19	11	30
	" Хаджетли (Хадэшли)		21	49	53	102
	" Катарчек		13	37	43	80
			254	568	633	1201
132	Буттинский сельсовет	38				
	Сел. Бутти		33	98	87	185
	Хут. Чожа		to	20	23	43
	" Кулиня		13	32	34	66
	" Токумешки		16	35	34	69
	" Ахкечу, Мунчуре и Аха-аул		26	77	44	121
	Сел. Кири		9	21	21	42
	Хут. Ганхула		18	50	55	105
	" Гатын-чу и Ахула		12	40	30	70
	" Кесо		30	97	96	193
	" Цесохи		7	18	16	34
	" Попуара		7	22	22	44
	" Херчула		6	15	19	34
			187	525	481	1006
133	Чишкинский сельсовет	21				
	Сел. Чишки		114	283	279	562
	Хут. Джели		18	42	46	88
	" Кусал, Хандук, Яканчу и Игорт		29	74	83	157
			161	399	408	807
134	Дачу-Борзоевский сельсовет	19				
	Сел. Дачу-Борзой		163	417	382	799
	Хут. Ярыш-Морды		17	48	40	88
	" Манх-Даса		5	14	12	26
	" Могун-Такулы, Тинша-Есханчу, Тошчу		14	32	26	58
	Сел. Улус-Керт		151	404	318	722
	Хут. Байсахур-Корт, Дергюхи, Дергчу и Ист-Дука		14	41	38	79
	Хут. Вашдарчу		9	22	19	41
			373	978	835	1813

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
135	Шатоевский сельсовет					
	Сел. Шатой хут. Цети, Кагерманов и Чол-хун-чу		178	476	458	934
	Сел. Цогукой		59	126	112	238
	Хут. Токум-Халха, Тавзень, Уни и Караулка		13	27	38	65
			250	629	608	1237
136	Мал.-Варандоевский сельсовет	5				
	Сел. Малый-Варанды		114	308	322	630
	Хут. Папар-ин		6	12	21	33
	" Аргун-Исти		9	23	21	44
	" Гайтемир-Ирза и Даминдук		8	20	27	47
	" Кала-Ирзау		9	20	21	41
	" Карим-Дук		7	22	14	36
	" Шаки-Ирзау и Байрак-Ирзау		12	41	39	79
	" Сюроты		33	95	108	203
	" Караш-Дук		15	46	34	80
			213	587	606	,1193
137	Больше-Варандоевский сельсовет	6				
	Сел. Большие-Варанды		82	217	260	477
	Хут. Муртазали-Дук, Эсамби-Ирзау и Шати-Ирзау		21	54	70	124
	Хут. Гуруш-Дук		5	12	15	27
	" Джалаш-чу		14	44	30	74
	Сел. Сюжи		54	146	159	305
	Хут. Беркич-Вехача		7	19	23	42
	" Мустархой-Хати, Сюжи-Когты		16	48	32	80
	" Саина-Гуни		13	22	15	37
	" Сюжи-Тила		18	45	45	90
	" Ажгуинаниты и Джау-Вехичу		12	27	38	65
	" Далин-Дук		16	41	54	95
	" Алдан-Ирзау, Гой-чу, и Касалхан-Исти		13	29	36	65
	" Бети-Ирзау, Цаца-Вехачу и Мартан-чу		14	51	49	100
	Сел. Сюроты		97	277	256	533
	Хут. Биж-Дук		17	50	40	90
			399	1082	1122	2204

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
138	Херсаноевский сельсовет	11				
	Сел. Херсаной		107	295	302	597
	Хут. Зандак-Ирзау		14	38	33	71
	" Дахах-чу		24	71	59	130
	" Туштар-Ирзау		8	18	22	40
			153	422	416	838
139	Борзоевский Сельсовет	6				
	Сел. Борзой		249	535	578	1113
	Хут. Дука		19	38	32	70
	Сел. Рейдухке		57	138	139	277
	Хут. Духа-Халха		6	12	16	28
	" Тра-Ирзи		12	36	24	60
	Сел. Тумсой		62	164	148	312
			405	923	937	1860
140	Вашендороевский сельсовет	3				
	Сел. Нихалой		53	131	115	246
	" Чай-Мяхки		70	190	177	367
	" Вашендорой		88	175	194	369
	" Горгачи		14	37	26	63
	" Зонах		38	98	93	191
	Хут. Чалхбаса		11	21	19	40
	" Холхиной		18	55	43	98
	" Тавзень		5	13	15	28
	" Локах-Боршхой		8	25	18	43
	" Гуча-Ирзау		10	24	28	52
	" Толхзана		10	24	17	41
	" Духи-Боршхой		6	9	16	25
			331	802	761	1563
141	Бекум-Калинский сельсовет	3				
	Сел. Помятой		57	128	127	255
	" Гарш-Корт		63	140	151	291
	Хут. Верди-Кали и Бежи-Мохки		13	21	23	44
	Хут. Патурашка и Хой-Атала		13	44	27	71
	Сел. Бекум-Кале		45		87	176

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	Сел. Верди		28	12		140
	Хут. Барзой, Боби-Ирзау, Бешир-Ирзау и Гонши-Ирзау		16	34	30	64
	Хут. Джабраил-Ирзау, Айтемир-Ирзау и Музи-Ирзау		12	19	18	37
	Хут. Ногай-Ирзау и Шути-Дук		11	24	34	58
			258	571	565	1136
142	Саттинский сельсовет					
	Сел. Сатты		20	53	47	100
	Сел. Ург-Юх		58	162	50	119
	Сел. Юкер-Келой		60	136	136	272
	Хут. Тавзени		22	69	50	119
	Хут. Анувшон-Ирза и Эльмурзи		4	11	10	21
			164	431	396	827
143	Гатын-Калинский сельсовет	6				
	Сел. Мусен-Кале		30	64	65	129
	" Гатын-Кале		65	165	156	321
	" Диха-Исти		45	87	100	187
	Хут. Баст-Лага		27	61	68	129
	" Анали		17	56	43	99
	Сел. Беной		46	88	92	180
	Хут. Пайдука		35	85	87	172
	" Архи-Ирзо		6	21	20	41
	" Тени-Ирзо		8	27	27	54
	" Докуча-Дука		10	20	18	38
	" Юрчи-Ховхи и Шаркан-Кали		10	25	22	47
	" Мокузур-Корт, Инал-Диха, Беной-Ара и Ашанга-Чу		15	43	43	86
			314	742	741	1483
144	Хани-Калинский сельсовет	7				
	Сел. Маршин-Кале		40	89	79	168
	Хут. Гуты и Бижин-Мохк		29	87	89	176
	Сел. Хани-Кале		22	63	65	128
	" Гульси		56	147	129	276
	Хут. Чинара		8	23	20	43

по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Л. пу.	Домохозяйств	Число населения		
				Мальчиков	Девочек	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	Хут. Шипи-Юк		7	17	17	34
	" Гути		13	32	25	57
	" Цогал-Морды, Эти-Мохк, Гуни-Ирзо и Биша-Ирзо		16	42	33	75
			191	500	457	957
145	Хали-Калинский сельсовет	9				
	Сел. Хали-Кале		224	557	540	1097
	" Мусул-Таул		29	64	78	142
	Хут. Бежи-Мохк		7	21	23	44
	" Хахе-Босой		27	57	59	116
	" Амирхан-Мохк и Мужи-чу		33	90	97	187
	Сел. Саной		74	186	205	391
	Хут. Бари-Басой, Байсар и Горгача-Сану		17	42	45	87
			411	1017	1047	2064
	Всего по округу		6769	17244	16844	34088
	Итум-Калинский округ. (Окр. центр сел. Итум-Кале)					
146	Никароевский сельсовет	19				
	Сел. Никарой		27	79	69	148
	" Бушни		12	28	20	49
	" Барай		38	96	91	187
	" Гуири-Моцарой		10	22	26	48
	" Уголи		6	14	15	29
	" Уиты		22	67	65	132
	" Ушки		27	69	62	131
			142	375	348	723
147	Сандухоевский сельсовет	24				
	Сел. Сандухой		43	108	107	215
	Хут. Тяхах-Хюйнах и Алхахи		16	48	54	102
	" Кебасой, Митку, Лашки и Даг-Гони		26	79	72	151
	" Черх-Хахи		41	122	114	236
			126	357	347	704

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
148	Кийский сельсовет	27				
	Сел. Нижний-Кий		26	84	77	161
	" Верхний-Кий, хут. Кий-Вовлуши и сел. Шунды		27	78	63	141
	Сел. Бурты		14	36	32	68
	Хут. Гещи		7	18	21	39
	" Мештыр		5	14	9	23
	" Гемрай и Выгончу		8	19	14	33
	" Кий, Корах и Эршхиди		10	34	33	67
	" Угольчу и Цицой-Гала		11	29	19	48
	" Алохчу, Джели-Гурты и Милли		10	26	36	62
			118	338	304	642
149	Мельхистинский сельсовет	26				
	Хут. Басти		6	18	31	49
	" Ами		5	11	13	24
	" Хайха		6	12	17	29
	" Доза и Банахи		10	25	23	48
	" Кащнех		5	11	13	24
	" Коротхо		9	25	19	44
	" Нахорости и Цинци-Мохк		9	14	27	41
	" Вионисто, Сахано, и Икальчи		15	32	43	75
	Сел. Теретего		22	61	50	111
	Хут. Меши		7	20	13	33
	Сел. Джарего (Жарего) и хут. Комальхо (Ой)		28	73	76	149
			122	302	325	627
150	Баулоевский сельсовет	16				
	Сел. Баулой		19	130	142	272
	" Гезахой		16	39	49	88
	" Тончу		13	41	47	88
	" Юрдахой		16	39	47	86
	" Идахой		16	58	51	109
	" Куричой		14	34	29	63
	" Сенахой		5	14	11	25
	Сел. Джелишки		14	41	37	78
	Хут. Котты		I 7	18	17	35

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	Хут. Эльдино		7	22	27	49
	Сел. Кенахой		20	57	59	116
	Хут. Чах		7	22	24	46
	" Изанчу		8	24	20	44
	" Ценбасой		9	19	21	40
	" Пижи		11	19	24	43
	" Басхой и Харизатой		9	24	19	43
	" Дохчу		5	20	14	34
	" Арстахой и Цельтакули		11	29	19	48
			207	650	657	1307
151	Бенгороевский сельсовет	14				
	Хут. Беигорой и сел. Босохой		15	44	33	77
	Сел. Баархой		9	27	26	53
	Хут. Хачердахой (Хахадой) и с. Гузер-Калой		8	22	22	44
	Сел. Хурикой (Хурхой)		22	69	68	137
	" Джайнахой (Джайне)		19	72	55	127
	" Коттой		16	43	37	80
	" Медерхой		12	33	30	63
	" Каштерой (Кештарой)		10	19	21	40
	" Дакелой		5	19	5	24
			116	348	297	645
152	Гухоевский сельсовет	17				
	Сел. Гухой, хут. Дакари и Карбилой		46	122	115	237
	" Сейрой (Сайрой)		26	60	65	125
	" Каскалой		17	34	37	71
	" Хатушкой		36	87	96	183
	" Узматкалой (Усматкале)		19	48	49	97
	" Баухой		25	60	57	117
	Хут. Басахой		5	14	18	32
	" Хурикой.		7	22	24	46
	Сел. Чавхарой		41	111	102	213
	Хут. Цанашка		8	20	17	37
	Сел. Конжухой		11	30	32	62
			241	608	612	1220

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
153	Гучум-Калинский сельсовет	10				
	Сел. Гучум-Кале		59	127	135	262
	" Муст-Кале		13	29	40	69
	" Башин-Кале		34	78	76	154
	Хут. Чана (Чада) и Юкерч-Лант		11	18	12	30
	Сел. Гюри-ина		38	93	86	179
	Хут. Хойатаги и Агансу (Анучу)		4	14	9	23
	Сел. Варделн		35	84	77	161
	Хут. Окнатахой (Акантахой)		6	16	16	32
	Сел. Кирхитой		14	28	28	56
			214	487	479	966
154	Чинахоевский сельсовет	15				
	Сел. Ушкалой		11	34	49	83
	Хут. Бовчеты (Гардаты)		6	11	11	22
	" Чаби-Корт		6	15	14	29
	" Тути-Мохки		8	29	26	55
	" Конжух и Атаги (Дусен-Кале)		8	22	16	38
	" Духал-Калой		10	23	21	44
	" Точукало		И	19	22	41
	" Базандарой		20	40	29	69
	" Цихарой		24	47	51	98
	" Мюже и Хахи-Кого (Хакедарой)		9	18	23	41
	" Духурой (Дугурой)		16	29	33	62
	" Бугарой (Бугурой) Хавхарой, Царен-Кале, и Хали-Кале		25	58	58	116
	" Хушка (Хубах-Хошка) и Мюжи		30	77	75	152
	" Чинхой (Ушкалой), Кенахой и Хотушки		17	35	42	77
	" Оздахой (Юрдахой)		9	18	19	37
	" Сан-Кале и (Сов-калбасой)		13	21	22	43
	" Корташ-Кале		8	11	18	29
	" Ина-Еста, Эстахо и Чевкале		12	37	30	67
	" Зорт-Кале		5	17	12	29
	" Басхой		6	17	15	32
	" Кели-Кале, Ажи-Кале, Калу-Кале, Учум-Кале, Альби-Ара, Костула, Комашби, Мельчи-Ина, Ирзо, Асат-Кале, Ваарсте Гуто-Ирзо, Деми-Мяхки и Жал-Кала		27	63	78	141

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	Хут. Басохой		8	18	22	40
	" Дан-Кале		30	83	66	149
	" Эрдеты		14	39	45	84
	" Хахидук		18	48	54	102
	" Тамат-Ахки		8	28	29	57
	" Тюришки		5	13	11	24
	" Дюнкале		25	60	49	109
			389	930	940	1870
155	Дзумсоевский сельсовет	17				
	Сел. Кумурт-Кале		11	27	28	55
	Хут. Волгой и Мюзи-Мехки		14	39	35	74
	" Кешты (Кошты)		17	38	42	80
	" Дай-Кашка		8	20	18	38
	" Готи		10	19	15	34
	" Салеты		7	18	17	35
	" Дешкалой		5	12	14	26
	" Даккачу, Бюлучу и Эрки-Баса		13	24	22	46
	" Поари (Поврa)		12	26	35	61
	" Хильдихорой		14	29	33	62
	" Исмаил-Кале		15	44	41	85
	" Инал-Тяха, (Ина-Техи) и Мельдачи		16	53	48	101
	" Анкале, Деми-Ара и Махти-Кале		17	40	53	93
	" Наткала (Чета-Кала) и Азда-Кала (Адам-Кала)		7	15	21	36
	" Мужи-Ара		34	86	81	167
	" Сесачу		32	80	86	166
	" Чайнара (Четнара), Эшча-Ирза, Гензе, (Генза), Ровти и Дурзажи (Дурзани)		25	71	76	147
	" Хозхи (Ховха). Даркули и Ареши		42	98	110	208
	" Юкорашты		11	27	26	53
	" Хахи-Холха, Салаун-Кожа, и Али-Басо		12	30	28	58
	" Харки-Гики и Танат-Корта		14	36	37	73
	" Сосун-Чу, Чолха, Чочу-Кого и Асаж-Акачу		12	39	30	69
	" Дах-Кочу, Бели-Халке, и Берхача		24	57	62	119
	" Мелчи, Хибасо, Ремз-Ирзо, Инза, Госха, Гаты, Джама-Чагор, Махнаш-Ирзо, Гелитаго (Гелитхо) и Мацарка		25	58	57	115

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	Хут. Бичага, (Бичиха) Гожу-Хахи, Анжука, Самагулды (Самгулчу), Четай-Жале и Хозун-Цана		28	83	71	154
	" Амузи		14	37	39	76
			439	1106	1125	2231
156	Тазбичинский сельсовет	4				
	Сел. Тазбич		18	42	56	98
	Хут. Шулихой и Жели		12	24	30	54
	Сел. Занкале и хут. Гачкале		15	31	26	57
	Хут. Дзураб-аул (Зура-бончи и аул Хости)		25	69	53	122
	Хут. Баскале (Беяикале) и Урчешки		6	21	19	40
	Сел. Тачауль		5	14	12	26
	Хут. Хаскали.		35	89	84	173
	" Херихой и хут. Манчхал-я		19	45	41	86
	Сел. Гучалой (Гул-Калой)		27	54	44	98
	" Урчалой (Урчали)		48	109	113	222
	Хут. Хурикой (Хуруки)		19	48	45	93
	" Тичахой		12	33	29	62
	" Толкали		7	13	19	32
	Сел. Циргуда		6	13	17	30
	" Дерахой		22	46	54	100
	" Селед		31	75	80	155
	Хут. Юкар-Цамадой		23	53	48	101
	" Цамадой		35	83	95	178
	" Доргулчу		6	18	14	32
	" Данкале		23	44	58	102
	" Маршка		11	28	27	55
	" Сандари		5	8	9	17
	" Хотарой (Хатархой)		10	28	20	48
	" Хулкале		16	36	45	81
	" Эткале		8	14	17	31
	" Иткулишка		25	70	56	126
			469	1108	1111	2219
157	Итум-Калинский сельсовет					
	Сел. Итум-Кале		130	239	224	463
	Хут. Дуке		5	10	14	24

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	Хут. Мухнятки (Мухомяки)		19	45	41	86
	" Зазмерхи		6	11	9	20
	Сел. Нижний-Цюникой		7	12	11	23
	" Верхний-Цюникой Мужевидучи (Мужеживодич) и Барзурга		19	38	34	72
	" Баразалга		18	44	53	97
	" Нижний-Какадой		26	61	67	128
	" Верхний-Какадой		25	55	48	103
	" Сесахой		19	39	35	74
	" Херихой		10	16	26	42
			284	570	562	1132
158	Тусхороевсский сельсовет	5				
	Сел. Тусхорой		52	120	132	252
	Хут. Устам-Калой (Устан-Кали)		5	8	11	19
	Сел. Басахой (Бисхло)		35	88	83	171
	" Эзихой		21	57	61	118
	Хут. Барсанхло		5	17	15	32
	Сел. Бечик		41	102	89	191
	" Цацах		35	84	86	170
	Хут. Алекале		22	48	50	98
	" Пежеты (Пежи)		8	17	20	37
	Сел. Ботурчи		25	66	49	115
	Хут. Чучулллаж, Сакалой, Цогаты, и Челпадахой		18	42	45	87
			267	649	641	1290
159	Гамгоевский сельсовет	8				
	Сел. Колхадой		22	87	73	160
	" Гамгой		84	256	251	507
	Хут. Хари-Кале и Кортха (Кортука)		20	49	41	90
	" Хавхарой		19	58	51	109
	" Дукурчи (Дука) Кочевхо, Чурочка, и		9	19	23	42
	Сел. Атембай		82	214	216	430
	Хут. Черемкохов, Мужеда, и Кравки		37	109	104	213
	" Черганешка, Децинашка, и Базишко		13	38	23	61

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мальчиков	Девочек	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
	Хут. Пелашхой		35	93	96	189
	" Умичу, Цухалдук, Кандишка, Муцук,— Ирзан и Чижарган-Бера		16	42	43	85
			137	965	621	1886
160	Видучинский сельсовет	4				
	Сел. Видучи		29	81	81	162
	Хут. Моторой (Машарой)		22	58	64	122
	" Чегушкарой (Чайчашкорой)		18	41	47	88
	" Шаршаты		9	23	30	53
	" Шакалы (Чокалы)		19	44	51	95
	" Азди-Аул		6	20	13	33
	" Жати-Аул, Омичу, Бокчу-Кож, (Баханчу)		34	90	81	171
	" Кайти-Лул (Кайкаул)		12	38	29	67
	Сел. Селеты		64	147	145	292
	Хут. Оховчу, Гути, Музыка. Шертчу и Музултаки		21	36	49	85
			234	578	590	1168
161	Хильдихироевский сельсовет	28				
	Хут. Дюрушки (Дуршинхой)		26	62	57	119
	" Гаратхой (Гарзетхой)		8	23	14	37
	" Баженерой (Паже-Жердой)		12	28	21	49
	" Коресты		10	35	30	65
	" Саканкой (Саксихой)		22	64	57	121
	" Перой		28	74	66	140
	" Люпки-Хой (Лупко)		26	54	59	113
	" Пожахой		7	28	26	54
	" Цилхой (Целой)		16	46	42	88
	" Чамгой		20	48	51	99
	" Тюньхой (Тюлой)		10	28	17	45
	" Хозунчу		7	19	19	38
	" Халхой-Лама, Хангихой, Кархой и Кентихой		27	65	72	137
			219	574	531	1105

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
162	Цекалоевский сельсовет (Майстой сельсовет)	39				
	Сел. Цеколой		13	43	42	85
	" Пога		14	38	45	83
	" Тога		22	65	69	134
			49	146	156	302
163	Пешхоевский сельсовет	30				
	Хут. Пешхой		31	97	84	181
	" Саканжели и Хоч-Ког		14	39	38	77
	" Кейгучи и Химг-Хой-Хог-Ког		10	23	21	44
	" Килобас		10	22	38	60
	" Катали-Юрт		6	18	13	31
	" Чаданари и Шеристуш		21	58	57	115
			92	257	251	508
	Всего по округу		4065	10348	10197	20545
	Сунженский округ (Окр. центр. станица Слепцовская).					
164	Асламбековский сельсовет	5				
	Сел. Асламбековское		549	1573	1291	2864
	Стан. Серноводск		27	49	41	90
	Курорт Серноводск		30	29	10	39
	Хут. Таштиева и хут. Асламбековский		10	17	14	31
	Раз'езд Ассиновский и Ленин-Юрт		152	123	92	215
			768	1791	1448	3239
165	Самашкинский сельсовет	107				
	Сел. Самашки		591	1519	1357	2876
	Станица Самашки		25	44	42	86
	Хут. Серло		84	216	187	403
	Вод Водокачка		2	6	7	13
	Зим. Кутан		41	41	—	47
			743	1832	1593	3425

№№ по порядку	Наименование сельсоветов и населенных мест	Расстояние от насел. пункта до окр. центра	Число хозяйств	Число населения		
				Мужчин	Женщин	Об. пола
1	2	3	4	5	6	7
166	Ачхой-Мартановский сельсовет	11				
	Сел. Ачхой-Мартан		1006	2753	2586	5339
	Хут. Ашхочу		24	63	43	106
	" Мартан-Чу 1-й		12	22	25	47
	" Старый Ачхой		56	159	159	318
	" Чижиркан-Али		28	82	69	151
	" Сулейман Али I—II-й		20	47	44	91
	Хат. Ур-Али		13	20	25	45
	" Валерик		9	25	27	52
			1168	3171	2978	6149
167	Слепцовский сельсовет					
	Хут. Маковкин (населен. чеченцами)		24	94	98	192
	Стан. Слепцовская		1923	3701	4223	7924
	Пос. Слепцовский и ст. Слепцовская		42	102	99	201
	Хут. Маковкин		4	11	14	25
	Станция Слепцовская		50	92	86	178
	Жел. дор. будка		14	35	22	55
			2057	4033	4542	8575
168	Троицкий сельсовет					
	Стан. Троицкая (будка № 679)		1349	3186	3383	6569
169	Карабулакский сельсовет	12				
	Стан. Карабулак		704	1590	1737	3327
	Раз'езд Карабулак (будка 669 и 711)		6	17	11	28
			710	1607	1748	3355
170	Нестеровский сельсовет	8				
	Стан. Нестеровская		876	1899	2167	4066
171	Ассинский сельсовет	12				
	Стан. Ассинская		960	1995	2276	4271
172	Давиденский сельсовет	15				
	Хут. Давиденко		74	156	178	334
173	Вознесенский сельсовет	36				
	Стан. Вознесенская		866	4076	4653	8729
	Хут. Аки-Юрт		48	110	125	235
	Вознесенские промысла		22	42	48	90
			936	4228	4826	9054
174	Чемульга (Ини и Ганиев)	17	56	122	118	240
	Итого по округу		9697	24020	25257	49277
	Всего по области		75974	183787	178147	361934